

К. К. Эфендиев

ГОДЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Том 2

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
2010

ББК 83.3 (2Р-6КБ)
Э94

Книга выходит в авторской редакции

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Ж. Х. Вологирова, председателя Государственного комитета
по тарифам;
С. М. Лисовского, генерального директора «Кавказрегионгаз»

Эфендиев К. К.

Э94 Годы, события, люди: В 2 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Т. 2. – 492 с.

ISBN 978-5-93680-366-6

© К. К. Эфендиев, 2010
© Издательство М. и В. Котляровых,
2010

РАБОТА В ОБЩЕСТВЕ «РОДИНА»

Вернёмся к делам нашим в обществе «Родина». До моего прихода здесь в течение многих лет велась большая работа по установлению и расширению связей с соотечественниками, проживающими за рубежом. Моим предшественникам не без труда, но удалось узнать, в каких странах и крупных городах мира компактно проживают наши соотечественники – потомки царизмом изгнанных из родной земли адыгов всех племён и балкарцев. Была выработана стройная система общения с ними, со временем ставшая традицией. Правда, в одно время она дала серьёзную трещину: в 1980 году в Турции произошёл военный переворот, и новые власти запретили проживающим в этой стране нашим соотечественникам всякое общение с их исторической родиной. Схематично работа нашего отделения «Родина» выглядела следующим образом: ежегодно мы приглашали в Кабардино-Балкарию представительные делегации черкесских благотворительных обществ (ЧБО) Иордании, Сирийской Арабской Республики (САР), штата Нью-Джерси США, черкесских культурных центров Германии, центров культуры Северного Кавказа Турецкой Республики; в летний период принимали на отдых в оздоровительном лагере «Коммунальник» до 25 детей соотечественников из Иордании, Сирии и Турции и несколько активистов общественных организаций соотечественников на отдых и лечение в лучших санаториях курорта Нальчик; ежегодно для бесплатного обучения со стипендией без конкурса в Кабардино-Балкарский государственный университет и Кабардино-Балкарскую государственную сельскохозяйственную академию принимались от 25 до 40 молодых соотечественников и соотечественниц. В свою очередь, наше отделение общества «Родина» направляло в страны компактного проживания соотечественников представительные делегации, как правило, во главе с одним из членов правительства республики.

В отделении «Родины» ежедневно принимались приезжавшие в Кабардино-Балкарию зарубежные соотечественники из разных стран мира. Им оказывалась помощь в оформлении документов на

получение вида на жительство и гражданства СССР (позже Российской Федерации), в получении въездных и выездных виз, в розыске родственников, в решении других жизненно важных проблем (трудоустройстве, получении квартир, устройстве детей в школы и детские сады).

Всё вроде шло у нас нормально. Мы с Владимиром Михайловичем Фашмуховым, а после его ухода на пенсию – с Анатолием Касимовичем Кодзоковым трудились двенадцать-тринадцать часов и в рабочие, и в выходные дни. И при таком режиме не уставали, так как активное общение с зарубежными соотечественниками открывало нам всё новые и новые страницы жизни людей, сердца и мысли которых неизменно были обращены к исторической родине. После двух лет работы я понял, что, как ни совершенна сложившаяся уже практика работы с нашей диаспорой, она может быть улучшена при условии преодоления разобщённости между общественными организациями соотечественников, проживающих в Турции и Германии. В Турции насчитывалось тогда более 60 центров культуры Северного Кавказа, не связанных между собой единым, координирующим их деятельность центром. Я настоятельно посоветовал руководителям столичного (Анкарского) центра объединить их, создав федерацию. К их чести, они взялись за это серьёзно и создали Федерацию центров культуры Северного Кавказа, хотя вошли в неё 48 из 64. Это был хороший шаг вперёд и для них, и для нашего отделения «Родины». В тот же период у меня созрела мысль о необходимости создания международной черкесской ассоциации, призванной объединить все общественные организации адыгов и активно решать их этнические проблемы, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь стран их проживания. Правда, я не высказывал эту мысль открыто, считая, что ещё не наступила пора для этого: надо было ещё установить связь с адыгами, живущими в Германии, в девяти городах которой уже возникли и работали черкесские культурные центры. Подходящий момент для этого был уже не за горами.

Нам было известно, что наибольшее число адыгов, оказавшихся в Германии, проживают в городах Мюнхене и Нюрнберге. Черкесский культурный центр в Мюнхене – столице Баварии – возглавлял Хусни Гасташ (Кардан). Двадцатого января 1990 года я позвонил ему. Состоялся короткий, очень тёплый разговор. Условились, что

я и один из активистов общества «Родина» через неделю прилетим в Мюнхен, а он соберёт у себя к нашему прибытию руководителей всех черкесских культурных центров Германии. Двадцать восьмого января мы с управляющим Кабардино-Балкарским отделением «Интуриста» Анатолием Хасетовичем Санतिकовым вылетели в Мюнхен. В международном аэропорту этого крупного немецкого города нас встретила большая группа активистов Мюнхенского черкесского культурного центра во главе с Хусни Гасташем. Без всякой задержки и досмотра они провели нас через таможню и повезли в одну из лучших гостиниц столицы Баварии.

Первые дни наша делегация находилась в Мюнхене, встречаясь с соотечественниками в общественных местах и домашних условиях, знакомясь с достопримечательностями города и его окрестностей. Мы посетили бывшую резиденцию королей Баварии, превращённую в весьма интересный музей; Олимпийскую деревню («Olimpiapark»), ставшую любимым местом отдыха горожан; головной завод известной автомобильной фирмы «БМВ» и его музей. Нам показали даже гитлеровский концлагерь со зловещим именем «Дахау». Много внимания и времени уделили нам в ходе экскурсий сам Хусни Гасташ, его друзья и соратники по работе в Черкесском культурном центре – кабардинцы Адмирал Дашдемир (Дигешев), Энвер Мютлу (Ныров), Масхуд Шурдум, Сеф Дидан (уроженец селения Сармаково Зольского района КБР), Эртан Чокара, абзех Реджей Туна и другие соотечественники.

Второго февраля в Мюнхен съехались руководители черкесских культурных центров городов ФРГ: Нюрнберга – Гулизар Аккая с супругом Серветом, Вуппертала – Юсуф Билга, Цвингенберга – Батрай Озбек, Кёльна – Ихсан Салех с Умитом Фиданоглу, Западного Берлина – Джашкун Аргин и Эргун Даг. К удивлению нашему, приехали также два соотечественника из Голландии – Фатхи Реджеб и Орхан Арит, выходцы из далёкой от Королевства Нидерландов Сирийской Арабской Республики.

Третьего февраля состоялась наша продолжительная встреча со всеми руководителями и активистами черкесских культурных обществ Германии и Голландии. Она прошла в помещении Мюнхенского общества в обстановке откровенности, взаимопонимания и дружбы её участников и завершилась интересным концертом са-

модеятельного ансамбля танца Мюнхенского черкесского культурного общества.

Вечером нас с другими гостями пригласил к себе на ужин наш земляк Сеф Дидан. К концу ужина, прошедшего оживлённо и весело, я обратился к собравшимся со словами:

– Дорогие братья! В Германии черкесских культурных центров девять, а наше отделение общества «Родина» – единственное пока на Северном Кавказе. Вам надо бы объединиться и создать единый центр, с которым нам легче будет поддерживать постоянные связи и плодотворно сотрудничать. По нашей просьбе в Турции уже завершается процесс создания Федерации центров культуры Северного Кавказа со штаб-квартирой в столице страны – Анкаре. После того как и вы объединитесь в такую федерацию, мы с вами займёмся созданием международной адыгской ассоциации. Думаю, что это с одобрением будет встречено всеми адыгами мира.

Мы с Анатолием поздно вечером простились с участниками дружеского застолья и, сердечно поблагодарив Сефа, хозяйку дома Юксель и двух их дочерей, вернулись в отель. Рано утром 4 февраля заехал за нами в гостиницу Хусни Гашташ и с улыбкой на устах объявил нам:

– Могу обрадовать вас. Мы уже приняли решение о создании Федерации черкесских обществ Германии с центром в Мюнхене.

Для меня и Анатолия Сантикова это сообщение явилось большой радостью. После завтрака здесь же, в отеле, мы в приподнятом настроении выехали в Нюрнберг – один из наиболее крупных городов Баварии, город, где проходил знаменитый Нюрнбергский процесс (20.11.1945–01.10.1946), на котором главные военные преступники фашистской Германии были привлечены к ответственности Международным военным трибуналом. По отличной автострате наша машина неслась со скоростью 160–180 километров в час. Справа и слева от дороги, словно ограда, тянулись высокие металлические шпалеры, на которых выращивается хмель для производства знаменитого баварского пива, поставленного здесь на индустриальную основу. В Нюрнберг мы прибыли благополучно, не испытывая никакой усталости.

В тот же день состоялась продолжительная встреча с активом Черкесского культурного центра, которым руководила тог-

да умная и энергичная Гулизар Аккая, работавшая на одном из крупных предприятий города. Встреча проходила в волнующей обстановке – ведь её участники, родившиеся и выросшие в Турции, до нас не общались с соплеменниками с исторической родины адыгов. Мы с Анатолием дали обстоятельные разъяснения по всем вопросам соотечественников, которые в основном касались жизни народов Кабардино-Балкарии, её положения в семье советских республик, происходящих в нашей стране перемен и событий. Отрадное впечатление произвела на нас целеустремленная заинтересованность, с которой работают в культурном обществе его руководители Гулизар Аккая, её заместитель Невин Шурух, члены правления Мехмет Авдаш, Низаметтин Чиназ, Рахли Яшар, Мустафа Бярк, Метин и Мухиттин Шурухи, Джемиль Ельтин и врач Махмуд Барисби.

Почти весь день 5 февраля мы знакомились с Нюрнбергом и, должен сказать, что он произвёл на нас отличное впечатление: чистота улиц с зелёным нарядом, убранство домов, невысокие ажурные металлические ограды усадеб и многое другое. Увидев всё это, я попросил наших хозяев показать одно из городских кладбищ. И что же? Мы были поражены: идеальная чистота, прямые тротуары, ярко освещённые электрическими огнями, аккуратные, окрашенные в зелёный цвет скамейки возле каждой могилы. Короче говоря, порядок там, как в образцовом парке культуры и отдыха.

Вечером того же дня член правления общества доктор Махмуд Барисби, работающий хирургом в Кардиохирургической клинике Нюрнбергского университета, находящийся в городке Эрланген, пригласил нас познакомиться с условиями работы этого важного медицинского центра. Мы охотно приняли его предложение и вместе с Гулизар и Серветом Аккая поехали в этот городок. Эрланген расположен в очень интересном, покрытом высокими соснами гористом пригороде Нюрнберга и как нельзя лучше подходит для медицинского учреждения. Здесь тихо, дышится легко. Сама клиника – чудо рукотворное. Никогда и нигде я не видел столь удобного для лечения серьёзно больных людей заведения.

Махмуд показал нам две свои просторные палаты, в которых лежали четыре прооперированных им солидных немца. На моё приветствие и вопрос: «Guten Tag! Wie gehtes?» – пациенты Махмуда от-

ветили в обеих его палатах: «Guten Tag! Danke, gut» («Добрый день! Как дела?» – «Добрый день! Спасибо, хорошо!»).

Оттуда мы направились в большую светлую лабораторию, состоящую из трёх смежных залов, оборудованных новейшими аппаратами японского и германского производства. Здесь мы видели своими глазами работу сердца тщательно обследуемого больного. Дальше, в соседнем зале, три врача в белоснежных халатах делали заключение, нужна ли больному операция на сердце или нет. В девять часов вечера мы вышли в просторный коридор. Махмуд предложил нам встретиться с главным врачом клиники.

– Как? – удивлённо спросил я, – разве он может быть здесь в такой поздний час?

– Профессор наш редко покидает клинику раньше девяти вечера, – ответил он, улыбаясь.

Солидный голубоглазый человек, около двадцати лет возглавляющий эту, известную в ФРГ, Кардиохирургическую клинику, приветливо встретил нас и, включив кипятильник, повёл неторопливый разговор о клинике и её работе. Через несколько минут, сделав небольшую паузу, он предложил нам кофе, от которого мы не отказались, считая это неудобным, наша беседа продолжалась более часа. Мы спрашивали его, он отвечал, он спрашивал нас – мы отвечали. Когда он спросил, под конец, есть ли в столице Кабардино-Балкарии кардиологическая клиника, я ответил:

– Дорогой профессор, мы благодарны вам за тёплый приём, будем счастливы увидеть вас на нашей земле. Если вы решите навесить нас, мы с радостью встретим вас, покажем вам и столицу нашей республики, и знаменитое Голубое озеро, и Чегемские водопады, и даже высочайшую вершину Европы – Эльбрус. Приезжайте, пожалуйста, в любое, удобное для вас, время. Кстати, вы посмотрите и Кардиологический центр Нальчика, познакомитесь с его работой.

Мы с Анатолием вручили профессору свои визитные карточки. Он провёл нас до центрального подъезда клиники и вернулся к себе, а Махмуд повёз нас в небольшое кафе, окружённое со всех сторон соснами, и заказал ужин из блюд традиционной немецкой кухни. Молодой официант быстро исполнил заказ, аккуратно расставил все блюда на столе и перед каждым из нас поставил полулитровую кружку знаменитого баварского пива. Мы никуда не то-

ропились, пили, ели и говорили о многом, так или иначе связанном с национальными проблемами адыгов. Вдруг около полуночи под столом раздался протяжный звонок. Махмуд нагнулся и, достав из своего портфеля мобильный телефон, произнёс:

– Добрый вечер, фрау Мария! Не волнуйтесь, через полчаса я подъеду к вам.

– Меня вызывает пожилая женщина, встревоженная обострением своей болезни, нам придётся поторопиться, – сказал он, обращаясь к нам. – За каждым из нас, докторов, независимо от места постоянной работы, закреплён участок города или посёлка, и так во всей Германии. Жители их знают номера телефонов своих врачей и в любое время суток могут проконсультироваться с нами по телефону или пригласить к себе на дом. Следуя «клятве Гиппократа», мы не отказываем в их просьбе без особо важных причин.

Минут через десять мы оставили уютное кафе. Я и Анатолий поехали к Гулизар и Сервету Аккая, Махмуд – к звонившей ему фрау Марии. По пути в гостиницу уже во втором часу ночи я громко спросил Анатолия Сантикова:

– Ну как, Анатолий, есть чему поучиться руководителям органов здравоохранения нашей страны у немецких коллег?

В мгновение ока последовал его ответ:

– Нам многому надо поучиться у немцев. И не только в организации здравоохранения, но и в ведении коммунального хозяйства. Мы ещё не встречали здесь двора или улицы, где всякий бытовой мусор валялся бы около заполненных им металлических контейнеров.

Анатолий был прав. Немцы не только пунктуальны, как общеизвестно, они чистоплотны и обязательны, являют собой пример дисциплинированности.

Утром 6 февраля мы вернулись в Мюнхен. Наши хозяева предложили нам загородную экскурсию. Окрестности баварской столицы оказались очень интересными. Подъехали к большому озеру, с трёх сторон закрытому высокими лесистыми берегами. Изумительное зрелище! Четвертую, открытую, сторону (берег) пересекают две речушки, вытекающие из озера. Здесь к нашему приезду находилось не менее тысячи человек, приехавших сюда семьями, чтобы полюбоваться красотой природы, пообедать на берегу озера и за-

одно покормить прямо из своих рук лебедей, гусей и уток, стаями подплывавших к хлебосольным горожанам. Скажу прямо: это была огромная, живая, трогательная картина. В этом массовом угощении плавающих пернатых участвовали и дети, и пожилые люди. Видя, что я с завистью смотрю на кормящих, одна девочка протянула мне горсть какой-то густой (вроде нашей пасты) массы.

– Danke schen, – произнёс я, благодарно улыбаясь, и вытянув вперед руку, присел рядом с доброй голубоглазой блондиночкой. Родители девочки, которую звали Моникой, с одобрением смотрели на нас, пока с царственной осанкой не подплыл ко мне огромный белый лебедь и с жадностью не съел моё угощение. Это было первое открытие моё в тот день. Когда ранним вечером мы покидали берег озарённого скользящими лучами солнца озера доброты и ласки, я спросил Хусни Гасташа, не оставляют ли здесь после себя горожане кучи мусора? Он, не раздумывая, ответил, что после них здесь не найдешь и окурка. Это было второе открытие дня.

Мы медленно ехали до окраин города, любуясь красотой заката солнца, а когда достигли его центра, остановились.

– Угостим гостей баварским пивом, – громко, чтобы слышали пассажиры обеих автомобилей, – объявил Адмирал Дашдемир.

Мы стояли у парадного подъезда «Пивнушки Гитлера» (так прозвала эту пивную наша пресса в начале 30-х годов XX века).

Когда вошли в неё, мы были поражены увиденным. Это был огромный из трёх залов (не в одной плоскости) ресторан на 1500 человек. В центре на возвышенной эстраде на стульях были размещены инструменты духового оркестра, рядом с ними стояли пюпитры. Любителей пива здесь уже было много. Один солидный распорядитель ресторана в униформе с трудом устроил нас за длинным столом и тут же вытащил из кармана блокнот для записи заказа, показав Адмиралу на массивное меню. Через несколько минут стол был накрыт хлебом, разного рода закусками и заставлен полулитровыми кружками. Принесли и баварское пиво в двух трёхлитровых баллонах. Ужин прошёл интересно. Оркестр играл марши (немцы любят их), песни и танцы. Желающие выходили на эстраду и пели. Любители танцев больше танцевали, чем сидели за столами. И мы пили пиво, ели и наблюдали за поведением немцев в ресто-

ране. И что же? Никаких отклонений от правил поведения в общественных местах. В целом ужин нам понравился и явился третьим для нас открытием того дня – 7 февраля 1990 года.

В ходе мюнхенских и нюрнбергских встреч мы с Анатолием Санниковым утвердились во мнении, что из всех проблем национального порядка наших соотечественников, проживающих в Германии, волнует, прежде всего, проблема сохранения родного языка, организации изучения его детьми и подростками, воспитания молодёжи в духе лучших традиций и обычаев адыгских народов. Исходя из этого, мы договорились о направлении в Черкесское культурное общество Мюнхена учителя кабардинского языка, профессионального гармониста и балетмейстера, о регулярной посылке туда учебников, музыкальной, краеведческой и художественной литературы.

Непродолжительное по времени, но весьма активное общение с соотечественниками, оказавшимися в ФРГ, дало нам возможность основательно присмотреться к их жизни. Нам показалось, что они устроены там неплохо: у них есть работа и приличные заработки, жильё, хотя и за высокую плату, они пользуются благами социальных завоеваний трудящихся Германии. Вместе с тем они в этой стране чужие, у них там нет родины и при каких-то экстремальных событиях могут оказаться в трудном положении. Некоторые соотечественники, занятые интеллектуальным трудом, проявили большой интерес к научной конференции, которую намеревался провести Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт к 125-летию окончания Русско-Кавказской войны и начала массового переселения адыгов в Турцию. Мы пообещали им решить вопрос об их приглашении на эту конференцию. Между нами и соотечественниками, проживающими в ФРГ, была установлена, таким образом, живая связь, которую непременно следовало превратить в традицию. Для этой цели и совместного обсуждения назревших проблем сотрудничества мы договорились с ними о ежегодном обмене делегациями.

Восьмого февраля наши друзья повезли нас в город Франкфурт-на-Майне и из его, быть может, самого интересного в Европе аэропорта отправили в Москву.

Десятого февраля мы вернулись в Нальчик, а 11 приступили к своей работе. Заниматься же было чем. Зарубежные гости прихо-

дили к нам и в выходные дни, в связи с чем мы с Анатолием Кодзовым по очереди, а иногда и вместе дежурили в своём скромном офисе. Соотечественников мы принимали радушно и всегда находили конкретное решение поднимаемых ими вопросов. Иначе и не могло быть. Мы понимали, что они, впервые прибывая на землю своих предков, бывают очень ранимы при любой неудаче. Разумеется, мы не забыли и о договоренностях с западно-германскими адыгами и занимались их реализацией.

Чтобы облегчить читателю его попытку представить себе, чем постоянно занимались мы в обществе «Родина», приведу здесь текст своей небольшой статьи, опубликованной в газете «Кабардино-Балкарская правда»:

Сердца и мысли их обращены к исторической родине

Родина. Как ласково и нежно, величаво и гордо звучит это слово! Понятие, заложенное в него человеческим умом и сердцем, священно для всех порядочных людей, в какой бы стране они ни родились, где бы они ни жили, на каком бы языке они ни говорили, каким цветом кожи ни одарила бы их природа. С ним сравнить, ставить рядом правомерно разве только понятия отечества и матери. У всех народов во все времена любовь к родине считалась мерилom достоинства человека, а измена ей – самым подлым и тяжким преступлением.

И конечно же отнюдь не случайно словом «Родина» именовало себя в день своего рождения 16 декабря 1975 года Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом. На началах полного равноправия с другими учредителями вошло тогда в это общество и Кабардино-Балкарское отделение Советского комитета по культурным связям с зарубежными соотечественниками – «Родины». Двадцать лет прошло с тех пор. И что же? Много или мало сделано обществом за это время?

Не берусь оценивать деятельность всего общества за столь продолжительный период. Что же касается нашего, Кабардино-Балкарского отделения, могу сказать, что им сделано всё, что было в его силах. Для него это были годы продолжения начатого раньше поиска наших соотечественников, установления, расширения и укрепления

ния связей с общественными организациями адыгов (кабардинцев, черкесов и адыгейцев) и балкарцев, предки которых силой оружия, подкреплённой шантажом и обманом, были согнаны с родной земли, разбросаны по всему свету и ушли в мир иной на чужбине с несбывшейся мечтой о возвращении в объятия Родины-матери. Нам уже достаточно полно известно, в каких странах более или менее компактно живут наши братья и сёстры. Их более трёх миллионов, то есть в пять раз больше нас, живущих на родной земле. Зовутся они за рубежом черкесами. Большинство из них – подданные Турции, Сирии, Иордании, США, Югославии, Египта, Израиля. Живут они также в Германии, Голландии, Канаде, Австралии и понемногу в ряде других стран мира. Так, год за годом, расширялась география деятельности Кабардино-Балкарского отделения советского общества «Родина», ныне называемого Ассоциацией по связям с соотечественниками за рубежом, или короче – ассоциацией «Родина».

Узенькая тропинка, с трудом, осторожно и робко проложенная к нашим соотечественникам в недалёком прошлом, в первое же десятилетие превратилась в дорогу надежды и возвращения сначала для сотен, а затем тысяч людей, сердцами и мыслями своими обращённых к исторической родине, к Кавказу. Всё более разнообразными становились и формы общения с соплеменниками. Доброй традицией стал ежегодный обмен официальными делегациями между нашим обществом и адыго-черкесскими благотворительными и культурными обществами и центрами Иордании, Сирии, США, Германии и Турции; приглашение в республику ребятишек соотечественников для совместного отдыха с нашей детворой; направление в вышеназванные страны известных деятелей нашей культуры и искусства, различных творческих коллективов – профессиональных и самодеятельных.

Делегации общественных организаций соотечественников, бывая в республике, посещают промышленные и сельскохозяйственные предприятия, государственные органы и учреждения, высшие и средние специальные учебные заведения, школы и детские сады, научно-исследовательские, творческие и общественные организации, выезжают в районы и сёла Кабардино-Балкарии. Они всегда принимались и принимаются тепло высшими руководителями рес-

публики и министрами, главами администраций городов, районов и сёл.

За последние годы значительный размах получили также приезд в нашу страну зарубежных братьев и поездки в страны их проживания жителей Кабардино-Балкарии по линии туристических организаций и по частным приглашениям.

Живое общение людей – верный путь к широкому взаимному ознакомлению с жизнью некогда расчленённых народов у нас и за рубежом, для обсуждения и решения назревших вопросов дальнейших связей и сотрудничества. Эту возможность наша республика старается использовать в полной мере, что, без сомнения, является большой поддержкой для соотечественников в их нелёгкой борьбе за национальное самосохранение.

У наших зарубежных братьев много проблем – общих и частных, важных и не столь важных. Отношение к ним, их оценка могут быть разными, подчас даже полярными. Однако совершенно очевидно, что некоторые из них, на наш взгляд, самые главные, прямо или косвенно связаны с молодёжью. Уже сейчас для большинства детей и подростков, юношей и девушек, рождённых нашими соотечественниками за рубежом, явной и непосредственной стала опасность потери ими естественных атрибутов, которые отличают один народ от другого, определяют национальную принадлежность людей, прежде всего языка матери. Снятие этой угрозы – дело весьма сложное и трудное, и наше общество «Родина» постоянно стремится внести в него свою лепту. Вот уже ряд лет мы систематически направляем общественным организациям соотечественников учебники родного языка, изданные в Нальчике специально для них и массовым тиражом, а также журналы «Нур» и «Нюр», «Ошхамахо» и «Минги Тау», газеты «Адыгэ псалъэ» и «Заман», художественную, историческую и краеведческую литературу на родных языках.

Говорить о сохранении зарубежными соотечественниками родного языка, культуры в целом, пробуждении у молодого поколения национального самосознания и его возвышении, не заботясь тут же о создании своей интеллигенции, было бы не совсем серьёзно. Помня об этом, Кабардино-Балкарское отделение ассоциации «Родина» упорно занималось и занимается проблемой образования молодых соотечественников. Приведу одну цифру. По линии общества «Роди-

на» в вузах бывшего СССР, России и Кабардино-Балкарии бесплатно и со стипендией обучались и получили высшее образование около 800 юношей и девушек – посланцев нашей диаспоры. Неоценимый вклад в это исключительно важное дело внесли и продолжают вносить КБГУ и КБГСХА, за что наши соотечественники и мы глубоко признательны их руководителям, профессорам и преподавателям. Не могу не отметить также, что мы всегда находим поддержку и у Министерства народного образования КБР, в учебных заведениях которого получают профессию и специальность молодые адыги и балкарцы из-за рубежа. Наша забота о молодых соотечественниках не ограничивается этим, но обо всём не скажешь в небольшой публикации.

Повседневная жизнь в скромном офисе нашего отделения «Родины» на улице Головки, 6, полна забот и хлопот. Стороннему наблюдателю она порой может показаться суетой. Не бывает дня, чтобы нас не навестили соотечественники, нередко маленькими и большими группами. Конечно же с просьбами, предложениями и тревогами разного характера (тут и паспортно-визовые, и учебные, и поисковые, и лечебные, и многие другие). Мы стараемся с предельным вниманием выслушать их, глубоко вникнуть во всё, с чем обращаются к нам зарубежные братья, помочь им добиться желаемой цели. Да и можно ли жить и работать по-иному, называясь «Родиной»?

* * *

В последние годы, называемые постсоветским периодом, из уст журналистов, комментаторов центральных каналов телевидения и радио нередко приходится слышать заявления, а на страницах газет читать статейки, утверждающие, что советские органы всячески препятствовали общению зарубежных соотечественников с их исторической родиной. Не могу согласиться с ними. Более того, я считаю, что они являются порождением досужего ума конъюнктурщиков, не дающих России раз навсегда расстаться с гадкой традицией оплёвывать своё прошлое, своих ушедших из жизни выдающихся политических и общественных деятелей, полководцев, порой даже сбрасывая с пьедесталов их скромные памятники. Я всегда осуждал

и сейчас гневно осуждаю попытки искажения исторической правды, кем бы они ни предпринимались.

При любой власти бывали, есть и, к сожалению, будут отдельные чиновники, в жилах которых течёт ядовитая кровь: люди, которые не могут обходиться без того, чтобы не портить кровь другим. Встречались, хотя и реже, такие отвратительные типы и при советской власти. Возможно, конечно, что некоторым из них не по душе было общение изгнанников-соотечественников с исторической родиной, с нашей страной, с нашим народом, но сама советская власть никогда не препятствовала ни общению их с родиной предков, ни возвращению их на священную землю своих дедов и прадедов.

Мы работали активно и целеустремлённо, не испытывая никаких трудностей и с финансированием всех мероприятий, предусмотренных планами на каждый год, претворяя их в жизнь чётко и своевременно. Расходы на них безупречно, с лихвой покрывались за счёт государственного бюджета СССР. После распада Советского Союза, явившегося тяжёлым ударом для всех народов великой многонациональной страны, положение ассоциации «Родина» усложнилось, финансирование её легло на плечи местных органов власти. Спасибо руководству республики, не допустившему тогда полного свёртывания работы нашего отделения. Я с глубокой признательностью вспоминаю до сих пор помощь, которую оказал нам в тот критический момент Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики, председателем которого работал тогда замечательный сын кабардинского народа Хачим Мухамедович Кармоков. Им было издано нижеследующее постановление:

О поддержке Кабардино-Балкарского отделения ассоциации «Родина»

Положительно оценивая многолетнюю деятельность Кабардино-Балкарского отделения ассоциации «Родина» по установлению разносторонних связей с зарубежными соотечественниками и придавая важное значение расширению и углублению этих связей, Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики **п о с т а н о в л я е т:**

1. Признать целесообразным сохранить существующую практику финансирования за счёт государственного бюджета Кабардино-Балкарской Республики расходов по содержанию и осуществлению международных связей Кабардино-Балкарского отделения ассоциации «Родина».

2. Поручить Кабинету министров Кабардино-Балкарской Республики обеспечивать поддержку, своевременное рассмотрение и решение вопросов финансирования и материально-технического обеспечения деятельности Кабардино-Балкарского отделения ассоциации «Родина» по осуществлению связей с соотечественниками, проживающими за рубежом.

Председатель Верховного Совета
Кабардино-Балкарской Республики Х. Кармоков

5 мая 1993 года (№ 1421 – XII-П)

Насколько эффективна была наша работа в последние годы XX века? Не распространяясь широко, отвечу на этот вопрос цифрами и фактами по некоторым позициям деятельности нашего отделения ассоциации «Родина».

Прежде всего, нам удалось сохранить стремление соотечественников к посещению нашей страны и республики, получению вида на жительство и российского гражданства. Так, за период с 1 января 1990 года до 31 декабря 1996 года для получения вида на жительство подали заявление 3546 человек, в том числе 1542 из Сирии, 1232 из Иордании, 524 из Турции, 102 из США, 2 из Германии, 10 из Франции, 7 из Египта, 4 из Голландии и 4 из Югославии. Все эти заявления были одобрительно рассмотрены нами и МВД республики и направлены в МВД России, которое отказало в виде на жительство только одному соотечественнику. За те же семь лет паспорта граждан Российской Федерации получили 236 наших соотечественников, в том числе 136 из Сирии, 50 из Иордании, 38 из Турции, 7 из США, 2 из Германии, 1 из Франции и 2 из Югославии. К 1 января 1997 года в КБР проживали уже 180 семей соотечественников, насчитывавших в своём составе более 900 человек. К концу 90-х годов бизнесом активно занимались более двадцати предпринимателей.

По решению правительства Кабардино-Балкарии репатрианты могли получить бесплатно земельные приусадебные участки в любом населённом пункте республики, льготные кредиты и стройматериалы. Вернувшиеся из-за рубежа соотечественники в основном поселились в городах Нальчике, Нарткале и Баксане. Всем им оказывалась помощь в трудоустройстве, устройстве детей в школы и дошкольные учреждения.

Мы по-прежнему неослабно занимались вопросом обучения детей соотечественников в вузах республики. Приятно сознавать, что трое из окончивших КБГУ и КБГСХА продолжили учёбу в аспирантуре и защитили диссертации на учёную степень кандидата наук. Они стали популярными учёными в странах проживания соотечественников. Руководители общественных организаций соотечественников, проживающих в Иордании, Сирии и Турции, не раз выражали нам глубокую признательность за обучение их молодых посланцев в наших вузах. Мы же гордились тем, что, вернувшись домой, наши воспитанники показывают себя специалистами высокой квалификации, умело применяющими полученные знания в практической работе, являют собой пример достойного адыгов и балкарцев поведения в обществе.

Первый Международный конгресс адыгов в Нальчике. 1991 год

Незаметно, как это бывает у занятых делом людей, прошли два с половиной месяца после нашего возвращения из Федеративной Республики Германии. И вот в конце апреля 1990 года мы получили письмо из Голландии. Фатхи Реджеб приглашал меня и Анатолия Кодзокова на совещание представителей общественных организаций адыгов из всех стран их компактного проживания, которое должно было состояться 4–5 мая. Не теряя времени, мы взяли два билета на самолёт и стали готовиться к отъезду. Особого рвения к далёкой поездке у меня не было в связи с болезнью жены Ирины, но всё же подготовился к ней. Чтобы узнать, приглашены ли на это совещание руководители «Адыгэ Хасэ», я позвонил её руководителю Зауру Налоеву. Он сообщил, что получил такое приглашение, но

денег на поездку у них нет. Я предложил ему свой билет на самолёт до Голландии и обратно. Он охотно принял моё предложение и вместе с А. К. Кодзоковым полетел в Нидерланды.

Совещание состоялось в центре общественных мероприятий «Ден Алердинк» города Алмело. В его работе приняли участие 4 представителя голландских адыгов, 2 – из Калифорнии (США), 28 – из Германии, 1 – из Турции и 2 наших посланца. Совещание приняло решение созвать в мае 1991 года в Нальчике Международный конгресс адыгов. Для его подготовки был избран рабочий комитет из 7 человек, в состав которого были включены Заур Налоев, Анатолий Кодзоков и я. Времени на подготовку беспрецедентного в истории адыгов форума было достаточно, если заниматься ею серьезно и надеясь только на себя и К. Кодзокова. Благо, опыт организации и проведения разного рода съездов, конференций и совещаний у меня был немалый. Да и Анатолий Касимович из тех, на кого можно положиться, кто не робеет перед трудностью. Мы отдавали себе отчёт в том, что инициаторы созыва конгресса надеялись на Кабардино-Балкарское отделение общества «Родина» и на нас лично. Мы не могли не оправдать их надежду. Я согласовал вопрос о времени и месте проведения конгресса с председателем Верховного Совета республики Валерием Мухамедовичем Коковым, заручился его обещанием возложить на правительство республики все расходы, которые будут связаны с пребыванием у нас на конгрессе его делегатов и гостей, включая сюда и оплату за их проживание в гостиницах и за питание, культурное и транспортное обслуживание и решение вопросов технического порядка. Все это было непросто и очень важно, но наибольшую трудность представляла подготовка документов: повестки дня, проектов основного доклада и устава создаваемой международной организации адыгов, регламента работы конгресса, программы культурного обслуживания делегатов и гостей, проектов текстов декларации, обращений конгресса к государственным органам и высшим руководителям СССР по неотложным проблемам адыгского этноса.

Мы с Анатолием Кодзоковым работали над подготовкой этих материалов, не ослабляя внимания ко всему тому, чем мы занимались раньше, в ритме и атмосфере той жизни, которую мы вели в обществе «Родина» до зарождения идеи о создании международной

организации адыгов и начала её практического осуществления. В конце апреля 1991 года приступили к подготовке всех документов и занялись решением других вопросов.

По предварительным данным, на конгресс могли приехать до ста человек. Мы с заместителем председателя Совета министров республики Хабасом Талостановичем Келеметовым решили провести конгресс в конференц-зале санатория «Нальчик», имея в виду, что и питание участников будет должным образом организовано в столовой санатория. На отдых и ночлег часть делегатов и гостей решили устроить в гостиницах «Нарт» и «Уют», а всех зарубежных гостей разместить в палатах санатория.

А. К. Кодзоков от зари до зари сидел на телефоне, выясняя и уточняя численный состав делегаций и время их прибытия в Нальчик, а я сосредоточился на подготовке документации.

Основным итоговым документом I конгресса адыгов должен был стать устав Международной черкесской ассоциации, разумеется, если её создание будет провозглашено на одном из заседаний. Я несколько раз прочитал текст присланного из Голландии его проекта под заголовком:

*«Проект конституции Всемирного конгресса черкесов «ВКЧ»
(Пленарный рабочий комитет в Голландии)
1 декабря 1990 года»*

И что же? Расстроился я, поникла голова моя. Минут десять сидел, прижав ладони к вискам своим и думая над тем, что и как сделать, чтобы в ближайшее время был выработан приемлемый проект устава создаваемой организации. Приближалась полночь и, легко поужинав, я лёг спать, но сон не приходил. Пришлось впервые в жизни прибегнуть у помощи валерьянки. Как всегда, в шесть утра разбудило радио, и я, изменив своему многолетнему распорядку дня, выкинув из него физзарядку и завтрак, побежал на работу. Весь день, не поднимая головы, сочинял проект устава. Утром следующего дня, 29 апреля я переписал его аккуратно и решил перевести на кабардинский язык. Задача оказалась трудной: бедна терминология наша. Вспомнив, что Заур Налоев был на совещании в Голландии и в глубоком знании им кабардинского языка никто не сомневался, позвонил ему домой и попросил помочь. Он пришёл к нам в «Родину», и мы до позднего вечера трудились над переводом

проекта устава с русского языка на кабардинский. Каждый согласованный пункт я переносил на бумагу каллиграфическим почерком, чтобы любая машинистка могла прочитать без всякого труда. Заур Мухамедович выручил меня, и я благодарен ему за помощь. Через день был готов проект устава и на английский язык в переводе Вячеслава Каншоубиевича Кумыкова, свободно владеющего этим, самым распространённым в мире, языком. Он же и перевёл на английский язык все остальные документы конгресса.

За первые две недели мая все материалы конгресса были отпечатаны на трёх языках тиражом 100 экземпляров и уложены в отдельные папки для делегатов. К 14 мая Анатолий Кодзоков собрал данные о численном составе делегаций и времени их прибытия в Нальчик. Не удалось ему заполучить эти данные только из Сирии. В тот же день я позвонил В. М. Кокову. Сообщив, что мы всё подготовили к конгрессу и намерены открыть его утром 21 мая в конференц-зале санатория «Нальчик», я попросил его принять участие в нашей работе, выступить при открытии конгресса с речью, отметив, что это будет приятно всем гостям, особенно зарубежным.

– Да... – сказал он задумчиво и продолжил: – К вечеру 20 мая я должен быть в Москве: 21 мая открывается сессия Верховного Совета СССР, в работе которой непременно должны принять участие и я, и Джаримов, так как будет обсуждаться национальный вопрос. Что же делать?

– Не беспокойтесь, выход есть. Откроем конгресс утром 19 мая. Выступите на первом же заседании с приветственной речью, побудете с нами до вечера, а 20 мая полетите вместе с Асланом Джаримовым и Юрием Калмыковым в столицу.

Валерий Мухамедович охотно согласился со мной. Мы с Анатолием созвонились с руководителями делегаций, чтобы сообщить о переносе начала работы конгресса на 19 мая. Выяснилось, что все делегации придут в Нальчик не позже восемнадцатого мая. Это обрадовало нас, и мы с облегчением продолжили подготовку достойной встречи делегатов и гостей конгресса. Кто мог подумать, что через сутки я испытаю встряску от несусветного зрелища, устроенного группой наших товарищей, с которыми чуть ли ни каждую неделю встречался в центре города и обменивался дружеским рукопожатием. Коротко об этом.

В полдень 15 мая мне позвонили из «Адыгэ Хасэ» и попросили к 16 часам прийти на общее собрание хасы, которое состоится во Дворце культуры профсоюзов на проспекте имени К. Кулиева. Я сказал, что приду непременно. Через несколько минут позвонил мне Х. Т. Келеметов и спросил, не знаю ли я, по какому поводу его приглашают на собрание хасы. Я ответил, что и меня приглашают на это собрание, но зачем и для чего, не знаю. Мы договорились, что он зайдёт ко мне на несколько минут и вместе поедет в ДК профсоюзов. За пять минут до начала собрания мы вошли в партер дворца, битком заполненный людьми. Были заняты все места, кроме тех нескольких, которые всегда оставляли для гостей из правительства. Мы присели там. Никто из руководителей хасы не подошёл к нам. И вот поднялся на сцену Заур Налоев и обратился к собравшимся со словами:

– Алыхьым и нэф! зыщихуэнхэ! Мы собрали вас по очень важному делу. Руководство общества «Родина» в сговоре с правительством решили сорвать первый конгресс адыгов и с этой целью перенесли его открытие с 21-го на 19 мая, зная, что к этому времени не успеют прибыть делегации из зарубежных стран. Мы должны потребовать от них отказа от своего намерения и открытия конгресса 21 мая...

В зале начался форменный галдёж со свистом. Нам с Хабасом Келеметовым было и смешно, и горько, и стыдно за его устроителей, мужчин и женщин, многие из которых знали нас. Когда наступило в зале относительное спокойствие, Хабас Талостанович попросил слово и сказал, что у правительства республики не было и нет намерения срывать конгресс, а перенос его открытия вызван объективной причиной, а именно желанием, чтобы руководство республики присутствовало на нём. К сожалению, Валерий Мухамедович Коков не может присутствовать на конгрессе 21 мая, так как он обязательно должен быть на открывающейся в тот день сессии Верховного Совета СССР, которая будет обсуждать национальный вопрос... На эту сессию выезжает и руководитель Адыгеи Аслан Джаримов. А по поводу сроков прибытия в Нальчик зарубежных делегаций, я надеюсь, Константин Касимович обстоятельно проинформирует вас.

Встав с места и обозрев весь зал, я обратился к присутствующим со словами:

– Уважаемое собрание! Если бы я не услышал здесь своими ушами дикий свист, не увидел своими глазами то, что творилось и творится сейчас в этом зале, я не поверил бы, что вы, выдающие себя за лучших представителей кабардинского народа, можете вести себя так непристойно. Вы очень огорчили меня и заместителя председателя Совета министров республики. Хорошо, что здесь мало молодых людей и совсем нет детей и подростков. Что касается конгресса, то хотите вы или нет, он откроется в конференц-зале санатория «Нальчик» ровно в девять часов тридцать минут 19 мая. За это я ручаюсь головой. Если же сомнение в этом не оставит вас, то вы можете послать пятерых своих богатырей в ближайший от Нальчика буковый лес. Пусть они выпилят там из самого толстого бука трёхметровое бревно, привезут и положат его у парадного подъезда санатория. В случае срыва открытия конгресса в назначенную минуту из-за отсутствия кворума, я в 10 часов выйду к подъезду и положу, не колеблясь, на эту плаху свою голову. Ваше доверенное лицо, Богом наделённое редкостным милосердием и вооружённое топором, вправе будет исполнить вынесенный вами приговор. На всякий случай, я заранее напишу и оставлю завещание, чтобы никто никого не винил в моей смерти.

После этих слов, под гробовое молчание минутами раньше кричавших и свистевших участников собрания, мы с Хабасом покинули Большой зал Дворца культуры профсоюзов. Я вернулся на работу, будучи до предела взвинченным случившимся. Сидел молча допоздна, пытаюсь найти объяснение или оправдание поступку учёного мужа, имя которого известно на всём Северном Кавказе и даже в некоторых странах за рубежом. В конце концов, решил, что Заура Налоева подтолкнули к этому, причем очень сильно, некоторые его соратники с горячими головами. Позже мы с ним не обмолвились по этому поводу ни одним словом, хотя я вспоминаю тот «памятный» случай при каждой встрече с ним. Может быть, конечно, что и он не забыл его.

Вернёмся к делу. Утро 19 мая 1991 года. Яркое солнце, чистое голубое небо. Погода вдохновляющая, как я вообразил – на радость всем адыгам мира. Одна за другой к парадному подъезду санатория «Нальчик» подходят машины с делегатами и гостями конгресса. Вместе со мной активисты нашего общества радушно встречают их

и проводят в конференц-зал. У всех отличное настроение. Минут за десять до открытия конгресса прибыли сюда руководители республики В. М. Коков, Б. М. Зумакулов и М. Ш. Мамхегов. Подъехали также лидер Адыгеи А. Джаримов, делегат конгресса, председатель Комитета по законодательству Верховного Совета СССР профессор Ю. Х. Калмыков с супругой Октябриной, почётный гость конгресса выдающийся кабардинский писатель А. П. Кешоков. Все делегаты и гости заняли свои места.

Ровно в 9 часов 30 минут я взял под руку делегата из Голландии Фатхи Раджаба, и мы с ним поднялись на сцену. Сказав несколько приветственных и вступительных слов, перечислив зарубежные страны, а также регионы и города нашей страны, откуда прибыли на конгресс его делегаты и гости, я предоставил Фатхи Раджабу слово для открытия долгожданного конгресса. Смущённый оказанной честью, он под бурные аплодисменты зала объявил открытым первый международный форум адыгов. Затем избрали его рабочий президиум, мандатную комиссию и секретариат, утвердили повестку дня. Первое слово для выступления было предоставлено В. М. Кокову. Его речь была встречена продолжительными аплодисментами. Вслед за ним выступил тепло встреченный аудиторией А. Джаримов.

Считая более целесообразным, я привожу ниже полный текст протокола конгресса, составленного избранным им секретариатом. Полагаю, что и нашим потомкам небезынтересно будет познакомиться с ним.

Протокол Первого Международного адыгского конгресса

Конгресс проходил в конференц-зале санатория «Нальчик» города Нальчика 19–22 мая 1991 года. В нём приняли участие делегаты и гости из Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии, Германии, Голландии, Израиля, Иордании, США, Москвы и Краснодара, а также гости из Турции и Югославии. Работа конгресса широко освещалась прессой, телевидением и радио республики.

19 мая (воскресенье) Утреннее заседание

В 9 часов 30 минут на сцену поднимаются руководитель Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина» К. К. Эфендиев и президент Черкесского культурного общества Голландии Раджаб Фатхи. Высказав несколько слов о небывалом в жизни адыгов и имеющем для них большое значение конгрессе, Эфендиев знакомит его участников с Фатхи Хатукой, другими делегатами из-за рубежа и Северного Кавказа, присутствующими на конгрессе руководителями Кабардино-Балкарии, почётными гостями. Под бурные аплодисменты Фатхи Хатука Раджаб объявляет конгресс открытым и передаёт микрофон Эфендиеву. Для ведения конгресса избирается рабочий президиум в составе: Фатхи Раджаб, Калмыков Юрий, Кешоков Алим, Налоев Заур, Теш Нурдин и Эфендиев Константин. Затем конгресс избирает секретариат из пяти человек: Хатх Исам (Иордания), Беданоко Нихат (Кабардино-Балкария), Анатолий Кодзоков (Кабардино-Балкария), Байкан Сенмес (Турция) и Кумыков Вячеслав (Кабардино-Балкария).

Конгресс принимает регламент: докладчику – до 30 минут, выступающим в прениях – до 10 минут.

Далее заседание конгресса ведёт *Заур Налоев*.

Слово для доклада «О создании Международной адыгской хасы и её уставе» предоставляется *Эфендиеву*. Он вкратце излагает ход подготовки проекта устава, основные подходы к нему и зачитывает полный текст его на кабардинском языке. В заключение своего доклада, обращаясь к участникам заседания, он говорит, что не считает представленный проект устава исчерпывающе полным, не нуждающимся в дополнениях и изменениях и просит обсудить его свободно и вдумчиво. Затем докладчик отвечает на заданные ему вопросы.

По просьбе Юрия Шанибова (Нальчик, делегат «Адыгэ хасэ») конгресс принимает решение предоставить гостям – представителям живущих в Турции адыгов – право решающего голоса.

Фахри Хуажу из них предоставляется слово для оглашения текста подготовленного ими проекта устава Международной адыгской хасы.

Он обстоятельно говорит о проекте, ходе его подготовки и соответствии законам страны проживания, о важнейших проблемах живущих в Турции адыгов, о существовании там 26 в своём названии не намекающих на национальную принадлежность хас северокавказской культуры, о создании координирующего их деятельность центра. Затем Фахри Хуаж около часа зачитывает проект устава. В целях экономии времени конгресс решает передать проект на рассмотрение редакционной комиссии и переходит к прениям по докладу...

Первым слово предоставляется депутату Верховного Совета РСФСР *Абдулаху Микитаеву*, назначенному вице-президентом создаваемой Российской академии наук.

Он передаёт участникам конгресса привет от председателя Верховного Совета России. Оратор говорит о проектах устава, делая предпочтение привезённому из Турции проекту.

В 13 часов утреннее заседание конгресса заканчивается. После обеда участников конгресса приглашают на посвящённые ему конно-спортивные соревнования, которые должны состояться на Нальчикском ипподроме.

Вечернее заседание

Вечернее заседание конгресса начинается в 17 часов. Председательствует *К. Эфендиев*.

По его предложению, для рассмотрения обоих проектов устава Международной адыгской хасы (Дунейпсо адыгэ хасэ, по-кабардински) и внесения на обсуждение одного согласованного проекта избирается редакционная комиссия в составе: Надия Хуногу (Иордания), Фахри Хуаж (Турция), Едыдж Батрай (Германия), Ахмед Лебай (Израиль), Кадыр Натхо (США), Зекай Байдели (Голландия), Абу Шкаляхо (Адыгея), Руслан Гуаща (Шапсугия), Геннадий Аламия (Абхазия), Мухамед Шокуев (Кабардино-Балкария), Владимир Шибзухов (Карачаево-Черкесия), Анатолий Кодзоков (Кабардино-Балкария), Кахун Гожев (Карачаево-Черкесия), Юрий Калмыков (Москва), Мирзакан Керашев (Краснодар), Руслан Шаов (Москва). Комиссия приступает к работе в соседнем с залом помещении.

Прения продолжаются.

Выступает президент черкесского благотворительного общества штата Нью-Джерси США *Кадыр Натхо*.

Он рассказывает о работе общества. Касаясь проекта устава, представленного докладчиком, Кадыр Натхо отмечает необходимость доработки его 17, 25 и 27 статей.

Третьим на конгрессе выступает президент Черкесского благотворительного общества Иордании *Самир Кардан*.

Он начинает свою речь словами «Бисмиляхи Рахманрахим» и передаёт сердечный привет участникам конгресса от живущих в Иордании адыгов. Затем Самир Кардан рассказывает об их жизни: тёплом, доверительном отношении к ним короля Хуссейна Бен Талала; о том, что надо сделать конгрессу и создаваемой им Международной адыгской хасе для сохранения этноса, родных языков,

Далее слово предоставляется руководителю Черкесского культурного общества Мюнхена (Германия) *Адмиралу Дигешу*.

От имени всех адыгов, проживающих в ФРГ он сердечно приветствует участников конгресса, высказывается по проекту устава ДАХа; призывает принять все необходимые меры для облегчения достижения заветной мечты всех адыгов, желающих вернуться на историческую родину; говорит о важности установления экономических связей зарубежных адыгов с Кабардино-Балкарией, Адыгеей, Карачаево-Черкесией; о необходимости того, чтобы ДАХ имела свои средства и деньги.

Участников конгресса приветствует и поздравляет представитель Абхазии *Олег Дамения*:

– Мы, абхазцы, не мыслим жизни без единства с адыгами, без того, чтобы они стеной стояли за нашей спиной. Точно так же мы не можем не состоять в Международной адыгской хасе. Исходя из этого надо, чтобы в уставе ДАХа наряду с адыгами нашли место абхазы и абазины.

Слово предоставляется делегату Адыгейского отделения общества «Родина», известному писателю *Хамиду Беретару*.

Передав участникам конгресса привет и добрые пожелания, он заявил, что самой главной задачей считает объединение адыгов, имея в виду не территориальное, а объединение их душой, сердцем и культурой.

– Только так можно спасти, сохранить этнос и, на мой взгляд, – говорит он, – в уставе следует отразить необходимость заняться созданием единого адыгского литературного языка, что явится серьёзным стимулом для всестороннего сближения адыгских народов.

От имени адыгов, живущих в Израиле, их делегат *Ахмед Лебай* приветствует делегатов и гостей конгресса и преподносит ему памятный сувенир. Он отмечает, что они стремятся сохранить свою национальную самобытность, язык и обычаи, не испытывая никаких притеснений со стороны израильских властей.

Слово предоставляется *Аскеру Басте* (Адыгея).

Он говорит о проекте устава, путях решения означенных в нём проблем, о необходимости работать над облегчением вложения средств зарубежных соотечественников в советскую экономику.

На трибуне тхамада «Адыгэ Хасэ» Адыгеи *Альмир Абрег*.

После приветствия участников заседания он выражает согласие с предложением о создании единого адыгского литературного языка; о желательности отразить в уставе ту истину, что все адыги, несмотря на различия языков, составляют единый этнос. Он считает также, что для решения проблем возвращения зарубежных соотечественников на родину следует создать специальный комитет.

Следующим выступает делегат из Калифорнии (США) *Ниязи Кушбай*. Он тепло приветствует присутствующих и рассказывает о сплочённости проживающих в Америке армян, наличии у них Фонда помощи соплеменникам и призывает следовать примеру зарубежных армян. Заканчивая свою речь, он преподносит конгрессу памятный сувенир.

На этом вечернее заседание конгресса закрывается.

20 мая (понедельник) **Утреннее заседание**

В 9 часов утреннее заседание конгресса открывает *Фатри Хатука*.

Дальше его ведёт *Заур Налоев*, обратившись к желающим выступить в прениях с просьбой придерживаться утверждённого конгрессом регламента.

Первым слово предоставляется делегату из США *Убейду Мола-мусе*.

– Вчера, – говорит он, – мы услышали много интересных выступлений, узнали немало видных адыгов. Это облегчит нам выбор руководителей Международной адыгской хасы.

Далее он знакомит участников заседания конгресса с деятельностью Черкесского благотворительного общества штата Нью-Джерси, сообщает о том, что оно построило резиденцию с мечетью, залом заседания, и об открытии здесь начальной школы для изучения адыгского языка. Закончив свою речь, он вручает президиуму большой фотоснимок этого сооружения.

На трибуне известный во всём мире адыг – писатель *Алим Пшемахович Кешоков*.

Он сердечно приветствует конгресс. Все встают и долго аплодируют ему.

– В эти дни, – говорит он, – исполняется сто тридцать лет с тех пор, когда русский царь Александр II встретился в Анапе с делегацией адыгов. Тогда царь предъявил адыгам ультиматум: «Или вы покинете родину, или мы уничтожим вас всех до единого». С того времени началось насильственное выдворение адыгов с родной земли, которое обрекло их на тяжкие испытания и горе. Теперь грозит опасность ассимиляции адыгов среди многочисленных народов стран их проживания. Вот почему, прежде всего, наш конгресс имеет огромное значение, а его организаторы достойны высокой похвалы.

Слово предоставляется *Исаму Хатху* (Иордания).

– Я поддерживаю, – говорит он, – тех, кто считает необходимым, чтобы адыги имели единый литературный язык. Без него трудно добиться того единства адыгов, которое мы хотим иметь. Раз так, то желательно, чтобы это было отражено в проекте устава.

Далее на конгрессе выступает профессор *Мурат Ибрагимбейли*.

– Этот конгресс, – говорит он, – событие, имеющее большое значение, и войдет таковым в историю адыгов, более того, это весьма дорогое событие и для всех других народов Кавказа. В наше время заметно противостояние между некоторыми народами Кавказа. На долю отдельных из них выпадают незаслуженные испытания. Таковы, например, шапсуги и абазины. Сейчас мы переживаем нездо-

ровое оживление среди казачества, вооружение казаков. Это, как я смотрю, попытка противопоставить казачество горцам. Исходя из этого, я считаю, что нам надо поднять голос против этой нездоровой попытки.

Тут же *Заур Налоев* говорит:

– Я полагаю, будет правильно, если мы поручим нашим депутатам Верховного Совета СССР и РСФСР разъяснить им разумность и целесообразность прекращения вооружения казаков, призвав их не заниматься этим опасным делом.

Слово предоставляется *Нурдину Тешеву* – тхамеде Шапсугской хасы.

Он приветствует участников конгресса, рассказывает о работе своей организации, важных проблемах шапсугов, среди которых на первый план выходит проблема создания Шапсугского национально-территориального района.

Вечернее заседание

После часового обеденного перерыва, во время которого *К. К. Эфендиев* провёл непродолжительное совещание руководителей всех делегаций, принимающих участие в работе конгресса, он просит предоставить слово и выходит на трибуну.

– Дорогие друзья, – говорит он, обращаясь к делегатам, – мы ещё не дошли до того дня, когда думали рассмотреть вопрос о выборах руководителей создаваемой Международной адыгской хасы. Однако, несмотря на это, с согласия руководителей всех делегаций, разрешите предложить вам свою просьбу избрать президентом Международной адыгской хасы (Международной черкесской ассоциации) Юрия Хамзетовича Калмыкова, чьё имя известно далеко за пределами СССР. А спешим мы с этим ответственным делом в связи с тем, что он через час должен быть уже в аэропорту для вылета в Москву, где завтра открывается сессия Верховного Совета СССР. Юрий – юрист, профессор, возглавляющий Комитет по законодательству высшего органа государственной власти нашей великой страны. На мой взгляд, трудно найти человека, более подходящего на пост президента рождающейся в эти дни первой в истории адыгов международной организации. *(В зале всыхивает овация.)*

Заур Налоев говорит, что он поддерживает предложение Эфендиева и ставит его на открытое голосование. За исключением одного, делегаты конгресса дружно поднимают руки.

Ю. Х. Калмыков благодарит делегатов за высокое доверие и заверяет, что не пожалеет сил для его оправдания.

Объявляется десятиминутный перерыв, чтобы проводить до подъезда избранного президента ДАХ (МЧА).

После перерыва взволнованно выступает тепло принятая аудиторией *Надия Хуногу* (Иордания).

Она передаёт конгрессу сердечный привет от имени всех адыгских женщин Иордании и произносит содержательную речь, посвящённую проблемам образования и воспитания детей и юношества зарубежных соотечественников.

Слово предоставляется руководителю Адыгской хасы Кабардино-Балкарского государственного университета *Кашифу Унежеву*.

Он приветствует участников конгресса, рассказывает о работе возглавляемой им общественной организации, отмечает важность воспитания молодёжи в духе преданности своему народу и соблюдения в жизни его традиций и обычаев, говорит о необходимости создания новых книг по истории адыгов, об актуальности создания адыгской политической партии.

Заур Налоев зачитывает поступившие в адрес конгресса телеграммы и предоставляет слово своему заместителю по «Адыгэ Хасэ», председателю (тхамаде) Баксанской хасы *Мухамеду Шокуеву*.

После приветственных слов он останавливается в своей речи на стоящих перед адыгами проблемах.

– Существует, – говорит он, – пословица адыгская: «Можно перенести на другое место одно или несколько деревьев, но невозможно перенести целый лес». На это похожа судьба адыгов. Они насильственно изгнаны с родины, но корни их остались здесь. Независимо от того, в какой стране живут адыги, они должны хранить традиции, язык, культуру своего народа и в таком духе воспитывать молодёжь.

Слово предоставляется гостю из Иордании *Хашиму Талостану*.

– В постигшей наш народ трагедии, – говорит он, – есть вина и самих адыгов. Они нередко проявляли в жизни и сейчас проявляют поспешность и горячность. Впредь, берясь за большое дело, мы не

должны принимать решение, глубоко не продумав его, не заглянув далеко вперёд.

После Х. Талостана выступает *Барасби Бгажноков* – учёный, работающий в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте.

Он призвал участников конгресса, не жалея своих сил, добиваться возвращения адыгов на историческую родину:

– Надо смотреть далеко вперёд, надо думать о едином адыгском этносе».

Выступает заместитель кады (главного эфенди) Кабардино-Балкарии *Мухамед-Хейр Хуаж*.

Он говорит об условиях возвращения адыгов и связанных с ним проблемах.

– Чтобы сдвинуть это дело с места, – говорит он, – надо уточнить, что может сделать для них сама историческая родина.

Представитель «Адыгэ Хасэ» *Сафуддин Эльмесов* приветствует и поздравляет участников конгресса.

Слово предоставляется известной кабардинской поэтессе *Фосат Балкаровой*.

Она взволнованно приветствует участников заседания конгресса и читает два своих патриотических стихотворения, после чего под дружные аплодисменты делегатов и гостей конгресса садится на своё место в зале.

Вслед за ней выступает *Ауладин Эльмесов* (Кабардино-Балкарский агромилиоративный институт).

– Человеческая цивилизация, – говорит он, – достигла времени, когда проблемы экологии, охраны некоторых животных и растений выдвигаются на первый план. Но она ещё не достигла того, чтобы проблема сохранения народов, оказавшихся перед угрозой исчезновения, могла быть поставлена как первоочередная задача.

Слово берёт *Х. М. Ибрагимбейли*.

Он зачитывает текст обращения, которое, по его мнению, надо послать Верховным Советам СССР и РСФСР в связи с вооружением казачества.

Делегат конгресса *М. Ш. Мамхегов* заявляет, что не следует торопиться с этим делом, что лучше доработать его внимательно.

Участники конгресса приходят к единому мнению, что будет правильней, если ещё раз рассмотреть его и направить адресатам от имени участников митинга, который состоится в День памяти – 21 мая.

Затем слово предоставляется *К. К. Эфендиеву*.

Он зачитывает текст обращения к Президенту СССР М. С. Горбачёву с просьбой о создании Шапсугского национально-территориального района. Участники конгресса единогласно принимают его открытым голосованием.

Объявляется десятиминутный перерыв.

После этого перерыва конгрессу предлагается проект устава, подготовленный редакционной комиссией. Его зачитывает *Фахри Хуаж*.

По поводу проекта поступают следующие вопросы:

1. Возможно ли вмешательство государства в дела ассоциации, чьим является устав?

После *Х. Талостана* выступает *Барасби Бгажноков* – учёный, работающий в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте.

О т в е т: Устав не будет противоречить законам любого государства, которое станет местом пребывания ассоциации. Раз так, государство не должно вмешиваться в её дела.

2. Как всё-таки будет именоваться ассоциация? Черкесская или Адыгская?

О т в е т: В зарубежных странах – черкесской, на родине – адыгской.

3. Каким образом будет определяться число делегатов, которые будут направляться на конгресс странами и общественными организациями, входящими в ассоциацию?

О т в е т: Этот вопрос следует ещё обсудить, но, на наш взгляд, это должно зависеть не от количества хас.

Заур Налоев, ведущий заседание, считая целесообразным сначала принять предложенный проект устава за основу, а затем обсудить его, ставит вопрос на голосование. Открытым голосованием конгресс выражает согласие с ним.

– Кто желает высказаться по проекту устава? – спрашивает он.

Убейд Моламуса (США) говорит:

– Мне кажется, что создаваемая нами организация должна называться Международной адыгской хасой.

Фахри Хуаж замечает:

– В наших культурных центрах состоят и адыги и абхазы, и абазины, и другие. Всех нас называют там черкесами.

Анатолий Тамазов говорит:

– Вчера мы говорили об этом и считаем более правильным назвать черкесской, это для всех будет понятно.

Открытым голосованием конгресс принимает решение назвать создаваемую организацию *Международной черкесской ассоциацией (МЧА)*.

Обсудив возникший вопрос относительно нормы представительства, конгресс принимает следующее решение: зарубежные страны, где проживают адыги, республики, имеющие государственность, на конгресс направляют по четыре делегата; не имеющие государственности – по два делегата; страны, где проживают более полумиллиона соотечественников, вправе посылать на конгресс дополнительно ещё по два делегата.

Вслед за этим, обговорив вопрос об отношении МЧА (ДАХ) к внутренней политике государств постоянного проживания адыгов, открытым голосованием конгресс исключает из проекта устава слова: «ДАХ не вмешивается в политику государств, где находятся адыгские хасы», после чего единогласно принимает решение, что штаб-квартира Международной черкесской ассоциации будет находиться в столице Кабардино-Балкарии – городе Нальчике.

Рассмотрев эти вопросы, конгресс утверждает Устав Международной черкесской ассоциации. При этом ни один делегат не воздержался и не голосовал против. Раздались продолжительные аплодисменты.

Наступает волнующий момент. Ведущий предоставляет слово *К. К. Эфендиеву*, который с пафосом зачитывает проект декларации, которой конгресс оповещает всех жителей Земли о создании им Международной черкесской ассоциации. Конгресс единодушно принимает эту декларацию. Все участники этого заседания встают и устраивают бурную продолжительную овацию.

После короткого перерыва председательствующий *Заур Налоев* говорит, что «теперь нам надо приступить к выборам вице-президентов, генерального секретаря и исполкома МЧА» и предоставляет слово *К. К. Эфендиеву*:

– Дорогие друзья, – говорит он, – избранный нами президент, перед вылетом в Москву попросил меня доложить вам, что ему будет приятно, если мы выберём вице-президента Фатхи Раджаба (Хатука) – делегата из Голландии и Самира Кардана – из Иордании, а генеральным секретарём – Мухамеда Шокуева из Кабардино-Балкарии.

– Их выдвинул президент, – говорит *З. Налоев*, – а теперь вы можете назвать имена и других. Кто желает взять слово?

– Я поддерживаю кандидатуру Самира Кардана, – заявляет *Анатолий Кодзоков*.

Убейд Моламуса говорит, что можно избрать вице-президентом Заура Налоева.

Юрий Шанибов называет имя Абдулаха Микитаева. Некоторые делегаты называют из зала имя Юрия Шанибова и Наждата Хатама.

По предложению делегации из Абхазии конгресс принимает решение об избрании не двух, а трёх вице-президентов.

При обсуждении кандидатур конгресс удовлетворяет просьбу *З. Налоева* о снятии его кандидатуры и тут же – самоотвод *Ю. Шанибова*. Таким образом, в бюллетень для тайного голосования по выборам вице-президентов вносятся кандидатуры Фатхи Реджеба, Самира Кардана, Абдулаха Микитаева и Наждата Хатама. В тайном голосовании приняли участие 53 делегата. Из них за Фатхи Реджеба проголосовали 49 (против 4), Самира Кардана – 41 (против 12), Абдулаха Микитаева – 37 (против 16), Наждата Хатама – 32 (против 21). На основании итогов голосования конгресс признаёт избранными вице-президентами МЧА Фатхи Реджеба, Самира Кардана и Абдулаха Микитаева.

Слово просит *К. К. Эфендиев*.

– В Турции, как известно, проживает большинство всех адыгов мира, – говорит он, обращаясь к делегатам, – исходя из этого, а также с учётом того, что более половины участников голосования (32 из 53) отдали свои голоса за Наждата Хатама, считал бы целесообразным и правомерным, если бы конгресс принял решение считать его тоже избранным на пост вице-президента.

Конгресс соглашается с этим предложением и открытым голосованием признаёт Наждата Хатама вице-президентом МЧА.

Генеральным секретарём МЧА абсолютным большинством голосов делегатов был избран Мухамед Шокуев – доцент Агроинститута, депутат Верховного Совета Кабардино-Балкарии; его заместителем – директор Государственного музея Адыгеи Альмир Абрегов, тхамата Адыгейской хасы.

Тайным голосованием конгресс избирает членами Исполкома МЧА Людмилу Аджи из Абхазии, Нихата Беданоко из Кабардино-Балкарии, Анатолия Тамаза из Карачаево-Черкесии, и в 23 часа заседание закрывается.

22 мая (среда)

Заседание открывается в 10 часов утра. Председательствует *К. К. Эфендиев*.

Конгресс сразу приступает к выборам ревизионной комиссии. В её состав предлагаются кандидатуры Рауфа Бореева, Руслана Гошева, Фахри Хуажа и Юрия Аргуна. По просьбе Ю. Аргуна его кандидатура снимается. Оставшиеся трое: Р. Бореев, Р. Гошев и Ф. Хуаж – единогласно избираются членами ревизионной комиссии МЧА.

Затем конгресс признаёт необходимым, чтобы для тщательного изучения и решения стоящих перед МЧА задач она имела четыре комитета: по уставу, экономике, культуре и истории, возвращению соотечественников на историческую родину. Создание их конгресс поручает исполнительному комитету.

Конгресс долго обсуждает вопрос о создании денежных средств МЧА, вкладе в них каждой хасы.

Доктор *Ихсан Салех* (из Германии) встаёт с места и заявляет:

– Я из своих средств пришлю сейчас МЧА 10 тысяч, а дальше – ежегодно одну тысячу американских долларов.

В конце концов, все делегаты договариваются о том, что хасы, находящиеся на родине, ежегодно будут вносить в фонд МЧА по пять тысяч рублей, а зарубежные хасы – по две тысячи долларов.

Работа конгресса подходит к концу. Он принимает решение о проведении второго конгресса в Шапсугии.

К. К. Эфендиев, который вёл заседание в этот день, обращается к делегатам с вопросом, нет ли ещё желающих о чём-нибудь спросить или выступить с речью. Таковых не оказалось.

К. Эфендиев сердечно благодарит делегатов и гостей за проведённую ими большую работу и примерное поведение, желает им долго жить и трудиться, оправдывая надежды своего народа, и в 14 часов объявляет Первый конгресс Международной черкесской ассоциации закрытым. Все встают и устраивают продолжительную овацию.

Протокол вёл *В. К. Кумыков*, возглавлявший секретариат конгресса.

22 мая 1991 года

* * *

Вечером того же дня для участников конгресса во Дворце культуры профсоюзов был устроен концерт мастеров искусств Кабардино-Балкарии, прошедший с большим успехом.

В приведённом выше протоколе I конгресса Международной черкесской ассоциации ничего не сказано о том, чем занимались его делегаты и гости 21 мая. Это отнюдь не случайно. В тот день с 11:00 до 15:00 все участвовали в многотысячном траурном митинге на стадионе «Спартак», посвящённом Дню памяти адыгов, а с 15:00 до 16:30 – в закладке камня в садике Свободы, где решено было установить памятник адыгам – жертвам Русско-Кавказской войны и насильственного выселения адыгов в Османскую империю. Чтобы не забыть потом, отмечу здесь, что около этого камня много лет ежегодно 21 мая проводились траурные митинги. Сам же памятник, авторами которого явились скульптор Арсен Гучапшев и архитектор Заур Матуев, открыт 26 мая 2004 года. «Древом жизни на колесе истории» назван этот памятник великой трагедии. Он возвышается над своим обширным гранитным основанием, словно предвещая адыгам мирное, благополучное будущее.

Ещё очень коротко о I конгрессе Международной черкесской ассоциации. Исполнив свою ответственную миссию, его делегаты стали уезжать домой. Тех, кто не спешил, 23 мая повезли в Приэльбрусье. Трудно передать словами, с каким волнением и гордостью стояли и ходили они на склонах величавой «горы Счастья».

Некоторые делегаты и гости из-за рубежа задержались до третьего-четвёртого июня, решая свои проблемы и пользуясь всеми благами, которыми они были наделены в дни работы конгресса.

Думаю, нелишне будет привести здесь упомянутую выше декларацию, которую я огласил на заседании конгресса 20 мая 1991 года, написав её тут же за столом президиума конгресса.

Декларация Первого Всемирного адыгского конгресса

19–22 мая 1991 года в городе Нальчике состоялся Первый Всемирный адыгский конгресс. В его работе на началах полного равноправия приняли участие делегации адыгских хас и обществ «Родина» Адыгеи и Кабардино-Балкарии, адыгских хас Карачаево-Черкесии и Шапсугии, абазинской и абхазской хас, адыгских хас Москвы и Краснодара, черкесских благотворительных обществ Иордании, США и Израиля, черкесских культурных центров Германии и Голландии, гости из Турции и Югославии.

Конгресс принял решение и оповещает всех людей на Земле о создании Международной черкесской ассоциации, призванной неустанно заниматься проблемами упомянутых народов, заботиться о сохранении их языков, культуры, религии, истории, их национальной самобытности.

Конгресс единодушно принял Устав Международной черкесской ассоциации и избрал её руководителей.

Конгресс признал целесообразным нахождение штаб-квартиры Международной черкесской ассоциации в городе Нальчике.

Декларация принята 20 мая 1991 года

* * *

Вскоре после «рождения» МЧА Правительство Кабардино-Балкарии создало ей подходящие условия для плодотворной работы, предоставив под штаб-квартиру бывшую дачу первого секретаря обкома КПСС, расположенную в самом центре курорта Нальчик. К сожалению, по чьей-то воле или прихоти штаб-квартира была перенесена в Майкоп, где она почему-то надолго не прижилась и подалась в Черкесск. Здесь истинный черкес Борис Акбашев отлично устроил штаб-квартиру МЧА, отведя ей весь первый этаж своего

двухэтажного дома на улице Международной, 115, и обеспечив все-ми необходимыми техническими средствами.

* * *

Последние годы XX столетия не были лёгкими для общества «Родина» в целом и его Кабардино-Балкарского отделения. Труднее стало решать задачи по всем направлениям его деятельности. Для облегчения его положения, финансирования всех расходов на мероприятия и заработную плату сотрудников правительство республики включило в штатное расписание созданного в 1992 году Министерства иностранных дел Кабардино-Балкарской АССР отдел по работе с зарубежными соотечественниками. Так мы стали сотрудниками этого министерства: я – начальником отдела и членом коллегии, Анатолий Кодзоков – старшим референтом, Арсен Габоев – референтом. Работали дружно, в ладу со всем аппаратом и его руководителями. Ведь сам первый министр иностранных дел учёный муж Анатолий Гузев-рович Емузов в своё время был одним из руководителей нашего отделения общества «Родина». Со временем Министерство иностранных дел переименовали в Министерство внешних связей КБР. Вскоре Анатолия Емузова направили на высокую дипломатическую работу в Посольство РФ в Белоруссии. Преемником его стал Владимир Султанович Жамборов – человек, во всём отвечающий своему высокому положению. А какие были заместители у обоих министров?! Таких доступных и симпатичных людей, как Ахмат Азретович Гыллыев и Владимир Иванович Беличенко, среди современных государственных служащих искать надо.

О том, как виделась со стороны (то бишь сверху) деятельность Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина» в то смутное время, можно судить по следующему ниже посланию.

**Президенту Кабардино-Балкарской Республики
В. М. Кокову**

Уважаемый Валерий Мухамедович!

Ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом сердечно поздравляет Вас с 80-летием Кабардино-Балкарской Республики и 444-летием присоединения к России и желает Вам и талантли-

вым, трудолюбивым народам Вашей республики успехов и процветания.

Исполком ассоциации «Родина», рассмотрев итоги работы Кабардино-Балкарского отделения ассоциации в 2000 году и первой половине 2001 года, хотел бы выразить глубокое удовлетворение его деятельностью.

Деловое сотрудничество Кабардино-Балкарского отделения ассоциации «Родина» с зарубежными странами стало составной частью дальновидной и эффективной политики, направленной на обеспечение стабильности в республике, на Северном Кавказе и в Российской Федерации, проводимой Президентом, Правительством и Парламентом КБР.

В течение 2000 года и первой половины 2001 года КБ отделение ассоциации «Родина» приняло 250 зарубежных соотечественников, с которыми состоялись обстоятельные беседы о положении дел в Российской Федерации, на Северном Кавказе и в КБР. Отделение активное участие приняло в подготовке и проведении V конгресса Международной черкесской ассоциации. В центре его внимания постоянно находится работа с молодыми зарубежными соотечественниками, обучающимися в учебных заведениях КБР (147 студентов). Отделение регулярно направляет зарубежным организациям соотечественников республиканские газеты, журналы и другие печатные материалы.

Особо хотели бы отметить большую роль в работе Кабардино-Балкарского отделения его председателя Эфендиева Килостана Касимовича, пользующегося высоким международным авторитетом среди наших соотечественников за рубежом.

Пользуясь случаем, Исполком ассоциации «Родина» сердечно благодарит Вас, уважаемый Валерий Мухамедович, за Ваш неоценимый вклад и активное участие в деятельности отделения ассоциации «Родина» и оказании помощи нашим соотечественникам за рубежом. О Вашей заботе и душевном внимании к этой важной государственной проблеме хорошо известно нашим соотечественникам в ближнем и дальнем зарубежье. Это придаёт им силу духа и уверенность в деле укрепления связей со своей Родиной-матерью и способствует стабилизации на Ближнем Востоке.

Позволю себе заверить Вас, что Исполком ассоциации «Родина» будет и впредь оказывать Кабардино-Балкарскому отделению по-сильную помощь и поддержку.

С глубоким уважением и пожеланием счастья и процветания Вашей республике.

*Председатель Исполкома ассоциации «Родина»,
Чрезвычайный и Полномочный посол СССР,
профессор Н. А. П а н к о в
26 сентября 2001 года*

Такого же примерно содержания послание получил тогда на свое имя и министр внешних связей КБР В. С. Жамборов. На другой же день Ахмат Гыллыев передал мне его оригинал, крепко пожалов мою руку.

В послании опытного дипломата Николая Александровича Панкова, много лет возглавлявшего ассоциацию «Родина», упоминается о нашем активном участии в подготовке и проведении V конгресса МЧА. Хочу отметить здесь, что мы не обходили вниманием и предшествовавшие ему конгрессы, хотя готовились и проводились они далековато от Нальчика. Расскажу коротко о IV конгрессе МЧА, который должен был состояться в Шапсугии. Борис Хаджимурзович Акбашев трижды присылал за мной в Нальчик свою машину, и я ездил в Черкесск, чтобы помочь ему в подготовке конгресса, оставаясь каждый раз у него в гостях три-четыре дня. Мы с ним с утра до позднего вечера писали и «шлифовали» тексты отчетного доклада, резолюции по нему, обращений конгресса в центральные и региональные органы власти по различным проблемам, повестку дня, регламент работы, программу культурного обслуживания делегатов и гостей конгресса. Гостеприимная хозяйка дома Фатима, воплотившая в себе лучшие черты характера черкешенки, баловала нас с Борисом вкусными блюдами национальной кухни.

Гимн Международной черкесской ассоциации

В начале 1998 года я пригласил к себе талантливого черкесского композитора Аслана Даурова, работавшего тогда на радио Кабардино-Балкарии и создавшего здесь чудесный вокальный ансамбль «Даханого».

– Друг мой, – обратился я к нему, – прошу тебя отложить в сторону все дела свои и написать музыку к Гимну Международной черкесской ассоциации, которую я должен представить IV конгрессу через полтора месяца. Веря в твои способности и талант, я пришёл к выводу, что именно ты должен стать автором первого атрибута первой в истории международной организации нашего народа. И очень хотелось бы, чтобы в музыке гимна прозвучали мелодии, отражающие трагизм прошлой истории адыгов, состояние их духа в настоящее время и веру адыгов в счастливое будущее.

– Постараюсь оправдать ваше доверие, Константин Касимович, немедленно займусь выполнением вашего для меня очень почётного поручения, – ответил Аслан и ушёл к себе на работу.

Первого июня (я этот день запомнил на всю свою жизнь) любимый ученик великого композитора Арама Ильича Хачатуряна принёс мне кассету с музыкой Гимна МЧА. Я тут же вставил эту кассету в небольшой магнитофон, купленный мной в Сингапуре ещё в 1972 году.

Внимательно, не говоря ни слова, прослушав музыку гимна, я крепко обнял Аслана и сказал ему:

– Очарован и взволнован, большое спасибо. Скоро мы повезём с тобой кассету на конгресс Международной черкесской ассоциации!

За неделю до назначенного дня открытия конгресса Борис Акбашев позвонил при мне губернатору Краснодарского края Николаю Игнатьевичу Кондратенко и пригласил принять участие в его работе. Тот с благодарностью принял приглашение, но настоятельно попросил президента МЧА провести конгресс не в Шапсугии, а в Краснодаре, мотивируя своё предложение тем, что на Черноморском побережье в районе посёлка Лазаревского обстановка

напряжённая в связи с массовым наплывом туда армян-беженцев. Губернатор края заверил при этом, что и он, и руководители города сделают всё возможное, чтобы делегаты и гости конгресса работали спокойно и плодотворно, чувствуя себя как дома. Борис Хаджимурзович согласился с Николаем Игнатьевичем. Надо было сообщить руководителям всех делегаций о переносе места проведения конгресса из Шапсугии в краевой центр, и мы незамедлительно занялись этим делом: я звонил за рубеж, а Борис обзванивал города России.

К вечеру 24 июня в Краснодар прибыло большинство делегаций. Краснодарцы встречали их радушно у подъезда лучшей гостиницы города, стоящей совсем недалеко от Театра оперетты, где предстояло работать IV конгрессу Международной черкесской ассоциации. За каждой делегацией были закреплены ответственные работники города и его районов, люди внимательные, обходительные, приветливые. Питание гостей было организовано так, что лучше трудно придумать.

Перед началом первого заседания конгресса утром 25 июня к Театру оперетты подъехал президент КБР В. М. Коков, вслед за ним прибыли губернатор края Н. И. Кондратенко, мэр Краснодара В. А. Самойленко и президент Республики Адыгея А. А. Джаримов.

В 10 часов Борис Акбашев объявляет IV конгресс Международной черкесской ассоциации открытым. Избирается рабочий президиум конгресса, мандатная и ревизионная комиссии, утверждается повестка дня и регламент. Слово предоставляется губернатору края Николаю Игнатьевичу Кондратенко. Он взволнованно произносит краткую и яркую приветственную речь, встреченную бурными продолжительными аплодисментами участников конгресса. Борис Хаджимурзович передаёт мне бразды управления заседанием и, получив слово, приступает к отчётному докладу. С присущим ему темпераментом более часа он рассказывает о проделанной исполкомом МЧА после III конгресса работе, решённых и нерешённых задачах и проблемах по сохранению национальной самобытности адыгских народов, укреплению их единства. Делегаты и гости конгресса выслушали весь доклад очень внимательно; в зале не было ни шума, ни разговоров, ни смеха. После выступления в прениях

одного делегата из Турции и другого – из Адыгеи я объявил перерыв на 20 минут, пригласив участников заседания в соседний со зрительным зал на выставку «Адыгский орнамент», созданную нашей очаровательной землячкой Фаризат Карамурзовой. Выставка эта, отмечу кстати, была первой в истории адыгов и вызвала большой интерес у делегатов и гостей конгресса.

После перерыва выступил тепло встреченный всем залом президент Кабардино-Балкарской Республики В. М. Коков.

Мы сидели с ним в президиуме рядом. В 12 часов, сев на своё место под аплодисменты участников заседания, он тихо сказал мне:

– Сегодня вечером я должен открыть в новом спортивном зале Всероссийские соревнования гимнастов. Надо ехать немедленно. Как это сделать незаметно?

– Очень просто, – ответил я, – не пожимая никому руку, тихонько пройдите за кулисы, вроде курить захотели, и берите курс на Нальчик. Желаю вам счастливого пути.

Мы не знали и не могли знать, что как раз в этот час в столице нашей республики произошло большое несчастье: обрушилась одна зрительская трибуна этого самого спортзала, в результате чего погибли 22 человека. Об этом печальном событии нам стало известно в 9 часов вечера из сообщения Московского радио.

На вечернем заседании мне предоставили предусмотренное повесткой дня слово для доклада о музыке Гимна Международной черкесской ассоциации. Выйдя на трибуну и сказав несколько слов о работе комиссии по этому вопросу, я, высоко подняв руку, дал команду:

– Включите магнитофон!

В мгновение раздалась мощная настораживающая музыка. Через несколько секунд все сидевшие в зале поднялись со своих мест, выслушали её, не шевелясь, и после заключительного аккорда устроили громовую овацию, которая продолжалась несколько минут. В те незабываемые минуты я заметил с трибуны, что многие женщины и несколько мужчин утирали свои глаза от нахлынувших слёз. Признаться, мне самому с трудом удалось сдержать свои слёзы.

Как только стихла овация, я попросил автора музыки подойти к авансцене зала и, обращаясь к участникам заседания, громко произнёс:

– Дорогие друзья! Вот он, Аслан Дауров, наш выдающийся композитор, сердцем и рукой которого написана прослушанная вами сейчас музыка к Гимну Международной черкесской ассоциации.

И тут вновь вспыхнула овация в честь автора музыки и в одобрение гимна. Делегаты конгресса единогласно приняли Гимн МЧА. Скажу без всякого преувеличения, что музыку его ни в чём не превосходят гимны крупнейших государств мира.

Четвертый конгресс прошёл организованно. Его делегаты всё время были окружены исключительно тёплым вниманием губернатора края Николая Игнатъевича Кондратенко, которого здесь с любовью называют «Батько Кондрата», и мэра города Краснодара Валерия Александровича Самойленко, свободно владеющего кабардино-черкесским языком, и их коллег. Узнав о трагическом событии в Нальчике, мы исключили из программы запланированный концерт «Кабардинки» и ансамбля Адыгеи. Не скрою, на конгрессе мне было нелегко: будучи избран председателем редакционной комиссии, я был загружен до предела работой над всеми документами. Даже на обед сходить было некогда, и мне приносили его без первого блюда на рабочее место в театре.

Не знаю, как воспримут читатели, но мне хочется привести здесь свою статью, написанную на кабардинском языке по просьбе главного редактора газеты «Адыгэ псалъэ» Мухамеда Хафицэ и опубликованную в ней в день открытия IV конгресса Международной черкесской ассоциации. Далась мне она, честно говоря, отнюдь не легко, так как родной язык я изучал давным-давно, когда алфавитом его была латиница, очень удобная и лёгкая как для учеников, так и для наших мудрых учителей.

Лъэпкъым ухуэлажьэныр – хъуэпсэгъуэщ

Дунейм лъэпкъ куэд тетщ. Абыхэм я бжыгъэр тэмэм дьдэу къыбжезылэфынур мащлэщ. А мащлэм сащыщу сэ зыслъытэжыркъым – псори насыпылфэу къалъхуркъым. Иджы Щыым щыпсэу дэтхэнэ лъэпкъми тхыдэ илэщ, адрей лъэпкъхэм я тхыдэм ещхьми емыщхьмикI. Лъэпкъ къэс гъуэгуанэ кIыхь къыкIуаш ди зэманым къэсыхукIэ, иджы илэ щытыкIэм иувэхукIэ. Зэрытщлэщи, пэжуи ар

кыщцлэкынщ, лъэпкъ зыбжанэми я лъагъуи я гъуэгуи нобэ къэ-
сакъым. Ахэр кIуэдыжаш, е щыим егъэлеяуэ зиутхыпщыим щихъ-
умэурэ, е псым Iэубыдыплэншэу губжью итхьэлэурэ, е уз зэрыцIалэ
лейхэм ихьурэ, е нэгъуэщI, нэхъыбэ хъу, лъэпкъ зэрыпхъуакIуэхэм
этраукIэхэурэ. КIуэдар кIуэдащ, абыхэм къагъээзжынкъым, хэт сьт
имыщIами, сьт хуэдиз къару иримыхьэллами, сьт хуэдиз мылъку
тримыгъэкIуэдамикI. ЦIыхум ялъэмыкIым щхьэкIэ гуэныхь къахьы-
нукъым.

МащIэкъым гугъу ехъу иджырей зэманым зи лъэри, зи псэри къэ-
зыхьыфа лъэпкъхэм я бжыгъэр. Ауэ, сэ сьзэреплъымкIэ, дунейм зи
лъэпкъ теткъым адыгэхэм хуэдэу егъэлеяуэ гугъу ирагъэхьа, ады-
гэхэм бзлыхъу яшэчам хуэдиз зрагъэшэча, адыгэхэм хуэдэу зиль гү-
щIэгъуншэу хамэ зэрыпхъуакIуэхэм ягъэжа. Псом хуэмыдэу адыгэ
лъапсэм улэгъэ ин, улэгъэ хьэлтэ иридзащ урыс пащтыхьхэу илъэ-
сищэ нэблагъэкIэ Урысей-Кавказ зауэр кыщцIэзыдзэу езыгъэкIу-
эклахэм.

Бжыгъэ ялэкъым, а зауэ бзаджэм я хэку яхъумэжын фIэкла нэгъу-
эщI мурад ямыIэу Iэцэ къээзыщтауэ хэкуэда адыгэлIхэмрэ щIалэхэм-
рэ, топышэм иукиа, е мафIэм хисхьа лыжьхэмрэ фызыжьхэмрэ, пща-
цэхэмрэ сабийхэмрэ. Зи гугъу тщIы зауэр, зауэ бзаджэр увылащ 1864
гъэм, урыс пащтыхьым и дзэм Кавказ Ищхьэрэр иубьдри. Ауэ абы и
ужьри махуэ яхуэхъуакъым адыгэ лъэпкъым и нэхъыбэми, нэгъуэщI
бгырыс лъэпкъхэм ящыщ куэдхэми. Ахэр залмыгъэкIэ ирахауащ
къщалъхуа щIыплэхэм, убыдыплэ зимыIэ жьыбгъэм хуэдэу зызыуб-
гъу уз зэрыцIалэхэм, нэгъуэщI тхьэмыщIагъэхэм кыыхэкIа кIэрыху
иныр яужь къинэу.

Тыркум адыгэхэр нэсу, абы и нэхъ псэупIэ лейхэмрэ, тырку
султIанхэм къаубыда хамэщI жыжьэхэмрэ ирагъэтIысхьа нэужь-
кIи гугъуехьымрэ бэлыхьымрэ я плIэм дэлъу дунейм тетащ зи хэку
дахэр зрагъэбгынахэр. Гүлэгъуэрэ хьэзабрэ я махуэу, егъэлеяуэ бам-
плэу я гъащIэр яхьащ, адыгэ бзылхугъэхэм, жэщым уафэм дэплъей-
рэ мазэр ялъагъухукIэ я нэпсхэр кыщцIэжу.

Зэман куэд екIуэклащ адыгэхэм я нэхъыбэр хэхэсу, зыхэс лъэп-
къышхуэхэм дакъузэу, уеблэмэ я анэдэлъхубзэмкIэ заплъыхьурэ
щыпсалтэ куэдрэ къахуихуэу. ЩIыхьышхуэ зэрахуэфашэщI, абыхэм
лIыгъэшхуэ яхэлъащ икIи ягъэлъэгъуащ – куэд яхэщIами, зэры-

лъэпкъыу захъумэжыфащ, я бзэр, я хабзэ, нэмыс дахэхэр ягъэклуэ-дакъым.

Сыту плэрэ абыхэм къадэлэпыкъуар, сыту плэрэ абыхэм къару мыухыжыныр къезытар? Сыщыуэну сфлэщыркъым, гугъэрщ, хэ-кужыр ялъагъужыну, абы къагъээзэжыну зэрыгугъар арщ, – жыслэмэ. Гуауэщ, гуауэшхуэщ бжыгъэншэ адыгэ куэдэр дунейм зэрехы-жар, я хъуэпсаплэр къемыхъулэу.

Куэдми-мащлэми нэхъыбэ дьдэу псэу цыху зэкъуэтлакъуэхэм къагъэщым хуэдиз хъун, е щигъун илъэс бжыгъэклэ дахэ-дахэу зэ-рыщлакъым хэкум къина адыгэхэмрэ къыщалъхуа щыплэр зыбгы-нахэмрэ. Аращ гуфлэгъуэ ин цлэхъуар 1957 гъэм Мэзкуу щеклуэкла щлалэгъуалэхэмрэ еджакулэхэмрэ я Дунейпсо зэлуцлэшхуэм Къэбэр-дей-Бэлъкъэрым игъэклуа къафаклуэхэмрэ Сирием къиклауэ щыта адыгэ пщашэхэмрэ щлалэхэмрэ зэрызэхуэзар. Занцлэу зэщыщтат республикэр зэрыщыту ди лыклуэ ныбжыщлэхэм Совет Союзым и къалэ нэхъыщхъэм къыраха хъыбарыщлэм. Мис аращ пэщлэдзэ хъу-ар адагэхэм я тхыдэм мыхъэнэшхуэ илэу къыщыхъуа пычыгъуэм.

Дауикл япэ лъагъуэр хишыну, ар гъуэгу хуит ищлыну, япэ лъэ-мыжыр трилъхъэну зыхуэфашцэр дэрати, сигугъэщ ди къалэныр дгъээзэщлауэ. Куэд дэмыклыу а зэманми, и ужьклэ илъэс зыбжанэкли республикэм унафэщлэ лэжыа Мэлбахъуэ Темборэрэ Компартым и обкомым и секретару щыта – Шэджихъэщлэ Мухъэмэдрэ я фыгъэклэ Налшык къыщызэлухаш хамэ къэралхэм щыпсэу лъэпкъэгъухэм культурэ и лъэныкъуэклэ зэпызыщлэ Совет Комитетым и Къэбэрдей-Бэлъкъэр къудамэ. Езы комитетым 1975 гъэм декабрым и 16 «Роди-нэ» («Хэку») цлэ лъаплэр флэщауэ щытащ. Абы и пщэ дэлъащ иджыри дэлъщ хамэ къэралхэм щыпсэу ди лъэпкъэгъухэм лъэныкъуэ куэд-клэ пыщлауэ щытыну.

Нытлэ, сыт хуищлэ иджыри хуищлэрэ ди «Родинэм» хамэ къэрал-хэм щыпсэу адыгэхэм, бэлъкъэрхэм, нэгъуэщлэ лъэпкъ республикэм исхэм ящыщхэм? Зэман куэди, «Адыгэ псалъэри» зэрыщыту ухуейщ упщлэ къэдгъэувам жэуап зыубгъуа ептын папщлэ. Апхуэдэу щы-щытклэ, лэмал зэрыдгъуэтклэ клыхъ зытщынкъым.

Япэрауэ, «Родинэм» лупщлэ ищлэщ хэкур зыбгына адыгэхэмрэ абыхэм къатехъукыжахэмрэ щыпсэу къэралхэмрэ щыплэхэмрэ, къалэ куэдымрэ, къуажэ зыбжанэмрэ. Зи гугъу тщыи къэралхэр

кѡапштэмэ, япэ идгъэувэр – Тыркурщ. Абы адыгэу мелуанищ – плы щыпсэуэ жалэ, езы ди лъэпкъэгъухэм я тхъэмадэхэм. Абыхэм зэ-рабжымкIэ, мелуанищым щыщу зымелуаным адыгэбзэ ящIэркъым. Тыркум кIэлъыкIуэр Сириеращ. Абы мин 80 хуэдиз адыгэ, зы миным нэблагъэ бэлъкъэр щопсэу. Ещанэр – Иорданиеращ. Мыбы щопсэу адыгэу мин 60-м нэблагъэ. Германием цыху мин 20, Америкэм мин 7-м щигъу, Голландием 700-м хуэдиз, Югославием 200-м нэс. Ма-щIэкъым Египетым адыгэлъ ящIэту щыпезухэри. КIэщIыу жыплэмэ, ди лъэпкъхэр дуней псом тепхъа хъуащ, нартыху жылэ губгъуэм трапхъам хуэдэу. Хамэ къэралхэм адыгэхэм зэреджэр – шэрджэсщ.

Ди «Родинэм» псом япэ запищIащ Сириемрэ Иорданиемрэ щып-сэу адыгэхэм, абыхэм яужькIэ Тыркум исхэм, илъэсипщI-пщыкIуз япэкIэ Германиемрэ Америкэмрэ къыщыхутахэм. Иджыри, а зэпы-щIэныгъэхэр тIыгъщ, хэдмыгъахъуэми хэдмыгъэщIыу. Илъэс къэс къэралиплым, е къэралитхум щыпсэу адыгэхэм я деж «Родинэм» егъакIуэ лыкIуэ гупхэр республикэм, районхэм, къалэхэм я унафэщI, культурэм, щIэныгъэм, узыншагъэр хъумэным жьыщжэру хэлэжьы-хъ цыху цIэрылуэхэр яхэту. Дэри къыдогъэблагъэ хамэ къэралхэм щыпсэу адыгэхэм я лыкIуэхэр. Зэрыгурылуэгъуэщи, дэ дгъакIуэ лыкIуэхэр адыгэ хабзэм тету екIуу ирагъэблагъэ ди къуэшхэмрэ ди шыпхъухэмрэ. Абыхэм куэд щалъагъу здэкIуа щIыналъэхэмрэ зыху-экIуахэмрэ я деж. Си гугъэщ, дэри къедгъэблагъэхэм хуэфашэ пщIэ яхуэтщIыу. Дэ дгъакIуэхэм щыгъуазэ зыхуащI ди лъэпкъэгъухэм я псэукIэм, дуней тетыкIэм, къащIэ зи хэку имысыжхэр зыхуэныкыуэр, зыхуэфIыр, абыхэм дэ дазэрыдэлэпыкыуфынур я бзэр, хабзэр, нэмы-сыр яфIэмыкIуэду адыгэ лъэпкъ къабзэу къызэтенэным папщIэ. Ди республикэм къагъакIуэ хьэщIэхэм дэ ядогъэлъагъу ди псэукIэр, къагурыдогъауэ ди Iуху зытетыр, нэрылъагъу яхудощI я къару, я мылъку зыхалъхъэфынур, ядогъэлъагъу Къэбэрдей-Бэлъкъэрым ис лъэпкъхэм я культурэм зэрызиужьар, абы ехъулэныгъэ илэхэр. КъакIуэхэри дэри, здэдгъакIуэхэри дгъакIуэхэри зэгъусэхэу топсэ-лъыхъхэр ди Iуэху, я Iуэху зытетхэм, дяпэкIэ дызэрыздэлэжьэным, къэтIэтыну, дгъэзэщIэну Iуэхухэм, ди зэпыщIэныгъэр егъэфIэкIуа зэ-рыхъуну щIыкIэхэм. Ар лъэныкыуитIми я сэбэп зыхэлъ лэжьыгъэщ.

Дэ зэпымычу, езэш дымыщIэу, гулъытэшхуэ яхудощI ди лэп-къэгъухэм я бынхэм, щIалэгъуалэхэм. Илъэс куэд щIауэ идогъаджэ абыхэм ящыщ куэд. 1968–1997 гъэхэм ди къэралым и университе-

тиэмрэ институтхэмрэ къауащ, пцлэншэу щедгъаджэурэ, ди лъэпкъэгъу щлалэрэ пщачэхэу цыху 800-м щлггъум. Иджы Къэбэрдей-Бэлъкъэр къэрал университетымрэ Къэбэрдей-Бэлъкъэр къэрал мэкъумэш академиемрэ щоджэ ди лъэпкъэгъу щлалэгъуалэхэм ящыщ 200-м нэс. Мы луэху мыхьэнэшхуэ зилэм хуабжьу хэлэжьыхьащ зи цлэхэр пщымыгъупщэн профессор Кларэф Къамболэтрэ профессор Лъостэн Владимиррэ ди университетым и ректору, «Родинэм» и тхьэмадэу щылэжьа зэманым. Иужьрей илтьэсхэм абы егугъуащ академием и ректору лэжьа профессор – Филэпц Борис. Иджы а луэхум гурэ псэклэ бгъэдэтц университетым и ректор профессор Къарэмырзэ Барэсбийрэ академием и ректор профессор Жэрыкъуэ Борисрэ, абыхэм ягъусэхэу еджаплитми щылажьэ профессор, егъэджаклэу зыбжанэ. Абыхэм псоми яхуэфашцэщ фыщлэшхуэ.

Мыбы пысщэнщи жыслэнщ «Родинэм» республикэм гуп-гупурэ къишэурэ хэхэс сабий цэ бжыгъэхэм хэкужьыр зэрыригъэлъагъур, ди сабийхэм ягъусэу зыгъэпсэхуплэ дахэ «Коммунальником» зырыщылахэр. Ди хьэщлэ цыкылэхэм я гум къынащ ядгъэлъэгъуа «луащхьэ-махуэ», «Гуэл щхъуантлэ», «Шэджем псыкъельэхэр», нэгъуэщл куэди. Дэ къатшэурэ ди лъэпкъэгъу сываджэ куэдым едгъэлэзащ республикэм и дохутыр лъэщхэр. Ахэр клуэжахэщ я узыншагъэр нэхъыфл хъужауэ, дэрэжэгъуэ яхэлъу.

Анэдэлъхубзэ зимылъыр лъэпкъыжкъым. Абы гува-щлэхами флэклэуэдынущ хабзэрэ нэмысу лъэпкъым ллэщыгъуэ зыбжанэм зыхилъхьар. Иджырей зэманым а жыхуэслэр хамэ къэралым щыпсэу адыгэхэм къащыщынклэ шынагъуэ ин щылэ хъуащ. Я бзэр яджын щхьэклэ, сабийхэми, щлалэгъуалэхэми дэ зэпымычу яхудогъэхь тхыльхэр, журналхэр, газетхэр.

Алъандэрэ сызытепсэльыхьам нэхърэ нэхъыбэщ мыдэ, «Родинэм» и луэхущлалэм щыдлэжьхэр. Зы махуэ дэклырккъым абы къыщлэмыхьэу, хамэ къэралхэм къиклэ ди лъэпкъэгъухэр.

Нэгъабэ закъуэр къапштэмэ, дэ къыдбгъэдыхьащ цыху 350-м щлггъу хьэщлэу. Абыхэм клэлъэфыгъэ лъэпкъ хэмылъу дадолэпыкыу, зыхуейлуэху – тхьэбзэхэр яхудощлэ. Зы цыху щлэклыжакъым ди офисым яхуэтщламклэ арэзы мыхъуауэ. Апхуэдэу щытащ, щытц икли щытынущ ди лэжьэклэр-лъэпкъым ухуэлэжьэныр хъуэпсэгъуэщ.

«Родинэм» щылажьэ цыху зытлущым тлээкынтэкъым тлээклэм и лыхьэ щаней, дэлэпыкыуэгъуфлхэр димылам. Сыт щыгъуи гулъы-

тэшхуэ кытхуащ! ди луэхум КъБР-м и унафэщ!хэм, правительствэм и лэжьаклуэхэм. Иужьрей илъэсхэм и дамэр быдэу кытщ!егъакъуэ нэгъуэщ! къэралхэм запищ!энымк!э КъБР-м и министерствэм. Фыцэщхуэ яхудощ!, сят хуэдизрэ дабгъэдыхьами кыддэлэпыкъу министрхэм, районхэмрэ кыужэхэмрэ, къалэхэмрэ я унафэщ!-тхьэм-дэ цыху гуапэхэм.

Дэ иджыпстуи дыпэжыжьэкъым Дунейпсо Адыгэ Хасэм, абыи дыхэтщ, дыдолажьэ, дыдолэпыкъу и къалэнхэр еклуу игъээщ!эн пашц!э. «Родинэм» и фыщ!эу плытэ хъунуц игъащ!эм ямылъэгъу-ауэ адыгэхэм Дунейпсо хасэ зэрагъуэтар. Ар кызэригъэпэщын папщ!э, куэдым зэращ!эщи, 1991 гъэм майм и 19–22-м Налшык щы-зэхэтащ адыгэхэм я япэ зэхуэсыр (конгрессыр). Тынштэкъым апху-эдэ зэлущ!э-зэхуэсыр бгъэхъэзырыныр, абы и лэжьыгъэр еклуу еб-гъэклуэкыныр, и лыклуэхэмрэ хъэщ!эхэмрэ еклуу, дахэдахэу къеб-гъэблэгъэныр. Абы ялъэк! къамыгъанэу егугъуащ «Родинэм» и лэжьаклуэхэр.

Республикэм и правительствэр сят и лъэныкъуэкли къадэлэпы-къуу и лэжьыгъэр имыхуауэ майм и 21-м япэ дыдэ дгъэлъэплауэ щы-тащ адыгэхэм я щыгъуэ махуэр.

Щыгъуэ Махуэ. Дыхуей абы адыгэхэр? Дыхуейщ! Дыхуейщ, лъэп-къым кыдаха лейр тцымыгъупщэным щхъэк!э. Дыхуейщ, къэклуэ-ну зэманхэм апхуэдэ лей зыми къыщдимыхыфын папщ!э. Дыхуейщ, адыгэхэр быдэу лъэпкъ зэрылыгъ дыхъуным дыхущ!экъуну. Дыху-ейщ, адыгэхэр игъащ!эк!э зыщ!эхъуэпс лъэпкъыу дунейм дытетыну дызэримурадыр псоми къагурылуэн папщ!э.

Май мазэ, 1998 гъэ.

Ефэнды Джылахъстэн

* * *

Пятый конгресс Международной черкесской ассоциации состо-ялся в июле 2000 года в Нальчике. С отчётным докладом «О работе Исполкома МЧА за период с июля 1998-го по июль 2000 года» вы-ступил президент МЧА профессор Б. Х. Акбашев.

Конгресс прошёл организованно и чётко, в деловой обстановке. На нём выступили руководители всех делегаций, прибывших из-за рубежа и из республик Северного Кавказа. Все они положительно оценивали работу Исполкома МЧА. Не буду описывать детали со-

стоявшейся на конгрессе дискуссии. Приведу лишь один небольшой отрывок из отчётного доклада Бориса Акбашева:

– Важной частью нашей работы по духовному объединению абаза-адыгов всего мира является деятельность отделений общества «Родина», входящих в состав МЧА. Опыт работы общества «Родина», давно созданного в КБР и возглавляемого всеми нами уважаемым Джилахстаном Эфендиевым, показывает, что и в современных сложных условиях можно многое сделать. Рождением Международной черкесской ассоциации адыги всего мира обязаны прежде всего Кабардино-Балкарской Республике, Советскому обществу «Родина» и его кабардино-балкарскому отделению, созданному благодаря инициативе и усилиям таких замечательных сынов нашего народа, как Тимбора Мальбахов, Мухамед Шехихачев, Камбулат Керефов, Владимир Тлостанов и другие. Именно они и Кабардино-Балкарское отделение «Родина» во главе с Д. К. Эфендиевым проложили первые тропинки к нашим зарубежным соотечественникам ещё в те времена, когда это было очень трудно. Достаточно сказать, что обществом «Родина» КБР за время его деятельности организовано обучение более 800 молодых адыгов из числа диаспоры в вузах СССР, РСФСР и КБР. Подготовлено целое поколение национальной интеллигенции. И сегодня общество «Родина» КБР это благородное дело продолжает, ежегодно приглашая 30 представителей диаспоры на учёбу в Кабардино-Балкарский университет и 10 – в Сельхозакадемию.

Ежегодно около 500 соотечественников обращаются в общество «Родина» с различными просьбами, и все они получают необходимую помощь даже в таких сложных делах, как оформление гражданства и получение вида на жительство в РФ, трудоустройство и поступление детей в учебные заведения, налаживание экономических связей.

Общество «Родина» КБР поддерживает постоянную связь с зарубежными общественными организациями, входящими в состав МЧА, направляет им учебники родного языка, литературно-художественные журналы «Ошхамахо», «Нур», номера газеты «Адыгэ псалъэ», другую литературу на родном языке.

Как видите, не поскупился Борис Акбашев на похвалу в адрес Кабардино-Балкарского отделения ассоциации «Родина». По настоя-

тельной просьбе Бориса Хаджимурзовича конгресс освободил его от обязанностей президента МЧА, избрав на этот пост председателя Парламента КБР З. А. Нахушева. Б. Х. Акбашев и автор этих строк были избраны вице-президентами. По решению конгресса штаб-квартира МЧА вскоре была перенесена навсегда на её родину – в город Нальчик.

Министерская «перестройка»

Первого сентября 2001 года Кабардино-Балкария торжественно отметила 80-летие своей государственности. Юбилей республики прошёл весьма торжественно, как светлый праздник всех народов, живущих на её прекрасной земле. Праздник, как всегда, украсили мастера искусств, творческие коллективы и учреждения Министерства культуры КБР. Они в какой-то мере ослабили нервный стресс, который испытывали в последнее время многие наши земляки старшего и среднего поколений.

Прошли после праздника несколько месяцев, в течение которых мы активно работали с зарубежными соотечественниками, в нужный момент находя поддержку Министерства внешних связей Кабардино-Балкарской Республики. И вдруг, совершенно неожиданно и непонятно для всех исполнительных органов власти, руководство республики приняло решение об упразднении этого министерства. Имея свои гимн, герб и флаг, КБР осталась без министерства, которое считалось и считается одним из атрибутов любого государства, пользующегося пусть даже относительной самостоятельностью и правом вступать в какие-то связи с другими государствами по какому-то кругу вопросов и проблем. Делёж аппарата МВС КБР затянулся. Труднее было с решением вопроса о том, куда пристроить его отдел по связям с зарубежными соотечественниками. Однако нашлось решение и этой проблемы, которое, хотя и было принято без моего участия, я считаю наиболее подходящим: отдел этот передали Министерству культуры КБР.

В те дни, 28–29 апреля 2002 года, в Нальчике проходили заседания Совета Международной черкесской ассоциации. В шестом часу вечера 28 апреля я вернулся в общество «Родина» с заседания, со-

стоявшегося в здании Института информатики у Адама Нахушева, по совместительству являющегося президентом Международной адыгской академии наук. Один из наших сотрудников протянул мне лист бумаги. Это был бланк с приказом министра культуры республики о назначении его начальником отдела по связям с зарубежными соотечественниками. Я поздравил его и принял за свои дела, а он, не задерживаясь ни минуты и не сказав ни слова, поехал домой. Тридцатого апреля мы продолжили работу Совета МЧА в здании Парламента КБР. Оттуда в пятом часу вечера я завернул в «Родину» и застал здесь такую картину: за моим рабочим столом гордо восседал новый начальник отдела, а мои папки с разными бумагами и перекидной календарь лежали на стоявшем у стены диване. Ничего не говоря, я взял с собой нашего молодого и застенчивого референта Расула Борчаева и направился в магазин «Кенгуру» на улице имени М. Ю. Лермонтова. Мы купили там курицу-гриль (жаренную на вертеле), бутылку прохладненского коньяка КВВК, ростовское шампанское и, вернувшись к себе, устроили праздничный ужин счастливому назначенцу. После ужина мы с Расулом собрали свои вещи, книги, альбомы, папки с бумагами и навсегда оставили скромный офис «Родины», в котором я трудился ровно пятнадцать лет.

Работа в «Адыгэ Хасэ»

За несколько месяцев до этого события я был совершенно неожиданно избран тхамадой (председателем) вновь созданной Нальчикской городской кабардинской общественной организации «Адыгэ Хасэ», которой администрация города вскоре предоставила служебное помещение из двух кабинетов в доме № 48 на проспекте имени В. И. Ленина. Здесь я вот уже несколько лет занимаюсь сугубо национальными вопросами, прежде всего воспитанием детей и юношества в духе вековых традиций наших народов. Здесь я продолжаю писать свои мемуары в свободное от посетителей время, во всём и всегда пользуясь поддержкой двух замечательных дочерей Кабардино-Балкарии – председателя и заместителя председателя Женского совета города – Розы Хизировны Беппаевой и Зои Николаевны Фокичевой. Они, городское отделение партии «Единая

Россия» и мы занимаем первый этаж одного подъезда, изолированный от других помещений.

Роза и Зоя являют собой образец настоящих горянок, достойных подражания. Скромность, обаятельность, уважительное отношение ко всем в чём-то нуждающимся женщинам, стремление помочь в трудную для них минуту – вот драгоценные черты замечательных дочерей кабардинского и балкарского народов. Наверное, потому и обращаются к ним сотни нальчанок, ищущих выхода из создавшегося трудного положения. Роза и Зоя (я зову их Розиттой и Зонинькой) уже бабушки, хлопот домашних им, разумеется, хватает. Но общественная работа, забота о землячках для них прежде всего. Чего только они не изобретают ради них! Они создали даже вещевой фонд, где нуждающиеся женщины и дети могут подобрать себе одежду и обувь. В этом фонде безвозмездно работают четыре активистки-пенсионерки. Ближайшими же помощницами Беппаевой и Фокичевой являются их верные подружки: Фатима Батырова – чемпионка Европы по настольному теннису, работающая ныне начальником спортивного комплекса Нальчикского домостроительного комбината; Лидия Дигешева, возглавляющая участок подписки и доставки Главпочтамта и Олеся Реуцкая – медик, дизайнер-модельер, девушка редкостной красоты и обаяния.

Роза Хизировна Беппаева, много лет работавшая заместителем председателя исполкома Нальчикского городского Совета депутатов трудящихся, и Зоя Николаевна Фокичева, длительное время занимавшая ответственную должность в Президиуме Верховного Совета КБАССР, так трудятся в Женсовете города Нальчика, что невозможно не восхищаться их преданностью возложенному на них благородному делу. Ко мне же они относятся, как к родному брату. Словом, повезло мне с соседками-сёстрами на последнем этапе своей трудовой деятельности.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Трудовая деятельность. Как долго длилась она у меня? Без малого 60 лет. Это без учёта четырех лет и четырёх месяцев службы в Военно-воздушных силах Красной армии с 8-го июля 1941-го по

27 октября 1945 года. Порой мне кажется, что они пролетели стрелой, как впрочем и все прожитые мной годы. Люди, за редким исключением, остаются здравомыслящими, прожив долгую жизнь. Во много раз меньше встречаются люди, особенно среди пожилых мужчин, способные наряду с умственной деятельностью заниматься физическим трудом. Я мысленно отношу себя к этому счастливому меньшинству, не зная ни хвори, ни простуды, ни аллергии, ни какого-либо недомогания, ни лени и постоянно находясь в спортивной форме. В чём секрет этого феномена? Ответ на этот вопрос может оказаться полезным для многих молодых людей, которые, успев лишь плотно позавтракать, стремительно бегут к баранкам своих «иномарок», ленясь или боясь пройти до места работы пешком 300–500 метров. А ответ на поставленный мною вопрос прост: тело человека, его мышцы должны работать и работать, оказывая тем самым неоценимо действенную поддержку своему мозгу, который, как известно, является нежнейшей тканью человеческого организма.

Усвоив эту непреложную истину, я с юных лет нещадно эксплуатирую свои мышцы, весь свой организм сорокаминутной утренней силовой гимнастикой с гантелями и эспандерами, состоящей из 13 упражнений и 1520 движений. Очень редко сажусь в автобусы, троллейбусы и маршрутки, ежедневно отмеривая пешком по улицам города 6–7 километров со скоростью 7 километров в час. Во время продолжительных перелётов из одной страны в другую, с одного континента Земли на другой, я делал утреннюю зарядку на борту современных воздушных лайнеров, правда, не в полном объёме. С 1945 года моими неизменными спутниками стали и остаются два дефицита – в весе и времени. И это, скажу во всеуслышание, прекрасно: коси день за днём альпийские луга, копай землю в саду или огороде – ни мозоли на ладонях, ни сильной усталости. Прими душ, поужинай, ложись и спи спокойно аж до шести часов утра!

Не сложись моя трудовая деятельность в таком режиме и ритме, я, наверное, не дожил бы до события в своей жизни, имевшего место 30 ноября 2004 года. Посвящу ниже о нем своих будущих читателей.

Благодаря таким замечательным людям, как Ахмед Бороков, Заурби Шиков, Ильзита Болова и Марина Цагова, много лет самоотвер-

женно работающим в сфере социальной защиты населения, 20 ноября 2004 года мне неожиданно вручили «горящую» путёвку в санаторий «Голубые ели». Я с благодарностью принял её, и жизнь моя пошла примерно в таком порядке, как это было в дни моего пребывания в этой здравнице в 1999 и 2002 годах. О чём читатель может узнать из нижеследующей небольшой статьи, которая была написана мной по просьбе главного редактора газеты «Горянка» Розы Каншумасовны Сабанчиевой и опубликована в ней в июле 2002 года.

Оазис здоровья

Слово о санатории «Голубые ели»

Признаться, я домосед и не люблю оставлять надолго своё скромное «орлиное гнездо» в девятиэтажном крупнопанельном доме. Мне очень нравится проводить летние вечера у себя во дворе, сидя на скамейках под широкими кронами деревьев, посаженных нами, жильцами, пятнадцать лет тому назад, или играя тут же, на площадке, с маленькими обитателями 108-квартирного дома. Но так случилось, что я на целых три недели оставил свой сказочный замок. В санатории «Голубые ели», о котором пойдет речь в этой статье, я отдыхал первый раз осенью 1999 года. Скажу откровенно: был приятно удивлён тогда тем, что он сохранился во всей своей красе, не потеряв ни крыши, ни окон, ни дверей в период варварского разорения здравниц курорта Нальчик.

Дни, проведённые в нём, его большой дружный коллектив, возглавляемый Ш. М. Князевым, оставили в моей памяти неизгладимое впечатление. И вот теперь, уже второй раз, привела меня сюда заботливая рука Министерства труда и социального развития КБР.

Двадцатого июня 2002 года я пешком отправился в Долинск по улице Н. И. Пирогова и через полчаса вошёл в санаторий. Людмила Красова, дежурившая в тот день на вахте, тепло встретила меня и провела в регистратуру к Елизавете Магомедовне Аттаевой. В уютной приёмной находились несколько прибывших на лечение людей. Увидев меня, Лиза поздоровалась и пригласила сесть. Она

взяла мою путёвку и, прислонив к своим вискам руки, тихо произнесла:

– Что мне делать? Нет ни одного свободного места, непредвиденно большой заезд, занимаем кабинеты врачей и гладильные комнаты.

Разумеется, меня это не обрадовало, но...

– Лиза! – обратился я к ней спокойным голосом, – прошу за меня не беспокоиться и не переживать. Вечером пойду домой, если понадобится, то же самое сделаю завтра и послезавтра. Когда всё утрясётся, стану ночевать здесь. Только вручите мне, пожалуйста, санаторную книжку и направьте к врачу.

Она быстро выписала «заветную» книжку и, вручив её мне вместе с талоном на питание, повелительным тоном сказала:

– Сейчас идите на обед, а потом уже к врачу в диагностический кабинет. Он находится на втором этаже лечебного корпуса.

Я быстро пообедал, перешёл в лечебный корпус и постучал в кабинет функциональной диагностики. Миловидная девушка с большими карими глазами открыла дверь и пригласила в кабинет.

Я тут же представился, а она в ответ назвалась:

– Медсестра Тамара Кушхова.

Взяв мою книжку, она повела меня в соседнюю комнату к доктору и, о радость, им оказалась очаровательная Тамара Ивановна Хачатурова, которая лечила меня здесь три года тому назад.

Не спеша измерив артериальное давление, она улыбнулась и объявила:

– Ну, Константин Касимович, такое давление бывает далеко не у всех молодых людей – 120 на 80.

И началась моя процедурная круговерть.

Приём йодобромных ванн я начал ещё 21 июня. Здесь, в огромном отделении, работают три женщины: медицинская сестра Людмила Александровна Мусостова и санитарки Галина Буланова и Раиса Мустафаева. В ожидании своей очереди я не раз слышал от клиентов слова благодарности в их адрес. Я тоже остался очень хорошего мнения о них.

Двадцать второго июня в четыре часа пополудни меня приняла массажистка Людмила Бреус. Не сомневаясь в единодушии с другими клиентами, осаждавшими массажный кабинет, скажу о ней не-

сколько слов: Людмила Бреус – без преувеличения, человек доброй души, мастер своего трудного и тонкого дела.

Двадцать третьего июня, во время обеда, подошёл ко мне в столовой высокий и стройный мужчина лет шестидесяти, представился как положено и сказал:

– Вот ключ от нашей палаты № 204. Она на втором этаже.

Мы с ним вселились в эту палату, во всём удобную, обставленную мягкой мебелью, с холодильником и телевизором японского производства. Сосед мой – Хабала Кумахов – оказался аккуратным во всём человеком и интересным собеседником. Словом, жить мне стало легче и веселее.

Любовь Магомедовна Жанатаева работает на двух участках – в кабинетах ингаляции и циркулярного душа, отпуская процедуры, совсем не похожие друг на друга. В циркулярном и больные, и здоровые клиенты легче ориентируются в обстановке и не играют на нервах замечательной медсестры. Но зато в кабинете ингаляций, назначаемых лорврачом Мадиной Султановной Ахриевой, ей достаётся основательно – приходится терпеливо и не по одному разу объяснять порядок и правила пользования ингаляторами. Выдержка у неё, бесспорно, на крепком фундаменте.

По соседству с циркулярным кабинетом в эти дни работала самая «пышная» медицинская сестра санатория Елена Скокова (со времени первого пребывания в «Голубых елях» я зову её Леночкой Тверской), нещадно обстреливая из шланга любителей подводного душа-массажа, которые уходили от неё после процедуры усталыми, но довольными, с лицами цвета спелой малины. Оговорюсь здесь для ясности, что Лену и Зарету Хамдохову, делающую анализы крови, после знакомства с ними в 1999 году считаю своими юными друзьями, горжусь ими.

Т. И. Хачатурова, обстоятельная во всех своих действиях, на заключительном этапе моего пребывания в санатории решила пропустить меня через эндоскопический кабинет. Войдя в кабинет, я предстал перед доктором с оригинальной седой бородой. Полистав мою санаторную книжку, он пригласил на помощь молодую, одетую по форме женщину с фигурой танцовщицы классического балета. Вопреки моему ожиданию, они быстро «расправились» со мной и, до-

вольные результатом, предложили посетить кабинет № 14. Но кто же они сами? Отвечаю: врач-консультант из Республиканской клинической больницы Юрий Александрович Василенко и медицинская сестра Тамара Гальченко.

На другой день пошёл в кабинет № 14, где встретила меня сестра Нателла Григорьевна Лобжанидзе. Молодая обаятельная грузинка ловко провела мне не совсем лёгкую процедуру и, сделав назначение, сказала:

– Приходите и завтра, и послезавтра.

Примерно неделей раньше, быстро проходя мимо консультативных кабинетов, я неожиданно увидел на двери одного из них табличку с надписью: «Врач-окулист Ирина Залим-Гериевна Саральпова». Не зайти и не увидеть её я не мог, так как мы давно знакомы, и она известна на всю республику как окулист-чародей и изумительный человек. Ирина тоже обрадовалась нашей встрече, заглянув на миг в мои глаза, посоветовала освежить их левомицетиновыми каплями и направила в процедурный кабинет. Так я познакомился с излучающей нур (свет) медсестрой Асият Биттировой, которая имеет дело и со многими другими процедурами.

Кабинет орошения дёсен очень привлекателен своей процедурой, лёгкой и очень полезной, здесь всегда много людей. Он примечателен и своей милой хозяйкой Лидией Павловной Синюковой – главной медицинской сестрой «Голубых елей». Я принял здесь 10 процедур.

К сожалению, я лишь один раз смог побывать в спортивном зале и бассейне, но они удивили и обрадовали меня. Редкое учреждение (лечебное ли, спортивное или учебное) обладает таким комплексом. Спортзал санатория, огромный по своей площади, оборудован множеством тренажёров, рассчитанных на основательную разработку и укрепление мышц и костей человека, а плавательный бассейн – одно загляденье. Комплекс этот чётко обслуживает один единственный молодой человек – Анзор Елеков, квалифицированный специалист, получивший и хорошее семейное воспитание. Вообще же, как я заметил, в бассейн на плавание ходили в основном женщины, которые почти во всём превосходят мужчин, и в последние годы несут на своих плечах едва ли не все трудности кош-

марной эпохи, переживаемой современной Россией и её бывшими «братьями» и «сёстрами» по СССР.

Всем лечебным процессом, многообразным и сложным, в санатории «Голубые ели» заведует давно уже близкая моему сердцу, умная и опытная как врач, неутомимая в работе Татьяна Кишуковна Кушхова. Она заслуживает высокой похвалы, достойна глубокого уважения и признательности. Минуты коротких встреч и бесед с ней оживили в моей памяти волнующие и трогательные моменты моей жизни, связанные с её родителями и сестрой Светланой.

Санаторий есть санаторий, это не больница и не поликлиника. Здесь люди не только лечатся, но и отдыхают, развлекаются и веселятся, сбавляют лишний или сокращают дефицит в весе, то есть худеют или толстеют. Стало быть, в нём должны присутствовать постояннодействующие факторы, способствующие обновлению человека, образующие благоприятную инфраструктуру.

Начнём с питания: оно организовано здесь просто здорово – ешь, что хочешь и сколько можешь, но в рамках своей диеты. В огромной столовой безупречно работают чуткие, внимательные, привлекательные молодые женщины и девушки. Диетсестра Людмила Барагунова без усталости следит за порядком, подходит к каждому столу. Все дни пребывания в санатории меня и моих соседей кормили чудесные, обходительные, подвижные, как фигуристки на ледяном поле, Земфира Тежаева и Халимат Габаева.

Достойны похвалы также всегда приветливые сотрудницы санатория – вахтёры Людмила Красова, Тамара Хамукова, Светлана Теппеева, Лидия Юдина, лифтёры Сима Хамукова, Асият Куготова и Асият Ашибокова. Они всегда на боевом посту – и днём и ночью. И часто, особенно в вечернее время, многие отдыхающие обращаются к ним по самым различным вопросам и с просьбами.

У санатория «Голубые ели» огромная территория, красиво и надёжно ограждённая металлическими конструкциями. Она утопает в высоких голубых (с разными оттенками) елях, соснах, лиственницах, грушевых деревьях и лесных яблонях, благоухающих розах и полевых цветах. В центре её – большая, пар на 50 танцевальная площадка – танцуй хоть до упаду или сиди на скамейках, глядя на танцующих и слушая музыку; дыши чистым, ароматным воздухом,

смотри на заходящее солнце, а чуть позже – на появление в небе далёких и близких планет, мерцающих в глубинах Галактики звёзд. Единственное ограничение – время: только до 23 часов – это время отбоя.

Внимательно присмотревшись в течение недели к жизни санатория, не раз исколесив вместе с Хабалой Кумаховым его усадьбу, я стал задаваться вопросом: с чем можно сравнить «Голубые ели»? Не сразу я нашёл ответ на него. Помогли собственная память и эпизод из своей зарубежной жизни. Осенью 1968 года я и артисты «Кабардинки» оказались в одном из оазисов казавшейся безжизненной Сахары. Что об этом скажешь? Если совсем коротко, это чудо в бесконечном многообразии природы. Это живой, спасительный уголок пустыни, которому даёт жизнь журчащий родник. Полчаса мы наблюдали там за скоплением усталых путников и выючных животных, которым на наших глазах этот оазис возвращал силы и бодрость, желание и готовность двинуться дальше, до следующего оазиса и конечного пункта изнурительного путешествия. Воспоминание об этом оазисе и вызвало у меня желание назвать этот скромный очерк о нашем санатории «Оазис здоровья». «Голубые ели», действительно, являются самым прекрасным из всех оазисов, вместе составляющих родную Кабардино-Балкарию, давно прозванную «Туристской Меккой».

Прав ли я в своём восприятии «Голубых елей», сложившемся у меня представлении о санатории? Не преувеличиваю ли я, не перехваляю ли его? Эти вопросы возникли у меня закономерно: сомнению всегда должно оставаться место. И, не думая долго, я обратился за истиной к замечательным людям, которые по счастливой случайности окружали меня в эти дни и облегчили, украсили мою жизнь в санатории. Привожу их весьма короткие и вместе с тем исчерпывающие отзывы.

Светлана Николаевна Бондаренко – учительница немецкого языка из Прохладненского района:

– Санаторий «Голубые ели» – здравница высокого класса. Я не радауюсь им. Мой лечащий врач Мария Уянаева – настоящий человек и специалист.

Амина Гожева – заведующая отделом Национальной библиотеки КБР:

– Нелегко подобрать слова, чтобы по достоинству оценить санаторий. Влюблена в своего врача Татьяну Петровну Бортникову.

Светлана Хатуева – директор Республиканской детской библиотеки имени Б. Пачева:

– Санаторием восхищаюсь неустанно. Мой доктор Зумруд Бугдаева – специалист высокой квалификации и очень милое создание. Мне очень нравится и весь коллектив санатория.

Хабала Кумахов:

– Какой руководитель – такой и коллектив. Большое спасибо главному врачу санатория Шаману Магомедовичу Князеву!

Любовь Мезенцева – заведующая учебной частью средней школы из города Нарткалы:

– Я в восторге от санатория и его замечательного коллектива.

В разные дни и часы мне приходилось слышать добрые слова и об иных сторонах жизни санатория, других его сотрудницах и сотрудниках. Не скрою, мне очень приятно было слышать слова благодарности в адрес моей землячки и родственницы – невропатолога Юлии Муратовны Бицуевой, которая, несмотря на потрясение, вызванное обрушившимся на наше с ней родное село Аушигер стихийным бедствием, оставалась на своем посту.

Строгий и немногословный главный врач «Голубых елей» Шаман Магомедович Князев со дня открытия санатория уверенно ведёт вперёд огромный корабль, названный мной «Оазисом здоровья», ведёт на радость жителям Кабардино-Балкарии и соседних с ней республик Северного Кавказа. Доброго, долгого, счастливого пути и Вам, Шаман Магомедович, и всему коллективу «Голубых елей»!

В дни опубликования этой статьи я скупил все экземпляры газеты «Горянка» в киосках, расположенных в районе от улицы имени М. Ю. Лермонтова до проспекта имени К. Ш. Кулиева, повёз в санаторий и раздал сотрудникам и сотрудницам, чьи имена мною были названы в публикации. Все они благодарили меня, заявляя, что впервые в жизни удостоены такого внимания.

Юбилей

...Отдых и лечение в «Голубых елях» и на этот раз проходили у меня в очень хороших условиях: жилище – палата просторная, с мягкой мебелью и японским телевизором, питание отличное, вежливость и внимательность со стороны врачей, медицинских сестёр и других сотрудников санатория. Я строго соблюдал распорядок дня здравницы, аккуратно принимал все назначенные процедуры, в которых не было недостатка, только успевай. Так прошли десять дней из двадцати одного.

Тридцатого ноября, приняв утренние процедуры и пообедав, я решил прилечь на часок, чтобы потом сесть за свои мемуары. Но тут раздался стук в дверь палаты, и только я успел громко сказать: «Войдите», – передо мной оказались два друга – композитор Владимир Моллов и писатель, главный редактор газеты «Адыгэ псалъэ» Мухамед Хафицэ. Обняв меня крепко, до боли в рёбрах, они в один голос заявили:

– Хватит блаженствовать в этом раю, поехали с нами в город.

– А что случилось вдруг? – спросил я.

– Ничего особенного. Хотим показать тебе небольшой концерт из любимых тобой произведений. Надень вечерний костюм и следуй за нами, машина стоит у ворот санатория.

Я быстро оделся и вышел на улицу. Минут через десять машина остановилась у парадного подъезда колледжа культуры и искусств. Как всегда перед концертом, у входа в этот храм музыки и в вестибюле его было многолюдно. Мы зашли на несколько минут в кабинет Владимира Лиловича и оттуда поднялись на второй этаж. Мои друзья «втокнули» меня в концертный зал, заполненный людьми. Увидев нас, все встали и устроили овацию. Я ещё не понял в чём дело, но сердце забилось учащённо, стал волноваться. В передних рядах центрального сектора зала сидели многие знакомые государственные служащие, редакторы республиканских газет, которые бывают здесь не очень часто.

Сразу же, как только стихли аплодисменты, на сцену без объявления вышел большой хор студентов и преподавателей колледжа и под управлением замечательного педагога дирижёра-хоровика

Геннадия Васильевича Гридасова вдохновенно исполнил известную заздравную песню «Многие лета» выдающегося русского композитора Сергея Сергеевича Прокофьева. Волнение моё усилилось. Однако охватившие мою душу сомнения и подозрения исчезли через минуту, когда, выйдя на авансцену, заслуженный артист РСФСР Марк Николаевич Расторгуев произнёс слова:

– Уважаемый Константин Касимович! Сегодня мы собрались здесь, чтобы торжественно отметить ваше «совершеннолетие». Думаю, все согласятся с мнением, что расцвет профессионального театрального, музыкального, изобразительного искусства и самодеятельного народного творчества нашей республики произошёл при самом непосредственном вашем участии, благодаря вашей мудрости, дальновидности, профессионализму – и как руководителя, и как творческого деятеля. Сейчас вас приветствуют учащиеся хореографического отделения колледжа культуры и искусств.

Слова Марка Николаевича, скажу откровенно, придавили меня к креслу, но грациозные девушки и юноши, безупречно исполнившие старинный кабардинский народный танец «Кафа», в какой-то мере ослабили напряжение моей нервной системы.

Став полновластным хозяином сцены – ведущим этого необычного собрания, Расторгуев снова обратился ко мне со словами, что «эти поэтические строки посвящаются вам» и своим дикторским голосом прочитал следующее стихотворение замечательной балкарской поэтессы, журналистки газеты «Кабардино-Балкарская правда» Светланы Моттаевой.

Константину Эфендиеву

Ты и сегодня лёгок на подъём,
Неиссякаем и неистошим.
Тебя я поздравляю с этим днём,
С великим многолетием твоим.
Как дар судьбы тебе – твои года,
Не каждому такое суждено.
Ты для друзей – как чистая вода,
Ты для друзей – как сладкое вино.

Так будь же стоек: жизнь ещё идёт,
Ты полон сил и замыслов больших.
Пусть будет добрым новый поворот,
Счастливее счастливых дней твоих.

13.11.2004

С. Моттаева

– Все годы работы в Министерстве культуры КБАССР, – продолжил далее ведущий, – вы, Константин Касимович, неустанно заботились об эстетическом воспитании подрастающего поколения, приобщении детей и юношества к профессиональному искусству. Сколько новых музыкальных, художественных школ и школ искусства было открыто за это время! Если в начале вашей деятельности в культуре их было у нас всего три, то сейчас в республике насчитывается около пятидесяти детских музыкальных, художественных школ и школ искусства. Они стали прекрасной базой начальной подготовки творческих кадров. Это – ваша заслуга, ваши труды. Для вас прозвучит сейчас приветствие учащихся второй музыкальной школы города Нальчика.

Квартет пианистов этой школы исполняет «Гавот» С. С. Прокофьева. Публика горячо аплодирует детям, полюбившим музыку и увлечённо занимающимся ею.

– Театральное искусство Кабардино-Балкарии, – говорит ведущий, – шагнуло далеко вперёд благодаря мастерству работавших с вами рука об руку корифеев театра: Али Тухужева, Мухарби Сонова, Мурата Болова, Куны Дышековой, Магомеда Кучукова, Маржан Кудавой, Александра Яралова, Ибрагима Маммеева и других. Мы знаем, сколько сил вы приложили, чтобы эта замечательная театральная плеяда систематически и своевременно пополнялась талантливыми молодыми актёрами и актрисами. И вот теперь вас приветствуют ваши воспитанники, ныне уже директора театров: Кабардинского имени А. Шогенцукова – Валерий Балкизов, Балкарского имени К. Кулиева – Михаил Калабеков, Русского имени М. Горького – Мухамед Черкесов и Музыкального – Хасан Макоев.

(Далее описание даю как от третьего лица.)

Они тепло поздравляют юбиляра, а Черкесов вручает ему пожизненное приглашение на все премьеры Русского театра. Затем выступает полюбившийся публике мужской вокальный ансамбль Музыкального театра «Сосуко».

Марк Николаевич приглашает на сцену министра культуры КБР Михаила Хазешеви́ча Балкизова и его коллегу – министра печати и информации Любовь Андреевну Мороз. Глава культуры республики, тепло поздравив юбиляра, вручает ему Почётную грамоту Правительства КБР, а Любовь Андреевна в своей пламенной речи называет виновника торжества «легендарным министром». Услышав эти слова, юбиляр от смущения опускает свою голову почти до колен. В эту минуту на сцену выбегает юный певец, лауреат республиканского и межрегионального конкурсов молодых вокалистов Тимур Хацаев и в необычайно приподнятом настроении исполняет кабардинскую песню «Сынохох» («Поздравляю»). След за этим Марк Расторгуев оглашает поздравительные телеграммы от занимающего высокий пост в МВД РФ генерал-лейтенанта Юрия Александровича Кокова из Москвы и начальника Управления по борьбе с организованной преступностью ГУВД Краснодарского края полковника Виктора Карасёва.

– Работая в течение четверти века министром культуры республики, – продолжает ведущий, – Константин Касимович уделял пристальное внимание укреплению дружбы между народами, проживающими в КБР, их сближению с народами Северного Кавказа, других республик, краёв и областей нашей великой страны. Яркими страницами в историю нашей культуры вошли Дни культуры и искусства Кабардино-Балкарии в Винницкой области Украины, Ростовской и Липецкой областях, в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Адыгее и Краснодарском крае, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае, ответные визиты их творческих делегаций в нашу республику. Об этих событиях напомним вам, Константин Касимович, одна из популярных украинских песен.

Выйдя на сцену, группа студентов и студенток вокального отделения колледжа культуры и искусств темпераментно исполняет украинскую народную песню «Пидманула, пидвела».

Далее в хорошем темпе следуют выступления председателя республиканского комитета профсоюза работников культуры заслу-

женной артистки Российской Федерации Марианны Даовой, юной скрипачки Дарины Нагоевой, проректора КБГУ имени Х. М. Бербекова профессора Хазеши Таова.

Ведущий приглашает на сцену юбиляра, на которого, выйдя из-за кулис, надевают белоснежную бурку и папаху, присланные из Ростова-на-Дону заместителем начальника Главного управления внутренних дел МВД РФ по Южному федеральному округу полковником Усманом Сугаиповым.

Марк Расторгуев, обращаясь к юбиляру, говорит:

– Человек славен не тем, что он делает для себя, а тем, что он делает для других. Именно добрыми делами славен ваш жизненный путь. Много лет тому назад, благодаря вашей активной поддержке, нашим земляком из города Майского, замечательным хореографом Александром Ивановичем Проценко и московским композитором Львом Лазаревичем Коганом был создан наш первый национальный балет «Лялюца», премьера которого состоялась в театре имени А. Шогенцукова 27 апреля 1964 года. Это послужило счастливым предзнаменованием создания Кабардино-Балкарского государственного музыкального театра. Вас приветствуют сейчас первые солисты – исполнители главных партий балета «Лялюца»: народная артистка КБАССР Роза Хакулова и заслуженные артисты КБАССР Борис Карданов и Хасанби Архестов. В вашу честь адажио из балета «Жизель» композитора Адольфа Адана исполняют, можно сказать, их внучата Екатерина Каратуп и Мачраил Шогенов.

Зал устраивает и тем и другим бурные аплодисменты, а взволнованный юбиляр встает с места и трижды кланяется им.

На сцену приглашаются заведующие отделами культуры Зольского, Терского, Урванского, Чегемского и Черекского районов Хизир Калов, Вячеслав Дышоков, Хаути Шугушхов, Лариса Ворокова и Рамазан Казиев. Они тепло поздравляют именинника, вручают ему букеты цветов и передают эстафету известному народному ансамблю «Чегемские водопады», который вдохновенно исполняет две песни – одну на кабардинском, другую – на балкарском языке.

Слово предоставляется заместителям министров КБР: труда и социального развития – Хизиру Бжихатлову, образования и науки – Альберту Тюбееву. Они сердечно поздравляют юбиляра и препод-

носят ему букеты ярких цветов. Вслед за ними молодой певец Тенгиз Габаев исполняет балкарскую народную песню «Водопады».

Обращаясь вновь к юбиляру, Марк Расторгуев говорит:

– В своей широкой, разносторонней деятельности, уважаемый Константин Касимович, вы уделяли большое внимание воспитанию молодых музыкантов, помогая им пробиваться в лучшие музыкальные вузы страны. Примите сейчас поздравление от лауреата международных конкурсов в Италии и Франции, музыканта, закончившего аспирантуру при Ростовской консерватории, ныне преподавателя СКГИИ Романа Мамаева.

Весь зал с восхищением слушает «Вальс Марго» композитора Ришара Голлиано, виртуозно исполненный на аккордеоне молодым музыкантом, успевшим уже блеснуть своим талантом далеко за пределами нашей страны.

– На Всероссийском конкурсе самодеятельного народного творчества в городе Сочи, – говорит ведущий, – после выступления ансамбля бального танца Нальчикского парка культуры и отдыха под руководством тогда ещё совсем молодого хореографа Юсуфа Эминова заместитель министра культуры РСФСР Василий Михайлович Стриганов вскочил с места и, обнимая вас, Константин Касимович, закричал: «Фантастика!». Все знают, как много вы сделали для широкого распространения в республике этого чудесного искусства. Слово предоставляю Юсуфу Эминову.

Хореограф поздравляет юбиляра и жестом руки приглашает на сцену свой ансамбль «Пингвины», который блестяще исполнил танец «Эквадор».

Ведущий говорит:

– Константин Касимович, обладая чувством высокой ответственности, неустанно заботился о судьбе талантливых сынов и дочерей наших народов. Достаточно назвать имена великого дирижёра современного мира Юрия Хатуевича Темирканова и выдающегося певца Заура Нажидовича Тутова, которым он оказал в своё время поддержку и помощь. Сейчас для вас всех внучатые племянницы великого дирижёра Марьяна и Диана Темиркановы споют песню «Ты – это я».

Публика тепло встречает юных певиц и провожает их со сцены бурными аплодисментами.

– В течение восьми лет, Константин Касимович, вы с упорством, достойным подражания, боролись за открытие в городе Нальчике Института искусств, – говорит ведущий. – Многие из присутствующих в этом зале помнят дни, когда вы пригласили к нам своего друга, заместителя министра культуры РСФСР Владимира Васильевича Кочеткова, чтобы ознакомить его с материальной базой и кадровым потенциалом республики для открытия такого вуза. Мы знаем также, что по вашей просьбе незабвенный Тимбора Кубатиевич Мальбахов трижды обращался с этой проблемой к высшим руководителям СССР. Несмотря на препятствия, которые чинились некоторыми московскими деятелями, вы сумели добиться поставленной цели. Институт был открыт, он уже успел обрести популярность, возмужал и готовит творческие кадры для всего Северо-Кавказского региона по многим специальностям. Вас хотят поздравить сейчас ректор этого института доктор философских наук Фуад Эфендиев и директор колледжа, из которого вырос замечательный вуз, композитор Владимир Молов.

После их сердечных поздравлений трио гармонистов колледжа культуры и искусств мастерски исполняет знаменитый «Исламей».

Далее Константина Касимовича взволнованно поздравляет председатель Избирательной комиссии Кабардино-Балкарской Республики доктор исторических наук Борис Зумакулов. Он вручает ему букет любимых юбилеем хризантем.

Марк Николаевич Расторгуев с заметным волнением говорит далее, обращаясь к юбиляру:

– Уважаемый Константин Касимович! В многогранной и трудной работе вас всегда вдохновляла поддержка супруги, незабвенной Ирины Михайловны. Её знали и глубоко уважали все работники культуры и искусства республики. Ваши дочери Марина и Ольга – подарили вам внука Азамата, внучек Мадину, Ляну, Лалину и Ирину, а Мадина – правнука Султана. В память об Ирине Михайловне прозвучит сейчас песня Владимира Молова на слова великого дагестанского поэта Расула Гамзатова «Берегите матерей».

Эту песню, сердечно воспринятую всеми участниками юбилейного вечера, трогательно спел юный певец студент колледжа культуры и искусств Артур Молов.

Ведущий приглашает к микрофону друзей юбиляра – главных редакторов республиканских газет «Адыгэ псалъэ» и «Заман» – Мухамеда Хафицэ и Жамала Аттаева. Они крепко обнимают своего друга и вручают ему корзины живых цветов.

– Многие ваши друзья, – говорит, обращаясь к Эфендиеву, Марк Николаевич, – знают, что вы любите русские романсы и часто напеваете романс Рощина из кинофильма «Разные судьбы». Сейчас для вас прозвучит один из старинных русских романсов.

На сцену величавой походкой выходит заслуженная артистка Кабардино-Балкарской Республики Ирина Даурова и с подъёмом исполняет романс русского композитора XVIII века Е. М. Фомина «Только раз».

Поздравить юбиляра пришли вернувшиеся на историческую родину из Иордании и Сирии и ставшие его друзьями Аднан Махмуд (Хьэщэццыку) и Мамдух Кумык. Тепло встреченные присутствующими, они крепко обнимают юбиляра и преподносят ему большой портрет молодой красавицы-горянки во весь рост в национальном платье. Тут же для них и для всех участников торжества группа студентов и студентов колледжа гордо и величаво исполняет народный танец «Кафа».

Совершенно неожиданно для всех Марк Николаевич, обращаясь к залу, говорит:

– Дорогие друзья! Сейчас я приглашаю на сцену внучек Константина Касимовича – Ляну и Лалину Бегретовых. В подарок своему дедушке они хотят спеть известную песню Игоря Крутого «Ангел-хранитель».

Душевно и гармонично исполнив эту песню, девочки спускаются в зал и под дружные аплодисменты присутствующих в слезах радости целуют своего любимого даду.

Впечатляющим заключительным аккордом церемонии чествования юбиляра, длившейся три с лишним часа, явилось выступление замечательной певицы, народной артистки Российской Федерации, профессора Северо-Кавказского института искусств Наталии Гасташевой, которая в сопровождении ансамбля камерной музыки «Камерата» под управлением Петра Темирканова с блеском исполнила «Болеро Елены» из оперы «Сицилийская вечерня» русского композитора XVIII века Е. И. Фомина.

Ещё раз сердечно поздравив Константина Касимовича Эфендиева от имени всех работников культуры и искусства Кабардино-Балкарии, Марк Николаевич предоставляет слово самому виновнику торжества.

Выйдя на сцену, юбиляр, которому две недели тому назад исполнилось 80 лет, обращается к участникам церемонии его чествования со словами:

– Дорогие, милые моему сердцу друзья! Огромное вам всем спасибо. Глубоко признателен вам за оказанную мне честь. Я так взволнован, что не в состоянии дальше говорить. Знайте, что моя жизнь – в вас, в нашей культуре и нашем искусстве. Душой и сердцем я всегда буду с вами. Будьте здоровы и счастливы!

Выходя из зала, многие участники и участницы торжества обнимали и целовали юбиляра.

* * *

После описанной выше церемонии в кафе «Дабарага» состоялся товарищеский ужин, устроенный моими зятями Вячеславом Кумыковым и Тауби Бегретовым, на котором присутствовали мои друзья и бывшие коллеги, ветераны Государственного академического ансамбля танца «Кабардинка» и ближайшие мои родственники. Его вёл Мухамед Хафицэ. Здесь прозвучало много тостов, пели и танцевали. Около полуночи два богатыря – Жамал Аттаев и Мухамед Хафицэ – доставили меня в санаторий. На мою радость, парадная дверь «Голубых елей» ещё не была закрыта. Я стремительно поднялся на свой этаж, в коридоре которого уже было выключено освещение. Осторожно, чтобы не ошибиться в темноте и не нарушить чей-нибудь покой, отыскал свою палату и через несколько минут уже был в постели. Попытка быстро заснуть оказалась напрасной. Всемогущий сон взял верх над бессонницей, наверное, только в третьем часу. Однако я проснулся, как всегда, в шесть часов утра, вышел на балкон, не торопясь сделал свою традиционную физзарядку и после завтрака зашёл к своему лечащему врачу Татьяне Петровне Бортниковой.

По натуре своей очень вежливая и внешне столь же симпатичная, она измерила артериальное давление, покрутила меня, слушая

дыхание, попросила стать на весы, села за свой стол и, полистав мою историю болезни, с тревогой спросила:

– Что с вами, Константин Касимович? Давление у вас поднялось до 150, вес ваш уменьшился почти на килограмм, а вчера вы были здоровы.

Я рассказал ей о том, что пережил за последние двадцать часов и, сделав свой вывод, объявил ей:

– Это всё от волнения, мой милый доктор, а волнение – от чрезвычайной похвалы в мой адрес.

Татьяна Петровна тут же заставила меня проглотить две какие-то таблетки, предложила полежать до обеда, не принимая ни одной процедуры, стараясь заснуть, и попросила зайти к ней после тихого часа. Исполнив все указания доктора, в пять часов вечера я заявился в её кабинет. Она обследовала меня обстоятельно и, нежно улыбаясь, сказала:

– Слава Богу, давление у вас уже нормальное, а вес восстановите в столовой, поедая без остатка всё, что подадут вам на стол наши официантки.

Побыв ещё десять дней после этого потрясения, принимая все назначенные процедуры, часто посещая спортзал с тренажёрами, лечебно-плавательный бассейн и находясь под неослабным наблюдением своего лечащего врача, 10 декабря я вернулся домой в полном здравии и отличном настроении. Дома я обнаружил два письма из заграницы: из столицы Иордании – Аммана и столицы Сирии – Дамаска. Письма эти написаны и отпечатаны на арабском и русском языках.

Текст первого из них гласил:

Господину К. К. Эфендиеву

Приветствуем Вас!

Мне и моим братьям, президенту и членам Черкесского благотворительного общества Иордании приятно поздравить Вас и пожелать Вам всего хорошего в день вашего 80-летия.

Желаем Вам долголетия, здоровья и успехов в Вашей работе, чтобы Вы жили счастливо.

Тлибзу Аднан Рамадан

Текст второго:

*Председателю «Адыгэ Хасэ» города Нальчика
К. К. Эфендиеву*

Уважаемый наш брат Джилахстан!

От имени руководства Черкесского благотворительного общества и всех адыгов, проживающих в Сирии, сердечно поздравляю тебя с 80-летием!

Желаем тебе ещё многих лет плодотворной работы на благо адыгского народа.

На посту министра культуры Кабардино-Балкарии, а затем председателя общества «Родина» тебе удалось сделать такой объём работы для прославления и объединения адыгского народа, который не под силу нескольким политическим деятелям.

В истории адыгского народа, в сердцах представителей диаспоры во всех странах, где проживают адыги, ты занимаешь и будешь занимать достойное место.

Пусть Аллах даст тебе сил и дальше радовать нас своим талантом, своей открытой душой.

Обнимаю по-братски,

*Ш а р а ф А л ь-Д и н А б а з а,
Председатель Черкесского благотворительного общества Сирии*

Вместе с этими письмами на столе лежала газета «Кабардино-Балкарская правда» от 13 ноября 2004 года. Вся третья полоса её под рубрикой «Юбилей» была занята скромной фотографией автора мемуаров с зачитанным на юбилейном вечере стихотворением Светланы Моттаевой и следующей ниже статьей композитора В. Л. Молова.

Горд тем, что трудился под его началом

Жизнь сводила меня с разными интересными людьми на всех её этапах, и одной из незабываемых явилась для меня встреча с Килостаном Касимовичем Эфендиевым. Без преувеличения могу сказать,

что стал он идеалом не только для меня, но и для очень многих представителей театрального, художественно-изобразительного, музыкально-исполнительского искусства. Среди множества его заслуг – создание новых творческих союзов, совершенствование уже действовавших коллективов, укрепление их рядов выпускниками лучших художественных вузов страны. Ежедневно общаясь с каждым из них, он опереживал и делал всё, чтобы помочь им в достижении творческих успехов.

Заняв в 1963 году пост министра культуры республики, Килостан Касимович Эфендиев уже имел за плечами большой жизненный опыт: учёба в педучилище и Педагогическом институте, служба в Военно-воздушных силах во время войны, комсомольская и партийная работа, где проявил себя как личность незаурядная.

Я горд тем, что на протяжении трёх десятков лет трудился под его непосредственным руководством, учился у него искусству управления. Являясь художественным руководителем Кабардино-Балкарской государственной филармонии, затем первым заместителем министра культуры, с помощью Килостана Касимовича старался находить правильные пути в работе с творческими людьми, неординарными и очень ранимыми.

В народе говорят, что человек славен не тем, что он делает для себя, а тем, что делает для других. Именно делами славен путь Килостана Касимовича. Работа для него имела первостепенное значение. Он всегда принимал личное участие как в подготовке культурных программ для сёл, так и мероприятий городского, республиканского и союзного значения. Всесоюзные, всероссийские конкурсы, фестивали, съезды творческих союзов никогда не проходили без его участия. Он лично тщательно подбирал программу выступлений творческих коллективов. Работая с ним бок о бок, всегда поражался его феноменальной работоспособности. Прежде всего – дело, а всё остальное – потом. Он уделял особое внимание подбору кадров. Помню его слова: «Нет искусства более важного и более сложного, чем подбор и воспитание творческих кадров. Даже зная, что человек имеет соответствующее образование, руководит определённой отраслью, я всё равно должен быть рядом, чтобы помочь, поддержать, принять непосредственное участие в творческом процессе».

После назначения меня, по предложению Килостана Касимовича, заместителем министра культуры мне часто приходилось обращаться к нему за советом как по вопросам творческим, так и по хозяйственным. Хотя был момент, когда он мне сказал: «Постарайся решать проблемы самостоятельно. Ошибёшься – поправлю, а заслужишь – накажу. Учись управлять и творческими индивидуальностями, и творческими коллективами, тогда в целом получится руководство культурой. Конечно, есть категория подчинённых, у которых начальник всегда прав, а есть и другая, считающая, что, если бы руководить доверили ей, то всё было бы в тысячу раз лучше, и поэтому ты, Володя, должен своим личным примером показывать, как надо работать, профессионально подходить к решению вопросов, используя свои знания теоретика, композитора, музыканта, но не забывать и об авторитете, об индивидуальных человеческих качествах тех, с кем работаешь».

К. К. Эфендиев отличался чувством рафинированной ответственности. Составляя отчёты о декадах культуры, других мероприятиях, он целыми днями, а порой и ночами анализировал результаты работы, дополнял и переделывал их, добиваясь точности изложения тех или иных проблем. Подготовленный документ уже не подвергался никакой коррективке даже со стороны руководства республики.

Многим известен тот факт, когда в 70-х годах на коллегии Министерства культуры РСФСР одним «деятелем» было высказано предложение о закрытии всех симфонических оркестров в автономных республиках и создании головного на Кавминводах. Интересы республик при этом никак не учитывались. Вылетев специально в Москву и встретившись с заместителем Председателя Совета министров РСФСР Вячеславом Ивановичем Кочемасовым (бывшим секретарём ЦК ВЛКСМ), К. К. Эфендиев сумел доказать ошибочность такой затеи и сохранить тем самым все симфонические оркестры Северо-Кавказского региона. Со временем ему удалось удвоить численный состав нашего симфонического оркестра, довести его до 84 единиц, что позволяет безупречно исполнять им самые сложные произведения мировой музыкальной классики.

За многие годы совместной работы мы, сотрудники министерства, да и не только мы, постоянно ощущали высокую требова-

тельность и одновременно трогательную чуткость Килостана Касимовича. Он никогда не перекладывал ответственность за редкие сбои в работе на подчинённых, всегда отвечал за всё сам. Невольно вспоминается один случай, когда, не успев предупредить меня, он рано выехал в Терский район. Я же, не зная, что он в отъезде, отправился в Советский район, где мы строили Дворец культуры, и сорвал выдачу заработной платы. Об этом кто-то доложил в обком партии, и Тимбора Кубатиевич пригласил нас с министром.

Холодновато встретив нас и, обратившись к Килостану Касимовичу, он сказал: «Нехорошо даже на один день задерживать зарплату, и без того очень скромную, своим работникам. Надеюсь, что это в первый и последний раз». – Он подал нам руку на прощание, и мы пошли к себе в министерство.

По пути туда К. К. Эфендиев спокойно произнёс три слова: «Мы легко отделались».

Я лишний раз убедился в его выдержке и высокой порядочности.

Хочу отметить без преувеличения, что К. К. Эфендиев был дальновидным стратегом культурного строительства и воспитания национальных кадров. По инициативе профессионального хореографа, заслуженного деятеля искусств Таджикской ССР А. И. Проценко в культурно-просветительном училище была подготовлена хореографическая группа, которая осуществила постановку первого кабардино-балкарского национального балета «Лялюца», либретто которого было написано самим Александром Ивановичем, а музыка – молодым московским композитором Львом Коганом. Премьера «Лялюцы» состоялась в театре имени А. А. Шогенцукова 27 апреля 1964 года и была восторженно принята её первыми зрителями, в числе которых были Т. К. Мальбахов и другие руководящие партийные и советские работники республики. Здесь впервые показали своё высокое искусство будущие звёзды нашего национального балета Роза Хакулова, Борис Карданов, Хасанби Архестов и их друзья.

К. К. Эфендиев много сил отдал строительству Государственного музыкального театра и формированию его коллектива. Открытие нового театра, состоявшееся 28 февраля 1968 года, стало настоящим праздником. В тот вечер первым зрителям театра была показана премьера балета «Аминат» тех же авторов, прошедшая с большим успехом. Новый театральный сезон 1968/69 года театр

открыл военно-патриотическим спектаклем-опереттой композитора Константина Листова «Севастопольский вальс», в котором участвовали уже наши студийцы из ГИТИСа и Музыкально-педагогического училища имени Гнесиных. Появилась, таким образом, новая точка отсчёта в развитии нашей профессиональной музыкальной культуры.

Изо дня в день велась работа по повышению уровня профессионализма молодых артистов. Он добивался целевого внеконкурсного направления на учёбу в лучшие музыкальные и театрально-художественные вузы страны одарённой молодёжи республики.

К 40-летию Победы К. К. Эфендиев объявил конкурс на создание новых музыкальных, драматических и художественных произведений, в котором приняли участие члены всех творческих союзов Кабардино-Балкарии. Я также участвовал в этом конкурсе. Вместе с моим другом Зубером Тхагазитовым написали ораторию под условным названием «Утро Победы». Ещё одним примером заботы К. К. Эфендиева о творческой молодёжи Кабардино-Балкарии, примером популяризации национальных композиторов стал тот факт, что он добился включения этой оратории в программу выездного пленума Союза композиторов России в городе Орджоникидзе. Оратория прозвучала здесь в исполнении замечательного коллектива Академической капеллы имени Юрлова в сопровождении симфонического оркестра Кисловодской филармонии под управлением Ю. Иоанисяна. Килостан Касимович радовался успеху оратории так, что, казалось, на его долю неожиданно выпало большое счастье. Через год я был удостоен Государственной премии КБАССР.

Всесторонняя эрудиция позволяла К. К. Эфендиеву вести пленумы по самым различным направлениям и на всесоюзных форумах. Он мог говорить и о литературе, и о музыке, и о любом художественном произведении, проявляя свою компетентность во всех вопросах. Общался со многими крупными деятелями искусств и никогда не казался непрофессионалом.

Говоря о разносторонней деятельности министра культуры КБАССР, хотелось бы напомнить и об организации им поездок творческих коллективов нашей республики по линии культурных обменов на Украину, в Ростовскую и Липецкую области, республики Северного Кавказа.

Неоценим вклад К. К. Эфендиева в проведение зарубежных гастролей, где он был не только министром и руководителем гастробирующего коллектива, но и проявлял себя как полпред страны Советов. Только в 1974 году с государственным ансамблем танца «Кабардинка» он в течение четырёх с половиной месяцев объехал многие страны Латинской Америки.

Килостан Касимович находил время не только для решения глобальных вопросов культуры. Вместе с ними он решал и бытовые проблемы своих подопечных. У кого-то был скромный достаток, у кого-то совсем ветхим стал дом, а кто-то из направленных в далёкие от дома города на учёбу нуждался в материальной поддержке. Он умудрялся всегда быть в курсе и таких дел, старался помочь им в этих, казавшихся многим мелкими, заботах. А люди ему за это были очень благодарны.

«Отвлекаясь», если можно так сказать, на мелкие вопросы быта, К. К. Эфендиев всегда строил планы на будущее. В его душе жила огромная мечта – дать возможность нашим одарённым молодым людям получить высшее образование, не выезжая из своей республики. В течение восьми лет он боролся за открытие вуза искусств в городе Нальчике. В осуществлении этой цели ему помогали его друг, заместитель министра культуры РСФСР В. В. Кочетков и Т. К. Мальбахов, трижды выходявший с этой проблемой на высших руководителей КПСС. Препятствий на этом пути было немало, хотя и Л. И. Брежнев, и Ю. А. Андропов поддерживали просьбу республики и Минкультуры России. Институт был открыт как филиал Воронежского института искусств, а затем преобразован в самостоятельный вуз. В настоящее время СКГИИ выпускает высокопрофессиональных музыкантов, артистов, хореографов – словом, молодых специалистов по семи направлениям для всего Северо-Кавказского региона.

Заслуги К. К. Эфендиева высоко оценены. Ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Он кавалер орденов «Знак Почёта» и Трудового Красного Знамени, награждён многими медалями. В декабре 1996 года король Иордании Хуссейн Бен Талал наградил его высшей наградой королевства – орденом «Звезда Иордании» I степени.

Килостан Касимович и сейчас в строю. Он не теряет связи с общественностью, с работниками культуры, по-прежнему готов протянуть руку помощи, дать совет. Пятнадцать лет он работал в Кабардино-Балкарском отделении общества «Родина». В настоящее время – председатель Нальчикской городской организации «Адыгэ Хасэ». За последние годы вышли в свет его книги «Браво, «Кабардинка!»» и «Двадцать дней в Королевстве Хашимитов». В свои восемьдесят лет К. К. Эфендиев полон сил и энергии. И хотелось бы, чтобы это состояние сохранялось ещё многие годы. От имени всех работников культуры, деятелей искусств, творческих союзов хочу пожелать дорогому Килостану Касимовичу оставаться примером жизнелюбия, работоспособности, мудрости, человеколюбия долгие годы. Пусть его сердце бьётся, как неуссыкаемый горный родник! Здоровья и кавказского долголетия ему!

* * *

В тот же день, 13 ноября 2004 года, очень популярная в Кабардино-Балкарии «Газета Юга» опубликовала, тоже под рубрикой «Юбилей», маленькую статью министра курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики Руслана Борисовича Фирова. Вот её текст:

«Я знаю Килостана Касимовича Эфендиева почти 35 лет и могу сказать: его деятельность по развитию культуры республики, особенно в сравнении с тем, что происходило потом, была образцовой.

В 1975 году он направил на учёбу в Щукинское училище кабардинскую студию, через год в ГИТИСе обучалась балкарская студия. Его отношение к нашей учёбе было совсем не формальным. Килостан Касимович приезжал к нам с Кайсыном Кулиевым, Алимом Кешоковым, Максимом Геттуевым. Кабардинский язык в училище нам преподавал известный учёный, доктор филологических наук Мухадин Кумахов. Такое внимание министра культуры к студии формировало и соответствующее отношение наших педагогов к нам.

Вскоре после возвращения студийцев в Нальчик все (кто нуждался в жилье) семейные получили квартиры, а не успевшие обзавестись семьёй – отдельные комнаты в общежитиях города.

При его непосредственном участии в республике открыли Музыкальный театр, расцвело искусство ансамбля «Кабардинка».

Многие годы он возглавлял общество «Родина» и был полпредом республики в странах, где проживает адыгская диаспора.

У него замечательные дети, достойно несущие лучшие качества рода, из которого они происходят.

Вся жизнь Килостана Касимовича свидетельствует, что он неординарная, глубокая личность – истинный представитель интеллигенции своего народа.

У него и сегодня, в 80 лет, стремительная походка, крепкое рукопожатие и ясный ум. Я желаю ему здоровья и долгих лет жизни. Пусть каждое посещение театра или концертного зала доставляет ему огромное удовольствие и радость от того, что культура республики, которой он посвятил свою жизнь, расцветает и развивается».

БРАВО, «КАБАРДИНКА»!

Из истории Государственного академического ансамбля танца «Кабардинка»

Поводом для моего неожиданного обращения к истории «Кабардинки» явилась, не скрою, опубликованная в газете «Кабардино-Балкарская правда» от 8 ноября 2006 года статья кандидата исторических наук Заремы Кешеовой «Почему не состоялся театр адыгского танца?», в которой она, мягко говоря, унизила коллектив ансамбля. Взятая же я за перо не для спора с автором этой статьи, по всей вероятности, очаровательной молодой женщиной, а с целью познакомить и её, и читателей газеты среднего поколения, и молодёжь республики с подлинной историей создания и становления ансамбля «Кабардинка», его вкладом в культуру и искусство Кабардино-Балкарии.

В июле 1965 года, после двух с лишним лет работы министром культуры республики, тщательно изучив состояние и возможности Государственного ансамбля песни и пляски Кабардино-Балкарии, пришёл я к выводу, что настало время его реорганизации. Этого требовала сама жизнь, это было в интересах всех членов коллекти-

ва ансамбля, многие годы самозабвенно работавших на благо народов нашей республики.

Бюро обкома КПСС приняло предложение Министерства культуры КБАССР о разделении ансамбля песни и пляски на два самостоятельных творческих коллектива – танцевальный и хоровой – с увеличением численного состава каждого из них почти в два раза. Хор был передан радио Кабардино-Балкарии, пополнен и начал плодотворно работать в уютных студийных условиях. Ансамбль танца, названный «Кабардинкой», тоже пополнив свой коллектив талантливыми девушками и юношами, приступил к созданию своей первой программы под руководством главного балетмейстера Г. Ю. Гальперина – знатока танцевального искусства народов Кабардино-Балкарии, многие годы работавшего балетмейстером знаменитого Сибирского народного хора, и балетмейстера-постановщика М. И. Ульбашева, с двенадцатилетнего возраста лихо танцевавшего в реорганизованном ансамбле песни и пляски. Отмечу здесь мимоходом, что ни один человек из состава реорганизованного ансамбля не был выставлен на улицу, лишён любимого занятия.

Министерство культуры республики приняло все необходимые меры, чтобы в срочном порядке были сшиты женские и мужские национальные костюмы для всех артистов «Кабардинки» в мастерских Мариинского театра в Ленинграде по эскизам, соответствующим образцам, хранившимся в Эрмитаже.

После четырёхмесячной напряжённой работы над своей первой программой «Кабардинка» пригласила любителей искусства на свой первый концерт. Он состоялся в театре имени А. А. Шогенцукова. С разными чувствами пришли в тот вечер в театр сотни горожан, заполнивших до отказа его зрительный зал. Ушли же они с чувством единым, с чувством удовлетворения. И «Кабардинка» начала яркую творческую, отнюдь не лёгкую жизнь, окрылённая бурными аплодисментами первых её зрителей. Коллектив ансамбля работал и учился, неустанно совершенствуя своё исполнительское мастерство, успешно выступая с концертами в районах республики, городах Кавказских Минеральных Вод и соседних с нами автономных республиках.

Осенью 1967 года «Кабардинка» была приглашена в Москву для участия во Всесоюзном смотре музыкальных коллективов, посвящённом 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и стала его лауреатом. Она очень понравилась тогда столичным зрителям, руководителям министерств культуры СССР и РСФСР, ответственным работникам ЦК КПСС.

Гастроли «Кабардинки» в Северной Африке. 1968 год

В мае 1968 года Министерство культуры СССР запросило наше согласие на двухмесячные гастроли «Кабардинки» в странах Магриба (Марокко, Алжир, Тунис) и Ливии, которые должны были начаться в середине октября того же года. Предложение Москвы было принято. Коллектив основательно подготовился к поездке в Северную Африку, пользуясь щедрой помощью правительства республики. Ранним утром 16 октября в Музыкальном театре состоялись торжественные проводы коллектива ансамбля руководством Кабардино-Балкарии, на которых с краткой взволнованной речью выступил первый секретарь обкома партии Тимбора Кубатиевич Мальбахов. В 8 часов ансамбль выехал в аэропорт Минеральные Воды и оттуда вылетел в Москву. Семнадцатого октября весь коллектив «Кабардинки» был принят министром культуры СССР Екатериной Алексеевной Фурцевой. Артисты ансамбля дружными аплодисментами ответили на её заключительные слова: «Я уверена, что артисты Кабардино-Балкарии высоко, с честью и достоинством пронесут по странам Северной Африки знамя советского искусства!»

В половине второго ночи 18 октября 1968 года самолёт Ил-18 поднял коллектив ансамбля из аэропорта Шереметьево в воздух и, набрав нужную высоту, взял курс по маршруту Москва–Будапешт–Тунис–Алжир–Рабат. Там, в столице Королевства Марокко, и начались первые зарубежные гастроли «Кабардинки». Тепло встреченный в аэропорту Рабата работниками советского посольства и представителями марокканской общественности коллектив ансамбля был размещён в гостинице спортивного городка, построенного

для проведения международных соревнований, в 25 километрах от столицы страны. Гостиница эта стояла в центре густой рощи из красивых пальм и пробковых деревьев.

В соответствии с планом пребывания и выступлений «Кабардинка» должна была провести в Марокко восемь концертов в семи городах королевства, из них два – в крупнейшем порту Атлантического побережья Африки, городе Касабланка. Первый концерт намечался на 21 октября в Национальном театре Мохаммеда V в столице. Однако, по символическому стечению обстоятельств и на радость нашим артистам, «Кабардинка» дала свой первый концерт для советских военных моряков, прибывших в Марокко с дружественным визитом на трёх кораблях во главе с ракетным крейсером «Грозный». Он прошёл в трудных условиях: артистам пришлось танцевать на причале, густо пересечённом рельсами. Все номера сокращенной программы ансамбля и две песни, исполненные сопровождавшей «Кабардинку» Наталией Гасташевой, моряками были встречены восторженно.

Концерт «Кабардинки», состоявшийся 21 октября в Национальном театре Мохаммеда V, на котором присутствовали члены правительства, послы многих стран и наши дипломаты во главе с первым послом СССР в Марокко Л. Ф. Паламарчуком, произвёл на всех потрясающее впечатление. После него послы Египта, Сирии и других стран подходили к министру культуры Кабардино-Балкарии и, высказав ему своё восхищение искусством «Кабардинки», настоятельно просили направить ансамбль на гастроли в их страны. Утром 22 октября по просьбе руководства Министерства культуры и информации королевства министр культуры КБАССР дал Марокканскому радио получасовое интервью, в тот же день прозвучавшее на всю страну. Это было первое выступление по радио человека из нашей страны в Королевстве Марокко. Пресса широко освещала ход гастролей «Кабардинки». Газеты, издающиеся здесь на арабском и французском языках, публиковали большие статьи под заголовками: «Отличный ансамбль», «Превосходный концерт»... В них, как правило, отмечалось, что и костюмы артистов ансамбля выглядят на редкость интересными. Очень тепло при встречах с нами отзывались о «Кабардинке» члены правительства Марокко, губернаторы провинций и мэры городов, известные деятели куль-

туры и искусства страны. Помнится, с какой радостью и восхищением говорили нам об искусстве нашего ансамбля ректор Рабатской консерватории композитор Агуми и его супруга – хореограф по специальности.

Успешно выступив с концертами в городах Рабате (дважды), Касабланке (тоже дважды), Эльджадиде, Марракеше, Мекнесе, Фесе, где находится самый древний в мире Караванский университет, и Уджде. 30 октября мы переехали в Алжирскую Народную Демократическую Республику.

В АНДР, стране с древней драматической историей, которая занимает центральные районы Атласских гор и треть великой африканской пустыни Сахара, «Кабардинка» дала 10 концертов в 10 городах страны: Тлемсене, Сиди-Бель-Аббесе, Ороне, называемом здесь «Маленьким Парижем», Маскаре, Тиарете, Алжире (четыре раза), Бужи, Константине (дважды), Скикде и Аннабе. Все они проходили в непривычных для наших артистов погодно-климатических условиях с резкими перепадами атмосферного давления, температуры и влажности воздуха. Им было очень трудно, но они мужественно переносили все испытания, связанные с этими неподвластными человеку природными явлениями, да плюс к ним – с длительными переездами из одной провинции в другую, из одного города в другой. Концерты ансамбля прошли под бурные аплодисменты и продолжительные овации зрителей, их возгласы одобрения. Губернаторы провинций, префекты департаментов и мэры городов подходили к артистам после концертов, чтобы поблагодарить их за чудесное представление. Приведу здесь один пример.

– «Кабардинка» – замечательный ансамбль. Впервые все 1600 мест нашего театра были заняты до отказа. Вы покорили сердца жителей Аннабы. Искусство ваше не оставит никого равнодушным, и очень жаль, что вы не можете остаться у нас и завтра, чтобы ещё раз выступить перед жителями нашего города с концертом. Он, я уверен, тоже прошёл бы с аншлагом, – сказал префект департамента Брахим Шайбут, прощаясь с коллективом ансамбля.

Утром 17 ноября мы выехали из Аннабы для следования к алжиро-тунисской границе и часа через два пересекли её в районе туниССкого городка Табарка. Здесь нас встретили первый секретарь советского посольства Дмитрий Иванович Корсунский и предста-

витель туниССкой стороны Башир Бушиба, которому было поручено сопровождать «Кабардинку» в течение всего периода пребывания её в ТуниССкой Республике, занимающей приморские равнины, восточную часть гор Атласа и северную – пустыни Сахара. Оставив Табарку, наш автобус взял курс на город Джандуба, где должен был состояться первый концерт «Кабардинки» в этой стране. Наступил холодный вечер, весьма прохладно было и в кинотеатре с большим зрительным залом и довольно просторной сценой. В девять вечера зал был заполнен жителями города. Чуть позже подъехали губернатор провинции Абдель-Азиз с супругой – молодой французенкой и другими чиновниками. Весь концерт артисты ансамбля провели на подъёме. Публика не жалела своих ладоней. Овация следовала одна за другой. Обаятельная губернаторша, сидевшая справа от меня, взволнованно комментировала своим оригинальным, красивым голосом каждый танец ансамбля и пение Наталии Гасташевой. «Кабардинка» положила отличное начало своим выступлениям в Тунисе.

В полдень 18 октября ансамбль прибыл в город Кеф, расположенный на крутом склоне горы. Концерт состоялся во Дворце молодёжи, только что построенном на окраине города. На нём присутствовали и сидели рядом с руководством «Кабардинки» генеральный секретарь провинциального координационного комитета Дустуровской социалистической партии Абдедейм Бабай, вице-губернатор провинции Ахмед Аббас, руководители культурных комитетов провинции и города Ахмед Хаббаси и Абдель-Керим Шитах.

После концерта Абдедейм Бабай, крепко пожав мне руку, громко произнёс:

– Это был великолепный спектакль. Вы доставили нам своим искусством огромное удовольствие. Большое спасибо!

– Профессионализм и мастерство, красота и грация ансамбля поразили нас. Наш Культурный комитет имел сегодня настоящий праздник, – добавил генсек Культурного комитета Кефа Ахмед Хаббаси.

А как вела себя во время концерта публика, состоявшая в основном из молодёжи! Она неистово аплодировала нашим артистам в течение двух часов. Мы, в свою очередь, испытывали счастье. Следующий концерт «Кабардинка» провела во Дворце молодёжи горо-

да Кассерин, находящегося южнее Кефа на 125 километров. Ехали мы туда долго, под лучами яркого солнца. С наступлением ночи здесь стало холодно, было прохладно и в концертном зале Дворца молодёжи, но артисты ансамбля уверенно вели выступление на уровне своих лучших концертов. Руководители Культурного комитета города встретились с коллективом ансамбля, поздравили его с блестящим выступлением и вручили памятный сувенир. В эти минуты мы испытали приятное чувство от того, что, в отличие от Марокко и Алжира, в Тунисе все провинции, департаменты и города имеют свои органы культуры, которые целеустремлённо занимаются воспитанием молодёжи, приобщают молодёжь к искусству.

Прошла холодная ночь. Утром 20 октября мы встали рано и после завтрака выехали в город Гафса, являющийся центром одноимённой провинции с населением 400 тысяч человек, родившихся и живущих в царстве песков, где днём всегда жарко, а ночью холодно. Быстро пообедав и устроившись в гостинице «Нуфель Отель», мы, по совету Башира Бушибы, решили совершить экскурсию в пригородную деревню Лала. Походив по её улицам с глинобитными домиками, отправились дальше и вскоре оказались в удивительном уголке пустыни – оазисе с родниковой водой, пышной растительностью, величавыми финиковыми пальмами, обвешанными сладкими плодами. Словом, это было маленькое сказочное княжество в безбрежном песчаном царстве. Концерт, который оставил у зрителей хорошее впечатление, был проведён без участия успевших простудиться семерых артистов. Это не могло не сказаться отрицательно на его уровне и сказалось, хотя, повторяю, зрители остались довольны им. Руководители ансамбля и автор этих строк были очень встревожены. Случилось, однако, казавшееся невероятным: узнав из газет о нашем приезде в Гафсу, уже в ходе концерта в театре появились советские врачи: терапевт Татьяна Михайловна с мужем Борисом Петровичем Калиберденко, работавшие в Гафсе по контракту. Они всё сделали в тот вечер и утром следующего дня, чтобы наши больные быстро избавились от своего недуга. Они, кроме того, пополнили набор разных лекарств, который я прихватил с собой из Нальчика.

Медленно и долго шёл наш автобус 21 ноября до Габеса – главного города одноимённой провинции, примыкающей к Mediterraneo (Средиземному морю), и, резко повернув на юг, к острову Джерба, воспетого ещё Гомером, минут через двадцать остановился у самого берега моря. Мы вышли из него, чтобы посмотреть отсюда на остров нашей мечты. Потрясающий по своей красоте остров был соединён с материком прекрасной двенадцатикилометровой автомобильной дорогой, созданной человеческими руками. Мы пересекли весь остров и остановились в его главном городе Хум-Суке. Здесь, в большом зале туристической гостиницы, «Кабардинка» дала концерт, прошедший заметно лучше, чем в Гафсе. Иностранные туристы и местные жители, заполнившие большой зал гостиницы, бурно аплодировали артистам ансамбля. После ужина в ресторане отеля наши ребята провели ночь в беспробудном сне. Утром они встали весёлыми и жизнерадостными. Нас ждали материк и Габес – город в пустыне, центр провинции.

На концерт в Габесе мы пошли в хорошем настроении. Те из артистов, кто два дня тому назад были больными, уже улыбались. Перед началом представления в театр пришли генеральный секретарь Координационного комитета правящей партии с супругой, жена губернатора и руководители Культурного комитета города. Концерт «Кабардинки» прошёл с большим успехом. Руководители провинции и города были очень довольны им и, не спеша домой, долго разговаривали с нами, восторженно отзываясь об ансамбле и его искусстве. Губернатор провинции Закария Бен Мустафа, по болезни не сумевший присутствовать на концерте ансамбля, утром встретился со мной в своей резиденции и после продолжительной непринуждённой беседы сказал мне:

– Придя из театра, жена моя с восхищением долго рассказывала о концерте «Кабардинки», и я ещё больше пожалел, что по болезни не смог быть на нём. Приезжайте к нам ещё раз, и тогда я посмотрю ансамбль непременно!

Мы с нашей переводчицей Наташей Гарнич распрощались с ним у парадного подъезда губернаторства и направились к своим. Через несколько минут наша машина остановилась у одного особняка. Оттуда вынесли два ящика, аккуратно завёрнутых в белоснежную бумагу, и с трудом разместили в нашей машине. А когда мы

вернулись в отель и пересели в автобус, два смуглых парня перенесли их в салон автобуса с артистами ансамбля. Указывая на них, руководитель Культурного комитета города сказал, что в них дары оазисов Габеса, которые губернатор просил передать артистам «Кабардинки».

Следующее выступление ансамбля должно было состояться в Сфаксе, втором по величине городе Тунисской Республики, расположенном на самом берегу Средиземного моря. Прибыв туда в солнечный полдень и устроившись в отеле «Александр», мы совершили продолжительную экскурсию по городу с интересными памятниками истории и архитектуры, многочисленными фонтанами, вокруг которых красуются величавые пальмы. Вечером 23 ноября в Муниципальном театре Сфакса, удобном для выступления любого театрального и хореографического коллектива, со зрительным залом на тысячу человек великолепно прошёл при аншлаге концерт «Кабардинки», который, могу сказать без малейшего преувеличения, приятно удивил всю публику и руководителей города.

– Отличный концерт показали вы нам сегодня, дорогие советские гости, большое вам спасибо! – заявили нашим артистам руководители Культурного комитета Сфакса, придя на сцену вместе с одной из артисток Тунисского национального ансамбля народного танца.

После спокойного ночного отдыха и лёгкого завтрака утром 24 ноября мы выехали в город Сус – центр провинции Сус и Набёль. Дорога туда проложена на приличном удалении от моря, а сам город вплотную примыкает к нему. Хозяева устроили нас в уютной гостинице, с балконов которой желающие могли прыгнуть в море и поплавать. Через час после обеда руководители ансамбля были приглашены в резиденцию губернатора, где состоялась часовая беседа с главой провинции генералом Амором Шешиа. Откровенно говоря, он оставил у нас приятное впечатление. Было очевидно, что он и его коллеги следили за ходом гастролей «Кабардинки» в их стране. На наш концерт они пришли за минуту до его начала и с большим интересом посмотрели всю программу, с восхищением отзываясь о каждом её номере. Отлично прошёл концерт. Расставаясь с нами, губернатор настоятельно попросил меня подойти к

его резиденции вместе со всем коллективом ансамбля к 11 часам наступавшего дня.

– Я очень хочу встретиться с вами, – добавил он, протянув мне руку на прощание.

– Спасибо, – ответил я коротко.

Приём у губернатора прошёл в исключительно тёплой обстановке. Он произнёс короткую приветственную речь; в ответ прозвучали мои слова благодарности и тост за процветание провинции Сус и Набэль и всей Тунисской Республики. Застолье, продолжавшееся два часа, завершилось вручением каждому из нас сувениров, сделанных руками местных мастеров. По просьбе Амора Шешиа, мы сфотографировались на фоне парадного подъезда (через два дня в столице республики всем нам вручили по одной фотографии). Вечером того же дня «Кабардинка» выступила с концертом во втором городе провинции – Набэле, на котором присутствовала группа туристов из Болгарии. И здесь артистам ансамбля были вручены оригинальные сувениры. Уже в полночь мы выехали в столицу страны. В три часа, когда всё население города было во власти сна, мы подъехали к большому особняку, со всех сторон окружённому высоченными пальмами. Это была гостиница «Георг», ставшая нашим жилищем до конца пребывания «Кабардинки» в Тунисской Республике. Наступивший день мы объявили выходным, чтобы коллектив мог отдохнуть после длительной напряжённой работы.

Выходной день. Мы отвыкли было от него за полтора месяца путешествия по Северной Африке. Но, так или иначе, 26 ноября был объявлен днём отдыха, и поэтому, наверное, подъём и завтрак состоялись в то утро поздно. В одиннадцать часов поехали в центр города и, не спеша, осмотрели лучшие кварталы тунисской столицы. Здесь находились многие правительственные учреждения, магазины с дорогими товарами и театр, где нам предстояло выступить 28 ноября. Ранним вечером, когда солнце собиралось скрыться за горизонтом, тоном, не допускающим возражения, Башир Бушиба предложил нам совершить экскурсию в Карфаген, город, трагическую историю которого изучают школьники большинства стран мира. Поехали туда все, бегло осмотрели удивляющие современников остатки великолепных дворцов, подземных коммуникаций и других сооружений древнего города и, гонимые сгустившимся

сумерками, в глубоком раздумье и молча вернулись в Тунис. Так закончился наш «день отдыха». «Кабардинке» оставалось дать в Тунисской Республике ещё три концерта: в Бизерте – 27 ноября, столице – 28 ноября и губернском городе Беджа – 29 ноября.

Шорох бумажный разбудил меня рано утром 27 ноября: служитель отеля просовывал под дверь моей комнаты свежий номер газеты «L'Action» («Действие» – *Франц.*). В ней были опубликованы довольно объёмный хвалебный материал по адресу «Кабардинки» и мои ответы на вопросы тунисских журналистов во время состоявшейся накануне вечером встречи с ними под рубрикой «De vous a moi» («Для вас от меня»). Конечно же оперативность этих журналистов удивила меня. Артисты ансамбля могли в это утро отдохнуть и поспать, спешить им было некуда, так как выезд в Бизерту был назначен на пять часов вечера. Мы же – Мутай Ульбашев, Михаил Ахмедов (замруководителя поездки), Евгений Аронов и я – в сопровождении Дмитрия Корсунского поехали в Посольство СССР, находящееся в большом зелёном массиве на возвышенной окраине Туниса. Посол наш Александр Евгеньевич Малышев тепло принял нас в своём скромном служебном кабинете, расспросил о здоровье артистов ансамбля и их настроении, сообщил, что внимательно следил за ходом наших гастролей от границы Тунисской Республики до её столицы и рад успеху «Кабардинки».

– Поздравляю вас с внушительным успехом, – произнёс он громко, и, встав с места, вновь подал нам руки. Он поинтересовался многими сторонами жизни Кабардино-Балкарии и, получив ответы на свои вопросы, сказал нам, что давно мечтает побывать в этой сказочной стране.

– Не сомневаюсь, вас встретят там, как родного сына, совершившего кругосветное путешествие, – с гордо поднятой головой ответили мы послу и поехали в Государственный комитет Тунисской Республики по культурным связям с зарубежными странами, где уже ждал нас его председатель господин Шааби.

Ровно в 10 часов мы вошли в небольшое, ничем не примечательное здание Госкомитета. Два его сотрудника быстро провели нас к его хозяину. Аудиенция у господина Шааби продолжалась недолго. Смуглый, с высоким сократовским лбом, он говорил с нами едва слышным бархатным голосом на французском языке.

– Мы рады приезду «Кабардинки» в нашу страну. Отзывы печати и наших работников в провинциях говорят о том, что ваши концерты пользуются большим успехом у моих соотечественников. Нам это очень приятно, и я желаю фольклорному ансамблю ещё больших достижений в развитии своего национального искусства, – произнёс он медленно, но твёрдо, обращаясь к нам после взаимных вопросов и ответов по интересовавшим обе стороны проблемам. По всему чувствовалось, что он внимательно следил за нашим турне и получал достаточно полную информацию с мест выступления ансамбля. Мы поблагодарили его за дружеский приём и вернулись в гостиницу для отъезда в Бизерту – город боевой и революционной славы Туниса.

В этом городе нас встретили очень тепло. Генеральный секретарь Культурного комитета Геди Сфари с ходу пригласил на обед в морской клуб. После обеда совершили экскурсию по небольшому городу с большими заслугами в национально-освободительном движении тунисского народа и направились к театру, поразившему всех нас своей красотой, современностью архитектуры. Театр в целом чем-то напоминает наш Кремлёвский дворец съездов и является лучшим во всей Тунисской Республике. Именно здесь проходят съезды правящей в стране Дустуровской социалистической партии. Нам бы только радоваться, но, увы, не обошлось без волнения. Почему? Очень просто: в его зрительном зале 1300 мест, а население Бизерты – всего 25 тысяч человек!

Тревоги нашего коллектива оказались напрасными. За полчаса до начала концерта жители города большими группами стали подниматься на возвышающееся над Бизертой место, где стоит театр. Вскоре подошли губернатор провинции Мунджи Куали с супругой, руководители города и Культурного комитета. Весь концерт «Кабардинки» прошёл под бурные аплодисменты зрителей, часто переходившие в овацию. И зрители, и губернатор со свитой, и коллектив ансамбля покинули театр довольными и в отличном настроении. Геди Сфари устроил ужин в морском клубе, после которого мы вернулись в Тунис глубокой ночью.

Двадцать восьмого ноября. День, когда артисты «Кабардинки» должны были держать экзамен перед любителями искусства столи-

цы республики. Мы дали им возможность хорошо отдохнуть в течение дня, решив перед концертом провести небольшую разминку.

В начале двенадцатого часа за руководителями коллектива в гостиницу приехали два посланца министра культуры Шедли Клиби. Встреча с ним носила деловой характер. Речь в основном шла о желательности дальнейшего развития культурных связей СССР и Тунисской Республики. Мы вручили Клиби письмо министра культуры Советского Союза Е. А. Фурцевой, посетившей Тунис в 1967 году. Когда беседа наша подошла к концу, Шедли Клиби сделал сообщение, круто менявшее план работы ансамбля в этой стране.

– Президент Бургиба просит показать «Кабардинку». Он находится в Сфаксе, болен и не может пока вернуться в столицу, не разрешают врачи. Не смогли бы вы вернуться в Сфакс и дать там ещё один концерт? Если хотите, мы доставим туда ансамбль на самолёте, – сказал Ш. Клиби.

– Для артистов «Кабардинки» было бы приятно показать своё искусство главе Тунисской Республики, но времени у нас уже нет. Сегодня концерт в столице, завтра – в городе Беджа, а 3-го вылет в Ливию, который никак невозможно отложить, так как мы связаны там контрактом с частным лицом, и первый концерт в Триполи назначен на 1 декабря. Решайте сами, господин министр, мы готовы дать концерт в любом городе вашей страны, но в пределах отведённого ей времени, – ответил я министру культуры Туниса.

За два часа до начала концерта Шедли Клиби устроил приём всему коллективу «Кабардинки». Он сообщил нам на нём, что они решили отменить концерт в городе Беджа, чтобы показать его президенту Хабибу Бургибе в Сфаксе. На концерт, состоявшийся в столичном театре, полностью заполненном зрителями, среди которых были государственные деятели страны и послы многих государств, приехал и Александр Евгеньевич Малышев. Он пригласил меня в ложу. Все танцы, исполненные «Кабардинкой», завершились под оглушительные аплодисменты и овации публики. Во время антракта я уговорил нашего посла, собиравшегося на другой же день вылететь в Москву для проведения там своего очередного отпуска, отложить свой отъезд на родину на два-три дня и поехать с нами в Сфакс. Я вернулся к своим на сцену, где сборы шли полным ходом, укла-

дывались костюмы и реквизит, чтобы после ночного отдыха без задержки отправиться в дальний путь.

Утром 29 ноября, за сутки с небольшим до предстоящего вылета в Ливию, мы выехали в Сфакс на сей раз с другой, северной стороны. С тремя короткими остановками мы проехали около трёхсот километров пути и в пятнадцать часов прибыли в этот город, оставивший у нас при первом его посещении очень приятное впечатление. Здесь в этот час было жарко и немногочленно. Думаю, что большинству правоверных мусульман, державших уразу и всем своим существом тянувшихся к воде и пище, было не до прогулок по улицам и даже не до деловых выходов в город. Руководители Культурного комитета встретили нас радушно, как старых знакомых и друзей, и после короткого разговора пригласили на обед. В четыре часа мы были уже в театре. Нужна была и хорошая разминка. Все взялись за дело. Вскоре подъехали А. Е. Малышев и Д. Корсунский.

Время будто ускорило своё течение. Вот уже половина шестого, до начала концерта остаётся лишь 30 минут. В театре нет никого, кроме нас, к нему никто не подходит, никто не подъезжает. Начинаем волноваться. Наш посол едет к губернатору, с которым он был знаком, и очень скоро возвращается обратно: в канцелярии нет ни губернатора, ни его ближайших сотрудников. Вот-вот будет шесть вечера, а по-прежнему тишина вокруг, никто не появляется. И вдруг зовут нас в фойе театра, где мы быстро развернули фотовыставку: «Кабардино-Балкария в семье единой». Перед нами стройный, в парадной форме, молодой генерал, подтянутости которого могли бы позавидовать многие военные. После приветствия он приглашает меня и нашего посла к президенту республики в загородную резиденцию местного губернатора. В сопровождении эскорта вооружённых мотоциклистов мы выехали из города и вскоре остановились у ворот большой зелёной усадьбы, в центре которой стоит двухэтажный дворец губернатора. Нас встретили здесь несколько высокопоставленных чиновников. Среди них был и начальник канцелярии президента Тунисской Республики, с которым я познакомился ещё на первом концерте «Кабардинки». Он крепко пожал мне руку и, как бы извиняясь, произнёс:

– Если сегодня вам пришлось трудно, то вините в этом только меня. Это я рассказал президенту о вашем ансамбле и его великолепном концерте.

Признаться, я обрадовался новой встрече с этим человеком и, не долго думая, ответил ему:

– Мне всегда нравились люди, не уходящие от ответственности, и потому винить вас не стану. Но как вы будете чувствовать себя, если президенту не понравится искусство нашего ансамбля?

– Надеюсь, этого не случится, – сказал он, улыбаясь, и пригласил нас во дворец.

Нас провели в небольшой, но весьма уютный зал на первом этаже, и туниscopy, за исключением одного, быстро, как по команде, перешли в другое помещение. Через две-три минуты на лестнице, ведущей на второй этаж, появился президент Бургиба. Он медленно спустился вниз, энергично подошёл к нам и, крепко пожав руки, пригласил сесть. Началась беседа, длившаяся час. Хабиб Бургиба интересовался многими вопросами. Большинство из них адресовались мне и касались нашей республики, её природы, экономики, культуры. Быстро справившись с естественным в такой момент волнением, я постарался ответить на вопросы президента свободно и немногословно. Воспитанник Сорбонны, президент доходчиво, без лишних слов говорил по-французски. Благодаря скромному знанию этого языка, я понимал его, а во время перевода, который делал безукоризненно Дмитрий Корсунский, обдумывал свои ответы и возникавшие у меня вопросы. Тонкий во всём, человек исключительной обходительности, Александр Малышев, незаметно для остальных подбадривал меня, чтобы я, гость из Союза ССР, оставался основным собеседником президента.

– Скажите, пожалуйста, что вам понравилось в нашей стране? – спросил меня президент к концу нашей встречи.

– В Тунисе, господин президент, – ответил я, – много такого, что может понравиться гостю из другой страны, но мне больше всего понравилась забота молодой республики об образовании и воспитании своего подрастающего поколения.

– Да, мы действительно, придаём первостепенное значение образованию молодёжи. Я убеждён, что неграмотный народ не в

состоянии осознать себя как нацию, как силу, способную отстоять свою независимость. Однако как вы заметили это? – снова обратился ко мне президент.

– Убедительнее всего – собственные наблюдения. Даже на дорогах, пересекающих пустынные районы южных провинций страны, мы часто встречали детей, одетых в униформу, идущих гурьбой в школы издалека. Во всех городах Туниса, больших и малых, где нам приходилось бывать, мы видели новые культурно-спортивные комплексы, где молодёжь не только развлекается, но и обучается грамоте и наукам, развивает себя физически. Поверьте, нас это искренне радует, господин президент, – ответил я.

Хабиб Бургиба поднял голову, выпрямился и, внимательно посмотрев на нас, перевёл взгляд на часы. Было уже около семи вечера.

– Мы задержали начало представления на целый час, не обидятся ли на нас ваши артисты? – спросил он.

– Ребята наши понятливы и снисходительны, думаю, не обидятся ни на вас, ни на нас, – ответил я и, сделав едва заметную паузу, добавил: – Однако чем раньше они встретятся с вами, тем приятнее им будет.

– В таком случае, может, будет правильно, если мы поедем сейчас в театр? – вопросительно посмотрел на нас Бургиба. – Если не возражаете, я приглашу с собой супругу, и мы вновь встретимся в театре.

Мы поблагодарили президента за проявленное к нам внимание и встали. Тем же порядком, как ехали туда, вернулись в театр. Несколькими минутами позже у его подъезда остановилась машина тунисского президента. А. Е. Малышев и я встретили его в вестибюле театра и показали нашу фотовыставку. Он с интересом обозрел её и быстрыми шагами направился в зал, который был оставлен нами без единого зрителя. На нашу радость, он оказался битком заполненным публикой, ожидавшей начала концерта. Охране президента пришлось хорошо поработать локтями, расталкивая стоявших в проходах людей, чтобы провести нас с Хабибом Бургибой и его супругой в губернаторскую ложу, расположенную на небольшом возвышении в самом центре партера. Тем временем весь зал стоя приветствовал президента, устроив ему продолжительную овацию.

Начинается представление «Кабардинки». Празднично настроенная публика восторженно принимает один за другим все номера программы, которая в наше отсутствие была пересмотрена Мутаем Ульбашевым с сокращением и без антракта, так как врачи президента не разрешили Хабибу Бургибе находиться в театре больше одного часа. Между тем концерт проходит успешно, с нарастающей энергией, всё более и более накаляя страсти публики. На 70-й минуте объявляется его окончание. Встаёт с места президент, встаёт весь зал. Бурные аплодисменты продолжаются долго.

– Вы сами видели, с каким восхищением я смотрел на выступление ансамбля. Большое спасибо. Каковы ваши планы на завтра? – обращается к нам Хабиб Бургиба.

– Мы через час выезжаем в столицу Тунисской Республики, а завтра вылетаем в Триполи, – отвечаю я президенту.

– Жаль, очень жаль. Я намеревался завтра пригласить к себе в гости артистов вашего ансамбля. Ну что ж, раз так, счастливого вам пути и ещё больших успехов в Ливии, – прощается с нами президент. Мы провожаем его до подъезда театра. Тем временем на сцене происходит редко встречающаяся процедура: артистам ансамбля вручаются подарки от президента: женщинам – одни, мужчинам – другие. Наши девушки и парни радуются им – ведь, как ни скромны эти подарки, они – подарки президента далёкой от нашей родины африканской страны.

До предела сократив время на сборы и ужин, мы поспешили в автобус. В 10 часов вечера город Сфакс, ставший для нас памятным, остался позади, на этот раз уже, пожалуй, навсегда. Ехали быстро. Несмотря на огромное физическое и нервное напряжение, которое пришлось испытать в тот день нашим ребятам, никто из них не жаждал тишины, они то оживлённо разговаривали, то пели дружно. Лишь около полуночи в салоне автобуса наступило полное безмолвие. А машина как шла без остановки, так и продолжала идти размеренно, словно находящийся в полёте воздушный корабль. В начале второго показались вдали огни ночного Туниса, а ещё через полчаса мы вошли в гостиницу. Закончился благополучно один из самых трудных выездов «Кабардинки» в ходе её гастролей по трём странам Магриба. Вместе с ним завершилась и наша работа в Тунисе. Оставались лишь сборы перед вылетом в Ливию.

В столицу Ливии, город Триполи, мы вылетели на два часа позже, чем полагалось по расписанию, и французская «Каравелла» доставила нас туда поздно вечером 30 ноября 1968 года. Багаж, костюмы и реквизит ансамбля остались в Тунисе: их не смогли разместить в небольшом самолёте. Лишь в полночь мы были устроены в скромной гостинице, находившейся в центре города. По пути туда сотрудники советского посольства сообщили нам, что им с трудом удалось предотвратить срыв наших гастролей в Ливии.

По контракту, заключенному Госконцертом СССР с ливийскими импресарио – братьями Баглюлем и Мухаммедом Нга, наш ансамбль был обязан дать в Триполи 12 концертов, то есть по одному каждый день во время пребывания в Ливии. Что и говорить, коллективу его предстояло трудное дело, ведь позади осталась тоже нелёгкая жизнь, остались сорок выступлений за сорок дней.

Премьера «Кабардинки» в Триполи состоялась 1 декабря в лучшем кинотеатре города «Ваддане», куда простому смертному попасть было непросто: надо было покупать очень дорогие билеты, одеться в изысканный костюм и вечернее платье, иметь ещё деньги в кармане и т. д. Отмечу сразу, что 600 зрителей, заполнивших роскошный зал кинотеатра, пришли в восторг от увиденного и услышанного ими в тот вечер. Аплодисменты после концерта раздавались долго. Так шли дела ансамбля в Триполи изо дня в день. В один из рабочих дней мы поехали к болгарским рабочим и инженерам, строившим новый город в знойной степи, в шестидесяти километрах от Триполи. С нами ездил туда и Сурен Акопович Товмасын – посол СССР в Ливии, ранее много лет работавший первым секретарём ЦК Компартии Армении. Трогательной была наша встреча с болгарскими товарищами, для которых «Кабардинка» дала небольшой шефский концерт.

Вечером 12 декабря, за сутки до выезда из Ливии, в «Ваддане» состоялось последнее представление «Кабардинки» в Триполи. Прошло оно весьма торжественно, как достойный заключительный аккорд длительной, трудной и ответственной работы советских артистов за границей. Публика «избранных», отнюдь не щедрая на аплодисменты, устроила ансамблю прощальную овацию. Она не торопилась покинуть зал кинотеатра. Не торопились покинуть сцену

и наши артисты. Настроение у них было такое приподнятое, что, глядя на наших ребят и девушек, я испытывал счастье.

Тринадцатого декабря мы вылетели в Тунис, тепло простившись с провожавшими нас С. А. Товмасыном и его товарищами. Перелёт из Триполи в столицу Тунисской Республики показался нам лёгкой воздушной прогулкой над южной акваторией Средиземного моря, пожалуй, самого насыщенного кораблями моря нашей планеты. В Тунисе нас встретили и повезли в гостиницу наши добрые знакомые. Вечером Наталья Гарнич перевела мне на русский язык несколько отзывов ливийских газет на выступления «Кабардинки» в Триполи. Привожу здесь краткие выдержки из них.

«Русские штурмом взяли Триполи» – так озаглавила газета «Либан Мейл» свою рецензию на первый концерт «Кабардинки» в столице Ливии. Вот некоторые отрывки из неё:

«Вероятно, что-то особенное есть в горном воздухе Юга России, какое-то особое свойство, которое вселяет радость жизни и великую энергию танцевать, петь и создавать музыку. Два года тому назад грузинский национальный ансамбль взял штурмом Лондон. На этой неделе то же самое сделала с Триполи «Кабардинка», ансамбль из 47 человек, чей средний возраст 29 лет, а самому младшему танцору только 16».

«Финальный номер «Праздничный танец» – волнующий, колоритный, фестивальныи – был последним всплеском этих энергичных молодых гостей Триполи».

А вот что писала газета «Ливийские времена», сетуя на то, что из-за Рамадана многие жители Триполи лишают себя возможности насладиться искусством советского ансамбля:

«Они великолепно выступили в воскресенье вечером в «Ваддане» в костюмах и с инструментами, которые только за полчаса были доставлены из Туниса».

«Их концерты – это веселье, возбуждение и фантастические аплодисменты тех, кто видел их. Многие будут жалеть о потере, когда будет поздно».

«Каждый танцор – это артист того или иного плана. Особенно поражает работа ног. Это надо было видеть... Тренированные движения рук усиливают красоту танцев».

«12 девушек-балерин непревзойденны по своей грации. В принципе они и идентичны, каждая из них – это темноволосая красавица».

«Как полная перемена народным танцам, от которых у нас захватывает дух, звучит великолепное пение Наталии Гасташевой. Русское совершенство её сопрано особенно видно, когда она поёт песню о двух ласточках, на смену которой приходят бурные аплодисменты».

Настроение всего коллектива определялось перспективой увидеть Москву через сутки с небольшим, и конечно же оно было прекрасно. Однако перспектива эта оказалась не столь близкой, и мечты наши не сбылись: авиация, успевшая фантастически сблизить самые далёкие друг от друга точки земного шара, не оказалась всесильной. Самолёт Аэрофлота, доставивший нас в Африку 18 октября, прибыл в Тунис из Рабата с большим опозданием. Долетев из Туниса до Будапешта, хотя и значительно позже, чем полагалось по расписанию, мы застряли там на сутки с лишним, а затем в Киеве – на ещё более продолжительное время и прилетели в Москву только 17 декабря. Сотрудник Госконцерта СССР, встретивший нас в аэропорту Шереметьево, пригласил в автобус и дал его водителю команду: «На Курский вокзал».

– Я встречал вас каждый день с 14 декабря. Когда я приезжал в аэропорт первый раз, вас долго ждал товарищ Мальбахов и с ним ещё несколько человек.

Около полуночи скорый поезд медленно отошёл от Курского вокзала в южном направлении и через четверть часа оставил Москву. За окнами вагона, мерно отстукивавшего стыки железнодорожных рельсов, быстро проносились освещённые луной заснеженные поля и перелески Подмосковья. Раздвинув белые занавески, я долго разглядывал их, наслаждаясь неповторимой красотой стольного края, навсегда полюбившегося мне в военные и послевоенные годы. Прошла ночь. В наступивший день проехали Орёл, Курск, Белгород, Харьков, мимо пролетели и донецкие терриконы. В Ростов прибыли в полночь. До Нальчика оставалось менее 600 километров. Медленно переехали тихий Дон. Поезд набрал крейсерскую скорость. Никто из нас не спал. В какой-то момент объявили отбой. Все притихли, но лишь некоторые заснули. Лежали и волновались, думая о скорой встрече с родными и близкими.

Никто из нас не строил иллюзий, не думал и не мечтал о торжественной встрече ансамбля в Нальчике. Но, когда поезд медленно подошёл к вокзалу, мы увидели на перроне множество людей с цветами. Духовой оркестр парка культуры и отдыха играл известный марш Мухадина Балова. Встречали «Кабардинку» деятели культуры и искусства, родственники и близкие, руководящие работники республики во главе с секретарём обкома партии М. Х. Шекихачевым.

Следуя обычаям горцев, никто из артистов ансамбля не кинулся к своим, пока не выслушали горячо и взволнованно приветствовавшего нас секретаря обкома КПСС. Мне надо было сказать ответное слово. Но что и как? На меня влажными от счастья глазёнками неотразимо смотрели дочки – семилетняя Маринка и пятилетняя Оленька. Детские глаза оказались сильнее меня, спутали мои мысли. Однако надо было взять себя в руки, сказать что-нибудь собравшимся здесь в ранний час людям, не обидев заодно и корреспондента радио, уже прижавшего к моему подбородку включённый для записи микрофон.

Собравшись с духом, я произнёс:

– Дорогие друзья! Мы сделали всё, что могли. Спасибо за волнующую встречу!

Через несколько минут артисты ансамбля разъехались по домам, получив десятидневный отгул. Начавшись с торжественных проводов из Нальчика осенним утром 16 октября, первые, продолжавшиеся два месяца, зарубежные гастроли «Кабардинки» закончились торжественной встречей её в родном городе зимним утром 19 декабря 1968 года.

В тот же день Екатерина Алексеевна Фурцева позвонила мне, поздравила с успешным завершением наших гастролей и сказала, что в ближайшие дни мы получим приказ, посвящённый их итогам.

Время неудержимо. Оно стремительно уходит вперёд, в будущее, непрерывно обращая настоящее в прошлое, нанизывая на нить истории одно событие за другим. Кто знает, возможно, что люди, которые будут вносить в историю народов Кабардино-Балкарии события наших дней и лет, найдут целесообразным отвести несколько строк первому выходу большого отряда тружеников искусства республики на театральные подмостки зарубежного мира. Тогда, быть может, им пригодятся имена тех, из кого состоял этот славный творческий коллектив. Если так случится, любознательный историк найдёт их в приводимом ниже документе.

**ПРИКАЗ
министра культуры СССР**

№ 665

24 декабря 1968 г.
г. Москва

**О гастрольях Государственного ансамбля танца
Кабардино-Балкарской АССР «Кабардинка»**

С 18 октября по 13 декабря 1968 года в Марокко, Алжире, Тунисе и Ливии состоялись гастроли Государственного ансамбля танца «Кабардинка» в составе 47 человек.

За этот период коллектив выступил в 29 городах и дал 52 концерта, на которых присутствовало более 30 тысяч зрителей. Все выступления прошли на высоком художественном уровне и получили положительную оценку прессы и общественности этих стран. Гастроли ансамбля имели большое политическое значение, способствовали дальнейшему укреплению культурных связей Советского Союза со странами Северной Африки.

Весь коллектив в сложных условиях гастролей проявил высокую ответственность, организованность и дисциплину.

П р и к а з ы в а ю:

Объявить благодарность участникам гастролей ансамбля «Кабардинка»:

Ульбашеву М. И. – балетмейстеру, заслуженному артисту РСФСР.

Ахмедову М. А. – заместителю руководителя гастролей.

Аронову Е. В. – директору ансамбля, заслуженному деятелю искусств КБАССР.

С о л и с т а м б а л е т а:

Алакаеву М. Х. – заслуженному артисту КБАССР.

Карежевой З. А.

Кешеву Ф. Г.

Соттаеву К.

Дзахмишевой З. А.

Дзахмишеву К. С.

Дижарфову М. М.

Гасташевой Н. К. – солистке-вокалистке.

Артистам балета:

<i>Альборову Т. Х.</i>	<i>Мацеву Я. М.</i>	<i>Хутатову Ю. Х.</i>
<i>Арустамову А. С.</i>	<i>Мисакову А. М.</i>	<i>Чеченову В. Д.</i>
<i>Баллаевой В. С.</i>	<i>Мочанову А. Н.</i>	<i>Шабазгериевой К. Х.</i>
<i>Дауровой Р. Б.</i>	<i>Нагудовой Л. Ф.</i>	<i>Шабазгериевой Р. М.</i>
<i>Жабоевой Е. К.</i>	<i>Ошроеву М. Л.</i>	<i>Шогенову В. Б.</i>
<i>Казиеву А. А.</i>	<i>Тлуповой А. А.</i>	<i>Шомахову Х. А.</i>
<i>Келеушевой С. И.</i>	<i>Тутовой А. А.</i>	<i>Шортановой А. А.</i>
<i>Керефову А. А.</i>	<i>Тхамокову М. Б.</i>	
<i>Кешеву В. Г.</i>	<i>Хашукоеву А. Б.</i>	

Артистам оркестра:

Ашурову П. Т. – заслуженному артисту КБАССР.

Дышековой Ф. З. – заслуженной артистке КБАССР.

Кодзову А. Х.

Новикову Г. Г.

Орозаевой Л. А.

Сохову Б. П.

Костюмерам:

Довжику И. И. и *Мясниковой Р. С.*

Гастроли в Австралии и странах Юго-Восточной Азии. 1972 год

После короткого отдыха «Кабардинка» приступила к своей работе, проанализировала итоги зарубежных гастролей и взялась за дело с мечтой, светлой и смелой. Коллектив её выступал с концертами в республике и вне её, принимал активное участие в Днях культуры и искусства Кабардино-Балкарии в соседних с ней республиках, в Кисловодске, Ессентуках, Железноводске и Пятигорске. Здесь, у подножия Бештау и в мае 1972 года познакомился с искусством ансамбля известный австралийский импресарио, глава компании «Вильямсон – Эджли» Майкл Эджли, приехавший в нашу страну для приглашения наиболее интересных творческих коллективов СССР на гастроли в Австралию и Юго-Восточную Азию. «Кабардинка» понравилась ему, и он договорился с Госконцертом СССР о направ-

лении её в Австралию, Сингапур и Филиппинскую Республику осенью того же года.

Прошли незаметно несколько месяцев. В середине октября «Кабардинка» выехала в Москву. Днём 18 октября она была принята в Министерстве культуры Союза, а поздно вечером вылетела в Австралию. Могучий воздушный корабль из семейства «илов», поднявшись со взлётной полосы аэропорта Шереметьево-2, взял курс на столицу Индии – Дели. Летели долго. Лишь в 8:35 московского времени наш самолёт совершил посадку в аэропорту Дели. Здесь мы познакомились с послом СССР в Сингапуре Борисом Васильевичем Безрукавниковым и его супругой, которые возвращались из отпуска. После смены экипажа наш самолёт взял курс на Куала-Лумпур – столицу Малайзии. Ещё долго летели над Индией, страной древней культуры, на юго-восток. Бассейн своенравного Ганга медленно проплывал под консолью левого крыла воздушного корабля. Ясная солнечная погода давала возможность хорошо разглядеть Индию с большой высоты. Долина Ганга являла вид огромной интересной картины. Бросалось в глаза множество населённых пунктов. Сотни тысяч мелких земельных участков как бы образуют гигантскую шахматную доску. В каждой её клеточке – по одному большому дереву, которое, видимо, служит земледельцу спасительным укрытием от палящего южного солнца. Заметна также разветвлённая сеть оросительных каналов, созданных руками трудолюбивого индийского народа.

В аэропорту Куала-Лумпура мы находились недолго. После заправки горючим самолёта мы при густом тумане поднялись в воздух. Набирая высоту, воздушный корабль вышел на последнюю прямую, ведущую к Сингапуру, откуда рукой подать до самого экватора. Погода стала портиться, вокруг засверкали молнии. Началась дикая болтанка. Близилось время приземления в Сингапуре, а стихия не только не успокаивалась, но ещё более неистово бушевала, грозя нам суровой расправой за дерзкое единоборство с ней. В такой драматической обстановке наш Ил зашёл на посадку, но в тот самый миг, когда он должен был коснуться земли, заревели его мощные турбины и унесли нас на второй круг. Минут десять самолёт, кидаемый вверх-вниз, с крыла на крыло пришедшими в хаотическое движение воздушными массами, летал на подступах к Сингапуру, ожидая разрешения на посадку. Перепуганные пасса-

жиры сидели молча, словно потеряли дар речи. Когда же, наконец, корабль покотился по бетонной дорожке аэродрома, они вздохнули с облегчением. Пошли разговоры, что при выходе из самолёта нас искупает ливень. Не выходить же было нельзя, так как корабли «Аэрофлота» дальше не летали, и нам следовало пересестись на самолёт австралийской авиакомпании «Контас».

Тревоги, однако, были напрасны, ливень прекратился вместе с остановкой самолёта у парадного подъезда аэровокзала. Выйдя из салона воздушного лайнера, мы попали в объятия более чем тёплого влажного воздуха. Не легче было и в огромном зале ожидания, где из-за нехватки электроэнергии не работали кондиционеры, и тысячи пассажиров снимали со своих лиц испарину носовыми платками. Часа через два нас повезли на посадку в «Боинг-707» «Контаса», осуществлявшего воздушные связи Австралии со всем миром. Очаровательные стюардессы в красивой униформе быстро разместили пассажиров в салоне самолёта и сразу же после его взлёта вручили каждому из нас иммиграционные карточки для заполнения их в ходе перелёта и грамоту короля Нептуна как свидетельство пересечения экватора, а затем подали вкусный ужин. С этого момента началась и напряжённая работа нашей переводчицы Татьяны Владимирской. Долго стояло в ту ночь оживление в салонах «боинга», маршрут которого пролегал между индонезийскими островами Суматра и Борнео, пересекал Яву недалеко от города Бали, восточную часть Индийского океана, выходил на Зелёный континент западнее города Дарвина и оттуда уже на крупнейший город и порт Сидней – первое европейское поселение в Австралии. Наш самолёт совершил здесь посадку в 8 часов 30 минут утра 20 октября 1972 года, и мы сделали первые шаги по австралийской земле. Здесь же, за третьим барьером таможенного пункта, нас встретили служащие компании «Вильямсон – Эджли» Эндрю Гилд, Дэвид Петерсон и Мериам Хупер.

Эндрю Гилд, худощавый молодой человек невысокого роста, с бакенбардами и длинными волосами являлся ближайшим помощником Майкла Эджли; Дэвид Петерсон, стройный черноглазый джентльмен, которому было чуть больше тридцати лет, был назначен главой фирмы директором турне «Кабардинки», а Мериам

Хупер, рослая весёлая девушка, – его секретарём и администратором.

Они незамедлительно перевезли нас с аэровокзала внутренних сообщений того же аэропорта и посадили в «Боинг-707». Через несколько минут он взмыл под облака и взял курс на Мельбурн – город и порт с населением около трёх миллионов человек, международным аэропортом и олимпийским комплексом. Здесь мы находились всего полчаса. Отсюда начался последний этап полуторасуточного воздушного путешествия артистов «Кабардинки», первые выступления которых должны были состояться во втором по величине городе острова Тасмания – Лонсестоне.

Полёт из Мельбурна до Лонсестона, занявший всего сорок семь минут, был интересным. Он проходил при отличной погоде и на небольшой высоте. Это был большой прыжок с континента через Бассов пролив на остров Тасмания. Вскоре после вылёта из Мельбурнского аэропорта мы увидели вдаль этот таинственный для нас остров, а под крыльями самолёта – мелкие острова и пролив, воды которого бороздили несколько огромных океанских судов. Но вот и сама Тасмания, она под нами и с воздуха кажется сказочно красивой: много зелени, небольших рек, гор и лесов. Западнее Лонсестона видны даже снежные вершины. В 12 часов 10 минут мы садимся в аэропорту Лонсестон и направляемся в аэровокзал, где нас уже ожидали представители прессы, радио и телевидения. Здесь состоялась пресс-конференция, после которой нас повезли в город по шоссейной дороге. Признаться, нас всех удивила чистота и ухоженность этой дороги и прилегающих к ней лугов и пастбищ; аккуратность, с которой сделаны дорожные знаки и указатели. На первую ночь наш коллектив поселили в небольшой мотель, а через сутки устроили в фешенебельной гостинице «Четыре сезона», расположенной в центре города Лонсестона, совсем недалеко от театра «Принцесс», где должны были проходить наши концерты.

Воскресное утро 22 октября началось с приглашения коллектива «Кабардинки» на открытие водно-спортивного сезона. От имени членов Северного водно-спортивного клуба Лонсестона это сделала местная радиожурналистка Маргарет Роу. Поблагодарив нас за согласие, она представила нам своего мужа Джона, типичного англичанина, с короткой рыжей бородой, познакомила с пятилетней

дочерью Фионой и поехала с нами в автобусе, исполняя обязанности гида. С самого начала пути она повела рассказ о городе, его окрестностях. Левостороннее движение автомобилей нам было так непривычно, что казалось, будто каждую минуту нас подстерегает опасность. Мы ехали по западному, более крутому берегу реки Тем, очарованные красотой её долины. Река в своём тихом течении временами становилась такой широкой, что могла показаться озером длиной в несколько вёрст. Любуясь сказочным рельефом и разнообразной пышной растительностью острова, мы незаметно подъехали к клубу воднолыжников. Здесь уже стояли десятки легковых автомобилей, было много молодых мужчин, женщин и детей. Шла подготовка к началу соревнований: одевались в специальные костюмы, проверяли работу двигателей моторных лодок.

Около трёх часов мы наблюдали интереснейшие соревнования мужественных спортсменов, развивавших на поверхности огромного озера такую скорость, что мы боялись как бы не лишился кто-нибудь из них своей жизни. Многим спортсменам явно не везло, и в решающую минуту они вместе со своими лыжами оказывались под водой, температура которой едва достигала 10 градусов по Цельсию. Соревнования, слава богу, закончились благополучно. По просьбе президента клуба призы победителям были вручены автором этих строк, высказавшим своё восхищение мужеством воднолыжников Тасмании. Поблагодарив организаторов соревнований, мы в сопровождении миссис Роу вернулись в город в отличном настроении.

До начала выступлений «Кабардинки» в Лонсестоне оставалось три дня: 23, 24 и 25 октября. Предстояла очень большая подготовительная работа, так как две последние недели ансамбль не имел ни репетиций, ни концертов. Не отвлекаясь ни на что, 23 и 24 октября мы занимались напряжённой репетиционной работой. Репетиции на сцене театра «Принцесс» проводились с утра до позднего вечера с небольшим перерывом на обед. Не выходили из театра и представители компании – Эндрю Гилд, Дэвид Петерсон и Мериам Хупер. Они возвращались с нами в отель в одиннадцать часов ночи, усталые и менее обычного разговорчивые.

Совершенно неожиданно день 25 октября сложился для нас ещё более напряжённо, чем два предыдущих. Утром Эндрю сообщил

нам, что в полдень прилетит Майкл Эджли, а в 17 часов лорд-мэр города устраивает приём в честь советских гостей. Сообщение это было встречено нашими артистами с удовлетворением. Они с энтузиазмом провели утреннюю репетицию всей программы своего концерта.

Майкл Эджли, 28-летний миллионер, глава компании, прилетел к нам из Мельбурна, где находится его офис. Высокий и стройный, с кудрявой шевелюрой, он был больше похож на киноактёра, чем на бизнесмена, владельца огромного состояния. Мне и Михаилу Аюбовичу Ахмедову Майкла и его жену – красавицу Дженни – представил Эндрю Гилд, который, как потом мне показалось, во многом подражает своему патрону. Встреча с ними состоялась в гостинице «Лонсестон», где они остановились. Оттуда мы пешком направились в мэрию, от которой отделяли нас лишь два квартала. Узнав о том, что Майкл и Дженни поженились совсем недавно, я поздравил их и пожелал им счастливого, нерасторжимого союза.

– Большое спасибо! – ответили они по-русски в один голос.

– Но вы немного, совсем немного поторопились со свадьбой, – заметил я, обращаясь к Майклу. – Случись она на полтора месяца позже, мы, наверное, оказались бы её участниками, а вы – мужем мисс Австралии, которой Дженни могла стать на конкурсе красоты, проходящем сейчас в вашей стране.

– Нет-нет, я не поторопился, наоборот, я запоздал. Дженни была мисс Австралии ещё два года назад. Тогда я и повёл отчаянную борьбу за её сердце, – ответил Майкл, широко улыбаясь.

Мы незаметно подошли к мэрии. У подъезда нас встретил помощник мэра, далее всё происходило, как по сценарию. Вскоре подошли артисты ансамбля, и мы поднялись на второй этаж и вошли в просторный зал приёмов. Лорд-мэр Гарри Фишер, семидесятилетний врач-гинеколог, который ещё имел практику в местном госпитале, обратился к нам с тёплым приветствием и в заключение своей краткой речи сказал:

– На долю Лонсестона выпала приятная миссия и высокая честь – принять у себя известный ансамбль «Кабардинка». Мы гордимся этим и готовы сделать всё, чтобы вы остались довольны пребыванием и работой в нашем городе.

На приветствие Гарри Фишера я ответил словами, выражающими глубокую признательность за проявленное к нашему ансамблю внимание. На приёме, кроме нас, присутствовало очень много людей. Официанты наперебой предлагали гостям виски, вино, шампанское и всевозможные бутерброды искусного приготовления. Шумели кинокамеры, щёлкали фотоаппараты. Лорд-мэр и его коллеги знакомили нас с лонсестонцами, фотографировались то с одной, то с другой группой артистов ансамбля, оживлённо беседовали с ними, отнимая друг у друга нашу переводчицу Татьяну. Австралийцы проявляли большой интерес к Кабардино-Балкарии, о которой они раньше ничего не знали. Провожая нас, доктор Фишер попросил оставить свои автографы в Книге почётных гостей города.

Мы вернулись в театр к семи часам вечера. Просмотрев на репетиции первое отделение концерта, Майкл Эджли обратился к нашим артистам со словами:

– За время, прошедшее после моей встречи на Кавказе, мастерство ансамбля выросло значительно, и я уверен, что вы будете пользоваться большим успехом и в Австралии, и в Сингапуре, и на Филиппинах.

Не рано встали мы 26 октября, в тот самый день, от исхода которого зависел успех нашей миссии. К 11 часам пришли в театр и провели лёгкую, скользющую репетицию, которая не могла отнять у артистов много энергии. Всё у нас шло как будто нормально. Но оставшееся до начала концерта время было для нас нелёгким. Весь коллектив «Кабардинки» волновался, причём волнение его нарастало подобно тучам, которые, собираясь перед грозой, накапливают энергию для могучих разрядов.

Восемь часов вечера. Зал заполнен нарядной публикой: мужчины все в смокингах, женщины – в вечерних платьях. В сопровождении мэра Фишера и вице-президента местного клуба «Lion» («Лев») на авансцену театра поднимается бывший премьер-министр Австралии Джон Гортон, прилетевший из Канберры. Он произносит длинную речь, насыщенную юмором. По всему было видно, что он намерен вернуть себе кресло главы австралийского правительства.

– Вы сегодня увидите здесь много танцев, света и красоты, и я считаю за честь открыть австралийское турне «Кабардинки», – заяв-

ляет он в заключение своего выступления и вместе с двумя сопровождающими спускается в зал.

Прошла минута ожидания. Со сцены раздалась мелодия торжественного марша, медленно дали свет, и из-за кулис справа вышли наши танцоры. Зал молчал и, казалось, затаив дыхание, следил за каждым их движением. Один круг ребят – и с левой стороны сцены, где, как обычно, сидел оркестр ансамбля, показались наши девушки, одетые в изумительно красивые национальные платья, и прошли, вернее сказать, проплыли по авансцене под аплодисменты публики. Начался «Исламей» – первый номер программы австралийско-сингапурско-филлиппинской эпопеи «Кабардинки». Громом аплодисментов взорвался зал, когда закончился этот танец. Одухотворённо и лирически нежно исполнили Зара Дзахмишева и Заур Марышев танец «Охотник и птица», грациозно прошла «Кафа», в которой солировали Валентина Мисакова и Фёдор Кешев. Очень эффектно, с юмором исполнил танец с кинжалами Владимир Шогенов, которого публика вынудила повторить номер. На бис прошли также танцы «Свидание», «Голлу», «Абзех» и «Тёгерек-тепсеу». Антракт превратился в оживлённый обмен впечатлениями. Аудитория была удивлена и более чем довольна.

Во втором отделении концерта «Кабардинка» окончательно покорила публику. Лонсестонцы безжалостно били свои ладони. Некоторые танцы повторялись неоднократно. После финального танца «Кабардинки» ансамбль несколько раз вызывался на сцену под не утихающую долго овацию. Никто из зрителей не спешил покинуть зал театра, хотя многие из них были приглашены на приём, который устраивал клуб «Лион» в честь советских артистов в помещении городского музея. Мы пришли в городской музей позже всех. Встретив у подъезда, доктор Фишер и вице-президент клуба провели нас в зал и познакомили с экс-премьером Австралии Джоном Гортоном и его супругой. Бывший глава правительства весьма похвально отозвался о концерте «Кабардинки», поздравил нас с большим успехом. Слов похвальных в адрес ансамбля не пожалела и миссис Гортон. Богатый разнообразными блюдами ужин прошёл в очень тёплой обстановке. Прощаясь с нами, мистер Гортон заявил, что он давно лелеет мечту о поездке в Советский Союз.

Вскоре после полуночи мы первыми покинули музей, поблагодарив лорд-мэра города и руководителей клуба за гостеприимство. Было прохладно. Безлюдные улицы Лонсестона вдоль и поперёк продувал холодный ветер, и мы шли быстрым шагом, громко переговариваясь между собой. Ясное небо над Тасманией, усеянное мириадами звёзд, предвещало на следующий день холодную погоду. В гостиницу вошли слегка озябшие.

Нелегка жизнь артистов. Каждый раз, вернувшись с концерта или спектакля поздно вечером, они просиживают до глубокой ночи, не будучи в состоянии прийти в себя от пережитых волнений. Весь мир, кажется, спит в эти часы, а артисты – нет. Ночь с 26-го на 27 октября 1972 года не могла стать в этом смысле исключением для наших артистов, и они, а вместе с ними и мы просидели тогда почти до рассвета. В успехе нашего первого выступления у нас не было сомнения. Но каким будет «выступление» австралийской прессы, мы не знали. И конечно, в тот предрассветный час я заснул с мыслью об этом.

Яркие лучи утреннего солнца коснулись моих век и разбудили меня. Было начало девятого. Полагая, что некоторые из наших ребят уже гуляют во дворе, я вышел в просторный коридор отеля и раскрыл окно. Там, кроме служанок, никого не было видно. Но тут неожиданно раздался голос Мериам Хупер.

– Хорошая пресса! Хорошая пресса! – кричала она мне, размахивая газетой.

Аккуратная и пунктуальная в деле, Мериам раньше всех встала в это утро и купила несколько экземпляров газеты «Экзаминер», выходящей здесь на 32 полосах. Два слова, которые повторялись Мериам со светившимися радостью глазами, означали, что газета опубликовала положительную рецензию на премьеру «Кабардинки». Ничего конкретно Мериам не смогла мне сказать, не зная русского языка. В свою очередь, и я ничего не мог извлечь из большой статьи, не владея совершенно английским. Было обидно за свою беспомощность. Тут я впервые пожалел о том, что никогда не брался за английский, хотя всегда любил заниматься изучением языков и прилично владел немецким и французским языками. Что было делать, пришлось ждать появления на балконе спавшей ещё Татьяны Владимирской. После завтрака она быстро перевела на русский

язык статью, опубликованную газетой под заголовком: «Экзотическое представление танцоров». Она представляла из себя восторженный отзыв о первом выступлении ансамбля.

Вот некоторые строки из этой статьи: *«Танцоры «Кабардинки» потрясли публику, собравшуюся на первое представление ансамбля в театре «Принцесс» Лончестона».*

«Какие изумительные цвета и совершенно восточную красоту увидела публика!».

«Яркость костюмов, необыкновенная грация девушек и рвущая наружу энергия мужчин – всё это потрясло и одновременно заставляло снова и снова вызывать на бис».

«Танцовщики удачно объединяют величественность и мужество с юмором и грацией».

Статья заканчивалась словами: *«В общем, это был подлинный праздник редкого и настоящего наслаждения. Концерты будут продолжаться до 4 ноября».*

Рецензия газеты «Экзаменер» обрадовала нас. Двадцать седьмого октября «Кабардинка» во всём повторила своё первое представление, а в субботу, 28 октября, артисты ансамбля, как мне показалось, сделали шаг вперёд, хотя было это неимоверно трудно, так как в тот день они давали два концерта.

«Театр «Принцесс» ещё не видел такого», – говорили зрители после вечернего выступления. Ровно в полночь, по совету Дэвида Петерсона, мы перевели стрелки своих часов на один час вперёд. С этого момента мы вместе со всеми жителями Пятого (Зелёного) континента должны были начинать свой рабочий день на час раньше, чем прежде. Такова традиция, ставшая нормой жизни в Австралии.

Никогда не забудется нами день 29 октября 1972 года. Он открыл нам нечто такое, подобного которому никто из нас никогда раньше не видел. В 11 часов мы отъехали от «Четырёх сезонов» и в считанные минуты оказались на возвышенности западнее Лонсестона, покрытой сочными лугами и редко посаженными по всему склону эвкалиптами. Ребята попросили водителя остановить автобус, чтобы обозреть город сверху. Оттуда хорошо были видны каждая его улица и каждый дом. Любо было смотреть на Лонсестон: бросались в глаза чистота и опрятность улиц, площадей, усадеб и домов. Мы

ехали дальше на небольшой скорости. Наша дорога пересекала речку и несколько населённых пунктов, больше похожих на города-карлики, чем на сёла. Через полтора часа машина остановилась возле двухэтажного здания с яркой вывеской: «Mol Creek Hotel». Это была гостиница для туристов-путешественников. Тут же подошли к нам хозяин и хозяйка отеля.

– Вчера мы смотрели концерт «Кабардинки», – начала свой разговор симпатичная женщина средних лет. – Нам очень понравилось ваше выступление. Вы ещё раз осчастливите нас, если пожелаете в наш дом и пообедаете вместе с нами.

– Узнав вчера от представителей компании «Вильямсон–Эджли», что вы будете проезжать здесь сегодня, мы специально подготовились к встрече с вами. Очень просим отдохнуть у нас часок-другой, – добавил мистер Моль, извинившись за то, что они решились отнять у нас время.

Мы не сочли удобным отказаться и два часа провели в баре отеля, не брезгуя ни отличным пивом, ни вкусными овощными и мясными блюдами богатого меню ресторана отеля и слушая мелодии вальса и танго. К концу обеда миссис Моль пригласила на вальс автора этих строк, а за нами последовали пара за парой почти все артистки и артисты ансамбля. Скажем прямо, что обед был на славу. Попросив оставить свои автографы в Книге почётных гостей, хозяйка и хозяин отеля тепло проводили нас в путь, конечной целью которого являлась знаменитая «Пещера царя Соломона». Вскоре дорога круче пошла на подъём, и наш автобус стал идти со свойственным режиму работы двигателя рёвом. Шоссе было проложено через эвкалиптовый лес. Справа и слева возвышались нередко громадные валуны, обросшие зелёным мхом. Чем дальше машина уносила нас в горы, тем краше и девственнее становилась окружающая природа, которую можно было сравнить с отдельными районами Кабардино-Балкарии. И вдруг, совершенно неожиданно, машина остановилась: дороги дальше не было. Подземное «Соломоново царство» находилось где-то поблизости, но никакими признаками это не выдавалось. Таинственность ещё больше усиливала интерес людей к тому детищу природы, ради которого они приезжали сюда за сотни и тысячи миль.

Девид Петерсон покинул нас на несколько минут и вернулся с двумя вооружёнными молодцами, которые, как оказалось, не только охраняют пещеру, но и исполняют обязанности проводников-экскурсоводов этого уникального музея природы, состоящего из нескольких, не похожих друг на друга, «дворцов». По совсем узкому подземному ходу мы прошли к первому из них и остановились, зачарованные. Перед нашим взором предстала дворцовая палата сказочной красоты. Потолок её подпирали расписанные причудливыми узорами колонны, на формирование которых природа потратила десятки тысяч лет. Многие здесь могло показаться сновидением. Мы долго разглядывали пещеру, внимательно слушая лаконичные комментарии проводника. Последующие «дворцы», соединённые между собой тесными переходами, представляли собой ещё более удивительное зрелище, которым невозможно было не восхищаться. Но задерживаться в них долго мы не могли, так как тряслись от холода уже основательно: здесь постоянно держится температура на уровне 9 градусов по Цельсию.

– Посмотрите на ту большую колонну, – обратился к нам наш гид, – высвечивая карманным фонариком один огромный сталагмит, – учёные определяют её возраст в 42 тысячи лет. А вот той, свисающей сверху изящной колонне, которая называется сталактитом и растёт вниз на один дюйм за 220 лет, исполнилось ещё только 5 тысяч лет.

Более часа длилась наша подземная жизнь в «Соломоновой пещере». Когда же мы выбрались оттуда на солнце, проводник, вероятно, влюблённый в неё, как-то мимоходом сказал:

– Не так давно шли по дикому лесу охотники. Впереди них бежала собака. И вдруг она невесть куда исчезла, словно провалилась в невидимую пропасть. Стали охотники искать вокруг собаку, громко звать её. В ответ из подземелья раздался заунывный лай. Так вот и была открыта пещера, в которой, простите, мы вас основательно поморозили.

Обратный путь отнял у нас значительно меньше времени, так как ехали быстро, под гору, без остановок. То ли от усталости, то ли от ярких впечатлений дня, которые ещё не успели осмыслить, ребята были молчаливы и задумчивы. В шесть часов вечера с той же возвышенности, откуда обозревали город утром, мы увидели Лонсестон,

а ещё через четверть часа вошли в отель «Четыре сезона», ставший на две недели нашим уютным домом. Так завершился воскресный выходной день. Как сложится понедельник, тоже объявленный выходным днём, мы не знали. Одно лишь было известно, что вечером все вместе пойдём в кино. Это входило в план Дэвида Петерсона, заранее согласованный с нами.

Лонсестон, второй по значению город штата, отнюдь не считающийся провинциальным, в общих чертах мы уже знали. Тридцатого октября нам представилась возможность для более тщательного ознакомления с ним. Погода выдалась солнечная и тёплая. Одевшись по-летнему, мы направились в городской парк, имеющий очень интересный зоологический уголок с большим поголовьем кенгуру, являющегося гордостью и украшением Австралии и её государственного герба. Мы долго любовались этими сумчатыми животными, их прыжками и иными выходками. Да и весь сити-парк Лонсестона, который содержится в образцовом состоянии, оставил у нас очень приятное впечатление. Ни в парке этом, ни на улицах и площадях города в тот день мы не увидели ни одного брошенного окурка или клочка бумаги – жители города здесь так воспитаны!

Фильм, показанный вечером в кинотеатре, мы с трудом высидели. Это был американский боевик с шестью безнаказанными убийствами за полтора часа.

Всю первую половину последнего дня октября мы посвятили восстановлению спортивной и творческой формы артистов, в какой-то мере потерянной ими за двое суток отдыха. Был устроен прогон всей программы предстоящего вечером концерта, пятого по счёту выступления «Кабардинки» в Австралии. Оно проходило на хорошем уровне. Публика принимала наших артистов тепло, бурно аплодировала им, вызывала их на повторение танцев. Но мне показалось, что им чего-то не хватало. А чего? Ответ мог быть не совсем точным, но я пришёл тогда к выводу, что не хватало того огонька, который частенько выводит зрителя за рамки его воображения. Но по-иному, видимо, восприняла публика увиденное: после финала концерта под сводами театра долго гремела устроенная ею овация.

Наступил первый день ноября, по законам и краскам природы близкий к началу мая на Юге европейской части нашей страны. Од-

нако он неожиданно оказался здесь на сей раз холодным и вынудил нас достать из чемоданов кофты и плащи. Придя в театр, мы устроили беглый разбор последнего концерта, а затем хорошую разминку и репетицию. Будучи уверены в успешном исходе предстоящего концерта, мы дали артистам ансамбля возможность заняться своими делами. Вечером они выступили так, что придраться к чему-либо было невозможно.

Утро 2 ноября было ещё более холодным. И это не замедлило сказаться на всём окружающем. Весна перестала звучать полным голосом, всей своей прелестью. Чарующая симфония её была приглушена вторгшимся в Тасманию циклоном. Цветущие розы, которые двумя днями раньше благоухали своим ароматом под нашими окнами, стояли теперь съёжившись, в тревожном ожидании ненастья. Небо между тем становилось темнее, а когда пришла пора идти на репетицию, начался дождь. Занятия пришлось перенести на ранний вечер. Дождик лился мелкими, но очень густыми струйками, не меняя ни силы, ни нрава своего. Два часа купал он город. Прекратился же неожиданно при сплошной облачности. Концерт в тот вечер прошёл нормально. Во время долгой овации, которой благодарная публика наградила наших артистов за доставленное наслаждение, я занёс в свою записную книжку четыре слова: «Выступление «Кабардинки» прошло отлично». После концерта весь коллектив ансамбля находился на приёме, устроенном в фойе театра Национальной ассоциацией изящных искусств Тасмании, во главе которой стоял мистер Мойджер Керслейк. Присутствие на приёме со стороны хозяев группы служителей искусства придавало ему особый колорит. Обе стороны быстро вступили в контакт, и ужин прошёл весело, словно шла встреча давних друзей и коллег. Поблагодарив организаторов приёма и пожелав им плодотворной деятельности, мы в полночь вышли на улицу, где уже не было видно ни людей, ни машин.

Утро 3 ноября было ослепительно солнечным. Розы под окнами гостиницы раскрывали свои пышные бутоны. Казалось, лепестки их торжествовали победу над циклоном, от которого дрожала Тасмания более двух суток. Однако вскоре небо над островом заволочло тёмными облаками, грозя дождём. Это не остановило любителей искусства. Они заполнили зрительный зал театра, и вечерний кон-

церт «Кабардинки» прошёл под их бурные аплодисменты, неизменно переходившие в овацию.

«Ещё два концерта в субботу – и прощай, Лонсестон!» – громко скандировала группа наших ребят, когда занавес сцены «Принцесса» закрылся на всю ночь. А суббота была не за горами и наступила через полчаса, в полночь, в миг, условно отделявший уходивший в прошлое день третьего ноября от наступавшего четвёртого. Дневной концерт той незабываемой субботы наши артисты начали и провели с энергией, изумлявшей заполнивших весь зал театра лонсестонцев.

Последний концерт «Кабардинки» в Лонсестоне вылился в яркое и волнующее представление артистов Кабардино-Балкарии, во время которого они продемонстрировали не только высокую технику исполнения танцев, кавказский темперамент и грациозность, но и красоту души. И потому неудивительно, что тысячная аудитория, собравшаяся вечером 4 ноября в театре «Принцесс», была единодушна в оценке искусства ансамбля: она, стоя, попросила наших артистов, уже в пятый раз, повторить заключительный номер программы – танец «Кабардинка». Итак, 10 концертов остались позади, и мы попрощались с любителями искусства замечательного города Лонсестона.

Утром 5 ноября мы выехали в аэропорт, чтобы перелететь из Лонсестона в Хобарт – главный город Тасмании. Перелёт этот длился всего двадцать минут. Взлёт, плавный набор приличной высоты, плавное же снижение и посадка в аэропорте Хобарта, начертанная таким образом большая дуга в поднебесье, – таков был воздушный путь «боинга», доставившего нас в самый южный город Австралии.

Окрестности Хобарта и сам город с ходу произвели на нас приятное впечатление. Чистота, зелёный наряд из эвкалиптов, состояние дороги пришлись нам по душе. Высокая гостиница, куда вселили без всякой волокиты коллектив «Кабардинки», принадлежала известной нам уже фирме «Четыре сезона» и отвечала самым высоким требованиям туристов и путешественников. Здесь было ещё больше удобств, чем в лонсестонском отеле.

Остаток дня мы посвятили знакомству с театром, приведению в порядок костюмов и отдыху. «Сити-Холл», куда нас привёз Д. Петерсон, скорее напоминал большой торговый дом для аукционов,

нежели театр. Сцена его, слегка покатая и потому неудобная для танцев, не имела карманов, не была оборудована световой аппаратурой. Занавес открывался и закрывался вручную усилиями двух рабочих. В зале стояли переносные жёсткие металлические кресла. Ни фойе, ни вестибюля. Нас удивило, что главный город штата без приличного театра. Условия работы здесь были значительно хуже, чем в «Принцесс». Пол сцены был скользким, как первоклассный каток. Дэвид пообещал нам сделать всё возможное для улучшения условий работы на сцене.

Вернувшись в гостиницу, я подошёл к окну своего номера. С девятого этажа город обзревается прекрасно. По типу зданий и сооружений он похож на некоторые города Австралии, между тем как по своему размещению на местности производит впечатление неповторимого. И эту особенность придавал ему залив Бурь, делящий Хобарт на две части – западную, большую, где находятся правительственные учреждения и деловой центр, и восточную, меньшую, узкой полосой лежащую на берегу залива, в котором стояли на якорях и крупные, и небольшие суда под флагами разных стран мира. В первую ночь в этом городе мы спали беспокойно, может, от перемены места. Утром, позавтракав, пешком отправились в «Сити-Холл». Переход до него занял не более 15 минут. К нашему разочарованию, пол сцены после ночного мытья, организованного Дэвидом Петерсоном, оставался скользким. Дэвид был огорчён.

– Что делать, что делать? – спрашивал он нас, размахивая руками, и вдруг предложил такое, что никому и присниться не могло: помыть пол кока-колой. Все рассмеялись. Но он всё-таки притащил несколько бутылок этого популярного напитка и стал испытывать удачу. Эффект оказался разительным, и мы пустили в ход несколько ящиков американского прохладительного напитка.

Репетиция, начавшаяся поздно, отняла у нас немало времени и сил, в связи с чем нашим артистам было предложено отдохнуть по всем правилам, не выходя на улицу после обеда.

Время шло своим ходом. Восемь вечера. Две тысячи человек заполнили зал «Сити-Холла». Через 15 минут надо начинать концерт. Дэвид Петерсон приглашает руководителей коллектива в зал. Садимся в шестом ряду, где оставлено ещё несколько свободных мест.

– Сейчас должны прибыть губернатор и премьер-министр штата, – говорит мне Дэвид, бросив взгляд на эти места. Но вот и они садятся рядом с нами, и тут же гасят в зале свет.

– Дамы и господа, – слышится по радио голос Мериам, – перед началом спектакля будут исполнены гимны Советского Союза и Британского Содружества.

Звучит наш гимн. Все стоя выслушивают его до конца и продолжают стоять в ожидании гимна Великобритании, а его всё не слышно, хотя радист неоднократно пытается воспроизвести его в записи. Неловкая минута. Публика приходит в движение, в зале то там, то здесь раздаётся шёпот, который вскоре переходит в смех, один только способный помочь аудитории преодолеть конфуз. Но вот, наконец, дело налаживается, и люди уже без всякой охоты слушают свой (то бишь английский) гимн и садятся, шумно переговариваясь.

«Видно, Австралия желает иметь свой собственный гимн, британская корона ей уже не в милость», – подумал я тут же и сел на своё место.

В этот момент медленным, прерывистым движением открывается неуклюжий занавес – и в просторный зал «Сити-Холла» ворвались мелодии гор Кавказа. Не буду говорить о своих впечатлениях от первого отделения концерта. Лучше, если о нём расскажут сами австралийцы чуть позже. Об одном, однако, не могу сейчас молчать: публика реагировала на выступление ансамбля остро; она то смотрела на сцену, затаив дыхание; то ахала и охала; то взрывалась мощной овацией, подкрепляя её дружным стуком огромного количества каблучков по дощатому полу и неистовым свистом сотен молодых людей. Мериам объявила антракт, и нас пригласили на встречу с руководящими лицами штата.

Губернатор штата Эрик Бастиан представил нам свою супругу и сына, премьер-министра Эрика Риса, и его жену, нескольких официальных лиц и в последнюю очередь лидера оппозиции, позволив себе при этом тонкую, едва уловимую усмешку. Пожилой губернатор вручил мне бокал с джином и, подняв свой фужер на уровень глаз, обратился ко мне со словами:

– Поверьте, мистер Эфендиев, я видел в жизни немало интересного, но сегодня ваши артисты превзошли всё. Поздравляю вас с

большим успехом и благодарю за наслаждение, которое вы нам сегодня доставляете. – Подождав, пока Татьяна переводила мне уже сказанное, он добавил: – Я говорю это искренне.

Подойдя к нам поближе, Эрик Рис вступил в наш разговор.

– Удивительный ансамбль, – сказал он. – Я более чем доволен увиденным. Публика в восторге. Всё это великолепно.

– Надеюсь, господа, продолжение концерта не разочарует вас, – ответил я им обоим сразу и поблагодарил их за присутствие на премьере «Кабардинки» в столице Тасмании.

Третий звонок позвал нас в зал. Началось второе отделение концерта, прошедшее с огромным успехом. Почти все номера, вошедшие во второе отделение программы, вызывались на бис, а такие танцы, как «На горном пастбище», – четыре раза, «Кабардинка» – пять раз. Бурные аплодисменты, переходившие в продолжительную овацию, громкие возгласы «браво!» придавали нашим артистам силу, вдохновение и высокий полёт чувств. Перестав танцевать по команде Мутая Ульбашева, они ещё несколько раз выходили на сцену с поклоном, отдавая дань уважения благодарной публике. Лишь в 24 часа мы пошли в гостиницу, жадно вдыхая свежий ночной воздух.

С утра следующего дня погода стала ухудшаться. Дул холодный ветер, небо заволакивало тяжёлой тучей. К пятнадцати часам ветер усилился, стало темно и холодно, дождь уже хлестал непрерывно. Расстроенные ненастьем, мы долго сидели, задавая себе вопрос: «Кто решится пойти на концерт в такую погоду?..»

Опасения наши оказались напрасными. К семи часам вечера ветер и дождь несколько стихли. Одевшись потеплее и захватив с собой зонты и плащи, мы вышли на улицу. Дождь ещё шёл, но по сравнению с тем, что мы видели в течение нескольких часов, это была уже мелочь. Не испугалась и публика. Она заполнила битком партер и балконы «Сити-Холла». Концерт начался вовремя и прошёл, так же как и предыдущий, с большим успехом.

В гостинице нас всех ожидал сюрприз: каждую девушку – букет красивых роз, а каждого мужчину – бутылка одного из лучших австралийских вин. К ним были приложены открытки с надписью: «Самые лучшие пожелания от Мериам и Дэвида!». Что и говорить, нам было очень приятно внимание, проявленное к коллективу ансамбля

его постоянными спутниками на Зелёном континенте и острове Тасмания.

Теперь коротко об отношении прессы Хобарта к выступлениям «Кабардинки» в этом городе.

Ещё 27 октября в корреспонденции из Лонсестона, озаглавленной «Русские звёзды», главная газета штата – «Меркурий» – писала: *«Тасмания никогда не видела такого концерта, который мог бы сравниться с концертом ансамбля «Кабардинка».*

В номер за 6 ноября та же газета поместила большую цветную фотографию Аллы Шортановой, Людмилы Бедной и Раи Шабазгериевой, прогуливающих в городском парке.

Седьмого ноября на одной из полос «Меркурия» была напечатана рецензия на нашу премьеру под крупным заголовком «Потрясающий ансамбль «Кабардинка». Вот некоторые выдержки из неё:

«Первое представление ансамбля «Кабардинка» в Хобарте имело огромный успех. Концерт «Кабардинки» достиг наивысшего накала, как только начался танец «Исламей», и так продолжалось до самого конца, который затянулся надолго, так как зрители снова и снова вызывали артистов на бис, и они снова и снова повторяли свои танцы... Зрители были потрясены представлением, в котором сочетались высокая техника исполнения и великолепные костюмы... Большое внимание произвёл на публику юмор, присутствовавший во многих танцах.

«Кабардинка» исполняет народные танцы, но техника исполнения её настолько высока, что приближается к балетной...»

Удивительно изменчива погода на Юге Тасмании. Сказывается, пожалуй, близость ледового континента – Антарктиды. Погода утром 8 ноября здесь была так хороша, что вчерашнее ненастье могло показаться дурным сном. Залив Бурь, нещадно борющийся с самим собой, был спокоен, чем незамедлительно воспользовались сотни любителей рыбной ловли. И нам такая погода импонировала не меньше.

Мы не стали менять привычный распорядок дня ансамбля и провели полнометражную репетицию, во время которой пришёл в театр Петерсон и сообщил, что ранним утром он встретил мать Майкла Эджли – Эдну Эджли, многие годы возглавлявшую компанию

«Вильямсон – Эджли». Она прилетела в Хобарт с сестрой и старой подругой, чтобы посмотреть здесь выступления «Кабардинки».

Интерес к «Кабардинке» возрастал с каждым днём. Её выступления любители искусства неизменно встречали с восхищением. В этой обстановке вполне естественным было стремление всего коллектива ансамбля с честью выдержать то огромное физическое и нервное напряжение, с которым неизбежно было сопряжено каждое его выступление за границей. После того мне казалось, что наши ребята крепнут от концерта к концерту, крепнут физически и духовно, что всё более и более совершенствуется их мастерство, растёт их творческая изобретательность. Такое ощущение укрепилось у нас во время концерта 8 ноября, на котором присутствовали Эдна Эджли и её спутницы. В антракте после первого отделения она поднялась на сцену и поздравила нас с успехом. По окончании выступления ансамбля она снова пришла к нашим артистам, которые были ещё в сценических костюмах.

– Мне очень приятна встреча с вами здесь, в Хобарте, одном из самых южных городов мира, – сказала она, обращаясь к ним, – я сердечно приветствую вас. Мне приходилось работать и с другими советскими коллективами. Все их выступления проходили у нас успешно. В Хобарте вы работаете в неблагоприятных сценических условиях, и всё же до сих пор я не встречала коллектива, который выступал бы с таким блеском, как ваш. Искренне рада за вас. В Сингапуре и на Филиппинах у вас будут сценические условия значительно лучше, чем в Хобарте. Желаю вам большого успеха в тех странах. Я надеюсь, что мы будем иметь возможность для новой встречи в Австралии и Новой Зеландии. До свидания, до субботы, когда приедет сюда мой сын Майкл.

По тому настроению, которое она передала нам всем в тот вечер, можно было понять, что «Кабардинка» явилась для неё неожиданным открытием. Так закончился ещё один нелёгкий рабочий день нашего ансамбля, ещё один, третий по счёту, концерт в Хобарте. Думаю, что даже самый скупой на похвалу критик не удержался бы от того, чтобы не сказать в их адрес: «Молодцы!».

Девятого ноября в Хобарт из Канберры приехали первый секретарь Посольства СССР в Австралии Михаил Петропавловский с женой Милой и второй секретарь Георгий Лозовик с супругой Ва-

лентиной и детьми, Алёнкой и Павликом. Временная советская «колония» на острове Тасмания выросла в тот день на 6 человек. Радости нашей не было предела. Алёнка и Павлик передавались из рук в руки. Вечером того же дня среди зрителей «Кабардинки» впервые за время её выступлений в Австралии были и наши советские люди. Быть может, это и не отразилось на уровне концерта – быть может, но настроение у артистов было приподнятым. Наши гости были очень довольны и радовались успеху ансамбля.

«Меркурий» не забывал нас и 10 ноября. На второй полосе газеты был опубликован обширный материал, явившийся результатом продолжительной беседы, которую мы имели с её корреспондентом Карлом Хьюбертом, человеком весьма подтянутым и подвижным, несмотря на его более чем солидный возраст. И репетиция, и сам концерт «Кабардинки» прошли в тот день нормально.

Одиннадцатого ноября ансамбль дал два последних концерта в Хобарте. Подростки, составлявшие большинство зрителей представления, бурно реагировали на каждый номер программы, и порой мне казалось, что я сижу не в театре, а на стадионе, где с явным преимуществом выигрывает их футбольная команда. Несмотря на просьбу сохранить больше сил для последнего концерта, наши ребята «выкладывались», не помня ни о нашем уговоре, ни о колоссальном напряжении сил, которое они испытают через несколько часов.

Семья Майкла Эджли пришла в театр задолго до начала заключительного представления ансамбля. Дженни мы уже знали по Лонсестону, а сестру свою, Кристину, Майкл представил нам в наряде, который, нисколько не отвлекая на себя внимание людей, естественно подчёркивал очарование юной девушки.

Прощальный концерт был исполнен «Кабардинкой» с энтузиазмом, который, наверное, не оставил равнодушным ни одного из двух тысяч человек, сидевших в зале «Сити-Холла». Наши ребята были в ударе. Хамидби Шомахов разошёлся до того, что прыгнул со сцены в зал и стал плясать, играя одновременно на бубне. Публика и на этот раз устроила нашим артистам восторженный приём, и долго-долго продолжалась овация зрителей даже после того, когда после тройного повторения финала – танца «Кабардинка» – занавес

сцены закрылся в последний раз. Восхищение и радость выражали и лица всех членов семьи Эджли и их друзей.

В полночь Майкл устроил в ресторане отеля богатый ужин, на котором наши ребята и девушки ели и скромно пили шампанское. Вскоре они стали танцевать, на сей раз исполняя уже те танцы, которые были модны в те годы за рубежом и в нашей стране – медленные танго, фокстроты и вальсы. Кристина приглашалась нашими парнями по очереди и, как любая девушка, радовалась успеху у молодых артистов известного советского ансамбля.

В конце ужина Майкл Эджли, который вёл себя на нём как хлопотливый хозяин, сердечно поблагодарил коллектив ансамбля, пожелал ему новых творческих успехов и сказал:

– Я напишу о вас своим коллегам в Европе и Америке, порекомендую им пригласить «Кабардинку» на гастроли.

Двенадцатого ноября мы продолжили ознакомление с Хобартом и его окрестностями, фотографируясь то у фонтана, то в лесопарке, окаймляющем северо-западную окраину города, то в кустах сирени и роз, то в обнимку с эвкалиптами. Всем было приятно и весело на свежем воздухе в отличную погоду. Тем не менее нам казалось, что время идёт медленно: мы спешили в Сингапур и на Филиппины, спешили дальше – на Родину, к родным.

В десять часов утра 13 ноября мы оставили отель «Четыре сезона» и отправились в аэропорт, чтобы вылететь оттуда в Мельбурн.

– Прощай, Хобарт, прощай, Тасмания! Мы никогда больше, наверное, не увидимся с вами, – громко скандировали ребята, выезжая из ворот города, баловавшего их своим вниманием в течение восьми дней.

Аэровокзал был многолюден. Бойко работали буфет и киоски с сувенирами, газетами, журналами и открытками. Минут сорок мы находились здесь в ожидании вылета. Наши артистки и артисты переводили в мороженое, прохладительные напитки, открытки и разного рода безделушки свою карманную мелочь, зная, что в других странах она не пригодится. В половине одиннадцатого нас пригласили на посадку в самолёт «Боинг-707», и он через несколько минут оторвался от взлётной полосы и, набирая высоту, взял курс на Мельбурн – один из крупнейших городов на южном берегу Австралии. Почти весь остров на виду. Вскоре под правым

крылом самолёта проплыл Лонсестон, а впереди открылась синяя гладь Бассова пролива. Лишь пятьдесят минут ушло на перелёт из Хобарта до Мельбурна. После приземления нас быстро провели в зал ожидания пассажиров-иностранцев огромного аэровокзала, великолепие которого поражает всех путешественников. Здесь мы позавтракали. Согласно расписанию, должны полететь дальше через час, но, увы, проходит и этот час, и ещё три часа, а нас не приглашают на посадку в самолёт, который полетит в Сингапур не через Сидней, а через Перт, крупный город, расположенный на западном берегу континента, омываемого Индийским океаном; 2707 километров отделяют Мельбурн от этого города. В шесть вечера по местному времени дали нам, наконец, старт. Наш «Боинг-707» летел курсом почти на запад и на значительной высоте, преимущественно над Большим Австралийским заливом. По совету Дэвида Петерсона мы вскоре перевели стрелки своих хронометров на три часа назад, что соответствовало времени Сингапура. Когда залив остался позади воздушного корабля, я развернул карту и стал сличать её показания с местностью. Она была красива. Но она стала казаться уже сказочной, когда в поле зрения появился Индийский океан, на горизонт которого ложился огромный огненный диск нашего светила. В 18:30 «Боинг-707» приземлился в аэропорту города Перт.

– Температура воздуха 25 градусов, – объявила одна из стюардесс, пригласив своих пассажиров в аэровокзал.

На улице было жарко, но после долгого пребывания на большой высоте, мы с удовольствием стали гулять по скверу аэропорта с высокими деревьями и цветущими кустарниками. Увидев впереди небольшой водоём, я устремился туда. Медленно, прижавшись друг к другу и мерно, словно по зову невидимого метронома, сводя и разводя свои головы, плавали в водоёме два чёрных, как смоль, лебедя – он и она. Несколько минут глядел я на них, не отрывая глаз и думая о преданности друг другу двух земных существ, соединённых волею судьбы и всеобщим законом природы. Неожиданно подошёл Дэвид Петерсон и взял меня под локоть...

Помолчав с минуту и показывая левой рукой на пару чёрных лебедей, он тихо произнёс:

– Это неповторимо оригинальные птицы. Если она, по какой бы то ни было причине, уйдёт из жизни, то он убивает себя собственными крыльями.

– Да... Это очень трогательно. Хорошо, что остались ещё отдельные рыцари на земле! – прокомментировал я сообщение Петерсона. Мы, кажется, поняли друг друга и молча вернулись к своим.

Внимательно всмотревшись в оживлённую толпу, заполнившую привокзальную площадь, Дэвид снова взял меня под руку и энергично направился к молодой женщине с девочкой, несколько растерянно искавшей кого-то среди этой суетившейся массы людей. Это были его жена и дочка. Уроженец этого города, Петерсон познакомил с ними нас всех. Короткое свидание его с семьёй длилось не более пяти минут. Расставаясь с отцом, голубоглазая девочка не смогла сдержать своих слёз.

В семь часов вечера мы уже были в воздухе над самым берегом Индийского океана. Пять часов летел наш воздушный корабль от Перта до Сингапура, отсчитывая один за другим 3912 километров, разделяющих эти два города. Ровно в полночь он совершил мягкую посадку в Сингапурском аэропорту. Несмотря на столь поздний час, встретить «Кабардинку» приехала большая группа сингапурцев во главе с парламентским секретарём Министерства культуры республики Шарафудином Бен Таддином. Жара и высокая влажность воздуха, казалось, будут для нас невыносимыми. «Как тут жить, как работать?» – эти вопросы задавал себе мысленно каждый из нас, следуя вместе с хозяевами в помещение аэровокзала. Пока таможенники делали своё дело, в небольшом уютном зале ожидания шла беседа с Ш. Бен Таддином и его коллегами, предложившими нам прохладительные напитки из различных соков.

Кондиционер поддерживал в зале весьма приятную атмосферу. Мы чувствовали себя здесь нормально и никуда не торопились. Не торопилась и таможенная служба. Более часа занималась она привычным делом проверки документов и оформления въезда нашего коллектива в эту маленькую страну, занимающую стратегическое положение на земном шаре. Потом мы ещё долго ехали в город и лишь в два часа ночи вошли в Королевский отель. Разместили нас здесь быстро. Название гостиницы, как мы скоро убедились, не было претенциозным, в ней, действительно, было всё, что полагает-

ся иметь отличной гостинице. Находясь в ней, человек мог забыть, что он живёт в непосредственной близости от экватора.

Признаться, я не представлял себе солнца в условиях Сингапура. Второй раз встречались мы с этим городом и в обоих случаях – ночью. Впечатление было такое, словно город и вся земля здесь постоянно окутаны непролазно густым, сильно нагретым туманом. Ошибался я: в семь часов утра ослепительные лучи светила, проникшие в 605-й номер Королевского отеля мигом разбудили меня. О сне не могло быть уже и речи. Надо было привести в порядок одежду, связаться с нашим посольством, а затем и с Национальным театром, где должны были состояться оба выступления «Кабардинки» в Сингапуре. События, однако, опередили мою расторопность. Я ещё брлся, когда около десяти часов приехали в гостиницу сотрудники Посольства СССР Дмитрий Панкратов, Аркадий Данильчук и Евгений Миронюк. После лёгкого завтрака они повезли меня в посольство. Борис Васильевич Безрукавников, опытный дипломат, который значительную часть своей жизни провёл за границей, оказался очень внимательным человеком. Посла интересовало не только то, как подготовлен наш ансамбль к своим концертам в Сингапуре, но и тем, как будет организовано ознакомление артистов с городом, резко отличающимся от многих крупных городов мира. Он сообщил также, что многие члены правительства Республики Сингапур и дипломатические представители ряда стран Европы, Азии Америки намерены познакомиться с искусством «Кабардинки». Не скрою, это сообщение посла обрадовало меня. Я тут же расстался с Борисом Васильевичем до вечера, до новой встречи в театре, так как надо было вернуться в Королевский отель к 12 часам для проведения пресс-конференции с журналистами Сингапура.

Обратно мы ехали очень быстро, но я успел заметить немало. Город представлял из себя весьма пёструю картину: великолепные высотные здания, прекрасные дворцы-отели, крупные магазины соседствовали здесь с ветхими лачугами, деревянными, барачного типа домами; новые благоустроенные кварталы – с перенаселёнными старыми районами, в которых проживает беднота. Мы проехали и пустыри, которые ждут строителей, и открытый канал, в который впадают сточные воды, и красивые площади, и зелёные массивы,

где, по словам товарищей из посольства, свободно разгуливают обезьяны.

Пресс-конференция началась вовремя. В ней приняли участие представители ряда сингапурских и зарубежных газет, радио и телевидения, а также весь состав «Кабардинки». Журналисты получили разъяснения по всем интересующим их вопросам и сделали массу кинофотосъёмок, многие из которых были напечатаны на страницах газет и показаны в телепередачах.

До концерта оставалось несколько часов. Боясь, что в условиях непривычной для нас тропической жары и высокой влажности воздуха репетиция может отнять у артистов слишком много сил, мы решили не проводить её, а ограничиться предконцертной разминкой с «примеркой» сцены, а пока – знакомство с городом-государством, о котором мы много слышали с самого детства. Сингапур населяют, пожалуй, люди всех рас и вероисповеданий, десятков языков и национальностей. Китайцы составляют 70 процентов всего населения, немало также индийцев и малайцев. На улицах, где очень интенсивно движение автомобилей, масса людей – идущих и бегущих, продающих что-то и покупающих. И среди них много детей, которые раньше времени занялись делом и снуют всюду без усталости. На каждом шагу разного рода харчевни, откуда доносится резкий запах восточных пряностей. Поражает разношёрстность одежды людей. Вместе с национальным различием она оттеняет бедность одних и подчёркивает богатство других.

В 17 часов 30 минут мы все собрались в вестибюле отеля и поехали в Национальный театр, который, как и сам Сингапур, оказался необычным. Его зрительный зал на 3500 мест закрыт сверху лишь на одну треть. Основная часть партера под открытым небом. В зале и на огромной, хорошо оборудованной сцене – жара, первоначально кажущаяся невыносимой. К счастью артистов, их гримкомнаты освежаются установленными в них кондиционерами.

Ещё за полчаса до начала концерта публика сплошной колонной стала подходить к театру и вскоре заполнила его партер и проходы. Один первый ряд, оставленный для высоких гостей, заняли посол СССР Б. В. Безрукавников, торговый представитель нашей страны Ю. Г. Мандрыкин, заместитель председателя правящей Партии народного действия, министр обороны Го Кенг Мви, министр комму-

никаций и связи Енг Ньюк Лин, министр окружающей среды Лим Ким Сан, парламентский секретарь министерства культуры Шарафудин Бен Таддин и другие государственные деятели страны.

Девятнадцать часов. Гаснет в зале свет, темнота будто рукой снимает глухой гул, в который сливались тысячи людских голосов, и наступает тишина. Проходит несколько секунд, медленно раздвигается занавес, включается свет, на сцену вылетают наши джигиты, в зале по-прежнему стоит тишина, но вот словно лебеди выплывают наши танцовщицы – и тут же могучий взрыв аплодисментов нарушает эту тишину: аудиторию, насчитывающую около четырёх тысяч человек, поразила дивная грация артисток нашего ансамбля. Заговорили и наши соседи – члены правительства Сингапура.

– Потрясающе! – произнёс Енг Ньюк Лин, сидевший слева от меня в первом ряду партера. Окрылённые восторженным приёмом публики, артисты «Кабардинки» отлично исполнили «Исламей» и мгновенно скрылись за кулисы, чтобы отдышаться в гримкомнатах. Между тем публика настойчиво вызывала их на сцену, и им пришлось выскочить на сцену, чтобы успокоить зал. Пошли другие номера первого отделения программы. «Кабардинка» исполняла их с вдохновением, всё более и более пленяя зрителей. После каждого массового танца ребята меняли мокрые костюмы и снова выходили на сцену, чтобы ещё и ещё раз удивить своим искусством взволнованную публику. Второе отделение концерта прошло с ещё большим подъёмом. Почти все номера его по настойчивому зову зрителей исполнялись на бис, а финалы некоторых танцев повторялись даже по нескольку раз. Государственные деятели Сингапура дали ансамблю очень высокую оценку и ушли, сказав нам: «До свидания!»

Все советские товарищи во главе с послом прошли на сцену и поздравили коллектив ансамбля с успешным выступлением. Наши соотечественники находились в состоянии той радостной взволнованности, когда человека на какое-то время оставляют тревожные мысли и сомнения, а все окружающие люди вдруг начинают казаться родными и близкими. Они обнимали наших артистов, дарили им цветы. Для тех и других это были счастливые минуты. А посол Б. В. Безрукавников, обращаясь к нам, сказал:

– «Кабардинка» одержала сегодня большую творческую победу. Её выступления в Сингапуре будут иметь не только культурное, но и большое политическое значение. Ведь несколько тысяч сингапурцев неистово аплодировали весь вечер советскому ансамблю. Жаль, что компания запланировала вам здесь только два концерта.

Второй день пребывания в Сингапуре мы посвятили более внимательно ознакомлению с городом. В этом нам помогло наше посольство, прислав два автобуса и двух своих сотрудников, хорошо знавших историю этого города и государства. Много интересного увидели мы во время экскурсии, а вывод наш был таков: Сингапур – город контрастов, здесь рядом друг с другом прошлое и настоящее, бедность и роскошь, навязчивая услужливость одних и надменность других. И погода здесь менялась в тот день несколько раз: то город обжигало палящее солнце, то купала его короткими проливными дождями. Мы вернулись в гостиницу к двум часам дня и пообедали. После обеда Татьяна Владимировская вручила мне текст перевода материалов, которые были посвящены первому концерту нашего ансамбля сингапурскими газетами. Приведу некоторые отрывки из них.

«Вчера вечером, – писала газета «Новая нация», – в Национальном театре, который был переполнен, артисты «Кабардинки» продемонстрировали потрясающие темпераментные танцы народов Кавказа. Мягкие, скользкие движения девушек служили резким контрастом для мужских танцев, захватывающих своей техникой и блестящим исполнением...».

«Особое впечатление оставляют прекрасный рисунок танцев, абсолютно незаметные, скользкие движения женщин, костюмы и та жизнерадостность, которую танцоры передают зрителям».

«Танцы «Кабардинки» разнообразны по стилю и характеру, и аудитория всё время смотрела их с интересом. Самым захватывающим был танец с саблями. Это был настоящий бой с саблями, и сцена была наполнена искрами от скрежывающихся сабель».

Выступления печати сопровождалась крупными фотоснимками, сделанными со вкусом. Очень тёплые отзывы о премьере «Кабардинки» передавались также по радио и телевидению Сингапура.

Познакомившись с материалами газет, мы выехали в театр, чтобы тщательно подготовиться ко второму, заключительному, кон-

церту. Здесь нам сразу же вручили приглашение на приём, который устраивался в тот же вечер Министерством культуры Республики Сингапур в честь артистов «Кабардинки». Прощальное выступление ансамбля прошло с огромным успехом. Публика, до отказа заполнившая Национальный театр, простилась с нашими артистами долго не утихавшей громовой овацией.

Приём был организован здесь же, в Национальном театре. Его хозяином являлся министр социального обеспечения Осман Вок, который, по существующей в стране традиции, замещал отсутствовавшего в этот период министра культуры. Гостей было много. Кроме нас, на приёме присутствовали ведущие артисты Сингапурского ансамбля, руководящие работники Министерства культуры и другие официальные лица. С начала до конца здесь царил атмосфера дружбы и взаимопонимания. Ровно в полночь, поблагодарив Османа Вока и Шарафудина Таддина, мы уехали в гостиницу и ещё долго вели разговор о концерте, приёме и дальнейшем путешествии вдали от Родины. Всем было приятно сознавать, что и в этой стране наши выступления прошли успешно, что весь коллектив наш здоров и готов к новым испытаниям.

Утро 16 ноября ушло на сборы. Несколько позже большая группа наших товарищей выехала на короткую экскурсию по городу, чтобы успеть вернуться к 14 часам. На это время был назначен выезд ансамбля в аэропорт. Как и в предыдущие дни, погода в Сингапуре менялась несколько раз. Столь же часто менялась духота, которая становилась ещё более тяжёлой после дождя, так как сразу повышалась влажность воздуха.

В аэропорту нас ожидало разочарование: вылет самолёта задерживался на неопределённое время. Беда вроде и небольшая, но все были расстроены. Вскоре появились Б. В. Безрукавников, Ю. Г. Мандрыкин, другие работники посольства, и нам стало веселее. Посол был в отличном настроении. Он заводил разговор то с одной, то с другой группой артистов ансамбля. Пили соки, а кто хотел – холодное импортное пиво в металлических баночках. Давно прошло предусмотренное расписанием время вылета в Манилу нашего самолёта, а мы сидели, дождь лил по-прежнему, как из ведра.

Дэвид Петерсон, обладающий, казалось, невозмутимым характером, стал заметно нервничать. Ещё бы: на завтра, 17 ноября, за

две с половиной тысячи километров отсюда, в столице Филиппин – Маниле было назначено первое выступление «Кабардинки»; задержись самолёт хотя бы на сутки, концерт может сорваться. Для компании, которая дорожит своим именем, такой исход был бы крайне нежелательным. К счастью, этого не случилось. Несмотря на ливень, самолёту разрешили вылет, и нас пригласили на посадку. Когда наш коллектив и все остальные пассажиры вошли в салон лайнера, Борис Васильевич подвёз меня в машине вплотную к трапу самолёта. По нему сбежала вниз юная стюардесса, взяла своего последнего пассажира под японский зонт и через несколько секунд захлопнула за ним дверцу «Боинга-707». Ещё несколько минут – и огромный город остался позади самолёта Сингапурской авиакомпании, взявшего курс, близкий к норд-осту.

Мы летели на большой высоте. Справа от нас оставался один из крупнейших индонезийских островов – Борнео. Вскоре совсем сгустились сумерки, и почти три часа полёт проходил уже в темноте. Успели и поужинать, и поговорить, и подремать. Наконец, мы увидели вдали огни ночной Манилы, и самолёт наш пошёл на снижение. Его мягкое приземление вызвало у всех пассажиров радостный вздох и усталую улыбку. А когда стали спускаться по трапу на филиппинскую землю, мы были приятно удивлены заметной разницей температуры воздуха по сравнению с Сингапуром. В Маниле не было той духоты, которая подавляла нас в Сингапуре.

В аэропорту Манилы «Кабардинку» тепло встретила группа деятелей культуры Филиппин во главе с Лукрецией Касселаг – директором Культурного центра республики. На оформление нашего въезда в страну ушло довольно много времени. Мы этому не удивились: прибыли в страну, с которой не было у нас дипломатических отношений, в страну, уже три месяца находившуюся на военном положении. Всё, однако, закончилось благополучно, и в сопровождении филиппинских коллег мы отправились на приличной скорости в город, проехали мимо Культурного центра и, свернув вправо, остановились у подъезда отеля «Аурелия», охраняемого группой автоматчиков. Остаток ночи все спали безмятежно.

Семнадцатого ноября обрадовало солнечным утром. Голубизну безоблачного неба над Манилой сгущала синева Восточно-Китайского моря. До широкой Манильской бухты было совсем недалеко.

Она лежала рядом, через набережную. Десятки крупных судов под флагами различных государств украшали бухту, которая не раз становилась воротами иноземных захватчиков после открытия Филиппинского архипелага португальским мореплавателем Магелланом в 1521 году. Сразу же после завтрака мы направились в Культурный центр. Великолепное здание его, отличающееся удивительно своеобразной архитектурой, было построено на самом берегу бухты по инициативе и под покровительством супруги президента Филиппинской Республики Фердинанда Маркоса – Имельды Маркос. И по внешнему виду, и по своему внутреннему убранству, и по технической оснащённости сцены Культурный центр превосходил все театры, где нам приходилось работать в эту зарубежную поездку. Сцена его была огромной, и наша репетиция в основном была подчинена задаче пригонки каждого номера программы к необычно большим размерам концертной площадки. Конечно, Мутай Ульбашев сделал всё необходимое, расставил по местам все знаки, и через три с половиной часа мы вернулись в «Аурелию».

Весь коллектив ансамбля в 18 часов был уже на сцене. Нужна была небольшая репетиция-разминка. Миссис Касселаг за полчаса до открытия занавеса пригласила меня к себе и повела знакомить с экспозицией музея Культурного центра, которую вместе с нами с интересом осмотрела группа американцев. Один из них оказался учёным-искусствоведом.

– Я чрезвычайно рад возможности познакомиться с искусством «Кабардинки» и ожидаю от её выступлений ярких впечатлений, – заявил он мне при знакомстве.

Лукреция Касселаг устроила нас в одной из весьма дорогих лож. Отгремел третий звонок, медленно погас свет в зале и минута в минуту в назначенное время начался концерт. Появление на сцене наших артистов публика встретила полным молчанием. Безмолвно посмотрела она весь первый номер программы, ничем не выдавая своего отношения к тому, что происходит на подмостках театра. Но как только закончился танец, публика разразилась бурными аплодисментами, и нас покинула охватившая было тревога. Мы поняли, что «Кабардинка» понравилась филиппинцам, а заодно с ними и гостям Манилы из западных стран и Страны восходящего солнца – Японии. Первое отделение концерта закончилось эффектно.

Огромная масса людей, заполнившая зрительный зал Культурного центра, восторженно приветствовала советских артистов, награждая их бурными аплодисментами.

Время антракта ушло у меня на продолжение знакомства с театром, на беседу с одной англичанкой, которая свободно общалась с нами по-русски. Как выяснилось, мать её была русская. В тот вечер она оказала мне большую услугу, старательно исполнив роль переводчицы в общении с американским искусствоведам.

Персонал Культурного центра строго соблюдал заданный регламент работы. Второе отделение концерта началось вместе с плавным затуханием света под сводами зрительного зала. Артисты «Кабардинки» работали, как могло показаться, на пределе. Однако с каждым следующим номером нарастал у них подъём. Они снова и снова демонстрировали блестящую технику исполнения, поражая сидящих в зале своей виртуозностью, творческой изобретательностью и необыкновенно высоким зарядом вдохновения. Никто из них не получал и минуты отдыха, но на лицах их не было заметно никаких признаков усталости. Конечно, признаки эти непременно появятся, но позже, когда публика покинет зал, а сами артисты переоденутся в свои повседневные одежды и соберутся в автобусе, чтобы следовать в гостиницу. Это было проверено сотни раз – и за границей, и у себя на родине. Характер коллектива был крепким, а за пределами родной страны он менялся только в лучшую сторону, обретая особую прочность.

Исход концерта нам вроде был ясен, и всё же мы спешили увидеть его финал своими глазами. Те же, кто пришли в этот вечер посмотреть выступление «Кабардинки», неизменно требовали повторения исполнявшихся танцев, не торопясь идти домой, хотя стремительно приближался комендантский час, установленный при введении в стране военного положения. Но вот исполняется танец, именем которого назван ансамбль, вихрем проносятся по сцене артисты ансамбля, закрывается занавес. Мощное рукоплескание наполняет зал, бурные аплодисменты переходят в овацию, которую, словно один богатырь, отбивает вся публика. Занавес открывается и закрывается несколько раз. Два здоровых молодых человека выносят на сцену огромную корзину живых цветов и в один голос объявляют:

– Артистам «Кабардинки» от президента Филиппинской Республики Фердинанда Маркоса и его супруги Имельды Маркос!

«Как же так, – подумал я, – ведь перед вылетом из Москвы Екатерина Алексеевна Фурцева говорила мне, что Имельда Маркос непременно придёт на наш концерт». Заметив мое недоумение, Лукреция Касселаг шепнула мне, что органы безопасности предупредили её о нежелательности покидать резиденцию президента в этот вечер. Я понял, что могло скрываться за таким предостережением для первой красавицы мира, каковой называли в то время Имельду Маркос, всегда проявлявшую живой интерес к искусству. Как известно, вскоре после нашего возвращения на родину, зарубежные информационные агентства распространили по всему миру сообщение о покушении на жизнь главы Филиппинской Республики и его супруги.

Своё второе выступление в Маниле «Кабардинка» провела весьма уверенно. Каждый танец исполнялся чисто и с вдохновением. Филиппинцы ещё более бурно, чем накануне, реагировали на танцы, включённые в программу, а когда закончилось выступление ансамбля после многократного повторения его финала, они нехотя покидали зал, шумно обмениваясь своими впечатлениями от концерта.

Мы вышли на улицу и обратили свой взгляд на море, в тот час абсолютно спокойное. Залив сиял огнями десятков кораблей и мог показаться частью огромного бездонного неба, усеянного бесчисленным множеством звёзд.

Первую половину последнего дня пребывания на филиппинской земле мы посвятили знакомству с Манилой. Большой группой мы посетили парк культуры и отдыха, который, несмотря на жару, оказался многолюдным. Здесь было чисто и уютно, много зелени и цветов, фонтанчиков и ручейков, небольших аттракционов и игровых площадок. Шумел водопад, который, вероятно, создан руками людей для придания парку и прилегающей к нему площади большей естественности и красоты. В центре внимания посетителей парка оказывается замечательный памятник национальному герою филиппинского народа – историку, врачу, писателю и художнику Хосе Рисалю, казнённому испанскими колониальными

властями в 1896 году, после начала освободительного восстания филиппинцев.

В шесть часов вечера 19 ноября весь коллектив ансамбля собрался в вестибюле гостиницы, чтобы в последний раз проследовать в Культурный центр Филиппинской Республики. Наши ребята тщательно подготовились здесь к началу заключительного выступления, которое должно было явиться апофеозом блистательного турне «Кабардинки» в Австралии и странах Юго-Восточной Азии. В такие моменты они становились молчаливыми и сосредоточенными, словно сжимали свои мышцы и нервы в стальную пружину, способную развить потом огромную энергию души и тела, почти целиком отдаваемую прекрасному искусству танца и людям, любящим его.

Через минуту после третьего звонка во всю мощь заговорила оркестровая группа ансамбля, медленно раскрылся тяжёлый занавес и на сцену вышли наши танцоры. Зрители, молчанием встретившие их появление на сцене на первом и втором концертах «Кабардинки» в Маниле, на сей раз не удержались от дружных аплодисментов, ещё более усилившихся с удивительно плавным выходом из-за кулис женской группы ансамбля. Манильцы щедро награждали артистов рукоплесканием, возгласами одобрения и восторга. Те же, кто наблюдал всё это из ложи, были в состоянии радостного возбуждения, но не переставали волноваться, видя, что наши ребята выкладываются чрезмерно. Хватит ли сил до последнего «па»? – этот вопрос не оставлял нас в покое до конца концерта, занявшего в тот вечер значительно больше времени, чем обычно. Но сил у них хватило, последний экзамен они сдали на отлично. Публика расставалась с ними долго, вновь и вновь вызывая на сцену всю «Кабардинку».

Мы быстро прошли на сцену, где уже находилась большая группа филиппинок с букетами благоухающих цветов. Лукреция Касселаг с большой симпатией и теплотой отозвалась об искусстве артистов Кабардино-Балкарии, горячо поздравила их с успешным завершением продолжительных зарубежных гастролей и выразила надежду на новую встречу, а сопровождавшие её молодые красавицы вручили всем цветы. Мы, в свою очередь, поблагодарили Лукрецию и её коллег за отличную организацию концертов, пожелали

им больших успехов в благородном деле, которым они занимаются, подарили им сувениры и открытки с видами Кабардино-Балкарии.

Прошло более тридцати семи лет с тех памятных дней, а я всё ещё с волнением вспоминаю Филиппины, где до нас не бывал никто из нашей огромной страны и куда прибыл через день после нас корреспондент газеты «Правда» Владимир Григорович. Кстати сказать, он и был там нашим единственным болельщиком-соотечественником.

Искусство «Кабардинки» – высокое искусство. Оно волнует сердца людей, способствует сближению народов, взаимообогащению их культур. Не случайно трёхдневные гастроли ансамбля в Маниле привлекли пристальное внимание филиппинской прессы.

Подводя итоги этим гастролям, газета «Бизнес Дей» в статье З. Молина под заголовком «Русские танцоры продемонстрировали потрясающее искусство» отмечала: *«Удивительная быстрота и ловкость, атлетическая удаль и предельная чёткость танца, продемонстрированная членами ансамбля «Кабардинка», доставили манильской аудитории огромное наслаждение»*, – и далее, как вывод из подробного анализа техники, стиля, музыкального сопровождения и репертуара: *– С какой точки зрения мы не подойдём, следует снова и снова признать, что танцевальная труппа «Кабардинка» является высокопрофессиональным коллективом»*.

Столь же высокую оценку дала выступлениям наших артистов и газета «Таймс Джорнел», подчёркивая яркий сценический контраст между мелодичным лиризмом движений женской части ансамбля и бурной ритмичностью – мужской.

Ещё одно замечание. Мне кажется, что на филиппинцев, сингапурцев и австралийцев приятное впечатление произвели организованность, собранность, чувство собственного достоинства и душевная красота настоящего человека, которые неизменно демонстрировали за рубежом артисты Кабардино-Балкарии. Об этом с нескрываемым восхищением говорил нам и Дэвид Петерсон, сидя с нами в отеле «Аурелия» в ночь с 19-го на 20 ноября 1972 года, то есть за несколько часов до нашего вылета из Манилы.

Рано утром 20 ноября вместе с Д. Петерсоном и М. Хупер мы выехали в аэропорт, чтобы оттуда улететь на родину. Оформление выездных документов тянулось долго. Дэвид и Мериам были грустны

и молчаливы. С опозданием на час объявили, наконец, посадку в самолёт, который должен был доставить нас в Гонконг. Расстроенная Мериам прослезилась, обнимая нас на прощание, а Дэвид подавленным голосом произнёс:

- Грустно, очень грустно, ведь мы так привыкли к вам.
- Значит, мы ещё встретимся с вами, – ответил я.

Через несколько минут самолёт взмыл в подоблачную высь и взял курс на норд-вест (северо-запад). Протяжённость воздушного пути из Манилы до Гонконга, первого этапа нашего пути на родину, составляет 1140 километров, и, естественно, «Боинг-707» преодолел это расстояние быстро. Мы едва успели позавтракать, как увидели вдали Гонконг, английское владение на Юге Китая, город, с именем которого связано немало скандальных спекулятивных акций. Гористая местность, изрезанная синей морской водой и застроенная многоэтажными зданиями, – таким виделся он из иллюминатора самолёта, осторожно зашедшего на посадку. Узкая бетонная посадочная полоса, по которой покатился совершивший посадку самолёт, была единственным ровным участком земли во всей округе.

Более пяти часов провели мы в аэровокзале, периодически выходя на улицу. Десятки тысяч человек прошли здесь перед нашими глазами. Люди всех цветов кожи и со всех континентов Земли, среди которых были китайцы и японцы, англичане и американцы, немцы и французы, индийцы и испанцы, прилетали сюда большими туристическими группами и вскоре разлетались в разные стороны. А мы сидели, завидуя им, в ожидании самолёта, который должен был доставить нас в Бомбей. Сидели и ждали, так как, не имея виз, мы не могли выйти за пределы той части аэропорта, которая была отведена для авиапассажиров-иностранцев. А как хотелось объехать и посмотреть этот город! Нам почему-то казалось, что он должен резко отличаться от известных уже нашему коллективу городов мира.

Пришло, наконец, и наше время. В 16 часов 55 минут местного времени нас пригласили на посадку в самолёт «Боинг-707» индийской авиакомпании «Эйр Индия». Через четверть часа он взлетел и, набирая высоту, взял курс на запад. Сначала летели над Южно-Китайским морем, оставляя чуть правее себя остров Хайнань, а затем, достигнув район Дананга, повернули на запад и уже в темноте продолжили свой полёт над многострадальным Южным Вьетнамом

и Камбоджей. В девять вечера, завершив свой трёхчасовой перелёт, самолёт совершил посадку в аэропорту Бангкока. К сожалению, мы даже не ступили на землю Таиланда. Заправив горючим в полуосвещённом аэропорту, таиландцы отправили дальше наш воздушный лайнер. Мы снова полетели на северо-запад. На сей раз наш путь пролегал над западными районами Таиланда, Андаманским морем, южной частью Бирмы, Бенгальским заливом и дельтой Ганга. Будь ясная ночь, мы могли бы видеть на всём пути огни городов и морских судов, лунный отблеск рек и очертания гор. Но всё это земное было скрыто от нас сплошными облаками, над которыми мы неслись два часа, пока несколько хриплым, усталым голосом одна из стюардесс не объявила нам по радио, что самолёт пошёл на снижение для посадки в Калькутте. Здесь любезно пригласили нас в аэровокзал для короткого отдыха. При взлёте отсюда, сидя у боковых люков самолёта, мы внимательно разглядывали ночную Калькутту. Огромный город, пересекаемый широкой рекой Хугли и освещаемый сотнями тысяч электрических огней, производил очень яркое впечатление. Высота опять проложила между нами и земной поверхностью безбрежное море густых облаков. Почти два часа мы не видели под собой ни одного огонька. При таком слепом полёте человеку может показаться, что воздушный лайнер висит в воздухе без движения вперёд. Но вот прошли ещё минут пятнадцать, облака остались позади, а впереди показалось огненное зарево. Бомбей! Второй город Индии, её «западные ворота». Совершив посадку, экипаж «боинга» подрулил корабль к аэровокзалу и простился с нами: рейс его закончился благополучно, дальше нам предстояло лететь на другом самолёте.

Было уже два часа ночи, когда служащие авиакомпании провели нас в зал ожидания и предложили ехать куда-то в гостиницу. Мы посоветовались между собой и решили остаться здесь же, так как с рассветом, до которого оставалось совсем немного, нам надо было продолжить свой путь на родину. Одни из нас брились, приводили себя в порядок, другие совершали кинопутешествие по Индии в соседнем зале, а третьи дремали, сидя в креслах. Последних было, пожалуй, больше. Теперь наше решение – остаться в ту ночь в аэропорту – мне представляется ошибочным. Могло же случиться, что нас повезли бы в гостиницу по знаменитой Маин-Драйв, набе-

режной, которая составляет гордость жителей Бомбея и называется ими «Жемчужным ожерельем». Но тогда мы торопились домой и обрели себя на трудную ночь, за которой наступил, наконец, долгожданный день возвращения в Москву.

Правда, не суждено было нам начать вовремя последний этап своего путешествия. Из Бомбея мы вылетели в 8 часов 50 минут. Красив он с воздуха: в город, расположенный на островке, несколькими полосками вклиниваются воды Аравийского моря. В свою очередь, остров соединён с материком мостами и насыпями, по которым нескончаемым потоком бегут автомобили. Всюду много зелени, особенно на набережной. «Боинг» (опять он!) вылетел отсюда по маршруту: Дели – Тегеран – Москва. Стало быть, третья посадка – в Москве! Представьте себе, сколько радости испытывали мы в тот час. Все о чём-то говорили, шутили, смеялись. В иллюминаторы правой стороны фюзеляжа самолёта также весело светили яркие лучи утреннего солнца. Незаметно прошло время полёта до столицы Индии, ещё быстрее – неполный час отдыха в уже знакомом нам аэропорту. Утомительней был следующий этап – перелёт из Дели в Тегеран – столицу древнего Ирана. Здесь, в Тегеране, нам, вышедшим из самолёта, несмотря на отличную погоду, показалось уже холодновато.

В 14 часов 20 минут наш самолёт взлетел в Тегеранском аэропорту и взял курс на северо-запад. Минут через 35 мы услышали по радио слова, которые неожиданно взволновали нас: «Пересекаем ирано-советскую границу». Это было сообщение одного из членов индийского экипажа самолёта, зачитанное на ломаном русском языке. Все, кто имел возможность, прильнули к иллюминаторам. Ещё 35 минут – и под нами Главный Кавказский хребет. Пересекаем его между Эльбрусом, хорошо видимым слева, и Казбеком, остающимся справа. Тут обнаруживается, что среди нас немало смельчаков, которые, не колеблясь, прыгнули бы вниз с парашютом, будь он у них под руками. Уверен, что от волнения не все сидевшие у иллюминаторов заметили, какое удивительное зрелище являет собой Кавказ.

Ещё не было пяти часов вечера, когда наступила одна из самых счастливых минут нашей жизни, минута приземления самолёта в подмосковном аэропорту Шереметьево, откуда началось наше не-

забываемое далёкое путешествие в Австралию и страны Юго-Восточной Азии. Экипаж индийского самолёта, состоявший из славных, весёлых авиаторов, поздравил нас с возвращением в родную страну. Хором ответили им ребята одним словом: «Спа-си-бо!», и мы вышли из «Боинга-707». Вдали, за пределами бетонированной части аэродрома, виднелся снег. Были налицо первые признаки близкой уже зимы. Тепло и радостно встретили нас в аэровокзале наш давний друг директор Госконцерта СССР Николай Михайлович Алещенко и находившиеся в Москве на пленуме Союза композиторов РСФСР Хажбекир Хабалович Хавпачев и Хасан Якубович Карданов. Весь коллектив ансамбля, кроме его директора Е. В. Аронова, отправился сразу на Курский вокзал столицы, чтобы через три часа выехать оттуда в Нальчик, а мы с директором поехали в Москву устраиваться в гостинице на двое суток: нам следовало доложить об итогах зарубежной поездки Министерству культуры СССР и в деталях отчитаться перед Госконцертом.

Рано утром 22 ноября, проснувшись в номере гостиницы «Россия», я стал просматривать черновой набросок отчёта, который был сделан мною на борту самолёта, пока мы летели из Бомбея до Тегерана. Ещё и ещё раз восстанавливал в памяти весь длинный путь «Кабардинки» за пределами родной страны. Всё вроде было правильно, и на душе стало легче.

Выводы, если сказать о них очень коротко, сводились к следующему. Коллектив «Кабардинки» отнёсся к своей миссии с высокой ответственностью. Он тщательно подготовился к гастролям и провёл их успешно, показав многим тысячам австралийцев, сингапурцев и филиппинцев красочное, самобытное национальное искусство народов Кабардино-Балкарии, продемонстрировал красоту души её сынов и дочерей. И на Пятом континенте, и в островных странах Юго-Восточной Азии – всюду его выступления публика принимала восторженно. Из уст государственных деятелей и простых граждан далёких от нас стран мы много-много раз слышали слова: «потрясающий коллектив», «потрясающий спектакль», «потрясающее искусство»... Такие же слова не сходили со страниц газет, публиковавших рецензии на концерты ансамбля. Многочисленные встречи наших артистов с зрителями этих стран и их иностранными гостями вне театров и концертных залов тоже оставили у нас приятное впечат-

ление и добрую память. «Кабардинка», таким образом, пронесла знамя советского искусства за рубежом с честью и достоинством.

Густой мокрый снег шёл в то утро в Москве, но на её улицах народу было видимо-невидимо. Все, как всегда, куда-то торопились. От новейшей тогда гостиницы «Россия» до улицы Куйбышева, где находилось Министерство культуры СССР, – рукой подать, и через несколько минут я уже был там. День ушёл на приведение в порядок отчёта, его печатание на машинке, беседы с товарищами из Управления внешних сношений. В те же часы Е. В. Аронов отчитывался в Госконцерте СССР, который размещался в одном из лучших зданий на улице Неглинной, между магазинами «Охотник» и «Петровский пассаж».

Министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева, которая находилась весь день на пленуме ВЦСПС, и приняла меня в восьмом часу вечера, выразила радость по поводу успешного завершения зарубежных гастролей «Кабардинки» и попросила передать её коллективу сердечное поздравление и благодарность.

– Я получила от наших послов приятные сообщения о выступлениях ансамбля, а сегодня «Правда» очень обрадовала меня, – сказала она, улыбаясь и листая свежий номер главной газеты КПСС, опубликовавшей в тот день статью Владимира Григоровича под заголовком «Успех советских артистов», переданную из Манилы.

– Я очень признателен вам, Екатерина Алексеевна, за вашу поздравительную телеграмму, полученную нами в далёком Хобарте накануне годовщины Октября, – ответил я первой леди Советского Союза.

– Очень жаль, что не состоялась у вас встреча с Имельдой Маркос, прелестной женщиной, питающей к нашей стране большую симпатию, – произнесла она тихо, обнимая меня на прощание. Вернувшись в гостиницу, я позвонил домой в Нальчик и обрадовал родных, сказав им, что мы с Ароновым будем с ними 24 ноября. Так завершилась длительная австралийско-сингапурско-филиппинская эпопея Государственного ансамбля танца Кабардино-Балкарии «Кабардинка».

«Кабардинка» в странах Латинской Америки. 1974 год

Прошло полтора года. В середине мая 1974 года Министерство культуры КБАССР получило из Госконцерта СССР телеграмму: *«От бразильского импресарио Тамары Тайзлиной поступила настоятельная просьба направить ансамбль «Кабардинка» на трёхмесячные гастроли в странах Латинской Америки тчк При вашем согласии ансамбль может вылететь Аргентину шестого июня тчк Просим срочно сообщить своё решение тчк».*

Мы посоветовались с руководством республики и сообщили своё согласие по телефону и телеграммой. Имея уже достаточный опыт в таком деле, коллектив ансамбля быстро подготовился к гастролям и 3 июня выехал в Москву.

Перед рассветом 5 июня два автобуса повезли нас в Шереметьево. Под Москвой стояла изумительная пора перехода от весны к лету, когда весь зелёный наряд окружающей местности отличается особой нежностью. На оформление выездных документов ушло полтора часа. Около шести часов нас пригласили на посадку в самолёт, вылетающий рейсом 411 по маршруту Москва – Алжир – Дакар – Конакри. Ил-62 – гордый красавец, признанный флагман советской гражданской авиации, стоял наготове в ожидании пассажиров. В шесть семнадцать он оторвался от родной земли и, набирая высоту, взял курс на юго-запад, на Алжир, где ему предстояла первая посадка.

«Земля! Как прекрасна ты!» – говорят веками люди. Глядя на неё с большой высоты полёта, я вспоминал в то утро слова первого космонавта мира Юрия Гагарина, изумлённого красотой Земли во время своего исторического полёта в космос. Разнообразие и смена красок на ней под крылом летевшего с огромной скоростью самолёта поражали наше воображение. Леса и перелески, широкие поля и небольшие поляны, извилистые реки и речушки, озёра и пруды – всё это сменяло друг друга, снова и снова повторяясь, но не надоедая человеческому глазу. Валентина Мисакова, Анатолий Хадзегов, Людмила Карежева, Каншао Соттаев, Михаил Ахмедов и Евгений Аронов, сидевшие недалеко от меня, с восхищением смотрели на землю, прильнув к иллюминаторам воздушного корабля. Без пяти семь перелетели Днепр.

Приятным бархатным голосом одна из бортпроводниц объявила по радио:

– Летим на высоте 10 тысяч метров со скоростью 850 километров в час. От Москвы до Алжира 3825 километров. Время в пути – четыре с половиной часа.

Вскоре впереди показалась длинная гряда белых облаков, за ней – другая. Между тем начали подавать завтрак. В салоне наступило оживление. Внимание пассажиров переключилось на бортпроводниц, разносивших еду, которая могла украсить любой праздничный стол. Буквально за несколько минут салон превратился в зал фешенебельного ресторана. За эти же минуты мы оказались над сплошным облаком, закрывшим от нас землю, но не надолго. К концу завтрака облако отстало от нас. Однако через некоторое время вдали появилась цепь перистых облаков. Она положила начало огромному массиву туч, над которыми, как над белоснежным полем, мы летели более часа, так и не увидев Карпаты, территорию Венгрии и голубого Дуная.

– Красота какая! Кажется, можно прыгнуть на него и побежать вперёд, – сказала громко Валя Мисакова, молча смотревшая на облако, которое, быть может, грозой и ливнем обрушивалось в этот час на землю.

В восемь сорок вновь открылась земля. Под нами уже были Балканы. Быстро проплывали зелёные лесистые горы, города и посёлки Югославии. Показалось, наконец, и Адриатическое море, а вскоре в поле зрения оказалась Италия.

– В девять тридцать семь ожидается пролёт Рима, – сообщает по радио экипаж.

Все, кто имеет возможность, смотрят вниз. Но вот облака неожиданно затягивают землю, Рим, Тирренское море и лишь на подступах к острову Сардиния отстают от нас. Досадно, очень досадно было не увидеть один из древнейших городов мира, пролетая чуть севернее него. Летим уже почти три с половиной часа. На лицах девушек заметна усталость. Мы над гористой Сардинией. Несмотря на малолесье, она показалась нам красивой. Через четверть часа перед нами раскрылись безбрежно широкие голубые просторы Средиземного моря, словно под нашим самолётом оказалось само безоблачное, бесконечно голубое небо. Несколько сот километров до

Африканского побережья Ил-62 пролетел быстро. Мягко посадил его в аэропорту Алжира, огромного города, круто поднимающегося вверх от морского берега, командир корабля Владимир Шукшин пожелал нам счастливого полёта дальше, сообщив, что он и его экипаж останутся здесь на отдых, передав нас в руки надёжных авиаторов. Разумеется, мы сердечно поблагодарили его за чуткое отношение к нам во время всего полёта.

Под свинцовой тяжестью палящего африканского солнца мы после короткого отдыха вернулись в свой самолёт. Новый экипаж без минуты промедления вырубил его и поднял в воздух. Набирая высоту, самолёт минут тридцать летел на запад почти до самого Орана и сделал разворот на юг, чтобы взять курс на столицу Республики Сенегал – город Дакар. Незнакомый голос одной из новых стюардесс тут же поведал нам первичные данные о начавшемся полёте: до Дакара будем лететь четыре с половиной часа со скоростью 850 километров в час, большая часть полёта будет проходить над Великой африканской пустыней Сахарой на высоте 11 тысяч метров.

Три часа летели мы над Сахарой и ничего, кроме тёмной песчаной бури, не видели. Должно быть, в те дни в пустыне свирепствовал ветер неимоверной силы, если песок вихрем взмывал вверх, заставляя пролетавшие самолёты взбираться на огромную высоту. Вот уж, действительно, неприятный полёт, редко встречающийся на международных авиалиниях. Лишь через четыре часа пребывания в воздухе мы увидели землю, перелетели реку Сенегал у самого его устья, довольно круто снижаясь и стремительно приближаясь к Дакару. Из-под левого крыла самолёта уходила одетая в пышный зелёный наряд земля Сенегала, под правым был Атлантический океан. Какой разительный контраст с тем, что мы видели в течение томительных четырёх часов! Совсем скоро оказался под нами и столичный город. Сделав разворот над океаном, самолёт совершил посадку в аэропорту Дакара. Мы взяли свои вещи и прошли в аэровокзал, где можно было свободно дышать; с помощью представителей «Аэрофлота СССР» заполнили въездные карточки. Отсюда нас повезли в отель «Сенегал», принадлежащий местной авиакомпании и находящийся чуть южнее аэропорта на побережье океана. Ехали медленно. Нам сразу бросилось в глаза, что пейзаж этого района Африки резко отличается от того, что мы видели в Марокко, Алжи-

ре, Тунисе и Ливии в 1968 году. Пышная растительность, обилие кокосовых пальм, духота напомнили нам, что мы находимся в тропиках. Да, Дакар стоит на двенадцатой параллели, являясь самым западным городом Африки.

Экзотической оказалась и гостиница. Очень приветливо встретили нас её сотрудники, чёрные-пречёрные сенегальцы. Они объяснились с нами по-французски. Выручила память: в молодости я прилично владел французским языком. При заполнении гостиничных карточек сильно помогли Рая Шабазгериева, Валя Мисакова и Володя Шогенов, которые одну за другой старательно и аккуратно выписывали их латинскими буквами (Руфина Ивановна Пахомова из МГИМО, назначенная нашей переводчицей, не успела вылететь с нами и должна была прилететь в Аргентину на несколько дней позже). Увидев на карточках имена «Мухамед» и «Фатима», сотрудники отеля стали ещё более приветливыми и внимательными к нам. Сам отель, разместившийся в большой зелёной роще, состоит из многочисленных домиков под соломенными крышами. Мы поселились в них по два-три человека. Мы с Михаилом Аюбовичем, неизменным моим спутником и заместителем, решили поспать, посоветовав то же самое всем нашим товарищам: нас ожидала бессонная ночь. Однако заснуть долго не удавалось: по стенам комнаты бегали ящерицы, которые, как нам потом объяснили, являются активными помощниками в борьбе с ядовитыми насекомыми.

В три часа ночи мы выехали в аэропорт. Через час здесь приземлился самолёт швейцарской авиакомпании ДС-8-62, а ещё через час, в пять часов восемнадцать минут, он поднял нас в воздух и первым разворотом взял курс на Рио-де-Жанейро, оказавшись сразу над океаном. Забегали стюардессы, по неподдельной вежливости которых можно было узнать в них дочерей Швейцарии. Одна из них принесла мне карту, снабжённую ценными для путешественника сведениями. Я быстро обнаружил на ней наш маршрут, проложенный красной линией: Дакар – Рио-де-Жанейро – Сан-Паулу – Буэнос-Айрес. Длина его первого этапа – 3127 миль, или 5032 километра. Летели больше часа в темноте. Лишь в десять утра московского времени огненное зарево высветило горизонт далеко на востоке. Наступал рассвет, но настолько медленнее обычного, насколько удалялись мы от него, летя на юго-запад со скоростью нашего воз-

душного корабля. Мог ли он догнать нас? Да, мог. И когда это случилось, перед нами открылись голубые просторы Атлантического океана. Около одиннадцати стало совсем светло. Мы стремительно приближались к экватору. Словно знак, предупреждающий нас о чём-то, впереди слева по борту вскоре показалась огромная арка, образованная тёмно-серым облаком. Прошло несколько минут – и океан затянулся непроглядно тёмным облаком.

Почти полтора часа летели мы над ним, преодолев за это время более тысячи трёхсот километров. Остался позади экватор, который мы уже пересекали раньше, когда летели в Австралию. В 13 часов 10 минут, почти через 5 часов после взлёта, мы увидели Южную Америку. Ещё несколько минут – и мы вторглись в воздушное пространство этого континента над небольшим бразильским городом Каравелас, расположенным на самом берегу океана, чуть севернее 18 градусов южной широты. Полчаса в поле зрения обитателей швейцарского лайнера одновременно находились и Атлантика, уходящая из-под левого крыла самолёта, и прибрежная территория крупнейшей южно-американской страны – из-под правого крыла. Лишь потом мы стали снижаться. Гористая зелёная местность всё быстрее и быстрее набегала на нас. Участились мелкие посёлки. С небольшой высоты были видны большие стада крупного рогатого скота фермеров.

В 14 часов с минутами наш самолёт начал делать уже круг над огромным городом Рио-де-Жанейро, а ещё через 5 минут произвёл посадку в его международном аэропорту. Нас повели в аэровокзал. Впервые в жизни зашагали мы робкой походкой по земле далёкого от нас континента, разминаясь после семичасового сидения.

В 15 часов 30 минут мы взлетели в сторону океана и сразу же взяли курс на Сан-Паулу. Неожиданно для нас ясная погода сменилась дождливой. Океан стал тёмно-голубым. Полёт протекал не на большой высоте и не совсем спокойно. И очень кстати оказалось сливочное мороженое, которым угостили нас стюардессы. Под нами проплывали маленькие хутора из трёх-четырёх домов, ни одного крупного населённого пункта. Да, скучновато, должно быть, здесь, в сельской местности: где учиться детям, где лечиться больным, где проводить досуг хуторянам? Думая обо всём этом, я не заметил, как подлетели к Сан-Паулу и пошли на посадку. Пятьдесят минут лете-

ли, столько же пробывали здесь в аэропорту, не выходя из самолёта, и после смены экипажа в 17 часов 10 минут снова поднялись в воздух. Красива природа этого района Бразилии: много зелени, водоёмы, хутора и фермы, дороги и дороги. 1693 километра отделяли нас от Аргентины. Прошло два часа. Мы – над территорией Уругвая. Здесь меньше зелени, часто встречаются вспаханные поля-краснозёмы, признаки наступившей зимы.

Между тем мы приближались к цели, самолет снижался круто, быстро теряя высоту. Показались окраины Буэнос-Айреса с десятками тысяч домов, крытых черепицей. В девятнадцать тридцать по московскому, или в тринадцать тридцать по местному, буэнос-айрсовскому, времени, мы приземлились, наконец, в Эсейса – международном аэропорту аргентинской столицы. У таможенного пункта нас встретили два работника советского посольства, импресарио Тамара Тайзлина, её молодой компаньон из Италии Клаудио Касио, Рудольф Джанини, тоже итальянец, но аргентинский, Ромилио Жиакомполь, а также представитель итальянского театра «Колиseo» Хорхе Патричио Родино. На редкость быстро, без проверки чемоданов и саквояжей, они провели нас к машинам, ожидавшим на привокзальной площади. Е. Аронов и я поехали с Т. Тайзиной на легковой машине, которую вёл Р. Жиакомполь. Вместе с коллективом ансамбля за нами последовали М. Ахмедов и М. Ульбашев.

Аэропорт, который находится от центра города на приличном расстоянии, почти сливается с ним широкой магистралью, обрамлённой зелёными парками и скверами. Чем ближе к центру, тем меньше становилось зелени, крупнее и внушительнее здания, архитектура которых имеет много общего с архитектурой крупных городов любой западно-европейской страны, особенно Испании и Италии. Весь наш путь до центра Буэнос-Айреса, продолжавшийся более часа, состоял из множества остановок и рывков вперёд в плотном строю колонны автомобилей. Тамара Тайзлина расстроила нас на полпути своим сообщением, что сюда ещё не доставлен наш багаж. Правда, и она, и Аронов, и Жиакомполь верили, что костюмы и реквизит ансамбля по крайней мере ночью будут в Буэнос-Айресе, ведь авиакомпания отличаются ответственностью и аккуратностью.

Почти одновременно подъехали к гостинице «Колумбия Паласио» на улице Корриентес. Разместились за полчаса. Вскоре вместе с Ахмедовым и Ароновым мы поехали в Посольство СССР представляться послу С. П. Дюкареву. Семен Петрович оказался нашим земляком. Его мать и брат жили в Нальчике, близкие родственники – в Майском. В 1973 году он приезжал в Нальчик на похороны матери. Опытный дипломат, длительное время работавший в МИД СССР, С. П. Дюкарев представлял нашу страну в далёкой Аргентине, чьё население почти полностью состоит из европейцев, эмигрировавших туда в разное время, и их потомков. Испанцы, итальянцы, англичане, немцы, французы, русские, украинцы – кого только не встретишь в этой стране. Много интересного рассказал нам посол за час, который мы провели у него в гостях за чашкой кофе.

Мы вернулись в отель незадолго до пресс-конференции, на которую Т. Тайзлина и её друзья пригласили много столичных и иностранных журналистов – представителей газет, радио и телевидения. Она состоялась здесь же, в баре «Колумбия». «Кабардинку» представляли на ней М. Ахмедов, Е. Аронов, С. Асаева, Н. Бженикова, З. и К. Дзахмишевы, Е. Жабоева, Х. Ахметов, З. Марышев, В. Мисакова, К. Соттаев, Р. Шабазгериева и Х. Шомахов. Открыв конференцию приветственным словом, один из влиятельных журналистов аргентинской столицы сеньор Фонтоба предоставил слово мне. Я коротко рассказал о Кабардино-Балкарии, ансамбле «Кабардинка», поблагодарил журналистов за проявленное к нам внимание и заявил им, что теперь мы готовы ответить на их вопросы. Их оказалось много, на них были даны исчерпывающие ответы. Обязанности переводчика исполняли, помогая друг другу, Тамара Тайзлина и Сергей Декарве – выходец из России, старейший импресарио Аргентины, которому исполнилось 80 лет.

Пресс-конференция закончилась в десятом часу вечера. Несмотря на усталость, которую нетрудно было объяснить, мы вместе с журналистами вышли из отеля. Улица Корриентес – главная и самая длинная магистраль Буэнос-Айреса – пылала в огнях вечерней рекламы многочисленных магазинов, кафе и ресторанов. Было значительно прохладней, чем можно было ожидать после первого прожитого здесь жаркого дня. Поэтому, пройдя лишь два квартала по шумной многолюдной улице, мы вернулись в «Колумбию» и разо-

шлись спать, не подозревая о том, что ждало нас утром следующего дня – 8 июня, на который была назначена наша премьера в столице Аргентины. Ждало же нас очень неприятное сообщение: костюмы «Кабардинки» ещё не доставлены в Аргентину и до конца дня не ожидаются, где они – никому не ведомо. Когда с этой вестью явилась к нам Тайзлина, она была бледна и взвинчена до предела, ругала Госконцерт СССР, который, как она выражалась, «допустил невероятную безответственность». Мы не знали, что могло случиться – костюмы должны были оказаться в Аргентине раньше нас. Именно с таким расчётом Госконцерт сдал их «Аэрофлоту» раньше, чем мы вылетели из Москвы. На всякий случай, Евгений Аронов даже взял с собой копию накладной на принятый Аэрофлотом багаж ансамбля. Но вот костюмов нет, стало быть, не состоятся по крайней мере первые два концерта, назначенные на субботу 8 июня. И это после того, как реклама сделала своё дело, билеты на них были проданы, газеты сообщили о прибытии «Кабардинки» в Буэнос-Айрес, о начале её многообещающих выступлений в итальянском театре «Колисео».

Клаудио Кассио и другие помощники импресарио целый день занимались поисками багажа «Кабардинки». В международные аэропорты Москвы, Монреаля, Африки, Америки и Европы летели телеграммы и радиogramмы, звонили по телефону, но установить местонахождение багажа не могли. Так, в тревоге за судьбу не только большой материальной ценности, но и вообще гастролей ансамбля прошёл день 8 июня. Итоги его были весьма печальны.

А Буэнос-Айрес жил своей, тоже тревожной жизнью, полной неясности. Мы ходили по его центральной улице, смотрели на пёструю публику и замечали какую-то напряжённость во всём, что характеризует жизнь большого города. То туда, то сюда стремительно неслись полицейские и военные машины. Молодёжь, преобладавшая среди людей, заполнявших городские улицы, была более обычного серьёзной. Что это означало, мы ещё не знали.

«Колумбия» затихла в этот вечер поздно. Жизнь здесь определялась уже нами; остальные постояльцы, их было немного, погоды не делали. Утро 9 июня тоже не обрадовало нас. Приехала Тамара Тайзлина и, беспомощно опустившись в кресло, заговорила.

– Всё пропало, всё пропало... Я это чувствовала, ей-богу, чувствовала! – произнесла она, не скрывая своего панического настро-

ния. – Есть сведения о том, что ваш багаж канадская авиакомпания завезла в Майами. Говорят, что она потеряла документы на них. Навероятно, невероятно, всё пропало, – добавила она и замолчала.

– Возьмите, пожалуйста, себя в руки, успокойтесь, это первое условие, залог успеха, – обратился я к Тамаре Ильиничне тоном, исключающим малейшее сомнение в благополучном исходе дела. – Будете паниковать – завалите любое дело. Майами не на обратной стороне земного шара, до него рукой подать, – попытался я утешить импресарио и спросил:

– Тамара Ильинична, есть у вас виза на въезд в Соединенные Штаты Америки?

– У меня она постоянная, – ответила она.

– Тогда садитесь в первый же самолет, отбывающий в США, и летите во Флориду. Мы вам дадим копию накладной, которую Евгений Вениаминович взял с собой из Москвы. Вы отправите из Майами наши костюмы и вернётесь сюда следом или, что ещё лучше, привезёте их с собой. А мы, будьте абсолютно спокойны и уверены, сделаем всё, чтобы восполнить потерянное. Артисты «Кабардинки» сумеют рассеять возникшую у публики подозрительность, – заключил я своё наставление. Женщина, несмотря на свой богатый жизненный опыт, сбита с толку неожиданной неприятностью, кажется, пришла в себя. Поздно вечером она вылетела в Майами, известный курорт США, в недавнем прошлом – центр кубинской контрреволюции.

Тем временем политическая обстановка в Буэнос-Айресе всё более накалялась. Правительство президента Аргентины генерала Хуана Доминго Перона готовило контрнаступление против активизировавшей свои действия правой оппозиции, потерпевшей поражение на последних выборах. Днём мы видели самого президента, который под охраной автоматчиков приезжал в Национальный театр, где проходило в то время важное совещание. Десятого июня состоялась забастовка учителей столицы. Вечером того же дня они провели манифестацию на Корриентесе. Наши ребята с удивлением смотрели на демонстрантов, скандировавших какие-то лозунги.

Начались визиты выходцев с Кавказа. Первым пришёл к нам грузин-эмигрант Патрикишвили с сыном Эдуардо. Выяснив интересовавшие вопросы о жизни советской Грузии, он как-то мимоходом

упомянул, что в Буэнос-Айресе проживает один кабардинец, женатый на украинке, и одна кабардинка, вдова умершего владельца продовольственного магазина. Однако фамилий и адресов их он не назвал, заявив, что ему они неизвестны. Ещё при грузине в вестибюль гостиницы вошли двенадцать юношей и девушек армянской национальности. Они два дня искали нас. Между нами завязалась беседа, переводчиком которой был русский мальчик Ваня, который вот уже два дня не расставался с нами. На лицах молодых армян сияла радость от встречи с советскими артистами. Уходя из отеля поздно вечером, они пригласили нас в свой клуб. После всех визитёров нехотя оставил нас и Ваня Беликов.

Вечером 11 июня багаж ансамбля доставили, наконец, в театр. Костюмы оказались в страшно помятом, перекрученном и влажном состоянии. Е. Аронов, Л. Блянихова и Л. Дышеков развесили их на ночь в закулисной части театра и в полночь вернулись в отель. Весть о доставке костюмов очень обрадовала коллектив «Кабардинки». В отличном настроении утром 12 июня мы все пошли в театр. Наши артисты спешили на сцену, чтобы готовиться к предстоящему концерту после мучительно проведённых дней безделья. Пришла сюда и Жаклин Милявская, молодая русская женщина, которую импресарио пригласила быть переводчицей до прибытия из Москвы Руфины Пахомовой. Администрация театра, переживавшая вместе с нами за неудавшееся начало, призвала на помощь нашим костюмерам нескольких женщин-гладильщиц. Закипела работа: одни из наших артистов гладили, другие одевались в репетиционные костюмы, третьи давали интервью журналистам радио и телевидения, пришедшим с аппаратурой для съёмок и записи.

В разгар репетиции в театр приехала прилетевшая в это утро Руфина Пахомова. Жаклин была расстроена этим, и мы решили не отстранять её от работы, тем более что её хватило бы и на пятерых переводчиков. Только в пятом часу вечера мы пошли в «Колумбию», чтобы пообедать и отдохнуть до 21 часа, так как концерт был назначен на 23 часа 30 минут. По пути в отель мы стали встречать небольшие колонны демонстрантов, шедших под барабанный бой с национальными флагами и песней времён гражданской войны в Испании. Прерывая её, они часто скандировали: «Перон! Перон! Перон!». Движение по Корриентесу было прекращено, закрыва-

лись магазины, кафе, конторы, не зажигались рекламные огни. Не оказалось света и в отеле. Здесь нам сказали, что объявлена всеобщая политическая забастовка в поддержку главы государства, которая продлится до 24 часов; что колонны демонстрантов следуют на Майскую площадь, где состоится грандиозный митинг, на котором ожидается выступление президента Аргентины генерала Хуана Доминго Перона.

Шествие по проспекту продолжалось с нарастающей силой. Стоял невообразимый шум. Бой барабанов, громкое многоголосое скандирование одних, песни других, бессмысленный галдёж третьих, гул двигателей военных джипов, которые несли патрульную службу, – всё это сливалось в оглушительную и тревожную звуковую смесь. Вернулись из театра Аронов и его заместитель Леонид Дышеков и «обрадовали» нас своим сообщением, что наш концерт отменяется. Всем нам было очень обидно. Поздно вечером закрылся митинг на Майской площади, и манифестанты стали возвращаться домой. Дали электрический свет. Нелегко было заснуть после такого дня. В таких случаях я обращался к иностранному языку. Не изменил своей привычке и на этот раз: не теряя времени, принялся за испанский. Лишь в третьем часу я закрыл учебник испанского языка для изучающих его русских, изданный в Польше и любезно предоставленный мне перед выездом молодым, обаятельным преподавателем КБГУ Каральби Мальбаховым.

Солнечное, но холодное утро 13 июня мы встретили здоровыми и бодрыми. Все были уверены, что кончились наши беды, что именно вечером этого дня состоятся первое и второе выступления «Кабардинки» в Латинской Америке. Они и состоялись! В миг окончания первого номера программы первого концерта огромный зал итальянского театра «Колисео» оглушили бурные аплодисменты зрителей. В девятнадцать часов с минутами, когда наши артисты исполнили последний танец программы, публика не стала покидать зал. Она продолжала овацию, устроенную советским артистам, подарившим ей два чудесных часа, насыщенных яркими впечатлениями. Несколько раз открывался и закрывался тяжёлый занавес знаменитого театра, а страсти зрителей не утихали, снова и снова раздавались возгласы: «Браво!», «Браво, «Кабардинка!». Такие минуты окупают волнения, с которыми связана жизнь в искусстве.

Директор театра, профессор-итальянец поднялся на сцену с супругой и поздравил ансамбль с большим успехом. Он отметил народность его искусства, высокое мастерство исполнения танцев, красоту и изящество костюмов. Более чем довольна была и Тамара Тайзлина.

– Невероятный успех! Я же знала, кого приглашала, – громко говорила она, обращаясь к нам.

Второй концерт начался в 23 часа 30 минут, на полчаса позже, чем мы ожидали. Никто из нас не был уверен, что найдутся люди, которые в столь поздний час предпочтут сну концерт заграничного коллектива. Мы ошибались. Нашлись такие люди. Театр заполнили зрители, как это было и на первом концерте. Среди них было много журналистов и дипломатов. Приехали также послы СССР и Чехословакии.

Трудно было нашим артистам танцевать в полночь. Однако они сумели завладеть целиком вниманием аудитории, настроить её на свой лад и с огромным успехом завершили концерт в два часа ночи. посол СССР С. П. Дюкарев и его чехословацкий коллега поздравили коллектив ансамбля с успешным началом заграничных гастролей. Прощаясь с нами, наш посол пригласил нас на завтра в клуб советского посольства, находящийся на улице Пасада в доме № 1663. Мы приняли приглашение Семена Петровича и 14 июня пошли в этот клуб. Встреча с нашими дипломатами и членами их семей прошла интересно, в тёплой обстановке. Мы услышали здесь много интересного о жителях Аргентины, образе жизни многонационального народа самой южной страны Южной Америки, своими далёкими и близкими корнями уходящего в Европу.

Поздним вечером состоялось третье выступление «Кабардинки», прошедшее, как и первые два, с большим успехом. Когда мы шли ночью в отель, на Корриентесе было очень много молодёжи, работали все кафе и рестораны, лихо разъезжали автомашины. Буэнос-Айрес не спал. Впрочем, как мы впоследствии убедились, он не засыпает никогда. Буэнос-Айрес всегда бодрствует.

Утром 15 июня я поспешил вниз, в вестибюль гостиницы, чтобы полистать столичные газеты, в надежде обнаружить какие-нибудь отзывы на выступления нашего ансамбля.

– Не трудитесь понапрасну, газеты ещё о вас не пишут, – услышал я незнакомый голос и поднял голову.

Передо мной стоял пожилой мужчина с большим портфелем в одной руке и тростью – в другой.

– Андрей Михайлович Варев, представляю здесь журнал «Атлас», издающийся в Париже авиакомпанией «Эйр Франс», – продолжил он.

Как оказалось, А. М. Варев долго следил за мной, не прерывая мои безуспешные поиски. Мы разговорились с ним.

А. М. Варев, по его словам, в пять лет от роду был вывезен из России в 1909 году матерью, еврейкой по национальности, и отцом, принявшим иудаизм по её настоянию. И, как большинство людей, оставивших родину, скитался по свету долго, пока в конце концов, судьба не приковала его к Аргентине. Будучи весьма словоохотливым, он стал рассказывать о столице этой страны как человек, которого, можно было подумать, специально пригласили ко мне, чтобы ознакомить меня с этим городом, его историей и культурными ценностями. Говорил он долго и монотонно, не допуская ни малейшей запинки.

– Вам обязательно надо сходить в «Колон», гордость Аргентины. Это один из лучших оперных театров мира. В течение года его балетом руководил Борис Князев – ученик знаменитого Сергея Дягилева, – закончил свой рассказ А. М. Варев. Уходя из отеля, он попросил разрешение послать в Париж для журнала «Атлас» групповой снимок танцовщиц нашего ансамбля и доверительно сообщил мне, что совсем скоро столичная вечерняя газета «Расон» выступит со своей рецензией о концерте «Кабардинки».

В полдень вся Аргентина засела за голубые экраны телевизоров, чтобы посмотреть матч своей национальной сборной с футболистами Польской Народной Республики на первенстве мира, проходившем в те дни в ФРГ. Счёт 3:2 в пользу сборной Польши, с которым закончилась драматическая по своей остроте встреча, поверг в траур миллионы аргентинских болельщиков футбола.

Наше первое выступление в тот вечер закончилось в 21 час. Сцену мы передали известному армянскому певцу из Уругвая Левону Катерджяну, а сами пошли в зал. Минут через десять его заполнили армяне. Публика тепло принимала каждый номер обширной программы своего соплеменника, на которую, как нам показалось, легла тень изгнания, тоска по земле отцов, оказавшихся в своё время

под пятой турецких феодалов. Встреча аргентинских армян с талантливым певцом из Монтевидео затянулась почти до полуночи. Только в 23 часа 55 минут «Кабардинка» получила возможность начать свой второй в этот день концерт.

Одетая в строгий вечерний наряд и важная в своих манерах публика, восхищённая искусством наших артистов, устроила им овацию, которая, пожалуй, могла взволновать даже самых невозмутимо спокойных людей. «Браво, браво, браво!» – скандировала то одна, то другая группа зрителей. Занавес поднимался и опускался неоднократно. Наконец, он медленно закрыл сцену и застыл на месте. Выждав ещё две-три минуты, публика стала расходиться. Я вынул из кармана блокнот и занёс в него два слова: «Мужественные полуночники». Мы с Михаилом Ахмедовым направились на сцену, чтобы поделиться своим приподнятым настроением с создавшими его артистами. Инициативу перехватили шедшие за нами две молодые пары, заговорившие по-русски. Это были Наталья Коноплёва, стройная, как балерина, белокурая женщина, которую сопровождал муж-аргентинец, и Наталья Бойченко со своим женихом Эдуардом Заиковским. Они довольно долго не оставляли нас, знакомясь, беря автографы, с радостным возбуждением рассказывая о своих впечатлениях от концерта «Кабардинки».

Воскресенье 16 июня отсчитывало свой четвёртый час, когда мы вернулись в гостиницу «Колумбия». В отличие от будней, Буэнос-Айрес был спокоен. Многие магазины были закрыты. На улицах и площадях города не было обычного скопления людей, хотя погода выдалась солнечная. Мы не собирались проводить репетицию, и ребята пошли гулять по городу, фотографировать и сниматься, отведать жареной говядины – коронного блюда национальной кухни Аргентины.

Именно в этот день столичная печать вернулась к разговору о нас, прерванному после несостоявшейся 8 июня премьеры «Кабардинки». Газета «Кларин» опубликовала рецензию под заголовком «Подлинная народность», подписанную Наполеоном Кабрера. В ней отмечалось: *«Мы не устаём любоваться великолепием танцев мужского состава ансамбля... Они танцуют всем телом и даже глазами. Их трепетные, искромётные, порывистые движения сливаются в общий поток, очаровывающий зрителей...»*

Женский состав ансамбля играет в танцах вторую роль после мужчин. Однако во всех танцах ансамбля танцовщицы полны особого очарования, порождённого уверенностью в их огромной силе воздействия на мужчин, и чем больше они скромны и целомудренны, тем больше растёт их привлекательность.

Костюмы ансамбля отличаются необыкновенной красотой. Однако они не театральны, они народны...

Спектакль «Кабардинки» полон подлинного энтузиазма, радости, юмора, грации и захватывающего ритма. Этот спектакль не походит на другие, даже если они из Советского Союза, спектакль «Кабардинки» – подлинная народность».

Очередной концерт «Кабардинки» был назначен на 21 час 30 минут, но мы пришли в театр к семи часам вечера, чтобы послушать концерт симфонического оркестра столичной полиции. И что же? Мы оказались слушателями прекрасной, в основном классической, музыки в отличном исполнении оркестра из ста человек, одетых в полицейскую форму. В зале же сидели полторы тысячи сотрудников полиции Буэнос-Айреса, пылко реагиовавших на каждое сочинение, включённое в программу. Нас, честно говоря, это удивляло: симфоническая музыка и взволнованная ею полицейская аудитория! Но было именно так, и мы вместе с блюстителем порядка дружно аплодировали искусным музыкантам. Потом мы долго вспоминали об этом концерте. А в тот вечер у нас было одно выступление, и оно прошло с большим подъёмом, живо, интересно и темпераментно.

На другой день мы переселились в гостиницу «Импала» («Олень»), более удобную и уютную, совсем близкую к театру. Во вторник 19 июня состоялась экскурсия по столице Аргентины, которую мы ждали с нетерпением. Весь день мы ездили и ходили по огромному городу и часто из уст экскурсовода, немки по происхождению, слышали какие-нибудь эпитеты в превосходной степени. Улица 9 Июля (Дня независимости) – «самая широкая в мире», от которой под авеню Корриентес 60 лет назад проложено метро; шестидесятиметровый обелиск посередине «самой широкой», стоящий в створе «самой длинной улицы», – сооружение к 400-летию Буэнос-Айреса; знаменитый оперный театр «Колон», который, по словам Тосканини, имеет «самую лучшую акустику» в мире; здание Конгресса, перед

которым стоят памятник Свободе, весьма сложной композиции, и копия известной статуи Родена «Мыслитель»; белокаменная тумба, от которой измеряется протяжённость всех дорог Аргентины; Майская площадь, главная в столице, на которой размещены Розовый дворец президента республики, Национальный банк страны, кафедральный собор с мавзолеем «отца Аргентины» Сан-Мартина и Могилей Неизвестного Солдата; здание факультета инженерного искусства, построенное первой женой Перона – Эвой Перон; Русская ортодоксальная церковь с пятью голубыми куполами; скромный домик в одном из старинных районов города, где Хуан де Диос Филиберто создал знаменитое танго «Каминито»; река Риачуэло – «самая грязная в мире», впадающая в реку Ла Плата – «самую широкую в мире», с автоскульптурой Лола Мора на берегу; копия знаменитых Лондонских часов, которую подарили Буэнос-Айресу живущие здесь англичане; самый зелёный и, пожалуй, самый уютный район, называемый Палермо Чико (Маленькое Палермо), где разместились резиденции послов многих стран; два телецентра; памятники Тарасу Шевченко, поставленный здешними украинцами, и генералу Уркису; сказочный пруд – всё это и многое другое увидели мы в тот солнечный, по-летнему тёплый день. Когда комфортабельный автобус замкнул круг экскурсии у подъезда гостиницы «Импала», Люба Нагудова обратилась к нашему gidу с вопросом:

– Сколько же памятников в Буэнос-Айресе?

– Им нет счёта. В Буэнос-Айресе не хватает памятника только нашему экскурсоводу Ильзе Фрост, – проговорила она громко и, пожелав нам счастливого пути в другие страны Латинской Америки и благополучного возвращения на родину, простилась с нами.

Вечером Мутай, Руфина и я в сопровождении Рудольфо Джанини пошли в театр «Колон», о котором восторженно говорили А. М. Варев и Ильза Фрост. Он поразил нас с ходу своим великолепием. Огромный многоярусный зал заполнен людьми до отказа. В этот вечер здесь шла опера Пуччини «Мадам Баттерфляй». Спектакль, поставленный на итальянском языке, не произвёл на нас сильного впечатления. Он был хорош, но не более. Мы не услышали в нём выдающихся голосов. Что ж, бывает и так, не все постановки даже самых знаменитых театров одинаково впечатляющи.

Следующие два дня «Кабардинки» прошли в привычном ритме, в хлопотах и заботах. На концерте 19 июня, начавшемся в 23 часа, присутствовало много богатых людей. Это очень нравилось Тамаре Ильиничне.

– Вот это серьёзная публика, – несколько раз повторяла она в ходе представления. Когда под мощную овацию хвалёной ею публики глубокой ночью закончился концерт и мы пришли к своим кулисы, Мутай сообщил нам, что во время антракта к нашим артистам поднялись две женщины, одна из которых, старшая по возрасту и с палочкой в руке, сказала им: «Я впервые в жизни поднялась на эту сцену и потому поднялась, что не смогла удержаться от этого. Я потрясена спектаклем вашего ансамбля и от души поздравляю вас».

– Кто же она? – спросил я Мутая.

– Не знаю, говорила она по-русски, похожа на армянку, – ответил он.

Через несколько дней мы встретились с ней в гостях у армян. Это была мадам Эмме де Ромос Мехиа, одна из самых выдающихся представительниц искусства зарубежных армян. Являясь примой-балериной и солисткой-вокалисткой театра «Колон», она не раз выступала в Париже, Вене и многих других столицах европейских и американских стран. Но это ещё не все: она обладает талантом художника и публициста.

«Балерина и певица, художник и журналистка, которая выступает во всех этих ролях с блеском», – говорили о ней в Буэнос-Айресе. Мадам Мехиа приезжала в Советский Союз на юбилейные торжества, посвященные 40-летию Армянской ССР, была в Москве и Ереване, встречалась тогда с Н. С. Хрущевым, руководителями Армении и Е. А. Фурцевой. Она тепло отзывалась о нашей стране, её достижениях, называя их колоссальными. Касаясь «Кабардинки», она сказала:

– Превосходный коллектив. Я не в состоянии была скрыть свой восторг до конца спектакля и пришла на сцену в антракте. Я чувствовала себя так, словно побывала на родине.

– Милая соотечественница, спасибо за трогательный поступок и добрые слова в адрес нашего ансамбля. Мы здесь испытываем симпатию армян и очень признательны им. В следующий приезд в нашу страну мы с большой радостью примем вас в Кабардино-Балкарии

и, если вы пожелаете, в своём Музыкальном театре поставим оперу, ведущую партию в которой будете исполнять вы, – ответил я.

Ещё больше порадовал нас концерт 20 июня. Публика бисировала некоторые танцы по несколько раз. Одна молодая симпатичная женщина с малышом на руках всё второе отделение смотрела, стоя в проходе. И не только смотрела с увлечением, но и ухитрялась хлопать, частенько посылая на сцену громкое слово «Браво!». Сидя недалеко, я и Ахмедов с удивлением смотрели на неё. А когда наши артисты, на чьи плечи легла огромная нагрузка, последний раз откланялись бушевавшей аудитории, мы с Михаилом поспешили к этой женщине.

– Сеньорина! В течение всего концерта вы, не отрывая глаз, смотрели на наших артистов, а мы, признаться, следили за вами. Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете искусство «Кабардинки»? – обратился я к ней.

– Фантастично! Мои впечатления невозможно выразить другими словами. Поздравляю вас с грандиозным успехом! – ответила она сразу.

– Благодарю вас, сеньорина. Позвольте задать вам ещё один вопрос: как зовут прелестного малыша и его очаровательную маму? – спросил я.

– О, это мой сын Марьяно, а мама – Мария Тереса, – ответила она, приподняв своего ребёнка и смущённо улыбаясь.

– *Mucho gracias y asta la vista!* (Мучо грасиас и аста ла виста!) (Большое спасибо и до свидания!) – сказал я Марии Тересе, и, отвесив ей лёгкий поклон, мы с Михаилом направились к своим на сцену.

Вслед за нами к нашим артистам подошли пожилые женщина и мужчина, похожие на кавказцев, и заговорили с нами по-русски. Ашот Арцруни и его жена Лия Нерсесян де Арцруни, жившие в Аргентине около 40 лет, восхищались нашим ансамблем.

– Мы бываем на спектаклях всех советских трупп, и все они доставляют нам большую радость. Сегодня же мы испытывали особое чувство. Нам порой казалось, что мы находимся на родине. Труппа ваша великолепна. Позвольте выразить всем вам нашу глубокую признательность, – произнёс Ашот Арцруни медленно, обдумывая каждое слово, но на чистом русском языке.

Вместе с ними мы вышли на улицу. Лия Нерсесян де Арцруни, много лет работавшая преподавателем консерватории Буэнос-Айреса, сказав нам, что она и Ашот были бы счастливы принять нас у себя дома, села за руль маленького, как наш «запорожец», автомобиля и посадила рядом с собой супруга. Два старичка, десятилетия живущие на чужбине, покатали по ночному городу. Кто знает, какие чувства и думы везли они домой?!

Круг наших знакомых расширялся с каждым новым днём. В субботу 22 июня на концерт пришли стройные голубоглазые сёстры Ольга и Таня Байчевские с братишкой Алёшей; второй раз приехали Наташа Бойченко и Эдуард Заиковский. Было много и других соотечественников. Десятки аргентинцев испанского, итальянского и иного происхождения с программами в руках осаждали советских артистов, чтобы получить их автографы. Ольга и Таня с Алёшей проводили нас до гостиницы и ещё долго разговаривали с нами в её вестибюле.

В воскресенье 23 июня мы все были заняты подготовкой к предстоявшему выезду в Ла-Плату – главный город штата Буэнос-Айрес. Лишь вечером, когда стали зажигаться огни большого города, мы вышли на авениду 9 Июля. Здесь приятно было пройтись вечером, присматриваясь к суетливому движению массы людей и казавшемуся стройным и упорядоченным движению автомобилей, к миганию пёстрым разноцветьем рекламы, начинённой всевозможной информацией.

Ночь та была прохладной и прозрачной. Но зато день выезда в Ла-Плату показался нам летним. Солнце нагревало город всё больше и больше, а мы выбирались из него очень медленно в строю нескончаемой вереницы машин. Сотни мелких торговых предприятий оставались позади, а город не кончался. Целый час потратили на этот коридор. Когда он раскрылся шире, мы увидели первые фермерские усадьбы, на смену которым пришли земли богатейшей семьи Аргентины. Цитрусовые плантации, прерываемые эвкалиптовыми лесополосами и небольшими рощами из пальм, платанов и каких-то огромных хвойных деревьев, – такими запомнились нам владения земельного магната. Кончились они, наконец, и вскоре, свернув налево, мы остановились в сказочном городке.

«Республика детей», – объявили громко и пригласили нас выйти из автобуса. Мы бегло осмотрели детский городок-«республику», сооруженную властями Ла-Платы, фотографируясь около наиболее интересных его дворцов, и поехали дальше, оживлённо обсуждая увиденное.

Вопреки нашему ожиданию, Ла-Плата оказалась большим городом с многолюдными улицами и площадями. Он производил яркое впечатление всем своим обликом. Никакой провинциальности, всё строго, много внушительных зданий интересной архитектуры. В центре города большой дворец – «Театро Аргентино» – оперный театр, в котором должен был состояться концерт «Кабардинки». Мы подъехали к нему. Кассы уже были закрыты – билеты проданы. Осмотрели весь театр. Очень удобен во всех отношениях. Зрительный зал с четырьмя ярусами на 1500 мест. В скверике возле театра огромный щит с текущим репертуаром, в котором значится «Лебединое озеро» Чайковского и «Ромео и Джульетта» Прокофьева. Как нам приятно было это!

В 21 час 20 минут медленно раздвигается занавес. На сцене – сначала рассвет, а затем ослепительный свет утреннего солнца. Бурными аплодисментами встретили зрители первый танец ансамбля. А что потом? Потом я занёс в свой блокнот следующее: «Небывалый подъём. «Танец с кинжалами» – на бис, «Абзех» – на бис, «Танец барабанщиков» – на бис, «Горский танец» – на бис и так всё отделение». В антракте ребята наши пьют модную пепси-колу. Настроение у них отличное. В это время прибежали к нам сёстры Байчевские.

– Мы с трудом устроились под самым потолком и кричим оттуда, – признались они нам.

Второе отделение прошло ещё более захватывающе. Сидя за кулисами, за спиной музыкантов, я попросил Михаила Аюбовича прокомментировать каждый номер программы и реакцию публики на них, и мои заметки были продолжены. Вот они: «Уже «Свидание» – на бис, «Гандаган» – здорово! «У родника» – до окончания публика бездыханна, а затем взрыв аплодисментов, переходящий в овацию. «На горном пастбище» – что творится в зале! «Наши старики» – сплошной хохот и овация. «Кабардинка» – пятикратное повторение и трудное расставание с публикой». Такова микросхема

концерта ансамбля в «Театро Аргентино». Но сколько волнений и напряжения, вдохновения и творческой изобретательности со стороны артистов, ожиданий и догадок, восторга и признательности – со стороны полутора тысяч зрителей скрывается за ней. Это трудно вообразить.

Мы не успели покинуть сцену, как сотни людей устремились к нам после концерта. У всех в руках программы, всем нужны автографы. Наши артисты расписываются и расписываются, улыбаясь и шутя, пожимая руки людям, выражающим свои симпатии к нашим танцорам, к советскому народу, к нашей стране. Казалось, не будет конца людскому потоку. Был удобный момент, чтобы взять интервью у нескольких человек, и я воспользовался им.

В ответ на мою просьбу сказать несколько слов, юная смуглянка Либиана Риддичи сказала:

– Сенсационно! Я никогда не видела такого спектакля.

Сделав несколько шагов вперёд, я обратился с вопросом к солидному по возрасту мужчине по имени Сабра. Он произнёс одно слово: «Прекрасно!». Ко мне подходят студентки Мария Амелия и Педа Рисси. Перебивая друг друга, они говорят, что потрясены искусством артистов и хотели бы увидеть «Кабардинку» ещё раз.

Лишь через час после окончания концерта смогли мы выйти из театра. Десятки аргентинцев ожидали нас и здесь, у автобуса. Снова пошли рукопожатия, уже прощальные. Автобус медленно отходит от театра, а провожающие машут руками, скандируя: «Asta la vista!», «Asta la vista!»...

Ла-Плата, красивый город, о котором весь коллектив «Кабардинки» сохранит добрые воспоминания, остался позади. В автобусе раздались «Подмосковные вечера» Соловьева-Седого, подхваченные всеми нами. Люда Карежева и Володя Шогенов запевали одну песню за другой. Ночной Буэнос-Айрес был в электрических огнях. Людей на улицах было много. Обратная дорога показалась нам короче. Мы внесли в спокойную «Импалу» оживление.

Двадцать пятого июня мы должны были дать только один концерт, назначенный на одиннадцать часов вечера, но мы пришли в театр на два часа раньше. Здесь до нас в тот вечер выступала японская скрипачка Масуко Усиоду. Была возможность послушать её, и многие из нас пошли в зал. Японка играла с вдохновением. Она об-

ладала сценическим обаянием, которое всегда подкупает публику. Нам довелось встретиться с ней после концерта.

– Я очень обрадовалась, когда, подходя к театру, увидела афишу «Кабардинки», – сказала она отчётливо на русском языке. – Я никогда не была на Кавказе, но мечтаю об этом давно.

Масуко Усиоду поведала нам, что училась в Ленинградской консерватории и всегда рада встрече с советскими людьми. Прощаясь со мной, она вручила мне свою программу с автографом и сказала: – Завтра вылетаю в Сантьяго.

Я с болью вспомнил о чилийской трагедии и подумал: «До музыки ли сейчас чилийцам?»

В половине двенадцатого ночи началось выступление «Кабардинки». На нём были сёстры Байчевские с отцом, матерью и Алёшей. Ещё три девушки – Наталья, Мила и Валерия, приехавшие откуда-то издалека, сидя рядом с нами, неустанно кричали «Браво!» После окончания концерта они проводили нас до «Импалы».

– Нам очень и очень понравился спектакль, поздравляем вас с успехом, – сказала симпатичная Мила, одетая просто и красиво. Трудно сказать, что внушали этим девушкам с детства дома и в школе, но сердца их, без сомнения, были обращены к нашей стране. Мы поняли их так, что на родине предков они чувствовали бы себя лучше.

Ночной концерт 27 июня вылился в яркое, темпераментное представление. Как парни, так и девушки танцевали легко и эффектно. Присутствовавший на концерте посол Панамы и его супруга были в восторге. Ещё во время антракта он заявил нам, что утром пошлёт министру иностранных дел и министру культуры республики телеграмму с просьбой ускорить решение всех вопросов, связанных с предстоящей поездкой «Кабардинки» в его страну. Это обрадовало Тамару Тайзлину, которая тут же заявила, что знакома с министром культуры, что он полон очарования.

Июнь близился к концу. МИД Аргентины продлил нам время пребывания в стране. Мы настроились работать в Аргентине до 7 июля, расширив географию своих выступлений. В Буэнос-Айресе оставалось дать пять концертов: один – 28 июня и по два – 29-го и 30 июня. Никто из нас не подозревал, что в Аргентине в ближайшие дни произойдут события, которые скажутся и на наших делах. Между тем тучи над ней сгустились.

Двадцать восьмого июня Мария Эстелла Мартинес де Перон вернулась из поездки в Италию, в ходе которой аргентинские газеты давали пространные сообщения с фотоснимками, изображавшими её вместе с руководителями Италии, Папой Римским, испанским диктатором генералом Франко. Вечером в «Колизею» состоялся наш концерт, прошедший очень хорошо. Тогда к нам в театр приехали педагог по балету из «Театро Аргентино» Диана Болох и солист балета Рафаэль Гус. Они привезли в дар нашим артистам много больших фотографий, отснятых ими в часы нашего пребывания в Ла-Плата и сообщили, что отныне «Кабардинка» будет представлена в экспозиции музея театра. Нашим артистам приятно было встретиться и поговорить с ними. В тот вечер мы раньше обычного вернулись в «Импалу».

В субботу 29 июня мы пошли в театр к шести часам вечера. Минут за двадцать до начала первого концерта я спустился к подъезду «Колизею». Подходили сотни людей. На лицах многих из них была заметна какая-то озабоченность и тревога. Среди них были Наташа Бойченко и Эдуард Заиковский.

– Что случилось, Эдик? Аргентинцы сегодня не такие, как всегда? – спросил я молодого соотечественника, с которым днём раньше, по его просьбе, у нас состоялась продолжительная беседа.

– Возможны большие неприятности, – начал он, – пошли слухи, будто президент Перон в очень тяжёлом состоянии. Я не сторонник Перона, но считаю его единственным человеком, способным обеспечить порядок в стране на данном этапе.

Ольга Байчевская, появившаяся в театре перед самым началом представления, тихо прошептала нам, что, как сообщил отцу один его знакомый, президент умер ещё два дня тому назад. Слухи были разные, но было очевидно одно, что Перона, фактического главы государства, скоро не станет. В такой тревожной обстановке начался и удачно прошёл первый концерт, а потом с десяти вечера – второй. В реакции зрителей трудно было уловить какую-нибудь перемену. Аргентинцы бурно аплодировали, выкрикивали возгласы одобрения, смеялись. Трудно, наверное, сдерживать или скрывать свои эмоции, если они вызываются подлинным искусством.

Мы ушли из театра расстроенные. Особенно нервничала Тамара Тайзлиная: кончина главы государства неизбежно привела бы к

объявлению национального траура на продолжительное время, к отмене всякого рода массовых мероприятий, наших концертов, к убыткам для импресарио. Артисты наши волновались. Нам явно не везло в этой прекрасной стране: история с костюмами и всеобщая забастовка, сорвавшие наши первые концерты... А что можно было сказать с уверенностью?

– Утро вечера мудренее, – сказал я им, пожелав спокойной ночи и приятных сновидений.

Рано утром 30 июня я спустился к администратору гостиницы, которому всегда приносили столичные газеты. Взглянув на первую полосу газеты «Насиональ», я понял, что произошло печальное событие, имеющее для Аргентины исключительное значение. Газета сообщила народу, что в связи с болезнью генерала Хуана Доминго Перона полномочия главы государства передаются вице-президенту донье Марии Мартинес де Перон, а все партийные фракции Национального конгресса, Кабинет министров и командующие тремя родами войск поддержали это решение, соответствующее Конституции страны. Было понятно, что, если и жив президент, дни его сочтены, что общественность страны, весь народ подготавливают к неизбежной вскоре кончине главы государства. Весь день аргентинцы следили за сообщениями радио и телевидения. У телевизора в холле отеля всё время было много людей, среди них и артисты «Кабардинки». Мы искренне сочувствовали аргентинцам, тревожно ожидавшим кончины Перона, который победил соперников на последних выборах и пользовался поддержкой большинства нации.

Конечно же ни у кого из нас не было того приподнятого настроения, с которым шли всегда на свои концерты. Но в то же время мы были полны желания и решимости превратить два прощальных концерта в столице Аргентины в убедительную демонстрацию жизнеутверждающей силы нашего искусства, достичь на них той высокой степени исполнительского мастерства, которая не оставляет в зале равнодушных, того темперамента, который выгодно отличал наш ансамбль от многих профессиональных коллективов. С таким настроением «Кабардинка» отправилась вечером в Итальянский театр «Колисео» и дала два блестящих заключительных концерта в Буэнос-Айресе. В ходе их казалось, что зрители забыли свою тревогу за жизнь президента, что для них существует только то, что происходит на огромной, слегка покато́й сцене.

В понедельник 1 июля газеты не вышли. Никто не мог сказать что-либо конкретно о состоянии Перона. Не сообщили ничего и по телевидению. Нам нужна была перемена обстановки и хотелось побывать в глубинках Аргентины. Предварительная договорённость уже имелась, мы могли показаться в Росарио, втором по величине городе страны, и в Кордове, где незадолго до нашего прибытия в Буэнос-Айрес происходили вооружённые антиправительственные выступления и теперь ещё не совсем было спокойно.

Но вот в 13 часов 30 минут радио и телевидение наполняют эфир траурной мелодией и доносят до миллионов настороженных граждан Аргентины весть о кончине президента республики Хуана Доминго Перона. Неоднократно повторяется некролог, в котором отмечаются выдающиеся заслуги усопшего в современной истории страны. Радио и телевидение сообщают об объявлении национального траура, в связи с чем отменяются все зрелищные мероприятия. Разумеется, наши выступления не могли быть исключением, и выезд в Кордову отпадает. Нам оставалось ждать и надеяться на возможность увидеть хотя бы Росарио. До позднего вечера мы сидели у телевизора. Утром 2 июля мы снова поспешили к голубому экрану. По знакомому нам Корриентесу длинная траурная процессия направилась к Кафедральному собору. Гроб с телом покойного президента был установлен на артиллерийском лафете. Траурное шествие сопровождали конная гвардия и эскорт мотоциклистов. Шли члены правительства и высшие офицеры, депутаты Национального конгресса. Во главе их безмолвно и печально шла супруга Перона, новый президент Аргентины Мария Эстела Мартинес де Перон. В соборе состоялась траурная месса, после которой процессия обратным путём направилась к зданию Национального конгресса, где решено было установить гроб с телом покойного. Сотни тысяч аргентинцев прощались с Пероном без перерыва до 4 июля, когда в пригородной резиденции «Оливос» состоялись его символические, временные похороны. С этого момента кончался и национальный траур. Накануне в газетах столицы была опубликована телеграмма соболезнования руководителей СССР Марии Эстеле Мартинес де Перон.

Утром 5 июля мы прощались с Буэнос-Айресом. Администрация отеля преподнесла нам скромные сувениры, отметив при этом, что

мы оставляем о себе очень приятные впечатления и хорошую память. В слезах пришли сёстры Байчевские.

– Через два-три года мы увидимся с вами в Советском Союзе, – уверенно говорили они, – за это время мы соберём деньги на поездку.

Скажу откровенно, что нам нелегко было оставлять их в слезах у подъезда «Импалы». Но что было делать? Мы нежно обняли их и отъехали, а они стояли на месте и махали нам руками, пока мы не скрылись за первым поворотом на другую улицу.

Целый час мы выбирались из Буэнос-Айреса, главная магистраль которого была сильно перегружена транспортом. Дальше уже стало легче и от одного города до другого ехали со скоростью 100–120 километров в час в северо-западном направлении. Слева и справа оставались крупные промышленные предприятия аргентинских и американских компаний. Три раза менялись погодные условия – то ливень, то солнце. Ранним вечером въехали в Росарио – центр провинции Санта-Фе, огромный город с населением 800 тысяч человек. Наши автобусы останавливаются у большой и, должно быть, давно построенной гостиницы «Гран отель Италия». В ней просторный вестибюль и столь же внушительный ресторан. До потолков в номерах не достанешь и шестом. Словом, здесь всё огромно, но далеко не уютно – прохладно и темно. Почти всю ночь в ресторане на первом этаже шумно справляли свадьбу, не давая нам спокойно поспать после дальней дороги. Отдых же нам очень был нужен. Ансамбль должен был дать в Росарио четыре концерта – по два 6-го и 7 июля.

Театр «Сиркуло» находился недалеко от гостиницы, и утром 6 июля мы пошли туда пешком. Внешне неказистый, он оказался очень уютным. Построенный более ста лет тому назад в итальянском стиле, «Сиркуло» имеет большой зрительный зал на 1100 мест, просторную сцену, комнаты отдыха для артистов. В зале отличная акустика. Он нам понравился. До обеда шла подготовка к вечерним концертам: прогон всей программы в спокойной обстановке, приведение в порядок сценических костюмов и реквизита.

Отдохнув час, коллектив «Кабардинки» вернулся в театр с намерением провести оба концерта на высоком уровне, завоевать симпатию жителей Росарио, помочь им избавиться от тяжёлых переживаний последних дней. И это ему удалось. Оба выступления прошли

с исключительным успехом. Ещё во время антракта первого концерта были высказаны восторженные отзывы. «Успех невероятный», – говорили мне люди, с которыми знакомил меня директор театра. Неожиданно подошла к нам молодая русская женщина, которая оказалась москвичкой Тамарой Шмагиной, вышедшей замуж за аргентинца Педро Масферреро и приехавшей вместе с ним в Росарио. Она была с маленькой дочкой Таней. После второго отделения десятки зрителей устремились за кулисы, но не смогли пробиться туда, так как по нашей просьбе администрация театра перекрыла все ходы на сцену и за кулисы, чтобы дать артистам возможность отдохнуть. Одному, однако, удалось пройти к нам. Это был Эрнесто Виветти – итальянский артист-гитарист, живущий в Испании. Он поздравил нас с успехом, рассказал о своём пребывании в Москве, Ленинграде, Киеве, Кишиневе и других городах Советского Союза.

– В Испании, – сказал он, расставаясь с нами, – с большим успехом выступала «Берёзка». Вы там прошли бы с триумфом. Вам надо приехать в Испанию.

После второго концерта, закончившегося под долгую овацию в полночь, мы не стали прятаться от зрителей и дали им возможность высказаться.

«Такого мы ещё не видели!» – вот слова, преобладавшие в высказываниях наших новых поклонников, прибежавших к нам за автографами.

– Они все потрясены и в восторге от ансамбля, – с гордостью заявила Тамара Шмагина, прощаясь с нами до утра.

В 11 часов утра 7 июля к нам в гостиницу Шмагина пришла вместе с тремя коммунистами: Педро Масферрером, её мужем, Фани и Эдуардо Миньос.

– Хотим познакомить вас с нашим городом, устроив небольшую экскурсию, если не возражаете, – предложили они нам.

Большинство артистов предпочло остаться в отеле и отдохнуть, приберечь силы к последнему сценическому штурму в Аргентине. Нас, нетанцующих, повели в район города, прилегающий к Паране – одной из самых больших рек Южной Америки, район, являющийся гордостью и любимым местом отдыха. Здесь много зелени и интересных памятников. Своей грандиозностью выделяется монумент Независимости высотой 75 метров. Это мемориальный комплекс,

не оставляющий равнодушных. С волнением читаешь слова генерала Бельграно: «Постараюсь быть достойным звания верного сына родины». Величественная фигура женщины символизирует свободу, завоёванную в длительной борьбе с колонизаторами.

Когда же скоростной лифт поднимает на наивысшую смотровую площадку, город, омываемый с одной стороны Параной, весь оказывается открытым вашему взору. На берегу реки красивый речной вокзал. Недалеко от него бронзовый памятник основателю аргентинского флота, адмиралу Гильермо Брауну, на пьедестале которого высечены слова: «Лучше утонуть, чем спустить флаг». Прибрежный район города богат декоративными деревьями, среди которых мы впервые увидели знаменитое «Пало боррачо» («Пьяное дерево»), ствол которого похож на бутылку.

Наступил вечер, являвшийся для «Кабардинки» весьма ответственным и знаменательным. Позади ровно месяц, как она ступила на территорию Южной Америки, и остаётся всего только 15 часов до того момента, когда ей предстоит покинуть гостеприимную землю самой южной страны Западного полушария. У артистов ансамбля было особое, соответствующее моменту настроение, которое определялось совокупностью таких чувств, как радость от сознания, что месяц жизни и работы в Аргентине завершился благополучно; грусть от того, что вместе с наступившей ночью, мы, вероятно, навсегда расстанемся с этой интересной, пережившей бурю страной; страстное желание превратить оба заключительных представления в победный финиш трудного творческого марафона и связанное с ним волнение.

Трудный был вечер, но оба концерта, которые разделил лишь один час отдыха, наши артистки и артисты провели великолепно. Под сводами столичного театра гремела овация, раздавались громкие выкрики «браво!». Мы с трудом «отцепились» от налетевших за автографами зрителей, сказав им, что спешим, так как можем опоздать на самолёт, которым в десять часов утра вылетаем в Перу. Пожав сотни рук, мы тут же поспешили в гостиницу.

Отношение всех людей, кто видел выступления нашего ансамбля в Росарио, выразила издающаяся здесь газета «Капиталь», опубликовавшая статью «Красота спектакля «Кабардинки» универсальна», в которой говорилось: *«Совершенство спектакля, показанного ан-*

самблем фольклорного танца «Кабардинка», приводит в замешательство журналистов, поскольку им крайне трудно подобрать точные эпитеты для его описания».

В ту беспокойную ночь мы выехали из Росарио в половине первого и в Международный аэропорт Буэнос-Айреса прибыли к шести часам утра, когда происходила смена долгой ночи на день 8 июля. Относительно быстро сдали контейнеры с костюмами и ручной багаж, а Е. Аронов – наличные деньги товарищам из нашего посольства. Мы уже были готовы к вылету, когда объявили, что, ввиду неблагоприятных погодных условий в Сантьяго, вылет самолёта колумбийской авиакомпании «Авианка» задерживается на полтора часа. Здесь было что-то не то. За туманной неопределённостью погодных условий, видимо, скрывалось нежелание чилийских властей принять в столичном аэропорту большую группу советских людей.

В девять часов тридцать минут нас пригласили уже в самолёт, который вылетал прямо в перуанскую столицу Лима, минуя Чили. «Боинг-707», набирая высоту, взял курс на северо-запад. Через час мы оказались уже в воздушном пространстве над Андами – одной из величайших горных цепей земного шара. Под нами проплывали глубокие ущелья, безлесные и лесистые склоны. В течение часа мы проводили глазами несколько белоснежных вершин, отмеченных цифрами 6870, 6720, 6882 и т. д., то есть выше нашего Эльбруса более чем на километр. А мы летим спокойно, будто над равниной, лишь мысленно воображая, сколь сурова природа в районе этих громад. Под нами уже Тихий океан и знаменитый Чилийский жёлоб с отметкой 8050 метров глубины, но он закрыт от нас безбрежным облаком. Так вот и летели, не видя ни океана, ни поверхности Земли почти два часа до самой Лимы. Солнце пекло через иллюминаторы, в салоне было жарко. Пробив облака в стремительной потере высоты, наш самолёт в 14 часов приземлился в аэропорту «Хорге Чавес» перуанской столицы, не показав её нам сверху.

Здесь нас встретил Хуан Дордан – один из трёх братьев-индейцев, занимающихся организацией гастролей художественных коллективов в Перу, Эквадоре и Колумбии, являясь исполнителями воли более богатых импресарио. По их плану, согласованному с Тamarой Тайзлиной, мы должны были начать свою работу в Эквадоре. Одну ночь надо было провести в Лиме, и нас повезли в город. По

пути туда мы впервые увидели в Америке кукурузу. На одних участках она ещё была ниже колен, на других – молочно-восковой спелости, а на третьих – совершенно спелая и сухая. В тот час никто из нас не отказался бы от варёных початков молодой королевы полей, как называем мы кукурузу на родине.

Лима, особенно на её окраинах, не похожа на аргентинские города, мало отличающиеся от европейских. Здесь много живёт индейцев, и это заметно во всём: и в облике заполнявших тротуары людей, и во внешнем виде строений, и многочисленных базарах и на улице, под открытым небом. Разглядывая эти картины, напомиравшие нам Африку и Азию, мы незаметно оказались в центре города и остановились у десятиэтажной гостиницы «Алькасар». Она и стала нашим жилищем до следующего утра. Вечером нас разыскали здесь атташе по культуре Посольства СССР Сергей Янгайкин и вице-консул Владислав Кормушкин. Вскоре после них зашли ко мне Т. Тайзлина, К. Кассио и Х. Дордан, и вместе с ними мы обсудили все проблемы, связанные с проведением наших гастролей в Перу.

Без спешки и обычной суеты собрались мы 9 июля в путь-дорогу. Сергей Янгайкин повёз меня и М. Ахмедова в аэропорт на своей машине несколько раньше, чем выехал туда весь коллектив ансамбля. Стояла хмурая, неприятная погода. В половине второго мы простились с С. Янгайкиным и пошли на посадку в самолёт. Забравшись выше облаков, мы увидели белоснежные вершины суровых и величавых Анд. Стало веселее, хотя и не оставляла нас досада, что Великий океан, над самой окраиной которого летел воздушный лайнер, был закрыт от наших любопытных глаз. Вскоре, однако, решительно всё изменилось. Милосердная природа повернулась к нам совершенно иными сторонами: открылся океан, а высокие горы, казавшиеся безжизненными, сменились на более пологие, покрытые пышной растительностью. Мы словно попали в другой мир. В зелёных долинах горной страны, изрезанных серебристыми лентами речушек, беспорядочно разбросаны небольшие поселения индейцев, которые обрабатывают эти земли. Ярко светило солнце, и тени от редких кучевых облаков падали на землю тёмными пятнами причудливых очертаний. Судя по карте, мы находились над пограничными районами Перу и Эквадора, значит, совсем недалеко от экватора. Экипаж стал медленно снижать самолёт, спустя четверть

часа он был уже над мутным от грязи заливом, а ещё через несколько минут приземлился в аэропорту Гуаякиля – крупнейшего города Республики Эквадор.

Итак, «Кабардинка» на земле Эквадора, государства на северо-западе Южной Америки. Территория республики, название которой происходит от слова «экватор», составляет 270,7 тысячи квадратных километров, включая архипелаг Галапагос и ряд других островов в Тихом океане. Население страны, 30 процентов которого – индейцы, 41 процент – метисы, 10 процентов – негры и столько же – белые, по данным 1972 года, составляло 6,6 миллиона человек. Государственный язык республики – испанский, государственная религия – католическая. Страна древней цивилизации, Эквадор в первой половине XV столетия был завоёван инками, а через сто лет – испанцами, господство которых продолжалось до 1822 года, когда страна по плану Симона Боливара вошла в состав Великой Колумбии. В 1830 году Эквадор был провозглашён самостоятельным государством.

Нас встретили здесь атташе советского посольства Александр Федорович Губаренко, прилетевший из Кито, и местный импресарио Тусет Анхел. Вместе с ними мы сразу выехали в центр города, расположенного на берегу судоходной реки Гуаяс. Гуаякиль – солидный город с населением 800 тысяч человек. Здесь много великолепных зданий, красивая набережная. Улицы с односторонним движением транспорта.

Довольно быстро устроились в гостинице «Гумбольдт Интернационал». После обеда бегло обозрели набережную и центральные кварталы города и вернулись в отель, чтобы отдохнуть пару часов до концерта.

Театр 9 Октября, где состоялся наш единственный в этом городе концерт, не удобен для выступлений таких коллективов, как «Кабардинка»: маленькая, неглубокая сцена без карманов и гримкомнат. Зато зал здесь огромен и вмещает 1800 человек. Несмотря на трудности и неудобства, ансамбль провёл этот концерт на высоком уровне и закончил его под бурную продолжительную овацию зрителей, среди которых находились губернатор провинции Гуаяс адмирал Ренан Альмедо Гонсалес, бывший президент Эквадора Хулио Арселина и другие деятели.

– Вы нам подарили чудесный вечер, сеньор, мучо грасиас, – сказали мне экс-президент и губернатор, крепко пожав руку.

Ночь прошла спокойно. Утром 10 июля в восемь часов все наши товарищи были уже на улице. Было жарко и душно, но мы с удовольствием прохаживались вдоль широкой и полноводной Гуаяс, на которой отблесками лучей утреннего солнца сверкали до десяти различных морских судов. По пути в аэропорт мы удивлялись тому, что на улицах огромного города почти не было деревьев. А ведь климатические условия здесь таковы, что весь город за десять лет можно превратить в ботанический сад.

В половине одиннадцатого небольшой турбовинтовой самолёт поднял нас в воздух и лёг на курс норд-вест. Мы оказались сразу над гористой местностью фантастической красоты: горы, ущелья, водопады, образующие под собой небольшие озёра, леса с цветущими белым цветом деревьями вроде наших алычи и боярышника в весеннюю пору, а впереди – одинокая ослепительной белизны вершина горы Котопах высотой 5897 метров. Через 57 минут наш самолёт мягко приземлился в аэропорту столицы Эквадора – города Кито. Полчаса мы ехали до его центра, поднимаясь всё выше и выше, и не без труда устроились в гостинице «Гумбольдт Капитоль», половина которой ремонтировалась в тот период.

Поднимаясь на свой этаж, я встретился в лифте и познакомился с замечательным сыном индийского народа, выдающимся борцом за мир, Генеральным секретарём Всемирного совета мира Ромешем Чандра и директором Института Латинской Америки Академии наук СССР, доктором экономических наук Виктором Вацлавовичем Вольским, на груди которого сияла «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Приятная была встреча! Я вышел из лифта на их этаже, и в номере Р. Чандра около часа продолжали начатую беседу.

Ранним вечером, проведив коллектив ансамбля в «Театр Сукре», мы с Александром Губаренко поехали в Посольство СССР. Посол Иван Иванович Марчук, опытный дипломат, только что вернувшийся из Москвы после защиты кандидатской диссертации, интересовался многими вопросами, связанными с Кабардино-Балкарией и «Кабардинкой». В тот вечер ему предстояла ещё одна встреча, в связи с чем он решил подъехать к театру перед началом второго

концерта ансамбля. А. Губаренко и я поехали из посольства прямо в театр. Около него стояло очень много машин.

– Судя по количеству автомашин, у нас будет аншлаг, – заметил Александр, с трудом пристроив свою машину на платной стоянке.

– А большего нам и не нужно, – ответил я, и мы вошли в театр.

Настроение у наших артистов было подавленное, некоторые из них жаловались на головную боль. Сказывалась, очевидно, трёхкилометровая высота. Вдобавок на нервы ребят, вероятно, действовали медики, прибывшие к ним за кулисы с кислородными установками. «Значит, – делали вывод любители предсказывать наперёд, – возможно всякое». Я остался с ними, посоветовав Губаренко смотреть концерт из зала. Особенно трудным оказалось начало, пока ребята не научились правильно пользоваться кислородом. Потом всё пошло веселее, хотя танцевать на этой высоте было чрезвычайно трудно. Огромную силу воли продемонстрировали артисты изумлённым эквадорцам, отвечавшим им бурными аплодисментами, возгласами восторга и одобрения. Сверх меры неистовствовали зрители после окончания концерта, прошедшего, даже с нашей точки зрения, на высоком уровне.

Один час отдыха прошёл в хлопотах врача и его помощников – студентов медицинского факультета. Они измеряли у артистов артериальное давление, давали им таблетки от головной боли. Вскоре публика заполнила театр. Среди зрителей было много иностранцев из дипломатического корпуса. Второй концерт я решил смотреть из ложи вместе с И. И. Марчуком, заручившись обещанием ребят сделать всё, что в их силах, для беспорного успеха и отличного финала в Эквадоре.

Надо было видеть своими глазами выступление артистов Кабардино-Балкарии в Кито, чтобы по достоинству оценить, на какое напряжение сил способен человек, преданный своему делу, верный своему долгу. Думаю, большинству очевидцев, побывавших в тот вечер в «Театро Сукре», это стало ясно. Ведь не случайно под сводами театра после концерта долго не смолкала овация, и, как бывает в таких случаях, публика, забыв об усталости артистов, вновь и вновь вызывала их на сцену. Многие зрители устремились к ним за кулисы, чтобы поблагодарить их за прекрасное выступление. Пошли туда и мы с послом.

– Мы восхищены не только вашим прекрасным искусством, но и подлинным мужеством, которое вы продемонстрировали с такой убедительностью, – сказал, обращаясь к коллективу ансамбля, Иван Иванович Марчук и, ещё раз обзрев артистов от края до края сцены, продолжил: – Рад за вас, друзья, ведь редкий артист решится петь в Кито, не говоря уже о том, чтобы танцевать.

Я решил проводить его до машины. По пути к ней, уже на улице, наш посол сообщил мне, что на концерте «Кабардинки» были министр финансов Эквадора Хайме Манкайо, министр образования Гиотермо Арсенталес и Генеральный секретарь правительства республики Карлос Асанса Агирре.

Мы вернулись в гостиницу в час ночи и разошлись по своим номерам, не приглашая друг друга на ужин, как это бывало в Аргентине и ещё раньше в других странах. Утром рано я встал, чтобы наблюдать смену дня и ночи. Она должна была произойти в 6 часов и произошла: экватор делит пополам не только земной шар, но и сутки. В 9 часов стали собираться в вестибюле, чтобы за час до вылета из Кито быть уже в аэропорту.

Все были вялыми и молчаливыми: спали плохо, так как сказывалась высота. Особенно плохо чувствовала себя Тамара Тайзлина.

– Мне так плохо, так плохо. Как живут здесь эти эквадорцы? – проговорила она жалким голосом, обращаясь к нам.

– Держитесь, Тамара Ильинична, скоро вам будет легче, ведь Богота ниже Кито, – успокаивал её Михаил Ахмедов.

Саша Балкаров предложил ей апельсины, заметив при этом, что они обладают целительным свойством при горной болезни, что не раз испытал это в горах Кавказа. Между тем наша компания росла с каждой минутой, ровно в 9 часов мы выехали в аэропорт. Ехали быстро, не зная, что зря торопимся, что нам придётся ждать вылета долго.

В это утро столица Эквадора встречала высокого гостя – президента Мексиканских Соединенных Штатов Луиса Эчеверриа, одного из крупных политических деятелей Латинской Америки. Как это бывает в таких случаях, эквадорские власти предприняли необходимые меры предосторожности: движение около аэропорта было перекрыто, допуск в аэровокзал был ограничен, на всех перекрёстках несли службу усиленные наряды полиции. С многочисленными

остановками мы добрались до аэровокзала и после проверки документов вошли в огромный зал, где суетились сотни пассажиров. Один за другим приезжали к нам работники советского посольства, думая, что мы улетим по расписанию в 11 часов. Подъехал и посол. Разобравшись в обстановке, он предложил мне проехать к экватору. Я с радостью согласился и взял с собой в путь М. Ахмедова и М. Ульбашева.

И. И. Марчук выехал в тот день на машине американского производства «Олосмобиль-99» с восьмицилиндровым двигателем большой мощности, способной развивать скорость до 200 километров в час. Она неслась под гору как птица, делая головокружительные повороты. Мы быстро спускались вниз, и дышать становилось заметно легче. Наконец, проехав километров тридцать, мы остановились на экваторе, у скромного монумента, сооружённого в честь французских учёных, которые в результате огромного научно-исследовательского труда определили трассу экватора. Линия эта проходит через монумент, стоящий на высоте 2483 метра над уровнем моря. Не скрою, нас охватило волнение. Посол предложил нам сфотографироваться на память. Мы стали в ряд, лицом на восток, и местный фотограф с японским аппаратом моментально выдал нам снимок, на котором я стою в Южном полушарии, Иван Иванович – на самом экваторе, а Мутай Ульбашев и Михаил Ахмедов – в Северном полушарии. В небольшом домике, стоящем в десяти метрах от монумента, нам выдали дипломы, свидетельствующие о нашем пребывании на экваторе, после чего мы поехали обратно, метр за метром набирая потерянную высоту. Всю дорогу посол рассказывал нам о стране его аккредитования, где политическая обстановка, казавшаяся стабильной, могла измениться самым неожиданным образом: реакция не дремала, она не хотела мириться даже с робкими прогрессивными по своему характеру шагами военного правительства республики.

Вскоре после возвращения с экватора нас пригласили на посадку в самолёт испанской авиакомпании «Иберия». Мы простились с товарищами из посольства, окружавшими нас трогательной заботой, сердечно поблагодарили их и поспешили к «Дугласу-8». Без четверти два поднялись в воздух и тут на нашу долю выпала неприятнейшая «пятиминутка». Я попросил Евгения Вениамино-

вича проверить, не отстал ли кто-нибудь из артистов при спешной посадке в самолёт. Он обошёл весь салон корабля и, вернувшись с бледным лицом, тихо сказал мне на ухо, что не хватает одного.

– Посчитай ещё раз, – попросил я его. Результат тот же. – Посчитай, пожалуйста, ещё раз, но не спеша, – попросил я его в третий раз.

Вернувшись, уже с восковым лицом, он шепнул мне:

– Ей-богу, не хватает. Что делать, Константин Касимович?

– А кого не хватает, Женя, ты можешь мне сказать? – спросил я его тоном, который хоть чуть-чуть мог успокоить его.

– Не могу, надо обойти со списком, а он у меня в чемодане, – ответил директор ансамбля.

– Евгений Вениаминович! А себя ты посчитал? – спросил я, едва сдерживая своё волнение.

– Нет, себя не посчитал, – ответил он, резко прихлопнув свои уши руками.

Через час «Дуглас-8» пошёл на резкое снижение и, пробив сплошное облако, совершил посадку в международном аэропорту города Боготы – столицы Республики Колумбия. Здесь на 210 метров ниже, чем в Кито, и дышится чуть легче. Полтора часа ушло на получение ручной клади и багажа. Всё это время мы беседовали со встретившим нас атташе советского посольства Эдуардом Викторовичем Кузнецовым, общительным человеком, который оказывал нам впоследствии пристальное внимание и помощь.

На полпути из аэропорта в город мы увидели далеко впереди огромный рекламный щит, на котором крупными буквами были выведены слова: «Водка – настоящая водка, если она русская».

– Вот куда пробралась наша милая, – произнёс я, не удержавшись от смеха.

Довольно быстро оказались в центре огромного города с населением 2664,8 тысячи человек (по данным 1971 года).

«Отель «Кордильера», – прочитали мы вывеску гостиницы, возле которой остановились наши машины. Будучи голодными, мы спустились в ресторан, но он оказался закрытым на перерыв. Эдуард переговорил с хозяином ресторана, и тот сразу же распорядился срочно пожарить для гостей курятину. Через полчаса её стали подавать нам на стол. Мы в спешке пообедали и направились в театр,

находящийся недалеко от гостиницы. Огромный зал и просторная сцена его были весьма подходящими для выступления нашего ансамбля. Несмотря на невероятные трудности, связанные с высотой над уровнем моря и усталостью от дальней дороги, артисты «Кабардинки» провели свой первый концерт в Боготе с удивительным подъёмом, игриво и задорно. Им удалось основательно раскатать скупую на аплодисменты публику. Она осталась довольной концертом и выразила свои эмоции громкими возгласами одобрения и продолжительной овацией. Советские дипломаты во главе с послом СССР Владимиром Ивановичем Андреевым, члены их семей поднялись на сцену и долго беседовали с нашими товарищами, горячо поздравив их с большим успехом премьеры ансамбля в Колумбии.

Работникам нашего посольства очень хотелось сделать нам что-нибудь приятное, и выдвигали различные предложения. Однако все мы единодушно поддержали молодую сотрудницу посольства по имени Наташа, которая заявила, что она с радостью провела бы экскурсию по городу, чтобы познакомить нас с его центральным районом. Из театра мы отправились в отель пешком. Близилась полночь, но на улице было столько людей, что пробирались через них не без труда. Молодёжь шумела, суетилась и толкалась на тротуарах. Шумно было и в вестибюле «Кордильеры», где человек сорок смотрели какой-то фильм по телевидению.

Первая ночь в Боготе прошла отнюдь не спокойно, сказала, видимо, и перемена местонахождения. Мы не успели адаптироваться. Утром многие жаловались на головную боль, вялость, слабый аппетит. Как нельзя лучше подходила прогулка по городу, о которой договорились после нашего первого концерта. Кстати, подъехала и Наташа с маленькой Настей, родившейся здесь год и два месяца тому назад. Настеньки не хватало, её передавали из рук в руки. Сама Наташа оказалась отличным гидом. Она водила нас по городу, толково рассказывая о том, что привлекало наше внимание. А интересных объектов здесь было много: красивые современные здания, католические соборы, различные памятники, знаменитый Музей золотых изделий и т.д. Впечатляли монастырь и огромная белоснежная скульптура «Божьей Матери», которые смотрят на город с крутой горы высотой в несколько сот метров. Вместе с тем в городе много трущоб, много нищих и попрошайек. Они часто встречаются

даже в северном районе Боготы, совсем рядом с фешенебельными особняками дипломатических представительств многих стран мира, расположившимися на нижних склонах Восточных Кордильер.

После экскурсии и обеда мы с Михаилом Ахмедовым поехали в советское посольство к ожидавшему нас В. И. Андрееву. Въезжая в ворота нашего посольства, мы, как и в других странах мира, испытали волнующее чувство, словно оказались на родной земле. Беседа с послом прошла живо и интересно. Этому способствовало и то, что у нас с ним оказалось много общих знакомых по комсомольской работе в Москве. Сам Владимир Андреев в молодые годы работал секретарём комитета комсомола Министерства иностранных дел СССР. Он подробно расспрашивал нас о Кабардино-Балкарии, где никогда не бывал. Должно быть, мы неплохо охарактеризовали свою республику. Так или иначе, провожая нас в начале седьмого вечера, посол обратился к нам с просьбой выступить перед коллективом посольства с рассказом о Кабардино-Балкарии. Предложение это нами было принято.

Из посольства Эдуард Кузнецов доставил нас прямо в театр, где наши артисты вовсю уже готовились к своему второму выступлению в Боготе. Одни из них сидели у зеркала, гримируясь, другие доглаживали свои рубашки, третьи разминались. По всему чувствовалось, что они уже прошли первый этап адаптации и готовятся показать жителям колумбийской столицы искусство высокого класса. Скажу без всякого преувеличения, что им это удалось. Когда под громовую овацию зрителей, заполнивших огромный зал театра, закончилось выступление «Кабардинки», осветитель сцены, обращаясь к нашим артистам, громко сказал:

– Мучо грасиас! (Большое спасибо!). Вы научили наших зрителей аплодировать артистам.

Надо полагать, что здесь, на этой сцене, он повидал немало выдающихся исполнителей и художественных коллективов и имел право делать свои выводы.

На наш концерт в субботу 13 июля пришёл весь состав национального фольклорного, тоже танцевального, ансамбля Колумбии во главе с его художественным руководителем сеньорой Сонией. Артисты этого ансамбля внимательно следили за разминкой, устроенной нашим коллективом перед началом своего представления,

повторяя даже некоторые виртуозные движения солистов «Кабардинки». В ходе же самого концерта они, затаив дыхание, следили за каждым танцем и взрывались громкими словами восторга и овацией после их финала. Во время антракта ко мне подошли три солидных человека. Один из них, представившись директором Института изящных искусств в Санто-Доминго, Луи Хосе, словно жалуясь на кого-то, тоном обиженного заявил мне:

– Сеньор министр! В нашей стране никогда не были советские артисты. Мы прилетели сюда специально, чтобы пригласить вас с ансамблем «Кабардинка» в Доминиканскую республику на десять дней. Убедительно просим вас дать доминиканцам возможность увидеть прекрасное искусство ваших артистов. Будьте уверены, для вас в Санто-Доминго будут созданы необходимые для работы условия.

– Я польщён вашим отзывом о нашем ансамбле и благодарен за приглашение в свою страну, сеньор Хосе, однако ответить согласим сейчас не смогу. Наше решение сообщим вам через несколько дней, если вы оставите нам свой адрес, – сказал я доминиканцу, протянув ему руку на прощание.

– Мы будем находиться здесь до тех пор, пока не обрадуете нас своим согласием, – с улыбкой произнёс он.

– Думаю, что такой поступок увеличит ваши шансы на успех и подстегнёт нас к решению данной проблемы. Мы будем рады видеть вас здесь каждый день, – сказал я ему, возвращаясь в зал.

Концерт прошёл великолепно. Советник нашего посла Владимир Георгиевич Новиков с супругой поднялись на сцену и поздравили наших артистов с успехом. Следом за ними прибежала туда сеньора Сония. Поблагодарив коллектив, она сказала, что очень хочет повезти свой фольклорный танцевальный ансамбль в Советский Союз.

– Мы будем рады увидеть вас в своей стране. А ваш коллега Мутай Ульбашев научит ваших артистов и очаровательных артисток лихо исполнять народные танцы кабардинцев и балкарцев, – ответил я женщине, беззаветно преданной искусству своего народа.

В воскресенье 14 июля мы переселились в гостиницу «Тундама», довольно комфортабельную и находящуюся ещё ближе к театру, чем «Кордильера». В этот день билеты на концерт «Кабардинки»

были проданы по более доступным, как здесь говорят, «народным» ценам. Сам концерт начался на час раньше – ровно в девятнадцать. Наши артисты провели его на большом подъёме. Бесподобно танцевали Светлана Асаева, Надежда Бженикова, Зара Дзахмишева, Елена Жабоева, Людмила Карежева, Валентина Мисакова, Каральби Дзахмишев, Заур Марышев, Руслан Мацев, Хасан Мамбетов, Борис Нагудов, Каншао Соттаев и Хасанби Шомахов. В 10 часов вечера мы уже были в гостинице, что было очень кстати, так как рано утром в понедельник мы должны были вылететь в Медельин – крупный город страны, находящийся на расстоянии более 400 километров от Боготы, в цветущей долине, протянувшейся с севера на юг между двумя хребтами Кордильер.

Клаудио Кассио не смог сделать так, чтобы весь коллектив «Кабардинки» вылетел в Медельин на одном самолёте. В шесть утра из гостиницы должна была выехать в аэропорт одна группа в составе 29 человек во главе с Ахмедовым и Ароновым. Со второй группой на два часа позже могли выехать мы с Ульбашевым. Два часа я занимался испанским языком, которым увлёкся очень серьёзно. Лишь в час ночи выключил настольную лампу, чувствуя, что пришёл сон и свинцом налились мои веки.

Наступило наше время, и мы собрались у подъезда, где уже стоял автобус. Было прохладно. Поёживаясь и потирая руки, некоторое время ожидали Ульбашева и Соттаева, которые решили перекусить перед дорогой. Они были встречены нами аплодисментами и смехом. Сев в автобус, мы отъехали от гостиницы. В Боготе ездят быстро. Выйдя на магистральную улицу, наш автобус тоже помчался лихо. И вот неожиданно молчание в салоне автобуса нарушил Каншао Соттаев.

– Часы! – произнёс он громко. – Оставил в гостинице часы!

– Хорошо, что ты не оставил там что-нибудь мыслящее, – съязвила одна из девушек, – а саквояж свой не забыл?

Я попросил водителя вернуться к «Тундаме». Тамара Ильинична очень расстроилась, боясь, что мы опоздаем на самолёт. Однако её беспокойство, равно как и наша тревога, были напрасны: часы Каншао были на его же руке. Не опомнившись от спешки, с которой покидал гостиницу, он вообразил вдруг, что оставил их в номере на тумбочке. Все громко, от души рассмеялись, стали подтрунивать

над Каншао, который, между прочим, слыл в коллективе чуть ли не самым насмешливым человеком.

Прибыв в аэропорт в половине девятого, мы прождали вылета полтора часа. В 10:03 взлетели, семнадцать минут набирали высоту, но тут же перевалили через хребет, и «Боинг-727» стал снижаться так круто, что казалось, будто он проваливается в бездну отвесно. Перед нами открылась изумительно красивая картина пышно-зелёной долины, в которую уютно вписался Медельин, параллельно ему соединив западные склоны одного хребта, с восточными другого. В 10:30 приземлились в аэропорту «Олайя Геррера». Мы вышли из самолета, и попали в ласковые объятия солнца. Невысокое здание аэровокзала со всех сторон окружали тропические растения, среди которых выделялись кокосовые пальмы. Дышалось здесь легко. А что может быть приятнее этого? Нас повезли в город. В отеле «Нутибара», что стоит в центре города, состоялась радостная, словно после долгой разлуки, встреча с нашими товарищами. Отель был комфортабелен для жизни. В зелёном дворе его большой плавательный бассейн, где желающий гость может купаться в любое время суток. Пообедав в ресторане «Нутибара», мы до позднего вечера знакомимся с центральными районами Медельина. Всё нам понравилось в этом городе, кроме одного: на тротуарах его улиц было много мальчишек-попрошаек, слонявшихся с вытянутыми вперёд руками.

Вечером 16 июля в очень удобном для работы большого творческого коллектива городском театре со зрительным залом на 960 человек состоялся единственный концерт «Кабардинки» в Медельине. Он прошёл очень интересно как для артистов, так и для зрителей, заполнивших зал до предела, хотя билеты на наше представление продавались по дорогой цене – 10 американских долларов за одно место. Были счастливы и импресарио Тамара Тайзлина, и его помощник Клаудио Кассио.

- Только так! – говорили наши ребята.
- Только так! – вторил им Кассио.

После концерта мы ужинали в ресторане все вместе. Сидели здесь до поздней ночи, но ни одного пьяного не увидели. Рано утром Саша Балкаров пригласил меня в бассейн, и мы с ним целый час провели в нём, бороздя его вдоль и поперёк, пока не почувствовали

усталость в мышцах. И когда Саша рассказал об этом уже в автобусе по пути в аэропорт, ребята позавидовали нам.

– Ну конечно же купались вместе с вами и прекрасные смуглянки, – пошутил Мутай Ульбашев.

Замечание это вызвало оживлённый разговор. Все наши мужчины сошлись на том, что Медельин – первый после столицы Филиппинской Республики город, где так много настоящих красавиц. Вывод такой не был преувеличением. Незаметно доехали до аэропорта. Оглядываясь на чудесные тропические деревья с большими, начавшими желтеть плодами, и цветущие розы, наша «дружина» направилась на посадку в самолёт. «Боинг–727» взмыл в воздух. Снова под нами открылся ландшафт, который может поспорить с изумляющими людей красотою Кавказа. Над плантациями тропических культур, возделанных террасами, лежали зелёные горные пастбища, разбитые на большие квадраты узкими лесополосами. Между тем самолёт неожиданно начал снижаться и через 20 минут после вылета из Медельина совершил посадку в каком-то аэропорту, построенном в 20 километрах от города. Здесь мы даже не выходили из самолёта, так как стоянка длилась всего 20 минут. Мы полетели дальше и опять через 20 минут приземлились на аэродроме города Кали, находящемся в 20 километрах от предыдущего аэропорта. Обратите, дорогой читатель, внимание на цифру 20. Она дважды измерила нам расстояние и трижды – время.

Таксомоторы помчали нас в город по хорошей дороге, проложенной через поля и болота. По обе стороны от дороги под палящим солнцем работали крестьяне, работали небольшими группами и в одиночку – кто по пояс в воде (рисоводы), а кто с мотыгами в поле. Труд этих людей по своей тяжести и изнурительности едва ли отличался от труда земледельца эпохи Средневековья. Но только он мог спасти их детей от голодной смерти, и потому, не разгибая спины, они долгие часы долбили землю допотопными орудиями обработки почвы.

Выступление «Кабардинки» перед жителями Кали было назначено на вечер следующего дня в городском Дворце спорта. В течение полутора суток мы могли знакомиться с огромным городом, где проживали около миллиона человек, отдыхать, готовиться к своему концерту. После обеда ходили по центральным улицам города,

более интересного, чем Богота – столица страны. Вечером зашёл ко мне Михаил Ахмедов и пригласил на крышу отеля.

– Я покажу вам то, чего никогда не видели, – сказал он, когда мы подошли к лифту.

Выйдя из подъёмной машины, мы очутились над огромным морем огней вечернего города, отлично видного во все стороны. Но не это было удивительным. А что? А то, что на крыше одиннадцатизэтажной гостиницы оказался отличный плавательный бассейн, где уже резвились наши ребята. Устоять перед соблазном мы тоже не смогли. Полтора часа не вылезали из бассейна, устроив соревнования на долготу пребывания под водой и скорость плавания. Словом, отвели мы душу в тот вечер, и потому, наверное, ночной сон был крепким и спокойным.

Днём 18 июля наши товарищи продолжали знакомиться с городом, а я долго занимался изучением испанского языка. Кстати, в тот день я впервые пришёл к выводу, что мне пора уже обходиться без переводчика и, как бы ни было трудно, общаться с латиноамериканцами на испанском языке.

Отдых в течение полутора суток благоприятно сказался на физическом состоянии и настроении нашего коллектива. Мы с песней поехали во Дворец спорта, находящийся на приличном удалении от центра города. Специально для нашего выступления здесь был сооружён большой помост со всеми специфическими условиями. К 9 часам вечера зрители заполнили громадный зал дворца, и без всякого промедления начался наш концерт. Публика оказалась на редкость приветливой. Возможно, в этом проявилось влияние на жителей Кали международных спортивных соревнований, проводимых здесь довольно часто. Во всяком случае, в тот вечер в огромном зале не умолкала овация. Тысячи людей восхищались, радовались. Радовались и мы. Молодые люди, среди которых были учитель английского языка, конторский служащий, продавец и студентка, восторженно отзывались о концерте «Кабардинки», беря автографы у артистов.

– Как жаль, что вы больше не будете выступать в нашем городе и мы не увидим вас ещё раз, – сказали они, прощаясь с нами.

Вернувшись из Дворца спорта и поужинав, мы поднялись на крышу отеля и до полуночи плавали в бассейне, брызгая друг на друга

холодную воду. Это приятное занятие прекратил директор ансамбля, когда до вылета в Боготу оставалось лишь несколько часов. Перелёт в столицу занял только 35 минут. Здесь нас встретил наш друг Эдуард Кузнецов, как всегда, весёлый и приветливый. Разумеется, жили в «Кордильере».

Все три оставшихся выступления ансамбля состоялись в столичном Дворце спорта, громадном сооружении, рассчитанном на 22 тысячи зрителей. Прошли они очень хорошо, хотя и связаны были с трудностями: в дополнение к большой высоте над уровнем моря нас сковывали холод и необузданный сквозняк, беспрестанно разгуливавший по всей закулисной части дворца. Ребята мёрзли, несмотря на колоссальное физическое напряжение. Во время третьего концерта у Анатолия Хадзегова исчезла каракулевая шапка. Украл её выпивший молодой человек, который представился нашей переводчице Руфине Пахомовой журналистом из Медельина. Во втором отделении своего последнего в Колумбии выступления артисты «Кабардинки» танцевали под почти непрерывную овацию. Ими овладела неукротимая энергия, которая, казалось, отбрасывала прочь кислородное голодание.

Двадцать второго июля в 8 часов утра мы выехали в аэропорт. Вслед за нами туда прибыли посол СССР Владимир Иванович Андреев и Эдуард Кузнецов. Более двух часов ждали мы приглашения на посадку. Мы с послом ходили по залу ожидания, делясь своими впечатлениями: я о Колумбии, а он об ансамбле. Да, чуть было не забыл: накануне, не получив из Москвы ответа на свою телеграмму, я дал назойливым доминиканцам согласие на десятидневные гастроли «Кабардинки» в Санто-Доминго, обещав им заранее сообщить дату прибытия в их страну.

Владимир Иванович Андреев сказал мне, что он остался очень высокого мнения о «Кабардинке» и обязательно сообщит в МИД СССР об этом. После долгого ожидания, наконец, пригласили нас на посадку в самолёт. Мы с грустью расстались с послом, крепко обняв друг друга. Он пообещал мне в первый же свой отпуск приехать в Кабардино-Балкарию. В 11 часов воздушный лайнер «боинг» американской авиакомпании «Бранифф интернэйшнл» оторвался от колумбийской земли с нами на борту и взял курс на Панаму. Прошёл всего один час полёта на средней высоте, и самолёт, круто развер-

нувшись над океаном, стал снижаться, резко теряя высоту. Затем, сделав полный круг над океаном, он пошёл на посадку. При выходе из него нас встретил горячий влажный воздух. После Боготы, где мы всё время ощущали недостаток тепла, было приятно окунуться в такую атмосферу. Не менее тепло встретили нас сами панамцы: играл оркестр народных инструментов, весь ансамбль наш одарили цветами, с приветственным словом обратился к нам дон Хайме Ингрэм – руководитель Института культуры Панама, по существу, Министерства культуры республики, известный пианист, не раз приезжавший в СССР на гастроли. Затем, пригласив нас в помещение, если можно так назвать экзотическое сооружение, крытое тростником, панамцы показали нам несколько национальных танцев в исполнении Ансамбля народного танца. Мы с удовольствием смотрели на них, дружно аплодируя замечательным артистам, темпераментно исполнявшим каждый танец.

Всё это длилось минут двадцать. Потом панамцы пригласили на танец наших девушек, а красавицы-смуглянки, артистки панамского ансамбля – наших парней. Не обошли вниманием и меня. Одна из них, её звали Глорией, лихо водила меня под бравурную музыку, пока я не освоил и не взял «власть» в свои руки. Сделав десятки щелчков фотоаппаратом, подошёл ко мне и заговорил по-русски представительный человек лет сорока, оказавшийся корреспондентом ТАСС, единственным представителем нашей страны в Панаме, Станислав Васильевич Сычёв. Он обрадовал меня сообщением, что в Панаму прибыл и В. В. Вольский, с которым я познакомился в столице Эквадора.

– Я сегодня же сообщу в Москву о приезде «Кабардинки», а завтра о её выступлении, – сказал Станислав Сычёв, расставаясь с нами до вечера.

Среди встречавших был и «наш зять» Риккардо Богот, выпускник ГИТИСа имени Луначарского, который, будучи ещё студентом, женился на русской девушке Ирине, студентке Московского авиационного института. Он хорошо уже владел русским языком и чуть позже оказался отличным гидом в нашей экскурсии по столице республики.

От аэропорта до города мы ехали довольно долго, то приближаясь к берегу океана, то удаляясь от него. Ехали по шоссейной дороге,

которую очень украшают тропические деревья, особенно поистине великолепные королевские пальмы. Но вот и столица Республики Панама, носящая одно с ней имя и протянувшаяся вдоль океанского берега на многие километры. С ходу она производит приятное впечатление. Устроились мы в отеле «Карибе».

В этой стране намечалось лишь одно выступление «Кабардинки», и оно состоялось во дворце спорта «Новая Панама», заполненном десятью тысячами человек. К началу концерта сюда приехали президент Республики Панама Деметриос Базилио Лакас с супругой, ряд высокопоставленных государственных деятелей страны, профессор В. В. Вольский с министром промышленности и экономики Панама, Станислав Сычѳв, дипломаты и журналисты из многих стран мира.

Концерт шѳл просто здорово. На уровне Мирового океана наши ребята не чувствовали усталости и развивали колоссальную энергию. Громом аплодисментов и овацией отвечала публика на каждый номер нашей программы. Во время антракта Хайме Ингрѳм представил меня президенту и его супруге.

– Прекрасный спектакль, – заявил президент и спросил, сколько дней мы будем находиться в его стране. – Я хотел бы принять завтра же в своей резиденции весь коллектив «Кабардинки».

– Утром рано мы вылетаем в Сан-Хосе, – ответил я.

– Раз так, то позвольте назначить этот приѳм на второе августа, когда вы будете возвращаться обратно, – сказал президент.

– Но тогда у нас не будет уже визы в Панаму, – заметила нетерпеливая Тамара Тайзлина, для которой подобного рода встречи составляли великое благо.

– Об этом позаботятся мои сотрудники, – ответил президент.

Здесь же мы встретились с Героем Советского Союза профессором В. В. Вольским и сопровождавшим его министром промышленности и экономики Панама.

– Я видел много художественных коллективов и спектаклей, но такого не встречал никогда, – сказал, обращаясь ко мне, министр В. В. Вольский пообещал мне третью с ним встречу в Гуаякиле, где он должен был находиться в начале августа и где нам предстояла остановка по пути из Сальвадора в Лиму.

Второе отделение нашего концерта совсем уже покорило публику. Во Дворце спорта вспыхнула оглушительная овация, когда был исполнен последний танец. Под этот трудно вообразимый гул от имени президента и его супруги ансамблю преподнесли огромную корзину красивых цветов. Масса взволнованных людей не спешила покидать зал. Многие из них пришли к нашим артистам. Беседа с ними продолжалась долго. Мы их не торопили, стремясь отвечать им вниманием на их доброжелательность и симпатию. В этой беседе принял участие и Хаимэ Ингрэм. Прощаясь с нами глубокой ночью, он сказал мне:

– Дорогой министр! «Кабардинка» покорила моё сердце. Чтобы только увидеть её ещё раз, можно слетать в вашу страну.

– Спасибо, друг мой, за столь высокую оценку искусства нашего ансамбля. Если же вы прилетите в СССР, то заезжайте в Кабардино-Балкарию. Заверяю вас, что у нас вы будете приняты в объятия настоящих друзей.

Будучи уверены, что 2 августа вернёмся в Панаму, мы решили оставить свои чемоданы в отеле «Карибе», сдав их в камеру хранения. В ту ночь мы отдыхали не более четырёх часов. Перед рассветом выехали в аэропорт. В 7:20 «боинг» компании «Панамерикен» поднял нас в воздух. В 8:16 он совершил посадку в аэропорту города Сан-Хосе, столицы Республики Коста-Рика. Менее одного часа из столицы одного государства в столицу другого! Неудивительно при современных скоростях и незначительных масштабах центрально-американских стран. Удивило нас другое: здесь стояла лёгкая прозрачная солнечная погода при нормальной относительной влажности воздуха, и окружающая природа чем-то напоминала нашу.

В аэропорту, находящемся недалеко от города, нас встретили два товарища из Посольства СССР. Секретарь посольства по вопросу культуры Николай Фроленков сразу же расположил нас к себе своей внимательностью и общительностью. Вместе с ними мы поехали в город, ведя оживлённый разговор. От него мы узнали, что Сан-Хосе стоит на высоте 1165 метров над уровнем моря, чем, собственно, и обусловлено обрадовавшее нас своеобразие его атмосферы. Нас разместили в гостинице «Шератон», расположенной в центре города, недалеко от театра, где нам предстояло работать.

Как всегда, мы с М. И. Ульбашевым и Е. В. Ароновым пошли в Национальный театр, предоставив коллективу ансамбля возможность познакомиться с городом. Театр нам понравился, он оказался вполне подходящим для выступления «Кабардинки». В семь часов вечера начали и в течение тридцати минут провели разминку и примерку наиболее массовых танцев к сценической площадке. Всё прошло нормально, ребята и девушки разошлись по гримкомнатам и стали готовиться к выходу на сцену. Я решил рассмотреть зрительскую часть театра. И в вестибюле, и в фойе, и в зале было темно. Но вскоре загорелись огни, и передо мной открылись великолепные монументальные росписи на их стенах и потолках, росписи, над которыми, наверное, долго работали большие мастера живописи.

Громко сигналя и тесня друг друга, непрерывным потоком стали подъезжать к театру легковые автомобили высокого класса и таксомоторы. Празднично одетая публика заняла сначала двор, а затем вестибюль и фойе театра, но в зал не заходила. Лишь за несколько минут до начала концерта она хлынула в него и заполнила до отказа. Ровно в восемь часов вечера открылся занавес.

Зал встретил появление артистов «Кабардинки» абсолютным молчанием. Это нам не понравилось. Сидя в одной из дорогих лож, мы с Тамарой Тайзлиной напряжённо следили за сценой. Всё делалось там так, как надо. Закончился первый танец, и публика одолжила нашим артистам жиденькие аплодисменты.

– Невероятно, – шепнула мне Тамара Ильинична, моментально потеряв покой.

– Не волнуйтесь, разбудят их наши артисты, – ответил я импресарио, будучи огорчён не меньше её.

Иначе быть не могло. С каждым новым номером зал оживал всё более и более, и к середине первого отделения он достиг хорошего накала. Далее всё пошло как нельзя лучше. Публика, представлявшая собой высший свет Коста-Рики, осторожно присмотревшись к ансамблю в начале его выступления, вскоре отдала себя во власть положительных эмоций и стала жить одной жизнью с артистами «Кабардинки», забыв своё происхождение и положение в обществе.

В антракте мы решили пройтись по фойе. Здесь мы повстречались с посланцем Советского Союза Владимиром Николаевичем Ка-

зимировым. Он сообщил нам, что на концерте присутствуют вице-президент, министры иностранных дел и образования, другие государственные деятели Коста-Рики и дипломатические представители разных стран, и что все они в восторге от ансамбля.

Неожиданно для нас в театре оказалось много соотечественников. Сюда в тот вечер с букетами цветов пришли все работники советского посольства и торгпредства с жёнами и детьми. Среди них был и Николай Фроленков с женой и семилетней дочкой Наташей. Общительная и любознательная девочка заговорила со мной об ансамбле. Ей непременно хотелось встретиться с артистами, которые, как она выразилась, «делают чудеса».

– Я должна познакомиться с ними, – заявила она отцу категорически.

– Хорошо, Наташенька, я представлю тебе всех рыцарей «Кабардинки», но это лучше сделать после концерта, – пообещал я девочке, и мы все направились на свои места. Обещание это я выполнил. Не по возрасту развитая русская девочка, подавая свою руку, отвесила поклон каждому из наших парней.

Мир артистов сложен. Порой святая наивность ребёнка сочетается в их характере с непреклонностью мужественного воина. На этом концерте наши ребята были похожи на марафонцев, которые задались целью выиграть спор на огромной дистанции во что бы то ни стало, пусть даже ценой невероятных усилий. И они достигли цели, советское искусство одержало ещё одну победу.

Второе представление «Кабардинки» в столице Коста-Рики проходило в том же «Насионале», переполненном менее заносчивой публикой, с восхищением принимавшей каждый номер программы. На нём присутствовали Генеральный секретарь ЦК партии «Народный авангард» Коста-Рики Мануэль Мора Вальверде и его заместитель и брат Эдуардо Мора. Они не ушли из театра, пока сердечно не поздравили ансамбль с успешным проведением концерта.

В 23 часа мы все поехали из театра в советское посольство. Посол В. Н. Казимиров устроил коллективу «Кабардинки» товарищеский ужин, который прошёл в исключительно тёплой обстановке. Здесь мы познакомились с известным советским шахматистом Давидом Бронштейном и дипломатическим курьером Георгием Рябовым, игравшим в московской футбольной команде «Динамо» вместе с

нашими земляками Александром Апшевым и Владимиром Эштрековым. В час ночи мы простились с гостеприимными хозяевами и с песней поехали в гостиницу. Никто на усталость не жаловался. Сказалось, очевидно, пребывание на свежем воздухе во время приёма, проходившего в открытом помещении.

Утром 25 июля в сопровождении Николая Фроленкова мы выехали в аэропорт. В ожидании вылета провели здесь лишний час. Когда уже позвали нас на посадку, я крепко обнял взгрустнувшего Николая и направился к выходу на лётное поле, замыкая свою большую семью. В 11 часов 55 минут самолёт уже был в воздухе. Внизу изумительную природу гористой Коста-Рики вскоре сменило озеро Никарагуа, тянувшееся несколько сот километров. Пока мы летели над ним, я думал о том, как могут сложиться наши дела в одноимённой с этим озером стране – Никарагуа, где, как известно, многие годы существовал военно-политический диктаторский режим генерала Сомосы, в стране, с которой не связывали нас никакие отношения, где никогда не был ни один творческий коллектив из Советского Союза. Озеро осталось позади, но вскоре же показалось второе, по размерам уступающее первому. Это озеро Манагуа, давшее своё название столице страны, городу, около двух лет тому назад пережившему катастрофическое землетрясение, которое унесло тысячи человеческих жизней.

Через пятьдесят минут после вылета из Сан-Хосе воздушный корабль совершил посадку на никарагуанской земле, в аэропорту, находящемся на приличном расстоянии от главного города страны. И снова, как при выходе из самолёта в Панаме, мы попали в тропическую среду с её более чем тёплым и влажным воздухом.

В зале ожидания иностранных пассажиров нас встретили четыре человека, среди которых большей активностью отличалась молодая элегантная особа, которую Тамара Ильинична представила мне как племянницу президента и одного из руководителей Национального театра. Это была Марсела Севилья Сакаса. В то время, когда мои товарищи занимались таможенными делами, мы беседовали с ней с помощью импресарио.

– Сеньор министр, я должна сделать сообщение, которое может оказаться для вас неприятным, – заявила мне никарагуанка после знакомства.

– Говорите, сеньорита, обещаю вам принять удар судьбы спокойно, – ответил я Марселе шутливым тоном, не допуская мысли о возможности каких-то серьёзных осложнений.

– Вместо пяти предусмотренных контрактом спектаклей мы продали семь, – выпалила она и, сделав паузу, продолжила: – Вынуждены были продать, не справились с публикой – так велико желание наших людей увидеть артистов из Советского Союза. Прошу вас согласиться с нами.

– Интерес вашей публики к нашему искусству меня радует, сеньорита, но нехорошо односторонне принимать решение, на которое требуется согласие и другой стороны. Однако давайте отложим этот разговор на часок, ведь нас ещё могут не пустить в вашу страну, – намекнул я на медлительность чиновников таможни с оформлением въездных документов и тут же добавил: – Тем более, если я не соглашусь с вами.

– Нет, никак нет, мы вас так ждали. Если вы не согласитесь с нами, мы отменим дополнительные спектакли, – сказала она и, извинившись, побежала туда, где чиновники таможни осторожно листали наши паспорта.

Вскоре мы вышли на привокзальную площадь. Вопреки нашим ожиданиям, нас встретили здесь десятки молодых людей. Они вручали нам цветы и приветственные письма, дарили монеты-сувениры. Заиграли музыканты. Всем нам стало веселее. Подошла с букетом цветов молодая женщина и заговорила с нами по-русски. Это была Тамара Маринкина, вышедшая замуж в Москве за студента-никарагуанца и оказавшаяся, таким образом, в чужой далёкой стране. Смешавшись с никарагуанцами, наши товарищи объяснялись с ними на разных языках, привлекая на помощь всевозможные жесты. Пришлось, конечно, основательно поработать Руфине Пахомовой, Тамаре Тайзлиной и нашей соотечественнице.

Было уже почти два часа дня, когда мы выехали в город в большом автобусе, не оборудованном кондиционерами. В нём было душно. Вдобавок вскоре разразился тропический ливень, с которым не идут ни в какое сравнение самые сильные ливни у нас, на Кавказе. Мы остановились, так как ехать дальше было невозможно. В салоне автобуса стало ещё томительней. На наших плечах висели мокрые рубашки. Это было испытание на нерастворимость. К час-

тью, ливень быстро прошёл, и под шум медленно утихающего дождя мы двинулись дальше. Прошло немного времени, и старый автобус, с рёвом вытащив нас на горку, подкатил к подъезду большого пирамидального здания. Это был отель «Интер-Континенталь».

Измученные непривычной духотой, мы поспешили в него и удивились, словно попали в другой мир. В вестибюле было чисто, прохладно, звучала красивая, успокаивающая мелодия. Людей здесь было очень мало, стояла тишина, которую нежным прикосновением нарушала музыка. Администрация разместила нас по удобным номерам, в которых было всё необходимое и не было ничего лишнего.

Хорошо отдохнув, к половине седьмого вечера поехали в «Театро националь Рубэн Дарио». Он оказался одним из лучших в Латинской Америке. В компактном зале с тремя балконами, оборудованном отличной мебелью, 1300 зрительских мест. Сцена огромна и рассчитана на выступление любого коллектива: оперы, балета, драмы и ансамблей всех видов. Театр этот, носящий имя никарагуанского писателя Рубэна Дарио, оснащён современными техническими средствами и обладает великолепной акустикой. Немало удобств создано и для артистов. Вестибюль, фойе, другие помещения его обставлены с тонким вкусом. Фойе театра украшают и освещают три огромные хрустальные люстры, в своё время подаренные президентом Французской Республики генералом Шарлем де Голлем. Работать в этом театре было бы приятно, и после его осмотра я объявил Марселе:

– Быть семи спектаклям, сеньорита!

В мгновение ока она кинулась ко мне и стала обнимать, в радости произнесла: «Мучо грасиас! Мучо грасиас, сеньор!» (Большое спасибо! Большое спасибо, сеньор! – *Исп.*).

Время бежало. Публика быстро заполняла зал. Я направился на отведённое на среднем балконе место. Зрители заполнили оставшиеся свободные места. И вместе с плавным снятием с зала света заиграла наша музыка. Началась первая в этой стране премьера «Кабардинки». Выход наших артистов на сцену публика встретила дружными аплодисментами, и дальше всё пошло, как на самых лучших представлениях ансамбля, когда вся зрительская аудитория то замирает бездыханно, то взрывается раскатами грома от края и до

края. Первое отделение концерта закончилось под овацию, продолжавшуюся несколько минут, в течение которых занавес раскрывался и закрывался неоднократно.

Во время антракта почти все зрители вышли из зала, громко делясь своими впечатлениями от увиденного. Вышел в фойе и я, намереваясь пройти к своим на сцену. Но здесь меня остановила супруга бывшего посла Никарагуа в Париже, элегантная общительная дама, отлично владеющая французским языком. Не теряя ни минуты, она взяла меня под руку и повела в правительственную комнату. Кто-то подал нам бокалы с шампанским. Амелия меня стала знакомить с присутствующими. И каждый раз при этом произносила слова восхищения ансамблем. Но вот антракт подошёл к концу, и все устремились в зал, продолжая шумный обмен впечатлениями о наших артистах. Говорили – и вдруг замерли, будто все в одно мгновение поняли, что тишина – непереносимое условие начала второй половины концерта. Тут же раскрылся занавес, и началось второе отделение представления, с начала до конца прошедшее на самом высоком уровне. После финала на авансцене перед нашими артистами два молодца выставили большую корзину с цветами.

Отремела овация, и людской поток устремился в вестибюль театра. Многие зрители направились к артистам, но попасть к ним было трудно. В сопровождении Амалии и Марселы пришли на сцену два члена правящего триумвирата страны – министры внутренних и иностранных дел Никарагуа. Они поздравили наших артистов с блестящим выступлением, пожелали им новых успехов, приятного пребывания в Никарагуа. После непродолжительной беседы они простились с нами и оставили театр. Разговор продолжили Амалия и Марсела. Они были более чем удовлетворены выступлением «Кабардинки» и несколько раз повторяли слова: «Magnifico concierto» («Прекрасный концерт». – *Исн.*).

Мы вышли из театра в одиннадцать часов ночи. Дул лёгкий ветерок, воды озера Манагуа тихо плескались о берег, а чуть дальше от него виднелись два звёздных неба: одно – реально существующее и другое – его отражение, уходящее в глубь озера. Можно было любоваться ими долго, поглядывая и на восток, где за восемь часовыми поясами начинались западные районы родной страны, но полночь

уже наступала, властно зовя ко сну, и мы поехали в гостиницу, быстро поужинали, поплавали в бассейне и разошлись спать.

Больше видеть и узнать в каждой стране и каждом городе – таков был девиз коллектива «Кабардинки» за рубежом. Не изменил он ему и в Никарагуа и её столице. В 10 часов утра 25 июля мы отъехали от гостиницы с намерением познакомиться с городом, испытавшим ужасы катастрофы. Гада у нас не было, его роль добровольно взял на себя водитель автобуса. Город, который два года тому назад населяли 400 тысяч человек, напоминал нам остатки Карфагена и других городов Северной Африки. Ещё бы: из 70 тысяч жилых домов здесь полностью было разрушено землетрясением 60 тысяч. Были восстановлены лишь единицы из тех, от которых остались стены и перекрытия. Развалины и обломки были расчищены и вывезены на окраины, где в землянках, палатках, шалашах и иных ветхих лачугах, сколоченных из досок, ящиков и фанеры, живут десятки тысяч покинувших разрушенный город людей. Среди них много бедных и нищих – всех возрастов. Ничто не ласкало наших глаз. Всё видимое вызывало жалость и сострадание к людям, на долю которых выпало безрадостное существование в условиях доведённой до крайности социальной несправедливости, усугублённой последствиями страшного землетрясения.

Мы предпочли вернуться в «Интер-Континенталь», который наряду с театром Рубэна Дарио наделён уютом для отдыха и работы. Окружённая королевскими пальмами и гордо возвышающаяся над всей окрестностью, гостиница эта относится к категории редких сооружений, остающихся в памяти на всю жизнь. У её подъезда нас сфотографировали свои фотолюбители, стараясь при этом быть похожими на суетливых газетных репортёров.

Вечером того же дня «Кабардинка» показала два представления. Оба они прошли при аншлаге с большим успехом, под горячие аплодисменты зрителей и их многочисленные возгласы «Браво!». И опять же цветы и цветы с письмами, в которых никарагуанцы выражали радость по поводу приезда в их страну советских артистов, своё восхищение их высоким искусством. Одно из писем было от руководящей хунты театра.

В полночь, когда мы выходили из автобуса, Хасан Мамбетов громко произнёс:

– Пошли в бассейн смывать усталость!

Команда есть команда, и все ребята направились туда, прихватив свои плавки. Один Михаил Ахмедов, чувствуя себя неважно, не стал купаться и, раскачиваясь в пляжном кресле, давал нам команды к заплыву.

Вода освежила нас, сняла усталость. Во втором часу ночи уговорили вошедших в азарт ребят оставить водоём и идти спать. В субботу 27 июля я проснулся в восемь часов. В комнате было темно. Не сразу сообразил, в чём дело, а когда выглянул в окно, оказалось, что идёт густой-густой дождь. Пальмы, окружающие гостиницу, были выкупаны им и радовали своей свежестью. Побрившись и одевшись, я обошёл комнаты наших парней и попросил их долго не ходить по городу и беречь свои силы для двух концертов, намеченных на тот день.

В 16 часов мы снова в Национальном театре. И опять аншлаг. Удивляемся, откуда берётся столько любителей искусства в разрушенном городе. Первый концерт был ярким и эффектным. После него на сцену приходит много зрителей. Среди них оказался Лик Сальвадор Лакайо – писатель и журналист, в прошлом генеральный секретарь президента. Вместе с ним на концерте были трое из шести его детей: Аликс Рехина, Луис Алехандро и Мария Патрисия. Они с интересом разглядывали наших артистов, занятых уже пепси-колой и сэндвичами. Я подарил детям по значку и открытки с видами Кабардино-Балкарии. Они поблагодарили меня привычным уже нам словом «Грасиас!», улыбкой и лёгким поклоном. Меня удивила сдержанность юных никарагуанцев, которые ни разу не прервали отца в течение целого часа. В конце нашей беседы я попросил сеньора Лакайо сказать несколько слов о катастрофе, постигшей Манагуа в 1972 году.

– Землетрясение уничтожило столицу Никарагуа в ночь с 22-го на 23 декабря, – начал он свой печальный рассказ. – Первые толчки большой силы произошли в 00 часов. Они вызвали немало разрушений и жертв, особенно в тех районах города, где в ветхих домах проживала беднота. Вторая серия толчков ещё большей силы встряхнула город в час ночи и не оставили в целостности почти ничего. Толчки, завершившие трагедию города третьей очередью, про-

изошли в 2 часа 30 минут. Театр, в котором выступает «Кабардинка», избежал разрушения благодаря тому, что озеро, вышедшее из своих берегов мощной волной после первых же толчков, залило его до крыши, и вода явилась спасительной амортизацией для огромного здания. Вот так-то, – заключил он тяжёлое воспоминание и добавил: – Мне кажется, наши люди впервые забыли о своей трагедии, присутствуя на спектакле ваших замечательных артистов.

Приближалось начало второго концерта. Я простился с этим обаятельным человеком, шутя заметив:

– Кто знает, быть может, где-нибудь, когда-нибудь продолжим наш разговор.

Он поблагодарил меня, сказал, что был бы очень рад встрече или письму и назвал свой адрес.

В гримкомнатах царило оживление. Чувствовалось, что все довольны публикой, тепло принимавшей советских артистов. Всюду лежали яркие ароматные цветы, дорогие сердцу каждого артиста мира. Девушки складывали их в букеты. Парни наперебой рассказывали разные истории. Молодая никарагуанка угощала крепким кофе.

В тот день совершенно неожиданно для нас на второй концерт «Кабардинки» прибыл президент Сомоса Дебайле Анастасио. Лишь за две минуты до открытия занавеса нам стало известно об этом. Прибежала впопыхах за кулисы Тамара Тайзлина и, обращаясь ко мне, громко сказала:

– Господин министр, скорее в зал, там президент Сомоса. Он приглашает вас в свою ложу.

– Успокойтесь, сеньора. Если президент Никарагуа желает пригласить меня к себе, то он сделает это не через бразильянку, а своего подданного, – ответил я ей спокойно и посадил на стул, стоявший около рабочего сцены, державшего уже свой палец на кнопке третьего звонка.

– Простите, я этого не понимаю, я же не дипломат, это вы... – произнесла она, раскрывая свой маленький веер.

В этот момент грянула музыка, запахнулся тяжёлый занавес сцены и начался концерт. Он прошёл безукоризненно хорошо. Каждый танец заканчивался под гром аплодисментов. После окончания

представления многие зрители устремились на сцену с цветами в руках. Пришла и Марсела. Она сообщила, что президент очень высоко отзывался о «Кабардинке» и пожалел о том, что не состоялась наша встреча с ним.

– Милая Марсела, если бы господин президент поручил передать мне о своём желании встретиться со мной вам, то эта встреча могла состояться, – сказал я очаровательной племяннице Сомосы и пожелал ей спокойной ночи.

Так закончился третий день нашего пребывания в Никарагуа. Пять концертов из семи ансамбль провёл успешно. Ещё два концерта 28 июля – и прощай, Никарагуа! Ансамбль подготовился к ним основательно и провёл с триумфом. Марсела устроила нам после них прощальный ужин в баре театра. Мы просидели там в отличном настроении до двух часов ночи и вернулись в «Интер-Континенталь». Руфина Ивановна Пахомова обрадовала меня, вручив переведённые на русский язык тексты отзывов никарагуанской печати на выступления «Кабардинки». Приведу здесь некоторые из них в сокращённом виде.

«Спектакли ансамбля «Кабардинка» в переполненном Национальном театре Рубэна Дарио свидетельствуют о том, что Манагуа, город, превращённый в развалины и пустыри, поддерживает тесные связи с мировой культурой. Именно такие спектакли, как этот, достойный лучших сцен мира, могут вдохнуть жизненные силы в город, возрождающийся из руин» – так начал свою статью Горацио Руис в газете «Ла пренса». – Среди прочего, – продолжил автор, – танцы «Кабардинки» очаровывают зрителя глубоким различием в выражении мужского и женского характеров. Мужчина всегда быстр и ловок, он бросает вызов другим, желая показать своё умение и силу. Женщина рядом с ним целомудренна, прекрасна и служит нежным украшением мужчины в его динамичных воинственных танцах... Прекрасным примером женственности балерин является лирический танец кавказских девушек – настоящая поэма, воплощённая в движениях. Трудно представить себе более яркое исполнение этого народного танца – вершины выражения женственности девушками ансамбля. Плывущие в идеальном порядке по сцене, они являют собой ангельский ансамбль, достойный совершенного эстетического представления. Что касается мужчин, то они до-

стигают вершины исполнительского искусства в танце «На холме». Одетые в чёрное, они выполняют па, полные естественности, лишённые излишеств и прыжков, рассчитанных на эффект. Сила этого танца в его подлинности и самобытности. Следует отметить, что если бы вся программа «Кабардинки» содержала лишь эти два танца, то можно было бы выстоять огромную очередь, чтобы увидеть только их... В заключение следует сказать, что приезд «Кабардинки» дал почувствовать Манагуа, что она возрождается из руин, поддерживая тесные связи с остальным миром».

В другой статье, которую её автор Хосе Антонио Агилар озаглавил: «Русские одного роста, что и мы. У них отличный юмор», говорится:

«Русские внешне совсем не такие, какими их представлял наш народ. Образ русского человека, искажённый кинофильмами, представляет нам его ловким, расчётливым и, кроме всего прочего, консервативным в своих привычках. Однако участники ансамбля «Кабардинка» являют собой обратный пример. Они одеты по-европейски, у них прекрасное чувство юмора».

Ещё одна статья. Она называлась: «Кабардинка» – уникальный ансамбль». Её автор – Марио Альфало Альварадо. В ней сказано: *«Тот факт, что в Никарагуа, где упразднено московское время, в первый раз состоялся спектакль советских артистов, сам по себе вызывает интерес, привлекает внимание. Представление «Кабардинки» можно считать спектаклем высшего класса, достойным любой страны мира...»*

В огромном ассортименте кавказских танцев, в которых костюмы и другие атрибуты играют очень важную роль, символизируются различные темы и чувства: любовь, ревность, верность, гордость, тщеславие. Характерной чертой танцев «Кабардинки» является вулканизм и динамизм танцев мужчин, противопоставляемые пластичности, ласкающе нежным движениям женщин. Можно было бы сказать, что, когда мужчины и женщины танцуют вместе, они не выполняют свою фигуру, а дополняют друг друга... Красивые, подобно византийским девам или гуриес, описанным в Коране, горянки похожи на существа, вышедшие из легенд, которые они же и воплощают на сцене, когда с помощью магических движений ног плывут по сцене, как по облакам».

Много таких лестных отзывов высказали о нас здешние газеты ещё до того, как состоялись два заключительных концерта в разрушенной землетрясением столице Никарагуа. Они же закрепили триумф советского искусства в стране, где десятилетиями реакционная пропаганда неустанно вбивала в головы людей клеветническое, фальшивое представление о нашей стране, нашем народе.

Время уже близилось к отъезду. В 11 часов утра 29 июля выехали за визами в посольство Сальвадора, которое мы с трудом отыскали где-то далеко от Манагуа. Здесь мы потеряли много времени. В аэропорту тоже, по непонятным причинам, задержались с вылетом ещё два с половиной часа. Лишь без четверти четыре пополудни на самолёте панамской авиакомпании «Копя» поднялись в воздух. Снова полетели над озером Манагуа, в конце его справа оставили вулкан Ираксу и оказались над плодородной долиной с разбросанными далеко друг от друга хуторами. Но вот мы в облаках, ни зги не видя вокруг. И будто для того, чтобы нам не было скучно или грустно, стюардессы подают нам виски, напиток весьма популярный на Западе, приятный, приемлемый, если в меру, даже без закусок. Вскоре самолёт пробился сквозь облака, и мы увидели белоснежные контуры Тихоокеанского побережья Сальвадора. Ещё четверть часа продолжался полёт над гористой местностью, прежде чем показался окружённый потухшими вулканами город Сан-Сальвадор – столица Республики Эль-Сальвадор. В половине пятого мы ступили на её землю.

Очень тепло встретили нас сальвадорцы. Цветы, слова приветствия, пенный холодный кофе с молоком, прохладительные напитки, короткая беседа с сеньорой Риной, президентом «Патронато про Культура» и её юной племянницей Анной Кристиной, интервью с журналистами – всё это длилось около часа, в течение которого были проштампованы и наши паспорта. Мы поехали в город по отличной дороге, с интересом разглядывая окружающую природу, отличающуюся разнообразием рельефа и пышностью своего зелёного наряда. Здесь влажность воздуха была ниже и дышалось легко. Сказывались, видимо, два фактора: город находится севернее и несколько выше над уровнем моря, чем столица Никарагуа. Отель «Ритц Континенталь», расположенный в центре города, стал нашим домом на несколько дней.

В тот же день, по приглашению сеньоры Рины, Тамара Ильинична, Валентина Мисакова, Анатолий Хадзегов и я поехали в кинотеатр «Сине Президенте», где должны были состояться выступления «Кабардинки». Признаться, ехали туда с какой-то досадой в душе: кинотеатр есть кинотеатр. Прибыв на место, были немало удивлены.

Мы вошли в великолепный концертный зал, оборудованный с комфортом. Нас посадили в самом центре большого зрительного зала. Скоро должен был начаться концерт Нельса Фрейре. Публика собиралась нарядная, должно быть – одна аристократия. Сеньора Рина ещё до начала концерта Нельса Фрейре представила нам трёх правительственных чиновников, которые тут же пересели к нам. Через два часа мы вернулись в гостиницу, довольные и концертным залом, и царившей в нём атмосферой доброжелательности, и незаурядным исполнительским мастерством музыканта.

Яркое неотразимое солнце стояло над Сан-Сальвадором 30 июля 1974 года. Даже при очень большом желании незакалённый человек не смог бы долго ходить по улицам раскалённого города. Поэтому знакомство с городом мы ограничились короткой прогулкой по его центральным улицам в утренний час. Всего полчаса провели и в плавательном бассейне на крыше отеля, так как солнце жгло и в воде. Все с нетерпением ждали вечера. И когда наступил, наконец, момент отъезда в «Сине Президенте», наши ребята собрались очень быстро. Увидев театр, они очень обрадовались и стали тщательно готовиться к выступлению. Концерт провели превосходно. Чувствовали себя на седьмом небе наши хозяйки. После того как публика покинула зал, сеньора Рина, придя к артистам «Кабардинки» с сеньоритой Анной, поздравила их с невиданным, как она сказала, успехом и от своего имени и от имени министра иностранных дел республики, присутствовавшего на концерте. Взволнованный увиденным и широко улыбаясь, артистов ансамбля горячо поздравил и выпускник Калининского медицинского института Сальвадор Перес, разговаривая по-русски свободно и почти без акцента.

Прошла ночь, и утром пораньше мы часа три познакомились с городом. В полдень, когда тропическое солнце, казалось, могло прогнать с раскалённых улиц всё живое, к нам в гостиницу явился Сальвадор Перес, чтобы узнать, нет ли у нас больных, нуждающихся в помощи врачей. К счастью, никто из нас серьёзно не болел. По по-

воду же некоторых недомоганий он сделал себе записи и пообещал принести нужные лекарства. Он долго рассказывал мне о своих делах и планах на будущее, о родной стране, об учёбе в медицинском институте, товарищах по факультету, преподавателях и русской девушке Вере из Калинина (ныне город Тверь), на которой он женился и которую ждёт в декабре.

Наше второе представление решено было провести во Дворце спорта Сан-Сальвадора, и мы выехали туда заблаговременно, чтобы без спешки подготовиться к нему с учётом особенностей спортивного сооружения.

По дороге туда Т. И. Тайзлина неожиданно объявила:

– Вас ждёт приятный сюрприз, господа. Из Мехико прилетел мой давнишний друг – Рафаэл Гаона. Он хочет пригласить ансамбль в Мексику. Это невероятно интересно.

Сообщение импресарио вызвало оживление в салоне автобуса. Большинство ансамбля приветствовало возможность увидеть эту интересную страну и выступить перед её народом.

– Поедем, поедем! – раздались громкие голоса ребят.

– Если понравится мексиканцу, – сказал я спокойным голосом, поднявшись с места.

Мы вошли во дворец, не похожий ни на один из тех, которые встречались нам раньше. Он был необычен и неуклюж, но громаден. Зрительская трибуна, рассчитанная на 15 тысяч человек, круто уходила ввысь, далеко-далеко. До начала концерта оставалось ещё два часа, и, естественно, в зале не было никого, кроме тех нескольких человек, которые должны были привести в порядок арену, подготовить место для оркестра, наладить освещение и звуковую аппаратуру. Во дворце было душно, влажность воздуха, можно сказать, превышала всякие рекорды. Не верилось, чтобы в этот дворец пришло много людей. Если же их будет мало, то они покажутся здесь каплей в море. Но мы готовились к трудному выступлению, намереваясь сделать его похожим на все заключительные концерты «Кабардинки». За час до начала подъехал и Рафаэл Гаона, обвешанный кинокамерой и фотоаппаратом.

Когда открыли дворец для зрителей, лавиной хлынула в него масса людей. Огромная трибуна заполнилась за 15–20 минут, а люди шли и шли, занимая проходы. И они заполнились до отказа,

и публика стала вплотную окружать спортивную арену, на которой предстояло танцевать нашему ансамблю. Не менее 20 тысяч человек, любящих искусство, образовали здесь человеческое море, с нетерпением ожидавшее выхода советских артистов, готовое прийти в штормовое движение вместе с началом их представления.

Нам и прежде не раз приходилось видеть бурную реакцию зрителей на искусство «Кабардинки». Но то, что происходило во Дворце спорта столицы Сальвадора вечером 31 июля 1974 года, было выше всех наших ожиданий. Простые, трудовые люди Сан-Сальвадора и близлежащих населённых пунктов, юноши и девушки из небогатых и бедных семей безудержно выражали свой восторг и восхищение мастерством наших артистов. Трудно было дочерям и сынам Кабардино-Балкарии в тот вечер. Почти три часа вместо двух длился этот незабываемый концерт. Все танцы исполнялись на бис. Нелегко пришлось и сеньору Гаона, который снимал весь концерт кино- и фотокамерой, не имея ни минуты отдыха.

Более часа ушло на сборы после концерта. Сотни молодых сальвадорцев успели получить за это время автографы советских артистов. Ехали в гостиницу в полночь, довольные и счастливые, но без шума. Давала знать усталость, но радостью светились у всех глаза. Когда вышли из машины у подъезда отеля «Ритц Континенталь», Рафаэл Гаона протянул мне руку и громко, чтобы слышали все, сказал:

– Я рано утром улетаю. Очень хочу увидеть вас в нашей стране. Прошу не возражать. Ваше посольство поддержит меня. До свидания в Мехико!

Так, неожиданно для нас, возник вопрос о поездке в Мексику. Наше намерение вернуться в Панаму 1 августа не осуществилось. Как объяснили нам Т. Тайзлина и К. Кассио, ни одна авиакомпания не согласилась вывезти нас из Сан-Сальвадора раньше 3 августа. Таким образом, нам ничего не оставалось, как отдыхать здесь двое с половиной суток, продолжая знакомиться со страной и её столицей. Хозяйки наши – сеньора Рина и сеньорита Анна Кристина предложили нам простой и удобный план: первого августа – экскурсия по городу, второго – поездка к действующему вулкану Алка. В полдень 1 августа они повезли нас всех на обед, устроенный ими для «Кабардинки». Он прошёл в дружеской обстановке, в которой

было хорошо, пожалуй, всем, кроме Руфины Пахомовой. Ей пришлось переводить оживлённый разговор, происходивший за столом на русском и испанском языках. Я восхищался спокойствием, трудолюбием и мудростью этой женщины, успевшей услышать, понять и воспроизвести на другом языке высказывания многочисленных участников застолья. Вечером мы вернулись в отель и отвели душу в бассейне на его крыше. В двенадцать часов ночи по команде директора все разошлись спать, чтобы хорошо отдохнуть перед предстоявшей дальней дорогой к знаменитому вулкану.

За два месяца жизни в Западном полушарии это был первый случай, когда мы выезжали на экскурсию за пределы города, на природу. Примерно час ехали по отличной шоссейной дороге, затем свернули с неё, пошли на крутой подъём и вскоре оказались в царстве кофейных плантаций. Мы давно хотели увидеть кофейные деревья и, конечно, тут же решили «спешиться» и пощупать их своими руками. Стояло абсолютное безветрие, солнце уже пекло сильно. Мы вошли в заросли и, нарвав по горсти зелёных кофейных орешков, двинулись дальше по горной дороге.

Чем выше поднимался наш автобус, тем легче нам дышалось, всё дальше и дальше раздвигался горизонт, и перед нами открывалась чудесная панорама резко пересечённой, богатой растительностью местности, на которой расположились едва заметные карликовые населённые пункты. На приличной высоте в горах, у подножия вулкана раскинулось большое красивое озеро. Сотни людей проводили на нём свой отдых. Лишь на несколько минут остановились мы около него. А через полчаса автобус поднял нас на безымянную высоту, с которой удобно наблюдать вулкан. Здесь, кстати, есть всё, что надо туристам: обширная стоянка машин, смотровая площадка, кафе, фотосервис. Мы долго рассматривали с близкого расстояния вулкан, который ещё совсем недавно извергал огненную лаву, а теперь дышал не то дымом, не то паром, неизвестно на какое время прервав свою активную «работу». Грозная сила, таящаяся в недрах Алки, ещё не раз может потрясти окружающую его землю. А пока он дремал, словно ждал чью-то команду. Примерно такое впечатление уносит отсюда каждый, кто хоть раз внимательно смотрел на кратер вулкана с соседней горы.

Обратная дорога тоже была интересной: ехали быстро, если не сказать лихо, жара заметно спала. В одном из хуторков остановились, чтобы купить мандарины, а несколько позже сделали большой привал, во время которого искупались в небольшой речке с запрудами и пили кофе. В Сан-Сальвадор вернулись к заходу солнца. Т. И. Тайзлиной здесь уже не было, в полдень она вылетела в Панаму, чтобы доставить в аэропорт наши чемоданы, оставленные в гостинице «Карибэ». Последние дни ей было не по себе, оттого что приём «Кабардинки», назначенный президентом Республики Панама на 1 августа, вообще мог не состояться. Для неё эта встреча имела значение.

Вечером пришёл к нам проститься Сальвадор Перес, а вслед за ним и Орландо, который окончил режиссёрский факультет ГИТИСа в Москве. Мы о многом поговорили с ними и в десять вечера проводили домой. Мужчины наши поднялись на крышу отеля, чтобы еще раз окунуться в полюбившийся плавательный бассейн.

Утром 3 августа пришла к нам сестра Орландо. Симпатичная смуглянка вручила каждой из наших девушек скромный подарок. Она была признательна нашей стране за великолепное образование, которое получил у нас её брат. Очень трогательным было её прощание с артистами Кабардино-Балкарии, которые, очевидно, очень понравились сальвадорцам и за полное радости искусство, и за общительность их, и за скромность, присущие горцам.

В обед Руфина Ивановна принесла перевод большой статьи, опубликованной в газете «Эль Мундо» («Мир») под заголовком: «Блестящее выступление «Кабардинки» в Сальвадоре». Начав словами: *«В течение двух вечеров танцевальный ансамбль «Кабардинка» знакомил публику Сальвадора с мало известным ей искусством, заслужив восторженные овации тех зрителей, которым посчастливилось попасть на спектакль в Президентский театр и Национальный дворец спорта, – автор статьи далее пространно рассуждал о каждом номере программы и делал вывод: «Руководство Общества пропаганды культуры ещё раз способствовало тому, чтобы жители Сальвадора увидели спектакли высокого художественного содержания».*

В аэропорту перед вылетом из Сан-Сальвадора просидели на час больше положенного. Лишь в половине шестого позвали нас

на посадку в небольшой самолёт коста-риканской авиакомпании, чем-то напоминавший «Каравеллу». Через полчаса полёта стало темно. В 19 часов 37 минут приземлились в огненно-многоцветной столице Республики Панама. Здесь было очень душно, и мы поспешили в зал отдыха транзитных пассажиров. Навстречу нам, широко улыбаясь, кинулась Т. Тайзлина, с нетерпением ожидавшая нас более суток. Вещи, оставленные нами в Панаме, были уже сданы ею американской авиакомпании «Бранифф», которая взялась доставить нас в Лиму. В 21 час 20 минут огромный самолёт, все места которого были заняты пассажирами, поднялся в воздух и взял курс на столицу Перу. Многие из наших товарищей вскоре заснули. Это было разумно, так как предстояла далеко не лёгкая ночь.

Ровно в полночь с 3-го на 4 августа мы прилетели в Лиму. нас встретили в этот поздний час Хорхе Дордан, Сергей Янгайкин и консул Виктор Форин. Оформление въездных документов и получение багажа заняли очень много времени. Лишь в половине четвёртого мы, до предела измученные, выехали на загородную базу отдыха «Сентро вакасиональ» Национального управления туризма. Мы, по существу, не спали в ту ночь. Зато утром после завтрака решили «взять реванш» и до 12 часов спали безмятежно. Был воскресный день. Прекрасная солнечная погода, нормальные температура и влажность воздуха, красивая гористая местность, которую пересекала быстрая журчащая речка, – всё это ласкало взгляд и радовало нас, испытавших «прелести» тропической жары. До самого вечера мы гуляли по обширной территории базы, жадно вдыхая свежий воздух, насыщенный кислородом.

Пятого августа мы переехали в Лиму и устроились в отеле «Боливар», который своим главным фасадом выходит на центральную площадь города с величественным памятником генералу Сан-Мартину – одному из самых выдающихся вождей освободительного движения народов Латинской Америки. Гостиница эта отвечала многим требованиям комфорта, и это сказалось на настроении наших товарищей, которых вскоре пригласили на пресс-конференцию для перуанских журналистов. В час дня её открыл пресс-атташе советского посольства Михаил Рой. Мы ответили на все вопросы журналистов, интересовавшихся многими сторонами жизни

народов СССР и нашего ансамбля, сфотографировались с ними по их просьбе и разошлись.

Из всех стран, в которых нам приходилось бывать раньше и позже, Перу представляется мне более разнообразной и в природно-климатическом, и в хозяйственном, и во многих других отношениях. Она является и более индейской. Одних представителей народа кечуа здесь насчитывается 6 миллионов человек. В стране открыто действует ряд политических партий. Перуанская коммунистическая партия, созданная в 1928 году Хосе Карлосом Мариятеги, представляет передовую часть рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Она поддерживает прогрессивные социально-экономические мероприятия военного правительства, оставляя за собой право критиковать его в тех случаях, когда оно проявляет непоследовательность в осуществлении этих мероприятий, в защите национальных интересов перуанского народа.

Мы ещё не раз расскажем о своих впечатлениях от пребывания в этой стране, а сейчас вернёмся к памятнику, стоящему на центральной площади её. Памятник этот решён в традициях XIX века: генерал восседает на боевом коне. Он не оставляет безразличным никого. На нём значатся слова: «НАЦИЯ ГЕНЕРАЛУ ХОСЕ ДЕ САН МАРТИНУ». Надпись на левой стороне высокого пьедестала гласит: «СОЛДАТЫ! ЭТО ПЕРВЫЙ ФЛАГ, КОТОРЫЙ БЛАГОСЛОВЛЯЮТ В АМЕРИКЕ. ПОКЛЯНИТЕСЬ ВМЕСТЕ СО МНОЙ УМЕРЕТЬ, ЗАЩИЩАЯ ЕГО».

Самому генералу принадлежат как эти, так и приводимые ниже слова, высеченные на правой стороне пьедестала памятника: «С ЭТОГО МОМЕНТА ПО ВОЛЕ НАРОДОВ, ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ, ПО ВЕЛЕНИЮ БОГА ПЕРУ – СВОБОДНАЯ И НЕЗАВИСИМАЯ СТРАНА».

Глядя на памятник человеку, героически сражавшемуся за свободу народов Латинской Америки, наши товарищи говорили, что со временем, наверное, украсит одну из площадей Москвы памятник Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. Весть о смерти выдающегося полководца, дошедшая до нас, когда мы ещё находились в Аргентине, острой болью отозвалась в наших сердцах. Многие газеты Буэнос-Айреса опубликовали тогда краткую биографию и большой портрет Жукова, подчёркивая его большую роль в разгроме гитлеровских захватчиков под Москвой и взятии Берлина. Сегодня такой памятник устанавливается.

Первое выступление «Кабардинки» в Перу состоялось в «Театро Мунисипаль», находящемся недалеко от отеля «Боливар». Наши артисты работали самоотверженно. Они лишили равнодушия всех зрителей. Трудно было успокоить публику после концерта. Она долго продолжала овацию, вызывая и вызывая артистов на сцену. За кулисы с цветами пришли сотрудники нашего посольства во главе с временным поверенным в делах СССР в Перу Юрием Константиновичем Домшиным. Обращаясь к коллективу ансамбля, он сказал:

– Вы принесли сюда с далёкого Кавказа гордость духа, высокий темперамент и радость жизни. На долю вашего коллектива выпал в этот вечер огромный творческий успех. Спасибо вам большое! Мы ждём вас завтра в нашем посольстве!

Большую часть дня 7 августа мы все находились в нашем посольстве, устроившем обед, за которым не было скучно. Юрий Домшин ещё раз поздравил ансамбль с большим успехом на премьере. Выступали с тостами другие дипломаты, сердца которых всегда обращены к родине. Мы тоже отвечали им словами благодарности и добрыми пожеланиями, приглашением в гости в Кабардино-Балкарию. Вечером в том же муниципальном театре ярко и празднично прошёл второй концерт «Кабардинки». В переполненном зале лучшего театра Лимы в тот вечер находилась первая дама страны сеньора Консуэла – супруга главы государства, взволнованно аплодируя нашим артистам. На концерте я познакомился, совершенно неожиданно, с Александром Плисецким – родным братом знаменитой Майи Плисецкой. Он высоко оценил искусство «Кабардинки». Мне не пришлось встретиться, но, как сообщили позже товарищи из посольства, на этом представлении нашего ансамбля присутствовал и Генеральный секретарь ЦК Перуанской компартии Хорхе дель Педро, тепло отозвавшийся об искусстве ансамбля.

Рано утром 9 августа мы выехали на северо-западную окраину Лимы, и перед нами открылись синие дали Тихого океана. Наши машины круто повернули на север и на большой скорости понеслись по шоссейной дороге, черной лентой извивающейся над белоснежным прибоем беспокойного в то утро океана. Умеренно высокие волны его, словно управляемые какой-то божественной силой, следовали друг за другом на одинаковом расстоянии и разбивались о берег, начиняя воздух запахом горько-солёной океанской воды.

Казалось, земля, прилегающая к океану непосредственно в районе между экватором и Южным тропиком, должна быть богатой, вечно зелёной и пышной. Между тем, справа от нас лежала серая, почти безжизненная пустыня с песчаными барханами.

Путешествие ансамбля завершилось в тот день в 18 часов оставкой у подъезда гостиницы «Опт Гарис отель» в центре города Трухильо. В этой уютной гостинице мы быстро разместились, пообедали и сразу же поехали во Дворец спорта «Колисео», где должен был состояться наш единственный концерт в Трухильо. Такой дворец мог украсить город с миллионным населением. Конечно же, нельзя было ожидать, чтобы зрители заполнили его до предела – слишком мал для этого город. Однако несколько тысяч жителей Трухильо пришли сюда в тот вечер, чтобы посмотреть выступление наших артистов, и не пожалели. Более двух часов они с большим интересом наблюдали красочное представление «Кабардинки», выражая свои эмоции всеми доступными для этого средствами. Многие из них окружили нас после концерта, чтобы разглядеть поближе, получить автографы, поговорить с представителями далёкой от Перу страны. Они смотрели на нас добрыми глазами, стараясь увидеть нечто такое, что отличает нас от них. Когда мы вернулись в отель, нас у подъезда встретили десятки местных жителей с просьбой дать им автографы. Нашлись и такие, которые во время ужина пили пиво за наше здоровье. Один из них даже решил проверить, не обсчитали ли нас официанты при оплате ужина.

Из Трухильо нам следовало двигаться дальше на север, в город Чикалайо. Двести десять километров разделяют эти два города. Мы не стали выезжать туда рано, так как не собирались ночевать там. Лишь два часа мы были в пути. И снова пустыня со всеми своими «прелестями». В Чикалайо прибыли после шести вечера. Все хотели поесть. Поэтому, разместив свой багаж с костюмами в подсобных помещениях Дворца спорта, пошли искать соответствующие заведения, где можно было перекусить. С трудом удалось разместиться в нескольких закусных и кое-что поесть.

На концерт ансамбля пришли несколько тысяч человек, искавших встречи с «Кабардинкой». Они оказались очень активными зрителями и бурно реагировали на каждый выход наших артистов, неустанно аплодировали. И во время антракта, и после окончания

представления нас осаждали молодые перуанки и перуанцы с разными вопросами и просьбами дать автографы. Мы спешили с отъездом в Лиму. Минут через двадцать Руфине Пахомовой пришлось обратиться к ним с просьбой дать нам возможность подготовиться к отъезду.

Всю ночь ехали через пустыню, однако к рассвету мы находились ещё далеко от столицы. Утром мы перекусили на одной из остановок и продолжили свой путь. Это был самый трудный переезд за всё время пребывания в Латинской Америке. Он длился двенадцать часов, и когда мы достигли центра Лимы, часы показывали одиннадцать. Мест в «Боливаре» не оказалось, и нам пришлось устроиться в отеле «Континенталь». Нам предстоял вечером шефский концерт, предусмотренный соглашением с перуанской стороной. Несмотря на усталость от чрезвычайно длинной дороги, наши артисты провели этот концерт, 55-й по счёту с начала гастролей «Кабардинки» в Западном полушарии, на высоком уровне и сравнительно рано вернулись из театра. Через час все легли спать.

Вечером 12 августа, одевшись по совету С. Янгайкина во всё тёплое, что у нас было, мы поехали во Дворец спорта «Колисео», чтобы дать свой последний в Лиме концерт. Дворец, где проводятся бои быков, произвёл на нас отвратительное впечатление. Он напоминал скорее огромную конюшню, нежели учреждение культуры. В нём было холодно, сыро и грязно. Артистические комнаты находились за его пределами. Туда для переодевания, а оттуда на сцену для выступления надо было бежать под открытым небом в любую погоду. В плохую погоду, какая, например, выдалась 12 августа, нам, конечно, было отнюдь не сладко. Тем не менее представление «Кабардинки» там должно было состояться, и нам оставалось лишь одно – сделать всё, чтобы оно прошло не хуже других. Результатом невероятных усилий всего коллектива ансамбля явился несомненный творческий успех. Пять тысяч жителей Лимы, сидевших в этом неуютном зале, бурно аплодировали нашим артистам. А сколько пришло к нам в раздевалки после концерта – не счесть! Среди них были и артистки бразильского цирка-шоу, выступавшего здесь в те дни.

Бразильянки внимательно рассматривали костюмы ансамбля, знакомились с нашими девушками и парнями. Очевидно, это всё

доставляло им радость. Такова уж жизнь артистов: их видят на сцене сотни и тысячи людей почти каждый день, им же самим видеть других приходится редко. Быть может, именно поэтому они быстро сходятся друг с другом. И тут бразильянки так сблизились с нашими, что сторонний наблюдатель мог поверить в их давнишнюю дружбу.

После концерта мы долго ещё находились в холодном Дворце спорта, готовя костюмы и весь реквизит ансамбля к отправке в город Такна, куда вылетела «Кабардинка» с наступлением нового дня. В гостинице было холодно. Многие спали в свитерах и пуловерах. Утро 13 августа не обрадовало нас улучшением погоды. Всё было по-прежнему: холод, морось, низкая облачность.

В 14 часов мы вылетели в Такну на небольшом самолёте «фоккер» местной авиакомпании. Меньше часа находились мы в воздухе на средней высоте, с интересом рассматривая рельеф местности. Под нами почти всё это время лежала пустыня – южное продолжение той же, что сопровождала нас 9–11 августа при поездке в Трухилью и Чиклайо. Но что нас радовало, так это солнечная погода, о которой всё время мечтали в Лиме.

В аэропорту Такны, находящемся на значительном удалении от неё, нас встретили несколько приветливых женщин и мужчин. Солнце и свежий воздух действовали, как улыбка дорогих людей. Вереница автомашин выехала в Такну и через полчаса остановилась у подъезда гостиницы «Отель туристас Такна». В ней мы устроились быстро и удобно.

Солнце звало на улицу, и многие из нашего коллектива вышли во двор отеля – чудесный зелёный уголок природы со всевозможными растениями, среди которых выделялись бананы, и дикими животными, прирученными к домашним условиям жизни. Все обращали внимание на ламу и страуса, отличавшихся от других животных своей осанкой и важной походкой. Беседки с плетёной мебелью, скамейки и гамаки, аккуратно проложенные дорожки – всё здесь сделано со вкусом. А воздух! Он мысленно перенёс нас на родину, где так легко дышится, словно вырастают у тебя крылья.

В момент захода солнца, за которым мы наблюдали с грустинкой, к нам явился редактор местной газеты «Коррео» Хуан Сегарра Маседо. Беседа с любознательным и обаятельным журналистом

заняла больше часа. Его интересовало очень многое, вплоть до фауны и флоры Кавказа. Как и мы, он тоже охотно и убедительно отвечал на наши вопросы. Сеньор Сегарра мимоходом сообщил нам, что от Такны до границы с Чили совсем недалеко, что в городе и нашей гостинице много беженцев из этой многострадальной страны, ввергнутой фашиствующим диктатором Пиночетом в пучину тяжких испытаний. Вскоре после ухода сеньора Сегарра радио Такны великолепным голосом своего диктора несколько раз передало сообщение о приезде в город и предстоящем выступлении во Дворце спорта «Колисео» ансамбля «Кабардинка» – одного из лучших хореографических коллективов Советского Союза. Сообщение это сопровождалось красивой латиноамериканской танцевальной мелодией.

Далеко не в каждой стране и не в каждом городе мы чувствовали себя так легко, как это бывает на родине, в обстановке, к которой человек привыкает от рождения или в течение многих лет. Каждая перемена окружающей среды сказывается на состоянии организма. Адаптация требует времени, а его нам, как правило, не хватало: не успеешь приспособиться к одним условиям, а ты попадаешь в иные, подчас совершенно полярные. Здесь, в Такне, самом южном городе Перу, расположенном примерно в географической точке с координатами 18 градусов южной широты и 70 градусов западной долготы, мы чувствовали себя прекрасно. Никакого сравнения с Лимой, где мы почти не видели солнца и мечтали о ясной погоде. И вот утром 14 августа мы все, как по команде, выбежали во двор отеля, жадно вбирая в себя свежий утренний воздух. Деревянные скамейки и плетёные кресла были ещё влажными. Скользящие лучи утреннего солнца несчётным количеством ярких хрусталиков высвечивали на зелёном ковре газона капельки не успевшей ещё высохнуть росы. В ста метрах от нас, в низине, возле родника красавица-лама стояла неподвижно с гордо поднятой головой, будто она приветствовала только что взошедшее светило. Наши ребята стали делать физзарядку. К ним конечно же присоединился и я.

За время нашего длительного путешествия подобную картину я наблюдал впервые. Просто не бывало у нас таких условий. На лицах ребят сияла радостная улыбка. После зарядки все единодушно до-

говорились пройтись по городу, чтобы весь его посмотреть, а кое-что запомнить надолго.

Такна размещается на пологом склоне возвышенного места, и основные её магистрали идут на подъём, параллельно друг другу. Главную улицу города на всём её протяжении украшают высаженные в линейку королевские платаны. В центре много небольших магазинов, в которых представлен довольно широкий ассортимент товаров, большей частью импортных. Здесь я купил своей снохе Лидии, врачу, японский фонендоскоп, который не смог найти во многих крупных городах Южной и Центральной Америки. Когда подошло время обеда, мы небольшими группами разошлись по разным кафе и ресторанам.

Володя Шогенов, Миша Ахмедов, Женя Аронов и я зашли в ресторан «Кантон», когда-то, очевидно, открытый китайцами, и, отдав зажаренную в тесте курятину, вернулись в гостиницу. Многие наши ребята и девушки были уже здесь и отдыхали в саду. Не успела прийти только одна группа во главе с художественным руководителем ансамбля Мутаем Ульбашевым. Он вместе с Борисом Соховым, Мишей Кодзевым, Аликом Мулаевым, Сашей Балкаровым, Авиком Шабаевым, Хамидби Шомаховым, Светой Асаевой и Наташей Гридневой устроились в кафе недалеко от гостиницы, где сидело много местных жителей, и сделали заказы. Официанты не торопились с подачей блюд. Зато торопился Авик Шабаев. Он схватил из стоявшего на столе блюда стручок зеленоватого сухого перца, разжевал его и проглотил. Не заставила себя ждать жестокая расплата. Он привстал со стула, делая конвульсивные движения, и, как умирающий лебедь, медленно распластался на каменном полу. Наши товарищи страшно перепугались. В кафе поднялся неизбежный в таких случаях переполох. Кто-то из местных, расталкивая встречных, кинулся к телефону и вызвал «скорую помощь». Через несколько минут медицинская машина с огромной скоростью и ревущей сиреной повезла через весь город в больницу беспомощное тело Авика Шабаева, не проявляющего никаких признаков сознания. Ошеломлённые случившимся, наши товарищи прибежали из ресторана, громко выкрикивая одно имя пострадавшего: «Авик!.. Авик!.. Авик!..»

– Что «Авик»? – громко спросил их Аронов.

– Авик умирает, – дрожащим голосом ответили наши девушки.

Мы кинулись на улицу, остановили первую же машину и отправили в больницу Тайзлину, Пахомову и Аронова.

Один Бог знает, сколько мы пережили за эти минуты. Через четверть часа меня пригласили к телефону администратора гостиницы.

– Успокойтесь, Константин Касимович, он пришёл в себя, – прозвучал в телефонной трубке голос Пахомовой, – врачи говорят, что опасность миновала. Мы останемся здесь некоторое время.

– О, как вы меня обрадовали, Руфина Ивановна! Я никогда не забуду этот миг, спасибо вам большое. Вот тут и ребята наши рядом, они тоже безмерно признательны вам за сообщение. Будьте там столько времени, сколько вы сочтете нужным, только звоните, пожалуйста, через каждые десять минут. Я буду здесь, рядом с телефоном.

После третьего звонка нашей переводчицы я направился в сад. Там сидели наши девушки и слушали рассказ успокоившихся немножко Светланы и Наташи о разыгравшейся в кафе сцене. Подошли ребята, разместились вокруг и тоже стали слушать печальную повесть об Авике.

Я достал из кармана записную книжку и занёс в неё слова: «Перуанский перец сразил наповал Виктора Шабаяева. 14 августа 1974 года. 15.00. Такна. Перу».

Историей с Шабаяевым не закончились наши злоключения в тот солнечный день. Судьбе было угодно ещё раз пощекотать наши нервы. Вернувшись из городского Дворца спорта, Клаудио Кассио объявил нам:

– Спектакль сегодня не состоится – ящик с обувью остался в Лиме.

Вот тебе раз! Как это могло случиться? Ведь все наши вещи после концерта были собраны, аккуратно уложены в свои ящики и оставлены в одном из помещений Дворца спорта. Посмотрим, что ответит перуанский импресарио Хорхе Дордан, с которым связался по телефону Клаудио. Пока дела складывались не так, как нам хотелось. Видя, как я расстроен, ребята подошли ко мне.

– Мы так станцуем в Такне, что гром аплодисментов её зрителей услышат в Чили, – стали говорить наши «горные орлы».

Вечером около восьми часов привезли из больницы бледного Шабаева. Он еле стоял на ногах. Сколько молока потрачено на промывание его желудка, нам неизвестно, но мы были глубоко признательны медикам Такны за спасение нашего товарища, для которого горький перчик, выложенный на стол как бесплатное приложение к обеду, мог явиться причиной беспрецедентно глупого конца (кстати, перуанские врачи отказались от платы за оказанную нам бесценную помощь). Настроение у нас поднялось. Кое-кто стал даже шутить.

– Теперь, конечно, Авик всегда будет с удовольствием кушать перец, – сказал один из наших ребят.

– Как всякий богатырь, Авик безумно любит перец, – поддакнул другой.

– Это Пиночет подослал ему отравленный перец, – закрутил «микроскетч» третий.

Смеялись все, кроме самого Шабаева. К сожалению, «битва» с перцем оставила ему неприятный след. Он долго жаловался то на одну, то на другую болячку.

Прошла ещё одна холодная лунная ночь, и наступил ещё один безоблачный, солнечный день в гостеприимном перуанском городке. В Такну доставили сценическую обувь ансамбля. Радио вновь заговорило о «Кабардинке», изумительно красиво и игриво произнося это имя ансамбля. Во время обеда никто, разумеется, не протянул руку к перцу, все обошлись без него.

В 17 часов выехали во Дворец спорта, только недавно сданный в эксплуатацию и потому, наверное, чистенький и уютный. Для такого небольшого города, как Такна, такое спортивное сооружение – огромное богатство. Мы провели здесь хорошую репетицию и подготовились к началу концерта. Более двух тысяч человек явились в «Колисео» посмотреть выступление артистов Кабардино-Балкарии. Оно прошло замечательно. На него публика реагировала темпераментно. Мы расстались с ней под гром овации, расстались, что важно, довольные друг другом. Снова, в который уже раз, собрали и уложили в металлические контейнеры и ящики для отправки дальше костюмы, обувь, головные уборы и всё остальное хозяйство ансамбля. Когда мы ехали ночью в отель, Клаудио, наученный горьким опытом, во всеуслышание заявил:

– Завтра я сам своими руками буду вталкивать в брюхо самолёта каждый контейнер и каждый ящик с имуществом ансамбля!

– Поможем тебе, Клаудио, поможем! – откликнулись наши ребята.

Утром 16 августа мы пошли к тому месту города, которое здешние власти и жители считают сердцем и историческим местом Такны. Огромный католический собор, вбирающий в себя сотни верующих прихожан, зелёный сквер, в середине которого непрерывным плеском брызг воды шумит красивый фонтан с ангелочками, Вечный огонь, высокая Триумфальная арка и монументальный памятник героям освободительной борьбы – адмиралу Мигелю Грау и полковнику Франсиско Бологнеси – образуют архитектурно-мемориальный комплекс, составляющий гордость жителей Такны. Высокие королевские пальмы, поднимающиеся с разных точек площади, стоят здесь в гордом молчании, словно несут бессменную вахту воинского караула. Не спеша, стараясь запомнить наиболее интересные объекты, мы обошли весь этот комплекс и пошли обе-
дать раньше, чем обычно, в ресторан «Кантон».

После плотного обеда мы вернулись в скромную гостиницу Такны и неохотно оставили её и украшающий спальный корпус зоопарк и ботанический сад. В сопровождении двух молодых красавиц, занимающихся культурными делами города, мы на большой скорости поехали в аэропорт. Сеньора Селасте и сеньорина Ласаро боялись, что ансамбль может опоздать на самолёт. Успели. Менее чем за полчаса, пока мы ждали приглашения на посадку, приземлились три воздушных лайнера. Но вот совершил посадку четвёртый, и нас пригласили к нему, как только его покинули прилетевшие в Такну пассажиры. Багаж наш был отправлен Клаудио Кассио раньше на другом самолёте. Отнюдь не просто, а с волнением расстались мы с двумя заботливыми молодыми женщинами-перуанками, в жилах которых текла, без сомнения, кровь одного из индейских племён.

– Приезжайте к нам ещё раз, вы нам очень понравились, – сказала сеньора Селасте, обращаясь ко мне и Руфине.

– Мы бы с большой радостью, сеньора, но это маловероятно, – ответил я ей, поклонившись на прощание и пригласив их в гости в Кабардино-Балкарию.

– Значит, мы не пришли к вам по сердцу, – не замедлила с репликой сеньора Ласаро, утирая слёзы со своих глаз.

– Что вы! Напротив, вы нам очень понравились, вы обе очаровательны во всём, и мы искренне приглашаем вас в гости, – сказал я ей в ответ, нежно обняв её, и направился к трапу самолёта.

Мы с Руфиной быстро поднялись по нему, оглянулись, помахали перуанкам и последними из пассажиров скрылись в салоне небольшого лайнера, который здесь не заправлялся. Взрвели по очереди оба двигателя, и после удивительно короткого разбега самолёт взмыл в небо. Также быстро он набрал высоту в 15 тысяч футов, занёс нас в горный район и через 25 минут после взлёта стал садиться у подножия древнего вулкана Эль Мисти высотой 19,1 тысячи футов (5822 м).

Давным-давно многочисленное войско индейского племени инков горными дорогами возвращалось из далёкого похода. Встретив на своём пути небольшое поселение другого индейского племени, предводитель войска решил остановиться здесь на отдых. Хозяева сделали всё, что могли сделать для гостей, и, когда последние стали собираться в дорогу, обратились к ним с призывом: «Арекипа!» – что значит: «Оставайтесь здесь!». Инки приняли это предложение. Прошли столетия, и теперь на этом месте расположен второй по величине город страны, соперничающий с её столицей. И носит он красивое имя Арекипа. Власти и население города стремятся возвеличить его, сделать известным на весь мир, и это, видимо, удаётся им. Здесь часто проводятся массовые мероприятия, в которых принимают участие представители многих стран Западного полушария: фестивали, спортивные мероприятия и т. д. В середине августа 1974 года, в дни, когда Арекипа отмечала свою 432-ю годовщину, в городе проводился Международный фестиваль танцевального искусства. По просьбе Посольства СССР, к которому, в свою очередь, обратилась страна, мы согласились принять участие в фестивале, правда, вне конкурса. Для нас это было связано с дополнительными трудностями, но мы пошли на них сознательно, думая, что такой шаг с нашей стороны в какой-то мере послужит делу укрепления дружественных связей народов СССР и Перу.

Итак, мы в Арекипе. В аэропорту нас встретили представители муниципального совета города, оргкомитета фестиваля и общестественности города. Среди них был и Цезарь Салас – молодой коммунист, который не так давно учился в Центральной комсомольской школе в Москве. Город с ходу понравился нам своей компактнос-

тью и чистотой. Мы не успели прибыть сюда к открытию фестиваля: помешала неприятная история со сценической обувью ансамбля. Фестиваль шёл уже второй день. Нам надо было «втиснуться» в программу фестиваля в тот же вечер, и поэтому поспешили во Дворец спорта, чтобы хоть немного подготовиться к своему выступлению. Но торопилась и ночь. Было уже темно, когда на двух больших автобусах нас повезли в «Колисео». Громадный Дворец спорта был украшен по-фестивальному – ярко, красиво, со вкусом. Тысячи людей осаждали его со всех сторон. Нас встретили представители оргкомитета и провели в отведённые ансамблю помещения. Там уже находились наши костюмы.

Зал дворца поражал своей величественностью. Его трибуны украшали 15 тысяч празднично одетых горожан и гостей фестиваля. Над спортивной ареной с его высокого свода свисало огромное белое полотнище с изображением эмблемы фестиваля – цветка «тексао». Полным ходом шёл первый концерт этого вечера. Публика тепло встречала и провожала выступавших артистов.

Через час, сразу же после выступления мексиканцев, объявили выход на арену «Кабардинки» – «фольклорного ансамбля из Союза Советских Социалистических Республик». Громом аплодисментов встретили арекипцы и их гости наших артистов. Их выступление, длившееся полчаса, вызвало невероятный эмоциональный накал всего зала. После нас объявили двухчасовой перерыв до второго концерта. Публика почти полностью освободила трибуны зала. Во дворце работали десятки буфетов, и наши ребята, не успевшие перекусить после прибытия в Арекипу, подошли к ближайшему из них. Группа молодых людей сумела прорвать живой заслон, преграждавший доступ в наше помещение, и завязала разговор с советскими артистами. Любопытные арекипцы задавали самые разнообразные вопросы, касающиеся жизни народов Советского Союза.

Нашим ребятам предстояло второе выступление, и они стали готовиться к нему самым серьёзным образом. Но суждено было состояться ещё одной встрече. К нам явился солидный, можно сказать, богатырского сложения мужчина с большим портфелем в руке.

– Добрый вечер, товарищи! – сказал он по-русски, как человек, который знает, быть может, только эти и ещё несколько других русских слов.

– Буэнос ночес, – ответили мы весело по-испански гостю.

Он тут же представился:

– Доктор Хосе Малага Родригес, пришёл осмотреть русскую балетную труппу и помочь больным, если они есть.

Доктор был нужен. Мы не были уверены в выздоровлении В. Шабаева, неважно чувствовали себя Хасан Мамбетов, Людмила Карежева, Жанна Алоева и несколько других товарищей. Кстати, чтобы предупредить возможную нерешительность с нашей стороны, доктор Малага объявил нам, что лечить будет бесплатно, как это принято в Советском Союзе. Признаться, мы были удивлены таким сообщением врача. На помощь ему вскоре пришла медицинская сестра с небольшим набором инструментов, и начался осмотр больных в отдельной комнатке. Доктор был очень прост в обращении, быстро располагал к себе своих пациентов, спрашивал их не только о болезни, но и о многом другом. Он тут же выдавал больным лекарства, раскрыв свой увесистый портфель, а сестричка делала уколы нуждающимся. К началу второго концерта, назначенного на 22 часа 40 минут, были осмотрены все желающие. С доктором остались только Руфина Ивановна и я.

– Товарищ министр, – обратился ко мне вдруг сеньор Малага, – как вы могли отправиться в далёкую длительную поездку с такой многочисленной группой без врача?

– Вы правы, дорогой доктор, упрекая меня. Вместе с тем, хочу вам сказать, что, согласно контракту, импресарио должен обеспечить медицинское обслуживание всех членов коллектива ансамбля в любое время и в любой стране. И ещё, в долгу перед вами мы ни в коем случае не останемся, большое вам спасибо.

– Ничего я не возьму от вас, дорогой министр, я лишь исполнил долг врача и коммуниста, – открылся, наконец, Хосе Малага Родригес.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что он является президентом Арекипского филиала Общества перуано-советской дружбы и неплохо знает жизнь нашей страны. Между тем второй в этот вечер концерт фестиваля начинался, и мы простились с добрым доктором. Руфина пошла к нашим артистам, а я направился на отведённое место в зале, пригласив с собой Михаила Ахмедова.

Первыми вышли на арену кубинцы – артисты фольклорного ансамбля, не раз бывавшего в СССР. Четверо мужчин и одна женщина

заняли позицию у микрофона и стали играть на барабанах и чётках; группа девушек подошла к другому микрофону и запела, пританцовывая, как это часто делают эстрадные певцы; а два других, до предела изящных артиста в белых костюмах вышли вперёд и довольно сильными голосами затянули кубинскую народную песню и начали танцевать. Этот номер длился более десяти минут. Начинается второй номер. На арену врывается большая группа мужчин и женщин, одетых в невероятно яркие костюмы, с рогами, и танцуют румбу в сопровождении десяти ударников и двух трубачей, игравших с большим азартом. Публика очень тепло принимает кубинских артистов. Их сменяет фольклорный ансамбль из Таити, одетый в жёлтые костюмы с красными и зелёными цветочками. Артисты из Таити великолепно исполняют танцы живота, грома и огня и в завершение своей программы приглашают на танец партнёров и партнёрш из публики. Зал провожает их с арены бурными аплодисментами.

Когда до полуночи остаётся ровно пять минут, на арену приглашается «Кабардинка». Взрывом аплодисментов встречает публика появление наших артистов. Все танцы ансамбля огромная масса зрителей, заполнивших зал Дворца спорта, смотрит с большим интересом, сопровождая их дружным рукоплесканием. Мне показалось, что «Кабардинка» превзошла все ожидания арекипцев, а её выступления становились гвоздём программы фестиваля. В гостиницу мы вернулись в час ночи.

В 12 часов 17 августа весь коллектив ансамбля выехал на экскурсию по городу, которая продолжалась более двух часов. По ходу её наши ребята задавали экскурсоводу массу вопросов. Интерес к памятникам истории, архитектуры, культуры других народов свидетельствовал о росте культурного уровня и духовном обогащении коллектива ансамбля, и это радовало меня. После экскурсии мы зашли в одно из ближайших к гостинице кафе. Хозяин его сам принимал заказ, сам же и подавал на стол. Нам он предложил своё фирменное блюдо – филе говядины, жаренное с картошкой. Блюдо было приятным, но хлеба хозяин не подал. Мы попросили его принести хлеб, но он в недоумении пожал плечами: хлеба у него не было. Хозяин поехал за хлебом в соседнее кафе и через несколько минут вернулся с пустыми руками – хлеба и там не было. Так мы и пообедали без него. У нас это было бы чрезвычайным событием,

там же – явление распространённое и никого не удивляющее. Хлеба в тех странах потребляют очень мало.

Незаметно прошёл день, и холодным вечером, одевшись во всё тёплое, мы поехали во Дворец спорта на фестиваль. И на этот раз зал был заполнен до отказа – ни одного свободного места. Невероятно большой интерес проявлял город к этому фестивалю. Он жил им. Снова два концерта. Их открывала и вела Сенайда Солис, диктор телевидения и актриса театра, стройная молодая женщина редкой красоты. Приглашая наш ансамбль на арену, она очень интересно произнесла его имя, долго раскручивая при этом звук «р». Снова успех, снова бушевала пятнадцатитысячная аудитория, словно разволновавшееся при шторме море. Со всех сторон раздавались возгласы: «Браво! Браво! Браво, «Кабардинка!» Ребята наши были в ударе и выкладывались сверх меры. Бис следовал за бисом. И так в обоих концертах. Да, и сегодня навестил нас доктор Хосе Малага Родригес. Используя свободные от танцев минуты, наши ребята бегали к нему, чтобы измерить артериальное давление.

Второй концерт Сенайда Солис объявила завершённым в начале второго часа ночи. Весь зал стоя аплодировал участникам фестиваля, под сводами дворца долго не смолкала овация. Арекипа ликовала...

Но вот, наконец, в зале наступила тишина. Разноплеменная публика медленно стала расходиться по домам. Здесь, как всегда, остались артисты. Такова их жизнь: приходят раньше всех и уходят позже всех. Они к этой жизни привыкают и никогда на неё не жалуются. Замечательный и удивительный народ! Сколько труда и волнения выпало на их долю за прошедшие сутки, чем можно измерить их усталость? На эти вопросы нелегко ответить. А вот артисты «Кабардинки» нашли в себе силы, чтобы вдохновенно спеть в автобусе по пути из «Колисео» в гостиницу знаменитые «Подмосковные вечера» В. П. Соловьёва-Седого – любимую песню мою.

В воскресенье 18 августа в 13 часов нам предстояло расстаться с Перу, вылетев из Лимы в Боготу. Билеты были оформлены уже давно. Очень важно было вылететь из Арекипы в 9:30 утра, согласно расписанию. Перед тем как расходиться на сон грядущий, Анатолий Хадзегов объявил:

– Товарищи! Подъём в 7:30, отъезд в аэропорт в 8 часов. Будить никого не буду.

Словом, на сон оставалось четыре часа. Маловато... Они прошли быстро. Никто, разумеется, не выспался. Все встали вовремя и, собравшись в вестибюле отеля, тихо переговаривались. Некоторые зевали, прикрываясь рукой. Подъехали к нам из другой гостиницы Михаил Рой и корреспондент газеты «Труд» Олег Бондаренко, находившийся в Арекипе с начала фестиваля.

– Константин Касимович, вас просят нанести визит в алькальдию, - говорит мне Михаил Рой.

– Для визитов, дорогой Михаил, времени у нас, к сожалению, уже нет (мэрия), – отвечаю я пресс-атташе нашего посольства.

– Мы их обидим. Давайте отправим коллектив ансамбля в аэропорт, а сами заедем в алькальдию на несколько минут. Это всё быстро, – советует Михаил.

Так и решили. Заехали вчетвером в муниципалитет города, где нас уже ожидал заместитель главы города Хорхе Диас Энцинас со своими товарищами. Он очень приветливо встретил нас, отметил, что «Кабардинка» явилась украшением фестиваля, которому Арекипа придаёт большое значение, сердечно поблагодарил нас и вручил сувенир – эмблему города, в основе которой – литые чугунные ворота со старинным фонарём. Сеньор Хорхе Диас Энцинас, зная, что мы торопимся, не удержался, однако, от вопроса:

– Скажите, пожалуйста, откровенно, понравилась вам Арекипа?

– Понравилась не меньше самой Лимы, – ответил я быстро и тут же добавил: – Мы искренне желаем вашему городу процветания. Мероприятия, подобные нынешнему фестивалю, будут способствовать этому. Скоро, совсем скоро Арекипа станет известна на далёком от вас Кавказе.

Сеньор Диас засиял. Ему было приятно услышать от чужестранца лестный отзыв о родном городе. Мы крепко пожали руки руководителям Арекippy и покинули старинное здание городского муниципалитета. К аэропорту ехали со скоростью, на которую только была способна наша машина. Но, оказалось, спешили зря. Самолёт ещё не прилетел из Лимы, и сколько-нибудь обнадеживающих сведений служба информации не давала. Тамара Тайзлиная уже нервничала, а Клаудио Кассио каждую минуту наводил справки. Чтобы преждев-

ременно не оказаться в плену бессмысленного волнения, я вышел к подъезду, пригласив с собой Олега Бондаренко. Оказавшись лицом к вулкану-великану, я тут же замолк. Помню, в детстве я также замирал от восхищения, глядя ясным ранним утром из коридора отчего дома в Аушигере на седые вершины Главного Кавказского хребта. Сердце забилось учащённо. Несколько раз я мысленно переносился на родину и обратно к Андам, прочерчивая зримую, как мне казалось, траекторию движения, и удивился сложности механизма мышления, глубине памяти и размаху воображения человека.

Пауза в нашей беседе длилась совсем недолго, но я извинился перед Олегом, сказав ему, что мы горцы и не бываем равнодушны к горам. Журналисту достаточно и намёка. Он слегка кивнул головой в знак согласия. Время шло быстро, а мы всё ещё оставались в неведении. Самолёт наш не появлялся. Все переживали, а Тайзлина и Кассио теряли самообладание. Их настроение передавалось всему коллективу, но от этого ничего не менялось. Я попросил пожилую бразильянку и молодого итальянца успокоиться, не давать волю эмоциям, держать себя в руках.

Слов нет, положение наше было незавидным. Уже десять часов с минутами, а мы ещё находились в Арекипе, за сотни километров от Лимы, из которой должны были меньше чем через три часа полететь дальше в далёкую островную страну. Но вот объявляют, наконец, о прибытии нашего самолёта из перуанской столицы. Все устремляются к выходу, хотя понимают, что посадки сразу не будет. Такова природа людей: большинству из них свойственно спешить – и когда необходимо, и когда вовсе не следует. Вскоре стали грузить наш багаж, однако, как ни старался экипаж затолкнуть в багажное отделение контейнеры с костюмами ансамбля, ничего не получилось. Пошли на помощь наши ребята – безрезультатно. Семь самых крупных ящиков остались на улице. Не катастрофа ли для Тамары Ильиничны? Она была подавлена и жалобно смотрела на нас, ища поддержки. Мы успокоили её, как могли. Взяв джентльменское слово у служащих аэропорта, что они отправят груз следом за нами, и, простившись с провожавшими товарищами, сели в самолёт.

В половине двенадцатого мы уже были над облаками. Более часа болтанка кидала самолёт вниз и вверх. Девушки наши совсем было

изнемогали, когда раздался голос единственной в самолёте стюардессы:

– Наш самолёт пошёл на снижение, просим пристегнуть ремни. Все вздохнули с облегчением.

– Слава богу! – сказала Тайзлина, приподняв голову, которой в течение всего полёта она, наверное, не сделала ни одного движения. От взлёта в Арекипе до посадки в Лиме прошли 74 мучительные минуты. Всё это время нас волновали вопросы: успеем ли на другой самолёт, придёт ли оставшаяся часть багажа? На первый можно было ответить: чудом – возможно. Однако... в жизни случается всякое, подчас даже кажущееся невероятным.

Тайзлина молча исчезла сразу же, как только нас провели в зал ожидания иностранных пассажиров, но скоро вернулась, сияющая, и объявила нам, что мы на свой рейс не опоздали, что самолёт вылетит в Боготу не ранее 22 часов. Что же произошло? Несчастье. В Боготе при посадке разбился какой-то самолёт, и, пока ликвидируют последствия этой катастрофы, аэропорт столицы Колумбии принимать воздушные корабли не будет. Словом, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Нас эта весть не обрадовала.

Получив свой ручной багаж, мы поехали в город, улицы которого нам были знакомы. Лима, как и прежде, шумела и суетилась. Остановились в «Алькасаре». Очевидно, его хозяин тесно связан с авиакомпанией. Здесь его гости живут полностью за счёт последней. Мы быстро устроились и собрались в ресторан, где сидела большая группа европейских туристов. Накормили нас и плотно, и вкусно. Времени для отдыха было достаточно. Все пошли спать: никто не знал, как сложится ночь, где и в каких условиях мы её проведём. В девять вечера, сразу же после ужина, выехали в аэропорт. Там мы вновь встретились с Сергеем Янгайкиным. И он не оставил нас, пока не позвали на посадку в самолёт, вылетающий в столицу Колумбии в одиннадцать часов ночи.

Итак, в ночь с 18-го на 19 августа 1974 года, после двух недель беспокойной жизни и напряжённой работы в Республике Перу, мы вылетели из её столицы на самолёте колумбийской авиакомпании «Авианка». Огромный воздушный корабль сразу же взял нужный курс, близкий к «норду», и стал круто набирать высоту, чтобы как можно быстрее оказаться выше величавых вершин Западной Кор-

дильеры Анд. Под нами, чуть в сторонке, огромным огненным кольцом пылал действующий вулкан. Потрясающая картина в тёмной ночи! Стрелки часов приближались к двум нулям, не значащимся на циферблатах. Самый молодой артист «Кабардинки» Хамидби Шоматов, как всегда сидевший в полётах рядом со мной, не спал и, прильнув к иллюминатору, удивлённо качал головой.

– Хамидби, не пора ли тебе заснуть? – спросил я его тихо.

– Нет! – ответил он бодро.

– Почему же, ведь уже полночь? – обратился я к нему с вопросом.

– Потому что не хочет спать мой сосед, – заулыбался Хамидби.

– Ну ладно. Спим, спим, как космонавты, – произнёс я, закрыв глаза и повернувшись к нему лицом. Решил «купить» его, притворившись спящим. Минут двадцать не шевелился, наладив спокойное дыхание. Затем открыл глаза – Хамидби вроде спал. Я прильнул к иллюминатору. Далеко от нас слева по курсу медленно проплывали крупные населённые пункты, наверное, города какие-то. Но вот опять грандиозный огнедышащий вулкан.

– Выспался, – заговорил в этот момент мой юный сосед, сумевший перехитрить меня.

– Тогда смотри в окно, – предложил я ему.

– Сколько вулканов здесь?! – удивился он.

– Латинская Америка вся в вулканах, Хамидби, действующих и потухших, как и политическая обстановка в этих странах, – ответил я ему.

Между тем незаметно шло время и сокращалось расстояние до Боготы. Мы летим над Колумбией. Вскоре стало трясти – резко, отрывисто, как при землетрясениях. Кто знает, чем это объяснить. На высоте не менее десяти тысяч метров тряска бывает редко. Она разбудила многих. Кое-кто, видно, побаивается, у них испуганные лица. Два с половиной часа прошли после взлёта, но ещё не пошли на снижение. Ещё несколько минут – и двигатели лайнера переходят на режим планирования, мы начинаем быстро снижаться. Впереди Богота – один из крупнейших городов Южной Америки. Она вся в огнях, и ночью с воздуха значительно краше, чем днём. Ровно в три часа ночи в третий раз мы садимся на её землю. Садимся и остаёмся здесь же, в аэропорту, в ожидании начала нового этапа пути. Надо-

лго ли? Это покажут события, а наше желание – не задерживаться даже до утра.

Ночь была трудной. Почти всю её мы просидели в одном из просторных залов ожидания аэровокзала. Тот, кто непременно хотел бы поспать, мог и заснуть, раскинувшись на полумягких банкетках, стоявших у стен зала. Лишь некоторые из нас воспользовались такой возможностью. Большинство же предпочло бодрствовать, слушая музыку через транзисторные приёмники и магнитофоны, которые приобрели уже все ребята. Перед рассветом, когда Е. Аронов и К. Кассио вернулись от диспетчера и сообщили, что багаж с костюмами ансамбля отправлен в Барранкилью, ребята обратились ко мне с просьбой рассказать хоть немного о стране, куда мы должны были полететь в тот день. Я согласился охотно и рассказал им многое из того, что знал о Доминиканской Республике, не забыв при этом историю открытия Христофором Колумбом острова Эспаньола (ныне Гаити) в 1492 году и основания нынешней столицы Доминиканской Республики – города Санто-Доминго братом Христофора Колумба – Бартоломеем Колумбом в 1496 году. Достав карту, я начертил на ней две прямые линии. Одна из них соединила Боготу с Барранкильей, крупным колумбийским городом на берегу Карибского моря, другая – Барранкилью с Санто-Доминго. Наши товарищи с интересом рассматривали карту, передавая её из рук в руки. Приличное расстояние разделяло нас с островом Гаити. На втором этапе полёта предстояло пересечь Карибское море с юга на северо-восток.

Наша беседа затянулась и помогла приблизить и рассвет, и завтрак, и вылет. Мы уже сидели в ресторане, когда пригласили на посадку. В 7:40 воздушный лайнер оторвался от земли и взял курс на Барранкилью. Мы летели на север спокойно, довольные комфортом и тем, что багаж наш на этот раз не позади, а впереди нас, не зная, что с ним ещё мороки будет более чем достаточно. В начале десятого самолёт произвёл посадку. В городе стояла труднопереносимая жара. Пересадка и оформление документов заняли много времени, а с багажом ничего не получилось. Наши усилия взять с собой костюмы не увенчались успехом. За багаж ещё в Лиме плату получила «Авианка», а доставить нас в Санто-Доминго взялась частная авиакомпания «Авиаконтор». Первая не пожелала передать часть

платы за багаж второй. Нам дали твёрдое слово, что через 20 часов контейнеры с костюмами ансамбля окажутся там, где мы будем находиться. Решили лететь без них. Через несколько минут самолёт набрал нужную высоту. Вокруг, в пределах всего обозримого пространства, ни облачка. Над нами – одно солнце, под нами Карибское море. Абсолютно безоблачное голубое небо безраздельно сливалось с морскими просторами, столь же голубыми и красивыми. Чудесное зрелище! Несмотря на кажущееся однообразие, не оторвёшь от него глаз, живёшь и дышишь этим пленительным видением. Через полчаса между нами и морем появляется огромное множество разбросанных маленьких облаков удивительной белизны. Они вроде лежат на поверхности моря, а не висят в воздухе. Вскоре бортпроводницы приносят виски со льдом. Мужчины не отказываются, берётся за фужер и Тамара Тайзлина, всё ещё не успевшая успокоиться после драматической истории с костюмами ансамбля. Пока мы были заняты виски, картина на Карибе меняется. Море уже целиком в белых барашках. Подул, очевидно, ветер с острова. В час дня летим уже над сушей. Неужели остров Гаити? Наверное. Самолёт снижается резко, до боли в ушах, и через семь минут приземляется на острове, который при открытии испанцы называли Эспаньола, то есть Маленькая Испания. Ещё несколько минут – и мы ступаем на землю Доминиканской Республики.

В аэропорту нас встретили торжественно: много людей с букетами цветов, оркестр народных инструментов, возгласы приветствия. Среди встречавших были директор и дирижёр Национального театра маэстро Карлос Пиантини, знакомые нам по Колумбии Цезарь Моралес и Максвелл Хименес, журналисты. Чиновники таможни в военных мундирах делают попытку порыться в наших чемоданах. Заметив, что мы не ожидали обыска под торжественную музыку оркестра, Ц. Моралес и М. Хименес что-то говорят таможенникам, попытка последних остаётся попыткой, и нас пропускают вперёд. С кратким приветственным словом к нам обращается сеньор Пиантини.

– Добро пожаловать в Санто-Доминго! – говорит он громко в заключение и приглашает садиться в автобусы.

Тут же на ходу берёт у меня первое интервью сотрудник газеты «Листин Диарио» Сантьяго Гомес. Почти час едем мы до города

по хорошей шоссейной дороге, проложенной вдоль морского побережья. Непрестанно играет оркестр, кое-как разместившийся в нашем автобусе. Один из музыкантов, весело подёргивая бровями, исполняет популярную в латинской Америке индейскую песню. Въезжаем в Санто-Доминго и переезжаем его весь до противоположной окраины, где в стороне от дороги, в сказочно зелёном уголке разместился комплекс сооружений гостиницы «Эмбахадор» («Посол»).

Остаток дня и весь вечер 19 августа у нас были свободны. Премьера «Кабардинки» в Национальном театре была назначена на 21 августа. Это давало коллективу возможность отдохнуть после утомительной дороги и основательно подготовиться к своему первому концерту в ещё таинственной для нас стране. Условия для отдыха в гостинице были отличными. Ночь прошла спокойно. Утро 20 августа, наше первое в Санто-Доминго, выдалось тихим и тёплым. Мы поехали в столичный театр – великолепное сооружение интересной архитектуры. У подъезда его нас встретил весь персонал во главе с директором сеньорой Аидой Боннели де Диас. Она представилась нам сама и познакомила с главными специалистами театра.

– Мы все к вашим услугам, сеньоры. Прошу обращаться к нам всегда, когда понадобится наша помощь. А сейчас я сердечно приветствую вас и говорю вам: добро пожаловать в Национальный театр! – мило улыбаясь, она жестом руки пригласила нас войти в помещение.

Мы переступили порог театра, где никогда не выступали представители искусства Советского Союза. Нас сразу же охватила прохлада, искусственно создаваемая мощной системой кондиционирования воздуха. С первого же шага, сделанного по плотному, амортизирующему паласу, мы поняли, что здесь поддерживается образцовый порядок. Всё вокруг солидно, в блеске и чистоте. Прошли в сценическую часть: простор, все удобства для артистов. Зал на 1600 мест компактен, акустика отличная. Пока Мутай проводил класс и репетицию, сеньора А. Боннели де Диас показала нам весь театр. В него вложено немало мрамора, добываемого в этой стране, и тёмно-коричневой древесины местной породы. Хозяйка театра

много и охотно говорила о нём, вспоминая при этом имена наиболее выдающихся артистов, выступавших на его сцене.

– Как посещают ваш театр, сеньора? – спросил её Ахмедов.

– Видите ли, театр большой и редко случается, чтобы все места в нём были заняты, – несколько смущённо ответила сеньора А. Боннели де Диас.

Мутай Ульбашев был на седьмом небе. Репетиция прошла плодотворно, вся программа концерта была тщательно выверена. В хорошем настроении вернулись в гостиницу. После обеда мы с Михаилом решили обойти территорию «Эмбахадора». Она была разработана с расчётом и вкусом, благоустроена и оборудована всем необходимым для активного отдыха: великолепные декоративные насаждения, бананы и ананасы, различные спортивные площадки со снарядами, грибовидные теневые беседки и киоски с прохладительными напитками, мороженым и кофе, большой плавательный бассейн с натуральной морской водой, богатый набор спортивного инвентаря. Всё это – к услугам гостей, среди которых преобладают иностранцы, прежде всего богатые американцы, англичане и испанцы, проводящие здесь свой отдых. До захода солнца провели мы здесь время, наслаждаясь красотой всей территории отеля и наблюдая, с каким азартом прыгали с высокой вышки в бассейн влюблённые друг в друга юноши и девушки, бесстрашно кидались в воду, выделявая в полёте весьма сложные фигуры. Наступил вечер. Огромным красным диском солнце опустилось за горизонт. Зажглись многочисленные светильники, почти незаметные днём, и мы оказались в царстве электрических огней, за пределами которого, казалось, существовал только один безбрежный непроглядный мрак. Разделившись после ужина на несколько групп, наши ребята долго слушали музыку народов Латинской Америки, записанную ими на магнитофонную ленту.

В десять часов утра 21 августа в Национальном театре состоялась пресс-конференция. На ней присутствовали в основном доминиканские журналисты. Минут за тридцать я рассказал им о «Кабардинке», нашей республике и её искусстве, о развитии культуры народов СССР, целях наших гастролей в Латинской Америке. Вопросов было много, но никаких провокационных.

Закругляя свой разговор с журналистами, я обратился к ним со словами:

– Сеньоры! Сегодня вечером публика Санто-Доминго в той или иной форме выразит своё впечатление от искусства ансамбля «Кабардинка». Мы надеемся, что оно будет приятным. Ваше мнение мы узнаем, вероятно, из ближайших номеров доминиканских газет. Хотим только одного: пусть оно будет объективным. Позвольте надеяться на это. Благодарю вас за внимание.

Одни из участников пресс-конференции ушли, сделав несколько щелчков своими фотокамерами, другие остались в театре и, с нашего согласия, ещё долго беседовали с артистами ансамбля, пользуясь услугами нашей переводчицы. Освободившись затем от любопытных журналистов, мы провели хорошую репетицию и вернулись на отдых в отель.

Наступил, наконец, момент, когда «Кабардинка» должна была держать трудный экзамен – создать в глазах доминиканцев первое представление о частице многонационального искусства Советского Союза. Скажу прямо, наши ребята понимали и чувствовали всю глубину ответственности, которая легла на их плечи. Они уже в полной готовности. И вот за три минуты до начала концерта трижды раздаётся объявление диктора: «Сеньоры, спектакль начинается». И в этот момент, без промедления, берёт слово оркестр «Кабардинки», раздвигается занавес, наши артисты стремительно выходят на сцену. Публика встречает их дружными аплодисментами, которые усиливаются с плавным выходом грациозных танцовщиц «Кабардинки». В зале наступает полная тишина. Несмотря на сильное волнение, наши артисты танцуют уверенно, темпераментно, вдохновенно. Зал снова взрывается аплодисментами, как только завершился первый танец. Чётко, без объявления номеров проходит всё первое отделение концерта. Каждый номер заканчивается под бурные аплодисменты зала, переходящие в овацию.

Второе отделение премьеры проходит безукоризненно. Заканчивается концерт, в зале гремит мощная овация. Она долго не умолкает. Снова и снова открывается занавес.

Диктор объявляет:

– Сеньоры, спектакль окончен.

Усталый от волнения, я выхожу в фойе, чтобы ещё раз почувствовать настроение зрителей, весь вечер неистово аплодировавших нашим артистам. Не надо было быть слишком наблюдательным, чтобы понять, что эта огромная масса мужчин и женщин, одетых все до одного в вечерние костюмы и платья, не жалеют о том, что они потратили время на знакомство с искусством Кабардино-Балкарии, о котором не имели никакого представления.

Неожиданно подошла ко мне в этот момент сеньора Аида Боннели де Диас и представила своего мужа, человека привлекательного, солидного по возрасту и комплекции.

– Es un espectáculo magnífico!¹ – сказала она, улыбаясь и пожимая мне руку.

– Si, si – magnífico², – поддержал её супруг, разделяя с ней радость.

– Muchas gracias, señores! Le est estoy muy agradecido³, – осмелился я сказать по-испански.

– No hay de que⁴, – ответила сеньора Боннели, слегка склонив голову.

Вместе с ними мы направились на сцену. Хозяйка Национального театра, увидев здесь Руфину Пахомову, попросила сказать коллективу ансамбля, что она и муж очарованы ими, что вся публика в восторге от спектакля, что на премьере присутствовал вице-президент Доминиканской Республики сеньор Гойко Моралес. Прощаясь с нами, она просит меня встретиться с одним, как она сказала, «серьёзным журналистом».

– Охотно, сеньора, охотно, если угодно, то завтра же, – говорю я доминиканке. – И она с мужем оставляет нас.

Мы неторопливо собираемся у автобуса. Когда все наши товарищи заняли в нём свои места, я обратился к ним со словами:

– Дорогие друзья! Вы проявили сегодня высокую ответственность и организованность, показали настоящее большое искусство, одержали ещё одну творческую победу. Большое вам спасибо!

¹ Это прекрасный спектакль.

² Да, да – прекрасный.

³ Большое спасибо, сеньоры! Я вам очень благодарен за вашу любезность.

⁴ Не за что (*исп.*).

В салоне автобуса раздаются дружные аплодисменты. Всю дорогу от «Театро Насиональ» до отеля «Эмбахадор» в нём звучат популярные песни в исполнении лучших танцовщиц и танцовщиков Кабардино-Балкарии.

В Национальном театре, куда мы приехали в двенадцатом часу 22 августа, меня уже ожидал тот самый «серьёзный журналист», о встрече с которым накануне вечером просила сеньора Аида Боннели да Диас.

Средних лет, атлетического сложения, он встал с места и представился:

– Феликс Сервио Доукоурдей.

Познакомились мы и сели.

– Я хочу выступить в журнале «Аора» с большой статьёй о развитии культуры в условиях социализма и просил бы вас рассказать о культуре своей республики и Советского Союза, – начал он разговор без промедления.

В течение двадцати минут я сообщил ему то, что счёл необходимым в данном случае, и затем ответил на несколько его вопросов. Он ни разу не остановил меня и не переспросил, быстро, как стенографист, записывая мой рассказ. После нашей беседы Феликс Сервио Доукоурдей попросил меня дать ему возможность переговорить с двумя-тремя артистами «Кабардинки». Мутай Ульбашев прислал к нему Людмилу Карежеву и Каральби Дзахмишева, без которых он мог нормально провести в тот момент репетицию. Оставив с ними переводчицу, я направился на сцену, где шла шлифовка номеров программы. Через некоторое время я вернулся в зал. Феликс Сервио продолжал свою беседу. По окончании её я задал журналисту несколько вопросов, на которые он ответил обстоятельно, как это могут сделать люди, отлично знающие историю и современное положение своей страны и не хуже разбирающиеся в политике. Собеседник мой не относился к категории лиц, кто мямлит и путается в собственных суждениях. Он свободно и уверенно излагал свои мысли, комментируя события далёкой прошлой и совсем недавней истории Доминиканской Республики. опережая события, отмечу здесь, что через три дня мне принесли очередной номер этого журнала, в котором нам были посвящены шесть иллюстрированных страниц.

Снова, как и вчера, прозвучали в театре вечером позывные и голос диктора – и начался наш второй в этой стране концерт. Я решил остаться с коллективом и пристроился за кулисами позади оркестра. Наши артисты быстро овладели публикой, а она, в свою очередь, энергично поддерживала их. Великолепное настроение царило и в зале, и на сцене театра. Под овацию всего зала закончилось первое отделение концерта.

– Успех невероятный, – громко произнесла, подойдя ко мне в антракте, импресарио Тайзлина и спросила:

– Вы не жалеете, что дали согласие на Санто-Доминго?

– Нет, не жалею, Тамара Ильинична, жалеть о прошлом – это значит в какой-то мере лишиться себя радостей настоящего и даже будущего, – ответил я беспокойной женщине.

Второе отделение концерта не только закрепило успех первого, оно ещё сильнее захватило публику, которая то замирала, то взрывалась громом оваций и возгласами «браво!» и «бис!»...

«Вот бы вынести наши выступления на более широкую аудиторию», – думал я в те минуты.

Вернувшись в гостиницу в полночь, я занёс в свою записную книжку слова: «Представление «Кабардинки», состоявшееся вечером 22 августа 1974 года, было одним из самых красочных в эту поездку».

Наступил вечер 23 августа. Наши ребята готовы к началу своего очередного концерта и, стараясь не шуметь за закрытым занавесом, стоят на исходной позиции. Зал, заполненный так, что и яблоку негде упасть, тоже ждёт позывных, время которых уже наступило. У режиссерского пульта раздаётся звонок: спектакль начнётся на пять минут позже – ожидается прибытие президента республики. Администрация не обманула. Ровно через пять минут открывается занавес. Публика дружными аплодисментами встречает артистов Кабардино-Балкарии. Весь концерт проходит на подъёме и с огромным успехом. Доминиканцы с восторгом принимают каждый номер программы. Вместе с ними горячо аплодирует и президент Балагер, чьё присутствие не осталось незамеченным столичной аудиторией. Финал концерта вылился в потрясающее зрелище, о котором всегда мечтают артисты всего мира. Зрители долго не отпускали артистов «Кабардинки», в один голос дружно скандируя волшебное слово

«браво!». Никто из них не покинул своего места до тех пор, пока не убедился в том, что занавес закрылся в последний раз.

В субботу, 24 августа, у нас должны были быть два концерта. Мы решили не проводить репетиции, дать ребятам отдохнуть побольше в чудесном парке при гостинице, поплавать вдоволь в бассейне.

Уже в 8 часов утра у входной двери моего номера раздался голос Михаила Ахмедова:

– На зарядку, на зарядку – становись!

Мы с ним пошли к бассейну. Вскоре подошли многие наши девушки и парни. Прибежала туда и прелестная Жаннета – девушка из Нью-Йорка, с которой мы познакомились днём раньше здесь, на пляже, и которую мы научили произносить несколько русских слов.

– Добри утро! – громко, чтобы все слышали, сказала она с ходу.

– Доброе утро, Жаннета! – дружно ответили ей мы все.

– Мы с мамой были вчера на вашем спектакле, это было великолепно, – сказала она медленно, чётко произнося каждое слово, и поднялась на среднюю ступеньку вышки. Наши ребята следили за ней и громко зааплодировали, когда она красивым сальто бросилась в бассейн.

– Великолепно! – крикнули они, повторив только что сказанное ею слово.

Трудно сказать, сколько раз мне приходилось смотреть выступления «Кабардинки» у нас в стране и за рубежом. Но никогда я не видел, чтобы артисты ансамбля точь-в-точь повторили свой предыдущий концерт. Едва ли это вообще возможно в сфере художественного творчества. Концерт, состоявшийся в субботу вечером 24 августа 1974 года, отличался особой приподнятостью, темпераментом, не лишённым лиризма. Даже «Кафу», исполнением которой я далеко не всегда оставался полностью доволен, ребята станцевали великолепно. В ней был, как никогда, хорош Хасан Мамбетов, чьё соло очень понравилось всему залу. Неизгладимое впечатление оставили у зрителей в разных танцах Каншао Соттаев, Алик Мулаев, Анатолий Керефов, Сафраил Балкаров, Анатолий Хадзегов, Арсен Хамуков, Заур Марышев, Людмила Карежева, Любовь Нагудова, Елена Жабоева, Хамидби Гетежев, Борис Нагудов, Валентина Мисакова,

Зара и Каральби Дзахмишевы, Светлана Асаева, Рая Шабазгериева, Надежда Бженикова, Жанна Алоева, Владимир Шогенов, Руслан Матцев, Хамидби Шомахов и другие артисты ансамбля.

После окончания концерта подошёл ко мне посол Мексики в Доминиканской Республике и заявил:

– В Мехико у вас будет огромный успех.

Артисты же, как всегда, раздавали автографы юношам и девушкам, проникшим в закулисную половину театра. Их было много. Им отказать невозможно.

Интерес и внимание доминиканцев к нашему ансамблю возрастали с каждым днём. Тысячи людей, побывавших на его выступлениях, разносили по городу восторженные отзывы о коллективе, который оказался первым из СССР на острове Гаити и в Доминиканской Республике. Наше пребывание в этой стране не оставляли без пристального внимания столичная пресса, радио и телевидение.

Уже через день после нашей премьеры в Санто-Доминго, 23 августа, газета «Листин Диарио»¹ опубликовала большую статью Сусанны Морильо под заголовком: «Русский балет демонстрирует ритм, грацию и ловкость». В ней давалась похвальная характеристика каждому номеру программы «Кабардинки».

«Советский балет «Кабардинка», – писала Сусанна Морильо, – продемонстрировал ритм, грацию, ловкость, абсолютную слаженность движений, чем заслужил горячие аплодисменты зрителей. Артисты труппы показали высокую технику при исполнении традиционных фольклорных танцев Кавказа... Красивые молодые танцовщицы скользили по сцене, как если бы они катались на коньках. Движения танцоров труппы необыкновенно разнообразны: они то скользят по полу, словно намазанному маслом или покрытому льдом, то поднимаются в воздух в пируэте, с акробатической лёгкостью совершают несколько прыжков, приземляясь на колени, то передвигаются на кончиках пальчиков ног... Сенсационным было также исполнение в конце спектакля танца «Кабардинка», танца счастья, основанного на всепобеждающем жизнелюбии танцоров... В заключение хочется сказать, что «Кабардинка» несомненно останется надолго в памяти многочисленных зрителей».

¹ Ежедневный листок (исп.).

В том же номере газеты, на другой полосе, была напечатана заметка «Приехали русские». В ней говорилось:

«Приехали русские, и роскошный Национальный театр перестал быть местом, где блистали и развлекались только правящие классы. Приехали русские, и никто не выразил протеста на цену билета в 6 песо...»

Приехали русские, и Национальный театр наполнился представителями настроенных революционно слоёв общества и т.д.

Приехали русские, и Национальный театр стал общепризнанным центром искусства и культуры.

Приехали русские, и никто не проронил ни слова о культурном проникновении, все приветствовали искусство, доступное всем.

Приехали русские, и мы должны благодарить Бога за то, что добрые дела совершаются, хотя и самым неожиданным образом.

Приехали русские, и все газеты единодушны в мнениях по этому поводу.»

Двадцать четвертого августа на страницах газеты «Эль соль» («Солнце» – Исп.) появилась пространная рецензия: «Искусство «Кабардинки» воплощает русский лиризм». Её автор Минерва Иса писала:

«Из Советского Союза «Кабардинка» привезла доминиканцам высокое искусство, бесценный подарок, который должен был получить самый горячий приём.»

Высоко оценивая все танцы ансамбля, она заканчивала свою статью словами: *«Русские танцоры останутся в памяти тех, кому удалось их увидеть, как артисты высшего класса.»*

На следующей странице этого же номера газеты была помещена статья «Культура». В ней говорилось:

«Приехали русские!» – эта рекламная фраза хорошо отражает состояние доминиканца, который впервые лицом к лицу встречается с частицей народов Советского Союза.

В сторону идеологии. Мы не раз слышали о художественном превосходстве в мире искусства социалистических республик, ограничиваясь лишь «запахом жаркого» или просмотром на экранах того или иного фильма.

Любопытство доминиканцев давно питается эхом комментариев, доходящих до наших берегов, о балете Большого театра, об

ансамбле Мусеева, об ансамбле Советской армии, о Пекинском цирке.

«Кабардинка» (это слово надо было написать всё большими буквами) – ансамбль такой же высокой категории, как и перечисленные выше, и это должно радовать нас.

В сторону идеологии, – повторяю ещё раз, – доминиканская публика имела возможность насладиться несравненным искусством, в котором бьётся душа, сердце и нерв одного из народов Земли».

Следует отметить, что и в следующие дни внимание к нам со стороны доминиканской печати не ослабевало.

Двадцать пятого августа «Кабардинка» дала в Национальном театре ещё два концерта – и оба в прежнем ключе.

Тяжёлые тёмно-серые тучи медленно проплывали над островом Гаити 26 августа, когда я вышел на балкон, быстро прикрыв за собой массивную дверь, чтобы горячий тропический воздух не хлынул в комнату. Казалось, неизбежен ливень, который в этих краях нередко приобретает грозный характер. Однако вскоре всё изменилось неожиданным образом, и солнце полностью овладело положением. Здесь, в районе Антильской гряды, оно гораздо более чувствительно, чем на Кавказе, где в летнюю пору собирается много жителей северных областей страны с целью впитать в себя как можно больше живительной солнечной энергии. На Антильских островах и в пасмурную погоду жарко, а в солнечную непременно надо прятаться в тени во избежание ожога со всеми его последствиями. Поэтому всё время от завтрака до обеда в тот день мы проводили в городке отдыха «Эмбаходора» по регламенту: пять минут на солнце, столько же в воде, час в тени под пышными пальмами. В течение нескольких часов мы с Михаилом Ахмедовым перебирали здесь две стопки газет и журналов, в которых нашли отражение наши выступления в Аргентине, Эквадоре, Колумбии, Панаме, Коста-Рике, Никарагуа, Сальвадоре, Перу и Доминиканской Республике. В них было очень много восторженных отзывов о «Кабардинке», её артистах и искусстве. Но не только. В них говорилось и о Кабардино-Балкарии, причём, возможно, даже больше, чем было написано зарубежными изданиями за всю предшествующую историю. Журналисты переносили на газетные страницы многое из того, что мы рассказывали на пресс-конференциях и в частных беседах с ними.

В тот день круто менялись наши условия работы в Санто-Доминго. Доминиканцы решили перенести оставшиеся концерты в «Калисео» – огромный Дворец спорта в одном из зелёных районов города. Мы, взяв на себя дополнительные трудности и испытания, согласились с ними, понимая, что такая передислокация даёт многим простым людям возможность посмотреть на выступления наших артистов.

Первый концерт в этом дворце, состоявшийся с половины шестого до половины девятого вечера, несмотря на изнуряющую духоту, артисты «Кабардинки» провели успешно. На вечерний концерт (9-й в Санто-Доминго, 68-й в Латинской Америке) пришли 5 тысяч доминиканцев. Их вовсе не смущала жара, и они два с половиной часа с наслаждением смотрели на танцы ансамбля.

В полдень 29 августа над Санто-Доминго разразился ливень необычайной силы. Он застал нас с Леонидом Дышековым в бассейне. Такое мы видели впервые в жизни, но не стали прятаться, решив испытать его на себе. В тот момент можно было даже допустить мысль о том, что остров со всем, что создано на нём людьми, вот-вот окажется под водой и станет частью Мирового океана. Но вода исчезла куда-то, а земля оставалась. Около часа продолжалось фантастическое низвержение воды на землю, став на время единственным предметом внимания людей, оказавшихся очевидцами этого грозного впечатляющего явления природы. Ливень неожиданно резко оборвался, и мы с Дышековым вылезли из бассейна и поспешили в гостиницу.

В отеле нас ожидали Мануэль Тименталь и Максвелл Химинес. Они в один голос объявили мне в радостном волнении:

– Сеньор министр, президент Балагер желает встретиться с вами и артистами ансамбля. Вас ждут в Национальном дворце сегодня в 19 часов.

По взволнованности доминиканцев и импресарио было видно, что для них это происходит неожиданным образом и представляет большой интерес. Выяснив, по каким каналам получено приглашение Хоакина Балагера, я ответил им:

– Ну что ж, сеньоры, сообщите начальнику канцелярии президента, что мы принимаем приглашение главы Доминиканского государства с благодарностью.

Наступил вечер. У парадного подъезда Национального дворца Дельгадо нас встретил шеф протокольного отдела президентской администрации доктор Хосе Адрес Эрмида и провёл в Зелёный зал на втором этаже дворца. Мы ожидали здесь президента несколько минут, ожидали человека грозного, богатырского телосложения. Такое представление можно было составить из бесчисленного множества расклеенных по всему городу предвыборных портретов Балагера и всего того, что нам было известно из его жизни. Но вот появилась большая группа людей, в основном военных. Впереди шёл изящный пожилой человек ниже среднего роста, смуглый, как большинство латиноамериканцев. Это и был глава Доминиканского государства и правительства Хоакин Балагер. Его сопровождали министр вооружённых сил контр-адмирал Рамон Эмилио Химинес, начальник Главного штаба армии генерал-майор Энрике Перес, начальник отдела военных советников генерал Элихио Бисоно Джексон, а также Цезарь Эррера – директор отдела информации и печати правительства, Рафаэль Бельо Андино – заместитель министра административного отдела, Хосе Мининьо – помощник президента, доктор Хосе Андрес Эрмида и майор Педро Браулио Альварес.

Президент тепло поздоровался со мной, спросил, как я чувствую себя в его жаркой стране, и, попросив разрешения пожать руку всем артистам ансамбля, стал обходить гостей, которые стояли вокруг лежавшего на полу огромного китайского ковра. Свита его, состоявшая преимущественно из лиц высоченного роста, медленно следовала за нами, стараясь слышать, что говорил нашим артистам Балагер тихим, бархатным голосом. Между тем он расспрашивал их об их здоровье и самочувствии, благодарил за прекрасный спектакль. Кинофоторепортёры беспрерывно стрекотали своими аппаратами. Завершив обход советских гостей, мы с президентом вернулись в середину зала.

– Сеньор министр, – сказал президент, обращаясь ко мне, – вы и ваш балет первыми из Советского Союза ступили на землю Доминиканской Республики. Мне стало известно, что вам это удалось без труда. Вы сделали смелый шаг, который делает вам честь. Большое спасибо и вам, и вашим артистам. Поверьте, мы искренне рады вам.

– Польщён вашими словами, господин президент. Но мне кажется, что вы несколько переоцениваете наш поступок. Да, как вы отметили, мы столкнулись с некоторыми трудностями, прежде чем решиться на визит в вашу страну. Однако открою вам наш маленький секрет: нас вдохновляла мысль о том, что сыны Испании первыми обнаружили и завоевали остров Гаити, а мы, сыны Кабардино-Балкарии, своим мирным дружеским визитом первыми из СССР откроем Доминиканскую Республику на этом острове и завоюем симпатию её жителей.

Президент улыбнулся и продолжил нашу беседу.

– Для доминиканцев «Кабардинка» была открытием. Её спектакли очень заинтересовали нас, – сказал он. – Я хотел бы, чтобы дело, которому вы положили начало, было продолжено, чтобы вслед за вашим балетом к нам приезжали и другие советские фольклорные ансамбли.

– У нас, в Советском Союзе, много и фольклорных ансамблей, и певцов, и музыкантов, искусство которых оставит у доминиканцев приятное впечатление. Если с вашей стороны будут проявлены интерес и желание, то за нами последуют и другие творческие коллективы, – ответил я хозяину Национального дворца Дельгадо.

Мы разговорились. Президент поинтересовался системой руководства культурой и искусством в Советском Союзе, статусом нашего министерства, проблемами, которые оно решает, его ролью в воспитании молодёжи. Получив ответы на свои вопросы, президент сменил тему разговора, спросив меня:

– Скажите, пожалуйста, сеньор министр, какое впечатление произвела на вас моя страна?

– Доминиканцы, – сказал я, – с которыми нам довелось встретиться, производят очень приятное впечатление, они общительны и гостеприимны. Что же касается земли вашей, господин президент, то она сказочно красива.

Реакция Балагера на мои слова была неожиданной. Он решительно поднял голову и столь же энергично произнёс:

– Ради процветания этой, как вы сказали, сказочно красивой страны, я работаю двадцать четыре часа в сутки – не один год, а много лет.

Это было сказано без тени смущения, более того, как мне показалось, с какой-то обидой, будто старания и заслуги его не всегда находят признание.

– Видно, нелегко быть президентом, – заметил я.

– Да, очень и очень трудно, – произнёс он чуть спокойней.

– А мы, министры, порой думаем, что нам достаётся больше, – пошутил я, обратив свой взгляд на сопровождающих президента лиц.

Быть может, разговор на эту тему продолжался бы и дольше. Но тут подошёл к нам здоровенный официант-негр с большим золочёным подносом, заставленным фужерами с янтарным напитком. Президент протянул мне бокал.

– Я надеюсь, – сказал он, – что ваш приезд и ваши выступления послужат делу установления и развития дружественных отношений между нашими странами. За счастье советского народа! – повысил Хоакин Балагер свой голос и выпил шампанское.

Последовал мой ответ:

– За подлинное процветание Доминиканской Республики, за благополучие её народа, за ваше здоровье, господин президент!

Президент Балагер вернулся к нашим делам. Он спросил, не встречаемся ли мы с трудностями и проблемами, сколько времени мы ещё можем работать в Санто-Доминго и, выразив удовлетворение тем, что нам предстоит выступление во Дворце спорта Олимпийского стадиона столицы, добавил:

– Если у вас возникнут какие-нибудь трудности, обращайтесь, пожалуйста, ко мне лично.

Я поблагодарил главу государства за тёплый приём, его готовность помочь нам. Время, отведённое для встречи с нами, очевидно, было на исходе. Мы, пожелав друг другу здоровья и благополучия, попрощались.

Окинув уважительным взглядом гостей, Хоакин Балагер в окружении своей свиты оставил Зелёный зал Дворца Дельгадо. Вскоре вместе с Карлосом Пиантини, Мануэлем Тименталем, Максвеллом Химинесом и Цезарем Моралесом мы покинули главную резиденцию президента республики. До ожидавших у подъезда машин нас проводил Хосе Андрес Эрмида, встретивший здесь «Кабардинку» час тому назад.

Необычайно возбуждённый и радостный Цезарь Моралес бросил Тамаре Тайзлиной два слова: «Радио Миль!» и, сев за руль своей машины, с огромной скоростью понёсся по улицам доминиканской столицы. Как объяснил нам Максвелл Химинес, он поехал распорядиться, чтобы сообщение о приёме «Кабардинки» президентом Балагером было тотчас же передано зарубежным информационным агентствам.

В пятницу 30 августа газеты Санто-Доминго вышли с сообщениями о состоявшейся накануне вечером встрече президента Хоакина Балагера с коллективом нашего ансамбля.

В опубликованном газетой «Эль-Карибе» отчёте, озаглавленном «Хоакин Балагер и советский министр произносят тосты в Национальном дворце», говорилось: *«Президент Хоакин Балагер и министр культуры Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики вчера вечером подняли тосты за счастье советского и доминиканского народов. Тосты, произнесённые главой Доминиканской Республики и господином Константином Эфендиевым, явились частью приёма, устроенного президентом Балагером в Национальном дворце в честь находящегося в стране фольклорного ансамбля «Кабардинка». Насколько нам известно, это первый случай, когда глава Доминиканского государства произносит во Дворце доктора Дельгадо тост за счастье советского народа, с которым наше правительство не имеет отношений на уровне дипломатического представительства или консульства».*

Материалы газет отличались благожелательностью к нашему народу и нашей культуре и сопровождались многочисленными фото-снимками.

Вечером в том же «Колисео» – Дворце спорта Олимпийского стадиона Санто-Доминго состоялось десятое и последнее выступление «Кабардинки» в Доминиканской Республике. Оно проходило в более сложных и трудных, чем 26 августа, условиях, вызванных сильнейшим тропическим ливнем, начавшимся за полчаса и прекратившимся лишь через час после окончания нашего концерта. Немало усилий потребовало заключительное представление от наших ребят, но они и на этот раз были столь же жизнерадостны и целеустремлённы, сколь упорны и мужественны в подобных ситу-

ациях. Финал закрепил заслуженный успех, неизменно сопутствовавший кабардино-балкарским артистам в этой далёкой островной стране.

Завершая хронику пребывания «Кабардинки» на острове Гаити, хочу отметить, что мы здесь всё время были окружены вниманием и заботой доминиканцев, пригласивших нас в свою страну на гастроли. В свободное от работы время нам устраивали приёмы и экскурсии, оставившие неизгладимый след в нашей памяти. Всем нам очень понравились, например, устроенные Мануэлем Тименталем приём в ресторане, разместившемся в густом приморском саду, и экскурсия в Музей искусств доиспанского периода.

В нашем длительном турне по Южной и Центральной Америке за Доминиканской Республикой следовала Мексика. Вылет туда всего коллектива одним рейсом, к сожалению, оказался невозможным. Пришлось разделить на две группы. С первой из них в 6 часов 15 минут 1 сентября 1974 года Т. Тайзлина, М. Ахмедов и я вылетели из Санто-Доминго, оставив там большинство артистов «Кабардинки» вместе с Е. В. Ароновым и К. Кассио. Аэробус американской авиакомпании, заполненный 350 пассажирами, за 3 часа 40 минут перенёс нас из столицы Доминиканской Республики в столицу Мексиканских Соединённых Штатов, преодолев более трёх тысяч километров пути. За время этого перелёта под крылом воздушного корабля четыре раза проплывала одетая пышной зеленью земля и трижды оставались позади нас лазурные просторы Карибского моря и Мексиканского залива. Я, как всегда в полёте, неотрывно смотрел в иллюминатор с записной книжкой и картой в руках.

Совершив мягкую посадку, аэробус вплотную подрулил к аэровокзалу мексиканской столицы, и через несколько минут мы ступили на землю Мексики, первой из всех стран Американского континента, установившей в 1924 году дипломатические отношения с СССР. Здесь тепло встретили нас три товарища из советского посольства и знакомый нам по Сан-Сальвадору Рафаэл Гаона с супругой Люпитой. Сравнительно быстро прошли таможду и выехали в город. Множество автомобилей различных марок нескончаемой вереницей двигалось к столице, выбрасывая из своих двигателей огромную массу ядовитых газов.

В машинах было душно. Но вот и город, где ещё было утро. Минут через двадцать остановились у подъезда гостиницы «Сюитес Текпан», состоящей из нескольких высотных зданий. Она с этого часа стала нашим уютным жилищем почти на весь сентябрь. Каждый номер её – это современная, хорошо оборудованная квартира с кухней, холодильником, телефоном, ванной комнатой и предметами быта и, разумеется, спальней.

Через два часа после приезда нас всей группой провели в тенистый сад отеля – чудесный зелёный уголок в лабиринте огромного огнедышащего города. Здесь-то и состоялась наша первая пресс-конференция для мексиканских журналистов, по всем правилам обставленная добрым хозяином. Представители столичной прессы, радио и телевидения проявляли большой интерес к «Кабардинке» и нашей республике, задавали много вопросов, беседовали с артистами ансамбля, делали съёмки. Это нравилось Рафаэлу Гаона, пригласившему наш ансамбль на длительные гастроли.

Мы долго находились в этом саду. А когда солнце, весь день накалявшее многомиллионный город, стало клониться к горизонту, Р. Гаона предложил мне, М. Ульбашеву и Т. Тайзлиной поездку по Мехико. Это была беглая, но приятная экскурсия, продолжавшаяся до позднего вечера. Мы побывали в знаменитом парке «Чапультапек»; в специальном ресторанчике, где собираются страстные любители чая и царит атмосфера поклонения этому ароматному напитку. В разъездах по городу мы с Мутаем восхищались многим, но более всего искусством управления автомобилем, за рулём которого сидела жена Рафаэля – Люпита, стройная молодая женщина с большими чёрными пронизательными глазами. Люпита вела машину, как нам казалось, слишком легко и непринуждённо, словно имела дело с какой-нибудь игрушкой, а не с современной моторной каретой, в салоне которой сидели подданные трёх держав мира – СССР, Бразилии и Мексики. Обратная дорога произвела на нас весьма приятное впечатление. Мехико ночью – исключительно яркое зрелище. Настолько красочно иллюминирован город, что подобного ему в декоративном освещении мы ещё не встречали.

Солнечным утром 2 сентября 1974 года мы поехали в международный аэропорт, чтобы встретить вторую группу наших товарищей, думая, что они прилетят в Мехико так же рано, как мы накануне. Однако ждать их пришлось долго, так как самолёт, на котором

они летели, совершил промежуточную посадку в Кингстоне – столице государства Ямайка на одноимённом острове. Тем радостнее была наша встреча: обнимались, целовались, словно год длилась наша разлука.

Премьера «Кабардинки» была назначена на 3 сентября. Более суток имели мы, таким образом, на адаптацию, крайне необходимую, чтобы жизнь на высоте более 2200 метров после длительного пребывания на уровне Мирового океана не была бы уже тягостной, а работоспособность восстановилась бы до почти нормальной. В ночь со 2-го на 3 сентября спали лучше те, кто прилетел в Мехико раньше. Причина – всё та же высота и её спутница – разрежённость воздуха, недостаток кислорода в нём.

Утром 3 сентября поехали в «Аудиторио Насиональ» – место работы «Кабардинки» в первую половину месяца. В общем потоке огромного количества автомобилей (нам говорили, что по улицам города Мехико постоянно бегают не менее миллиона машин) наши автобусы продвигались медленно. Казалось, что мы стояли перед светофорами дольше, чем ехали. Примерно через час мы уже были в Национальном парке «Чапультапек», где сосредоточены многие учреждения культуры и искусства и находится, в частности, Концертный зал, он же Дворец спорта, получивший название «Аудиторио Насиональ». Скажу откровенно, мы не были обрадованы условиями работы здесь: сцены, как таковой, во дворце нет – ни кулис, ни занавеса. Закутки, собранные в глубине спортивной арены из различных щитов и ширм, должны были служить местом минутного отдыха, одевания и частого переодевания артистов. Короче говоря, здесь всё удобно для зрителей, но совсем не удобно для выступающих перед ними. Выбора, однако, у нас не было – реклама была запущена, она делала своё дело. Мутай Ульбашев провёл получасовой тренаж, после короткого отдыха – хорошую репетицию, и коллектив вернулся в гостиницу, чтобы пообедать и отдохнуть.

Добираться до «Аудиторио Насиональ» вечером было ещё труднее, чем днём. Это нервировало наших артистов, которые и без того испытывали обычное перед премьерой волнение, от чего служители искусства не могут избавиться всю жизнь. Нелёгкок был этот час для артистов. Но и в этот вечер, 3 сентября 1974 года, когда «Кабардинка» впервые представлялась темпераментным мексиканцам, наши ребята и девушки тщательно готовились к выступлению,

помогая друг другу одеваться и гримироваться, придирчиво оглядывая себя и товарищей. Между тем тысячи мексиканцев занимали свои места в зале, надеясь увидеть что-то интересное, оригинальное и самобытное, яркое и запоминающееся.

Не стану описывать подробно ход первого концерта нашего ансамбля в мексиканской столице. Отмечу лишь, что первый же танец его вызвал взрыв аплодисментов, а после последнего номера программы под высокими сводами огромного дворца долго стояла громовая овация публики. Тут же приведу для читателя первые отзывы прессы, которые появились через день после премьеры.

«Триумф «Кабардинки» – так озаглавила газета «Эль Диа» («День») свой рассказ о первом представлении нашего ансамбля. Вот он:

«Как и следовало ожидать, балет «Кабардинка», выступавший в «Аудиторио Насиональ», очаровал мексиканскую публику. Все номера, исполненные его необыкновенными танцовщиками и танцовщицами, встречены продолжительными аплодисментами.

Красоту артисток ансамбля подчёркивают великолепные костюмы из тончайших шелков, отделанных золотом, экзотические головные уборы и прозрачные вуали, которые гармонируют с весьма строгими костюмами мужчин, выполняющих опасные фигуры.

Некоторые номера программы «Кабардинки» явились для нас настоящим открытием. Ею были исполнены танцы, которые ставят «Кабардинку» в ряд лучших ансамблей мира, что объясняется также тем, что ансамбль строго следует древним традициям кавказского танцевального искусства и выражает эти традиции в форме классического танца.

Удивительное сочетание силы, поэзии и чистоты повествует нам о солидарности искусства далёкой республики Кавказа, переносит нас в страну, где родились и живут исполненные артистами легенды.

«Исламей» – танец, которым начинается спектакль, восходит к истории легендарных предков кабардинцев; «Танец влюблённых» (грузинский), «Танец с кинжалами», «Танец девушек» очаровали публику чёткостью и чистотой исполнения, что можно сказать и о «Танце чабанов», и о комических сценах, которые вызвали горячие симпатии зрителей «Аудиторио Насиональ».

Право же, этим отзывом столичной газеты можно было остаться довольными. Перевод его, сделанный с ходу здесь, в Концертном зале, передавался из рук в руки, как это делается с долгожданной телеграммой, полученной издали. Ребята и девушки наши радовались. Для них Мексика и её столица Мехико – столица «Олимпиады-68» – были страной и городом нерядовыми. Они стремились сюда с особым рвением и волнением. Им было совсем небезразлично, как отнесётся к нашему искусству мексиканская публика, избалованная выступлениями лучших ансамблей мира, среди которых советские отличались и мастерством, и разнообразностью, и жизнерадостностью.

Премьера в Мехико, на большой высоте над уровнем моря отняла у наших ребят, не успевших акклиматизироваться, много сил. Думая, что физический отдых более необходим, чем назначенная на утро 4 сентября репетиция, мы отменили последнюю, хотя, конечно, артисты в ней нуждались. Правильно это было сделано или нет, показал концерт вечером того же дня. А пока мы решили, воспользовавшись моментом, посетить всем коллективом советское посольство в Мехико. Собрались в вестибюле гостиницы в 11 часов. Ехали почти час. В машине ехать было нелегко. Солнце, высота над уровнем моря в два с лишним километра и жуткая загрязнённость воздуха делали нас, не привычных к такой среде, вялыми. Многие жаловались на головную боль. Но вот остановились автобусы на перекрёстке двух мало загруженных транспортом улиц, и мы вышли на огороженную невысоким забором территорию нашего посольства. Здесь, показалось нам, был другой мир. Тенистый сад с огромными деревьями будто укрощал солнце, являясь одновременно фабрикой кислорода. И городской шум проникал сюда, как далёкое эхо. Дышалось легче.

– Какой рай, как здесь хорошо! – восхищались наши девушки.

Глядя на них, я подумал: «Да, соскучились мы по родной земле». Микроклимат на небольшом участке советского посольства в Мехико, показавшийся нам райским уголком, наверное, есть творение не только живой природы, но и нашего воображения, наших чувств и мыслей. Земля моя! Что может быть ближе сердцу, живительней, пленительней тебя?!

– Друзья мои! Мы на своей земле, мы дома, – произнёс я, обращаясь ко всем. – Побудьте здесь несколько минут, подышите нашим воздухом, пока мы разберёмся в обстановке.

Вместе с Ахмедовым и Ароновым мы направились к двухэтажному особняку, хозяева которого не были предупреждены о нашем визите. Очень тепло встретил нас здесь временный поверенный в делах СССР в Мексике Анатолий Иванович Филатов. Пригласили весь коллектив ансамбля. В небольшом зале клуба посольства состоялась обстоятельная беседа о Мексике, обо всём, что могло заинтересовать нас в этой стране. Её провёл Валентин Иванович Антонов. Мы, в свою очередь, рассказали работникам посольства о своей республике, её достопримечательностях, об истории «Кабардинки». После этой встречи мы согласовали с Филатовым программу пребывания ансамбля в Мексике. Она предусматривала двухнедельную работу в столице и выступления в ряде штатов страны, что, разумеется, было важно для нас как с точки зрения более широкого ознакомления мексиканцев с искусством Кабардино-Балкарии, так и с точки зрения более полного удовлетворения наших познавательных интересов.

Вечером того же дня ансамбль дал второй концерт. Он явился, по-моему, самым трудным из всех, что мы провели до сих пор в Латинской Америке. Начало его было вялым. Минут двадцать ушло на «разогрев». Стараясь внести перелом и искупить свою вину за неудачное начало, наши ребята стали выкладываться. Это не могло не сказаться положительно на ходе представления. Первое отделение его закончилось эффектно, и ребята, вытирая свои мокрые от пота лица, скрылись за кулисами. Второе отделение прошло на высоком уровне. Мужчины танцевали с присущим им задором, а женщины заулыбались, и улыбкой этой вернули себе свою подкупающую силу. Зрители не остались в долгу. Даже после того, как артисты наши откланялись в последний раз и стали переодеваться, в зале ещё раздавались овация и возгласы: «Браво, браво «Кабардинка»! Браво!».

К своему третьему концерту готовились основательно. Были предусмотрены и учтены все нюансы, расставлены точки наибольшего приложения физических усилий и моменты сбережения сил. Не обошли и психологическую сторону дела, чтобы не допустить

скованности и нервозности, обеспечить возможно большую свободу в движениях на сцене и общении с публикой. Разумные меры всегда уместны и полезны. И хотя они за короткий срок не могли нейтрализовать в полной мере противодействие сил не освоенной ещё нами природной среды, эти меры должны были оказаться и оказались действенными и полезными. Вечером концерт вызвал у публики ту реакцию горячего одобрения, которая оказывает на исполнителей магическое действие, придаёт им мощный прилив сил и энергии. На этом представлении было приятно всем – и зрителям, и нам, болельщикам, и самим танцовщикам и танцовщицам.

Из-за болезни двух наших товарищей ночь после третьего концерта прошла у нас в тревоге. Пришлось вызывать врача, который приехал в гостиницу в час ночи. Утром им стало заметно легче, и настроение наше соответственно улучшилось. Руфина Ивановна сразу взялась за перевод опубликованной газетой «Ла Пренса» 5 сентября статьи «Спектакль ансамбля «Кабардинка» – праздник красок, пластичности и красоты».

Приведу некоторые выдержки из неё: *«Кабардинка» – это взрыв страстей и безмятежная нежность, порывистость и пластичность, звуки взбунтовавшихся барабанов, полные грусти звуки флейты, то бравурные, то протяжные звуки аккордеона. Всё контрастно. Лица выражают любовь, ярость, романтичность...*

Девушки грациозны и нежны подобно хрупким куклам, мужчины же ловки, быстры и легко выполняют акробатические движения...

Более всего важно, что мы видим этот коллектив в такое время, когда «пользуются успехом» спектакли с участием обнажённых девиц, а также на скабрёзные темы или «альбурейо».

«Кабардинка» – спектакль всех вкусов, который приносит удовольствие и взрослым и детям, широко открывающим глаза от удивления при виде невероятных прыжков и па, исполняемых артистами.

Спектакль начинается танцем «Исламей», восходящим, как это говорится в программе, к самому старинному кавказскому фольклору. Вслед за ним следуют один за другим танцы необыкновенной красоты. Зрители как бы оказываются в волшебном царстве... Танец, выражающий воинственный дух кабардинцев и балкарцев, сменя-

ется танцем влюблённых, полным нежности. Приятная мелодия, которую ведут аккордеоны (наши гармоники. – Авт.), сменяются бравурной, порывистой мелодией танца с кинжалами, которые в конечном счёте вонзаются в пол.

Спектакль «Кабардинки» сопровождался бурными аплодисментами и овацией зрителей».

Вечером 6 сентября в «Аудиторио Насиональ» состоялся четвёртый концерт «Кабардинки». Он был осложнён вмешательством Мексиканского телевидения, которое, с нашего согласия, решило организовать прямую передачу из зала нескольких фрагментов программы, сопровождая её беседой со мной и группой артистов ансамбля. ПТС была установлена в зрительном зале дворца. Эта беседа, в которой приняли участие З. Марышев, М. Алакаев, А. Кодзев, В. Мисакова, С. Асаева, Х. Шомахов и Р. Пахомова, как и вся передача в целом, была проведена Ликом Франческо Станлеем – генеральным секретарём профсоюза работников радио и телевидения и его коллегами весьма интересно и тонко. После передачи они горячо поблагодарили нас и уехали, оставив нам приглашение в гости. Вскоре закончился весь концерт, прошедший на должном уровне, и, проехав половину спящего Мехико, к полуночи мы вернулись в отель. Больные встретили нас уже на ногах и тем обрадовали нас. Похоже было, что они идут к полному выздоровлению, а ансамбль в целом находится на грани преодоления горной болезни. Бодрость ребят, веселившихся в этот поздний час, завершавший нелёгкий рабочий день, свидетельствовала о близости перелома в физическом состоянии и настроении наших людей. Это было замечательно, тем более замечательно, что в субботу 7 сентября нам надо было выдержать испытания уже не одного концерта, а двух – с интервалом в один час. Это обязывало нас лечь спать раньше обычного, что и было сделано. Во всяком случае, в половине первого в наших блоках наступила полная тишина до утра.

– Ну и день сегодня! – воскликнул утром стоявший у окна Михаил Ахмедов, убедившись, что я уже не сплю, а листаю учебник испанского языка.

– А что там особенного? – отозвался я с постели.

– Солнце, прекрасное солнце. Выгляните в окно, – ответил он.

Я вскочил, быстро надел спортивный костюм и подбежал к окну. Картина, открываясь мне с высоты двадцатого этажа гостиницы «Сюитес Текпан», действительно, была красивой. Скользящие лучи утреннего солнца касались восточных сторон высотных зданий, определяющих архитектурный облик Мехико; над ним ещё не занялось марево, которое к полудню успевает прикрыть собой многие районы города, оказывая на всё живое угнетающее воздействие; листва парков и скверов, отмытая предупреденным дождём, казалась необыкновенно свежей и зелёной. Словом, было на что глядеть, чем любоваться. Насмотревшись вдоволь, мы перешли на противоположную сторону нашей квартиры, чтобы обозреть половину города-гиганта. Она, эта половина, где-то далеко-далеко от нас незаметно сливалась с уходящим вверх, в горы, лесным массивом. С высоты птичьего полёта мы с Михаилом легко обнаружили знакомые нам уже здание Министерства иностранных дел, Олимпийский стадион и городок Автономного университета, Кафедральный собор и парк «Чапультапек».

Между тем время ускоряло свой ход, стремительно приближались дела, которые должны были начаться со встречи с журналистами из «большой, очень популярной газеты», как сказала сеньора Люпита Гаона, по просьбе которой было дано согласие на эту встречу. И вот, едва мы успели вернуться с завтрака, раздался громкий стук в дверь нашей квартиры. Вошли Руфина Пахомова и двое солидных мужчин. Именно они были журналистами из газеты «Эксельсиор», издававшейся в столице большим тиражом.

Александр Сорондо, так звали одного из гостей, обозрев наше жилище, обратился ко мне с просьбой.

– Сеньор министр, я хотел бы, прежде всего, спросить вас, возможно ли участие в нашей беседе артистов «Кабардинки»? – поинтересовался он.

– Здесь нет проблем, сеньор Сорондо, но кого вы хотели бы привлечь к нашей беседе? Мужчин? Женщин? Или и тех и других? – ответил я на его вопрос вопросом.

– Знаете, мне будет очень приятно встретиться с любым из ваших замечательных артистов, но... но скажу откровенно, – продолжил он смущённо, – если я не увижу близко кого-нибудь из пленительных танцовщиц «Кабардинки», буду немного огорчён.

– Вы находитесь у нас в гостях. Стало быть, как это принято у кабардинцев и балкарцев, ваши желания подлежат удовлетворению, – сказал я, улыбаясь, мексиканскому журналисту, и попросил Руфину Ивановну пригласить к нам парня и девушку, которые первыми встретятся с ней в подъезде отеля.

Очень скоро она вернулась с Валентиной Мисаковой и Анатолием Хадзеговым, которые намеревались сходить в город за какими-то покупками. Фоторепортёр, сопровождавший сеньора Сорондо, с ходу сделал щелчок своим аппаратом. Состоялось знакомство, после чего началась беседа, продолжавшаяся более двух часов.

В один момент нам показалось, что мексиканец устал записывать наши сообщения. Воспользовавшись этим, мы попросили его ответить на ряд вопросов. Он охотно согласился.

– Теперь, сеньор, сфотографируйте нас вместе, так будет справедливей, – обратился я к фоторепортёру и пересел к Сорондо, заметив, что объектив направлен на меня.

Когда были выяснены все интересовавшие обе стороны вопросы, мы поблагодарили друг друга и стали прощаться.

– Вероятно, мы больше не встретимся в таком узком кругу, поэтому мне хочется сказать вам, сеньор, что я видел много балетных ансамблей, но то, что довелось мне увидеть вчера в «Аудиторию Националь», я ставлю под номер один. «Кабардинка» – это превосходный ансамбль.

– Нам дорого ваше мнение, благодарим вас и желаем вам счастья, – ответил я за нас всех, пожав руку на прощание Александру Сорондо.

Мы остались одни. Валентина и Анатолий отказались от своего намерения идти в город.

– Лучше я пойду к себе и приготовлю вам вкусный обед, только обещайте не отказываться от него, – весело сказала Валя и, взглядом позвав за собой мужа, вышла из нашего номера.

Мы с Михаилом Ахмедовым включили радио. По нему передавали такие песни, что оторваться от них было трудно. Особенно понравились нам очень нежная «Телеграмма» в исполнении певицы с чистым, как родник, сопрано и «Ла Мухер» («Женщина»). Вскоре пришёл Анатолий и сообщил, что Валя приглашает к столу. Мы с

удовольствием поели у них суп из свежих овощей и хорошо поджаренную на сковороде курятину.

Через час небольшими группами стали возвращаться из города наши товарищи. Все они бережно держали в руках огромные раззолочённые сомбреро, которые мы тщетно искали во всех странах Латинской Америки. На их лицах было столько радости, что подари им коней – не так бы сияли от счастья. Появился с ребятами и Мутай Ульбашев, тоже с сомбреро, но особенно широким и ярким.

– Долго мы искали эту шляпу, – сказал он уставшим голосом. – Язык, наконец, привёл нас на рынок. Он находится рядом с нами, а мы, не зная об этом, обошли полгорода.

В три часа пополудни выехали в «Аудиторио Насиональ». Перед началом репетиции минут тридцать погуляли в тенистых аллеях Национального парка «Чапультапек». Здесь мы жадно вдыхали свежий воздух, насыщенный кислородом. Едва уловимый шелест желтевших к осени листьев на верхушках огромных деревьев нежно ласкал слух, успокаивал нервы. Всем было приятно и весело. Подготовку к концертам провели с удвоенной энергией.

К концу первого отделения первого в тот день концерта ансамбля Руфина Пахомова вручила мне три рецензии сразу. Приведу некоторые выдержки из них.

Газета «Эль Универсаль» свою статью в номере за 6 сентября начинала словами: *«С помощью нежных, а также энергичных движений артисты балета «Кабардинка» создали спектакль, выражающий чувства, близкие всем людям мира, чередуя картины-сказки, подобно Шехерезаде в «Тысяче и одной ночи»... – в заключение газета писала: – Закончился спектакль народным танцем «Кабардинка», представляющим синтез быющей через край жизнерадостности и безудержного темперамента».*

«Хореография танцев ансамбля великолепна, а их обилие и быстрая смена ритмов в таких танцах, как «Исламей», «Кафа», «Лирический», «Танец чабанов», «Абзех», «Кабардинка», демонстрируют ритм и точность», – отмечалось в статье, опубликованной газетой «Эль соль де Мехико» («Солнце Мехико») 7 сентября.

Столичная пресса активно освещала, таким образом, нашу работу в Мехико, высоко отзываясь об искусстве ансамбля. Я внимательно вчитывался в её отзывы.

Между тем наши артисты подходили уже к финалу первого отделения первого в тот день концерта. Публика неистово аплодировала им, стучала каблуками, кричала во весь голос... В ходе второго концерта, закончившегося в десять часов вечера, можно было подумать, что зрители работают не меньше артистов «Кабардинки» – такова была реакция темпераментных мексиканцев, по-видимому, очень любящих танцевальное искусство.

Ночь с 7-го на 8 сентября на нашем этаже прошла беспокойно. До самого рассвета в соседней квартире, где, кажется, жили три юные красавицы, творилось невообразимое. Мы почти не спали. Между тем наступавший день обещал много интересного: нам предстояла экскурсия в один из самых интересных музеев Запада – всемирно известный Национальный музей антропологии. День закономерно вступил в свои права, озаряемый восходящим солнцем. Быстро управившись с первыми утренними делами, мы с Михаилом Ахмедовым спустились вниз. Два поворота направо привели нас в тот самый сад, где происходила наша пресс-конференция, пышно-зелёный сквер, который отделял корпуса гостиницы от внушительного здания МИДа Мексики. Здесь чувствуешь себя крылатым – так легко дышится. Поражает разнообразие деревьев и кустарников, многие из которых мы впервые увидели на этом, не более десятины, участке земли. Здесь неожиданно мы встретились с миловидной молодой женщиной, оказавшейся художницей из Аргентины.

– Buenos días, señorina, – поприветствовали мы её в один голос.

– Buenos días, señores, – ответила она, мило улыбаясь.

– Обратите внимание на её глаза, они ненормально смотрят на нас, – произнёс М. Ахмедов, близко подойдя ко мне.

Я внимательно посмотрел на аргентинку и ответил ему:

– Не удивляйся, Михаил, все художники смотрят на мир не совсем так, как мы с тобой, как все обыкновенные люди. Иначе они не были бы художниками.

– Может быть, но она сама – очень симпатичная женщина, и её портрет мог бы украсить спальню любого пленника широко распространённого «Портрета незнакомки», – тихо сказал он, глядя в лицо милой женщины.

Аргентинка, действительно, была прелестной особой. И манера говорить своим мягким бархатным голосом медленно, чтобы мы её

понимали, тоже подкупала. Но продолжать с ней разговор мы, к сожалению, не могли, просто не было времени. Стали прощаться и я сказал ей по-испански:

– Asta la vista, señorina, en Moscu!

Она оставила свой этюдник и прошла с нами до арки отеля, служившей выходом из сада, с грустью в глазах пожала нам руки и вернулась в сад.

На экскурсию выехали все до единого. У многих в руках были записные книжки. В половине одиннадцатого подъехали к музею. Он построен в центре великолепного парка по весьма оригинальному проекту. Освежающий фонтан, на распылённых брызгах которого отчётливо виднелась радуга, встретил нас у главного подъезда музея. Далее следовал мраморный вестибюль. Он величествен, и каждый посетитель начинает испытывать здесь необъяснимое чувство ответственности, ведёт себя молчаливо и сосредоточенно. Пройдя контроль, попадаешь под огромную плоскую чашу, которая держится на облицованной камнем колонне. С её венчика низвергается вода.

В музее всё интересно. Однако наиболее богаты и впечатляющи два зала – индейских племён майя и ацтеков, некогда многочисленных и сильных, с самобытной культурой. Племя майя обосновалось в этих местах за 400 лет до нашей эры. Особую, можно даже сказать, спасительную роль в жизни этого племени играла кукуруза. Отнюдь не случайно в огромную современную роспись, сделанную здесь Раулем Ангиано по мотивам истории племени майя, вложен смысл: кукуруза дала жизнь человеку. После осмотра экспозиции, посвящённой прошлому этого племени, нас повели в подземелье: древние майя хоронили своих усопших под жилищем, хоронили с запасом еды, посудой и другими предметами.

В зале ацтеков – основателей нынешней столицы Мексиканских Соединенных Штатов, внимание посетителей привлекают календарь этого племени на 364 дня, самый точный календарь древности, макет большого рынка с сотнями человеческих фигур, обилием продуктов земледелия, скотоводства, садоводства и других даров природы. В экспозиции зала представлен составленный ацтеками план города Мехико. Здесь, между прочим, ацтеков в шутку называют «империалистами», вспоминая провозглашённый ими в далё-

кие исторические времена лозунг: «Будем господами, царями всей земли!»

В 16 часов начался первый концерт «Кабардинки» в то воскресенье. Скользящая поверхность пола сцены на сей раз подвела некоторых наших артистов. Борис Нагудов подвернул ногу, а Владимир Шогенов подвернул руку. Во время небольшого перерыва между двумя представлениями мы всласть попили арбузного соку, который привезли супруги Л. и Р. Гаона. Несмотря на полученные двумя парнями травмы и невероятную физическую нагрузку, я уже не говорю о нагрузке психологической, второй спектакль наш закончился с успехом, доставившим нам всем большую радость и удовлетворение. Он был восьмым в Мехико, с которым мы собирались продолжить знакомство следующим утром, в понедельник 9 сентября. Медленно, в плотном, нескончаемом строю автомобилей мы ехали до гостиницы около часа, любясь морем огней прекрасно освещённых улиц и площадей мексиканской столицы. Вернувшись в отель, весь остаток времени до полуночи провели в беседе за «круглым столом», в воспоминаниях о далёкой милой Родине, тоска по которой всё более и более овладевала нами, как и во всех других случаях, когда мы продолжительное время оставались в одном и том же городе, с одним и тем же регламентом жизни. Перебивая друг друга, ребята рассказывали маленькие истории из своей жизни, непременно связанные с кем-нибудь из родных и близких, друзей и товарищей. Разошлись лишь в первом часу, каждый со своими мыслями, со своей думой, чтобы, не расставаясь с ними, отдать себя во власть необоримой, но обновляющей силы – во власть сна.

Выходной день. Странно звучали для нас эти два слова в условиях длительного турне по странам Американского континента. Но выходные дни предусмотрены контрактом, и мы, стремясь сохранить спортивную форму, превращали их в дни, насыщенные экскурсиями или другими мероприятиями, связанными с непрерывным движением, заодно обогащая свою память новыми знаниями и впечатлениями. Так «неделикатно» обошлись мы и с днём отдыха 9 сентября, организовав большую экскурсию по мексиканской столице.

Центральная площадь Мехико. Туда мы направились в первую очередь. Вошли во дворец, венчаемый историческим колоколом

из Долореса, где была провозглашена независимость Мексики, и оказались перед крытой площадью с фонтаном посередине. Стены дворца украшены изумительной монументальной росписью, исполненной выдающимся мексиканским художником Диего Риверой. Поражает не только мастерство художника, но и тематическое разнообразие. Здесь и сбор дани испанцами, и битва с ними, провозглашение независимости Мексики, первый индеец – президент Бенито Хуарес, план города Мехико, рынок со всеми атрибутами, работа крестьян-кукурузоводов, труд ремесленников, процесс приготовления алкогольного напитка «пульке» из сока растений и многое другое. На стене лестничной клетки слева – Карл Маркс и его «Капитал», Государственный флаг СССР. Вместе с нами дворец обходили несколько других экскурсионных групп. Оттуда мы направились к Кафедральному собору, стоящему на этой же площади, правее дворца. Это колоссальное сооружение, построенное давно и на века. Внутри всё богато. Главный алтарь весь позолочен. Находились здесь около часа, были свидетелями богослужения. В Мексике, кстати сказать, церковь отделена от государства, а школа – от церкви, что является довольно прогрессивным актом в условиях очень религиозной Латинской Америки, где у католической церкви очень сильное влияние.

Зачарованные великолепной органной музыкой, мы вышли из собора медленно и молча. И надо же было случиться такому: перед нами появились, как нарочно, словно желая вернуть нас к земным делам, бродячие актёры. Их было трое – два парня и один мальчик не старше семи лет, который трудился в поте лица, чтобы танцевать не хуже своих взрослых коллег. На них был наряд, типичный для здешних индейцев: нечто вроде короны из ярких перьев – на голове, шорты с бахромой, расшитые индейским орнаментом и украшенные блёстками, бубенчики из множества ракушек – на бедрах. Малыш был одет в панчо. Танцевали они под барабан и маракас, прямо скажем, самоотверженно, не жалея сил своих, только бы заработать на пропитание. И те из зрителей, которые оставались довольны выступлением молодых танцоров или были сентиментальней других, бросали монеты в большую морскую раковину, стоящую у их ног. В Мексике было много таких актёров, чему нельзя и удивляться: в стране насчитывалось в тот период несколько милли-

онов безработных, надо же было жить на что-то, вот и зарабатывали они по-разному, кто как мог.

От центральной площади по одной из магистральных улиц мы поехали дальше и остановились возле одного из ведущих театров Мехико, называемого Дворцом изящных искусств (Паласио де Беллас Артеc). Здесь мы увидели работы великого художника современности Альфаро Сикейроса и, довольные этим, покинули дворец, рядом с которым в небольшом скверике стоит памятник Людвигу ван Бетховену. Вскоре мы оказались на старинной площади Сан-Фернандо, где покоится прах Бенито Хуареса. Экскурсия наша продолжалась и дальше, до самого вечера.

Всю первую половину следующего дня мы были свободны. Большинство коллектива ансамбля находилось в городе, в небольшом удалении от гостиницы. Я с группой ребят просидел до обеда в полюбившемся сквере. Здесь отдыхалось по-настоящему: чистый, свежий воздух тенистых аллей и тишина, нарушаемая лишь журчанием ручейка и едва уловимым шелестом листьев огромных деревьев, действовали на нас исцеляюще. Ранним вечером, когда мы уже готовились к выезду в «Аудиторио Насиональ», к нам приехал из Посольства СССР молодой консул Александр Дедюля, приехал провести коллектив ансамбля, узнать, всё ли у нас в порядке, не нуждаемся ли в какой-нибудь помощи.

По дороге на концерт, как это бывало часто в начале наших гастролей, в салоне автобуса звучали «Подмосковные вечера». Затем пошли другие песни, а в знаменитый Национальный парк въехали под дружное исполнение популярной в Кабардино-Балкарии тех лет песни Хасана Карданова «Кто ты, Мадина или Марина?». Коллектив был настроен весело. По всей вероятности, тех, кто придёт в этот вечер во дворец, ожидало одно из лучших выступлений «Кабардинки». Так и случилось. Время пролетело быстро. После короткой разминки ребята стали одеваться. В это время публика хлынула в зал. В течение всего первого отделения ни один из наших артистов не пользовался кислородной установкой, несмотря на бешеные темпы следования одного номера программы за другим. А когда наступил антракт, наша молодёжь заставила станцевать «Кафу» меня и Ахмедова, далеко не решительных в этом деле.

Второе отделение началось эффектно. Гордо исполнил ансамбль «Удж». Пленительной была в танцевальной картинке «Свидание» Светлана Асаева; нежно и плавно порхала на сцене, как птица, в парном танце «Исламей» Зара Дзахмишева, исполнявшая его только со своим мужем; Хасан Мамбетов и Алик Мулаев порадовали своим мастерством в аджарском танце «Гандаган»; в танце «На горном пастбище» превосходили самих себя Сафраил Балкаров, Арсен Хашукоев и другие ребята; с огненным темпераментом исполнили «Танец горянок» Елена Жабоева, Людмила Карежева, Жанна Алоева, Любовь Нагудова, Валентина Мисакова и их подруги; рыцарской отвагой блеснули в сюжетном танце с саблями «У ручья» Заур Марышев и Каральби Дзахмишев, Руслан Мацев и Хамидби Гетежев, Владимир Шогенов и Анатолий Керевов; как всегда, были обворожительны в «Стариках» Каншао Соттаев, Виктор Шабаетов и Анатолий Хадзегов. Долгая оглушительная овация публики последовала за финальным танцем «Кабардинка», вдохновенно и празднично исполненным всем составом ансамбля. Мы вернулись в гостиницу поздно вечером в отличном настроении.

Перед тем как идти спать, мы с Ахмедовым побывали у ребят. Все они были на месте и, не спеша, готовились к отдыху. Несколько лучше чувствовал себя и Хамидби Шомахов, болевший в те дни. Вернулись мы к себе ровно в полночь и решили обозреть город. Под небом, беспросветно затянутым тёмными дождевыми облаками, лежало огромное море разноцветных огней. Потрясающее зрелище! Это был Мехико, на который вот-вот мог обрушиться тропический ливень, сопровождаемый раскатами грома и молнией. Через час мы стали свидетелями и оглушительного грома, и молнии, и самого ливня.

В полдень 11 сентября заехал к нам в гостиницу Клаудио Кассио. Он был в хорошем настроении и охотно принял наше предложение пообедать с нами. Отпив несколько глотков разбавленного виски, итальянец торжественно объявил:

– Сеньоры, наконец, решена проблема вашего вылета в Гавану!

Ему с трудом удалось добиться того, чтобы нас взяли на борт самолёта Ил-18 Кубинской авиакомпании, который должен был вылететь в Гавану 27 сентября. Не скрою, сообщение итальянца обрадо-

вало нас. Оно как бы приблизило наше возвращение на Родину через Остров свободы, хотя на самом деле ещё целый месяц отделял нас от счастья увидеть своими глазами родную землю.

Тремя часами позже на имя директора Госконцерта СССР телеграф передал в Москву мою специальную депешу на испанском языке:

«Actuaciones «Kabardinka» tlenen gran exito Partimos Cuba 27 septiembre vuelo 465. Rogamos comunicarselo los companeros cubanos. Saludo ate E f e n d i e v»¹.

Получив её, Госконцерт должен был сообщить кубинским товарищам о предстоящем приезде «Кабардинки» и согласовать с ними программу её работы на Острове свободы.

Мысли всё чаще опережали время и события, уходили в далёкие дали – на Кубу, на Родину. Между тем нам ещё предстояла большая длительная работа в Мексике. А в тот день, в среду 11 сентября, мы должны были дать один из трудных концертов, так как не могли работать по болезни два боевых члена коллектива – Борис Нагудов и Хамидби Шомахов.

Как бывало во всех подобных случаях, наши ребята собрали свои силы в единый кулак, и их энергии хватило на успешное проведение концерта при щедром её расходовании. Нормально, без единой накладки, прошло и выступление ансамбля 12 сентября. Ночь после концерта прошла спокойно.

– Сегодня viernes², – громко произнёс Ахмедов, проснувшись рано утром 13 сентября.

– Ого! Ты делаешь успехи в испанском языке. Однако, Михаил, помнишь ли ты, как называют этот день кабардинцы? – отозвался я из своей комнаты.

Признаться, мне ещё хотелось поспать, но, недолго понежившись, мы оба встали и принялись за утреннюю гимнастику, неизменную спутницу нашей жизни за рубежом. В то утро в коллективе ансамбля было на редкость спокойно. Никто не собирался на прогулку, не уходил за покупками. Обойдя все номера, занятые нашими

¹ Выступления «Кабардинки» проходят с большим успехом. Вылетаем на Кубу 27 сентября рейсом 465. Просим сообщить кубинским товарищам. С уважением Э ф е н д и е в.

² Пятница (*исп.*).

товарищами, мы с Михаилом вернулись к себе и принялись за анализ откликов мексиканской прессы на выступления «Кабардинки», а затем долго слушали музыку, которую передавало столичное радио. Кое-что записывали оттуда и на магнитную плёнку.

В три часа пополудни к нам постучался Александр Дедюля – молодой, обаятельный москвич, работавший консулом в Посольстве СССР. Мы спустились с ним вниз. У подъезда гостиницы стояла машина «форд». Увидев нас, из неё вышла симпатичная молодая женщина с большими голубыми глазами.

– Моя Людмила, – не замедлил представить Александр свою жену.

Долго возили нас они по Мехико, делая короткие остановки у интересных мест, а незадолго до начала концерта доставили в «Аудиторио Насиональ». Представление «Кабардинки» в тот вечер явилось одним из самых ярких в Мексике. Наши ребята в ходе концерта ничуть не сбавляли ни темпа, ни энергии, ни темперамента и перед изумлённой публикой раскрывали всё новые грани своего таланта. Под сводами дворца долго гремела оvação, когда концерт был окончен и каждый зритель, казалось, должен был спешить к выходу.

В отличном настроении, шутя и смеясь, вернулись мы в гостиницу, совсем не подозревая, что настроение наше может круто измениться, не зная, какая трудная и тревожная ночь впереди.

Скоростной лифт брал всего несколько человек. Когда я выходил из него с последней группой, навстречу нам уже бежала испуганная Валентина Мисакова.

– Хамидби очень плохо, – сказала она взволнованно, обращаясь ко мне.

Мы кинулись в номер 1804 гостиницы. Шомахов, действительно, был плох, лежал без сознания. Руки и ноги его были ледяными. Руфина позвонила в «Скорую помощь». Словно услышав сигнал тревоги, собрался весь коллектив ансамбля. Мы, не медля, стали отогревать конечности больного. Через час он стал открывать глаза, но состояние его оставалось тяжёлым. Все были охвачены тревогой, всех, наверное, преследовала одна и та же мысль: «А вдруг...» Мучительно медленно шла ночь, никто не ложился спать. Ещё и ещё раз звонили в «Скорую помощь». К сожалению, врач нашего посольства был тог-

да в отпуске. Пришлось разбудить по телефону Валентина Ивановича Антонова, офицера безопасности нашего посольства.

Он приехал к нам незамедлительно. Через три с половиной часа дождались, наконец, и «скорой помощи». Врач, солидный мужчина средних лет, быстро осмотрел Шомахова, спокойно сказал, что больного надо госпитализировать, выписал счёт на 200 песо и, получив их, уехал.

Было уже три часа ночи, когда В. И. Антонов, Р. Пахомова, Е. Аронов и я повезли Хамидби в больницу «Далинда» на улице «Баха Калифорния». Больного положили в палату № 502, просторный бокс со всеми удобствами и телевизором, и при нас же врачи начали его обследование. Посоветовавшись с врачами и между собой, мы оставили Руфину Ивановну с больным и в четыре часа вернулись в гостиницу.

– Отдыхайте спокойно, парень будет здоров, я днём обязательно навещу его, – медленно произнёс Антонов у безлюдного подъезда «Текпана» и отъехал от него.

В половине восьмого нас разбудили не в меру суетливые соседи, и ещё через полчаса раздался телефонный звонок.

– Константин Касимович, Хамидби заметно лучше, он уже разговаривает со мной, лёжа под капельницей, – услышал я голос нашей переводчицы.

– Не знаю, какими словами благодарить вас, Руфина Ивановна, за радостное сообщение, ждите подмену, – взволнованно ответил я Пахомовой и положил трубку. За несколько минут радостная весть облетела весь коллектив ансамбля.

В этот день, как и в предшествовавший ему, у нас не было репетиций. Наши товарищи разошлись в разные стороны – кто в кино, кто в сад, а кто в магазины. Мы с Михаилом сидели в номере, не зная чем заняться. Выручил Александр Дедюля. В 11 часов он заехал за нами и повёз в город. Мастерски управляя «фордом», Александр показал нам незнакомые районы города, старейший парк «Лира», памятник президенту Хуаресу, Монумент революции на одноимённой улице, Триумфальную арку, парк «Ундида» – Музей археологии под открытым небом, монументальную работу Диего Риверы на кинотеатре «Полифорум» Сикейроса, Олимпийскую деревню и Малый Олимпийский стадион. Это была экскурсия головокружи-

тельная, доставившая нам большое удовольствие. Завершив её, Дедюля переехал на противоположную сторону и вскоре остановил машину у подъезда дома под номером 123 на улице Амаatlan. Через минуту дверь его квартиры нам открыла, мило улыбаясь, Людмила при фартуке и других атрибутах хозяйки, ожидающей гостей. Чуть позже пришли друзья дома – Леонид и Людмила Максименко. Обед наш, показавший незаурядные кулинарные способности Людмилы Дедюля, продолжался до половины седьмого вечера. К концу его, когда она подала уже кофе, мы узнали, что остроумный весельчак Леонид Максименко был корреспондентом «Правды», часто писавшим в нашу главную газету страны из Мексики.

В 19 часов Александр и Людмила повезли нас в больницу, где лежал Шомахов. Встреча с ним обрадовала нас: Хамидби выглядел уже хорошо. И здесь, кажется, с нами произошло нечто очень важное: мы освободились от длительного напряжения нервной системы. В отличном настроении оставили мы больницу и поехали на очередное представление «Кабардинки». Оно не разочаровало нас. Поздно вечером мы вернулись оттуда в гостиницу и вошли в неё с гордо поднятой головой.

Пятнадцатого сентября. Воскресенье. В некотором роде знаменательный день: вечером «Кабардинке» предстоял последний концерт в Мехико. Этот день мы все ожидали с нетерпением и, разумеется, встретили его с радостью. Е. Аронов и Р. Пахомова поехали в больницу проведать больного Шомахова и присматривающего за ним Хадзегова. Вернулись оттуда в полдень вместе с ними. Тоже радость. Пообедав и хорошо отдохнув, коллектив ансамбля заблаговременно поехал в Национальный парк, чтобы тщательно подготовиться к своему заключительному концерту в столице страны.

Он проходил в оригинальной обстановке. Огромный зал «Аудиторио Насиональ» весь был перетянут серпантинном и выглядел празднично. Концерт ансамбля, как и ожидали ребята, прошёл с большим успехом. От начала и до конца его сопровождали овации и бурные аплодисменты, пронзительный свист сотен людей, которым здесь же были розданы свистки для более откровенного выражения своих эмоций. После трёхкратного повторения артистами ансамбля последнего номера программы – танца «Кабардинка» на сцену вышли мексиканские артисты. Они исполнили для нас три

своих национальных танца. Под сводами «Аудиторио» прозвучали государственные гимны Мексики и СССР. Завершилась, таким образом, наша работа в одном из крупнейших городов мира. Впереди – интересная поездка и выступления в различных городах страны.

Пасмурное, прохладное утро 17 сентября сменилось на жаркий полдень. В 15 часов мы отъехали от гостиницы, чтобы проследовать в Толуку – административный центр штата Мехико. Почти час понадобилось нашим водителям автобусов, чтобы выбраться на северо-западную границу города. Дорога отсюда идёт на подъём множественном крутых поворотов и виражей. После духоты, сопровождавшей нас в городе, мы почувствовали себя совсем легко в окружении живой природы – зелёных гор и лесов, преимущественно состоявших из эвкалиптов, напоминающих наши берёзы. Спуски и подъёмы, горки и овраги – здесь встречается многое из того, что является украшением наиболее интересных уголков земной поверхности. Великолепно всё это, сказал бы опытный натуралист, повидавший красоты природы. Мы жадно всматривались в это прекрасное окружающее, мысленно сравнивая его с знакомыми местами родной земли. Снова проезжали поля с кукурузой, потом небольшой, весь зелёный и чистый посёлок городского типа, называемый, как помнится, Святая Елена.

Выбравшись на прямую и ровную дорогу, машины резко прибавили скорость. До Толуки оставалось уже немного, но прежде чем достичь её, мы ещё проехали один посёлок с двумя крупными промышленными предприятиями – сборочным заводом известной американской фирмы «Крайслер» и новым, весьма современным по виду, заводом «Электроник». Через несколько минут показалась и сама Толука. Город без высоких домов, но спланированный строго и красиво, Толука произвела на нас приятное впечатление. Магистраль, ведущая в её центр, была чистой и ухоженной.

– Толука – город индустриальный, но имеет свой характер. И люди, живущие здесь, очень приветливы, они любят искусство, – заговорила Тамара Тайзлиная, прервав своё долгое молчание.

«Театро Морелос», где должно было состояться выступление «Кабардинки», расположен на центральной площади города, со всех сторон окружённой внушительными зданиями, среди которых выделяются два – огромный собор и сам театр, перед которым сто-

ит памятник Морелосу – герою освободительного движения мексиканского народа за независимость от испанских колонизаторов, восседающему на лихом коне. Основной корпус театра, в котором размещается более двух тысяч зрителей, с трёх сторон окружён двухрядной колоннадой, крытой очень оригинально множеством «грибков», составляющих единое целое. Ещё нигде не встречали мы театра, хоть чуточку похожего на него своей архитектурой. И сцена его имеет вращающийся круг, без которого очень трудно создавать драматические спектакли.

Целый час ходили мы по центральным кварталам города, почти целиком занятым торговыми предприятиями с изобилием различных товаров. Ресторан, где мы легонько перекусили, напомнил мне один из ресторанов города Ленинабада Таджикской ССР, где, находясь в командировке, я встретил новый, 1952 год.

Публика в Толуке оказалась не очень пунктуальной, шла в театр не спеша, и концерт наш начался с опозданием на 40 минут. Он был для наших ребят очень трудным. Толука стоит над уровнем моря ещё выше, чем Мехико, и, понятно, не обошлось без кислородного баллона, который был доставлен из местного госпиталя. Ансамбль выдержал и этот экзамен мужественно, его выступление прошло с большим успехом и завершилось под бурную овацию и дружный топот сотен пар ног.

Во время короткого антракта к нам подходил сотрудник газеты «Эль Эральдо де Толука» («Вестник Толуки») Хуан Лопес. Молодой чернобровый красавец, видимо, заранее выяснил, с кем будет говорить, и был немногословен. С ним у меня состоялся следующий короткий диалог:

– Позвольте, сеньор министр, отнять у вас одну минуту.
– Пожалуйста, сеньор Лопес, я слушаю вас.
– Я внимательно смотрю спектакль вашей труппы. Её искусство мне очень нравится, и я напишу о нём с удовольствием. Однако мне хочется выяснить у вас один маленький вопрос: какова цель вашей длительной и трудной поездки?

– Маленький ответ на ваш маленький вопрос вы можете записать в следующей редакции: конечная цель нашего нелёгкого путешествия – способствовать делу сближения народов и укрепления мира на нашей маленькой планете.

– Вы обязательно получите завтра мою статью. Спасибо за беседу.

Хуан Лопес удалился так же стремительно, как появился тремя минутами раньше. Он сдержал своё слово. Газета «Вестник Тoluки» с весьма приятной для нас рецензией на выступление «Кабардинки» была вручена мне ровно через 24 часа, 18 сентября 1974 года на концерте в том же театре. Об этом представлении «Кабардинки» мною в записной книжке была сделана скупая запись: «Все 2225 мест в «Театро Морелос» были заняты, наши артисты работали самоотверженно, хотя им было очень трудно. В Мехико вернулись в 00:40 19.09.74».

Наступил момент, который мы ожидали с нетерпением. В половине одиннадцатого 19 сентября к гостинице «Сюитес Текпан» подошёл огромный автокар, приспособленный для дальних поездок, и, разместив в своём салоне весь коллектив «Кабардинки», отошёл от него. Через полчаса мы выехали из Мехико на автомагистраль, ведущую в штат Халиско на западе Мексики. С 52-го километра открылся знакомый нам по учебникам географии ландшафт: гористая местность с супесчаной почвой, редкие низкорослые деревья, агава, кактусы. По-над дорогой часто встречается весьма оригинальное дерево «нопалес» с широкой густой кроной и ягодами цвета клубники. Во многих местах дорога пробита сквозь каменную преграду гор. Бог знает, сколько человеческого труда в неё вложено!

В начале первого выехали на просторы огромного плоскогорья с кукурузными плантациями на краснозёме, эвкалиптовыми рощами и оливами. Как-то незаметно разгулялся ветер, и в автобусе стал слышен тот самый вой, которым кинематографисты часто сопровождают зимнюю ночь. Он-то и внёс свои коррективы в состояние нашей команды. Многих одолел сон, и в салоне автобуса можно было наблюдать бесподобную картину, о которой мечтают художники-карикатуристы, когда ими овладевает желание написать дружеские шаржи. Начнем с директора ансамбля Е. Аронова, чтобы другие не могли обидеться. Он, слегка наклонившись к Р. Пахомовой, спал с полуоткрытым ртом, будто губы его застыли мгновенно, недосказав что-то нашей переводчице. П. Ашуров издавал негромкий храп, раскинув руки в стороны. Е. Жабоева рассказывала какою-то весёлой историю сидевшей рядом Н. Гридневой. А. Кодзев

дремал, перекинув ноги через барьер, отделяющий переднюю, низкую, часть салона автобуса от задней, более высокой. В. Мисакова и Ж. Алоева, сидевшие чуть дальше от него, пристально рассматривали что-то в фильмоскопе. Ещё дальше сидел, частенько подкручивая свои рыжие усы и мечтательно покуривая сигарету, всегда молчаливый С. Балкаров. В кресле у входа безмятежно спал В. Шогенов, как бы призывая всех к порядку. Н. Бженикова, лучшая наша пловчиха, сидела бодрая и со скрытой улыбкой наблюдала дорогу и всё окружающее. М. Тхамоков, пребывая в глубоком сне, сидел, свесив свою голову ниже левого плеча, и, кто знает, как бедная шея выдерживала её. Р. Барагунов, тоже крепко заснув, отвернулся, быть может в первый раз, от своей ненаглядной соседки. Возможно, она не предоставила бы такую свободу, если бы не спала сама. Х Мамбетов и А. Хашукоев, которых иногда называли у нас Штепселем и Тарапунькой, были синхронны, как всегда, в своих действиях и спали, прислонив головы друг к другу.

– Наверное, они видят сейчас один и тот же сон», – подшутил над ними сидевший позади Х. Шомахов.

И самое, казалось, интересное: Л. Оразаева и Р. Шабазгериева, неразлучные в поездках, спали крепко, встретившись лбами. Могло показаться, что вот-вот они начнут испытывать прочность последних... Но художника-шаржиста среди нас не было.

Между тем ветер продолжал свою заунывную песню, небо оставалось изумительно красивым от хаотического сочетания пышных белоснежных облаков и бездонной голубизны его, и мы стремительно продвигались вперёд на запад по автостраде, делая редкие остановки на границах штатов для уплаты дорожного налога. Автобус, шедший с огромной скоростью, сбавил её до 110 километров в час за городом Керетаро, столицей одноимённого штата, где автострада переходит в шоссе с двухсторонним движением. В 15 часов остановились возле дорожного отеля «Ла Кальдера» («Большой котёл»). Здесь чудный зеленый уголок с чистым прудом, резко выделяющийся в захудалом городке восточного типа Абасоло.

Пообедав в уютном ресторане отеля, мы через час отправились дальше. До Гвадалахары оставалось ещё 225 километров, а дорога становилась хуже. Всё чаще и чаще встречались ослики, стада крупного рогатого скота. У быков и волов огромные рога. Чем дальше

мы едем на запад, тем теплее, но дышится легче, так как всё более и более снижаемся, приближаясь к уровню Мирового океана, становится выше атмосферное давление. После семи часов вечера небо впереди нас озаряется огромным оранжевым огнем. Много-много раз видели мы вечернюю зарю на разных континентах, а подобная не встречалась нам ещё нигде – так величествен был заход солнца в тот вечер на мексиканской земле. В половине восьмого вечера, после ряда поворотов дороги, мы увидели с горы большой город, который зажгёт свои огни. Это и была Гвадалахара – конечная цель нашего утомительного путешествия, длившегося весь день. Ещё через полчаса мы уже были в вестибюле гостиницы «Де Мендоса», расположенной в самом центре города с населением, по данным 1970 года, около 1 миллиона 200 тысяч человек. Обустройство коллектива ансамбля здесь заняло очень мало времени. Хорошая гостиница с бассейном во внутреннем дворе. Чуть позже большинство наших парней и девушек уже плавали в этом бассейне. В 23 часа все разошлись по своим номерам.

Окна моего номера выходили во внутренний двор гостиницы и были обращены на восток. Это я понял утром 20 сентября, когда яркие лучи поднимающегося солнца проникли в мою спальню и разбудили меня. Это мгновенно вселило в меня радость: находясь на западе, я всегда хотел смотреть на восток, в сторону родной страны. Подойдя к раскрытым окнам, я увидел Каншао Соттаева, плескавшегося уже в бассейне. Без тени смущения он во весь голос стал звать к себе спавших ещё ребят. Через считанные минуты молодые коллеги ветерана ансамбля устремились вниз к бассейну. Не удержались от соблазна и мы с Ахмедовым и Ароновым. Вода оказалась прохладнее, чем мы полагали. Однако это не помешало нам находиться в её объятиях в течение часа, правда, всё время в движении. Вышли же из неё продрогшими и синими.

Через час после завтрака Люпита Гаона сообщила нам, что губернатор штата «был бы рад встретиться с министром культуры сегодня, в первой половине дня, если это возможно». Это было и возможно, и приятно. Я попросил импресарио пойти со мной к губернатору и взять на себя обязанности переводчицы. Тамара Ильинична охотно согласилась с моим предложением, и мы вскоре отправились в губернскую канцелярию, находящуюся совсем недалеко от гости-

ницы. В момент нашего прихода у губернатора проходило какое-то совещание. Однако нас не заставили ждать ни одной минуты и пригласили в кабинет. Его хозяин, губернатор штата сеньор Ромеро, смуглый, средних лет человек, встретил нас приветливо, посадил за стол и, распорядившись подать кофе, стал расспрашивать нас о здоровье и настроении коллектива ансамбля, о том, как мы устроились, а затем о Кабардино-Балкарии, её климате, экономике и культуре. По моей просьбе сеньор Ромеро пространно рассказал нам об основных направлениях экономики, природных богатствах, состоянии культуры и образования штата Халиско. Губернатор вручил мне памятную медаль «Освобождение» и большой том энциклопедии Мексики, посвящённый штату Халиско и его столице Гвадалахаре. Я поблагодарил его, пригласил на концерт ансамбля и поднялся с места.

– Я давно уже мечтаю побывать в Советском Союзе. Не знаю, осуществится ли моя мечта, но сегодня я непременно воспользуюсь вашим приглашением посмотреть спектакль «Кабардинки», – сказал сеньор Ромеро, прощаясь с нами до вечера.

Наступил вечер. Артисты «Кабардинки» подготовились к своему выступлению старательно и стали ждать звонка. Зал главного театра на 1500 мест гвадалахарская публика заполнила до предела. Губернатор штата, прибывший в театр с женой, пригласил меня в ложу, где находились ещё четыре пары. Это были его ближайшие сотрудники с супругами. Мексиканцы заговорили со мной по-испански, словно имели дело с человеком, лучше их владеющим языком Сервантеса. С большим трудом и чувством неловкости, вызванным неуверенностью в правильности того, что мною говорилось, вёл я эту беседу, с нетерпением ожидая начала концерта, хотя на их лицах не было заметно недоумения.

Мы вернулись из театра поздно вечером. Поплавав вместе с ребятами в бассейне, я сел за стол и занёс в записную книжку свои впечатления от состоявшегося концерта и реакции на него зрителей и губернатора штата.

Привожу ниже сделанную в ту ночь запись: «Концерт «Кабардинки» начался бурно, как извержение вулкана, и явился одним из лучших выступлений этого прославленного коллектива за годы его существования в новом качестве самостоятельного хореог-

рафического ансамбля. В ходе этого концерта я вспомнил лучшие концертные залы и театры многих стран мира, где с триумфом проходили выступления любимого народами Кабардино-Балкарии творческого коллектива. В зале творилось что-то невообразимое. Публика неистовствовала, овация гремела, слова «Браво, «Кабардинка!» дружно скандировались во всех пяти ярусах и партере. Когда был исполнен последний номер программы, все 1500 человек, сидевших в зале этого великолепного театра, встали с мест и долго аплодировали артистам, которые проявили себя самым лучшим образом, ярко продемонстрировали свой талант и свою красоту, хотели понравиться гвадалахарцам и добились этого бесспорно. Мне всё время казалось, что одним из самых зачарованных зрителей этого концерта, давшего гвадалахарцам возможность проявить свою давнюю симпатию к нашей стране, был губернатор штата сеньор Ромеро. Он и его супруга восторженно отзывались об искусстве наших артистов, их грациозности, а когда закончился концерт, устремились на сцену, чтобы выразить им свою признательность за «чудесный спектакль», прошедший незаметно быстро для них и их друзей, для многочисленной публики Гвадалахары.

– Сеньор Эфендиев, могу ли я крепко пожать руку всем вашим артистам, прощаясь с ними? – спросил меня губернатор.

– Разумеется, и... даже артисткам, но чуточку мягче, сеньор Ромеро. Впрочем, супруга ваша рядом, и я могу быть спокойным, – последовал ответ.

Губернатор широко улыбнулся и принялся за рукопожатия, продолжавшиеся минут тридцать».

Утро 21 сентября было пасмурным и относительно прохладным. К 12 часам солнце взяло верх, и тепло воцарилось всюду – на улице и в помещении, а к двум часам дня стало очень жарко и душно. В это время мы уже были в Департаменте изящных искусств, куда пригласил нас его шеф, сопровождавший на концерте губернатора штата. Это был протокольный визит в родственное ведомство и, как таковой, завершился быстро. В тот же день походили мы по городу, который производит более благоприятное впечатление, чем даже столицы некоторых государств. Гвадалахара была основана в 1530 году и является ныне крупным промышленным и культурным центром. Здесь много предприятий – старых, традиционных – и совершенно новых,

современных отраслей промышленности, научно-исследовательских учреждений, Академия изящных искусств. В городе немало больших и красивых площадей, фонтанов, внушительных зданий и соборов, построенных без спешки, на века. Подкупает и чистота города, которой не отличаются многие крупные города мира.

Ровно в 21 час в переполненном зрителями театре начался второй концерт «Кабардинки» в этом городе. Он прошёл, как и первый, с огромным успехом и закрепил впечатление, произведённое на гвадалахарцев накануне. В половине двенадцатого ночи весь коллектив ансамбля выехал за город на приём, устроенный в его честь в ресторане ночного клуба. Вернулись оттуда лишь в два часа ночи и основательно усталыми.

Отдохнув несколько часов, утром 22 сентября мы выехали из Гвадалахары в Мехико. Обратная дорога заняла больше времени, что было вполне естественно, так как она шла на подъём. Весь этот воскресный день Е. В. Аронов был молчалив и печален. Он был болен, но скрывал это, чтобы не вызвать беспокойство в коллективе ансамбля. Гостиница «Сюитес Текпан» сохранялась за нами, и спокойный отдых был обеспечен. Но, как ни тяжела была шестисоткилометровая дорога, наши ребята не спешили отходить ко сну. До чего же вынослива молодёжь, получившая хорошую закалку!

Двадцать третье сентября. Понедельник. В тот день мы начинали новую и последнюю неделю пребывания в Мексике трёхдневной поездкой в восточные районы страны. Но до выезда на восток мы пригласили доктора Эктора Перальту, к услугам которого мы не раз уже прибегали, для оказания помощи больному Е. В. Аронову. Вооружённый современной портативной аппаратурой для прослушивания работы сердца, Э. Перальта тщательно осмотрел больного и сделал необходимые назначения, предписав ему постельный режим. Мы, в свою очередь, оставили больного с ухаживающим и в 15 часов выехали из города. Совсем скоро автострада привела нас в огромную долину редкостной красоты, со всех сторон окружённую лесистыми горами, и минут через десять пошла на подъём, продолжавшийся очень долго. Как потом стало ясно, мы взбирались на перевал. Дорога, на которую насадал хвойный лес, местами пробитая сквозь каменные горы, содержится здесь в отличном состоянии. За перевалом начался крутой спуск по восточному склону в цветущую

долину, а там вскоре справа от дороги показалась белоснежная вершина Попокатепетля – потухшего вулкана высотой 17 887 футов (5452 метра), а слева – сборочный завод западно-германской автомобильной фирмы «Фольксваген».

Пуэбла – город небольшой, но здесь хороший дворец «Аудиторио», где состоялось выступление «Кабардинки»; колоссальный собор, перед которым раскинулся сквер с очень пышной зеленью; ряд интересных памятников истории и архитектуры. Люди, с которыми мы встречались в этом городе, с восхищением говорили об искусстве Майи Плисецкой, незадолго до нас гастролировавшей в Мексике и танцевавшей в этом самом «Аудиторио» Пуэблы. Думаю, что и «Кабардинка» оставила у жителей этого города неизгладимое впечатление. Во всяком случае, публика, смотревшая её выступление с большим интересом, после каждого танца награждала артистов ансамбля бурной овацией.

Утром 24 сентября мы покинули Пуэблу и взяли курс на восток, чтобы перебраться в город Халапу – столицу одноимённого штата, прилегающего к Мексиканскому заливу. Места по дороге на Халапу пересечённые, и нам пришлось несколько раз медленно взбираться на довольно высокие водоразделы, менялись вместе с этим и картины окружающей природы. На полпути от Пуэблы стоит крупный город Орисаба, проехав который мы резко повернули на север. Через час с минутами за небольшим возвышением неожиданно показалась Халапа, большой город, гармонично вписанный в красивую, богатую зеленью гористую местность. Устроившись в отеле «Мария Виктория» и пообедав, мы по приглашению местных властей поехали в один из зелёных уголков города, где для нас было подготовлено экзотическое представление индейцев – циркачей-верхолазов. Ход этого виртуозно исполненного спектакля комментировала супруга губернатора штата Виргиния Кордеро де Мурильо Видаль, встретившая нас там с музыкой. Она же повезла нас на выставку прикладного искусства, очень интересную, где показывают не только готовые изделия, но и процесс изготовления многих из них. И здесь роль экскурсовода блестяще исполняла очаровательная губернаторша, часто, очень часто повторявшая слова: «Muy Lindo» («Муи Линдо»), что означает «очень красиво».

Вечером в театре состоялся наш концерт. Он начался под бурные аплодисменты всего зала в 21:25 и шёл на одном дыхании, чётко и энергично. Когда во время антракта появился Клаудио Кассио и объявил, что это последний спектакль «Кабардинки» в Мексике, за кулисами раздалось громкое «ура!». С огромным воодушевлением провели наши артисты второе отделение концерта. Итальянец, смотря на него, не раз произносил волшебное слово «фантастика». В конце представления в зале долго гремела овация, на которую несколько раз выходил весь состав ансамбля и, в свою очередь, аплодируя дружно, выражал признательность жителям Халапы и в их лице всем мексиканцам, побывавшим на наших концертах. Здесь, казалось, магическая сила искусства слила воедино биение сердец многих тысяч мексиканцев и нескольких десятков советских людей, прибывших на их землю как посланцы великой страны со знаменем дружбы и братства народов. Так триумфально, скажем без преувеличения, закончилось 91-е выступление «Кабардинки» в странах Латинской Америки по контракту.

Двадцать пятого сентября, где-то около одиннадцати часов, мы выехали из Халапы в Мехико по дороге, проложенной напрямик в Юго-западном направлении. В салоне автобуса царило радостное оживление, ребята пели песни, шутили, веселились. Единственное, что нас тревожило в тот день, это неосведомленность о состоянии больного директора, оставленного в Мехико. Относительно быстро прошли четыре с половиной часа, и мы вернулись в свою гостиницу. Евгению Вениаминовичу было лучше, хотя он ещё не вставал.

Долгими и скучными показались нам последние два дня жизни в Мехико.

Особенно трудным выдался день 27 сентября. С утра уже он был горячим и душным. Чувствовалась неизбежность перемены погоды. Но как она произойдёт и во что выльется, мы не могли знать. Все наши товарищи были предупреждены, что выезд в аэропорт назначен на 18 часов. До этого они могли распоряжаться временем по своему усмотрению. Мы с Ахмедовым поехали в Посольство СССР, чтобы поблагодарить временного поверенного А. И. Филатова и всех советских дипломатов, работавших с нами в Мексике, за исключительно внимательное отношение к нам, заботу о нас и заодно

пригласить их навестить нас в Нальчике в удобное для них время. Легко было заметить, что они завидуют нам, через две недели отбывающим на Родину.

После обеда никто из коллектива ансамбля не вышел в город. Все товарищи были заняты сборами в дорогу, укладкой чемоданов, заметно прибавивших в весе за четыре месяца путешествия по западной стороне Земли. Тем временем «сборы» происходили и в небе над мексиканской столицей. С окружающих гор над Мехико медленно собирались тяжёлые, грозные своим видом, облака. Кто знал, какую силу таили они в себе? Время вскоре ответило на этот вопрос.

В 17 часов полным голосом заговорила стихия. Гром, казалось, разнесёт огромный город, стоящий на водяной подушке. Почти ежеминутно огненным полукольцом связывала вьющаяся змеей молния один край Мехико с другим. Дождь лил как из ведра. Ничуть не ослабевая, он купал город и более миллиона автомобилей, день и ночь бегущих по его улицам. Как быть, возможен ли выезд в аэропорт при таком разгуле неуправляемых сил природы?

Мысль эта занимала каждого из нас. А ведь мы спешили, можно сказать даже, что спешили уже без всякого терпения. Мы торопились на Кубу.

В условленное время все спустились вниз. Выбегая по одному из подъезда они садились в автобус под проливным дождём. Так, не имея возможности повернуться лицом и мысленно проститься навсегда, мы покинули отель «Текпан», ставший для нас близким и дорогим. Оформление выезда и сдача багажа в аэропорту заняли много времени. В половине десятого вечера нас пригласили на посадку.

Итальянец наш, Клаудио Кассио пожимал всем руки на прощание, говоря каждому:

– До встречи в Италии.

Импресарио же расставалась с нами, обливаясь горькими слезами. Тамара Ильинична Тайзлина, наверняка, завидовала нам, вспоминая свою далёкую родину.

– Приезжайте к нам, мы с радостью встретим вас. А «Кабардинку» вы сами можете пригласить ещё раз, ведь Бразилия и другие страны Южной Америки, где мы не были во время нынешних гастролей,

в конце концов, захотят увидеть её, – сказал я, обняв пожилую женщину, и пошёл на посадку. Как всегда, я был в данном случае замыкающим нашей колонны.

В 22 часа по местному времени Ил-18 поднял нас в воздух и взял курс на Гавану – столицу Республики Куба. В те времена он был одним из самых надёжных воздушных кораблей, не отличаясь, правда, высокой скоростью. Землю мы совсем не видели. Первые огоньки на ней я разглядел над самим Островом свободы в три часа ночи по гаванскому времени. Через четверть часа самолёт совершил посадку на земле героической Кубы. В аэропорту нас встретили несколько представителей Министерства культуры республики, чему мы и удивились, и обрадовались.

То ли кубинские товарищи не знали, куда нас везти, то ли они хотели устроить нас получше, но они возили коллектив ансамбля по городу довольно долго, сделав две остановки возле двух гостиниц. Но вот подъехали к огромному отелю «Гавана Ривьера». Бесшумно и вяло после трудной бессонной ночи вошли мы в великолепную гостиницу, построенную на берегу Атлантического океана, и так же молча, не спеша, разошлись по номерам. Тропическая жара, встретившая нас в аэропорту, сменилась внутри отеля на казавшуюся нам чрезмерной прохладу, созданную надёжной системой кондиционирования воздуха. Я почувствовал лёгкий озноб, как только переступил порог отведённого мне номера. Надо бы отдохнуть, заснув вослед ушедшей ночи, но сон не приходил: сказывалось, видно, волнение, которое мы все испытывали, ступив на долгожданную землю Кубы, оказавшись среди своих друзей-кубинцев, мужество и выдержка которых восхищали прогрессивный мир. Но, думаю, не только это. Сказывался, очевидно, и тот непреложный естественный фактор, который должен был проявиться и проявлял себя, до тех пор пока мы проходили адаптацию к новым погодно-климатическим условиям, резко отличающимся от окружавших нас в течение месяца в Мехико, на значительной высоте над уровнем Мирового океана.

Из окна номера на 14-м этаже «Гавана Ривьеры», мы с М. Ахмедовым долго осматривали город, а затем вышли на каменную набережную. Буквально считанные метры отделяют громадные здания отелей и другие сооружения от океана, небольшие, едва уловимые

глазом волны которого медленно шли в тот день к берегу. Людией на набережной почти не было. Жара была невыносимая, все прятались от солнца. Даже машин в этот полуденный час на улицах Гаваны было мало. Зато на рейде можно было насчитать десятки разных по своим размерам судов с флагами многих стран мира и сотни лодок с приспущенными парусами.

К обеду, назначенному кубинцами на 14 часов, собрались не все наши товарищи. Нашлись такие, которые решили спать весь день, и такие, кто отправился в город искать знакомых земляков, работающих на Кубе в рамках сотрудничества двух стран. Вечером все вышли на набережную и долго прохаживались возле гостиницы, частенько останавливаясь и вдумчиво всматриваясь в ночную тьму над океаном. Вскоре гаванцы заполнили набережную. Зазвенели струны сотен гитар, под аккомпанемент которых легко и свободно исполнялись десятки различных песен. Лишь в полночь покинули мы берег океана, надышавшись морским влажным воздухом. Так закончилась суббота 28 сентября 1974 года. В воскресенье 29 сентября кубинские товарищи повезли весь коллектив «Кабардинки» на пляж «Санта-Мария», находящийся совсем недалеко от Гаваны. Тоннель под портовыми сооружениями, испанская оборонительная крепость, памятники разным деятелям прошлого – много интересного увидели мы по пути на «Святую Марию».

К нашему прибытию здесь уже находилось много людей, решивших провести свой воскресный отдых на пляже с красивым именем. Мы быстро влились в эту массу отдохавших гаванцев, заняв места под хвойными деревьями и пальмами в непосредственной близости от золотистого песчаного пляжа. Несколько минут я смотрел, не отрывая глаз, на Атлантику, сидя с товарищами под тропическим деревом. Хрустальная у самого берега, а далее зелёная, голубая, стальная и тёмно-синяя полосы – такой спектр наблюдали мои глаза, рассматривая прибрежную гладь океана под совершенно чистым лазурным небом. Такую же картину увидели Михаил Ахмедов, Владимир Шогенов и Михаил Кодзев, которые по моей просьбе стали рассматривать прибрежные воды. Океан, тот самый океан, который получил имя «Атлантик» и делит мир на Восточное и Западное полушария, – океан, нередко свирепствующий, как дикий зверь, в то утро едва рязбил своей поверхностью.

С каждым часом усиливалась жара. Мы из-под деревьев бежали к океану, делали непродолжительные заплывы и быстро возвращались под защиту спасительных пальм и сосен, чтобы здесь, не боясь возможного ожога, дышать полной грудью воздухом, насыщенным запахом морских животных и растений. Стоял штиль, и никто из тысяч зачарованных красотой и спокойствием океана не подозревал, что скоро, совсем скоро он покажет в полной мере свой отнюдь не ровный характер, свой крутой нрав миллионам обитателей Больших и Малых Антильских островов, стран Центральной Америки.

За час до отъезда с пляжа подошёл к нам кубинец из небольшой компании, проводившей свой выходной день на этом пляже.

– Дорогие товарищи, не хотите попить холодного пива? – обратился он к нам по-русски. – Прошу вас, не откажитесь. Вы, русские, так гостеприимны. Я не раз убеждался в этом.

Мы согласились и остаток времени провели в окружении его семьи и друзей. Нашим добрым хозяином оказался Энрико Сама, который учился в нашей стране и четыре года тому назад окончил Харьковский инженерно-строительный институт. Двое из его друзей являлись секретарями одного из райкомов партии Гаваны и по общительности не уступали своему товарищу.

К часу дня жара достигла своего потолка, и мы решили вернуться в гостиницу, где было прохладно. Рауль Рубио, представитель Национального совета по культуре, постоянно сопровождавший нас, и на этот раз был с нами и непрерывно рассказывал обо всём, что привлекало наше внимание на обратном пути в Гавану.

Весь вечер мы посвятили знакомству с городом без гидов и сопровождающих, влившись в людское море, наполнившее улицы столицы республики и набережную, которая каждый вечер превращается в огромную эстрадную площадку, вытянутую на несколько километров. Город, надо сказать, нам понравился своей архитектурой, стройностью, многолюдностью и подкупающими улыбками жителей. Удивительно веселый и жизнерадостный народ в Гаване!

Кубинские товарищи не торопились запрячь нас в концертную телегу. Мы тоже не напрашивались, думая, что как начнём, так и не будет передышки. Только 30 сентября, во второй половине дня, нам показали театр, в котором должна была состояться наша премьера, назначенная на 1 октября. Посмотреть мы театр посмотрели, но

репетицию провести не удалось, так как на сцене его проводились какие-то неотложные работы. Разминку и прогон программы пришлось перенести на сутки. Это не совсем было удобно после трёх дней отдыха, но и нестрашно: ребята купались в бассейне и океане, много плавали, их мышцы трудились.

Умеренно тёплое утро подарила нам природа 1 октября. Солнце было затянуто лёгкой пеленой. Что это предвещало, мы не знали. Нам нравилось, что изнуряющей жары нет – и всё. После завтрака поехали на «Санта-Марию» и около трёх часов наслаждались купанием в океане, ещё более приятным, чем накануне. После четырёх месяцев огромного напряжения всех сил отдых такого рода, да ещё на Острове свободы, казался нам блаженством. Кстати, этот отдых кубинские друзья дополняли нам весьма сытным и разнообразным меню. После обеда артистам предложили хорошо отдохнуть перед своей премьерой. Я съездил в Посольство СССР и встретился там с советником посла по культуре (посол был в отпуске) Олегом Петровичем Смоленским. После часовой беседы я пригласил его и сотрудников посольства на премьеру ансамбля и вернулся в гостиницу.

Вечером, в 21 час, в театре имени Карла Маркса, битком заполненном гаванцами, начался, наконец, первый наш концерт на Кубе. Он прошёл как надо было. Им остались довольны и кубинцы, и мы сами. Наши артисты танцевали с отличным настроением, легко, грациозно и гордо, а публика, попав под власть эмоций, нередко забывала даже оркестр ансамбля громкими аплодисментами и овацией. На концерте были заместитель министра культуры Кубы Феликс Саутия, начальники управлений министерства Марило Мори и Феррас Уальтер, наш О. П. Смоленский с семьёй и другие товарищи из посольства. Все они очень тепло отозвались о представлении «Кабардинки». Темпераментные кубинцы были в восторге от наших девушек. После концерта каждый его номер вспоминался и обсуждался в одном из лучших ресторанов Гаваны, куда пригласили нас на ужин кубинские товарищи. Когда мы вышли из него в полночь, я понял, что погода меняется не на шутку – под гул довольно сильно-го ветра шёл хороший дождь.

Неузнаваемо было Атлантическое побережье Кубы утром 2 октября 1974 года. Разбушевавшийся океан непрерывно гнал к бере-

гу громадные белоснежные волны. Ударяясь о бетонный берег, они перебрасывались через него на набережную, заливая медленно проходившие машины. Ветер ураганной силы гнул, как тростник, королевские пальмы. Дождь, косой от ветра, то густым тропическим ливнем хлестал в окна гостиницы, то неожиданно стихал, давая нам возможность с какой-то затаённой тревогой всматриваться в водную стихию. Лишь крупные океанские корабли оставались на рейде, а мелкие суда и всякого рода судёнышки ушли куда-то и спрятались, словно их сдуло ураганом, налетевшим на район Антильских островов, Карибский бассейн и Центральную Америку. Радио Гаваны систематически передавало штормовые предупреждения.

Весь день мы просидели в отеле. Вечером, как только ветер чуточку сбавил свою силу, поехали в театр на своё второе представление. К нашему удивлению, в театр в тот вечер пришло много молодёжи. Среди зрителей были и старшие воспитанники знаменитой школы имени В. И. Ленина, одетые в красивую униформу. В обстановке неповторимой приподнятости настроения публики и артистов прошёл и этот концерт «Кабардинки». Он произвёл на кубинцев яркое впечатление. Люди, непосредственно участвовавшие в революционной ломке старого мира и закладывавшие фундамент нового строя, не могли сдерживать свои эмоции. Мы ощущали теплоту сердец кубинских товарищей, силу их братской дружбы с нашим народом, их готовность отстоять свою свободу и независимость. Всё это радовало нас. В сопровождении многих молодых зрителей в полночь мы вышли из театра на улицу, где снова набирали силу и дождь, и ветер.

Утро 3 октября не обрадовало нас. Ураган расстроил наши планы. Представление, которое должно было состояться на открытой площадке, отменялось из-за плохой погоды. До обеда мы провели время в «Гавана Ривьере», а в четыре часа дня отправились на экскурсию по городу. Широкий и красивый бульвар Паро вывел нас на площадь Революции, где сооружён величественный памятник Хосе Марти – национальному герою Кубы. Здесь проходят массовые митинги трудящихся Гаваны, где часто с пламенными речами выступает вождь кубинской революции Фидель Кастро. На фасаде строившегося Национального театра мы увидели огромные портреты

Симона Боливара, Бенито Хуареса, Хосе Сан-Мартина, Бернардо Хиггинса – выдающихся деятелей освободительного движения народов Латинской Америки. А с портрета на здании Института аграрной реформы на нас смотрели пронизательные глаза легендарного Эрнесто Че Гевары. На площадь эту выходят здания ЦК Компартии Кубы, Канцелярия Президента и Правительства, Национальной библиотеки и Министерства обороны Республики Куба.

С площади Революции мы поехали по бульвару Сальвадора Альенде. Площадь Братства, на которой растёт дерево каждой страны Латинской Америки, большое красивое здание Академии наук, в котором до революции заседал буржуазный парламент и которое скопировано с американского Капитолия, Зоологический музей – всё это впечатляло и запомнилось нам. Однако самое яркое, самое волнующее впечатление произвёл на нас Музей революции, который размещается в бывшем президентском дворце, в здании, где работал свергнутый революцией диктатор Батиста. Эмоциональное воздействие экспозиции музея, правдиво раскрывающей историю кубинской революции, огромно. Не счесть, сколько в ней трогательных, волнующих рассказов о людях, которые сознательно шли на гибель во имя свободы своего народа. Из музея выносишь утвердившееся чувство глубокой симпатии к кубинскому народу, чувство восхищения мужеством и героизмом его славных сынов – и живых, и тех, кто отдал свою жизнь в революционной борьбе.

День, насыщенный глубоко запавшими в наши сердца впечатлениями, сменился вечером, наполненным весельем и экзотическими зрелищами. Кубинские товарищи неожиданно предложили нам посетить кабаре «Тропикана». Мы вышли из отеля и удивились: ветра как не было, но океан бушевал по-прежнему. Кабаре, разместившееся под открытым небом среди высоких королевских пальм, встретило нас лёгкой эстрадной музыкой, игрой света всех цветов радуги и столь же сложным по составу фирменным напитком «Могито», настоящим на какой-то, вероятно, очень ароматной траве, называемой, если память не изменяет, «йерба буэна» («Хорошая трава»). В 23:00 начался спектакль-шоу, продолжавшийся полтора часа. Приятен был этот вечер. Мы отдохнули без забот, хлопот и тревог.

Утром 4 октября мы снова выехали в город на экскурсию. Объектом её на сей раз был избран парк, созданный в окрестностях Гаваны на огромной территории с разнообразным рельефом и богатой растительностью и названный именем Владимира Ильича Ленина. Нам очень понравился коллектив работников этого парка, состоящий из людей с разным цветом кожи, но работающий дружно, как одна крепкая семья. Возглавляли эту семью директор Луис Пьедро и художественный руководитель Хесус Эрнандес, увлечённо говорившие о будущем парка. Мы обедали в парке, и, должен сказать, нам подали на стол блюдо из мяса одного из распространённых по всему свету представителей класса земноводных. Кто-то с удовольствием съел его, а кто-то не успел попробовать его, так как наши девушки поняли, из чего оно изготовлено, и подняли тревогу. Конечно же кубинские друзья не ожидали этого и быстро заменили на другой деликатес.

Вечером в этом парке состоялся очередной концерт нашего ансамбля. Он проходил в далеко не обычных условиях. Публика восседала на крутом каменном амфитеатре, а артисты «Кабардинки» танцевали на плоту, который не совсем устойчиво держался на поверхности небольшого водоёма внизу под горой. Трудно пришлось нашим парням и девушкам, но интересно: едва ли другому европейскому творческому коллективу довелось выступать когда-нибудь на плавающей сцене. А как тепло и взволнованно принимала «поднебесная» аудитория наших артистов – это надо было видеть!

Массу ярких впечатлений подарил нам и день 5 октября. Мы бывали в гостях у коллектива Национального ансамбля танца Кубы. Кубинский коллектив показал нам в своём помещении, весьма удобном для творческого коллектива, рабочие моменты тренировочных занятий и почти всю свою программу. Многие танцы этого ансамбля (сюита «Йоруба», «Окантоми», «Сулкари» и другие) построены на фольклорном материале. Все они требуют больших физических усилий, таких, что диву даёшься: как может человеческий организм выдерживать такую нагрузку?! Нам особенно понравились солисты ансамбля Эрнестина Кинтана – симпатичная мулатка и Пабло Трухильо – весь чёрненький, с белоснежными зубами и искромётными глазами.

После обеда, устроенного в одном ресторане самообслуживания в парке имени В. И. Ленина, мы посетили Гаванский зоологический парк в центре города. Он один из лучших среди встречавшихся нам зоопарков в ряде стран. Что ни животное – представлено здесь целым стадом. Больше всех увлекли нас крокодилы, которых здесь множество и которые показаны во всех стадиях их развития. В зоопарке много львов, обезьян и других животных. В таких жарких странах, как Куба, содержание животных в зоопарке облегчается тем, что для этого не требуются тёплые помещения под крышей.

На обратном пути разговорились наши девушки. Все они склонялись к тому, что спать им после встречи с таким неповторимым набором змей и крокодилов в предстоящую ночь не придётся. Вообще же в те дни они были молчаливы. Не было сомнения: они заскучили, тоска по Родине одолевала не только их, но и парней наших. Каждый день и каждый час казались нам уже неподвижными – так медленно тянулось время. Между тем день отъезда домой был уже определён, его невозможно было приблизить никакими усилиями, так как ближайший самолёт вылетал в Москву 9 ноября.

Нам всем хотелось ещё раз съездить на «Санта Марию», и для этого воскресенье очень подходило. Однако, проснувшись рано утром, мы расстроились: Атлантика штормила, высоченные её волны по-прежнему катились к берегу и с огромной силой наваливались на него. Вести ребят на пляж при таком шторме было рискованно. Мы объявили коллективу: купаться только в плавательном бассейне, загорать осторожно там же; кто хочет, тот может идти в город.

Коллектив «Кабардинки» уже нуждался в смене обстановки. И поэтому был очень кстати выезд ансамбля в провинцию Матансас, назначенный кубинскими товарищами на понедельник 7 октября. Он, действительно, внёс заметное оживление в наши ряды. В дороге всегда интересно, а ездить по дорогам Кубы, одной из самых красивых стран мира, – удовольствие. Было около одиннадцати, когда мы отъехали от «Гавана Ривьеры» в восточном направлении. Автобусы шли по набережной, той же дорогой, которая ведёт к пляжу «Санта-Мария», шли быстро. Солнце светило нам в лицо. Ветра в тот день уже не было. Как ни свирепствовал ураган, он успокоился, наконец, и в воздухе воцарилась тишина. Между тем океан ещё гремел и пенился, неистово борясь за покой, нарушенный ветром.

Мы ехали на восток, и чем дальше удалялись от столицы, тем больше поражала нас природа острова, казавшаяся неповторимой в своём богатом зелёном наряде. Пальмовые рощи, плантации сахарного тростника, сочные луга убежали от нас с быстротой нашего движения. И всё это справа, А слева тот же океан, великий труженик планеты, ласковый и подкупающий в штиль, сердитый и страшный в своём гневе в шторм.

В Матансас, главный город одноимённой провинции, мы прибыли в половине первого. В течение часа ездили по его узеньким улицам, слушая рассказы сопровождавших нас кубинских товарищей; затем остановились возле ресторана «Баиа» на самом берегу бухты, далеко заходящей в сушу. Здесь быстро пообедали и отправились дальше вдоль побережья на Барадеро – всемирно известный пляж.

Барадеро. Посёлок курортного типа отдыхал после многолюдного купального сезона. Здесь было уже тихо. И когда мы приехали сюда, на знаменитом пляже, часть которого до революции принадлежала Дюпонам, почти не было людей. Солнце быстро шло на снижение, дул совсем лёгкий ветерок, но океан ещё громыхал. Ребята попросили сделать небольшую остановку, чтобы искупаться. Конечно же, было бы грешно оказаться в Барадеро и не искупаться, не позагорать на пляже, в летнее время привлекающем десятки тысяч туристов и отдыхающих.

Остановка была сделана, и ребята вмиг оказались в объятиях могучих белоснежных волн. Пошли и девушки, пошли и мы, кто постарше. Штормовой гул не давал нам общаться друг с другом. Так прошло минут тридцать. Я вылез на янтарный берег и почувствовал лёгкий озноб. Оглянулся на бушующий океан и встревожился: наши парни отплыли далеко. Попробовали мы с Ахмедовым и Ароновым звать их – напрасно, нас никто не слышал, не помогли и решительные жесты. Мы решили подплыть к ним и дать понять, что пора выйти на берег. Нам это удалось, и мы сами развернулись к берегу. Но что такое? Я застрял на месте, все мои попытки плыть к берегу не дают ровным счётом ничего. Меня тянет под воду. Борюсь всеми силами – никакого эффекта. Минута за минутой уходит время, я безжалостно трачу силы, но нисколько не продвигаюсь вперёд. Борьба продолжается, силы, чувствуя, тают. Считаю минуты, на которые их

может хватить, – маловато остаётся. Кричать, звать товарищей на помощь бессмысленно, никто не услышит. Все вроде вышли из океана, но никто не оглядывается назад. Я никогда раньше не впадал в состояние растерянности, но в тот момент совершенно отчётливо увидел возможность глупой, бессмысленной гибели в морской пучине. И вдруг неожиданно пришла в голову мысль – попытаться изменить своё положение, выйти из этой точки, сделав несколько рывков назад по диагонали и оттуда уже испытывать свою судьбу. Повторив этот приём несколько раз, перелетая, как щепка, через гребни водяных валов, я развернулся лицом к берегу. Не скрою, момент этот был оценён мною как критический. Медленно, экономя силы, я поплыл к берегу и вышел на него. Наши товарищи уже одевались в дорожные костюмы и платья. Я молча зашёл в будку-раздевалку, не спеша оделся и вышел оттуда к своим. Никто из них ни о чём не спросил меня. Я тоже не сказал им ни слова о случившемся. Мы все заняли свои места в автобусах, и они повезли нас дальше по пыльной дороге, через плантации сахарного тростника. Ехали долго. Наконец, когда стало уже совсем темно, мы остановились в центре небольшого городка, являвшегося районным центром. Здесь, в Доме культуры, и состоялся последний концерт «Кабардинки» на Кубе, концерт, о начале которого торжественно объявил один из секретарей райкома партии и был восторженно принят провинциальными зрителями этой глубинки. Потомственные мачетеро, их жёны и дети аплодировали нашим артистам, не жалея своих ладоней. После каждого танца в зале гремела мощная овация. А когда состоялся финал концерта, они одарили наших артистов благоухающими цветами.

Руководители района не отпустили нас сразу, несмотря на нашу настоятельную просьбу. За товарищеским ужином мы просидели долго, ведя дружеский разговор. Обратный путь занял много времени. В Гавану въехали перед рассветом и поспешили отдать себя во власть сна. Мы не видели, как наступил день 8 октября. Перед обедом все собрались в вестибюле и вместе вошли в просторный зал ресторана. Ели не спеша: день был свободен от всяких дел общего характера, даже от экскурсий по городу. Важно было как-нибудь скоротать время, обратиться в прошлое двадцать часов, отделявших нас от долгожданного момента посадки в воздушный лайнер, кото-

рый должен доставить нашу дружину завтра же в Африку, а послезавтра – в Москву.

Когда повечерело и с просторов Атлантики стала наступать ночь, мы вышли на набережную. Вышли и запели «Подмосковные вечера». Кубинские девушки и юноши с гитарами наперевес присоединились к нам. Затем они предложили свою программу из песен и танцев, которая заняла больше часа. Удивительно общительный и жизнерадостный народ кубинцы. Очень тепло простились мы с ними в тот вечер на берегу океана и пошли на отдых. В 6 часов 30 минут утра нам надо было позавтракать и ехать в аэропорт. Нам не пришлось будить никого. Как выяснилось во время завтрака, все наши ребята провели ночь, как на иголках, сердца их бились тревожно. В шесть утра они уже были в вестибюле «Гавана Ривьеры» с тщательно упакованными вещами. В назначенное время мы выехали в международный аэропорт кубинской столицы. В десять утра 9 октября 1974 года воздушный лайнер Ил-62 поднял нас в воздух над Островом свободы и взял курс на Рабат – столицу Марокко, где шесть лет тому назад гостила наша «Кабардинка». Всех нас охватило радостное волнение. Да и как было не волноваться, если наступил момент, который мы ждали с нетерпением, находясь на обратной стороне Земли более четырёх месяцев!

Самолёт уверенно набирал высоту, а мы тем временем приходили в состояние покоя, когда можно было сосредоточенно обозревать путь, пройденный нами в ходе гастролей. До Рабата над Атлантическим океаном предстояло лететь около семи часов, и я взялся за составление отчёта об итогах гастролей нашего ансамбля в Латинской Америке.

Итоги эти были внушительными. Коллектив «Кабардинки» успешно провёл самые продолжительные в своей истории зарубежные гастроли, длившиеся 126 суток, установив, таким образом, рекорд пребывания за границей среди всех родственных творческих коллективов Советского Союза. Он дал за это время 95 концертов в 11 странах, находящихся на обратной стороне Земли. С гордостью и глубоким удовлетворением отмечаю, что артисты нашего ансамбля выдержали труднейшие испытания на прочность, которые были связаны с непривычными условиями жизни и работы, менявшимися к тому же очень часто и резко. Они несомненно успешно сдали

экзамен на творческую зрелость и организованность, способность мобилизовать все свои физические и душевные силы для достижения поставленной цели. Они убедительно продемонстрировали глубокое понимание своего долга перед Родиной, безграничную преданность ей. Каждый из них там, за океаном, был таким, о котором говорят: «С ним можно идти в разведку без оглядки!»

Времени на аккуратное изложение итогов гастролей «Кабардинки» в июне–октябре 1974 года мне хватило с избытком. Ровно в полночь по местному времени мы вошли в зал ожидания пассажиров международного аэропорта Рабата. Час для заправки – и снова в полёт, снова посадка ночью в Алжире, оттуда – полёт до Туниса – тоже с посадкой ночью, из Туниса перелёт до Будапешта, где приземлились рано утром, и, наконец, днём 10 октября наш самолёт совершил посадку в аэропорту Шереметьево-2 под Москвой. Мы, таким образом, благополучно вернулись на Родину, и ничто не могло быть приятнее этого!

Гастроли в 1977 году

Два с половиной года «Кабардинка» не выезжала за рубеж, работала внутри страны, знакомя с нашим искусством население ряда союзных и автономных республик, краёв и областей СССР, городов и сёл Кабардино-Балкарии. Такая, относительно спокойная, жизнь её продолжалась до апреля 1977 года. Второго мая того же года ансамбль прибыл в столицу Чехословакии и в течение двадцати дней выступал перед трудящимися этой страны, участвуя в серии культурных мероприятий, посвящённых Дню Победы и освобождению республики от гитлеровских захватчиков. Не возвращаясь оттуда в Союз, артисты наши 22 мая переехали в Польшу и работали в Варшаве и других городах страны до 30 июня. Находясь в ПНР, ансамбль получил новое поручение и переехал в Федеративную Республику Германию. Все выступления «Кабардинки» в трёх соседних странах прошли на высоком уровне.

В один из самых жарких дней июля того же года, когда коллектив «Кабардинки» после короткого отдыха собрался на свою первую репетицию, я пришёл к ним с интересной новостью. Шёл обычный

тренаж. Все окна репетиционного зала были открыты настежь, и в них врывались ароматы восточной кухни ресторана «Кавказ», разместившегося на первом этаже здания, приютившего несколько организаций города и республики.

– Седлайте, горцы, коней, надо снова идти в поход, – сказал я ребятам, дождавшись окончания тренажа.

– А мы всегда в седле, – заявил без промедления один из солистов ансамбля.

– Не буду отнимать у вас время. Москва запрашивает наше согласие на поездку в Сирию и Иорданию. Ответ ожидается сегодня же. Что скажете, друзья? – снова обратился я к коллективу ансамбля.

– Поедем, поедем, – громко ответили все артисты «Кабардинки» и дружно захлопали.

– Хорошо. На сборы только три недели. Готовьтесь, забыв об отдыхе. Работа предстоит нелёгкая, – добавил я, довольный их настроением.

Всё необходимое для тщательной подготовки к поездке на Ближний Восток было сделано и творческим составом ансамбля, и дирекцией его, и Министерством культуры КБАССР. Седьмого августа 1977 года «Кабардинка» вылетела в Москву, а 8-го уже в Дамаск – столицу Сирийской Арабской Республики. Весь полёт от Москвы до Дамаска, проходивший над Украиной, Турцией и восточной частью Средиземного моря, Ил-18 совершил за 3 часа 47 минут. Уже в полдень при тридцатиградусной жаре в международном аэропорту Дамаска нас встретил советник Посольства СССР Леонид Григорьевич Титов, представитель Генеральной дирекции Международной ярмарки в Дамаске Риад Ханано и большая группа соотечественников, среди которых находились Фахри Тлеуж Омар и Кахтан Бадреддин Кегаду.

Согласно плану поездки, явившейся для нас приятной неожиданностью, ансамбль должен был в течение недели нести на себе основную нагрузку культурной программы традиционной Международной ярмарки в Дамаске, привлекающей внимание многих стран мира, а затем переехать в Иорданию и дать там несколько концертов – тоже в рамках одной недели.

Первые четыре выступления «Кабардинки» состоялись в Летнем театре ярмарки. Огромный зал на 2000 мест заполнялся каждый

раз до предела. Публика, состоявшаяся из разноязычных участников ярмарки и местных жителей, горячо реагировала на все номера программы. Многие танцы по настойчивому требованию зрителей приходилось повторять, иногда даже не один раз.

Не привыкать было нам к бурным рукоплесканиям и одобрительным возгласам зарубежных зрителей. Ими, как уже известно читателю, «Кабардинку» награждали во многих странах мира. Однако то, что творилось на её концертах в Дамаске, неописуемо. И поэтому каждое выступление наших артистов длилось на час дольше обычного.

Дневные часы были насыщены у нас интересными экскурсиями и встречами. Дамаск богат памятниками истории, величественными сооружениями разных эпох. Не буду здесь говорить о них, но не могу не сказать о двух событиях, связанных с нашими соотечественниками, оказавшимися там в результате Русско-Кавказской войны. Первое из них – наша поездка в прекрасный городок Эль-Кунейтра у подножия ставших всемирно известными Голанских высот, варварски разрушенный израильскими захватчиками в 1967 году. Он был основан и населён нашими соотечественниками – адыгами, которые в результате израильской агрессии ряд лет оставались бездомными. Второе событие – встреча с пожилым, 65-летним кабардинцем Хажумаром Калмыковым, который приехал, чтобы повидаться с нами, из маленького селения Ханасир, основанного ушедшими поневоле на чужбину кабардинскими крестьянами (вместе с князем Анзоровым) в 600 километрах севернее Дамаска. Этот пожилой человек трудной судьбы в черкесской папахе заплакал навзрыд при первой встрече с нами.

Десятого августа я нанёс визит министру культуры САР Нажах Аттар, молодой красивой женщине, лишённой смуглости арабов. Она была убеждённой сторонницей расширения культурных связей между Сирией и Советским Союзом, укрепления дружбы между их народами (через десять лет Указом Президима Верховного Совета СССР она была награждена орденом Дружбы народов за заслуги в развитии культурных связей между нашими странами).

Одиннадцатого августа, после встречи с министром культуры, меня и сопровождавшую нас замечательную певицу, депутата

Верховного Совета КБАССР Наталию Гасташеву принял премьер-министр САР Абдурахман Хлефауи. Во время беседы, продолжавшейся более часа и носившей дружественный характер, глава сирийского правительства высоко отозвался о проживающих в его стране черкесах, их храбрости и воинской доблести, что, конечно, обрадовало нас.

В тот же день мы получили из Москвы сообщение, ломавшее наши планы. Из него следовало, что Иордания не готова принять нас на вторую неделю нашего двухнедельного зарубежного турне. Что нам оставалось делать? Мы решили вернуться домой, отработав отведённую Дамаску неделю, и стали хлопотать о билетах на самолёт. Но вечером того же дня пришлось изменить своё решение. Министр экономики САР Мухаммед аль-Имади, присутствовавший на нашем концерте вместе со своими коллегами – министрами обороны и иностранных дел, узнав о нашем намерении, предложил нам оставаться в Сирии и на вторую неделю.

– Я сегодня же позвоню губернатору Алеппо (ныне город Хaleb), и он, уверен, сделает всё необходимое, чтобы вы могли там приятно и полезно провести время. Север наш вам непременно надо увидеть, – сказал он тоном, не предполагавшим возможного возражения с нашей стороны.

Мы согласились с ним. На север Сирии мы выехали 15 августа. По пути в Алеппо бегло ознакомились с городами Хама и Хомс. Во второй город страны, который стремится в своём развитии наступить столице на пятки, мы прибыли в половине шестого вечера. Было ещё жарко, хотя солнце уже близилось к закату. В Алеппо ансамбль дал два коммерческих концерта, которые прошли с большим успехом. Мы познакомились с достопримечательными местами города, имеющего большую историю. Находясь на территории его огромной крепости и слушая рассказ экскурсовода, как бы становись участником известных в истории событий, оказавших влияние на судьбы многих народов Ближнего и Среднего Востока. Третий, последний, день пребывания в Алеппо мы посвятили своим соотечественникам, проживающим в этом городе и соседних населённых пунктах. Они тоже показали нам город и окрестности, а затем устроили обед в одном из ресторанов на возвышенной окраине Алеппо. Встреча здесь была и радостной, и грустной. Здесь были и смех, и

слёзы. Здесь очень скромно пили пиво, но много пели и танцевали. Обед, приготовленный в ресторане по заказу местных адыгов, чем-то напоминал кавказский. До самого вечера продолжалась эта волнующая встреча советских и сирийских адыгов, судьбами которых история распорядилась по-разному. Из Алеппо нас провожали сотни соотечественников, среди которых были также старики и дети.

Вернувшись в Дамаск, «Кабардинка» выступила с шефским концертом в Советском культурном центре перед сотрудниками нашего посольства, других советских учреждений в Сирии и активистами Черкесского благотворительного общества (ЧБО). Среди них были и соотечественники – балкарцы Шукри Бапина, Махмуд Гему и Али Каза, свободно владевшие кабардинским языком. Выступление ансамбля было воспринято здесь зрителями с большим энтузиазмом.

Август в Сирии – самый жаркий месяц года. При нас в отдельные дни температура воздуха в Дамаске поднималась выше 40 градусов. Это сказать только легко. Мы же не находили места, где можно было почувствовать себя в привычной, нормальной обстановке. Спасали нас внимание и учтивость людей, которые постоянно окружали коллектив ансамбля: работники Посольства СССР, представители администрации Международной ярмарки во главе с Назимом Хафезом, соотечественники наши и неутомимый переводчик Мазен Заккар, получивший высшее инженерное образование в Киеве. Весь коллектив «Кабардинки» был признателен им и до сих пор хранит добрые воспоминания о них.

Скажем прямо: понравилась и запомнилась нам Сирия, чья история полна драматизма. Из поездки в эту страну мы вернулись на Родину с ранее неизведанным чувством сострадания к соотечественникам, живущим на чужбине. Мы летели из Дамаска до Москвы на большой высоте несколько часов, и перед нашими глазами не раз возникали печальные образы кареглазой черкешенки-красавицы в униформе сотрудницы Сирийской авиакомпании, которая, посадив нас в самолёт, вышла из него, обливаясь горькими слезами, и Фахри Омара Тлеужа, мужественного человека интересной судьбы, имевшего больше заслуги перед Сирией и, будучи уже на пенсии, работавшего служащим отделения «Аэрофлота» в Дамаске. Последний свой отважный поступок Фахри совершил четырнадцать лет спустя после нашего визита в Сирию. Почувствовав близость своей

кончины, не предупредив никого из родных, он остался в салоне провозжаемого самолёта «Аэрофлота» и без паспорта и визы прилетел в Москву. Так как Фахри Тлеужа хорошо знали аэрофлотцы, его пропустили через условную границу в Шереметьево-2 и помогли устроиться в гостинице «Россия». С помощью нашего общества «Родина» он, будучи уже очень больным, прилетел в Нальчик. Мы с М. Х. Шекихачевым с ходу поместили его в Республиканскую клиническую больницу, где, конечно, окружили его вниманием и приступили к тщательному обследованию. Спасти больного, к сожалению, не смогли. Поздно вечером, после двухсуточного пребывания в больнице, медицинская сестра навестила его в палате и, пожелав ему спокойной ночи, вернулась на свой пост. Рано утром она же обнаружила нашего замечательного соотечественника безжизненным. Через два дня, по прибытии родных и близких из Дамаска, Фахри Омара Тлеужа мы похоронили на нальчикском кладбище в Затишье при участии сотен жителей республики, среди которых были и весь коллектив «Кабардинки». Смерть всеильна. Она позволила осуществить заветную, непреходящую мечту Фахри Тлеужа – вернуться на историческую родину, навечно уйти в объятия земли своих предков.

Турне «Кабардинки» по ГДР

В нескончаемой круговерти непрерывной повседневной работы, репетиций и концертов незаметно для артистов «Кабардинки» прошло более года. Подоспела пора снова собираться в путь-дорогу с миссией важной и интересной.

По традиции, сложившейся в течение десятилетий, в ноябре каждого года в Германской Демократической Республике проводились многочисленные общественно-политические мероприятия, посвящённые очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Для участия в них, как правило, приглашался один из ведущих советских художественных коллективов. Честь представлять советское многонациональное искусство в ГДР в дни празднования 61-й годовщины Октября Министерство культуры СССР оказало «Кабардинке». Руководство республики приня-

ло предложение Москвы и, с учётом особенностей предстоявшей миссии ансамбля, решило направить вместе с ним и меня.

Дирекция ансамбля быстро решила все вопросы, связанные с подготовкой коллектива к выступлениям в дружественной стране, и 30 октября мы полетели в Москву. Задолго до рассвета 31 октября выехали в аэропорт Шереметьево-2. Девятиградусный мороз и низкая сплошная облачность – так сложились в то утро погодные условия в Подмосковье. По прибытии в аэропорт мы с радостью узнали, что наш самолёт будет отправлен точно по расписанию, и принялись за составление деклараций, необходимых для прохождения таможенной процедуры.

В восемь часов двадцать минут Ту-154, в салонах которого не осталось ни одного свободного места, взял курс на Берлин и через два часа десять минут приземлился в аэропорту Шёнефельд. Здесь тепло встретили нас немецкие товарищи из Центрального комитета Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), Министерства культуры ГДР и Кюнстлерагентуры. Не останавливаясь в Берлине, мы выехали на северо-запад республики в сопровождении группы работников Кюнстлерагентуры, организации, родственной по своему назначению Госконцерту СССР.

Хотя в последнюю ночь никто из нас не спал более трёх часов, ребята с интересом обозревали богатую лесами и реками Северо-Германскую низменность, через которую проложена отличная шоссейная дорога на Шверин, город, в котором нам предстояло начать свои выступления в ГДР.

Шверин – главный город округа Мекленбург, основанный в 1160 году, славится памятниками истории и культуры. И немецкие товарищи стали знакомить нас с ними сразу же после обеда и устройства в гостинице. Очевидно, это входило в программу культурного обслуживания нашего ансамбля, которая, как мы впоследствии убедились, была составлена очень интересно и продуманно. Яркое впечатление произвела на нас экспозиция городского музея, в которой представлены выдающиеся произведения искусства разных эпох. Глубоко взволновало нас всех памятное место Рабан-Штейнфельд «Ди муттер», где закончился смертельный марш узников концлагеря «Заксенхаузен». Экскурсия, которую великолепно провёл

большой энтузиаст этого дела Пауль Корниак, продолжалась около четырёх часов.

Премьера «Кабардинки» состоялась вечером 1 ноября в Мекленбургском государственном театре. Жители древнего Шверина, видевшие на сцене этого театра немало выдающихся коллективов и исполнителей, встретили первый концерт нашего ансамбля в ГДР восторженно. Никто из нас, признаться, не ожидал, что немцы, тем более северные со своим сдержанным, нордическим характером так горячо воспримут искусство двух народов одной из республик Северного Кавказа. После концерта мы узнали, что в зале находилась большая группа советских воинов, среди которых были три парня из Кабардино-Балкарии, и, конечно, мы не обошли их вниманием.

В четверг 2 ноября ансамбль показал свою программу кораблестроителям Висмара, 3 ноября выступил во Дворце культуры и просвещения города Нойбранденбурга, 4 ноября – в клубе советского посольства в Берлине, 5 ноября – в городе Штраусберге, 6 ноября – перед солдатами и офицерами одной из немецких воинских частей в Берлине. Все эти концерты прошли с неизменным успехом.

Седьмого ноября коллективу «Кабардинки» пришлось решать очень трудную задачу. Немецкие товарищи сообщили нам, что концерт для участников торжественного заседания ЦК СЕПГ, Народной палаты и правительства ГДР, посвящённого 61-й годовщине Октября, должен длиться не более часа. Это означало, что программу нашу следовало сократить почти наполовину. Над этим мы и работали долго вместе с группой сотрудников телевидения, настоявших на проведении трактовой репетиции.

В 17 часов на сцену Немецкой национальной оперы вышли члены президиума торжественного заседания и сели за длинный стол, покрытый красным сукном. Мы ожидали, что кто-то откроет заседание, предоставит кому-то слово для доклада, закроет заседание и объявит о предстоящем концерте. К нашему удивлению, процедуры такой не было. Оркестр исполнил гимны СССР и ГДР. Вышел на трибуну без предоставления слова один из членов Политбюро ЦК СЕПГ, свободно, без запинки, с подъёмом прочитал свой доклад и

вернулся на место за столом президиума. Всё это заняло ровно час. После двадцатиминутного перерыва «Кабардинка» начала своё выступление и провела его безукоризненно. Весь зал, включая и правительственную ложу, из которой смотрело концерт политическое руководство ГДР во главе с Эрихом Хоннекером, стоя проводил наших артистов со сцены, устроив им бурную, продолжительную овацию. В тот же вечер артисты ансамбля были приглашены на праздничный приём, устроенный послом СССР Петром Андреевичем Абрахимовым в здании посольства на Унтер ден Линден. Здесь я познакомился с Эрихом Хоннекером. Здесь состоялась радостная встреча с Софией Ротару – давним другом моей семьи.

Вечером следующего дня ансамбль дал концерт тоже для участников торжественного заседания по случаю 61-й годовщины Октябрьской революции в городе Эберсвальде, находящемся недалеко от Берлина. Здесь произошло совершенно для нас неожиданное. Кто мог подумать, что мы встретимся здесь с одним из бойцов Первой конной армии С. М. Будённого? Но такая встреча состоялась. Придя на сцену к нашим артистам, аккуратный старичок сказал нам по-русски:

– Вы показали мою молодость. Всё увиденное было прекрасно. Примите мою глубокую благодарность.

Это был активист Общества германо-советской дружбы конармеец Фриц Шварц, которому исполнилось уже 89 лет.

Девятого ноября коллектив «Кабардинки» выехал в южные округа республики. Его выступления состоялись в городах: Эрфурте – 10 ноября, Нойштадт-Орла (округ Гера) – 11 ноября, Зоненберге – 12 ноября, Лейпциге – 14 ноября, Кёттене (округ Галле) – 15 ноября и последнее – в Ессене (округ Котбус) – 16 ноября. Все они проходили в торжественной обстановке, всем им предшествовали митинги германо-советской дружбы, все они завершались под громкие возгласы: «Браво!», «Фроиндшафт!» и, наконец, за ними следовали приёмы, ужины с участием многих немецких друзей, с розыгрышем лотерейных билетов.

Напряжённая работа ансамбля в ГДР проходила в окружении людей, встречавших посланцев Кабардино-Балкарии везде и всюду с неподдельной радостью. Она сочеталась с аккуратным осуществлением интереснейшей культурной программы для самого

коллектива «Кабардинки». Музей Пергамона и зоопарк в Берлине, Дрезденская галерея, пользующаяся всемирной известностью, уникальный Музей игрушек в Зоненберге, много других памятников истории и культуры, концлагерь Бухенвальд, навеки ставший одним из зловещих символов фашизма, – всё это повидали мы в те дни. Но особое место в этой программе по праву занял тысячелетний Веймар – небольшой город километрах в тридцати восточнее Эрфурта. В своё время он, как известно вошёл в историю Германии своей конституцией 1919 года и созданной тогда же на её основе Веймарской Республикой, существовавшей до прихода к власти национал-социалистов в 1933 году.

Мы въехали в Веймар, уютно разместившийся на дне и склонах тектонической впадины, через 20 минут после осмотра Бухенвальда, спустившись с возвышенности, на которой гитлеровцы основали концлагерь и хладнокровно творили чудовищные преступления. В древнем городе, ставшем большим центром культуры, плодотворно работают Оперный театр с интересным репертуаром, мемориальные музеи гениев мировой культуры Иоганна Вольфганга Гёте, Иоганна Фридриха Шиллера и Ференца Листа.

Около часа находились мы в одном из старейших оперных театров Европы. Здесь шла репетиция нового спектакля, и мы наблюдали её с балкона зрительного зала, ничем не отвлекая творческий коллектив оперы от чётко организованного созидательного труда. Совсем недалеко от этого театра находится музей Шиллера (1759–1805) – автора таких бессмертных произведений драматургии, как «Коварство и любовь», «Разбойники» и «Мария Стюарт», человека, которому так мало лет было отпущено Богом на жизнь. Разделившись на две группы, коллектив ансамбля, не спеша, сосредоточенно обозрел экспозицию музея, внимательно слушая рассказы экскурсоводов о жизненном и творческом пути великого сына Германии, которые свободно, без запинок переводили на русский язык наши прелестные спутницы Светлана Шайбе и Моника Ханн.

Как близки были при жизни Шиллер и Гёте (1749–1832), так близки стояли и стоят их дома, ставшие музеями. Мы перешли широкую многолюдную улицу, разделяющую их, обмениваясь своими впечатлениями.

У входа в музей Гёте нас встретил, можно сказать, с распростёртыми объятиями его хранитель Эрнст Гюнтер.

– Добро пожаловать, дорогие товарищи, – произнёс он громко, обратившись к нам на чистом русском языке.

Не скрою, нас это не только обрадовало, но и удивило. Экскурсия по музею прошла очень живо и интересно. Иначе у Эрнста Гюнтера, наверное, и не могло быть. Сам я, будучи с юных лет страстным поклонником поэзии Гёте, ходил с ним рядом молча, словно замороженный участник торжественного богослужения под сводами храма. И только в конце осмотра экспозиции музея, когда наши ребята дружно благодарили преданного своему делу Гюнтера, я повернулся к нему и тихим голосом прочитал следующие куплеты из «Книги Зулейки» гениального поэта:

Этот листик был с Востока
В сад мой скромный занесён,
И для видящего ока
Тайный смысл являет он.

Существо ли здесь живое
Разделилось пополам,
Иль, напротив, сразу двое
Предстанут в единстве нам?

И загадку, и сомненья
Разрешит мой стих один:
Перечти мои творенья,
Сам я двойственно един.

– Японское дерево! – громко произнёс Эрнст Гюнтер и, взяв меня под руку, быстро вывел в тенистый сад музея. Он аккуратно срезал с невысокого деревца два разделённых надвое листика и вручил мне. Они хранятся и будут храниться у меня дома в одном из увесистых альбомов с фотографиями, как ценная реликвия.

Небольшой автоколонной мы поднялись из центра Веймара на восточный склон естественной впадины, уютно приютившей 60 тысяч жителей города, и остановились у парадного подъезда музея выдающегося венгерского композитора, пианиста и дирижёра Фе-

ренца Листа. Сотрудницы музея встретили нас очень приветливо и повели трогательный рассказ о жизни человека, который создал новое направление в пианизме, в разное время возглавлял Академию музыки в Будапеште и Веймарскую школу немецких музыкантов. Под занавес экскурсии нас пригласили в рабочий кабинет Листа, где стоит рояль, за которым он священнодействовал многие годы. Мне повезло и здесь, более того, посчастливилось: заметив, как я взволнован и задумчиво смотрю на этот исторический инструмент, хозяйка музея сняла красную ленту, ограждавшую его от прикосновения, и усадила за рояль, тихо сказав при этом:

– Вам, как министру культуры, разрешаем в порядке редкого исключения.

Одним пальцем дрожащей руки я извлёк мелодию известной песенки «В лесу родилась ёлочка» на слова Раисы Кудашевой, встал из-за рояля и глубоким поклоном поблагодарил немецкую женщину, посвятившую свою жизнь пропаганде творческого наследия великого музыканта. Так завершился наш короткий ноябрьский день 1978 года, день, полный ярких, незабываемых впечатлений.

Находясь в ГДР, мы ни в чём не нуждались. Немецкие товарищи делали всё для того, чтобы работа наша шла у них плодотворно, чтобы мы увезли из их страны приятные впечатления и добрые воспоминания. Не оставляло нас без внимания и Посольство СССР. Едва ли не в каждом городе местные руководители передавали мне, что звонили, интересовались нашими делами и здоровьем товарищи из посольства. Но сказать, что нам было там легко, не могу. Мы всё время были в напряжении, что было неизбежно при частых переездах из города в город, ежедневных концертах, встречах с трудовыми коллективами крупных промышленных предприятий, экскурсиях в музеи. Скажу прямо, лично мне в те дни было очень трудно: речь за речью каждый раз на этих мероприятиях, интервью журналистам во всех округах и городах и так далее. Я мечтал о том дне, когда мы завершим свою работу в ГДР и выедем на Родину. И он наступил с восходом осеннего солнца 17 ноября 1978 года.

В Берлин я выехал раньше коллектива «Кабардинки», чтобы успеть встретиться с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Германской Демократической Республике П. А. Абрахимовым и поблагодарить его за пристальное внимание к нам, посланцам Ка-

бардино-Балкарии, в течение всего периода нашего пребывания в стране его аккредитования. Камильо Брюмлих, удивительно скромный, пунктуальный и культурный водитель, восемнадцать суток бесменно находившийся за рулём «Волги», доставил меня и Светлану Шайбе в Берлин в восьмом часу вечера. После трудового дня город уже отдыхал. Мы остановились у подъезда нашего посольства на Унтер ден Линден. Попросив Светлану и Камильо вернуться за мной через час, я вошёл в посольство, хозяин которого ещё находился на своём рабочем месте.

Пётр Андреевич Абрахимов, который и раньше, с 1962-го по 1971 год, работал здесь послом СССР, теперь уже повторно с 1975 года трудился в этой же должности. Наша беседа началась без промедления. Сердечно поблагодарив за всё, что сделано им для ансамбля, я коротко проинформировал его о проделанной нами работе. Он, в свою очередь, посвятил меня в некоторые проблемы посольства и в заключение сказал:

– Из всех городов и округов я получал информацию о ваших встречах и выступлениях. Вы очень понравились немцам. Они с восторгом отзываются об искусстве «Кабардинки». Очень приятное впечатление произвели и на всех встречах с трудовыми коллективами, с активистами Общества германо-советской дружбы. Я обязательно напишу об этом Тимборе Кубатиевичу Мальбахову, которого давно знаю и очень уважаю. Хочу сообщить вам с радостью, что Центральный совет Общества германо-советской дружбы наградил вас своим «Золотым знаком» за личный вклад в укрепление этой дружбы, с чем позвольте горячо поздравить вас.

– Спасибо, Пётр Андреевич. Не сомневаюсь, что вы позаботились об этом. Награду эту я расцениваю как оценку труда всего нашего коллектива. И если она достанет меня на Родине, буду хранить её как дорогую реликвию. Теперь же позвольте сказать вам до свидания, до встречи на земле Кабардино-Балкарии. Уверен, что и Тимбора Кубатиевич будет искренне рад вашему приезду в республику, – ответил я послу и встал с места.

Не подавая руки мне на прощание, Пётр Андреевич задумчиво прикоснулся к своему виску и тут же набрал номер телефона председателя Центрального совета Общества германо-советской дружбы. Их разговор закончился тем, что наш посол достал из сейфа «Зо-

лотой знак» общества, которым он сам был награждён, и прикрепил его к лацкану моего костюма, заметив при этом, что председатель обещал завтра же восстановить ему эту награду. Затем он сел за свой массивный стол, достал из шкафа за спиной две солидные книги и, сделав в них дарственные надписи, вручил мне.

– Одну из них дарю вам на память, другую прошу передать товарищу Мальбахову, – тихо произнёс он, пожимая мне руку на прощание.

Так мы расстались с человеком высокой культуры общения, который ряд лет работал первым секретарем Смоленского обкома партии, а в описываемый мной период представлял СССР в ГДР, с автором книги «Дом на Унтер ден Линден», в которой весьма интересно рассказывается об истории русского и советского посольства в Берлине.

Было около девяти часов вечера. У подъезда уже ждали меня Светлана и Камильо, и мы поехали к нашим товарищам, которые должны были находиться в ресторане «Байкал», где немецкие друзья собирались устроить для нас прощальный ужин. Он прошёл в очень теплой, товарищеской обстановке.

В полночь 17 ноября 1978 года мы заняли свои места в поезде «Берлин – Москва» и тут же вышли обратно на перрон, чтобы проститься с немецкими товарищами, сопровождавшими нас все восемнадцать суток нашей жизни в ГДР. Ирена Вебер – директор гастролей «Кабардинки», переводчицы Моника Ханн, Светлана Шайбе и водитель Камильо Брюмлих были грустны. Мы сердечно поблагодарили их за отличную организацию гастролей ансамбля, чуткое, заботливое отношение к нам и трогательно простились с ними, пригласив к себе в гости в удобное для них время. Медленно и плавно отойдя от перрона Московского вокзала, стал набирать скорость поезд, на убранство и уют которого должны бы равняться все наши внутренние пассажирские поезда.

Последний день пребывания в ГДР, как все предыдущие, отнял у нас немало сил. Усталость, которую в напряжённом рабочем ритме мы не чувствовали так явно, вдруг будто собралась за все дни в одну невидимую силу и придавила нас. Вскоре в вагоне наступила тишина, которую я ощутил, отдавая себя во власть сна. Где-то около

восьми часов утра пассажиры стали подниматься. Мы ехали уже через Польскую Народную Республику.

В полдень, сидя у окна спального вагона стремительно шедшего на восток поезда, я невольно стал думать о стране, которая осталась позади нас ещё до рассвета, о её народе, сопоставляя то, что слышал и знал о них с детства, с тем, что видел своими глазами в эти осенние дни.

Германия и немцы. Страна и народ, подарившие миру Баха и Бетховена, Гёте и Шиллера, Гегеля и Канта, Фейербаха и Энгельса. И какой разительный контраст: страна и народ, давшие жизнь Адольфу Гитлеру и его преступной клике, развязавшие две самые кровопролитные, самые разрушительные и ставшие мировыми войны, из коих они же вышли побеждёнными, разорёнными и разделёнными, вышли со страшной раной, от которой, казалось, они никогда не сумеют оправиться, но с невиданной быстротой встали на ноги и, сделав значительный шаг вперёд, закрепили за собой высшую ступень диаграммы экономического развития европейских держав.

Германия, как известно, ещё до нападения на Советский Союз захватила или поставила на колени и под своё влияние большинство стран Европейского континента. Уверовав в свою непобедимость, на рассвете 22 июня 1941 года она сделала роковой шаг, двинув в пределы нашей страны невиданную по численности, до зубов вооружённую, имевшую к тому же опыт ведения войны, армию. Гитлер рассчитывал на то, что многонациональный СССР вскоре же после начала войны рассыплется, как карточный домик, что война закончится победоносно ещё до наступления зимних холодов. Немцы повели её с невероятной жестокостью. Однако «блицкриг» не состоялся, как не произошёл и распад великого союза братских республик. Советский народ грудью встал на защиту своей Родины. Великая Отечественная война шла 1418 дней и ночей, полных горя и страдания, мужества и героизма. В годину войны слово «немец» стало синонимом леденящего слова «убийца».

«Германия проклятая!» – с ненавистью, обливаясь горькими слезами, причитали миллионы советских женщин – бабушек и матерей, жён и дочерей, сестёр и невест, получая с фронта похоронки на близких людей.

«Германия проклятая!» – шёпотом произносили или беспомощно пытались это сделать миллионы умиравших на полях сражений защитников Отечества, прощаясь с матерью, близкими, с отнятой немцами жизнью, последний раз устремив свои затухающие глаза к небу, на которое они возлагали так много надежд.

Прошли годы. Изменились страны и люди. Изменились в отношениях друг к другу даже те, кто, как непримиримые враги, сходились в одном рукопашном бою, проливали свою кровь, но остались живыми, дошли до наших дней и продолжают жить.

Мы летели в Берлин спокойно, хотя вовсе и не думали, что встретим в ГДР столь тёплый приём. И всё же волей-неволей задумывались: сможем ли сами повести себя лояльно по отношению к тем немцам, с которыми нам придётся общаться и работать на их земле? Первые же встречи рассеяли наши сомнения. Немецкие товарищи подкупили нас своей интеллигентностью и дисциплинированностью, высоким чувством ответственности за всё, что они делают, за что берутся. Они были неизменно дружелюбны и откровенны с нами во всём. Некоторые из них не скрывали того, что не считают естественным существование двух немецких государств. Кто знает, не проникнутся ли этой мыслью миллионы граждан ГДР, не станет ли она когда-нибудь их мечтой об объединении и к каким последствиям это может привести? Прочь, однако, всякие мысли! Куда приятнее думать, что человечество, должно быть, чему-то уже научилось, извлекло урок из величайшей трагедии XX века... Хочется верить, что все люди на земле, в их числе и те, кто упивается властью, и те, кто рвётся к ней, и те, кто ненавидит её, дорожат жизнью своей и своих потомков.

Мы вернулись на Родину и принялись за свои дела. Но не прошло и года, как немцы пригласили к себе наш ансамбль, правда, не в полном составе. В течение двух месяцев, с 21 мая по 20 июля 1979 года, группа артистов «Кабардинки», в основном мужчины, вновь совершила турне по ГДР, участвуя в сборных концертах пресс-фестиваля вместе с другими художественными коллективами, приглашёнными из стран Восточной Европы и Кубы. Этот фестиваль прошёл очень организованно и интересно, а немцы ещё раз показали, что они умеют ценить искусство других народов.

Первые гастроли в Иордании. 1981 год

Зарубежные поездки «Кабардинки», как правило, начинались весной или осенью, в эти дивные времена года. Так случилось и весной 1981 года. Тогда сбылась давняя мечта артистов ансамбля побывать в Иордании, где должны были состояться их выступления ещё в 1977 году.

Приём, оказанный артистам Кабардино-Балкарии в стране, торжественно отмечавшей в мае того года день своей независимости, превзошёл наши ожидания. С момента приземления в аэропорту столицы Хашимитского Королевства и до отлёта в Москву они были окружены исключительным вниманием иорданцев. Одна неделя была в нашем распоряжении в этой небольшой, но богатой памятниками истории стране. Древнеримский город Джараш, откопанный археологами, уникальный город в каньоне Петра, подобно которому не найти на земле, Мёртвое море с отметкой минус 395 метров относительно уровня Мирового океана – это неполный перечень достопримечательностей Иордании, которые были показаны нам в те дни в свободное от выступлений время.

Что же касается самих выступлений ансамбля, проходивших при аншлагах в великолепном Дворце культуры и спорта столицы королевства, то они получили самую высокую оценку публики, прессы и правительства и закончились тем, что под бурные аплодисменты двух тысяч зрителей король Хуссейн вручил «Кабардинке» орден Независимости Иордании первой степени. Наше пребывание в Иордании украсили проживающие там соотечественники, для которых выступления ансамбля стали волнующим праздником национальной культуры, и коллектив Посольства СССР в Аммане во главе с Р. Н. Нишановым.

Снова в Южной Америке. 1983 год

Мне уже приходилось писать о разочаровании и обиде, пережитых нами в 1974 году в связи с неожиданным отказом бразильских властей принять «Кабардинку», хотя договорённость с ними забла-

говременно была достигнута и месячные гастроли в Бразилии вошли тогда в план поездки в Латинскую Америку, а её артисты находились совсем рядом, в Аргентине.

По приглашению Тамары Тайзлиной, которая заявила тогда уверенно, что «Кабардинка» всё равно будет в Бразилии и которой не откажешь в умении добиться однажды поставленной цели, в конце апреля 1983 года ансамбль отправился в Бразилию, на сей раз уже по другому маршруту, с остановкой на несколько дней в столице Перу – городе Лиме, где были даны им два концерта. Справедливость восторжествовала, таким образом, через девять лет. Сорок семь незабываемых дней в стране футбола, тридцать семь выступлений на крупнейших концертных площадках Манауса, что в центре Амазонской низменности, Бразилиа – столицы страны, Ресифи, Салвадора, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Куритиба, Порту-Алегри, Белу-Оризонти – таковы статистика и география гастролей артистов Кабардино-Балкарии в Бразилии. Восторг и восхищение были лейтмотивом многочисленных откликов бразильских зрителей и прессы на концерты ансамбля.

– Это – фантастика! – заявил нашему послу председатель Сената Бразилии Нило Коэло после первого выступления «Кабардинки» в столице республики.

«Из всех ансамблей, ранее побывавших в Рио-де-Жанейро, – писала одна местная газета, – этот самый оригинальный и неповторимый». Таких отзывов было немало. Вернувшись из далёкой Бразилии, наши артисты в шутку говорили, что они надеются на третью поездку в Южную Америку. И я верю, что она состоится, – ведь наш ансамбль всегда молод, значит, впереди пути-дороги, впереди новые страны мира, да и в самой Южной Америке остались Боливия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай и Чили, народы которых никогда не встречались с искусством Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа.

Дни СССР в Иордании. 1985 год

Осень 1985 года. Общество иордано-советской дружбы, готовясь к проведению в стране Дней СССР, пригласило в Иорданию делегацию Союза советских обществ дружбы и культурных связей

с зарубежными странами (ССОД), который возглавляла в то время первая в мире женщина-космонавт Валентина Владимировна Терешкова. По традиции, вместе с делегацией в Иорданию выезжал художественный коллектив одной из наших республик. Руководство ССОДа на сей раз обратилось к Кабардино-Балкарии. Меня включили в официальную делегацию. Решили направить и «Кабардинку». В сжатые сроки, наряду с подготовкой ансамбля к выезду, мы отобрали для соответствующих выставок произведения художников, детские рисунки, фотографии и направили в Амман. Десятого ноября ансамбль прибыл в Москву. На первой же встрече в ССОДе Валентина Терешкова объявила мне, что я должен возглавить делегацию. Это для меня было неожиданно. Также неожиданно Александр Яковлевич Сухарев, мой близкий друг по прежней работе в ЦК ВЛКСМ, министр юстиции РСФСР, который должен был возглавить делегацию, получил указание срочно отбыть в Женеву, где через несколько дней ожидалась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана. Так, очень некстати, положение моё усложнилось: надо было готовиться к новой, скажем прямо, нелёгкой роли.

В полдень 11 ноября мы прилетели в Амман. В аэропорту нас встретили председатель Общества иордано-советской дружбы сенатор Б. Тальхуни, посол СССР А. И. Зинчук, члены правления Черкесского благотворительного общества (ЧБО) во главе с генералом в отставке Фауазом Бирмамитом, представители иорданской общественности и прессы. Здесь же состоялась короткая беседа, журналисты из газет, радио и телевидения получили ответы на свои вопросы.

Дни дружбы начались 12 ноября и проходили под патронажем короля Иордании. Артисты «Кабардинки» показали своё искусство на официальном открытии Дней в присутствии короля Хуссейна, студентам и профессорам Ярмукского университета, на массовом митинге в Аммане, на заключительном вечере, который проходил при участии всего руководства страны. В итоге за большие заслуги в укреплении дружбы между нашими странами «Кабардинка» была награждена орденом «Звезда Иордании» I степени. И на этот раз награду вручил сам король. Напряжённо работала и официальная делегация. Она была принята наследным принцем Хасаном, председа-

телями Сената и Палаты депутатов Парламента Иордании, министрами информации и культуры. Сверх того, руководитель делегации принял участие в торжествах по случаю 50-летия короля Хуссейна в Аммане, был у него в гостях в Акабе вместе с нашим послом.

Из Акабы в Амман ансамбль и делегация были доставлены на личном самолёте короля Хуссейна, отлично выполнившего этот рейс в качестве шеф-пилота. Мягко посадив «боинг» в ближнем аэропорту Аммана и подрулив его к аэровокзалу, король появился в салоне, где находились королева Нур с детьми и мы с Б. Тальхуни.

– Как чувствовали себя в полёте? – обратился ко мне, улыбаясь, «крылатый» король.

– Как нельзя лучше, ваше величество, да и могло ли быть иначе, если штурвал корабля находился в руках самого короля Иордании? В молодости я тоже имел счастье летать и чувствовать себя, как птица. Большое спасибо за приятное воздушное путешествие, – ответил я.

Мы сошли с королевского «боинга» и остановились у трапа. Официальные лица, встречавшие главу государства, не стали сразу подходить к нам.

– Сегодня вечером, – сказал король, – вы будете выступать на массовом митинге иордано-советской дружбы. К сожалению, я не имею возможности присутствовать на нём, так как предстоит долгая беседа с Ясиром Арафатом. Но, как мы договорились за ужином, на этом митинге меня будет представлять мой брат Хасан. Завтра же я вылетаю в Саудию и вернусь, очевидно, после вашего отъезда на родину. Позвольте поэтому пожелать вам счастливого пути на родину.

Я ещё раз поблагодарил короля за внимание, которое он постоянно проявлял к нам в течение всей недели, за доброе отношение к черкесам, за стремление к дружбе с нашей страной и, пожимая ему руку на прощание, добавил:

– Ваше величество, я не уполномочен официально пригласить вас в нашу страну. Однако могу заверить вас, что король Иордании был бы самым желанным гостем в Кабардино-Балкарии. – Так расстались мы с монархом редкого обаяния. Расстались на одиннадцать лет.

В Иорданию по приглашению короля Хуссейна. 1996 год

Тревожный, полный драматизма 1996 год стремительно приближался к тому рубежу, за которым в миг, не поддающийся человеческому восприятию, он должен был примкнуть к бесконечному ряду лет, нанизанных Землёй на нить своей истории. Лишь семнадцать оборотов вокруг собственной оси оставалось сделать нашей прекрасной планете до того момента, когда с волнением, ненадолго забыв о своих тревогах и заботах, миллионы живущих по новому стилю людей под один звон бокалов провожают Старый, а под другой – встречают Новый год с надеждой на долгожданное счастье для себя и близких, на спокойную жизнь, на избавление общества от войн и конфликтов, от множества иных пороков и недугов. Сказочная ночь, сопряженная со многими иллюзиями, уже подступала к вратам роскошных вилл одних и скромных усадеб других, к порогам уютных и отнюдь не равных им городских квартир, надолго приютивших большинство населения России.

Люди, казалось, трудились без особого напряжения, как это бывало раньше, а больше копошились. Они уже ждали эту новогоднюю ночь, а вместе с ней, быть может, даже какое-то чудо. Те же из них, кто по долгу службы или велению сердца был озабочен судьбами других, занимались малопривлекательным делом: мысленно обзревали пройденный за уходящий год путь, с некоторым опережением подводя его предварительные итоги.

Далеко не у всех этот путь был безоблачным, не всем ожидаемые итоги года доставляли радость и удовлетворение, но делом этим они по традиции продолжали заниматься, изредка отвлекаясь от него и пытаясь представить себе вероятный ход событий в наступающем году. Этим был занят и я. Ничто не предвещало скольконибудь заметных перемен ни в жизни, ни в давно установившемся ритме моей хлопотливой работы. И вдруг случилось неожиданное.

В начале восьмого часа вечера 14 декабря к нам, в Общество «Родина», на моё имя поступил факс. Текст его в переводе с английского гласил:

«Дорогой сэръ!

Мне поручено Его Величеством королём Хуссейном пригласить ансамбль фольклорного танца «Кабардинка» приехать в Иорданию для участия в торжествах по случаю дня рождения Его королевского Высочества принца Али Бен аль-Хуссейна, которые состоятся 23 декабря 1996 года в Аммане.

Примите, пожалуйста, во внимание, что специальное воздушное судно будет выслано 17 декабря для доставки членов труппы и сопровождающих администраторов в Амман. Также, пожалуйста, примите во внимание, что все расходы, относящиеся к этому визиту, будут приняты к оплате Королевским двором.

Мы будем очень благодарны, если Вы сможете взять на себя приготовления, связанные с необходимыми формальными процедурами для поездки членов труппы за границу.

Высоко ценим Вашу помощь в этом деле.

Искренне Ваш А й м а н М а ж е й л и,

шеф Королевского протокола»

Не скрою, весть эта обрадовала меня: ансамблю, близкому моему сердцу, ансамблю, которому рукоплескали на пяти континентах земного шара, благодаря которому сотни тысяч жителей десятков стран мира познакомились с искусством кабардинцев и балкарцев, ансамблю, чьи артисты первыми из всех советских людей с гордостью ступили на земли нескольких далёких от нас стран Карибского бассейна и Центральной Америки, ещё раз оказана высокая честь! Но кому радость даётся надолго? Я перечитал послание из Аммана, и тут же на смену радости вселилась тревога – через два дня за коллективом «Кабардинки» в Нальчик специальным рейсом прилетит самолёт. Надо было действовать, не теряя времени: сообщить руководству республики, связаться с директором и художественным руководителем ансамбля, на чью долю выпадет немало забот, а затем, как можно быстрее, ответить иорданской стороне. Только в этом я видел в тот вечер свою миссию.

К моему огорчению, наш президент находился на встрече с избирателями в одном из дальних районов, на выезде оказались также премьер-министр и вице-президент. Не застал на месте и минист-

ра культуры Р. Б. Фирова. Набрал номер телефона вице-преьера Х. Х. Сохрокова.

Он выслушал меня и сказал:

– Очень хорошо, не беспокойтесь, сегодня же, как бы ни было поздно, доложу Валерию Мухамедовичу. Завтра утром сообщу вам его решение, отдохайте спокойно. Обрадовали меня руководители ансамбля Валерий Кудяев и Ауладин Думанишев. По их словам и настроению, мне стало ясно, что коллектив «Кабардинки» будет готов к вылету в Иорданию даже через день.

«Стало быть, если президент Коков одобрит предполагаемую поездку ансамбля, то завтра же сообщу об этом начальнику Королевского протокола Иордании, – решил я и оставил на ночь скромный офис «Родины».

В полдень Х. Х. Сохроков внёс ясность, позвонив мне из машины по пути из Нарткалы в Нальчик. Разговор был короткий:

– Президент дал добро. Правительство издаст необходимые распоряжения. Пусть готовятся!

Я тут же позвонил Валерию Кудяеву, передал ему содержание разговора с вице-премьером, с учётом собственного опыта зарубежных путешествий дал кое-какие советы и принялся за составление своего сообщения в Иорданию, думая, что на этом моё участие в начавшемся большом деле будет исчерпано. Осталось разве только через день встретить в нашем аэропорту самолёт из Аммана и проводить ансамбль в далёкий путь. Но прошёл час, и Хаути Хазритович объявил мне по телефону:

– Президент просил передать вам, что он хотел бы, чтобы поездку «Кабардинки» возглавили вы.

Признаться, я не ожидал этого, но всякого рода раздумья на сей счёт уже не имели смысла, надо было готовиться, крепко сжав себя в стальную пружину.

Утром 17 ноября мы встретили иорданский самолёт, на котором специально для сопровождения ансамбля прилетел заместитель начальника Королевского протокола Басиль Хабжоко, сын выдающегося государственного деятеля Иордании Саида Хабжоко, о котором я расскажу несколько позже. В тот же день после встречи с почётным консулом России в Турции, турецким гражданином И. Кырымлы, в которой я принимал участие, президент В. М. Коков об-

ратился ко мне с добрым напутствием в связи с неожиданным отъездом в Иорданию, пожелал коллективу «Кабардинки» успешного выполнения почётной и ответственной миссии.

– Постараюсь до завтра подготовить послание королю Хуссейну, – добавил он, крепко пожав мне руку на прощание.

Через час получил я распоряжение Правительства КБР о командировании ансамбля в Иорданию и назначении руководителя поездки.

По-зимнему холодным было утро 18 декабря. «Переменная облачность, без осадков...» – сообщило радио Кабардино-Балкарии о погоде дня. Мы выехали в наш аэропорт вовремя. Регистрация, паспортный контроль и таможенный досмотр – эти формальные, но ставшие неизбежными процедуры заняли более двух часов. Наконец нас пригласили на посадку. Артисты и руководители «Кабардинки» быстро заняли места парашютистов-десантников в огромном, наречённом именем могучего мифологического героя «Геркулес» и закомуфлированном под одежду фронтовика воздушном судне. Турбины его стали реветь сильнее, вокруг в аэропорту стоял невероятный гул. Я последним поднялся по трапу, помахал оттуда провожавшим нас Руслану Фирову и начальнику аэропорта Хаути Метову и исчез из их поля зрения.

В 13:30 самолёт вырулил на старт, к северной окраине нашей столицы, перешёл в режим форсажа турбин, рванул вперёд и через считанные секунды плавно, почти незаметно оторвался от бетонки. Один из членов экипажа стал раздавать нам по две пробочки из уплотнённой стерильной ваты (беруши) для постепенной адаптации к непривычному шуму – трескотне в салоне. Я прильнул к одному из маленьких боковых люков и попытался обозреть окружающее пространство. Увы, разглядеть что-либо было более чем трудно, а лететь вслепую для меня ещё труднее. Днём ли, ночью ли в полёте я всегда стараюсь видеть солнце и звёзды, горизонт впереди, землю, горы и долины, реки и озёра, города и сёла, моря и океаны. И не только видеть, но и сличать с картой, делать заметки. Это – моя страсть, моя неизлечимая болезнь. Выход нашёл сидевший рядом Басиль. Он встал с места, взял меня за руку и по крутой лестнице повёл наверх, в кабину тех, кто управлял тяжёлой рукотворной птицей.

Командир корабля, смуглый иорданец с подкупающе добрым лицом, оглянувшись на секунду, едва заметным кивком головы и столь же скромной улыбкой пригласил нас присесть. Но не до сидения мне было. Воспрянув духом от удачной смены обстановки, я тут же раскрыл блокнот и подался вперёд. Глазам моим открылась панорама поразительной красоты: под нами, в непосредственной близости от пилотской кабины самолёта, Тамбуканское озеро с тёмным от целебной грязи дном; впереди, ещё далеко от нас, огромное хмурое облако, закрывшее собой всё земное, а слева – обзриваемый от самого Казбека Главный Кавказский хребет, родные горы, не похожие ни на Памирские и Тянь-Шаньские, ни на Тибетские и Гималайские, ни на Кордильеры и Анды, а более молодые и девственные, более изящные и стройные, более яркие и чарующие – словом, неповторимое чудо природы, озаряемое двумя белоснежными вершинами гордого красавца Эльбруса, оваянного легендами и славой, светлыми надеждами и мечтой людей. Отблески его склонов достигали и нас, невольно заставляя прищуриться. Заметив, что я напряжённо слежу за полётом, пытаюсь определить заданный нам маршрут, сидевший справа от меня штурман протянул мне карту, на которой красной линией был проложен наш путь. Он соединял Нальчик с городами Сочи, Трабзон (Турция), Алеппо (Сирия) и Амман. Прошло несколько минут. «Геркулес» уже летел в непроглядном облаке. Всё окружающее скрылось от наших глаз. Но всему есть конец, облако осталось позади, мы летели над горами, уже видя впереди Чёрное море. В 14:30 перелетели Сочи, закрывая левым крылом северные окраины города. Высота 7 тысяч метров. На «самом синем в мире», как ни странно, было мало кораблей. В 14:40 повернули на юг, на Трабзон, и через десять минут показался мало извилистый турецкий берег, местами покрытый снегом. По мере приближения к нему видимость ухудшалась.

В три часа пополудни мы уже были над Турцией, страной множества невысоких гор, вершины которых раньше, чем обычно, снег успел одеть в зимний наряд. Земля то закрывалась, то открывалась. Самолёт стал набирать высоту, а когда она достигла 8 тысяч метров, мы оказались над бескрайним морем белых облаков. «Эх, прокатиться бы на санях!» – подумал я. Мы словно летели на солнце, ласкавшее нас с запада. В 16:15 показался Медитерран (Сре-

диземное море), и вскоре самолёт резко изменил курс, повернув на юг. Турция, а за ней северный сирийский город Алеппо остались позади. Через полчаса земля открылась во всю ширь, будто резким движением сбросила с себя облака. Теперь мы летели, видя одновременно земли трёх стран: Ирака – слева, Сирии – справа и Иордании – впереди и под собой. Вскоре наш корабль стал медленно снижаться и в 17:20, сделав круг над столицей Хашимитского Королевства, совершил мягкую посадку на военном аэродроме близ Аммана. Я поблагодарил экипаж «Геркулеса» и в отличном настроении спустился вниз. Наши «десантники», оживлённо переговариваясь, собирали свои вещи. Лица их сияли радостью, да и как иначе: благополучное приземление в аэропорту назначения всегда являет собой праздник для временных обитателей самолёта, ибо всякий полёт – это риск, какой бы совершенной ни была техника.

У трапа самолёта нас встретили принц Али Бен аль-Хуссейн, его сотрудник Зеид Лоузи, председатель Черкесского благотворительного общества Самир Кардан, его заместитель Шакиб Гута, член правления общества Мухамед-Саид Умэт и другие лица. Встреча была волнующей и радостной. Без проверок наших документов, соблюдения каких-либо формальностей нас пригласили в машины и повезли в город. Тому, кто видел этот город десять-одиннадцать лет тому назад, нетрудно было заметить, что столица Иордании изменилась очень сильно: город далеко раздвинул свои границы, появились новые районы и кварталы, улицы и площади, дома впечатляющей архитектуры. Санитарное состояние его – на зависть. Двадцать минут быстрой езды – и мы у подъезда большой одиннадцатизэтажной гостиницы «Амра Форум Отель», недавно построенной на возвышенном месте, откуда хорошо видна половина Аммана. Активисты ЧБО, директор гостиницы, вахтёры и носильщики, одетые в униформу, встретили нас приветливо и пригласили в огромный вестибюль, раздали нам ключи от номеров, объяснили, что где находится. Всё это заняло мало времени. Договорившись ужинать через час, мы разошлись по своим pokojам. Скажем коротко: в них оказалось всё, что необходимо человеку для спокойного отдыха, для связи с миром и утоления жажды.

Через час принц Али и его друзья – братья Кегадуевы повезли нас на ужин, который они решили устроить в одном из ресторанов

на возвышенной окраине города. Ехали туда быстро. Когда мне уже показалось, что вот-вот Амман окажется позади нас, машины резко повернули направо и на большой скорости пошли на подъём. Вскоре мы увидели ярко освещённое сооружение, напоминающее знакомые нам по кинофильмам средневековые английские замки. Ещё несколько минут – и мы вошли в него.

В этой стране прочно вошёл в жизнь так называемый шведский стол – выбирай и ешь, что хочешь. Руководители ансамбля и ещё несколько мужчин из коллектива возрастом постарше сели за один стол, молодёжь – за другие. Принц Али не сажился за стол, до тех пор пока не убедился, что все гости уже едят с аппетитом. Присоединился же он к своим сверстникам. После ужина принц и наши ребята в отличном настроении станцевали «Кафу» и «Исламей». За полчаса до полуночи мы оставили это гостеприимное заведение и вернулись в «Амра Форум Отель», где нас ожидали соотечественники. Лишь к двум часам ночи в гостинице наступила тишина. Погружаясь в сон, я, как всегда, подумал: «Не проспать бы рассвет и восход солнца».

Амман расположен на семи возвышенностях. Это придаёт ему необычайную красоту и выразительность. Утром 19 декабря небо над ним было безоблачным. В семь часов на востоке занялась заря. Вскоре, словно торопясь провозвестить начало нового дня, солнце быстро пересекло очертание горизонта, огромным оранжевым диском оторвалось от него и стало ласкать своими лучами белокаменный город. Я с упоением наблюдал восход, который на этих широтах обретает особенно яркую окраску.

«Находка для живописца», – думал я, стоя у окна и не в силах оторваться от удивительного явления природы. Не изменяя своей давней привычке, около сорока минут посвятил отнюдь не лёгкой гимнастике. В девять часов, как договорились ещё ночью, навестил Валерия и Ауладина, живших в одном номере, и втроём спустились вниз, в вестибюль. Наши товарищи были уже там и любовались красивой, со вкусом наряженной к Новому году ёлкой. Нас любезно пригласили в ресторан, находящийся здесь же, на первом этаже пятизвёздочного отеля. Завидный интерьер, идеальная чистота, шведский стол с богатым выбором блюд европейской и арабской

кухни – всё здесь вызывает аппетит заядлого гурмана. Всё здесь, конечно, дорого, рассчитано на иностранных путешественников. Много или мало съел обитатель гостиницы – это не волнует никого, плата для всех единая. Мы позавтракали, каждый расписался под счетом, предъявленным ему при выходе, и ушли, чтобы приняться за дело, приведшее нас в страну, для некоторых из нас остававшуюся ещё таинственной. Здесь я позволю себе привести весьма короткую справку о ней.

Иордания – сравнительно небольшая страна. Площадь её около 90 тысяч квадратных километров, население около 4, 5 миллиона человек, в основном арабы. Официальный язык – арабский. Государственная религия – ислам. Государственный строй – монархия. Глава страны – король. Климат сухой, субтропический. В древние времена территорию Иордании заселяли семитские племена хананеев. С VII века она входила в состав Арабского халифата, с XVI века до 1918 года – в Османскую империю.

Вернёмся, однако, к нашей миссии, к нашему первому утру в Иордании. До главного события оставалось ещё почти пять суток. Подъехал принц и объявил, что артисты ансамбля совершат экскурсионную поездку в город Джараш, сбор в 12 часов. А нам, то есть директору, главному балетмейстеру и мне, надо было выбрать наиболее подходящее место для первого выступления ансамбля, а значит, место проведения посвящённого дню рождения принца семейного торжества, назначенного на вечер 23 декабря. Сначала мы заехали в резиденцию Черкесского благотворительного общества и встретились с членами его правления. Мы договорились с ними, что первые репетиции программы «Кабардинки» проведём на сцене их актового зала, достаточно просторной даже для исполнения самых массовых танцев. Условились также о порядке и времени взаимного обмена информацией, обсуждения проблем Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина» и Черкесского благотворительного общества Иордании, о нескольких встречах артистов нашего ансамбля с соотечественниками. Оттуда же я отправил телекомом в Нальчик своим коллегам сообщение о благополучном прибытии ансамбля в Амман с просьбой проинформировать руководителей и прессу республики.

Из резиденции ЧБО мы направились в королевский дворец «Басман Палас», где жил и работал король Хуссейн. «Мерседес», закреплённый за мной с минуты приземления в аэропорту на всё время пребывания в этой стране, пересекал город почти без остановок. Опытный водитель, военнослужащий иорданской армии Нидаля, видимо, так регулировал скорость движения, что на перекрёстках улиц нас, как правило, встречал зелёный свет. Примерно через четверть часа машина свернула с магистрали и пошла в гору. В считанные минуты она поднялась на возвышенность Элькасар и плавно остановилась у шлагбаума. Несколько слов Нидаля, сказанных охраннику в армейской форме, оказалось достаточно, чтобы без проверки документов подняли шлагбаум и открыли нам ворота королевской усадьбы. Территория усадьбы не перегружена строениями, что, естественно, повышает её привлекательность. Здесь красиво, свежо и уютно, здесь можно хорошо отдохнуть и ещё лучше работать. Сам «Басман Палас», являющийся официальной резиденцией короля Хуссейна, как потом уже говорили о нём наши ребята, мог бы быть и крупнее, и роскошнее. К этим словам мне хочется добавить: скромность украшает хозяина дворца.

Принц Али встретил нас у парадного подъезда и провёл в зал, где предполагалось торжественно отметить его день рождения.

– Посмотрите, – сказал он, повернувшись в одну сторону этого зала, – здесь будут сидеть за столами около ста человек или чуть больше.

– Столы будут стоять до этого места, – показал нам на переднюю боковую дверь один из служащих дворца, который, как мы поняли, отвечал за подготовку зала к приёму гостей.

Мы недоумённо переглянулись и стали измерять ширину и длину оставшейся свободной части пола. Вырисовывалась грустная картина: глубина будущей сцены около четырёх метров, далеко не достаточная для массовых танцев ансамбля, в которых заняты восемь-десять, а то и двенадцать пар.

Принц, вероятно, увидел на наших лицах разочарование и, подумав минуту, произнёс:

– Не расстраивайтесь, я покажу вам другой зал, а выбор будет за вами.

Он пригласил нас в свою машину и, уверенно управляя ею, мигнул через двадцать доставил во Дворец Хашимия, тоже на возвышенности, тоже в прекрасной, ухоженной усадьбе. Здесь жила его мать до гибели в авиакатастрофе. Здесь прошли первые годы его жизни, и этот дворец особенно дорог ему. С ним, как мне показалось, он связывает и своё будущее. Зал во Дворце Хашимия был значительно просторней, чем в «Басман Палас». Выбор был сделан нами с ходу. Принц Али не стал скрывать своего удовлетворения и распорядился о сооружении сценической площадки с освещением и другими атрибутами в течение одних суток. Все вместе вышли на улицу.

– Где похоронена ваша мама? – спросил я принца.

– Здесь, недалеко, – ответил он печальным голосом.

– Хотелось бы увидеть её могилу, – произнес я.

Безмолвно постояв несколько минут у одинокой могилы слишком рано ушедшей из жизни королевы Алии, мы с печалью в душе направились к машине. Нам предстояла новая дорога, которая должна была привести в город Джараш, находившийся примерно в шестидесяти километрах севернее Аммана. Ни слова не говоря, принц медленно повёл машину вниз. Молчали и мы. Лишь минут через десять, когда мы уже выехали на одну из городских магистралей, ведущей непрерывный поток автомобилей в нужном нам направлении, юный принц прибавил скорость и с едва уловимым акцентом заговорил по-кабардински.

– Почему вы ничего не говорите? – спросил он.

– Мы молчали потому же, почему и вы, мы думали о тех, кто уже в раю, – ответил я и сочувственно погладил его правое плечо.

Ещё несколько минут мы ехали, я бы сказал, в тягостном молчании. Трудная жизнь, тесное общение с людьми искусства, чьи интересы были моей главной заботой, сделали меня впечатлительным. Надо было до предела углубить нахлынувшую печаль, чтобы затем резко изменить состояние души, и я спросил принца:

– Как случилась эта трагедия?

– Из посёлка Кадисия, – начал принц Али, – поступила жалоба о неблагополучии в местной больнице. Моя мать вылетела туда с министром здравоохранения и своим врачом, чтобы разобраться в обстановке и оказать помощь. При возвращении домой вертолёт

потерпел катастрофу, и все погибли. – Здесь он замолчал на минуту. Потом собрался с духом и произнёс:

– Мы с сестрой остались без неё совсем ещё маленькими. Как видите, выросли...

Поездка в Джараш была интересной. Экскурсоводом нашим там оказался наш соотечественник. Бородатый мужчина, возраст которого трудно было определить даже приблизительно, подошёл к нам с высоко поднятой головой и обратился со словами:

– Салам Алейкум! Я адыг, зовут меня Мухамедхейр, фамилия моя Дугужоко. Рад тому, что проводить вашу экскурсию поручено мне.

Мы ответили ему дружными аплодисментами, и экскурсия началась.

– Это был город, в котором для нормальной жизни людей было предусмотрено и создано много такого, чего не найдёшь во многих городах, сооружённых в новейшее время, – начал свой рассказ о Джараше Мухамедхейр Дугужоко.

В ходе экскурсии, которую уверенно и в темпе вёл наш соотечественник, более любопытными мне показались наши девушки. Наверное, так на самом деле и было – женщина есть женщина. Вообще же, интерес к древней цивилизации, её безмолвному, но поразительно яркому, быть может, даже и вечному памятнику проявлял весь коллектив ансамбля. Сам же я, признаться, с упоением слушал пояснения экскурсовода и задумчиво смотрел на то, что создали своими руками далёкие предки нынешних обитателей Земли.

При определённых условиях они могли бы превосходно проявить себя в созидательном труде во имя прогресса всего человечества, во имя собственного и общего блага, во имя достойной человека жизни будущих поколений, наших современников, которые сумели изобрести смертоносное оружие фантастически большой разрушительной силы, накопили его сверх всякой меры, но никак ещё не могут или не хотят объединить свои усилия, чтобы предотвратить угрозу уничтожения этим же оружием современной цивилизации, её носителей, всего живого на третьей планете Солнечной системы.

Потратив немало сил на подъёмы и спуски, которыми изобилует маршрут двухчасовой экскурсии, и основательно проголодавшись, мы вернулись к исходному месту, где шла бойкая торговля недо-

рогими памятными сувенирами. Многие из нас приобрели их. Кто-то предложил сфотографироваться вместе с экскурсоводом. Тут же появился фотограф, повелительными взмахами рук собрал нас всех воедино на фоне древнеримского городища и сделал несколько щелчков, каждый раз быстро меняя свою позицию. Обед и впрямь был кстати. Вскоре он состоялся в небольшом местном ресторане, гостеприимным хозяином которого был иорданец греческого происхождения. В разгар обеда нам вручили фотоснимок, только что распечатанный по числу изображённых на нём лиц. Что и говорить, сюрприз был из приятных. В пять часов вечера, когда солнце уже заметно приближалось к горизонту, чтобы произвести очередную смену дня и ночи, небольшая колонна наших автомобилей покинула городок, выдавший виды, испытавший страшную разрушительную силу землетрясения, до сих пор остающегося во многом загадкой, а в целом досадным диссонансом в стройной, весьма гармоничной системе мироздания. Мы ехали не спеша и осторожно, как и положено это делать при наступлении сумерек и ночи. В половине седьмого вечера мы вошли в свою ярко освещённую электрическими огнями гостиницу. Часа через два молодые артисты ансамбля поехали на вечер отдыха, устроенный принцем Али. Те же, кто не считал себя молодым, остались со мной, в десять часов вечера поужинали и провели время в дружеской беседе, вспоминая свои поездки в далёкие страны мира, пока не вернулась наша молодежь. Всю ночь улицы Аммана продувал заунывный ветер. В центре Иордании стало прохладно.

Утром 20 декабря мы заехали в ЧБО, где Ауладин Думанишев провёл на глазах многих соотечественников хорошую репетицию программы ансамбля. Оттуда все вместе совершили головокружительную экскурсию на Мёртвое море и в долину реки Иордан. Мёртвое море – уникальное явление природы, привлекающее к себе внимание миллионов людей разных стран мира. Чем же отличается оно от других? Приводимая ниже краткая справка в какой-то мере отвечает на этот вопрос.

Мёртвое море, по некоторым данным, называвшееся в древности Галилеевым морем, – это бессточное озеро в Западной Азии. Большая часть его (примерно пять шестых) приходится на территорию Иордании, остальная – Израиля. Озеро образовалось в текто-

нической впадине Гхор. Площадь моря – 1050 квадратных километров, длина – 76 километров. Размещено оно на 395 метров ниже уровня Мирового океана. Его побережье – самое низкое место поверхности Земли. Глубина воды до 356 метров, солёность 260–270 промилле. Вследствие высокой насыщенности воды солью в озере отсутствует органическая жизнь, кроме некоторых видов бактерий. Здесь добываются калийные и другие соли. Полученный из них поташ (карбонат калия) – одна из важных экспортных продукций страны. Купание в озере – своеобразный ритуал, который совершается в любое время года, и оно не только полезно для здоровья человека, но и безопасно: на его поверхности можно лежать спокойно. На дне немало лечебной грязи, с первого взгляда напоминающей нашу тамбуканскую. В Мёртвое море впадает река Иордан, долина которой славится своей красотой и плодородием, изобилием тропических культур и плодов и является житницей страны.

На Мёртвом море впервые я был в мае 1981 года, потом ещё дважды – в ноябре 1985 и 1987 годов, и каждый раз около двух часов с наслаждением проводил в его безжизненном царстве, опасаясь лишь глотнуть горько-солёную воду. Теперь, уже в четвёртый раз, я ехал туда в отличном настроении, делясь своими впечатлениями с Хашемом Талостаном (Амшоко). Меньше часа ушло на дорогу. После прибытия на многолюдное побережье наша молодежь, переодевшись в купальный наряд, устремилась к морю, чтобы испытать его объятия и заодно свою выносливость и закалку. Вскоре подъехал и принц Али, сопровождаемый братьями Кегадуевыми. Через минуту он был уже в воде среди своих друзей из «Кабардинки». Принц глубоко нырнул в море, достал со дна его ком грязи и стал размазывать себя ею, призвав наших ребят сделать то же, что и он. По прошествии четверти часа все они преобразились в чернокожих африканцев. В облике негров ребята остались до полного высыхания. Никого из них узнать было невозможно. Они развеселились и стали исполнять какие-то ритуальные круговые танцы. Позже быстро искупались, переоделись в душевых будках и поднялись наверх, где их ожидал обед в приморском ресторане. После обеда у входа в ресторан пошли танцы, начало которым положил сам принц, исполнив нашу «Кафу». В семь вечера мы покинули сверкающее электрическими огнями побережье Мёртвого моря. Ехали быстро,

всё выше и выше поднимаясь сначала над уровнем этого моря, а затем – Мирового океана. Через час мы вошли в свою гостиницу, не чувствуя усталости.

Следующие два дня прошли у нас в напряженной работе: репетировали без усталости, используя зал резиденции ЧБО, встречаясь там то с одной, то с другой группой адыгов, которые с интересом следили за нелёгким репетиционным процессом. Вечерами руководители общества устраивали ужины и танцы. Наши соотечественники, проживающие в Иордании, в страстной любви к танцам не уступают даже мексиканцам.

Утром 23 декабря мы поехали во Дворец Хашимия и провели хорошую репетицию программы концерта на сооружённой здесь за два дня сцене с кулисами и освещением. Вернувшись оттуда в гостиницу и пообедав, артисты «Кабардинки» отдохнули как следует, перед выступлением на семейном торжестве, посвящённом совершеннолетию принца Али.

Во Дворец Хашимия мы прибыли заблаговременно, когда весь Амман, как всегда, освещался прекрасно. Полюбоваться бы вечерней столицей королевства, не спеша обходя вокруг дворец, но нас быстро провели вовнутрь, где уже находилось много гостей именинника. Артисты поспешили к своим костюмам. Меня и Халдуна Хильми, призванного быть в этот вечер моим переводчиком, пригласили в зал ожидания и стали знакомить с прибывшими раньше нас членами королевской семьи и их ближайшими родственниками. Я говорил с ними на родном языке. Халдун, свободно владеющий кабардинским, арабским, английским и неплохо русским, переводил им на тот, на котором они общались с нами. Здесь уже находились: сестра короля – принцесса Басма Бент Талал с супругом, двоюродные братья короля – принцы Риад Бен Талал и Али Бен Наеф с супругами, сыновья короля – принцы Абдала Бен аль-Хуссейн и Фейсал Бен аль-Хуссейн с супругами, родная сестра принца Али – принцесса Хайя Бент аль-Хуссейн, дочери короля – принцессы Зеин Бент аль-Хуссейн и Айша Бент аль-Хуссейн, дети короля Хуссейна и королевы Нур – принцы Хамза, Хашем и принцессы Иман и Райя, дочери наследного принца Хасана – принцессы Рама, Сумая и Бадия и его сын – принц Рашид Бен аль-Хасан, премьер-министр Иордании Абдель-Карим Кабарити с супругой. С нами и между собой они

вели себя просто и приветливо. Ни высокомерия, ни напыщенности, свойственных некоторым аристократам и высокопоставленным лицам и особам недалёкого ума.

Около восьми вечера к нам подошёл принц Али и, сообщив, что через две-три минуты королевская чета прибудет во дворец, попросил пройти с ним в вестибюль, чтобы мы встретились с ними первыми. Я попросил его пригласить туда и руководителей ансамбля. Не прошло и двух минут, как охрана во всю ширь раскрыла двери парадного входа, и в вестибюль вошли сияющие радостью король Хуссейн с королевой Нур и брат короля – наследный принц Хасан с принцессой Сарват. Они сразу направились к нам.

Король обнял меня, широко улыбаясь, и заметил:

– Мы рады, что вы вновь приехали к нам, что вы не изменились за эти годы.

– Да, вы не изменились, мы очень рады этому и вашему приезду, – повторила королева Нур, очаровательной внешностью и необыкновенно приветливой манерой общения в полной мере оправдывающая своё имя Нур.

– Всё случилось неожиданно и с головокружительной быстротой, и я счастлив вновь встретиться с вами, с вашей прекрасной страной, – ответил я и, представив им Валерия Кудяева и Ауладина Думанишева, сделал шаг навстречу наследному принцу и его супруге, с которыми я не раз имел приятные встречи и раньше.

Ещё до начала чествования принца Али мы с королём Хуссейном имели короткую беседу, в ходе которой он с удовлетворением и признательностью отозвался о приёме, оказанном его сыну в Кабардино-Балкарии, и сообщил мне о своём желании посетить нашу республику.

К концу праздничного ужина, который длился совсем недолго и проходил в непривычной для нас обстановке, без тостов и громких приветствий, мне была предоставлена возможность обратиться к собравшимся. Я охотно воспользовался ею, так как имел прямое поручение президента КБР В. М. Кокова. Спокойно подойдя к рампе наскоро собранной сцены, произнёс короткое вступительное слово на русском языке. В нём было отмечено, что я и артисты «Кабардинки» пять дней тому назад третий раз ступили на священную землю Хашимитского Королевства с волнением и радостью, как это

было и в мае 1981 года, когда Иордания праздновала очередную годовщину своей независимости, и в ноябре 1985 года, когда в стране весьма торжественно проводилась Неделя дружбы Иордании и Советского Союза под патронажем короля Хуссейна и всенародно отмечалось 50-летие со дня рождения Его Величества, что события тех дней навсегда останутся в нашей памяти и наших сердцах как свидетельство взаимной симпатии наших народов друг к другу, что народы Кабардино-Балкарской Республики и её президент высоко ценят доброе отношение короля Хуссейна к нашим соотечественникам, предки которых, гонимые трагической судьбой, нашли в своё время приют под небом и на земле Иордании. Закончил я вступительное слово сердечным поздравлением принца Али Бен аль-Хуссейна с днём рождения и пожеланием ему здоровья, долголетия и счастья.

– Позвольте мне, Ваше Величество, исполнить теперь приятное поручение нашего президента Валерия Кокова, – сказал я после вступительного слова, зачитал и вручил его послание королю.

Он пожал мне руку под аплодисменты присутствующих, попросил передать президенту глубокую благодарность за тёплое послание и без заметной паузы продолжил разговор:

– Теперь и мне позвольте исполнить свой долг, – сказал он, взяв из рук стоявшего за его спиной наследного принца Хасана большую зелёную коробку и, открывая её, сказал:

– Здесь высшая награда нашей страны – орден «Звезда Иордании» I степени. Вы давно заслужили его своей многолетней деятельностью, направленной на укрепление культурных связей и дружбы между Иорданией и Советским Союзом, Россией, Кабардино-Балкарией, и я с радостью вручаю вам эту награду.

Признаться, я и подумать не мог ни о какой награде для себя, тем более иностранной, хотя раньше дважды, в 1981 и 1985 годах, от него же – короля Иордании Хуссейна – принимал своими руками высокие награды, которых он удостоил «Кабардинку» за заслуги в укреплении дружбы между нашими странами. Да и на родине никогда не тянулся за орденами и медалями, считая свой труд слишком скромным для столь высокого признания. Не скрою, в ту минуту я немного растерялся.

Однако надо было что-то сказать, и я, собравшись с духом, произнёс:

– Ваше Величество, для меня высокая честь быть отмеченным высшей наградой Иордании. Принимаю её как знак вашего уважения к моей стране и моей республике, к их народам. Буду дорожить ею. Большое спасибо! Но я не до конца исполнил поручение своего президента.

В этот момент Ауладин и Валерий внесли большую картину, на которой руками искусного живописца был изображён наш Эльбрус, и прислонили её к авансцене. Король прошёл к ней вместе со мной.

– Перед вами – высочайшая вершина Европы, Эльбрус, – сказал я, обращаясь к королю. – Кабардинцы с любовью называют эту красавицу Ошхамахо, то есть горой Счастья, а балкарцы – Минги-тау, что значит Тысячная гора. Президент Валерий Коков, презентуя вам картину, очевидно, хотел сказать, что ему было бы очень приятно подняться на склоны Эльбруса вместе с Его Величеством королём Иордании.

– Инша Аллах, – ответил король Хуссейн, широко улыбаясь. Он изучающе, сосредоточенно посмотрел на картину, пожал нам трим руки и прошёл на своё место. Мы тут же вручили принцу-имениннику подарок президента КБР – картину с видом Кремля со стороны Москворецкой набережной, ещё раз поздравили его с днём рождения и передали эстафету артистам Государственного академического ансамбля адыгского танца «Кабардинка». Важной, свойственной большинству конференсье мира, походкой вышел на сцену диктор Кабардино-Балкарского телевидения Мухадин Кумахов. Он с заметным волнением поприветствовал на арабском языке участников торжества и повёл концерт ансамбля.

Выступление «Кабардинки», несмотря на стеснённые сценические условия, прошло с большим успехом. Зрители же, с детства воспитанные в духе аристократической сдержанности, на этот раз не жалели своих ладоней, рукоплещая нашим замечательным исполнителям. В зале не было равнодушных, в нём царил атмосфера всеобщего ликования. Закончился концерт под долго не смолкавшую овацию. Король и королева дали высокую оценку искусству ансамбля, поблагодарили всех артистов и артисток тёплым рукопо-

жатием и простились с ними, высказав надежду на новые встречи. Расставаясь со мной, король Хуссейн подтвердил своё намерение совершить поездку в Кабардино-Балкарию и попросил передать президенту Кокову сердечный привет и признательность за его послание и направление «Кабардинки» в Иорданию,

Усталые, но довольные тем, что сделано за день, мы вернулись в свою временную обитель, где артистов ансамбля ждал полночный ужин. Я отказался от него и с ходу направился в свой номер, чтобы лечь спать. Сон не приходил, и я предался воспоминаниям, мысленно ушёл в прошлое, стал листать страницы своей нелёгкой жизни: ни веселья полного звонкоголосого детства, ни той мечтательной и самоуверенной юности; зато – учебники и иные книжки навалом с пятилетнего возраста; высшая математика и физика в Педагогическом институте; привязные ремни самолётов и парашюты – ещё до совершеннолетия; снова учёба после войны и работа с молодёжью; непрерывный труд не ради собственного благополучия; интересная, полная резких перепадов состояния души, радостей и разочарований жизнь в сфере культуры и искусства среди замечательных, фанатично преданных своему делу и талантливых людей; невозвратимые потери последних лет – всё это в считанные минуты калейдоскопом прошло перед моими закрытыми, но не отдыхавшими глазами.

«Что же помогло мне не согнуться?» – спросил я себя.

«Неповторимо безоблачное личное счастье, окрылявшее меня в течение тридцати с лишним лет жизни с Ириной; наша милая мама, которая как будто всегда и всюду была рядом со мной; тяга и уважение к людям, забота о людях, вера в них и их доверие», – ответил я мысленно на свой вопрос и, переключив сознание на прежнюю волну, вернулся к исходной, реальной действительности, в «Амра Форум Отель», в Амман, в Иорданию. И здесь не обойтись мне без вставки в повествование, которую я хочу посвятить этой стране и её королю.

Иордания для меня – страна исключительная в том смысле, что ни в какой другой стране мира я не был с деловым визитом более одного раза, а здесь уже бываю четвёртый раз, причём с «Кабардинкой» – третий раз. Более пятидесяти лет во главе её стоял король Хуссейн, человек, наделённый недюжинным умом и потому

высокоинтеллигентный правитель – монарх, умеющий общаться с народом; профессиональный военный лётчик английской школы и тонкий дипломат. Поверьте, дорогой читатель, так отзываюсь я о нём не потому, что он наградил меня в тот вечер орденом «Звезда Иордании» I степени. Моё мнение о нём сложилось не в одночасье и не в один день, а в итоге личных наблюдений в течение многих лет и в разной обстановке – и в Королевском дворце «Басман Палас», и в театре на концертах «Кабардинки», и у него в гостях в единственной загородной резиденции в Акабе, и на борту самолёта, и не один раз за одним столом – с бокалами и без них. Я не только присматривался к нему с симпатией, но и сравнивал его со многими государственными деятелями разных стран мира, с которыми судьба сводила меня на моём жизненном пути; сравнивал и теперь сравниваю с лидерами нашей страны за последние пятьдесят лет.

К сказанному о короле Хуссейне добавлю ещё, что он был удивительно ровным, спокойным человеком с очаровательной улыбкой. Он очень тепло, доверительно относился к нашим соотечественникам-адыгам, которые со своей стороны преданно и бескорыстно служили и теперь служат интересам Иорданского Хашимитского Королевства.

В течение нескольких десятилетий представители черкесов входили в правительство страны, занимали важные посты на военном и дипломатическом поприщах, в королевском и правительственном аппаратах. Многие годы премьер-министром Иордании был Саид Муфтий Хабжоко, которого три-четыре поколения государственных деятелей этой страны считали своим учителем. Я трижды бывал у него дома в гостях и не могу не отметить, что общение с ним, человеком большой эрудиции, было наслаждением для его собеседников. Саид Хабжоко, который в полном сознании мужественно встретил свою смерть 26 марта 1989 года на 90-м году трудной и яркой жизни, пользовался особым уважением короля Хуссейна. И отнюдь не случайно: Саид был добрым наставником юного Хуссейна в первые годы его правления. Мне рассказывали соотечественники, что король Хуссейн регулярно навещал своего бывшего наставника дома, когда он отошёл от государственной деятельности по состоянию здоровья. В день смерти Саида Хабжоко глава государства распорядился похоронить его на королевском кладби-

ще, рядом с могилами ушедших из жизни представителей династии. Король шёл в скорбном молчании через весь город впереди тысяч людей, следовавших за пушечным лафетом, на котором совершал свой последний путь усопший Саид Муфтий Хабжоко, – выдающийся сын кабардинского нарда, всю жизнь мечтавший побывать на исторической родине, но так и не увидевший её.

* * *

Нет, пожалуй, жизни более яркой и интересной, чем жизнь артистов и всех тех, кто избрал сцену и художественное творчество ареной борьбы, проявления своего призвания, таланта, духовного потенциала. Вместе с тем, уверен я, нет и более трудной жизни, чем артистическая, чем жизнь режиссёров, музыкантов, дирижёров, писателей и художников. Редко сердца их бьются ровно, редкую ночь они отдыхают спокойно, как большинство людей другой судьбы, иного призвания. Порой они создают свои творения, художественные образы в пути, в саду с лопатой в руках, на охоте с ружьём, на рыбалке с удочкой, бывает даже – за самым прозаическим занятием, моя посуду на кухне. Словом, это люди, достойные глубокого уважения, заслуживающие трогательного внимания и заботы общественности и властей. Общество, забывающие о них, не может быть счастливым. В ту беспокойную ночь с 23-го на 24 декабря 1996 года артисты «Кабардинки» вернулись с ужина во втором часу, а успокоились только к трём – так они были взволнованы событиями прошедшего дня. Почти одновременно сон поборол тогда и меня.

Утром 24 декабря, несколько позже, чем обычно, мы все вместе позавтракали и поехали на репетицию, на сей раз уже во Дворец культуры и спорта иорданской столицы, где 25-го и 26 декабря должны были состояться концерты «Кабардинки» с полнометражной программой. Их организацией занимались со дня нашего прибытия в Иорданию руководители и активисты Черкесского благотворительного общества. На просторной сцене дворца рабочая репетиция, в ходе которой отрабатывалось всё до мелочей, шла до трёх часов. Основная задача дня была выполнена. Остаток его и вечер прошли легко, беззаботно и свободно: небольшая прогулка по городу, коллективный ужин и отдых. На сей раз всем нам следовало

выспаться. Менее чем через сутки ансамбль должен был вытянуть билет на очень серьезный экзамен.

Ещё 18 декабря, по прибытии в Иорданию, мне показалось странным, что нас, группу российских граждан, насчитывающую около шестидесяти человек, не встретил никто из сотрудников Посольства Российской Федерации в Аммане. Раньше, в какую бы страну мы ни прилетали, нас встречали ответственные работники Посольства СССР, нередко – сами послы, и не только встречали с радостью, но и провожали нас с грустью. Как бы там ни было, я решил нанести визит послу Российской Федерации А. В. Салтанову, проинформировать его о встрече с королём Хуссейном, познакомиться с его сотрудниками. Встреча наша с послом и его коллегами была продолжительной, интересной и полезной. Я рассказал им о торжественном вечере во Дворце Хашимия и попросил их чаще бывать в Черкесском благотворительном обществе, активно привлекать соотечественников к различным мероприятиям, проводимым нашим посольством. Александр Владимирович Салтанов согласился со мной. В конце нашей беседы я пригласил посла и его советников на концерт «Кабардинки» и вернулся к своим товарищам. В стране, где почти нет рек и отсутствуют пресноводные озёра, где воду на лето накапливают зимой, уже давно мечтали о дожде и снеге, но ни тот ни другой не шли, хотя, как нам говорили соотечественники, собирались в декабре изо дня в день. Вот и 25 декабря с утра было похоже, что вот-вот начнётся дождь или снег. Холодный ветер средней силы то нагонял на город серые облака, то обнажал небо над ним, открывая на какое-то время яркое солнце и лишая истосковавшихся людей и землю долгожданных осадков. Из сочувствия иорданцам мы тоже стали мечтать о них. Мечта людей, однако, осталась мечтой. До полудня ансамбль организованно и динамично провёл генеральную репетицию и вернулся в гостиницу, чтобы победать и часок-другой отдохнуть перед своим большим концертом для многочисленных любителей искусства. А я решил использовать свободное время и посетить могилу Саида Хабжоко. Не сделав этого, я не мог уехать из Иордании. Сын покойного, Басиль, повёз меня на королевское кладбище.

Постояв, склонив голову, у могилы всю жизнь верно служившего Иордании адыга, мы вернулись в гостиницу отнюдь не в приподня-

том настроении, но с облегчением в душе от чувства исполненного долга. В шесть вечера мы подъехали ко Дворцу культуры и спорта. Вокруг – ни души, если не считать нескольких соотечественников, которые занимались организацией двух концертов «Кабардинки». Они ожидали нас на большой стоянке для автомашин посетителей проводимых здесь культурных и спортивных мероприятий. Прошли в зал – он тоже пуст. Конечно, отсутствие зрителей за час до начала представления было естественно. Но артисты – чувствительные натуры, для них самое главное – зрители. Чем их больше, тем вдохновенней, эмоциональней и уверенней делают они своё дело. Надеюсь, читатель поймёт состояние душ наших артистов в тот момент: сомнение, закравшееся в их сердца; сомнение, которое покинет их только тогда, когда они убедятся в том, что зал заполнен публикой. Но, так или иначе, концерт должен состояться, и артисты занялись последними приготовлениями к нему. Они стали наряжаться в сценические костюмы и обувь, гримироваться, разминаться, настраиваться психологически. Мы же – Самир Кардан, Мухамед-Саид Умэт, Шакиб Гута, Ауад Умар и я – заняли позицию хозяев, принимавших гостей у парадного подъезда дворца.

За полчаса до назначенного начала концерта публика, словно стройная колонна демонстрантов, устремилась в концертный зал. Многие шли сюда семьями, с детьми и подростками. Звучала кабардинская, арабская, бжедугская, английская, немецкая и даже японская речь. Подъехали и сотрудники российского посольства во главе с Александром Салтановым. Тут же состоялась встреча с принцем Али и его бабушкой по матери. Оставшиеся минуты мы провели за чашкой кофе, в оживленной беседе, в которой принимали участие все, кроме бабушки принца, женщины очень обаятельной, молчаливой и, как мне показалось, с неизбывной печалью в душе. Но вот и семь часов вечера. Нас пригласили в ложу для коронованных особ и высоких гостей. В передних рядах партера раздались аплодисменты, которые быстро охватили весь зал и перешли в продолжительную овацию. Публика приветствовала принца, день рождения которого отмечался два дня тому назад. Я медленно осмотрел огромный зрительный зал. Все 1750 мест были заняты зрителями. Меня охватила ни с чем несравнимая радость.

Занавес открылся. На сцену вышел Мухадин Кумахов, парень, как говорят, что надо. Он поприветствовал публику на кабардинском и арабском языках и, как только стихли аплодисменты, объявил первый номер программы концерта из двух отделений. Трудно в деталях описать ход этого концерта, да и нет, пожалуй, в этом необходимости. Но если в двух словах: наши девушки были грациозны, парни горделивы и сильны, а все они с полной отдачей сил исполняли свои танцы. Отмечу ещё, что на общем фоне отлично воплощённой в живые танцы программы необыкновенной прелестью со всех сторон исполнительского искусства выделялись «Кафа», «Дворянский танец», «Лирический танец девушек» и финальный танец программы «Кабардинка». Прекрасно прозвучал оркестр во главе с Заудином Хапажеевым в номере «Адыгские мелодии». Что же касается зрителей, то они восторженно принимали все танцы, включённые в программу. По окончании представления высокую оценку искусству ансамбля и поздравления высказали и официальные гости. Мы с принцем Али поспешили на сцену. Принц, главный виновник всех радостей и трудностей, с которыми мы уже сталкивались и ещё предстояло встретиться в Иордании, довольный приёмом, оказанным нашим артистам подданными его страны, горячо поздравил своих друзей из Кабардино-Балкарии. Сюда же, на сцену, пришли также три молодых черкеса из числа живущих в Израиле соотечественников, приехавших специально увидеть ансамбль.

– Мы и завтра придём на ваш концерт, – сказали они, прощаясь с нами. Так завершился ещё один день нашей жизни в стране природных контрастов, не обладающей несметными наземными и подземными богатствами, но живущей благополучно, в стране, где нам не встречались на улицах городов и посёлков нищие и попрошайки с протянутыми руками.

Мы вернулись в отель, окрылённые успехом и уверенные в том, что и второе выступление в великолепном зале Дворца культуры и спорта не разочарует никого из тех, кто решил провести в нём свои вечерние часы 26 декабря близкого уже к финишу 1996 года.

Наступил новый день, ветренный и хмурый. Мы перенесли на него наш регламент предыдущего. Провели репетицию, отдохнули – и снова в «бой». Полный зрителей концертный зал. С тем же вдохновением, что накануне, но более уверенно, начали и провели его

наши «орлы и орлицы». Публика со своей стороны отвечала им неистовыми аплодисментами, переходившими в овации, как пережат грома. Она ликовала. А мы? Мы с принцем Али и руководителями Черкесского общества – тоже. Артистам было не до ликования. Они всё более и более наращивали своё эмоциональное давление на зрителей, едва успевая переодеваться из номера в номер. Я радовался, был счастлив, горд за них и за родной край, взрастивший таких молодцов. В половине десятого вечера в последний раз закрылся занавес сцены дворца. Мухадин Кумахов объявил, что концерт «Кабардинки» окончен. Мы направились на сцену и поздравили взволнованных и уставших артистов и их руководителей, которые славно потрудились и ещё больше переживали, внешне не показывая коллективу своего волнения. Нам всем надо было успокоиться, сбросить с себя оковы нервного напряжения. В искусстве это происходит не так просто и быстро, требуется время на расслабление, пребывание в настроении безразличия и постепенное возвращение в своё прежнее состояние со всеми своими мыслями и чувствами. Тот вечер, к тому же, был для нас особенным: предусмотренные планом пребывания в Иордании полнопрограммные концерты были уже даны. Было очевидно, что ансамблю придётся танцевать, и не раз, но это не представляло большой трудности и могло вылиться в импровизацию в любое время и в любом месте.

Так вот, утомленные физически, молчаливые и в то же время счастливые, артисты ансамбля не спеша переоделись и вышли к ожидавшим их неподалёку автобусам. Стояла тихая, не чета утренней, ясная погода. Огромное безоблачное небо было усыпано мириадами звёзд, самые близкие из которых представлялись искрами надежды на благоприятное завтра, а самые далёкие наводили тоску. Подивившись этому чуду несколько минут, мы сели в машины и оставили, может быть, навсегда Дворец культуры и спорта, с которым у нас уже было связано много яркого и незабываемого. Проезжая по улицам Аммана, мы с восхищением смотрели на его высокие склоны, которые тысячами электрических огней перекликались со звёздным небом. И на этом фоне заметно выделялся наш «Амра Форум Отель», встретивший нас, как всегда, приветливо. Мы долго сидели в ресторане группами, вспоминая пережитое за день, родных и близких, друзей и товарищей. В разной манере говорили о

встрече Нового года: одни хотели быть в новогоднюю ночь дома, другие, их было меньше, предпочитали находиться где-то далеко от родины, в экзотических условиях. Что тут скажешь, это тоже было естественно – ведь и пути богов расходятся. А пока... Пока надо думать о том, что наступившем 27 декабря. Кстати, день обещал быть приятным. Разошлись мы «по домам» во втором часу ночи, когда гостиница была уже в покое.

Прошла долгая зимняя ночь, вместившая в себя столько событий. словно сговорившись, наши товарищи к 10 часам собрались внизу и заняли свои столы в ресторане. Все были здоровы и в хорошем настроении. Даже по аппетиту ребят я понял, что нервное напряжение последних дней отступило, оставило коллектив ансамбля до поры до времени. Нам всем это и требовалось перед началом большой ознакомительной поездки по древнему городу, история которого уходит в глубь не только веков.

В два часа дня подъехал к нам принц Али, одетый в лёгкую походную одежду. В половине третьего началась экскурсия. Сделав несколько поворотов по центральным улицам, наши машины круто, с ветерком, понеслись вниз, в ущелье, где зародился Амман. Непривычная картина предстала нашим глазам: оба склона глубокой и узкой долины плотно усеяны домами, построенными в течение многих столетий разными племенами и народами. Проехав примерно половину этого древнейшего района иорданской столицы, ещё в первом веке до нашей эры называвшегося Филадельфией, мы сделали первую остановку у колоннады протяжённостью до ста метров. Это главный фасад, парадный подъезд огромного древнеримского амфитеатра и форума. Масштаб этого театра потрясающий: 6 тысяч мест, высота последнего ряда – 70 метров, просторная сцена, на которой в своё время шли гладиаторские бои. Здесь нередко гладиаторы вступали в единоборство и со львами. Экскурсовод, араб средних лет, оставшийся в этом возрасте почти без зубов, утверждал, что у театра была прекрасная акустика, что в любой точке амфитеатра хорошая слышимость. Наши ребята не только поверили в это, но и проверили, и подтвердили это утверждение экскурсовода. При театре имеется музей из нескольких залов: домашней утвари, одежды, оружия, изделий народного творчества, орудий производства. Чего только нет в этих залах! Здесь изделия из камня,

бронзы, железа, меди, древесины и шерсти. Некоторым экспонатам тысячи лет. Мы встретили здесь в фольклорно-этнографическом отделе и своего соплеменника – черкеса в костюме столетней давности. Не зря провели здесь около трёх часов – много увидели удивительного, немало узнали интересного, обогатили себя неизвестными нам до того дня сведениями из истории человечества, уложили в свою память облик многих безмолвных памятников археологии и этнографии, без которых сама история Древнего Востока не стала бы подлинной наукой.

Древняя Филадельфия, некогда процветавшая в этом ущелье и разрушенная катастрофическим землетрясением 748 года нашей эры, была заново возрождена в конце XIX столетия нашими соотечественниками – адыгами, вынужденными оставить родную землю и долго скитаться по захваченным турками землям Ближнего Востока в поисках места под небом, пригодного для жизни.

Оттуда мы поехали дальше, на самое высокое место Аммана, где сооружён Иорданский археологический музей. Не знаю, сколько километров пути «накрутили» спидометры наших машин, но за каких-нибудь 30 минут мы поднялись ввысь на 700 метров. Беглый осмотр этого музея продолжался не более часа. Если сказать предельно коротко, он оставил у нас яркое впечатление. В нём хранятся экспонаты, созданные человеческими руками от палеолита (раннего периода каменного века) до прошлого века нашей эры. Орудия из камня, разнообразные по форме и ёмкости (от огромных до малюсеньких) сосуды из глины; коллекции монет, в том числе богатейшая византийская из золотых; множество всякого рода украшений из различных материалов, в том числе и из золота; произведения древнегреческих ваятелей, среди которых привлекательностью своей выделяется скульптурный образ богини охоты Артемиды, созданный в I веке нашей эры.

Экспозиция этого музея, в научном плане выстроенная весьма строго и, вообще говоря, правильно, заставляет посетителей не только вспомнить пройденный ими в школе курс всеобщей истории и важнейшие события разных эпох, но и думать о жизни людей сегодня и завтра, более далёком будущем человечества. Мы, естественно, вышли из музея в раздумье и были удивлены метаморфозой,

происшедшей с погодой за один только час. Дул холодный ветер, над городом в направлении на юго-восток медленно проплывали тяжёлые тучи. Казалось, вот-вот обрушится на землю непроглядный ливень, но пока до земли долетали лишь редкие капли дождя. Нам хотелось скорее съехать с горы, но от приглашения экскурсовода пройти на смотровую площадку, находящуюся совсем недалеко от музея, не отказались. И хорошо сделали: оттуда ясно был виден почти весь город, занимающий большую территорию на редкость интересного рельефа. К тому же, в те минуты то в одном, то в другом районе Аммана зажигались огни ночного освещения. Небо между тем и на этот раз оставалось скупым: оно только делало вид, что готово послать земле и людям долгожданный дождь, но упрямо удерживало его в недрах грозных облаков. Мы с удовольствием проследили за одним из самых, мне кажется, удивительных явлений Вселенной – плавным отступлением дня и столь же мерным наступлением ночи – и спустились вниз по дороге, идущей мимо городской крепости, всё ещё надеясь, что дождь вскоре умоет Амман и утолит жажду прилегающих к нему земель.

Через час после окончания большой экскурсии мы выехали в гости к принцу Али в королевский дворец «Басман Палас». Здесь, как уже говорилось, постоянно жил и работал король Хуссейн, который в те дни с королевой Нур находился в Австрии. Званный ужин прошёл в домашней обстановке. Все были в отличном настроении. Не пили ничего спиртного, но ели с завидным аппетитом, пели и танцевали. Принц был, замечу, «в ударе»: он дважды станцевал «Кафу» и «Исламей». В минуты короткого перерыва он показал нам рабочий кабинет короля и небольшой зал, где он принимал высоких гостей и официальные делегации из разных стран.

В гостиницу мы вернулись около полуночи. Как и следовало ожидать, мы ещё долго бодрствовали, хотя особых волнений в течение всего дня и вечера не испытали. Думаю, сила выработанной годами привычки проявила здесь себя так же неотвратимо, как и инерция движущегося тела. К тому же, людям умственного, творческого труда свойственно сопротивляться, иногда даже очень упорно, наступлению сна. Да, но кто из нас не грешит этим во вред своему здоровью? Если бы только этим!

Днём 28 декабря все, кроме меня, могли отдыхать. Я почти весь день находился в резиденции ЧБО. Здесь состоялось заседание правления общества, на котором обсудили все проблемы нашего сотрудничества. Вечером поехали в Черкесский спортивный клуб, работа которого нас удивила и обрадовала. Подъехал туда и принц Али. Спортивный клуб, созданный в Аммане нашими соотечественниками в середине пятидесятих годов прошлого столетия, построил прекрасный спорткомплекс со стадионом, огромным спортзалом, где тренируются и проводят соревнования баскетбольные и волейбольные команды, включая и подростковые. Среди них и футболисты, и гимнасты, и борцы, и тяжелоатлеты. Стены актового зала украшают многочисленные призы, кубки, вымпелы, завоёванные его спортсменами на различных соревнованиях внутри страны и за её пределами. Здесь состоялся лёгкий ужин, после которого пошли танцы. По эмоциональному накалу участников встреча в спортивном клубе могла продолжаться до рассвета. Но так как рано утром должен был начаться второй этап нашего путешествия, мы под долгожданным ливневым дождём вышли из клуба и в час ночи вернулись в «Амра Форум Отель».

Наша поездка на Юг Иордании, рассчитанная на четыре дня, предполагала завершение общего визуального знакомства с основными достопримечательностями этой страны, входящими в маршруты иностранных туристов. Она началась в 1996-м и должна была закончиться в наступавшем 1997 году. Оригинально же? Ведь редко бывает такое: далёкая страна, увлекательная экскурсия, которая должна связать конец одного года с началом другого. Нам повезло, хотя по традиции, на стыке двух годов, встречая Новый год, люди стремятся быть дома, в семейном кругу.

Ослепительно яркое солнце, уже успевшее подняться над горизонтом градусов на тридцать пять – сорок, заставляло шуриться, когда в половине одиннадцатого 29 декабря мы вышли из отеля и направились к ожидавшим нас у подъезда машинам. Быстро пересекли Амман и выехали на автостраду, идущую на юг. Чуть позже нашу небольшую колонну, состоявшую из двух автобусов и двух легковых машин, взял под контроль и охрану эскорт из шести джипов. Это придало нашему движению торжественный характер. Принц Али Бен аль-Хуссейн решил, видимо, сделать нам приятное и заод-

но обеспечить безопасность своих гостей. Через час после выезда из Аммана миновали село Катранс, ещё через полчаса сделали короткую остановку. Принц и его друзья из ансамбля решили проверить свою меткость в стрельбе из пистолета Макарова, выстрелив в стоявшую на обочине, как мишень, жестяную банку из-под кока-колы. Выйдя из машины, я перескочил кювет. Перед глазами лежала безбрежная степь, плотно усыпанная чёрными, как антрацит, камнями. Попробовал разбить хоть один из них, но не смог – прочнее гранита. Любители стрелять тоже остались неудовлетворёнными. Только двум из них удалось поразить пустую баночку.

В 12:00 мы свернули с автострады Амман–Акаба направо, на Петру, до которой, по указателю, ещё оставалось 55 километров. Минут через десять стали резко снижаться по извилистой дороге двустороннего движения. Изменился вскоре неузнаваемо и ландшафт. Его можно было назвать гористым, украшенным зелёными перелесками. Чем дальше мы продвигались вперёд, спускаясь всё ниже и ниже, тем наряднее становились склоны гор, образовавших это не очень глубокое, но тесное ущелье. Не счесть, сколько виражей сделали наши машины за неполный час. Ехали быстро и смело, если не сказать лихо. Остались позади зажатые в теснине посёлки Шобак и Мэн с магазинами и ларьками. Чувствовалась близость нашей цели. Ещё несколько поворотов влево и вправо – и перед нами сама туристическая Мекка Иордании – живой, современный и мертвый, древний город Петра, пользующийся мировой известностью. Мы быстро пересекли живой городок, возникший и процветающий благодаря безжизненному древнему городу и образцово обслуживающий тысячи приезжающих сюда иностранных туристов, и остановились около гостиницы «Петра Форум Отель», построенной, вероятно, в начале восьмидесятых годов. Помнится, в ноябре 1985 года мы обедали в ресторане этой гостиницы по приглашению её тогдашнего директора Алия Биша, позже возглавившего «Амра Форум Отель».

После короткого отдыха принц Али познакомил нас с программой пребывания в этом городе и повёл вниз по ущелью к воротам, вернее сказать, к единственному с этой стороны проходу в древнюю Петру, окружённую кольцом непроходимых гор. Оживлённо переговариваясь между собой и с любопытством разглядывая

осёдланных арабских лошадей с коноводами, предлагавшими их для верховой езды по одному из старейших городов мира, мы прошли четверть часа и остановились у начала знаменитого прохода, известного как «Зик». С первого взгляда можно подумать, что он пробит через гору человеческими руками. Образующий двумя отвесными скалами, он так узок, что в нём люди передвигаются только пешком или на верблюдах, лошадях и мулах. При входе в него нас обдало холодом, всегда приятным здоровому человеку в жаркую погоду. Минут через десять мы оказались уже в самом городе, ставшем, как и Джараш, местом туристического паломничества.

На довольно просторной площади, почти со всех сторон окружённой горами, откуда начинается знакомство с городом, было много иностранных туристов: англичан, немцев, французов и японцев. Принц Али собрал нас вокруг себя и коротко изложил историю Петры. Она и интересна, и трогательна, и трагична. Более двух тысяч лет тому назад набатеи (группа арабских племён) высекали этот город из розового камня на обоих склонах ущелья, через которое проходили караваны, следовавшие с запада на восток и обратно. Даже вообразить невозможно, сколько труда, упорства и жертв стоило строительство этого города. Пещерные жилища в отвесных скалах, ступенчатые пешеходные дорожки к ним, дворцы с монолитными многометровыми колоннами, театр древнеримского типа, огромный собор на холме, королевские надгробья – памятники вдоль внутренней части Восточных гор Петры, датируемые I–V веками от Рождества Христова, – вот далеко не полный перечень наиболее ярких объектов города, привлекающих пристальное внимание туристов. О мастерстве древних зодчих и строителей, создавших эти сооружения, можно говорить только с восхищением.

Мы слушали рассказ принца Али с большим интересом, но он неожиданно прервал его, заметив, что продолжит разговор позже, и пригласил к осмотру одного из примечательных сооружений Петры – «Казначейства». Достойное его внушительности и красоты описание по силам разве только опытным архитекторам. Можно часами смотреть на него в раздумье и не налюбоваться им. Особенно впечатляет двухъярусная колоннада парадного подъез-

да этого, в сущности, пещерного дворца, где ещё на заре античной цивилизации совершались денежные, таможенно-пошлинные операции. После тщательного ознакомления с ним мы сфотографировались на его фоне и продолжили экскурсию, свободно разместившись в сопровождавших нас армейских джипах. Несмотря на нашу мобильность, она заняла ещё около трёх часов. На каждой сделанной нами остановке принц доступной и чёткой информацией вводил нас в глубь истории. Проехав с этими остановками всю Петру, мы направились в её пригород аль-Барид, заметно повторяющий в миниатюре сам древний город. Здесь было уже прохладней, и мы с удовольствием провели время, хотя трое из наших ребят и принц дважды пощекотали нам нервы, с большим риском взбираясь на скалы. Здесь же принц Али продолжил свой незаконченный рассказ об истории Петры.

В конце III века до нашей эры арабы, основавшие чудо-город, создали государство, известное в истории как Набатейское царство. И город, и государство процветали на базе по тому времени совершенной технологии сельскохозяйственного производства и контроля стратегических торговых путей. Однако они были обречены историей, судьба их оказалась печальной.

В 106 году нашей эры под натиском легионов Рима Набатейское царство пало и невольно поменяло свой высокий статус на римскую провинцию Аравия. Через четыре столетия, на рубеже V–VI веков нашей эры, город постигла катастрофа: землетрясение страшной силы разрушило Петру, многие её жители погибли, а оставшихся в живых унесли голод и болезни. Древняя Петра навсегда стала мёртвым городом, величественным, во многом таинственным, привлекающим к себе людей памятником истории. И памятник этот не только удивляет, но и наводит на размышления о прошлом, настоящем и особенно будущем человека, Земли, всей её флоры и фауны, о том, что оставят грядущим поколениям те из нынешних людей, которые в своих притязаниях на дары живой и неживой природы, на всё созданное человеком превзошли самых алчных хищников.

Новый день, 30 декабря, безоблачный и тихий, мы встретили в отличном настроении и в основном посвятили задуманному при-

нцем Али интересному и нужному делу – созданию небольшого фильма о «Кабардинке», танцующей в неповторимо экзотических условиях древней Петры. Такой фильм мог пригодиться для рекламы в любой стране мира. Мы отправились на джипах в ущелье. Съёмки сначала делались на фоне «Казначейства». Как и всякие киносъёмки, они проходили с частыми остановками и повторениями. Это всегда неприятно и будущим героям фильма, и тем, кто случайно или не случайно оказываются зрителями со стороны. И всё же сотни иностранных туристов, прерывая свою экскурсию, с интересом наблюдали за съёмками, восхищаясь мастерством ансамбля, изяществом артисток, рыцарской осанкой ребят, красотой костюмов коллектива. Отсняв несколько танцев на возвышенной площадке «Казначейства», принц Али и Ауладин Думанишев перенесли свою нелёгкую работу на противоположный, изумительно красивый своим рельефом полукруглый склон ущелья. Весь коллектив ансамбля был размещён на этом склоне так гармонично и естественно, что казалось, будто это сделала сама природа. Кадр этот, конечно, должен был стать привлекательным. Возможно, что именно он явится прологом видеофильма о «Кабардинке» и, как таковой, будет увиден телезрителями в ряде стран мира.

Фильмотворчество в жаркий полдень утомило наших ребят. И всё же им захотелось ещё раз обозреть город трагической судьбы. Осторожно, чтобы не мешать мерному движению туристов, мы проехали по ущелью до амфитеатра и на минуту остановились. По давней своей привычке я прихватил с собой оттуда три зелёных листика растения, пробившегося к солнцу через груды камней и называемого здесь «гейсалан».

Через полчаса весь наш коллектив обедал уже в ресторане гостиницы «TEIBAT ZAMAN». После чего нам предложили посмотреть выступление небольшого фольклорного ансамбля, состоявшего из восьми мужчин. Взявшись за руки, они в течение часа танцевали по кругу арабские танцы, сопровождаемые песнями в их же исполнении. Ни в танцах, ни в песнях любительского октета не было большого разнообразия, однако его стремление увлечь гостей своим искусством и уверенность в успехе не могли оставить нас равнодушными. Искренне поблагодарив артистов этого ансамбля, мы в

пять часов вечера оставили ресторан и выехали из Петры. Ехали со средней скоростью по отнюдь не прямой дороге. Между тем всем окружающим миром завладело уже чудное явление, которое я наблюдаю с юных лет в глубоком раздумье: солнце садилось, свет уступал тьме, луна стремилась стать полновластной хозяйкой неба. И на наших глазах она стала ею на несколько минут, пока из глубин Вселенной не замигали звёзды.

Спустя немного времени мы выехали на главную дорогу, соединяющую Амман с единственным морским портом Иордании – Акабой. Односторонность движения по ней придала водителям смелость, а она, как в народе говорится, города берёт: несмотря на ночную мглу, наши машины понеслись со скоростью около ста километров в час. Нам, скажем откровенно, быстрая езда нравится, и в тот, предпоследний перед Новым годом, вечер мы очень хотели скорее добраться до Акабы, а значит, и до моря. Вскоре, однако, нас обуздала сама природа – дорога пошла по склону весьма извилистого оврага большой протяжённости. Попробуй тут не умерить свою страсть к скоростной езде. Мне показалось, что на этот овраг мы потратили не меньше времени, чем на всю остальную дорогу. И всё-таки приличное расстояние между Петрой и Акабой преодолели тёмным вечером сравнительно быстро: в 18:30 мы уже открывали парадный подъезд одного из лучших отелей самого южного города Иордании. Именуют его притягательным, манящим словом «HOLYDAY» (в переводе с английского: «Праздник», «Отпуск», «Каникулы» – кому что подходит).

На устройство наше в этом отеле ушло совсем немного времени. Недолго мучил нас и вопрос: отвечает ли он сутью своей данному ему имени? Зеркальная чистота в номерах, обставленных со вкусом подобранной мебелью, телефон, телевизор, холодильник, утюг и прочие атрибуты быта, уют и изысканность во всём. Выходишь на веранду – перед тобой Акабский залив Красного моря, отличающегося от всех морей мира своим баснословным кладом кораллов и рыб, не существующих более нигде в мире.

После ужина в ресторане гостиницы, шведский стол которого изобиловал вкусными блюдами, особенно из продуктов моря, братья Валерий и Зубер Кудаевы, Мухадин Кумахов и я долго обозревали с веранды морской порт и залив. В порту разгружались или

загружались несколько кораблей, которые не очень выделялись на общем фоне ярко иллюминированного к Новому году берега. Но зато шесть океанических судов, стоявших на рейде параллельно друг другу, составляли впечатляющую картину, причём каждое из них, сливаясь со своим чётким отражением в глубине моря, представлялось нашему зрению двуединым. Плеск моря вернул нас, очарованных чудным видением горцев, на берег – великолепный пляж, куда ежедневно устремляются зарубежные туристы, обитатели акабских отелей. Мы не устояли перед соблазном искупаться и, прихватив с собой полотенца и плавки, быстро спустились по крутой лестнице к морю. Это было в половине одиннадцатого ночи с 30-го на 31 декабря. Температура воздуха достигала восемнадцати, а воды – двадцати градусов. Во избежание простуды, мы не стали долго находиться в воде и через четверть часа вернулись в свои комнаты. Надо было быстрее согреться и отдохнуть – ведь впереди, в непосредственной близости, последний день уходящего года, а там новогодняя ночь, всегда волнующая, всегда памятная, нередко даже сказочная. Между тем молодёжь наша танцевала и пела, веселилась до полуночи.

Принц Али предложил нам встретить Новый год всем вместе в приморской резиденции отца. С его согласия решили сделать несколько по-иному: молодёжь проведёт новогоднее торжество в королевской резиденции, а мы, старшие по возрасту, останемся в гостинице и встретим Новый год в домашних, так сказать, условиях. Такое решение устраивало и тех и других.

Зайдя к себе, я обнаружил поздравительный адрес, с которым администрация отеля обратилась ко всем своим гостям по случаю Нового года. Через полчаса Валерий Кудяев, Руслан Барагунов, Ауладин Думанишев и Зиуар Нагуар пригласили меня на пляж, сказав при этом, что «будем смывать грехи уходящего года». В седьмом часу вечера совершенно неожиданно подъехал член исполкома Черкесского общества Ауад Умар, приехавший в Акабу с семьёй на несколько дней. Через час позвонил из Аммана Мухамед-Саид Умэт, тоже член исполкома ЧБО. Еще через час нас навестил Гани Нахушев, обаятельный и деловой человек, с которым я был знаком уже много лет. Они тепло поздравили нас с наступавшим 1997 го-

дом. Между тем молодёжь наша отправилась в резиденцию короля. В десять вечера мы, оставшиеся в гостинице, стали собирать в моём номере праздничный стол, а в 23 часа сели за него. Звенели бокалы, звучали тост за тостом. Час прошёл незаметно. В последнюю минуту 1996 года мы встали, вытянулись, как гвардейские офицеры, в один голос и громко произнесли: «С Новым годом!» – и шампанского как не бывало! Тут же вышли на веранду. Акаба была иллюминирована по-праздничному, но она особо не шумела, не стреляла, хотя мусульманская часть её населения и иностранные гости отмечали наступление Нового года в традиционном для них и их предков духе. Но то, что происходило в израильском городе Эйлат, на противоположном берегу залива, граничило с фантастикой. В небо взлетали трассирующие снаряды, которые, разорвавшись на высоте 500–600 метров, трансформировались в королевские пальмы, превращались в ослепительно яркие фонтаны, шаровидные и другие замысловатые фигуры. Как замороженные, смотрели мы первые десять минут только что вступившего в свои права 1997 года на это зрелище, с удивлением приговаривая:

– Чего только не придумают потомки царя Соломона!

Мы вернулись к столу, подняли бокалы за здоровье и счастье братских народов Кабардино-Балкарии, затем ещё раз обозрели с веранды залив и разошлись отдыхать. Я занёс в записную книжку несколько строк и выключил свет, будучи уверен, что все приключения новогодней ночи уже позади. Святая наивность! Заснул вроде быстро и крепко, но, однако, случилось такое, во что и поверить было трудно... Резко проснулся от телефонного звонка, мгновенно включил свет над головой и взял трубку.

– Простите, пожалуйста, Константин Касимович, – услышал я голос Валерия Кудяева.

– Что-нибудь случилось? – тревожно перебил я его, глядя на свой микробудильник, который чётко показывал четыре часа ночи.

– Нет, абсолютно ничего, не беспокойтесь, только мы решили отличиться, первыми и раньше всех людей в мире искупавшись в море в 1997 году.

– Молодцы! Это очень забавно, Валерий, но я хочу спать, купайтесь без меня, – ответил я и, сделав небольшую паузу, продолжил: – Ну,

умоляю вас, будьте внимательны и далеко не заплывайте. С водой и огнём не играют, а море порой бывает коварным, я убедился в этом на собственном опыте в Атлантике ещё в ноябре 1974 года.

– Хорошо, но мы просим вас занести в свою записную книжку наш поступок, – не то всерьёз, не то в шутку ответил директор ансамбля.

– Ах, вот как! В таком случае я должен своими глазами увидеть вас в объётах моря, вы идите на пляж, через минуту буду там же, – закончил я разговор и, как по тревоге, надев спортивный костюм, быстро спустился по крутой лестнице к морю. Передо мной стояли в одних плавках три богатыря: ветеран «Кабардинки» Мухамед Абазов, ведущий Мухадин Кумахов и директор Валерий Кудяев. Встретив меня, они сразу же кинулись в море. Честно говоря, я боялся за них: вдруг судорога сведёт кому-нибудь руки или ноги. Но, слава Всевышнему, всё обошлось благополучно. Поплавав считанные минуты, мужественная тройка устремилась к берегу. Дул ветер, было холодновато, и во избежание простуды мы почти бегом вернулись в отель.

«Почему не согреть их испытанным способом», – подумал я и предложил им по рюмке водки «На троих», заметив при этом, что они составляют великолепное трио.

– Сегодня я хотел бы спеть в квартете, – произнёс Мухамед, протягивая мне хрустальную рюмку с водкой.

– Что ж, быть по-вашему, беру на себя партию баритона, – ответил я Абазову, взяв рюмку в руку.

Мы залпом выпили водку и, договорившись спать до девяти утра, разошлись перед первым рассветом Нового года. Отдыхали совсем недолго, но спокойно. Необходимый минимум сил для продолжения нашего путешествия был восстановлен. Предстоял же нам отнюдь не лёгкий день. В его рамках мы должны были вернуться в столицу королевства. И это ещё не всё. По пути в Амман нам надо было хотя бы бегло познакомиться со знаменитым Вади-Румом, ставшим неотразимой приманкой туристов и путешественников, посещающих Южную Иорданию. К нашей радости, этот день украсила чудесная погода: солнечно, но не жарко, тепло, но не душно – город освежает лёгкий ветерок, придающий людям крылья, желание подняться над

землѐй, летать. Начали мы его «рабочую часть» с поездки в резиденцию короля Хуссейна в одиннадцать часов.

По прибытии туда наши парни, быстро переодевшись в купальный наряд, бросились в море. В стороне от них устроились девушки. Несколько нерешительных остались на берегу, хотя и ненадолго. Они стали наблюдать за пловцами и пловчихами со скамеек под навесом на том самом месте, где стоял большой, зелёный, весь в виноградных лозах и вьющейся розе павильон, в котором в ночь с 17-го на 18 ноября 1985 года король Хуссейн дал ужин в честь тогдашнего министра культуры Кабардино-Балкарии. Почти два часа ревелись наши ребята в водах Красного моря. Нельзя было не восхищаться их смелостью. Человек со стороны, не знающий, кто и из каких они краёв, мог подумать, что это дети потомственных поморов. В час дня принц Али и Зеид Лоузи пригласили нас на ланч, который продолжался не более сорока минут. В два часа за нами закрылись ворота скромной усадьбы иорданского короля. Всего десять минут понадобилось нам на то, чтобы пересечь и оставить позади себя Акабу – приветливый, ухоженный и уютный городок, являющийся обладателем чудесных пляжей, отелей, воздушного и морского современных портов. Думаю, что Акаба не забывается никем из путешественников, посетивших её хотя бы один раз.

Мы выехали на главную автостраду страны, которая тянется вначале параллельно взлётной полосе аэропорта и вскоре же круто поворачивает направо и скрывается в глубоком овраге, о котором шла речь несколько выше. То по дну, то по склону его, поднимаясь всё выше и выше, наши машины шли минут сорок. Выбравшись из него на плоскогорье, в 14:50 они свернули вправо, на восток. Здесь нас поджидали наши джипы.

Любознательность и любопытство людей безграничны. Они побуждают их к действиям и поступкам, обдуманному и необдуманному, к поискам и экспериментам, экспедициям, экскурсиям и походам, далёким путешествиям, порой весьма трудным и опасным. Но, к счастью, жажда познания часто берёт верх над сомнением, нерешительностью и даже страхом, и люди устремляются к цели, мужественно преодолевая трудности и испытания. В этом, наверное, и корень прогресса, развития материального производства, науки, культуры.

В этот день, 1 января 1997 года, мы, дети прекрасного Кавказа, были охвачены желанием непременно увидеть пустыню, которая большинству людей представляется совершенно неинтересной. Свернув с большой дороги и не делая остановки, мы в сопровождении джипов поехали по узкой мощёной дороге, местами занесённой песком. Вокруг ни одного населённого пункта, и так до поста «Бё Жест», где кончается проезжая дорога. Дальше нечего делать обычным легковым машинам. Продвигаться можно только пешком, либо на верблюдах, лошадях, джипах армейского назначения. У полицейского поста из нескольких домиков толпились десятки туристов – мужчин и женщин – в увесистом походном снаряжении. Отсюда они отправляются, кто на чём, дальше. Мы же пересели в джипы и колонной двинулись вперёд, не сомневаясь в том, что несколько сот метров, оставшихся до Вади-Рума, будут покорены нами в считанные минуты. Увы, мы были слишком самоуверенны. Нам, мужчинам, не раз пришлось спешиваться и толкать своих стальных коней вперёд. Но вот обогнули небольшой косогор, и неожиданно взору открылся новый, никому из нас доселе не знакомый мир: лунный ландшафт; волнистое море песков пастельных тонов, пересекаемое древними руслами высохших рек; невысокие барханы с редким растительным покровом; башенные скалы, словно сторожевые вышки, возвышающиеся над окружающей местностью; впереди – поражающий своей красотой знаменитый Набатейский собор, к которому мы должны были пробиться. Нам это удалось, хотя и не без труда. Вечер уже близился, надо было торопиться, ограничившись поэтому беглым осмотром собора, неизменно удивляющего своей архитектурой издававших виды путешественников. Не передать словами, с каким интересом рассматривали артисты «Кабардинки» этот собор и примыкающие к нему, словно гигантские крылья, отшлифованные в течение миллионов лет ветрами скалы, которые навечно перерезали, в сущности, безжизненную долину.

Не задерживаясь здесь долго, мы снова отправились на ревущих от потуги джипах в северо-западном направлении и минут через двадцать остановились у высоченной песчаной сопки, вплотную прижавшейся к скалистой гряде. Пригласив последовать за собой нескольких смельчаков, принц Али вскарабкался на самый верх сопки. Он поприветствовал нас оттуда орлиным взмахом рук, неожи-

данно для всех быстро прилёг лицом вверх и, прижав к себе руки, кубарем покатился вниз. Все следили за ним примерно полминуты, мысленно отсчитывая секунды, а он мгновенно стал на голову и, свернувшись калачиком, кувырком понёсся к основанию песчаной горы со скоростью спринтера на короткой дистанции. Мы теперь уже со страхом, затаив дыхание, наблюдали за его рискованным экспериментом. Прошли показавшиеся мучительно долгими секунды, и живое «колесо» остановилось недалеко от нас. Принц одним рывком принял вертикальное положение и как ни в чём не бывало стал отряхиваться от рыжеватого цвета песка.

– Ну и спартанец! – произнёс я громко и направился в его сторону.

Пожав руку, я обратился к нему со следующей тирадой:

– Ваше высочество, когда я увидел впервые десятилетнего принца Али в Акабской резиденции короля Хуссейна, моё внимание привлекла пронзительность его больших грустных глаз. Через одиннадцать лет, в июле 1996 года, будучи в Кабардино-Балкарии, он порадовал меня своей любознательностью и широтой интересов. С первой же минуты нашего нынешнего пребывания в Иордании принц проявляет к нам чуткость и гостеприимство, которыми невозможно не восхищаться. В древней Петре он удивил гостей с Кавказа, выдавших горы, как заядлый скалолаз. И наконец, сейчас, вот здесь, в пустыне, вы поразили нас своей смелостью и готовностью рисковать без оглядки. Откуда у вас всё это?

Выслушав перевод Халдуна Хильми, принц Али смущённо улыбнулся и ответил:

– Во мне нет ничего особенного, я просто сын своего отца, которого вы давно и, должно быть, хорошо знаете.

Между тем солнце успело вплотную приблизиться к горизонту, и мы без промедления отъехали от песчаной горы, взяв курс на полицейский пост «Бё Жест». С короткими рывками вперёд и многочисленными вынужденными остановками добрались до него в момент, когда сумерки уже уступали небо наступавшей ночи. Опасность застрять в песках пустыни в ночной тьме нам уже не грозила. Стройная колонна джипов, не спеша, строго соблюдая правила ночного движения по узкой дороге, доставила нас до главной автомобильной дороги страны. Здесь мы пересели с «боевых коней» на «мир-

ных лошадей». Начался последний этап интересного четырёхдневного путешествия «Кабардинки» по южным районам королевства. Он оказался скучным и утомительным и длился около пяти часов, в течение которых по сторонам мы ничего не видели, а населённые пункты встречались лишь изредка. В половине одиннадцатого ночи достигли окраины Аммана, а в начале двенадцатого вошли в свою, на редкость уютную, гостиницу «Амра Форум Отель». Вместе с ключом администратор вручил мне шесть карточек: приходили, звонили и т. д. С двух сторон вестибюля доносилась музыка – гости, в основном иностранные, продолжали отмечать новогодний праздник. Здесь же, в вестибюле, меня и директора ансамбля Валерия Кудяева ожидали председатель ЧБО Самир Кардан и члены правления общества Мухамед-Саид Умэт, Гани Дзугана и Халид Вороко. Мы с ними поднялись ко мне в номер, а артисты ансамбля разошлись по номерам, чтобы быстро привести себя после дороги в порядок и пойти на ужин.

Самир Кардан сообщил нам, что они принесли свою выручку от двух концертов «Кабардинки», чтобы она была роздана артистам ансамбля. Мы поблагодарили их за внимание, поговорили с ними о том, что будем делать, чем займёмся, если вынужденно задержимся в Аммане на некоторое время. Вообще же, по первоначальному плану принца Али, обговорённому им с собратом по Объединённым Арабским Эмиратам и согласованному с нами, 2 января мы должны были вылететь в ОАЭ, чтобы, поработав там два-три дня, отбыть на самолёте из Дубая в Нальчик. Но этот вопрос ещё не был решён окончательно, в него следовало внести ясность, и им занимался сам принц Али.

Утром 2 января мы поднялись поздно, позавтракали бесшумно и собрались в вестибюле. Я вышел на улицу. Небо над Амманом было затянуто серыми облаками, не грозившими ни дождём, ни снегом. Погода походила на наше настроение, отнюдь не приподнятое. Неопределённость с визитом в Эмираты, чувство неловкости за то, что мы уже несколько дней не были заняты делом и приносили хозяевам солидные расходы, тяготила нас. Но вот подъехали Басиль Хабжоко с Зеидом Лоузи и сообщили, что поездка в ОАЭ не состоится: условия приёма ансамбля, которые гарантировала эмиратская сторона, не пришлись по душе принцу Али и его друзьям.

Мы попросили наших добрых хозяев отправить нас на родину как можно скорее. Принц предложил назначить поездку на 5 января, мотивируя это тем, что мы не имели возможности свободно походить по Амману, сделать какие-нибудь покупки и т. д. Нам пришлось согласиться с ним, и Королевский протокол тотчас же направил в Москву заявку на воздушный коридор. День провели свободно, кто как хотел. Следующий день, 3 января, также был использован нашими товарищами по собственному усмотрению. Что касается меня, то я полдня занимался делами в Черкесском обществе, другую половину был в гостях у Джиган Хамдох и Османа Шыкым (Шыкъым), которые с первых же дней нашего пребывания в Иордании просили нанести им визит, отведать у них хлеб да соль. Вечером, во время ужина, мы сердечно поздравили с днём рождения солиста ансамбля Аслана Битокова, а принц Али не только позддравил, но и преподнёс ему ценный сувенир.

Время шло своим необратимым ходом. Телевидение и радио доносили до нас события и комментарии к ним со всех концов земного шара. Редкие из них радовали, другие больно отзывались в наших сердцах, третьи не вызывали никаких эмоций, хотя их преподносили как важные новости. Словом, жили мы не в отрыве от мира, по-прежнему были окружены вниманием и заботой представителей высших иорданских властей и наших соотечественников. И всё-таки не были внутренне спокойны, с некоторой тревогой и неуверенностью ждали с севера, из Москвы, вести о разрешении залёта иорданского самолёта в Нальчик и предоставлении ему воздушного коридора, но из столицы России не поступало ни ответа, ни привета. Сотрудники Королевского протокола, как ни старались, не находили в Москве чиновников, которые могли принять решение по этому вопросу. Всё это выглядело, по меньшей мере, странно. И не только.

– Видать, опохмелиться не успели, – шутили наши ребята. Так или иначе, мы стали сомневаться в том, что улетим домой в намеченный день.

Четвертого января коллектив ансамбля трогательно проводил в далёкий путь друзей принца Али – братьев Кегадуевых, возвращавшихся на учёбу в Соединённые Штаты Америки. В полдень у меня была очень приятная встреча с семьёй генерал-лейтенанта Джама-

ла Хутата и Сары Хутат, возглавлявшей тогда женское крыло Черкесского благотворительного общества. Вторая половина дня не принесла нам ничего нового, наши сомнения относительно вылета на родину всё более укреплялись, и мы решили принять полученное ещё до Нового года приглашение посетить черкесскую школу.

Надолго запомнится нам, участникам необычной заграничной поездки, день 5 января 1997 года. В 11 часов мы, тосковавшие по родине, не в очень хорошем состоянии души поехали в единственную во всём зарубежном мире Черкесскую полную среднюю школу, построенную и работающую в Аммане, получающую поддержку и помощь государства и королевской семьи. Она была основана в 1975 году по инициативе наших замечательных соотечественниц при активной помощи короля Хуссейна. Впоследствии ей присвоено имя принца Хамзы, родившегося 29 марта 1980 года. Нас встретили там весьма торжественно, с музыкой. Директор школы Нарма Бать и её заместители Мухамед Базадуг и Хильми Яфауна ознакомили нас со всем школьным комплексом, включающим учебный корпус, спортивный городок, хозяйственные постройки, а затем показали классы: два – выпускников, два – малышей и один – шестой. Дети дружно приветствовали нас. Мы зашли в библиотеку и оставили ей в дар большой набор учебников родного языка и литературные журналы «Ошхамахо» и «Нур», изданные в Нальчике. В актовом зале школы состоялась встреча с большой группой учителей, родителей обучающихся здесь учащихся, а также учеников старших классов. В своей небольшой речи я от имени нашего коллектива выразил удовлетворение и радость от всего увиденного и услышанного в этой оригинальной во многих отношениях школе. Я отметил также, что нам было очень приятно встретиться в этой школе с её выпускниками, которые по приглашению Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина» учились в нашем университете, успешно окончили его и работают в родной школе учителями. В эту минуту заиграла гармоника, и на «Кафу» двумя цепочками плавно вышли в красивых национальных костюмах изящные девочки и мальчики, составляющие танцевальный ансамбль школы. Детей сменили артисты нашего ансамбля, а за ними последовали принц Али, Ауладин Думанишев и другие участники встречи. Веселье продолжалось до двух часов. Мы поблагодарили хозяев

за приглашение посетить школу, тёплый приём и, расписавшись в Книге отзывов, вышли к главному подъезду, откуда легко просматривается значительная часть города. При прощальных объятьях и рукопожатиях естественным движением чувств мажорное настроение участников волнующей встречи сменилось на минорное. С ним мы ехали до самой гостиницы.

Вечером принц Али устроил нам нечто вроде прощального ужина. Молодые официанты, одетые в новую, со вкусом сшитую униформу, с улыбкой на устах подавали одно национальное блюдо за другим из кухни кабардинцев и балкарцев. Они, очевидно, понравились принцу в дни пребывания его в нашей республике летом 1996 года. Во время ужина, проходившего неформально, весело и в то же время без лишнего шума, принц вручил всем артистам ансамбля конверты на приобретение сувениров. Умерив свой аппетит, молодёжь стала танцевать «Кафу», «Исламей», «Удж»... В 23 часа в отличном настроении спустились на четвёртый и третий этажи, которые уже девятнадцать суток были нашими.

Лишь вечером 6 января Москва дала согласие на посадку иорданского самолёта в Нальчике 7 января с вылетом его из Аммана в 11 часов. Весть эта обрадовала всех. Настроение у нас поднялось, начались сборы – и нелёгкие: чемоданы ребят будто стали меньше. Узнав о ставшем, наконец, возможным вылете ансамбля на родину, весь вечер группами и в одиночку к нам приезжали проститься наши соотечественники. Некоторые из них – с просьбой передать родственникам и друзьям какие-то свёртки, сумки, вещи и письма. Конечно, никто из нас не отказался от этих приятных поручений, да и в весе багажа нас никто не стал бы ограничивать. Поздно вечером в великолепном баре состоялся наш последний ужин в Аммане. Разошлись с надеждой на спокойный отдых и уверенностью, что этому ничто и никто не помешает. Не знаю, сколько ещё бодрствовала молодёжь, но я совсем не стал сопротивляться давившей на меня невидимой и непоборимой силе – сну... Тревожный, стрекочущий звонок новейшего телефонного аппарата вырвал меня из сказочного царства сна и вернул к реальной действительности.

«Что могло случиться глубокой ночью, – думал я, беря трубку телефона.

– Простите меня, – услышал я голос Басиля Хабжоко, – но я не мог не сообщить вам одну новость. Дело в том, что принц Али намеревается проводить вас до дома. Он не хочет никого тревожить по этому поводу и просит вас не сообщать в Нальчик. Вам виднее, что делать.

– Понятно, Басиль. А сколько сейчас времени? – спросил я заместителя начальника Королевского протокола.

– Три часа, – ответил беспокойный и всегда ответственный в деле Басиль.

– Не сообщить об этом руководству республики нельзя. Ведь лететь с нами собирается иорданский принц, которого хорошо знают и президент Коков, и другие руководители Кабардино-Балкарии. Отдыхайте спокойно. В семь утра я позвоню в Нальчик и сообщу кому следует. Разумеется, если принц Али не передумает лететь с нами, – сказал я Басилю и пожелал ему приятных сновидений. Я тоже не из тех счастливых, кто наделён олимпийским спокойствием, и долго не мог вновь заснуть, думая о том, как не проспать, и о том, кому лучше сообщить о решении принца. Беспокойный сон, к моей радости, прервался, почти как было запрограммировано мной, в шесть утра с минутами. До семи часов я успел подготовиться к завтраку и отъезду в аэропорт. В Нальчике уже было восемь часов, и я без смущения стал набирать по очереди номера телефонов трёх руководящих работников республики, каждый из которых мог оценить обстановку, складывающуюся в связи с предстоящим прибытием в Нальчик принца Али Бен аль-Хуссейна, принять в пределах своих полномочий конкретные меры и проинформировать Президента КБР В. М. Кокова.

Мне повезло: со второго захода удалось связаться с министром культуры Русланом Фировым. Вспомнив тут же о том, что конь, подаренный принцу летом ушедшего в историю 1996 года, ещё остаётся на родине и продолжает мечтать о том дне, когда он торжественно будет введён в королевскую конюшню, я попросил Руслана Борисовича позаботиться о подготовке бесценного живого подарка к отправке в Амман на борту самолёта, который доставит нас на родину. Он с пониманием отнёсся к моей просьбе, и я, захватив свои вещи, направился к руководителям ансамбля, чтобы вместе пойти

на завтрак. Шведский стол ресторана был, как всегда, уставлен множеством холодных и горячих блюд. Мы нарочно поели плотнее, чем обычно.

После завтрака мы прошли к директору гостиницы Али Бишу, поблагодарили его за внимательное отношение к нам всего персонала «Амра Форум Отель» и пригласили в гости в Кабардино-Балкарию.

– В «Нарте» ли, в «Нальчике» ли, «России» ли – где бы вы не остановились, вы будете чувствовать себя так же прекрасно, как чувствовали мы себя здесь, в вашем отеле, – добавил я напоследок.

Мои друзья, как мне показалось, не без труда удержались от иронической улыбки.

Проводить нас подъехали руководители Черкесского общества, другие соотечественники. Вышли к подъезду и сотрудники отеля во главе с директором-адыгом.

Столица Иордании выглядела тщательно прибранной и нарядной, улицы её были многолюдны. Мы оставляли полюбившийся нам город, где ансамблю неизменно сопутствовал успех; город, в котором нас всюду принимали тепло и радушно, куда хотелось приехать ещё и ещё раз. Поэтому, наверное, все наши товарищи были грустны и молчаливы. Через сорок минут перед нами раскрылись ворота военного аэродрома, с которого должен был взять старт воздушный корабль с нами на борту. Члены экипажа, частично обновлённого, завершали его подготовку к дальнему перелёту.

Мы стояли в стороне от самолёта в ожидании приглашения на посадку, когда показалась вдали шедшая на хорошей скорости машина принца Али. Никто из нас, включая Басиля с Зеидом, ещё не знал окончательного решения сына короля, не расстававшегося с нами двадцать дней. Принц подошёл к нам, улыбаясь, поздоровался и сразу направился к командиру корабля. Через несколько минут он вернулся довольный. Никто из нас не произнёс ни одного слова относительно его решения проводить коллектив «Кабардинки» до Нальчика. Комментарии любого рода были неуместны. Вскоре, очень кстати, позвали нас на посадку. В 11 часов 42 минуты «Геркулес» поднял нас в ясное небо над окраиной Аммана. Двадцать суток мы ездили и ходили по засушливой земле Иордании, временами и по её безжизненным пустынным местам. Теперь мы снова в воздухе, на обратном пути. Полетели домой – как это прекрасно!

Набирая высоту, самолёт сделал глубокий крен на левое крыло и взял курс на север. Я вынул свой блокнот и стал на корточках мучительно разглядывать воздушное пространство за бортом, прильнув к одному из многих малюсеньких люков левого борта корабля. Заметив это, знакомый бортрадист, раздававший ватные пробочки для ушей, быстро поднялся наверх, через минуту вернулся и повёл меня в кабину экипажа. Но едва я успел раскрыть блокнот, наш корабль вошёл в облако. Слепой полёт продолжался недолго. По достижении заданной высоты (штурман вписал мне в блокнот 24 000 футов, то есть 8 тысяч метров) самолёт оказался над облаком, горизонт открылся. Впереди – будто сверкающее под солнцем огромное снежное поле. Бесподобная красота! Минут через двадцать снова вторглись в облако, снова слепой полёт, а жаль, очень жаль: мы уже над Сирией, скоро будем над Алеппой, городом, богатым историческими памятниками, городом, в котором с большим успехом «Кабардинка» выступала в августе 1977 года. При ясной погоде с воздуха можно было увидеть знаменитую крепость, построенную там во времена триумфальных походов и побед Александра Македонского. Что делать: чему не суждено – тому не бывать.

Заметив, что я расстроен, Зеид Лоузи показал на мой блокнот, и у нас с ним состоялся короткий диалог.

– Ещё с 18 декабря, не пропуская ни одного дня, везде и всюду, вы, как я замечаю, что-то вписываете в эту книжку. Для чего вы это делаете? – спросил он.

– Хочу вписать в историю имена своих новых иорданских друзей и своё тоже, – ответил, я смеясь. – А если сказать серьёзно, то хочу оставить хронику двадцати дней жизни «Кабардинки» в сказочном Королевстве Хашимитов. Не исключено, что она увидит свет и при нашей жизни. Но на всё, как вы понимаете, нужна воля Аллаха.

Наш разговор, возможно, имел бы продолжение, но в тот момент штурман потянулся ко мне с места и карандашом показал на карте, что наш корабль пересёк северную границу Сирии и летит уже над Турцией. Облако под нами стало редеть, и через несколько минут открылась турецкая земля – гористая, с ущельями, озёрами и реками. Интересный ландшафт. Летим, любуясь им. Снова делаю свои записи. Вот и Анатолийское плоскогорье, наиболее засушливый район Турции, где были поселены в прошлом веке десятки тысяч адыгов

и других горцев Кавказа, покинувших родную землю в результате Русско-Кавказской войны. Очень много мелких населённых пунктов, во всём уступающих нашим большим сёлам. Самолёт перелетел небольшой город Бакия, затем некоторое время продолжил путь в створе двух покрытых снегом горных гряд, над городом Эрицкан немного подвернул вправо и снова оказался над облаком.

Четверть третьего. По расчётам штурмана, через час самолёт мог приземлиться в аэропорту Нальчик. Следовательно, мы уже были на подступах к Караденизу (Чёрному морю). Пройдя к командиру корабля, я стал напряжённо смотреть вдаль, и вот радость: глаза мои заметили небольшие проблески в облаке, лишавшем живущих в этих местах людей возможности наслаждаться ласкающими лучами зимнего солнца, а нас – любоваться красотой самой Земли. Не обманулись мои глаза: через две-три минуты облако как бы дало трещину, раздвинулось и открыло синие просторы Чёрного моря. Как мне показалось, они не были спокойны. Вскоре облако отстало от нас. В 14:30 экипаж самолёта заметно изменил курс полёта, повернув градусов на 30–40 вправо. Впереди показалось Черноморское побережье родного Кавказа, а дальше от него – красивая одинокая вершина удивительной белизны. Диво смотреть!

«Неужели он?» – спросил я себя, ещё сомневаясь в том, что это Эльбрус. Почему сомневался? Просто и даже наивно, вовсе не подумав, что до него не так далеко, что мы уже почти строго летим на восток и что поэтому Западная вершина двуглавой горы Счастья закрывает собой Восточную. И стоило чуть пошевелить мозгами, чтобы сомнение оставило меня.

Вместе со мной все члены экипажа и принц Али, очарованные чудным видением, молча, смотрели на восток, пока, снижаясь медленно, стальная птица не скрылась в глубинах огромного облака, над волнистой поверхностью которого гордо возвышалась высочайшая вершина Европы. В 14:50 самолёт вышел из облака, и Эльбрус открылся почти в полный рост. Принц Али сразу же навёл на него портативную видеокамеру. Земля под нами ещё была закрыта низкими облаками. Летели, видимо, по той же линии, по которой мы набирали высоту после взлёта с нашего аэропорта 18 декабря прошлого года, только в обратном направлении. Лишь за несколько минут до ожидавшейся посадки облако оставило нас окончательно

но. Перед нами под скользящими лучами склонившегося уже к горизонту солнца засияла столица Кабардино-Балкарии. Иорданский «Геркулес» прямиком вышел на посадочную полосу и вскоре плавно коснулся бетонки аэродрома. Экипаж медленно вырулил его на отведённую стоянку и, плавно сбавив обороты, заглушил его мощные турбины. На несколько мгновений внутри летающей крепости наступила долгожданная тишина.

Так завершилась третья, двадцатидневная, поездка «Кабардинки» в Иорданское Хашимитское Королевство. Коллектив её, не зная ни покоя, ни отдыха, честно исполнил свой долг и вернулся на Родину. Но, к сожалению, далеко не так, как хотелось, сложились дела с обратным рейсом «Геркулеса», которому отказали предоставить в тот же день воздушный коридор в связи с изменением метеорологических условий. С большим трудом нам удалось провести через условную границу экипаж самолёта, принца Али и Зеида Лоузи, так как у них не было виз. Иорданские гости не смогли улететь и восьмого января. На следующий день мы с трудом провели иорданцев через ту же границу и посадили в самолёт. Не без труда водворили в грузовой отсек и коня. Я обнял принца, крепко пожал ему руку и на прощанье сказал:

– Ваше высочество, коллектив нашего ансамбля и я желаем вам большого счастья. По прибытии домой просим передать сердечный привет и наилучшие пожелания отцу и всем членам королевской семьи. Поверьте мне, мы всегда будем думать о вас, помнить вас и вашу страну. И ещё: забудьте, пожалуйста, о процедурных неувязках, с которыми мы с вами столкнулись здесь, в нашем аэропорту.

Принц Али Бен аль-Хуссейн, согласно кивнув головой, быстро взошёл по трапу вверх, повернулся лицом к провожающим и, взмахнув обеими руками на прощанье, вошёл в самолёт. Экипаж корабля быстро вывел его на старт и во весь опор пустил вперёд. «Геркулес» легко оторвался от земли, взмыл под белые облака и взял курс на юго-запад. Вечером наши соотечественники позвонили мне и сообщили, что он благополучно прилетел в Амман. Я был обрадован – принц Али уже спит в городе, где жил и работал один из самых выдающихся государственных деятелей второй половины XX столетия – Король Иордании Хуссейн Бен Талал.

* * *

Вернувшись домой, «Кабардинка» после короткого отдыха приступила к работе. Я тоже окунулся в гущу своих повседневных дел в обществе «Родина». И вот в конце октября 1998 года звонят мне из правительства КБР и сообщают, что ансамбль оказался в очень тяжёлом положении, по существу на грани развала, в связи с чем для принятия неотложных мер создана правительственная комиссия, в состав которой включён и я.

Комиссия собралась в помещении «Кабардинки» (бывшем Курзале), тщательно разобралась в обстановке и приняла решение распустить ансамбль: половина артистов не являлась на работу, категорически отказываясь находиться под руководством Ауладина Думанишева. Сам главный балетмейстер тоже уже не приходил на работу продолжительное время. Правительственная комиссия по конкурсу сформировала артистический состав ансамбля и назначила главным балетмейстером «Кабардинки» Игоря Атабиева – профессионального балетмейстера с высшим образованием, в то время руководившего муниципальным ансамблем танца «Кавказ». А. Думанишев был освобождён от работы в этом коллективе. Отмечу здесь, что абсолютное большинство сформированного комиссией коллектива ансамбля составили лучшие танцовщицы и танцовщики «Кабардинки» и «Кавказа».

Воспрянув духом и работая с достойным подражания энтузиазмом, «Кабардинка» вновь стала на крепкие ноги и вернула себе прежние авторитет и популярность. Я, конечно, был рад этому и поддерживал с ней дружеские связи, чаще посещая её концерты. Так прошли восемь лет, и вдруг передо мной оказалась упомянутая выше, в начале ретроспективного пересказа истории создания, становления и зарубежной жизни ансамбля статья Зарины Кешевой «Почему не состоялся театр адыгского танца?» Не скрою, я был очень огорчён ею и сразу же позвонил директору «Кабардинки» Борису Кумахову, чтобы узнать, когда и где состоится ближайший концерт ансамбля с полной программой.

– Наш ближайший концерт состоится через неделю во Дворце культуры Северо-Осетинского государственного университета, куда мы поедем по приглашению его ректора, – ответил Борис на мой вопрос.

– Сможете вы взять меня с собой? – спросил я его.

– Сможем, конечно, нам будет приятно, если вы поедете во Владикавказ вместе с «Кабардинкой», рождением которой мы обязаны именно вам, – заявил директор.

Поездка наша была нелёгкой. Машины наши останавливали несколько раз для досмотра на контрольных постах, которыми изобилвала дорога до Владикавказа. В университете нас встретили очень тепло. Концертный зал Дворца культуры на 1100 мест до отказа был заполнен студентами, преподавателями, профессурой СОГУ во главе с его ректором. А как прошёл сам концерт «Кабардинки»? На редкость изумительно: все 16 танцев ансамбля заканчивались под бурную, долго не смолкавшую овацию.

После концерта нашему коллективу устроили ужин с богатым меню, в которое конечно же вошли знаменитые осетинские пироги. Глубокой ночью хозяева проводили нас до самой окраины Владикавказа. Мы приехали в Нальчик перед самым рассветом. Через некоторое время в городе Сочи состоялся Международный экономический форум с участием представителей многих стран мира. «Кабардинка» была приглашена туда для выступления перед гостями. И здесь концерт её прошёл с огромным успехом.

Завершая этот обширный ретроспективный экскурс, связанный с историей «Кабардинки», хочется верить, что он не вызовет скуки у большинства читателей. Я надеюсь также, что, если когда-нибудь прочитает его историк Зарина Кешева, то она убедится, что наш славный ансамбль «Кабардинка» и есть давно состоявшийся «Театр адыгского танца». Разве не так?

О ДРУЗЬЯХ, ТОВАРИЩАХ, КОЛЛЕГАХ И РОДНЫХ

Исхак Ибрагимович Казаков

И. И. Казаков родился в семье служащего в селении Верхняя Балкария Советского района КБАО 5 марта 1930 года. Четырнадцатилетним подростком он оказался в Средней Азии, куда в начале марта 1944 года был депортирован балкарский народ. И разумеется, на его долю выпало немало тяжких испытаний морально-психологического порядка. Он перенёс их мужественно, неустанно трудился и учился, мечтая о возвращении на историческую родину вместе со своим народом. Несмотря ни на какие трудности, с которыми он часто сталкивался на своём пути, Исхак сумел закончить школу, поступить в Самаркандский институт советской торговли, успешно пройти весь курс обучения и в 1953 году выйти из его стен с гордо поднятой головой и дипломом товароведа.

А как сложилась дальше жизнь Исхака Казакова? Дальше пошла работа по избранной профессии, каждый этап которой заносится в трудовую книжку. В хронологическом порядке она выглядит следующим образом: товаровед, инструктор-товаровед, старший товаровед, заместитель директора межрайонной торговой базы Ташкентского облпотребсоюза Узбекской ССР (1953–1957); начальник Усатьевского филиала ОРС НОД-3 Ташкентской железной дороги (1957–1958); начальник отдела общественного питания Нальчикской конторы «Курортторг» (1958–1961); заместитель управляющего Нальчикской конторой «Курортпродторг» (1961–1962); заместитель председателя исполкома Нальчикского городского Совета депутатов трудящихся (1962); заместитель председателя, вскоре же председатель правления Каббалкпотребсоюза (1962–1971); заместитель председателя Совета министров КБАССР (1971–1986); заместитель директора по науке Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (1986–1993).

Читатель, вероятно, обратил внимание на одну деталь трудового пути Исхака Казакова – его многократное пребывание в должности

заместителя организации, учреждения, органа власти. Случайно ли это? Отнюдь. По моему глубокому убеждению, это объясняется тем, что он самым добросовестным образом исполнял свои обязанности, не был карьеристом и пользовался большим доверием, которое оправдывал неизменно и в полной мере.

В советское время члены правительства республики осенью, как правило, в сентябре, выезжали в Москву для защиты проекта бюджета будущего года. За редким исключением во главе нашей команды в столицу страны посылался И. И. Казаков. И здесь – ни в Госплане, ни в Минфине, ни в других министерствах России – мы не встречали отказа. Это объяснялось не в последнюю очередь каким-то неотразимым, быть может, магическим воздействием нашего Исхака на высоких правительственных служащих. Ещё в ту пору им был решён вопрос о строительстве международного аэропорта в просторной степи между Кишпеком и Чегемом II. Перестройка помешала осуществлению этого большого проекта, требующего значительных финансовых ресурсов.

Услышав на днях заявление нашего молодого президента Арсена Башировича Канокова по поводу этого аэропорта, я взбодрился, поверив, что этот грандиозный проект будет осуществлён им в ближайшие годы.

Работоспособность Исхака Казакова не имела границ, и он полностью посвятил её интересам народов Кабардино-Балкарии, без устали трудился и настойчиво учился, углубляя свои знания. Отнюдь не случайно в декабре 1967 года он успешно защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. Его трудовые заслуги не остались незамеченными: в апреле 1970 года он был награждён медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», а в апреле 1981 года – орденом «Знак Почёта».

Наша дружба с Исхаком, начавшаяся ещё в 1958 году, вскоре перешла в крепкую, нерушимую, поистине братскую дружбу двух семей, каждая встреча которых превращалась в весёлый праздник. А семья Исхака Ибрагимовича и Тамары Хаджиевны, многие годы посвятившей воспитанию и укреплению здоровья нальчикской детворы, являясь заведующей санаторным детским садом, всегда была красивой и дружной. И старший из их детей Марат, и дочери Марина, Ирина и Индира являют собой воплощение вежливости и

внимательного отношения к людям. Марат и его благоверная Ларочка живут с детьми в одном подъезде со мной и частенько забегают ко мне и интересуются состоянием моего здоровья. А Марина, Ирина и Индира, увидев меня издали, ускоряют свой шаг и нежно обнимают меня. Муж Марины – Тимур Тетуев, сын известного сельхозника Шамсудина Тетуева, вернувшегося с семьёй из Узбекистана на свою родину Героем Социалистического Труда в 1986 году, ряд лет возглавлял Управление координации деятельности правоохранительных органов и органов исполнительной власти Совета общественной безопасности КБР. В приветливом отношении ко мне он ничуть не уступает своей Марине и её сёстрам.

Не из одних радостей состоит жизнь любой семьи. В её дом периодически приходит и горе. Семья Казаковых слишком рано пережила его, когда после тяжёлой болезни скончался муж Ирины – Александр, оставив на попечение жены, тестя и тётчи двух малолетних детей: сына Исламчика и дочурку Аминочку. Немало слёз было пролито по этому поводу в семье Казаковых. Со временем, следуя заветам наших предков, перестали оплакивать усопшего. Не чая души в оставшихся без отца детях, все члены семьи трогательно заботились об Исламчике и Аминочке. В семье Казаковых наступило относительное спокойствие. Я послал Исхака в Турцию в составе делегации общества «Родина» на десять дней для общения с проживающими там кабардинцами и балкарцами. Он там развеялся и, очаровав наших соотечественников, вернулся домой. Вскоре, получив путёвку, мой друг устроился в санатории «Нальчик». И вот утром 13 марта 1993 года, как удар молнии, донеслась до нас весть о кончине там Исхака Ибрагимовича. Страшное горе свалилось так неожиданно на его семью, друзей и товарищей, родственников и близких.

Проститься с ушедшим из жизни замечательным сыном Кабардино-Балкарии Исхаком Ибрагимовичем Казаковым во двор дома № 21 на проспекте В. И. Ленина приходили сотни людей из Нальчика и районов республики. С соблюдением всех мусульманских обрядов мы похоронили его на Вольноаульском кладбище.

Светлую память о своём верном друге я сохраню в сердце своём до последнего его биения. А Тамаре Хаджиевне и всем членам большой и дружной семьи Казаковых желаю долгой и счастливой жизни!

Бетал Хусейнович Тлапшоков

Человек аристократической осанки, Бетал родился 5 июля 1930 года в селении Кахун (до Октябрьской революции – Шипшхабла) в семье весьма уважаемого и авторитетного во всей округе Хусейна Тлапшокова.

Окончив 7 классов сельской средней школы, Бетал поступил в Нальчикское медицинское училище и успешно завершил здесь обучение в 1949 году. В том же году он был принят в Дагестанский медицинский институт, куда стремились попасть многие молодые представители народов Северного Кавказа, и успешно окончил его летом 1955 года. Молодой дипломированный доктор с ходу был направлен в посёлок Верхний Лескен, где он с присущей ему энергией и старательностью трудился два года терапевтом и заведующим врачебным участком.

В 1957 году Бетал Хусейнович был переведён в Урванскую районную больницу, где около двух лет отработал хирургом. В 1958–1960 годах он проходил клиническую ординатуру при Ленинградском медицинском институте имени одного из основоположников нейрохирургии в СССР Андрея Львовича Поленова.

По возвращении в Нальчик молодого медика, основательно пополнившего свои знания и опыт во второй столице страны, назначают главным врачом республиканской клинической больницы, и в этой нелёгкой должности, не жалея сил и времени, он трудился 30 лет, одновременно работая по совместительству нейрохирургом. За это время неузнаваемо были преобразованы как материально-техническая база главной больницы республики, так и качество медицинского обслуживания населения Кабардино-Балкарии. Здесь выросли новые, видные издалика лечебные корпуса, открылись новые отделения и центры, заработала санавиация и т. д. Огромная территория больницы была окружена надёжной металлической оградой.

Бетал Хусейнович и его близкий друг Владимир Тлостанов, работавший в те годы ректором КБГУ, установили завидное сотрудничество между профильными отделениями больницы и кафедрами медицинского факультета университета, что, безусловно, положитель-

но сказалось на уровне и качестве их многогранной деятельности. Крепкая дружба этих двух талантливых сынов Кабардино-Балкарии неослабно продолжалась до безвременной кончины Владимира.

Тлапшонов не из тех, кто не проявляет интереса к общественной жизни своего народа и стоит в стороне от неё. Он всегда был и остаётся активным её участником. С 1960-го по 1991 год Бетал являлся депутатом Нальчикского городского совета. В те же годы избирался кандидатом и членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС. В 1991 году его избрали депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики, членом его президиума, и до 1995 года он являлся председателем комиссии высшего органа государственной власти Кабардино-Балкарии по вопросам здравоохранения, физической культуры и спорта.

С 1995-го до 2000 года Бетал Хусейнович работал исполнительным директором Фонда медицинского страхования КБР, с 2000-го по 2002 год – консультантом Счётной палаты Российской Федерации. С 2003 года он является директором фонда «Адыгское наследие».

Врач высшей категории, заслуженный врач КБР и РФ, кандидат медицинских наук, отличник здравоохранения СССР Бетал Хусейнович Тлапшонов – человек, которым может гордиться народ Кабардино-Балкарии. Для меня он – человек, дружбе с которым был дан старт более полувека тому назад, когда мой старший брат Жираслан работал первым секретарём Урванского райкома КПСС.

Счастья, здоровья и долголетия Беталу, его милой дочери Ларисе и всему роду Тлапшоновых!

Михаил Шувич Мамхегов

М. Ш. Мамхегов родился 14 июля 1936 года в городе Терек КБАССР. В 1959 году он окончил Кубанский сельскохозяйственный институт по специальности инженера-механика сельского хозяйства, а в 1978 году – Ростовскую высшую партийную школу.

В лице Михаила Шувича Кабардино-Балкария более тридцати лет имела надёжного и талантливого деятеля, умевшего добиваться поставленной цели, с какими бы трудностями это не было связано.

Его трудовой путь после окончания сельхозинститута выглядит так: инженер по гостехнадзору Мало-Кабардинской РТС (1959), главный инженер-механик колхоза «Красный Терек» (1959–1962), старший инженер по эксплуатации машинно-тракторного парка Кабардино-Балкарского объединения «Сельхозтехника» (1962), управляющий Терским объединением «Сельхозтехника» (1962–1965), второй секретарь Терского райкома КПСС (1965–1966), председатель Кабардино-Балкарского объединения «Сельхозтехника» (1966–1974), первый секретарь Терского райкома КПСС (1974–1977), заместитель председателя Совета министров КБАССР (1977–1984), секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1984–1985), второй секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1985–1988), председатель Совета министров КБАССР (1988–1991).

Как видно из этого послужного списка, в полной забот и хлопот инженерно-технической, хозяйственной, партийной и советской работе М. Ш. Мамхегов с честью прошёл путь от рядового инженера-механика до главы правительства Кабардино-Балкарии.

В отличие от некоторых руководящих работников республики Михаил Шувевич внимательно относился к культуре и искусству, их творцам и служителям. Он очень любил народный ансамбль песни и танца «Терчанка» Терского районного дома культуры. И когда этот ансамбль неожиданно для нас был приглашён на Международный фольклорный фестиваль, проводившийся в городе Корк Ирландской республики, он посчитал своим долгом проводить его коллектив до Москвы. Помню, как артисты радовались этому и были благодарны своему второму секретарю райкома партии, каковым был тогда молодой Михаил Мамхегов.

Позже, в годы работы в обкоме партии и Совете министров КБАССР, он оказал большую помощь нашему Министерству культуры в строительстве учреждений культуры и искусства, жилых домов для них, которое велось в республике широким фронтом.

Хочу особо отметить, что Михаил Шувевич не забывал о судьбе миллионов адыгов, разбросанных по чужим странам мира в результате Русско-Кавказской войны, шедшей почти сто лет. Именно по его инициативе в правительстве республики была создана специальная комиссия, призванная облегчить желающим из них возвра-

щение на историческую родину. Комиссия эта внесла в это важное и щекотливое дело значительный вклад.

М. Ш. Мамхегов неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР. Он являлся народным депутатом РСФСР, членом ЦК Компартии РСФСР, делегатом XXVII съезда КПСС. Его заслуги перед народами Кабардино-Балкарии отмечены следующими наградами: орденом Трудового Красного Знамени (1971), орденом «Знак Почёта» (1974, 1976), медалью «За трудовую доблесть» (1966), медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», медалью «60 лет Вооружённых сил СССР» (1978), дважды – Почётной грамотой Президиума Верховного Совета СССР (1981, 1986). Многочисленные награды и высокое служебное положение не вскружили ему голову, не вызвали у него ни надменности, ни кичливости, ни зазнайства. Он был мужественным человеком и мог совершить поступок, равный подвигу, в интересах родной республики и населяющих её народов. И совершил он такой поступок на третьем году работы в должности председателя Совмина Кабардино-Балкарии. Как известно, вследствие Беловежского соглашения руководителей РСФСР, Украины и Белоруссии – Б. Н. Ельцина, Л. М. Кравчука и С. С. Шушкевича, – перестроечной вакханалии, развернувшейся по воле М. М. Горбачёва, в стране и нашей республике сложилась обстановка разгула экстремизма, митинговщины, голодовок и других акций. Тогда, во имя интересов народов Кабардино-Балкарии, укрепления дружбы между ними, Михаил Шувевич Мамхегов категорически поставил перед Верховным Советом КБАССР вопрос о своём освобождении от обязанностей председателя правительства и подал в отставку.

Михаил Шувевич и его супруга Раиса Адальбиевна дали жизнь двум сыновьям – Асланбеку и Велимиру. Асланбек – финансист, кандидат наук, жена его Неля – врач. У них две девочки и мальчик. У Велимира, работающего заместителем директора по экономической части завода «ОО Агоро+», и его супруги Натальи, работающей ревизором Центробанка республики, два мальчика. Раиса Адальбиевна вся в науке. Она доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии педагогических и социальных наук, работает заведующей кафедрой теории и методики филологичес-

кого образования Института повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования.

М. Ш. Мамхегов умер 19 апреля 2005 года и похоронен в родном селении Терекское Терского района КБР.

Альберт Владимирович Урусов

Альберт Урусов, не так давно ставший моим другом, родился 12 июня 1953 года. Он внук Мухамеда Урусова, как я хорошо помню, стройного, высокого ростом мужчины, жившего совсем недалеко от моих родителей и пользовавшегося их искренним уважением. Начальное образование получил в сельской школе, позже закончил среднюю школу № 4 в городе Нальчике, а ещё позже – торговый техникум в Самаре и в 2007 году заочно – Кисловодский институт экономики и права. В 1975–1977 годах служил в Советской армии в городе Ленинграде.

Коренастый, атлетического сложения мальчик, рождённый, казалось, стать отменным спортсменом, Альберт с ранних лет пристрастился к музыке и начал развлекать своих сверстников, родных и близких, исполняя популярные советские песни. Будучи уже на военной службе в городе Ленина, он пел в составе различных вокальных ансамблей, стал солистом Ансамбля песни и пляски Ленинградского военного округа. После службы он восемь лет работал редактором на Эстонском радио и одновременно преподавателем товароведения в Таллинском торговом техникуме.

В столице Эстонии Альберт Урусов познакомился с известным на всю страну певцом Яаком Йолой, участвовал в его сольных концертах во многих городах Советского Союза и пяти стран за рубежом. В те годы он не раз становился призёром и лауреатом фестивалей песни как в Эстонии, так и в России, продолжая развлекать публику и не думая о женитьбе. Зато об этом думала его мама Зоя Урусова, внимательно присматриваясь к юным нальчанкам. И вот, когда понравилась ей одна из них – Джульетта Шикляшева, – она вызвала Альберта из Таллина и, познакомив с ней, объявила ему: «Вот та девушка, которая должна стать моей невесткой!». Альберт и

Джультетта понравились друг другу. Состоялась свадьба, после которой счастливая пара отбыла в Прибалтику.

В 1985 году Альберт и Джультетта, с грустью расставшись с Эстонией, вернулись в Кабардино-Балкарию. Они дали жизнь сыну Анзору, которому сейчас уже 23 года, и дочери Марьяне, недавно отметившей свое семнадцатилетие. Анзор успел закончить экономический факультет КБГУ имени Х. Бербекова и заочно учится на шестом курсе Кисловодского института экономики и права. А Марьяна является студенткой Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии им. В. М. Кокова и учится успешно, не создавая проблем родителям. А мама Джультетта, ещё в 1977 году успешно окончившая Краснодарский политехнический институт по специальности инженера-технолога по хранению и переработке зерна, ряд лет работала адекватно полученному образованию и теперь занялась малым предпринимательством, не забывая о поддержке юта в семье.

Много сил отдаёт Альберт Владимирович своей основной работе в системе гостехнадзора за качеством промышленной продукции, выпускаемой предприятиями Кабардино-Балкарии. Являясь государственным инспектором отдела госнадзора Кабардино-Балкарского центра стандартизации, метрологии и сертификации, он часто выезжает с коллегами в города и районы республики, что отнимает у них очень много времени. А как с музыкой и пением? Альберт не может не петь, песня в его крови. С начала третьего тысячелетия он дал более 20 сольных концертов. Наряду с этим Урусов участвует во многих мероприятиях, проводимых Министерством культуры КБР. Я был приглашён на шесть сольных концертов Альберта им самим или его братом Хабалой и остался в восторге от его искусства. Все концерты проходили при аншлаге под овацию публики. Секрет успеха – чудный голос певца, его раскованность на сцене, умение установить и поддерживать контакт с аудиторией. С концертов Альберта я всегда ухожу с гордо поднятой головой, с большой радостью за творческий успех своего земляка-аушигерца, талантливого певца и настоящего семьянина. И конечно же я буду верен дружбе с ним всю свою жизнь.

Муса Ильясович Докшоков

М. И. Докшоков родился в сентябре 1932 года в селении Сармаково Зольского района КБАО. В 1938 году шестилетний Муса, его брат и две сестры перенесли страшный удар судьбы: умерла мать. В 1942 году последовал второй жестокий удар: в боях с немецко-фашистскими захватчиками погиб отец. Трудно, очень трудно пришлось оставшимся без отца и матери детям до поры до времени, но мужественный дедушка Тамыш Татуевич сделал всё возможное, чтобы из них вышли люди, достойные родителей и кабардинского народа. Он привил внукам и внучкам любовь к людям, к труду, к земле-кормилице, к домашним животным.

Ещё будучи пионером, Муса проявил себя любознательным и полным энергии мальчиком, а вступив в комсомол, – черты характера вожака молодёжи. Уже в 1950 году его избрали первым секретарём Нагорного райкома комсомола. Видя в нём перспективного работника, Кабардинский обком ВЛКСМ направил юного Докшокова на учёбу в Москву, где он учился два года и успешно окончил журналистское отделение Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Вернувшись из столицы СССР, Муса два года руководил комсомольской организацией Зольского района.

В 1957 году М. И. Докшоков был переведён на работу в аппарат Зольского райкома КПСС. Через три года он стал его первым секретарём. В должности руководителя партийной организации крупного сельскохозяйственного района он с присущей ему энергией и изобретательностью работал девять лет. В те годы район сделал мощный рывок в своём экономическом развитии. Тысячи путешественников, пересекавших Зольский район по Транскавказской шоссейной дороге, любовались его плантациями кукурузы и подсолнечника, стадами крупного рогатого скота, отарами овец и табунами лошадей кабардинской породы. Муса, получивший журналистское образование в Москве и наделённый талантом публициста, весь ушёл в сельское хозяйство и загорелся неодолимым желанием основательно изучить сельскохозяйственные науки. Успешно окончив заочно сельхозфакультет КБГУ и аспирантуру, он в 1972 году защитил диссертацию на соискание учёной степени

кандидата сельскохозяйственных наук во Всесоюзном научно-исследовательском институте кормов имени В. Р. Вильямса.

Не по велению своего сердца, а по воле партийного руководства Кабардино-Балкарии, в 1969 году Муса Ильясович оставил район и переехал в столицу республики. В течение четырнадцати лет он работал здесь последовательно первым заместителем председателя Совета министров КБАССР, председателем Комитета народного контроля и отраслевым секретарём обкома КПСС, пройдя, таким образом, хорошую школу для выдвижения его на пост одного из высших руководителей республики. И вполне обоснованно, закономерен в конце 1983 года он был назначен на должность Председателя Совета министров Кабардино-Балкарской АССР.

Без малейшего преувеличения заявляю я здесь, что на этом высоком посту он отлично справлялся со своими нелёгкими обязанностями, пользуясь глубоким уважением членов правительства, партийно-хозяйственного актива и народа Кабардино-Балкарии. Не уважать его было невозможно: его всегда отличали чувство высокой ответственности за порученное дело, скромность и тактичность, внимательное отношение к людям. К сожалению, премьер-министром республики он работал недолго – всего около пяти лет.

«Что же случилось, почему он оставил пост главы правительства республики, ведь ему было всего 56 лет?» – могут спросить некоторые неосведомлённые читатели. Отвечу коротко на этот вопрос: Муса Ильясович не смог выдержать более трёх лет вздорные придирки неудачного первого секретаря обкома партии и, несмотря на уговоры последнего, ушёл в отставку в ноябре 1988 года.

Скажу откровенно, я был огорчён решением Мусы, но поступок его был правильным и смелым шагом принципиального человека, ненавидящего карьеризм и карьеристов. И это делает ему честь.

С 1990-го по 1993 год М. Докшоков возглавлял Центральную избирательную комиссию нашей республики. С 1994 года по настоящее время он работает заместителем директора по общим вопросам Института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Работает с присущей ему добросовестностью, стараясь обеспечить научным сотрудникам института нормальные условия для плодотворной работы.

Заслуги М. И. Докшокова по достоинству отмечены страной и родной республикой. Он награждён орденами Трудового Красного знамени и Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почёта» и медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

В своём коротком очерке о жизни Мусы Докшокова я с радостным чувством удовлетворения хочу отметить, что, несмотря на постоянную загруженность государственной и административно-исполнительской работой, он сумел реализовать, хотя далеко не в полной мере, свой талант публициста, написав и издав две интересные книги – «Главная привилегия – ответственность за других» и «За неровной гранью перевала». Они прочитаны мной с увлечением, и я жду от их автора новых остросюжетных сочинений.

Спокойно, не унывая, не жалуясь ни на что, жили и в смутные годы перестройки Муса Ильясович и его очаровательная супруга Майя Эльмурзовна, давшие жизнь дочери Мадине и сыновьям Валерию и Мурату, взрастившие и воспитавшие их достойными себя и своего народа. Они радовались, видя перед собой детей своих и внучат – дочку и сынишку Мадины, двух сыновей Валерия и трёх сыновей Мурата. Им вовсе не приходила в голову мысль о том, что семью их может постигнуть несчастье. Но, увы, в один из декабрьских дней 1997 года светлые окна их скромной квартиры в Нальчике зашторили беспросветно-чёрные занавески: один пьяный дуралей своей грузовой машиной сбил наповал Валерия на центральной улице селения Малка, совсем недалеко от дома, где родилась и выросла Майя Эльмурзовна. Муса и Майя мужественно перенесли эту трагедию, но не без ущерба их здоровью.

М. И. Докшоков показал своё постоянство, свою преданность идеалам коммунизма и воспитавшей его партии и тогда, когда КПСС была поставлена Б. Н. Ельциным вне закона. Он не покинул её ряды и ныне является членом республиканского комитета Кабардино-Балкарского регионального отделения КПРФ. Признанием его авторитета я считаю и тот факт, что он вовлечён в Совет старейшин при Полномочном представителе Президента РФ по Южному федеральному округу (ЮФО) и является членом Общественного консультативного совета при Президенте КБР.

Крепкого здоровья, долголетия и счастья Мусе Ильясовичу, Майе Эльмурзовне, их детям, внукам и внучке, а вместе с ними сестре Мусы, Хаишет Ильясовне, многие годы работающей в сфере нашей культуры!

Иван Ильич Полищук

В сентябре 1937 года в стенах Нальчикского педагогического училища судьба свела меня с пятнадцатилетним подростком из селения Зольское одноимённого района Кабардино-Балкарской АССР. Мы занимались с ним в разных группах. В один из перерывов между уроками он подошёл ко мне и, протянув руку, произнёс:

– Давай познакомимся!

Передо мной стоял, улыбаясь, не по возрасту рослый юноша с добрыми глазами. Это был Ваня Полищук, с которым дружба связала меня на всю жизнь, насыщенную у обоих несчётным множеством нелёгких испытаний.

Иван Ильич Полищук родился 24 марта 1922 года в семье крестьянина-бедняка села Шендеривка Корсунского района Киевской области Украины Ильи Александровича Полищука, который вскоре после рождения сына выехал на Северный Кавказ и, остановившись в селении Зольское, работал пастухом по найму у местного богача. Летом 1923 года переехала к нему с детьми и мать семейства Мария Тимофеевна (в девичестве – Гром). С шести лет Ваня помогал ему и до начала учёбы в сельской школе, и во время школьных каникул. Он охотно пас коров, не жалуясь на усталость. Отлично окончив семилетку, в 1937 году Ваня поступил в Нальчикское педагогическое училище. Учился успешно, а во время каникул работал в колхозе «Маяк» Зольского района.

В начале Второй мировой войны многие учителя школ республики и страны были призваны в Красную армию. На смену им пришлось послать в школы студентов педагогических учебных заведений. В их числе оказался и мой друг Иван Полищук. Обком комсомола и Наркомпрос КБАССР послали его в Зольский район, и он работал учителем в школах селений Каменноостское, Псынадаха и Зольское, продолжая учиться заочно в педагогическом училище.

Летом 1940 года Иван закончил педучилище и в сентябре того же года по зову сердца поступил в Борисовское военно-инженерное училище. В марте 1940 года это училище перевели в город Архангельск. Через месяц после начала Великой Отечественной войны весь курс И. Полищука был досрочно выпущен из училища. Получив звание лейтенанта, он принял командование сапёрной ротой 1010-го стрелкового полка и отправился на фронт. Начался его долгий боевой путь, который не обошёлся ему без большой потери крови. Будучи уже командиром стрелкового батальона, в ожесточённом бою на территории Гомельской области Белоруссии 24 августа он был тяжело ранен и через две недели доставлен в госпиталь, открытый в здании Кабардино-Балкарского госпединститута, где Ваня и я держали немало экзаменов, являясь студентами педагогического училища.

Лечение его здесь затянулось, а сердце звало на фронт. Он настоял на досрочной выписке из госпиталя и вернулся в действующую армию. Воевал и воевал в разных должностях: командиром сапёрных взвода, роты и батальона. Учил молодых бойцов подрывным работам. Вместе со своими сапёрами наводил переправы через Южный Буг и Днестр, строил командно-наблюдательные пункты дивизии, разминировал Жмеринку, за освобождение которой 151-я стрелковая дивизия получила почётное наименование Жмеринской. Богу было угодно нанести Ивану ещё один страшный удар: в ночь на 11 июля 1944 года, ведя разведку боем, он вновь был тяжело ранен и вскоре отправлен в эвакогоспиталь, находившийся в городе Пятигорске, совсем недалеко от селения Зольское, где прошли его детство и отрочество.

В январе 1945 года капитан Иван Полищук, ставший инвалидом Великой Отечественной войны, был уволен из Красной армии на гражданку. Начался новый этап его нелёгкого, но в то же время интересного, яркого жизненного пути, никогда и ни на йоту не отклонявшегося от главной магистрали движения советского общества к прогрессу, – пути подлинного патриота и интернационалиста.

Восемнадцатого ноября 1948 года Иван Полищук обрёл личное счастье, женившись на красивой, умной и кроткой школьной учительнице Маше Погореловой. Оба они посвятили три десятилетия благородному делу народного образования, работая в школах Ка-

бардино-Балкарии, Саратовской области и далёкого от нас Сахалина. Сверх того, опираясь на поддержку и помощь Марии Ивановны, мой друг проводил и сейчас неустанно проводит невероятно большую работу по увековечению памяти однополчан – героев Великой Отечественной войны, вписанию в историю её ярких эпизодов. Им написаны и опубликованы сотни статей о боевых подвигах советских воинов. Будучи членом общества «Знание», он прочитал более тысячи лекций и докладов на различные общественно-политические и военно-патриотические темы. Этим важным делом он занимается и в наши дни, выступая перед учащимися школ.

И. И. Полищук написал и издал следующие пять книг о боевом пути своей дивизии от Кабардино-Балкарии до Австрии: «Приказ выполнил», «От Терека до Миуса», «От Миуса до Днепра», «От Днепра до Карпат» и «На пути к Победе».

За боевые подвиги Иван Ильич награждён двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени и восемнадцатью медалями. Его трудовые заслуги отмечены знаком «Отличник народного образования РСФСР», почётными грамотами ряда правительственных и общественных организаций. Он с честью носит звания почётного гражданина Александровского района Ставропольского края, Моспино – Донецкой, Жмеринка – Винницкой, Новая Ушица – Хмельницкой областей, Почётный ветеран Первой гвардейской армии».

В заключение скажу несколько слов о своём друге. В номере от 20 сентября 2006 года газета «Кабардино-Балкарская правда» опубликовала статью заслуженного учителя школы КБАССР майора в отставке Ивана Ильича Полищука под заголовком: «Я не ем устриц, но мне не мешает тот, кто их ест». Это страстный призыв к укреплению дружбы народов Кабардино-Балкарской Республики и всей огромной Российской Федерации. Прочитав её, я тут же позвонил ему и сказал:

– Молодец Ильич!

Публикация эта получила единодушное одобрение читателей газеты, правительства и парламента КБР.

Так пусть же творит её автор ещё многие годы! Мария Ивановна и Иван Ильич – чудесная пара. Пусть живут они долгие годы, оберегая друг друга!

Али Лукович Сасиков

Человек интересной биографии, один из самых активных участников социалистического строительства в Кабардино-Балкарии, Али Лукович Сасиков родился в 1909 году в семье крестьянина-бедняка.

Свою трудовую деятельность он начал в 1927 году заведующим избой-читальней и секретарём комсомольской ячейки в родном селении. Через три года его избрали секретарём Нальчикского райкома ВЛКСМ, а в 1932 году выдвинули на партийную работу, утвердив заведующим организационным отделом райкома партии. Затем он работал заместителем начальника, начальником политического отдела Нальчикской машинно-тракторной станции (МТС), а в период с весны 1934 года до весны 1939 года – директором МТС, проявляя кипучую энергию и целеустремлённость в техническом оснащении колхозов района. Именно в тот период я впервые увидел его в моём родном селении Аушигер в гостях у моих родителей. Кстати сказать, моим родителям часто приходилось принимать гостей из района и республики. Гостеприимство их было тогда общеизвестно.

В марте 1939 года Али Лукович был утверждён в должности заведующего сельскохозяйственным отделом областного комитета партии, а в сентябре того же года назначен на должность народного комиссара земледелия КБАССР. В годы Великой Отечественной войны он принимал активное участие в партизанском движении на территории нашей республики.

В 1943–1944 годах А. Л. Сасиков работал заместителем председателя Совета народных комиссаров Кабардино-Балкарской АССР, а затем до 1972 года занимал руководящие посты в сельском и лесном хозяйствах и сделал очень многое для подъёма экономики колхозов и совхозов, подготовки кадров, повышения культуры села.

Али Лукович Сасиков принимал активное участие в общественно-политической жизни республики. Он избирался членом и кандидатом в члены бюро обкома ВКП(б) и КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, неизменно пользовался высоким авторитетом и глубоким уважением у коммунистов и всех трудящихся республики.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили трудовые и боевые заслуги А. Л. Сасикова, наградив его тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почёта» и многими медалями.

Горение в работе, смелость и самостоятельность в принятии решений всегда сопровождали трудовой путь Али Луковича Сасикова. Он был пламенным оратором. Никто не говорил без запинки на родном кабардинском языке, как он. Лично я восхищался его темпераментными докладами и речами.

Жители Кабардино-Балкарии благодарны Али Луковичу Сасикову, по инициативе и при личном участии которого все шоссейные дороги республики были одеты в красивый наряд из деревьев и кустарников разных пород.

Абу Камботович Шогенов

Абу Камботович Шогенов родился 10 июля 1931 года в селении Шалушка Чегемского района КБАО. После окончания семи классов сельской школы он был направлен в республиканскую школу-интернат, которой в течение многих лет руководил выдающийся педагог Х. П. Камбиев. Как широко известно, из числа воспитанников этой школы впоследствии вышли десятки крупных партийных, советских, хозяйственных руководителей, педагогов и научных работников. Совсем ещё юный Абу окончил эту школу с серебряной медалью и поступил на юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Трудовую деятельность Абу начал в двадцатитрёхлетнем возрасте, сразу же после окончания университета, в должности народного судьи первого участка города Нальчика. Здесь он показал свои способности и призвание и через три года закономерно был выдвинут на должность судьи Верховного суда КБАССР. Пост, что и говорить, был высок и авторитетен. Работал плодотворно, строго соблюдая законы Советского государства, не допуская малейшей несправедливости. Однако жажда знаний не давала ему покоя, и он осенью 1958 года выехал в Москву и поступил в аспирантуру при юриди-

ческом факультете МГУ, которую вынужден был оставить по семейным обстоятельствам.

Тернистый путь был уготовлен ему судьбой. По приглашению Тимборы Кубатиевича Мальбахова Абу два года работал инструктором в аппарате обкома КПСС. В этой скромной должности он прошёл весьма полезную школу партийной работы, после которой был утверждён заместителем председателя Верховного суда республики. Здесь он работал и судьёй, и председателем по гражданским делам. В 1973 году был переведён в прокуратуру КБАССР на должность начальника уголовно-судебного отдела. После семи лет работы в прокуратуре КБАССР в 1980 году Абу Камботович был назначен министром юстиции республики. Мы сразу же познакомились и со временем подружились с ним: министерства культуры и юстиции размещались на одном этаже Дома Советов в непосредственной близости одно от другого, и не проходило дня, чтобы мы не навещали друг друга, общаясь хотя бы по несколько минут.

В августе 1981 года Абу Камботовича и его обаятельную супругу Тamarу Нуриевну (дочь известного кабардинского просветителя Нури Цагова) постигло великое несчастье: в автокатастрофе на улице Балкарской, недалеко от улицы А. А. Шогенцукова, погиб их сын Амирби. В те тяжёлые дни я находился рядом с Абу и Тамарой. Абу мужественно перенёс эту невосполнимую утрату, хотя конечно же она пагубно сказалась на его здоровье и состоянии души. Не могу сказать – из каких побуждений, но один из редко встречающихся среди людей человек с нечистой совестью писал на него всякую чушь. Мой друг решил избавиться от анонимок и ушёл в Институт усовершенствования учителей, где в течение пяти лет проработал заведующим кафедрой и деканом факультета общественно-гуманитарных наук. Абу Камботович защитил диссертацию и стал кандидатом юридических наук.

В 1991 году А. К. Шогенов был утверждён заведующим государственно-правовым отделом секретариата Верховного Совета нашей республики. В 1994 году он перешёл в Конституционный Суд Кабардино-Балкарской Республики и, проработав здесь семь лет начальником отдела конституционного права, в 2003 году вышел на пенсию. Многолетний добросовестный труд Абу Камботовича на

обширном юридическом поприще не остался незамеченным. Ещё в 1983 году им было получено из Москвы следующее письмо:

Тов. Шогенов Абу Камботович!

За Ваши заслуги в укреплении социалистической законности Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 10 января 1983 года присвоил Вам почётное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

*Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР М. Я с н о в*

*Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР Х. Н е ш к о в*

У Абу и Тамары есть дочка Асият. В 1990 году она вышла замуж за итальянца Мауро Мартинелли и живёт с ним в пригороде итальянской столицы, растя сына, названного Валерио. Поэтому сердца Абу и Тамары Шогеновых обращены к Риму, куда «все дороги ведут».

Александр Дмитриевич Лавров

Всю жизнь везёт мне на хороших людей. Повезло и в тот весенний день 2003 года, когда я познакомился с Александром Дмитриевичем Лавровым, человеком очень отзывчивым, подтянутым, общительным и деловитым. Он родился в городе Нальчике 7 августа 1948 года. В 1964 году стал работать учеником фрезеровщика на крупном заводе «Севкавказэлектроприбор» и одновременно учился в вечерней школе рабочей молодёжи № 3 столицы Кабардино-Балкарии. С сентября 1967 года по декабрь 1969 года проходил срочную военную службу – сначала в городе Павлограде Украинской ССР, затем в селении Покровка Приморского края.

После службы в Советской армии Александр вернулся на родной завод «СКЭП» и продолжил трудовую деятельность, начатую им в шестнадцатилетнем возрасте на этом предприятии, позже работал на Нальчикском электровакуумном заводе (НЭВЗ) и в Тrolleyбусном управлении города на разных должностях, в том числе

выборных. Будучи общественно-активным человеком, в период с 1983-го по 1991 год он избирался заместителем секретаря и секретарём парткома электровакуумного завода.

Работу в больших трудовых коллективах А. Д. Лавров успешно сочетал с учёбой. Так, без отрыва от производства, он в 1975 году окончил Нальчикский политехнический техникум, в 1988 году – инженерно-технический факультет КБГУ, а в 1992 году – Северо-Кавказский социально-политический институт в городе Ростове-на-Дону.

В разные годы А. Д. Лавров избирался членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, членом бюро Октябрьского райкома партии и депутатом районного Совета депутатов трудящихся. С июля 2001 года до марта 2007 года он работал начальником отдела по связям с советами и общественными организациями Администрации города Нальчика, являясь одновременно (с марта 2003 года) руководителем исполкома городского отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия». С апреля 2007 года он полностью сосредоточился на партийной работе и руководит этим отделением с присущей ему энергией, опираясь на свою команду, в которую входят главные специалисты Эльдар Абдулаев, Рената Аришева и Виктор Бахун (замруководителя), ведущие специалисты Владислав Бесланев, Вячеслава Иванова, Амина Казакова и Маргарита Хрусталёва, специалисты Карина Жарашуева и Бетал Портов. На загляденье симпатичные и приветливые люди! Смотрю я на них, восхищаясь энтузиазмом, с которым они работают в скромном офисе отделения под руководством Александра Дмитриевича Лаврова, и думаю, что поставленная цель от них не уйдёт.

Асланби Нахович Ахохов

Написать коротко об Асланби Наховиче Ахохове, не умаляя его достоинств, трудно. «Почему так?» – могут спросить некоторые из моих читателей.

Отвечу им откровенно, как я думаю: он являл собой образец настоящего горца-кабардинца и своим внешним обликом, и силой воли, и смелостью, и тем, как чётко исполнял свои нелёгкие обязан-

ности на ответственных постах партийной, государственной, общественной работы и заслуживает того, чтобы его жизненному пути посвятили объемистую книгу. Такой возможности у меня, к сожалению, нет и поэтому ограничусь тем, что поделюсь своими впечатлениями от встреч с ним, расскажу о некоторых особенностях его характера, о стиле его работы в нелёгкой должности главы Правительства Кабардино-Балкарской АССР.

А. Н. Ахохов родился 15 января 1912 года. Начав трудовую деятельность восемнадцатилетним юношей, Асланби Ахохов 49 лет (1931–1941, 1946–1980) добросовестно, не жалея своих сил, работал на благо народов нашей республики. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов он находился на фронте, проявляя мужество в боях с гитлеровскими захватчиками, о чём свидетельствуют его боевые награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени и многие медали.

Помню, как сегодня, свою первую встречу и знакомство с Асланби Наховичем Ахоховым. Это произошло совершенно неожиданно для меня, благодаря полковнику Хазраилу Борсокову, замечательному человеку, который относился ко мне очень уважительно, хотя он был значительно старше меня по возрасту и служебному положению.

В один из жарких июльских дней 1952 года я сидел в своём кабинете в Центральном комитете комсомола, работая над проектом одного документа, который через день надо было послать в ЦК КПСС на имя И. В. Сталина. И вот в полдень раздался звонок телефона. Подняв трубку, я услышал повелительный командирский голос полковника Борсокова, много лет работавшего на высоких постах в Министерстве внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР:

– Немедленно следуй ко мне! Нахожусь сейчас в общежитии Высшей партийной школы при ЦК КПСС, проездом на север остановившись в Москве на несколько часов. Посидим с тобой немножко в комнате моего хорошего друга. Я хочу познакомить тебя с ним. Найдешь меня в седьмой комнате третьего этажа второго корпуса общежития школы. Спешу!

Не дождавшись моего ответа, он прекратил разговор, а я, убрав со стола бумаги, отправился на знакомую мне Миусскую площадь,

б, и уже минут через двадцать постучался в дверь названной Хазраилом комнаты.

– Войдите, Константин, добро пожаловать! – широко открыв дверь и улыбаясь, пригласил меня в свою комнату и крепко пожал руку высокий и смуглый, подтянутый, как гвардейский офицер, мужчина. Это был Асланби Нахович Ахохов, и именно с ним хотел познакомить меня Хазраил Борсоков. Стол для гостей был уже накрыт подобающим образом.

Я хорошо знал, как вёл себя и в маленькой, и в большой компании Хазраил Борсоков. Будучи самим богом наделён тонким юмором, он поддерживал за столом и весёлое настроение, и должный порядок. Наша встреча в Высшей партийной школе тоже прошла в такой обстановке. Примерно в пять часов вечера он встал с места, вытянулся по-военному и громко объявил:

– Всё, друзья! Вам некуда спешить и можете ещё посидеть за этим столом, а мне надо ехать на вокзал, чтобы не опоздать на поезд, через час отправляющийся из столицы СССР в столицу Коми АССР.

Ни слова не говоря, мы с Асланби Наховичем встали навтыжку и тут же взяли в руки два увесистых чемодана полковника, годом раньше по приказу сверху переведённого на работу в Министерство внутренних дел далёкой от его родины северной автономной республики. Мы прибыли на вокзал заблаговременно и поговорили на перроне ещё минут двадцать. Расстались мы с бравым полковником в расстроенных чувствах. Я проводил Асланби Наховича до Высшей партийной школы и вернулся в ЦК комсомола, чтобы продолжить работу над упомянутым выше документом.

С того дня я навсегда запомнил впечатляюще яркий образ А. Н. Ахохова. Конечно, в ту пору мне и во сне не могло присниться, что по прошествии пяти лет, осенью 1957 года, мы вновь встретимся с ним, уже в Нальчике, а ещё через шесть лет я окажусь членом правительства Кабардино-Балкарской АССР, во главе которого стоял Асланби Ахохов. Так бывает иногда в жизни. Это, видимо, должно было произойти и произошло, оставив неизгладимый след в моей памяти.

Могут спросить: легко ли или трудно было работать под непосредственным руководством Асланби Наховича? Отвечу на этот вопрос откровенно: и трудно, и легко. Потому было трудно, что занимал он высокий пост и на плечах его лежали отнюдь не лёгкие обязанности; что и наша работа была довольно трудной; что руководитель

наш был строгим и требовательным, категорически непримиримым к малейшим проявлениям расхлябанности, недобросовестного отношения к работе и хвастовства с чьей бы то ни было стороны. А легко было с ним работать потому, что он в случае необходимости непременно шёл навстречу, на любой вопрос давал ясный, доходчивый ответ. Если же ему требовалась помощь с нашей стороны, он обращался к нам просто, как к товарищу или другу.

Не раз бывало так, что он позвонит мне и скажет: «Константин! Помоги мне, пожалуйста, привести в порядок пару официальных бумаг из тех, что грудой лежат на моём столе». И я охотно брался в этих случаях за дело, имея необходимый опыт работы со служебными документами эпистолярного жанра.

За все годы совместной работы он не высказал мне ни одного обидного для меня слова. В тех случаях, когда я заходил к нему, он выходил из-за своего рабочего стола, шёл навстречу до середины кабинета, обнимал меня и приглашал садиться.

Сказанное об Асланби Наховиче не означает, что он никогда не выходил из себя и спокойно взирал на всё, происходившее вокруг. Нет. Он гневно выступал против тех, кто допускал сделку с совестью, кому безразлична была судьба республики, кто подставлял нам ногу при решении важных проблем развития экономики и культуры Кабардино-Балкарии. Подобно снежной лавине с гор, он обрушился на моих глазах на двух высокопоставленных московских чиновников, пытавшихся сорвать нам открытие Музыкального театра в Нальчике. Я никогда не забуду об этом, так как создание первого на Северном Кавказе театра с оперой, балетом и опереттой было в ту пору целью и делом моей жизни. До сих пор я говорил в основном о служебной деятельности и некоторых чертах характера А. Н. Ахохова. Не могу обойти молчанием и его личную, семейную жизнь. Она сложилась у Асланби Наховича счастливейшим образом. Иначе и не могло быть, так как волею судьбы и по зову сердца он женился на полюбившейся Раисе – во всём очаровательной дочери Адама Дымова, одного из первых учителей-кабардинцев, которые повели наш народ к свету знаний. Асланби Нахович и Раиса Адамовна вырастили четырёх детей: Ларису, Руслана, Елену и Людмилу. Старшая из них, Лариса, получив высокое образование в области медицины, работает в больнице, не жалея ни сил, ни времени, борясь за

жизнь людей и воспитывая своих детей. Руслан сумел вписаться в современную (рыночную) систему и занимается предпринимательской деятельностью. Елена ушла в науку, стала кандидатом филологических наук и преподаёт в Северо-Кавказском государственном институте искусств. Людмила... О ней – особый разговор. К ней, как к самой младшей в семье, родители относились с особой любовью и нежностью. И Асланби, и Рая звали её Люкой. Между прочим, я тоже зову её Люкой. Сама она очень ласковая и приветливая девушка. Будучи биологом и химиком по образованию, Люда работает в больнице врачом-лаборантом.

Асланби Нахович очень часто с гордостью произносил имя своей племянницы по сестре, Людмилы Питуевны Кишевой, много лет работавшей заведующей гематологическим отделением Республиканского онкологического диспансера. И это совсем не случайно: она работает самоотверженно, удивляя своей человечностью и коллег своих, и многочисленных больных. Такие люди, как она, прав же, встречаются редко.

У Асланби Наховича было много друзей из числа руководителей других республик и областей Советского Союза. Дружбой с ним гордились, например, Абдурахман Даниялов и Мухаммед-Салам Умаханов, длительное время возглавлявшие Дагестанскую АССР.

В начале марта 1980 года, в пору, когда наступает весна, мне пришлось полететь в Москву для решения ряда служебных вопросов. По прибытии в столицу я занёс свой чемоданчик в один из номеров гостиницы «Москва» и с ходу отправился во Вторую градскую больницу, где находился на лечении Асланби Ахохов. Вопреки моему ожиданию, увидев меня, он вскочил с постели и крепко обнял меня. Раиса Адамовна тоже встретила меня с волнением и радостью, спросила о здоровье моей мамы, Ирины, дочерей наших и стала накрывать небольшой столик бутербродами с сыром, сливочным маслом и различными сладостями. Вскоре зашумел и электрический чайник. Больной задавал мне один вопрос за другим, его интересовали жизнь республики в целом и состояние здоровья его и моих друзей и товарищей. Словом, шла оживлённая беседа, которую тактично прерывала Раиса Адамовна, призывая нас не забывать о скромном угощении. Через полчаса нашу компанию неожиданно пополнил прилетевший из Дагестана Абдурахман Даниялов. Разговор наш

принял ещё более оживлённый характер. Асланби сидел на кровати, отвергая наши просьбы прилечь и отдохнуть и призывая нас не спешить с уходом. Так посидели мы у них до вечера и, обменявшись с Данияловым понимающими взглядами, встали со своих мест. Абурахман и я поняли друг друга, и усилием воли создав в палате приподнятое настроение, попрощались с Асланби Наховичем и Раисой Адамовной.

Выйдя во двор больницы, утопающий в берёзах и липах, мы в подавленном настроении походили здесь ещё четверть часа, думая о судьбе больного. Мы оба поняли, что трагический исход не за горами. Вместе с тем мы и мысли не могли допустить, что жить больному оставалось только две недели. Но, увы, случилось неизбежное. Сердце славного сына Кабардино-Балкарии остановилось ночью 5 марта 1980 года. Весть об этом быстро долетела до Нальчика и острой болью отозвалась в сердцах родных и близких, многочисленных друзей и товарищей. Я был, конечно, среди тех, кто встречал гроб с телом покойного в аэропорту Минеральные Воды и хоронил его. Имя Асланби Наховича Ахохова присвоено одной из оживлённых улиц столицы Кабардино-Балкарской Республики.

Жамал Жабирович Аттаев

Жамал Аттаев родился 25 июля 1944 года в селении Новопокровка Кантского района Киргизской ССР. Это случилось через четыре с половиной месяца после депортации балкарского народа в Киргизию и соседний с ней Казахстан. Трудным было его детство. Отнюдь не лёгким был и отрезок его жизненного пути до возвращения на историческую родину – в Кабардино-Балкарию. Однако, будучи наделён целеустремлённым характером и незаурядными умственными способностями, он стал одним из видных деятелей в общественно-политической жизни нашей республики, личностью, заметной и уважаемой народом.

Трудовую жизнь он начал в 1961 году токарем Новопокровских авторемонтных мастерских. Отслужив три года в рядах Советской армии, Жамал поступил в Казахский государственный университет и окончил там факультет журналистики. В 1972–1976 годах работал

в органах печати Казахстана. После успешного окончания Академии общественных наук по специальности журналиста и политолога он вернулся на историческую родину и девять лет работал в городе Тырныаузе – сначала первым редактором городской газеты «Горняцкая слава», а затем заведующим организационным отделом Тырныаузского горкома КПСС.

В 1988 году Кабардино-Балкарский обком КПСС отозвал его из горняцкого города и утвердил инструктором отдела науки и учебных заведений. Вскоре же его выдвинули на должность заместителя заведующего отделом организационно-партийной работы, а затем утвердили заведующим идеологическим отделом обкома партии. Сердце же между тем призывало его, профессионального журналиста, писать и писать, заняться делом по призванию. И ему удалось оставить наш Дом Советов (ныне он зовётся Домом Правительства КБР), но, увы, ненадолго. Лишь несколько месяцев пришлось ему проработать заместителем главного редактора «Кабардино-Балкарской правды».

В конце апреля 1992 года Ж. Ж. Аттаев был назначен первым заместителем министра внешних связей КБР. На первом же с его участием заседании коллегии министерства, членом которой я был в тот период, мы познакомились с Жамалом, и вскоре завязалась наша братская дружба, продолжающаяся по сей день. По-другому и не могло случиться: он из тех людей, с которыми мне приятно общаться, обмениваться своими мыслями, своим взглядом на происходящие вокруг события, нелёгкую жизнь народов России и стран Содружества Независимых Государств (СНГ), распоясавшийся в мире терроризм.

Весной 1995 года руководство республики направило моего друга в Тырныауз, назначив его главой администрации Эльбрусского района. Это, видимо, было необходимо и отвечало жизненным интересам населения Баксанского ущелья и города горняков. Три года он работал в этой трудной должности со всей ответственностью и присущей ему добросовестностью. И как только стало это возможным, Жамал Жабирович вернулся в сферу своего истинного призвания и с марта 1998 года работает главным редактором республиканской общественно-политической газеты «Заман» («Время»). Его многолетняя бескорыстная служба интересам народа не осталась

без внимания со стороны органов власти Кабардино-Балкарии и России: ему присвоены почётные звания заслуженного работника культуры Российской Федерации и Кабардино-Балкарии, награждён высшей наградой нашей республики – Почётной грамотой КБР.

У Ж. Ж. Аттаева чудесная семья. Жена его, Клара Камаловна, имея среднее специальное образование, долгое время работала в системе торговли Кабардино-Балкарии, занимая различные должности, в настоящее время – полновластная домохозяйка, у которой немало хлопот и забот. Сын Ахмед окончил юридический факультет КБГУ и экономический факультет КБГСХА. Он возглавляет сейчас Эльбрусский районный отдел Следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по КБР. Женат и имеет двух детей. Старшая дочь Лейла Жамаловна окончила медицинский факультет КБГУ, ординатуру в Москве, по специальности – психиатр и работает врачом в республиканском психоневрологическом диспансере. Младшая дочь Асият учится на пятом курсе экономического факультета КБГУ.

Вся семья Жамала Жабировича Аттаева состоит из приветливых, симпатичных людей, которым я от души желаю завидного долголетия и большого счастья.

Заурбек Умарович Шиков

Как нужны в наше трудное время добрые, бескорыстные, отзывчивые люди! К счастью, такие люди не перевелись, и некоторые из них добросовестно служат в сфере социального обслуживания населения, где они особенно необходимы. Одним из примерных представителей их является начальник территориального Управления труда и социального развития № 2 города Нальчика Заурбек Умарович Шиков. Он родился 15 ноября 1947 года в городе Вышний Волочёк Калининской области, куда зимой 1944–1945 годов был доставлен раненый на фронте Умар Шиков, который после излечения в госпитале женился на русской красавице Вере Ивановне Зарываловой и работал начальником Военторга города Торжка.

Летом 1948 года семья Шиковых переехала в город Тырныауз. В индустриальном городке Баксанского ущелья, который окружают

суровые горы с обеих сторон берегов бурной реки Баксан, мальчик со звучным именем Заурбек закончил 10 классов средней школы № 1 и в 1965 году вместе с родителями переехал в столицу Кабардино-Балкарской АССР. Через год, окончив с серебряной медалью среднюю школу № 4, он с гордо поднятой головой вернулся с выпускного бала и объявил родителям:

– Хочу стать инженером, надеюсь, что вы одобрите моё решение!

Родители поддержали его выбор. Заурбек поступил на инженерно-технический факультет КБГУ и в 1971 году успешно окончил его по специальности «Технология машиностроения, металлорежущие инструменты» с присвоением ему квалификации инженера-механика. Вместе с дипломом ему было вручено направление на Нальчикский электровакуумный завод. Здесь он работал инженером-конструктором электронного машиностроения три года.

В 1974 году Заурбек Шиков был приглашён на работу в проектный институт «Каббалкгражданстрой». Пять лет он трудился в этом институте инженером комплексного отдела № 1, затем работал по два года мастером монтажного участка «Кавказэнергомонтаж», начальником монтажного участка ПМК-1 объединения «Каббалксельхозмонтажкомплект», руководителем группы Кабардино-Балкарского филиала проектной конторы «Краснодарсельхозтехпроект». В 1984 году он был направлен на работу в Госплан республики в качестве начальника отдела планирования промышленности.

В 1986 году Совет министров КБАССР назначил Заурбека заместителем председателя Государственного комитета республики по ценам, в 1995 году – начальником отдела Министерства экономики КБР. Как видно, долго он шёл к своему природному призванию – к работе с людьми старшего поколения, которые более других слоёв населения нуждаются во внимании и помощи, в материальной и моральной поддержке. И вот в 1996 году он пришёл, наконец, в ту сферу, где он мог реализовать это призвание: его назначили руководителем Департамента труда и социального развития № 2 города Нальчика. К нему приходит много людей по разным вопросам. Каждого из них он встречает с улыбкой и, сделав для них всё возможное, провожает их. Я несколько раз бывал в этом департаменте и видел входивших в его служебный кабинет пожилых женщин и

мужчин, отягощённых нелёгкими жизненными проблемами, и выходявших оттуда с заметным облегчением. Столь же внимательны к людям и его коллеги – начальники отделов Марина Хасаналиевна Цагова и Ирина Халимовна Назранова, которые с чувством высокой ответственности исполняют свой служебный долг.

Заурбек и его супруга Людмила, в настоящее время работающая заведующей канцелярией Арбитражного суда КБР, вырастили достойных детей – сына Дмитрия, ныне работающего начальником службы безопасности компании «Ай-Би-Си» города Нальчика, и дочь Викторию, которая окончила экономический факультет КБГУ. Умар Табишевич Шиков ушёл из жизни ещё в 1985 году, оставив своим потомкам на хранение множество боевых и трудовых наград, в числе которых орден Отечественной войны I степени.

Мустафа Камалович Абдулаев

Мустафа Камалович Абдулаев, о котором пойдет речь в этом небольшом очерке, родился 15 июня 1933 года в селении Кёнделен Эльбрусского района КБАО в семье рабочего. В 1948 году окончил в родном селении семилетнюю школу, а в 1951 году – среднюю школу в посёлке Баксанской гидроэлектростанции. Комсомолец, мечтавший стать военным, после окончания десятилетки поступил в Гомельское радиотехническое училище и закончил его в 1953 году. Из этого училища его направили в селение Бакуры Саратовской области для службы в должности командира радиолокационной роты.

Восторженно отзываясь о своем бывшем командире роты М. К. Абдулаеве, его сослуживец, впоследствии курсант академии, старший лейтенант В. И. Свекла в зачетной работе по психологии писал: «Вот он выступает на собрании, на совещании. Речь его всегда чёткая, ясная, выразительная. Он человек с Кавказа и, казалось бы, его речи должен быть присущ акцент, но об этом не могло быть и разговора. Мысли излагает быстро, чётко и доступно для всех. Если говорить о его способностях, я должен сказать, что этот человек исключительно одарённый, технически грамотный и постоянно работающий над собой. Короче говоря, он был военным специалистом высшего класса».

В 1970 году Мустафа Абдулаев поступил учиться в Военно-командную академию противовоздушной обороны имени Г. К. Жукова, которую он окончил досрочно в 1974 году. Прослужив в Советской армии более 31 года, он, по состоянию здоровья, вынужден был уйти в 1982 году в отставку. В период службы в Вооруженных силах награждён орденом Красной Звезды и 14 медалями, почётными грамотами ЦК ВЛКСМ, областных и краевых комитетов Коммунистической партии Советского Союза. Вернувшись из армии, М. К. Абдулаев год работал ведущим инженером Автотранспортного управления КБАССР, а с 1984-го по 2003 год – начальником штаба гражданской обороны курорта Нальчик.

Вся послеармейская жизнь Мустафы Камаловича связана с активной общественной работой: в 1982–1992 годах – член комитета содействия при Нальчикском городском военном комиссариате, в 1992–1993 – заместитель председателя Союза офицеров КБР, в 1993–2000 годах – председатель Комиссии по работе с ветеранами военной службы при Нальчикском городском совете ветеранов-пенсионеров. В 2003 году он избран председателем Нальчикской городской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов и в этой роли работает с неукротимой энергией.

С Мустафой Камаловичем я познакомился на небольшом совещании у заместителя главы администрации города Нальчика Галины Абубовны Портовой, где рассматривался проект книги (альбома), готовившейся к изданию накануне 60-летия Победы. Я предложил тогда назвать её «Отчизны верные сыны». Мустафа поддержал меня. Вскоре вышла на редкость красочная книга-альбом с таким названием. Ответственным за её выпуск была сама Галина Абубовна Портова. Она же подарила мне экземпляр этого альбома, которым я очень дорожу.

Наше знакомство с полковником М. К. Абдулаевым вскоре же перешло в крепкую дружбу. Он очень чуткий и внимательный человек, в чем я убедился на собственном опыте, когда вышла загвоздка с получением мной удостоверения ветерана – участника Великой Отечественной войны. У него три сына и две дочери. Сын его, красавец Эльдар, работает сейчас в исполкоме Нальчикского городского отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия».

При частых разговорах с темпераментным другом своим по телефону и, к сожалению, редких встречах с ним я вспоминаю бесмертные слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино»:

Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

Наш полковник Мустафа Камалович Абдулаев, слава Аллаху, жив и, можно сказать, почти здоров. Да проживёт он столько лет, сколько хочет жить, чтобы он через многие десятилетия мог собрать своих детей, внуков и внучек, правнуков и правнучек и сказать им с гордо поднятой головой: «Милые мои, я прожил беспримерно долгую жизнь, с меня уже хватит, вручаю вам эстафету рода нашего, несите её дальше с честью и достоинством!»

Владимир Калиметович Тлостанов

Не так просто написать что-нибудь об этом неординарном человеке, который всю свою сознательную жизнь самозабвенно трудился на благо народов Кабардино-Балкарии. Мне же трудно вдвойне. Потому, во-первых, что мы с ним очень близкие родственники: он внучатый племянник моей матери, урождённой Тлостановой Барины Мухаметовны, то есть мой двоюродный племянник, и малейший перегиб в смысле его восхваления может вызвать протест со стороны людей, недостаточно знавших его человеческие качества, достоинства и недостатки. И, во-вторых, потому, что его преждевременный, в сущности, скоропостижный уход из жизни был для меня большим личным горем, а последний день его жизни – самым тяжёлым на моём жизненном пути. С того дня прошло много лет, а я всё ещё не могу примириться с мыслью, что его уже нет в живых среди нас.

В нашем родном селении Аушигер была лишь одна семья Тлостановых. Основателем и главой её был прадед Владимира – Мухамет Шопакович Тлостанов, без всякой хвори проживший 109 лет. Дедуш-

ка Тут Мухаметович еще в 1919 году, в разгар Гражданской войны, вступил в партию большевиков и до самой смерти верно служил жизненным интересам своих земляков и совсем немного пережил своего отца. Калимет Тутович – отец Владимира – был единственным ребёнком в семье. В конце двадцатых годов он поступил в Горский сельскохозяйственный институт во Владикавказе и, успешно окончив его, до конца жизни работал в родной Кабардино-Балкарии, пройдя нелёгкий путь от рядового зоотехника конного завода до одного из высших руководителей республики. Ещё будучи студентом прославленного вуза, готовившего специалистов сельского хозяйства для всего Северного Кавказа, он женился на красивой, с длинными на редкость косами, Дахауже Казиевне Бербековой. И вот 2 мая 1931 года у них в доме звонко заголосил их первенец. Счастливый дедушка Тут Мухаметович, не долго думая, назвал его именем Ленина – Владимиром. Мне не было тогда и семи лет, но хорошо помню и хлопоты, и тревогу, и радость, которые последовательно были пережиты в тот день моей мамой.

Вова был относительно спокойным ребёнком и от других сельских ребятишек его отличала, быть может, лишь любознательность, которую он пронёс через всю свою жизнь. Со временем сельская жизнь семьи сменилась на городскую, и он стал учиться в средней школе № 2 города Нальчика. Уже в девятом классе его избрали секретарём комитета комсомола, а чуть позже – членом Нальчикского горкома ВЛКСМ, первым секретарём которого в то время работал автор этих строк. Мы встречались с ним очень часто – то в горкоме, то у них дома, сдружился основательно, незаметно я стал его наставником. Вскоре меня перевели на работу в ЦК ВЛКСМ. После окончания школы Володя приехал в столицу и, как мне показалось, без особого энтузиазма, скорее всего по воле отца, поступил в Московский горный институт. Проучившись там всего три месяца, он пришёл ко мне и объявил:

– Не тот избран для меня путь. Не для меня это горное дело. Я решил уйти из института.

Скажу откровенно, меня удивило и расстроило это заявление, и я несколько минут сидел молча, мысленно переносясь в Нальчик и обратно, обдумывая, что сказать и что делать.

– Как ты смотришь? – спросил он, нарушив затянувшееся молчание.

– Володя! Шаг, который ты решил сделать, более чем серьёзный. Ты хоть с папой советовался по этому поводу? – ответил я вопросом на его вопрос.

– Нет. Мне не хочется, чтобы он узнал об этом сейчас. Вряд ли папа одобрит моё решение. Думаю, лучше поставить его перед совершившимся фактом. Сообщу, когда всё улажу. Тогда ему легче будет перенести удар судьбы, – последние слова он произнёс с улыбкой, от чего и мне стало немного легче.

– А как быть дальше, домой уедешь? – спросил я.

– Нет, не уеду. Оставляю институт и сразу же начну работать воспитателем в общежитии молодых строителей. Буду жить там же и до лета готовиться к поступлению на философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Философия – вот моё призвание, – ответил он мне коротко и ясно.

Мне надо было высказаться совершенно определённо. Подумав ещё две-три минуты, я сказал Владимиру:

– Пусть будет по-твоему. Коль горное дело немило твоему сердцу, а философия, действительно, по душе, то действуй смело, не теряя времени, – сделав короткую паузу, я в шутку добавил: – Если философия увлечёт тебя настолько, что ты и на юных красавиц не станешь смотреть равнодушно, то и я поступлю попозже на тот же факультет, но только учиться буду заочно. – Отмечу мимоходом, что слова последние я не бросил на ветер.

Владимир взялся за дело. Он по всем правилам ушёл из института и устроился на работу. Несколько месяцев трудился с огоньком, заинтересованно. Летом сдал вступительные экзамены, и его приняли в университет. Учился прилежно и успешно, стал активным общественником. Уже на втором курсе его избрали членом бюро комсомольской организации факультета. Помню, в составе пропагандистской группы МГУ он дважды выезжал в Казахстан, где по призыву партии и комсомола тысячи молодых людей со всей страны осваивали тогда целинные земли. Его приняли в партию. После успешного окончания философского факультета одного из лучших университетов мира Владимир Тлостанов вернулся в родную республику. Вернулся зрелым человеком, готовым к работе с людьми, жить для людей, как жил и работал родной отец.

Дальнейшая жизнь Владимира Калиметовича Тлостанова хорошо известна многим жителям Кабардино-Балкарии. Если в случае с уходом из Московского горного института выбор сделал он сам, то, вернувшись из столицы, он уже не стал делать выбор жизненного пути, за него это делали партийная организация республики, её руководящие органы. Он шёл туда, куда направляли, и везде трудился с достойной подражания добросовестностью. Инструктор обкома партии, второй секретарь Прималкинского райкома КПСС, первый секретарь Терского райкома, парторг ЦК КПСС на Тырныаузском горно-металлургическом комбинате, слушатель Академии общественных наук при ЦК КПСС, заведующий кафедрой КБГУ, директор Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института и, наконец, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета – таков послужной список В. К. Тлостанова после окончания им МГУ имени М. В. Ломоносова.

Я не берусь широко, развёрнуто описывать деятельность Владимира Тлостанова в перечисленных выше местах, организациях, учреждениях и учебных заведениях. Об этом сподручней и легче писать и говорить его коллегам, сослуживцам, многочисленным друзьям и товарищам. Но мне и нелегко начисто обойти эти этапы его жизни. Поэтому скажу лишь совсем коротко и только о некоторых из них. Очень ярко проявились его большие организаторские способности, чуткость к людям, их нуждам в городе Тырныаузе, где его искренне полюбил многотысячный коллектив тружеников флага на нашей индустрии – вольфрамово-молибденового комбината. До сих пор я встречаю его друзей из Тырныауза, которые с любовью и болью вспоминают своего партийного руководителя.

Не будет преувеличением сказать, что В. К. Тлостанов много сделал для Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Если даже оставить без комментариев то, что он сделал для коренного улучшения научно-исследовательской работы учёных и всех сотрудников и взять в расчёт лишь созданные для них материально-технические условия, построенное при нём здание института, то уже одно это, мне кажется, делает ему честь.

А его кипучая деятельность в нашем университете в течение двадцати с лишним лет в трудной и скользкой должности ректора – какова она?! Не честь и не измерить всего того, нового и необходи-

мого, что он внёс в жизнь университета, который занял за это время достойное место в ряду лучших вузов страны. И в институте, и в университете он убедительно показал, что был крупным учёным и выдающимся организатором научно-исследовательской и учебно-воспитательной работы, настоящим гуманистом. Я не встречал ни одного человека из огромного коллектива университета, включая и студентов, который сказал бы, что ректор Тлостанов на ком-нибудь сорвал свои нервы, кого-то обидел или оскорбил, кому-то не помог в беде и т. п. И это, и многое другое тоже делают ему честь. Однако... Однако жизнь наша устроена так, что редко кому из заслуживающих людей воздают должное при их жизни, а иным не воздают и после ухода из неё. В данном случае в какой-то мере утешает одно: Владимира Калиметовича провожали в последний путь тысячи жителей Кабардино-Балкарии, её руководители, гости из Москвы и других городов страны. Похороны его оставили у многих из них неизгладимое впечатление. Весть о его смерти острой болью отозвалась и в сердцах тысяч наших зарубежных соотечественников, которые хорошо знали его, для которых он сделал немало. Кто знает, возможно, придёт время, когда именем В. К. Тлостанова назовут что-нибудь весомое и заметное, связанное с его жизнью и многогранной деятельностью, короче говоря, увековечат его память.

В. К. Тлостанов отличался ясностью мысли, умением доступно говорить о сложных явлениях жизни, важнейших проблемах науки. Как-то раз я уговорил его выступить впервые и экспромтом на заседании Центрального совета общества «Родина» в Москве в присутствии многих известных ученых и общественных деятелей Советского Союза. И что же? Он заморозил высокую аудиторию. После заседания только о нём и шёл разговор удивлённых участников этого форума.

В заключение мне хотелось бы бегло остановиться на некоторых особенностях и чертах характера, устойчивых привычках и неизменных правилах поведения В. К. Тлостанова в жизни. Он ценил дружбу и всегда был верен ей. Никогда не забуду, как трогательно дружил он в юности с чудесным парнем из горкома комсомола Борисом Мирзоевым и как горько пережил его смерть от тяжёлой болезни. Я восхищался его дружбой с замечательным строителем и скромным человеком – ныне здравствующим Магомедом Гиляе-

вичем Мокаевым. В. К. Тлостанов был впечатлительным человеком, но, будучи умным руководителем, сдерживал свои эмоции. Он обладал удивительно тонким, мягким юмором, который нередко выручал его в трудных разговорах, разряжая обстановку.

В. К. Тлостанов был наделён редкой работоспособностью. На любом посту, доверенном ему партийной организацией республики, он трудился с увлечением, не следя за ходом времени. Рабочий день его, как правило, длился четырнадцать-пятнадцать часов. Словом, он работал на износ, забывая, что у всего живого и неживого есть заданный природой запас прочности. К сожалению, он чрезмерно щедро расходовал свой запас прочности и, исчерпав его, слишком рано предал себя скоропостижной смерти.

Я знал и знаю многих хороших людей, хотя приходилось встречаться, к счастью значительно реже, и с такими, которые любили и любят только себя, власть и карьеру. Абсолютному большинству людей присуще естественное свойство большой любви к родителям. Но не так часто мне приходилось видеть человека, который так внимательно и чутко относился бы к своим родителям, так трогательно и нежно любил бы своих маму и папу, как относился и как любил их Владимир Тлостанов. К сожалению, об этом серьёзно не подумали те из родных и друзей, которые окружали ректора КБГУ с момента острого нарушения у него мозгового кровообращения до полной потери сознания и последнего биения его доброго сердца.

Не было, нет и не будет людей без того или иного недостатка. Важно, принципиально важно, чтобы он не перерастал в порок, с которым надо вести открытую борьбу. В. К. Тлостанов был лишён пороков, это общеизвестно. Что же касается недостатков и слабостей его, то о них теперь уже нет смысла и говорить.

Владимир Калиметович Тлостанов похоронен в родном Аушигере, на кладбище, значительно возвышающемся над селом. Я, мои братья и дети ежегодно не менее четырёх раз бываем на кладбище, где нашли вечный приют и он, и его родители, и все наши родные и близкие, ушедшие из жизни. Мы следим за состоянием их могил, приводим их в порядок, выстояв над каждой из них вахту минутного молчания. Так будет, пока мы живы.

Барасби Гумарович Тхамоков

Человек интересной судьбы, яркого жизненного пути и безукоризненной честности, Барасби Тхамоков родился в семье крестьянина-колхозника в селении Чегем I Кабардино-Балкарской АССР 25 мая 1940 года. Учась в средней школе родного села, несколько лет возглавлял её пионерскую дружину, которая в свободное от занятий время из года в год выращивала на пришкольном участке высокие урожаи овощей.

В 1956 году вожак дружины стал участником знаменитой в тот период Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ) в Москве и был награждён её медалью. Отмечу здесь мимоходом, что миллионы работников колхозов и совхозов СССР стремились к участию в этой выставке, считали за высокую честь быть удостоенными её награды. В 1955 году пятнадцатилетнего Барасби постигло страшное горе: умерла его мать. Он сумел пережить этот жестокий удар судьбы и продолжить успешную учёбу в школе. Крестьянский сын любил землю и работу на ней. Отнюдь не случайно он во время летних каникул 1957 года оказался среди тех юношей и девушек страны, которые самоотверженным трудом осваивали целинные земли в Вишневском районе Акмолинской области Казахстана. Помню я, как жизнерадостно звучала в тот период весёлая песня со словами:

Едем мы, друзья, в дальние края,
Будем новосёлами и ты, и я.

После окончания средней школы Барасби поступил в Кабардино-Балкарский государственный университет и в 1965 году успешно окончил его, получив специальность учителя русского языка и литературы. Вместе с дипломом педагога ему вручили направление на работу в город Пермь. Молодой педагог поехал туда, но не стал работать школьным учителем, сердце звало и тянуло его к журналистской, творческой деятельности. Он уговорил руководителей Пермского облоно (областной отдел народного образования) и устремился на работу в редакцию октябрьской районной газеты

«Вперёд», где трудился сначала литературным сотрудником, а затем заведующим отделом, ответственным секретарём, заместителем редактора.

Мечтая продолжить образование в аспирантуре, Барасби переехал из Перми в Свердловскую область и некоторое время работал литературным сотрудником и заведующим отделом каменск-уральской газеты. Поступить в аспирантуру Уральского университета ему не удалось, и он вернулся на родину. Прождав три месяца появления вакантного места в газетах Кабардино-Балкарии и не дождавшись его, Барасби вынужден был устроиться на работу в Управление государственного страхования республики. Здесь он трудился с присущей ему добросовестностью шесть лет, получил квартиру, был награждён медалью «За трудовую доблесть». Кадровик Госстраха часто выступал в газетах республики с очерками, рассказами и стихами – и для детей, и для взрослых.

Почти четверть века, с марта 1974-го по октябрь 1998 года, Барасби Гумарович работал на Кабардино-Балкарском телевидении редактором, старшим редактором и главным редактором. Мы близко познакомились с ним в поездке на Дни литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Липецкой области России и Винницкой области Украины, которые, как и в ряде других районов СССР, торжественно, в обстановке братской дружбы народов прошли в семидесятых годах прошлого столетия.

В высокой порядочности Барасби Гумаровича, его человеколюбии и принципиальности я убедился в 1994 году, когда Верховный суд Кабардино-Балкарии рассматривал уголовное дело одного молодого наркомана и хулигана, зверски убившего моего, ни в чём абсолютно неповинного тридцатилетнего племянника, инженера-строителя Александра Жираслановича Эфендиева. Барасби Гумарович участвовал в этом тяжёлом судебном процессе в качестве народного заседателя. С глубокой признательностью хочу отметить здесь, что этим трудным делом он занимается на общественных началах более двадцати лет. Не счесть, сколько переживаний связано с этим занятием. Надо, конечно, быть мужественным человеком, чтобы выдержать их. Таковым был и сейчас остаётся Барасби Тхамоков.

В течение многих лет журналистской работы Барасби постоянно думал о месте и роли религии в жизни общества. И в итоге в 2000 году отправился в Мекку и Медину на хадж, после чего, как он говорит, «стал жить в другом мире (без спиртных напитков, шумных встреч, с твёрдой установкой не совершать грехов, быть добрым к людям...)

Меня и многих работников культуры республики приятно удивляет и радует творческая текущей плодотворность Барасби. Несмотря на большую занятость текущей хлопотной работой, он написал и издал четыре книги: «Цветы» («Удз гъэгъэхэр»), «Счастье не раздаётся руками» («Насыпыр IэкIэ ямыгуэщц»), «Спокойное слово» («Псальэ Iэсэ»), «Избранное» («Тхыгъэхэр»). В 1974 году его приняли в Союз журналистов, а в 1990 году – в Союз писателей СССР. В том же году ему присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики».

«Добрые люди не стареют», – слышал я не раз от отца, будучи ещё мальчишкой. Тезису этому являются подтверждением жизнь, душевный настрой и внешний облик Барасби Гумаровича Тхамокова. Ему уже 69 лет, а выглядит он мужчиной в возрасте не старше пятидесяти лет. Это прекрасно, и да продлится такое состояние до конца ещё «зелёного» XXI столетия нашей эры!

Совсем недавно мне повезло познакомиться совершенно неожиданно с очаровательной дочерью Барасби Гумаровича – Аминой Тхамоковой, работающей на государственном телевидении КБР.

Пришла она ко мне домой с молодым репортёром Магомедом и объявила:

– Мы хотим сделать небольшую передачу о вас под рубрикой «Может быть...», разумеется, если вы не возражаете.

Отказать – означало прогнать молодых тележурналистов из своей скромной квартиры, чего я не мог сделать. Беседа наша состоялась. Состоялась и передача. Многим моим товарищам она понравилась. После неё в течение нескольких дней меня останавливали на улице незнакомые мужчины и женщины и высказывали комплименты.

– Это заслуга Амины Тхамоковой, умной и очень оригинальной тележурналистки, – отвечал я им неизменно. Скажу откровенно: я очень рад, что Амина уверенно шагает по стезе своего мудрого отца и желаю ей больших творческих успехов!

Мухамед Хажретович Хачетлов

М. Х. Хачетлов родился 13 октября 1911 года в старинном кабардинском селении Хатуей в крестьянской семье. Начав в шестнадцатилетнем возрасте трудовую деятельность колхозником колхоза «Шекер», он прошёл большой и славный путь борца за развитие сельского хозяйства Кабардино-Балкарии, неустанно углублявшего свои знания в области земледелия и животноводства.

Его послужной список выглядит так: рядовой труженик (1927–1929) и заведующий учётом труда колхоза (1930–1931); учащийся зоотехникума города Орджоникидзе (1931–1933); секретарь комсомольской организации колхоза (с мая 1933-го по октябрь 1934 года); служба в Красной армии (курсант и командир отделения 68-го кавалерийского полка в 1934–1936 годах, старшина 1-го эскадрона 126-го кавалерийского полка 4-го кавалерийского корпуса СКВО, участник военного парада на Красной площади в Москве 1 мая 1937 года в составе этого полка и правительственного приёма в Кремле 2 мая того же года); заместитель уполномоченного наркома заготовок в селении Старый Черек Урванского района (январь – август 1938 года); уполномоченный народного комиссара заготовок в селении Старый Лескен того же района КБАССР (август 1938-го – март 1939 года); помощник прокурора Лескенского района (1939–1941); народный судья народного суда того же района (февраль 1941-го – январь 1942 года); секретарь по кадрам Лескенского райкома ВКП(б); второй секретарь того же райкома (январь – сентябрь 1943 года); заведующий земельным отделом Урванского района (октябрь 1943-го – март 1945 года); заведующий сельхозотделом Лескенского района (апрель 1945-го – апрель 1947 года); первый секретарь Урожайненского райкома КПСС (ноябрь 1956-го – ноябрь 1959 года); первый секретарь Терского райкома КПСС (ноябрь 1959-го – март 1962 года); начальник Урванского производственного колхозно-совхозного управления (апрель 1962-го – декабрь 1964 года); министр сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР (декабрь 1964-го – май 1975 года).

Одно перечисление должностей и постов, которые занимал Мухамед Хажретович Хачетлов до ухода на пенсию в мае 1975 года,

может вызвать восхищение объективного читателя. Менял же он своё служебное положение так часто не в поиске доходного места для себя и своей семьи. Нет! Дело в том, что он был всегда энергичен, инициативен, был новатором, способным обеспечить прорыв на тех участках народного хозяйства республики, где требовалось решительное наступление вперёд. Никто не может отрицать, что в бытность его министром сельского хозяйства республики Кабардино-Балкария достигла в этой отрасли высот, о которых мечтали многие регионы СССР.

Мухамед Хажретович работал самоотверженно и учился неустанно. В 1968 году он защитил диссертацию на учёную степень кандидата сельскохозяйственных наук. В разные годы им было опубликовано около семидесяти статей и научных работ. С августа 1975-го до декабря 1987 года с небольшими перерывами он работал заведующим, а затем старшим научным работником сектора экономики Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Кстати напомнить, что он первым поставил перед областным комитетом КПСС вопрос о необходимости добиться открытия сельскохозяйственного вуза в нашей республике. Этот вопрос, как известно, был решён. Учитывая это и многочисленные встречи М. Х. Хачетлова с сотрудниками и студентами вуза, учёный совет КБГСХА учредил стипендию его имени, которая выплачивается ежегодно студенту-отличнику агрономического факультета академии.

М. Х. Хачетлов активно участвовал в общественной жизни республики. Он был депутатом Верховного Совета СССР, четырежды избирался депутатом Верховного Совета КБАССР, являлся членом совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. За заслуги перед Родиной он был награждён орденами Октябрьской революции, Отечественной войны второй степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями и почётными грамотами. В 1973 году ему было присвоено почётное звание «Заслуженный кукурузовод Кабардино-Балкарской АССР».

Более 60 лет Мухамед Хажретович прожил счастливой жизнью со своей супругой Намицей Пшимаховной (из рода Битуевых). Их сын Руслан, родившийся 18 мая 1940 года, и дочь Лёля никогда, ни в чём не подводили своих родителей, выросли достойными их. Руслан пошёл по стопам отца. В 1962 году он окончил КБГУ по специ-

альности «Учёный агроном», а в 1967 году – аспирантуру на кафедре земледелия МГУ имени М. В. Ломоносова с защитой диссертации на соискание учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук. В 1990 году ему присвоено почётное звание «Заслуженный агроном КБАССР», в 1995 году – учёное звание профессора. В 1998 году избран академиком Международной академии аграрного образования, а в 2003 году – членом-корреспондентом Международной адыгской академии наук. Им написано и опубликовано более 100 научно-методических работ, в том числе 8 монографий и 3 учебных пособия с грифом учебно-методического отдела Министерства сельского хозяйства РФ. Он награждён медалью «Ветеран труда» и серебряной медалью ВВЦ. Супруга Руслана – Людмила (какое чудное сочетание двух имён!) – из рода Афауновых, работает заместителем директора медицинского колледжа КБГУ по учебной работе, пользуясь уважением большого коллектива преподавателей и студентов.

Дочь Мухамеда Хажретовича и Намицы Пшемаховны – Лёля, успешно окончившая в 1966 году инженерно-технический факультет КБГУ, была оставлена ассистентом кафедры машиностроения. С 1981 года она работала ассистентом, а затем старшим преподавателем кафедры «Эксплуатация и ремонт машин». Лёля Мухмедовна Кештова, которую считали в коллективе человеком удивительной доброты и сердечности, после тяжёлой болезни умерла в начале ноября 1998 года. Смерть её явилась страшным ударом для пожилых родителей и приблизила конец их жизненного пути. Мухамед Хажретович ушёл из жизни 12 января 2002 года, Намица Пшемаховна последовала за ним 10 марта 2004 года. Похоронены они в селении Старый Урух Урванского района КБР. Ушли из жизни, оставив добрую память о себе. И пусть она, эта память, будет вечной!

Алексей Озермесович Шомахов

А. О. Шомахов родился 27 июля 1936 года в селении Нижний Акбаш Терского района КБАО в семье крестьянина-колхозника. Окончив среднюю школу, в 1953 году поступил на санитарно-гигиенический факультет Ростовского государственного медицинского инсти-

туда. После его окончания он был направлен в родную республику для работы в сфере охраны здоровья населяющих её народов.

Начав свою трудовую деятельность в 1959 году в должности заведующего санитарно-бактериологической лабораторией Прималкинской районной больницы, он в течение девяти лет работал последовательно заместителем главного врача Чегемской объединённой районной больницы, заведующим паразитологическим отделением республиканской санэпидемстанции.

В 1964 году Алексей Озермесович поступил в заочную аспирантуру при кафедре микробиологии того же Ростовского мединститута. Он работал и учился с присущим ему упорством и в итоге, успешно защитив диссертацию, в 1971 году стал кандидатом медицинских наук.

Свои способности в познании медицинских наук и организации учебного процесса, воспитании молодёжи, скромность, общительность, требовательность к подчинённым и к себе он убедительно показал в период многолетней работы в Кабардино-Балкарском государственном университете имени Х. М. Бербекова, где он был ассистентом, а затем доцентом кафедры микробиологии. С 1973-го по 1996 год Алексей Озермесович бесценно руководил медицинским факультетом университета. С 1996-го до последних дней своей жизни он возглавлял кафедру общественного здоровья и здравоохранения. Руководство КБГУ справедливо считает, что Алексей Озермесович фактически выстроил систему медицинского образования в республике в тесном контакте и взаимодействии с органами здравоохранения республики.

А. О. Шомахов свою основную работу учёного и педагога сочетал с активной общественной деятельностью. Он неоднократно избирался членом и секретарём партийного бюро факультета, депутатом Ленинского районного совета депутатов трудящихся.

Неоценимо весомый вклад внёс А. О. Шомахов в научную и просветительскую деятельность, посвящённую изучению заболеваемости населения Кабардино-Балкарии туберкулёзом, ставшей серьёзной проблемой на современном этапе нашей жизни. Его статьи, методические разработки, лекции для врачей и беседы с ними в немалой степени способствовали профилактике этого страшного недуга.

Самоотверженный труд А. О. Шомахова на благо народов республики и их гордости – нашего университета отмечены медалью «За трудовое отличие», нагрудным знаком «За отличные успехи в работе», почётным званием «Народный врач КБР». Его имя внесено в энциклопедию «Лучшие люди России». Он избран членом Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности.

Никогда не забуду, каким внимательным и заботливым был Алексей Озермесович по отношению к девушкам и юношам – посланцам нашей диаспоры, обучавшимся на медицинском факультете КБГУ. Кстати отметить, что многие из них стали настоящими врачами и пользуются высоким авторитетом среди населения Иордании, Сирии и Турции.

А. О. Шомахов был прекрасным семьянином, активно борющимся за сохранение и улучшение здоровья супруги Зои, любившим свою сноху Елену, сына Игоря, внучку Асият и внука Астемира. В этом я убедился, много лет живя в одном подъезде с ними в многоэтажном доме № 9 на проспекте имени В. И. Ленина в городе Нальчике.

Замечательный сын кабардинского народа Алексей Озермесович Шомахов скончался 16 октября 2007 года, прожив 71 год. В день его похорон через наш двор, склонив свои головы, прошли тысячи людей, в сердцах которых он оставил светлую память.

Мухамед Мусабиевич Хафицэ

Человек, о котором пойдёт речь в этом небольшом очерке, родился 30 марта 1946 года в селении Заюково Баксанского района Кабардинской АССР в семье глубоко уважаемого земляками известного знатока адыгского фольклора Мусаби Давеевича Хафицэ, прошедшего большую школу комсомольской, советской и хозяйственной работы.

Ещё в школьные годы Мухамед страстно полюбил книгу и показал, что в нём, любознательном мальчике, загорелась искорка надежды на широкое пламя творческого горения в будущем.

Окончив среднюю школу в родном селении, он в 1965 году поступил на историко-филологический факультет Кабардино-Балкар-

ского государственного университета. Ему, ещё студенту третьего курса, руководство КБГУ оказало большое доверие, назначив редактором газеты «Университетская жизнь». Успешно окончив университет, Мухамед продолжал редактировать эту газету до 5 мая 1972 года. С этого дня до 7 мая 1973 года он служил в Советской армии командиром взвода воинской части 40331, которая дислоцировалась в городе Зернограде Ростовской области.

Вернувшись после годичной службы в Вооруженных силах СССР, Мухамед Мусабиевич с ходу приступил к профессиональной деятельности журналиста в республиканской газете «Советская молодёжь», где работал более пяти лет – сначала ответственным секретарём, а затем – заместителем редактора. С ноября 1978-го по июль 1982 года был редактором издательства «Эльбрус», с августа того года до сентября 1991 года работал в журнале «Точка зрения» («Блокнот агитатора») ответственным секретарём и главным редактором. С октября 1991-го по сентябрь 1997 года был директором Республиканского газетно-журнального издательства. С октября 1997 года по настоящее время М. М. Хафицэ является главным редактором республиканской газеты «Адыгэ псалъэ», считающейся ныне одним из лучших национальных изданий на Северном Кавказе.

М. М. Хафицэ – автор многих книг по проблемам истории и культуры, изданных в разные годы: «Моя надежда – моя ладья» (1981), «Звёзды на небе и на земле» (1984), «Вся жизнь на виду» (1988), «Адыгские мамлюки» (1994), «Разбросаны адыги по белому свету» (2000), «Черкесы в Израиле» (2000), «Наследие» (2004) и другие. Он является составителем сборников: «Юрий Темирканов», «Синие горы Кавказа», «День Победы», «Одна судьба – одна дорога», «Человечество уцелело, потому что смеялось», «Кавказские повести», «Точка отсчёта» и «Всадник чести», которые получили широкое общественное признание.

Мухамед Хафицэ – член Союза писателей и Союза журналистов Российской Федерации. Заслуги его в области журналистики и литературы получили достойную оценку – ему присвоены почётные звания: «Заслуженный журналист Кабардино-Балкарской АССР» (1977), «Заслуженный журналист Республики Адыгея» (1999) и «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» (2006). Он

является лауреатом премий Союза журналистов КБР (1994, 2002), Министерства печати КБР (1997) и Правительства Кабардино-Балкарской Республики (2000).

Свою многогранную творческую работу Мухамед Мусабиевич сочетает с активной общественно-политической деятельностью. Он был депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР (1990–1993), председателем Комиссии по Кандуровским международным премиям (1992–2002), как народный дипломат в 1988 и 1990 годах в составе делегации Комитета защиты мира посетил Соединённые Штаты Америки, Японию, Китайскую Народную Республику. С 1996 года является директором-организатором института «Адыгская энциклопедия» при Адыгской международной академии наук. С 2000 года он член Исполкома Международной Черкесской Ассоциации, с 1995 года – Международного кавказоведческого общества. С 1999 года – председатель комиссии очень интересного республиканского конкурса «Мой язык, моя душа, мой мир».

В 2000 году Мухамед Мусабиевич избран тамадой кабардинской общественной организации «Адыгэ Хасэ» КБР. Как руководитель этой организации, он прилагает немало усилий для сохранения мира и стабильности в родной республике и Южном федеральном округе России. М. М. Хафицэ – экстраординарная личность, в его лице мы имеем человека, с которым приятно работать, гуманиста с большой буквы. В неофициальной обстановке я зову его «Бегьым-бар» (пророк).

Трудно назвать человека, который сделал бы для зарубежных соотечественников столько, сколько удалось сделать для них Мухамеду Мусабиевичу. Он и сейчас занят их проблемами. Крепкой опорой в неутомимой, напряжённой работе главного редактора газеты «Адыгэ псалъэ» («Адыгское слово») и тамады «Адыгэ Хасэ» является его хозяйка – спутница жизни Роза Абисимовна, наделённая Аллахом лучшими чертами горянки. Периодически (как правило, раз в год) к ним приезжают на месяц очаровательная дочка Дана и внучка Сана, живущие в Иордании. Время их пребывания в Нальчике – радостный праздник для всей семьи.

Здоровья, счастья и долголетия этой замечательной семье!

Аубекир Джунусович Чофанов

Аубекир Чофанов родился 20 декабря 1938 года в селении Верхняя Балкария Черекского района КБАССР. Отец его и мать Налдус ушли из жизни ещё до рокового события – выселения балкарского народа в Казахстан и Киргизию в начале марта 1944 года. Пятнадцатилетний Аубекир, его старший брат Ахмадия, сёстры – четырнадцатилетняя Бадихан, двенадцатилетняя Лейла и семилетняя Шамка, оставшиеся на попечении любимой ими тётушки по отцу Баблины были вместе с ней доставлены в холодных, скрипучих теплушках в Акмолинскую область Казахской ССР, где, как назло, свирепствовали ветры и мороз. Баблина решила вывести оттуда племянников и племянниц в более умеренное по климату место, и после долгих скитаний они остановились в Кантском районе Фрунзенской области Киргизской ССР. Здесь и выросли Аубекир, его брат и сёстры среди земледельцев-колхозников, которые выращивали самые высокие в Советском Союзе урожаи сахарной свёклы. Здесь они научились работать вместе с ними в поле, здесь они успешно закончили среднюю школу. Баблина вырастила, воспитала и здоровыми привезла своих племянников и племянниц на родную землю в 1958 году. Нетрудно понять, что она проявила подлинный героизм в тот драматический для балкарского народа период.

Вернувшись на родину уже взрослым парнем, Аубекир стал усиленно готовиться к поступлению в высшее учебное заведение. Цели своей он добился, поступив в 1959 году в наш университет. В 1964 году он успешно окончил отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета КБГУ и полтора года работал инструктором областного комитета ВЛКСМ. В марте 1966 года его направили в город Тырныауз, где он был избран первым секретарём горкома комсомола и зарекомендовал себя умелым вожаком молодёжи, инициативным и перспективным руководителем. Отнюдь не случайно Аубекир Джунусович весной 1969 года был выдвинут на пост председателя исполкома Тырныаузского городского Совета депутатов трудящихся. Не будет преувеличением, если я скажу, что за четырнадцать лет работы на этом посту он много сделал для раз-

вития города горняков – главного поставщика вольфрама и молибдена Союзу ССР, для улучшения условий жизни горожан.

В 1983 году Аубекира Джунусовича отозвали из Баксанского ущелья в Нальчик и утвердили заведующим отделом культуры обкома КПСС. Десять лет возглавлял он этот отдел. Нелёгким было то время для всей страны, особенно после прихода к власти М. С. Горбачёва. «Новое мышление» и перестройка этого, далеко не дальновидного деятеля уже раскачивали во все стороны нашу огромную многонациональную державу. Серьёзных и скромных людей, настоящих патриотов всё более и более охватывали уныние и тревога за судьбу Отечества, а карьеристы пробирались к власти, припрятав или выбросив куда попало свои партийные билеты. В 1991 году, как известно, по указу президента Российской Федерации, великого «трезвенника» Б. Н. Ельцина деятельность КПСС на территории России была прекращена и её организационные структуры были распущены. Перестал существовать, разумеется, и Кабардино-Балкарский обком КПСС. Что оставалось делать Аубекиру Чофанову? Он вручил ключ от своего рабочего кабинета пришедшей за ним девушке из правительства и последним из работников обкома партии покинул Дом Советов. Просидев дома несколько месяцев в подавленном настроении, Аубекир взялся за дело и до ухода на пенсию в 2000 году работал заместителем начальника Управления налоговой службы России по КБР.

Аубекир Джунусович всегда пользовался уважением окружающих его людей и партийного актива республики. Он был депутатом Верховного Совета КБАССР десятого и одиннадцатого созывов. Его добросовестный труд отмечен орденом Трудового Красного Знамени, медалями и почётными грамотами. Личное счастье он нашёл не рано. Лишь в январе 1970 года, будучи уже председателем Тырнаузского горисполкома, он навсегда остановил свои очи на красивой медичке Анне Хасановне Теммоевой, работавшей старшей медицинской сестрой стоматологической поликлиники. Кстати сказать, она и сейчас продолжает работать в такой же роли в стоматологической поликлинике № 2 города Нальчика.

У Аубекира и Анны два сына и дочь. Старший сын Алий окончил нашу Сельскохозяйственную академию и работает в системе туризма в Приэльбрусье. Дочка Амина, отличающаяся ласковым, внима-

тельным отношением к людям, окончила факультет иностранных языков КБГУ имени Х. М. Бербекова и работает сейчас в администрации города Нальчика. Младший сын Алим окончил Академию налоговой полиции в Москве, по специальности он юрист, имеет звание капитана. В настоящее время он работает в Управлении Федеральной службы наркоконтроля РФ по Кабардино-Балкарской Республике. У Амины и её избранника Ульбашева Мурата двое детей – дочурка Алина и сынишка Ислам, обожаемые всеми членами дружной семьи, часто собирающимися в скромной квартире Анны и Аубекира Чофановых.

Пусть же многие десятилетия царят в этой семье большая любовь и радость!

Мухамед Хуатович Шериев

Мухамед Шериев родился 5 декабря 1925 года в старинном кабардинском селении Кармово (ныне Каменномоетское) в крестьянской семье. Здесь он успешно закончил среднюю школу. Парнишка с крутых берегов верховья реки Малки поступил на физико-математический факультет Кабардино-Балкарского государственного педагогического института, но задержался здесь только на один год. Потянула душа его на море, и он перевёлся в Одесский институт инженеров морского флота, окончил его второй курс. Однако искал нечто большее в том же направлении и нашёл его: в августе 1945 года поступил в Ленинградское высшее морское училище имени адмирала С. О. Макарова, русского флотоводца, учёного-океанографа и путешественника. В Ленинграде он познакомился с девушкой из Нальчика, студенткой кабардинской студии Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова Ириной Хасановной Касумовой, которая стала его женой, а впоследствии – знаменитой певицей, заслуженной артисткой РСФСР и народной артисткой Дагестанской АССР.

После успешного окончания Высшего морского училища Мухамед несколько месяцев служил на Северном флоте стажёром-дублёром командира БЧ-1, базировавшейся в Мурманске. Затем в течение двух с лишним лет – с апреля 1951-го по август 1953 года – он

работал, можно сказать, на краю света – в бухте Тикси в Якутии начальником грузового участка морского порта Главсевморпути при Совете министров СССР. Легко ли находиться южанину в Заполярье несколько лет безвыездно? Мухамед мужественно перенёс все трудности жизни и работы в условиях вечной мерзлоты и, честно исполнив свой долг, осенью 1953 года вернулся на родину. Здесь, в Нальчике, в течение двух лет он трудился сначала старшим инженером и главным механиком Министерства местной и топливной промышленности Кабардинской АССР, а затем главным механиком межобластного строительного-монтажного управления «Льнопенькострой».

Работа в этих ведомствах, видимо, чем-то не устраивала его. Думаю, он искал дело по душе. Вполне возможно, что стремление передать свои знания и опыт молодёжи привело его в начале сентября 1955 года в Нальчикский политехнический техникум. Будучи старшим преподавателем и председателем цикловой комиссии, он проявил здесь себя человеком неукротимой энергии, педагогом по призванию и воспитателем, с которого брали пример коллеги по работе, стал кумиром студентов техникума. Его активная деятельность не осталась незамеченной: весной 1957 года он был принят кандидатом в члены КПСС, а через год – в члены партии. В мае 1958 года Нальчикский горком КПСС утвердил его директором политехнического техникума. В этой роли он зарекомендовал себя умелым организатором учебного процесса и воспитательной работы, хорошим администратором и хозяйственником. Ему удалось решить ряд проблем, в результате чего заметно вырос авторитет техникума. Мухамеда интересовали, волновали и общегородские проблемы, он активно участвовал в общественно-политической жизни столицы Кабардино-Балкарии. И отнюдь не случайно в августе 1961 года он был избран депутатом и председателем Нальчикского городского совета депутатов трудящихся. С присущей отроду энергией Мухамед Шериев взялся за новое и трудное дело. Около четырёх лет он работал в этой, со всех сторон заметной, неблагодарной и скользкой должности, развернув активную деятельность по строительству и благоустройству города.

В марте 1965 года неожиданно и непонятно для многих товарищей, для меня тоже, М. Х. Шериев был переведён на должность

начальника Управления капитального строительства при Совете министров Кабардино-Балкарской АССР. Возможно, что это перемещение явилось следствием проявления его характера и поведения – независимого и неподатливого. Но оно, так или иначе, было мне на руку. Очень пригодилась нам энергия, деловитость и настойчивость Мухамеда Хуатовича. Много, очень много труда вложил он, например, в строительство огромного здания рождавшегося тогда Кабардино-Балкарского музыкального театра. Мне не забыть это. Наше сотрудничество с УКСом и Мухамедом Шериевым в широкомасштабном строительстве вывело нас тогда на одно из первых мест в России по состоянию материально-технической базы культуры. Тот же Музыкальный театр был сооружён в рекордно короткий срок и вот уже около сорока лет украшает площадь 400-летия добровольного вхождения Кабарды в Россию.

Мухамед Шериев обладал подкупающе приятным лицом, на котором лишь очень редко можно было заметить безразличие и равнодушие. При общении с людьми приятная улыбка, как правило, не сходила с его лица. Это, кстати, располагало к нему и высокопоставленных работников, к которым ему часто приходилось обращаться для решения наиболее трудных вопросов, подкрепляло его «пробивную силу». Отмечу ещё, что он вовсе не был лишён тонкого юмора и не обходился без него, когда обстановка располагала к нему.

Мы с Адмиралом, как называл я Мухамеда, дружили многие годы. К великому сожалению многих его товарищей по работе, друзей в жизни, он рано скончался после продолжительной тяжёлой болезни. Случилось это 28 января 1991 года. И когда хоронили Мухамеда Хуатовича Шериева в селении Хасанья, я стоял у его могилы, низко склонив свою голову и с трудом сдерживая нахлынувшие слёзы.

Борис Хаджимурзович Акбашев

Жизнь моя сложилась так, что я побывал во всех частях света, кроме Антарктиды, несколько раз пересекал экватор, ходил по улицам и площадям столиц и других городов многих стран мира, встречался с главами государств и правительств, министрами и другими

чиновниками высокого ранга за рубежом и в нашей стране, годами работал с десятками тысяч людей, своим умом и трудом создававших духовные и материальные ценности общества. Люди эти отличались друг от друга своими судьбами, внешним обликом, манерой общения и производимым на окружающих впечатлением. Одни из них пришлось мне близко к сердцу и на всю жизнь остались в нём, другие (их большинство) сохранились в памяти моей, третьи забылись с течением десятилетий и иногда ставят меня в неловкое положение, неожиданно обнимая меня на улицах Нальчика и других городов Кабардино-Балкарии. Всё это естественно и закономерно.

Борис Хаджимурзович Акбашев, о котором будет идти речь в этой небольшой заметке, как раз относится к тем известным людям, которые, отличаясь во многом от других, остались в моём сердце навсегда. Обидно только, что пути наши пересеклись слишком поздно. Мне бесконечно жаль, что о нём придётся говорить дальше в прошедшем времени: только сейчас дошла до меня тяжёлая весть о его скоропостижной смерти, примириться с которой мне очень трудно. Что делать, если так сурова диалектика природы и жизни?

Впервые мы с Борисом Акбашевым встретились на III конгрессе Международной черкесской ассоциации, проходившем в городе Черкесске. Своими пронизательными глазами и нестильной бородой он напомнил мне с первого же взгляда одного из выдающихся государственных деятелей второй половины XX столетия – короля Иордании Хуссейна Бен Талала. На этом конгрессе, как известно, уже в третий раз президентом МЧА единогласно был избран её первый президент, выдающийся учёный-юрист Юрий Хамзатович Калмыков (напомню мимоходом, что он был избран первый раз на I конгрессе по моему предложению 20 мая 1991 года в городе Нальчике), а сам Борис Хаджимурзович Акбашев получил портфель первого вице-президента.

Признаюсь, в те дни я внимательно следил за Борисом, стараясь познать его как можно лучше, предчувствуя, что мне придётся сотрудничать с ним продолжительное время, не жалея ни сил, ни времени, во имя сохранения на вечные времена адыгских народов на этнической карте мира. Жизнь подтвердила мои догадки. На мою долю выпало немало встреч с Борисом в деловой обстановке, на заседаниях Исполкома МЧА, нередко проходивших в атмосфере ост-

рых дискуссий. И чем больше я с ним встречался, тем больше убеждался в том, что в лице Бориса Хаджимурзовича мы имеем человека, безгранично преданного адыгским народам. Вскоре мы стали друзьями, он ввёл меня в свой дом, познакомил с очаровательной супругой Фатимой и детьми. В его семье я стал своим человеком.

Чем удивил, приблизил к себе и порадовал меня Борис Акбашев? Начну с того, что он был высокообразованным человеком, который, закончив сельскую школу с медалью, в сравнительно короткий срок сумел накопить большой объём знаний, стать настоящим доктором наук и профессором, руководителем высшего учебного заведения. Право же, не так часто встречаются такие люди. Они достойны признательности народа. Что же касается самого Бориса, то жажда знаний делает ему честь.

Далее. Никогда не переставая учиться, шаг за шагом, ступень за ступенью, Борис Хаджимурзович прошёл трудный путь инженерно-технической, руководящей хозяйственной, советской и партийной работы и в своё время закономерно вошёл в руководящее ядро Карачаево-Черкесии, будучи избран заместителем председателя облисполкома. Девять лет его самоотверженной работы на этом посту не прошли даром. В те годы при его активном участии в области были созданы многочисленные социально-культурные учреждения. Их по праву можно считать неименованными памятниками Б. Х. Акбашеву. Как известно, за трудовые заслуги перед родной областью он был удостоен двух орденов «Знак Почёта» и нескольких медалей. Это тоже делает ему большую честь.

Всю свою сознательную жизнь я питаю особое уважение к людям, обладающим высокой работоспособностью и, не скупясь, реализующим её. Борис обладал такой работоспособностью и неустанно выкладывал её наружу, не имея никаких ограничительных рамок. И это на любом из многочисленных участков трудовой деятельности, которые поручались ему, как способному руководителю. Иначе конечно же он не прошёл бы столь значительный и славный трудовой путь. В этом я убедился в годы совместной работы с ним в Исполкоме Международной черкесской ассоциации. Считая меня своим единомышленником, другом и товарищем, Борис призывал меня на помощь в тех случаях, когда перед крупными мероприятиями

по линии МЧА его настигал дефицит времени. Делалось это просто. Звонил он мне в Нальчик, обычно поздно вечером, и говорил:

– Джилахстан, мне нужна твоя помощь.

Я отвечал:

– Готов, как всегда.

– Спасибо. Жди мою машину в 10 часов утра, – довольный моим ответом говорил Борис и добавлял четыре слова: – Тогда ложусь спокойно спать.

Ранним утром следующего дня мы уже садились за рабочие столы в штаб-квартире МЧА и до полуночи работали над документами предстоящего заседания совета или конгресса Международной черкесской ассоциации. Работали, пока Фатима не прогонит нас с первого на второй этаж дома, где, стеснив себя ради общеадыгского дела, жила их семья. Не могу обойти здесь молчанием неизменно поражавшую меня в этих случаях эрудированность Бориса во многих областях проявления человеческой деятельности и культуры. Думаю, что его доклады на форумах адыгов войдут в их историю яркими страницами.

Жизнь настоящего человека – это борьба за счастье других, принципиальность – божий дар его. Будучи человеком доброй души, всегда готовым поделиться с ближними, Борис Акбашев в борьбе за народное счастье уподоблялся храброму воину в рукопашном бою. Он не мог не добиться поставленной цели. Это диктовалось ему его же принципиальностью. Думаю, что это достойно высокой похвалы и глубокой признательности его искренних друзей.

Я гордился и до последних дней своих буду гордиться дружбой с Борисом Акбашевым, выдающимся сыном черкесского народа, и пронесу его светлый образ через всю свою жизнь.

Лариса Павловна Зиборова

Лариса Павловна Зиборова родилась 4 мая 1933 года в небольшом городе Дружба (до 1962 года железнодорожный узел Хутор-Михайловский) Сумской области Украины. Окончив среднюю школу, в 1952 году поступила в Московский текстильный институт имени А. Н. Косыгина. Вместе с дипломом об успешном окончании этого

известного на всю страну вуза по специальности инженера-технолога трикотажного производства ей вручили направление на работу на чулочную фабрику города Нальчика. Здесь и началась многолетняя трудовая деятельность обаятельной молодой украинки. Здесь она работала более пяти лет: сначала помощником мастера, а затем сменным и старшим мастером, инженером-конструктором. Здесь она стала членом КПСС.

При создании крупного предприятия легпрома – комбината «Дружба» Лариса Павловна была назначена начальником его отдела технического контроля. Чётко исполняя свои обязанности главного контролёра, она принимала активное участие в общественной жизни большого трудового коллектива предприятия. Отнюдь не случайно коммунисты комбината в марте 1966 года избрали её освобождённым секретарём партийного комитета. На посту вожака коммунистов «Дружбы» она проявила себя самым лучшим образом. В сентябре 1969 года Зиборову избрали заместителем председателя исполкома Нальчикского городского совета депутатов трудящихся, и в этой должности она работала до мая 1971 года с присущей ей энергией, хотя сердцем и мыслями своими оставалась с многочисленным и многонациональным коллективом комбината. Желанию её вернуться на комбинат суждено было осуществиться. В мае 1971 года Лариса Павловна была назначена директором комбината «Дружба» и в этой нелёгкой должности плодотворно трудилась восемь лет.

В марте 1979 года по предложению первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. К. Мальбахова Лариса Павловна Зиорова была утверждена министром торговли республики. Много важного и нового внесла она в эту отрасль народного хозяйства Кабардино-Балкарии, развитие материально-технической базы и организацию торговли республики. Не будем распространяться по этому поводу, отмечу лишь, что она пользовалась глубоким уважением работников торговли Кабардино-Балкарии и партийно-хозяйственного актива республики. Любовь и уважение к людям она пронесла через всю свою сознательную жизнь. В связи с ухудшением состояния здоровья в мае 1986 года Лариса Павловна ушла на пенсию и занята заботами нежной матери и бабушки.

И последнее. За свои трудовые заслуги перед страной и республикой Лариса Павловна Зиборова награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта», юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», Почётной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР. Многие лета ей!

Зубер Докшукович Кумехов

3. Д. Кумехов родился в кабардинском селении Второй Лескен 1 мая 1910 года в семье крестьянина-бедняка. Нелёгким был его жизненный путь, который сложился следующим образом: общественный пастух (1920–1924), учащийся Ленинского учебного городка (1924–1927), учащийся Нальчикского педагогического техникума (1927–1932), заведующий Урванским районным отделом народного образования (1932–1933), председатель колхоза имени Молотова Лескенского района (1933), редактор газеты политотдела Урванской машинно-тракторной станции (МТС) (1933–1935), заведующий Урванским районным отделом народного образования (второй уже раз, 1935–1936), заведующий парткабинетом Урванского райкома ВКП(б) (1936–1937), секретарь парткома Докшукинского спиртзавода (1937–1938), секретарь Лескенского райкома ВКП(б) (1938), заведующий сельхозотделом обкома партии (1938–1939), секретарь обкома партии (1939–1944), председатель Совета народных комиссаров КБАССР (1944), директор совхоза № 1 треста «Ростовэнерго» (1944–1946), председатель заводского комитета машзавода «Главпищемаш» города Ростов-на-Дону (1946–1947), заместитель министра местной промышленности Кабардинской АССР (1947), заместитель уполномоченного Министерства заготовок по Кабардинской АССР (1947–1953), управляющий Кабардинской конторой «Заготживсырьё» (1953–1956), заместитель министра сельского хозяйства Кабардинской АССР (1956–1957), заместитель начальника отдела труда и зарплаты Совнархоза Кабардино-Балкарской АССР (1957–1960), начальник отдела руководящих кадров и учебных заведений КБ Совнархоза (1960–1963) и директор Нальчикского хлебокомбината.

Как видно из вышеизложенного, Зубер Докшукович Кумехов своё длительное, двадцатичетырёхлетнее восхождение до поста главы правительства республики закончил резким падением с этого пьедестала. Почему так случилось? Как мне известно из достоверных источников, причиной этого события явилось его категорическое возражение против депортации балкарского народа.

Зубер Кумехов был верным сыном Кабардино-Балкарии и пользовался большим доверием и глубоким уважением её народов. И отнюдь не случайно он был избран депутатом Верховного Совета СССР, являлся членом бюро обкома партии. Он и его супруга вырастили двух замечательных дочерей – Женю и Нину – и двух сыновей – Александра и Владимира.

Я познакомился с ними раньше, чем с самим Зубером Докшуковичем. Знакомство же с ним состоялось незадолго до его кончины случайно, во время прогулки в парке культуры и отдыха города Налчика. Встречи наши продолжались долго, а интересные беседы с обаятельным человеком, очень много доброго и ценного сделавшим для родной республики, оставили в моём сердце неизгладимое впечатление. Смерть его наступила 22 мая 1988 года. Скажу откровенно: она явилась для меня тяжёлым ударом.

Родина должным образом оценила его заслуги, наградив в 1945 году медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией», в 1965 году – медалью «20 лет Победы над фашистской Германией» и орденом Красной Звезды.

Мухамед Хагуцирович Шекихачев

Мухамед Шекихачев родился в 1923 году в селении Урожайное (до Октябрьской революции называлось Абейкъяужэ – Абаево) в семье уважаемого всем селом крестьянина.

Мы познакомились с ним в далёком уже 1936 году, когда, по воле одного высокопоставленного деятеля Кабардино-Балкарии, оба были отчислены из педагогического рабфака за наше «малолетство» и в горьких слезах отправлены домой. Через год и он, и я поступили в педагогическое училище, где завязалась наша крепкая дружба,

прерванная начавшейся войной против фашистских захватчиков и продолжавшаяся после победы до самой его смерти.

В 1944 году Мухамед был ранен в одном из ожесточённых боёв и после лечения в военном госпитале уволен из Красной армии. Вскоре после возвращения домой его, молодого коммуниста, избрали первым секретарём Урожайненского райкома комсомола. Здесь он показал себя умелым организатором патриотического воспитания молодежи и перспективным работником с большим потенциалом. С учётом этого обком ВЛКСМ, во главе которого стоял в тот период Билар Емазаевич Кабалоев, направил его на учёбу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ.

Через год в Москву, в ту же школу обком комсомола направил и меня. Мы с Мухамедом неразлучно провели там целый год, совмещая отличную учебу с частым посещением московских театров, музеев и других достопримечательностей столицы. В этой школе мой друг полюбил очаровательную девушку Юлию Николаевну Чиркову из Марийской АССР и женился на ней. Мы справили там их свадьбу без особого размаха, и по окончании школы они отбыли в Нальчик неразлучной супружеской парой.

Вскоре после возвращения из Москвы моего друга избрали секретарём Кабардинского обкома комсомола по кадрам и в этой должности он работал с присущими ему энергией и энтузиазмом, пользуясь глубоким уважением всего комсомольского актива республики, поддержкой и вниманием партийных органов.

Весной 1949 года в жизни нашей республики произошло знаменательное событие: по рекомендации ЦК ВКП(б) первым секретарём Кабардинского обкома партии был избран Василий Иванович Бабич, подлинный интернационалист, общительный и доступный человек, который в годы войны служил на фронте начальником политического отдела армии, а до направления в нашу республику работал секретарем ЦК Компартии Киргизии. Он был сторонником смелого выдвижения молодых работников на руководящую партийную и советскую работу и, обратив свой взор на Мухамеда Шекихачева, порекомендовал его на пост первого секретаря Нальчикского райкома ВКП(б). Вскоре он был избран руководителем этого райкома, а несколько позже – депутатом Верховного Совета СССР. Отмечу, кстати, что он являлся в тот период самым молодым первым секре-

тарём райкома партии и самым молодым депутатом высшего органа государственной власти страны во всём Советском Союзе.

Через некоторое время Мухамеда утвердили заведующим отделом обкома партии по пропаганде и агитации, а затем избрали секретарём обкома по идеологической работе. Ряд лет он успешно совмещал свою основную работу с обязанностью председателя Верховного Совета КБАССР, чётко руководя заседаниями его сессий. Уйдя на пенсию, он сосредоточился на работе в Кабардино-Балкарском отделении Всероссийского общества по культурным связям с соотечественниками, проживающими за рубежом (общество «Родина»). Когда он заболел тяжёлой мужской болезнью, стал просить меня скорее уйти из Министерства культуры и сменить его на работе в обществе «Родина». Мне жалко было его. Я был готов в любую минуту, но обком партии почти восемь месяцев тянул рассмотрение моего заявления об освобождении от обязанностей министра культуры, поданное мной 9 сентября 1986 года. Наконец, 29 апреля 1987 года я был освобождён от работы и направлен в общество «Родина».

В самом начале мая того года, встревоженные состоянием Мухамеда, Юлия Николаевна и я привезли его в новую больницу на улице имени Пирогова. Дня через два сделали ему операцию по поводу аденомы и стали лечить, готовить его ко второй операции. Как ни старались, хирургам не удалось осуществить своё намерение: накануне назначенного для второй операции дня резко поднималась температура – так неоднократно проявлял себя существующий в природе закон подлости.

Остаток своей жизни мой друг провёл в мучениях, так как болезнь его прогрессировала с каждым новым днём. То его клали в стационар поликлиники № 10 на улице имени Б. Пачева, то отпускали на отдых от процедур домой. Состояние же Мухамеда ухудшалось, стремительно приближаясь к критическому.

Вечером 29 августа 1996 года мои братья, Жираслан, Бати, и я решили проведать Мухамеда. Юлия Николаевна открыла дверь скромной квартиры, и по её взгляду мы поняли, что состояние больного вызывает серьёзное опасение. Услышав наши голоса и приоткрыв глаза, Мухамед, лежавший под капельницей, с трудом произнёс наши имена: горло его было оковано жестокой болезнью. Часа два провели мы у постели больного, стараясь своими рассказами

отвлечь его от тяжёлого раздумья, и в ужасном настроении ушли домой. Прошло трое суток, в течение которых меня не покидала тревога за судьбу друга. Не хотелось верить в близость его смерти, а она была уже на пороге. Примириться с этим я никак не мог. При каждом звонке мне на работу или домой я поднимал трубку с тревогой. И вот в половине одиннадцатого вечера 31 августа 1996 года раздался роковой звонок.

– Дядя Костя, – сказал, рыдая, юный племянник Мухамеда, – дядя Миша умер.

В считанные минуты я оделся и побежал вниз по проспекту Ленина. Двери квартиры Шекихачевых были открыты, возле умершего стояли и плакали несколько его ближайших родственниц и родственников. Среди них был и двоюродный брат Мухамеда, известный писатель Хамиша Труевич Шекихачев. Я присоединился к ним и полчаса стоял, вытирая свои неудержимые от горя слёзы.

– Хамиша, – спросил я его, – ты не сообщил о нашей горе кому-нибудь из руководства республики?

– Нет, уже поздно и домой звонить им неудобно, – ответил он. Подумав минуту, я позвонил секретарю Совета безопасности при президенте республики Юрию Максидовичу Кетову и попросил его сообщить утром пораньше президенту, вице-президенту и премьер-министру республики о кончине человека, всю свою сознательную жизнь бескорыстно служившего интересам народов Кабардино-Балкарии. Заодно я высказал ему пожелание поручить кому-нибудь написать некролог и распорядиться о его опубликовании в республиканских газетах.

– Когда и где намерены похоронить Мухамеда Хагуцировича его родственники? – спросил меня Юрий Максидович.

– Согласно завещанию покойного, он будет похоронен в родном селе Урожайном. В три часа мы выезжаем туда, – ответил я.

– Пожалуйста, вы оставайтесь здесь и подготовьте текст некролога до десяти утра. Лучше вас вряд ли кто-нибудь знает жизненный путь покойного, а руководству республики я сообщу как можно раньше. Позабочусь и об опубликовании некролога в печати, – печально произнёс в заключение Юрий Кетов. Не согласиться с ним я не мог.

В три часа ночи я проводил терчан с покойным Мухамедом на его родину и с понишкой головой пошёл домой вверх по безлюдному проспекту. Войдя в свою квартиру, скинул с себя пиджак и сел за письменный стол, чтобы набросать текст некролога. Взяв лист бумаги, я вывел заголовок из трёх слов – фамилия, имя и отчество умершего друга – и обвёл траурной рамкой. А дальше ничего не смог сделать: не шли мысли, не писала рука. Прилёг на диване и попытался заснуть на часок – ничего не вышло. В шесть утра решил идти на работу. На улице было прохладно. В предрассветную безмолвную пору на ясном небосклоне мигали луна и тысячи ярких звёзд, готовясь уступить его солнцу. Через десять минут я сел за массивный рабочий стол, за которым провёл последние годы своей активной деятельности Мухамед Шекихачев. Здесь, в рабочей обстановке, дело пошло иначе. Быстро, строку за строкой, я изложил основные этапы жизненного пути своего друга. Переписав текст некролога разборчивым почерком и отдав его Ю. М. Кетову, я в 10 часов утра выехал в Урожайное. Дорога туда заняла час.

Во дворе Шекихачевых было уже много людей. Под небольшим навесом, склонив голову, сидел Тимбора Кубатиевич Мальбахов. Вскоре подъехали и руководители Терского района во главе с Максимом Азаматгериевичем Панаговым. Люди приезжали из Нальчика, сёл района, непрерывно подходили землячки и земляки. Из высшего руководства республики никто не появлялся. Как позже выяснилось, в связи с началом нового учебного года они рано разъехались по районам, не зная о кончине Мухамеда Хагуцировича Шекихачева.

В час дня, после завершения полагающихся мусульманских обрядов, мы понесли усопшего на кладбище, находящееся на берегу буйного Терека. До него я шёл, неся носилки, никому не уступая одну из их поперечных перекладин. На самом кладбище, недалеко от его ворот, уже стояла грузовая машина с раскрытыми бортами, застланная большим ковром. На нём была установлена и стойка с микрофоном. С открытием траурного митинга произошла небольшая заминка. Тут подошёл ко мне с озабоченным видом Максим Панагов и обратился с просьбой:

– Константин Касимович! Мы надеялись, что первое слово на этом митинге скажет кто-то из руководителей республики, а они, как видите, не приехали. Возьмите, пожалуйста, на себя эту миссию.

Что и говорить, для меня эта миссия была отнюдь не лёгкой: боялся расплакаться в ходе своего выступления. Но, чтобы выручить терских товарищей, согласился, посоветовавшись с сидевшим рядом на скамейке Тимборой Кубатиевичем. С предельным напряжением нервов, с трудом удерживая слёзы, я рассказал о жизненном пути своего друга и речь свою закончил словами:

– Плачь, земля Урожайненская, но и гордись тем, что ты родила пламенного патриота Родины Мухамеда Шекехачева, светлую память и яркий образ которого мы всегда будем хранить в своих сердцах!

С речами выступили после меня Борис Мустафаевич Зумакулов и три терчанина. Через несколько минут мы навечно предали безжизненное тело Мухамеда Хагуцировича Шекихачева родной земле, похоронив рядом с могилой его отца. Вернулись, не спеша, в их двор. Вскоре подъехали туда из Нальчика вице-президент Геннадий Сергеевич Губин и Юрий Кетов. Вечером, в момент захода солнца, мы покинули Урожайное и выехали в Нальчик. Так закончился один из самых тяжёлых дней в моей жизни. Его я не забуду никогда.

Сараби Хажмастафович Мафедзов

С. Х. Мафедзов родился 23 января 1935 года в семье колхозников селения Герменчик Урванского района КБАО. Окончив местную семилетнюю школу, он поступил в Нальчикское педагогическое училище, давшее республике тысячи учителей начальных и семилетних школ. Трудовую деятельность любознательный юноша начал учителем школы в родном селении. В 1955 году Сараби поступил на русско-кабардинское отделение историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. В студенческие годы был активным членом литературного кружка, которым руководили А. Хакуашев и М. Апажев. После успешного окончания университета с 1960-го по 1966 год работал учителем русского языка и литературы в герменчикской средней школе. В 1967 году был научным сотрудником республиканского Краеведческого музея, а в 1968 году – ответственным секретарём Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского общества охраны

памятников истории и культуры. Именно в тот период я хорошо узнал его, и он стал близким мне человеком и другом.

В 1969 году Сараби перешёл в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт и самоотверженно работал в составе его большого коллектива до последних дней своей жизни. Здесь он проявил свой талант учёного-исследователя, историка, этнографа и писателя, обладающего редкой работоспособностью и трудолюбием. Начав с должности научного сотрудника, стал заведующим отделом этнографии, а затем главным научным сотрудником института. Будучи ненасытным в познании истории адыгов и её многочисленных перипетий, Сараби Мафедзов неустанно трудился и учился, открывая дотоле неизвестные страницы из жизни своего многострадального народа.

К литературе Сараби пристрастился рано и не только много читал, но и сам стал заниматься литературным творчеством. Ещё в сельской школе он сочинял басни, в педагогическом училище – стихи, в университете начал пробовать свои силы в прозе. В 1968 году вышла в свет его первая повесть «Одна из дорог молодости», в которой автор рассматривает нравственные проблемы студенческой молодёжи 60-х годов прошлого столетия, перекликающиеся с темой освоения целинных земель, в котором студенчество сыграло огромную роль. При этом он «списывает» обобщённые типажные портреты со своих товарищей, находясь в гуще студенческой среды, что конечно же вызывало и ныне привлекает живой интерес к литературному творчеству С. Х. Мафедзова у молодых людей, занятых изучением гуманитарных наук в высших и средних профессиональных учебных заведениях, а также у учащихся старших классов средних школ.

Через шесть лет, в 1974 году, из-под пера писателя выходит в свет первая его историческая повесть «Чёрная бурка», основанная на исторических документах. В ней С. Мафедзов художественно осмысливает далёкое прошлое Кабарды до её вхождения в Россию. Повесть эту он посвятил борьбе кабардинского народа с Крымским ханством и Турцией, рьяно стремившимися подчинить себе всю Черкессию.

С той поры историческая проза стала преобладающим жанром в литературном творчестве С. Мафедзова. Ему удалось сделать достоянием любителей истории и литературы ряд интересных по

содержанию и художественному уровню изложения прозаических произведений. Такова, например, книга «Добрые гости», в которую вошли повести «Брачный союз», «Конокрад», «Если бы убили вчера» и одноимённая повесть «Добрые гости», посвящённые разным сторонам традиционного быта дореволюционной Кабарды.

В 1992 году был издан роман Сараби Хажмастафовича «Гыбзэ хуэфашэт» («Достойные гыбзы», то есть обрядового причитания. – *Авт.*). События романа охватывают один из самых трагических периодов жизни кабардинского народа – время правления российской императрицы Екатерины II, когда была усилена экспансия России на Кабарду и в результате походов Глазенапа и двух экспедиций Булгакова было уничтожено около трёхсот аулов и погибли множество человек. По прошествии шести лет вышел в свет роман Мафедзова «Медвежьи когти», посвящённый периоду правления Кабардой князя Кушука Джанхотова и Русско-Кавказской войны, полному трагических для адыгов событий, вызванных на историческую арену кровавым царским генералом А. П. Ермоловым. Несмотря на драматический характер повествования, главной идеей романа стала вера в невозможность уничтожения всего народа, борющегося за свою свободу, нетленность его жизни.

С. Х. Мафедзов не оставил без внимания и проблемы современности. В смутное время 90-х годов XX столетия он издал повести «Мыхъур» («Печать»), «Зубная боль» и «Ложная причёска». В них образно и ярко показаны типичные негативные сдвиги, происходившие тогда в нравственном состоянии общества.

Не будет преувеличением, если сказать, что С. Мафедзов внёс в историческую науку бесценный вклад. Он выпустил 6 монографий, опубликовал 40 научных статей. Исследовательский интерес его был весьма обширным – от обрядов и обрядовых игр до адыгского этикета. Его научный труд «Адыгэ хабзэ», изданный в 1994 году, признан одним из самых фундаментальных исследований в этой области. Под занавес своей научно-исследовательской деятельности им была подготовлена к печати монография «Адыги: обычаи и традиции».

Диву даёшься, обозревая его многотрудную деятельность в области науки. Невольно спрашиваешь себя: «Как он успел, сумел сделать столько?» И тут же приходишь к выводу: большую, я даже

скажу, решающую роль сыграла в этом его семья. А как она была создана? Ответ короткий: в родном селении и родной школе Сараби встретил и полюбил красивую учительницу биологии Людмилу Николаевну. Она ответила ему взаимностью. В 1960 году они стали мужем и женой. Через год у них родилась дочка, которую назвали Ириной. Вторым ребёнком явился мальчик, наречённый Муратом. Со временем Мурат подарил родителям двух дочек – Лину и Дину. Ирина закончила химико-биологический факультет КБГУ имени Х. М. Бербекова и работает преподавателем по своей специальности, Мурат окончил отделение механизации Агромелиоративного института (ныне КБГСХА) и трудится в Автоцентре «Волга». Лина учится на втором курсе отделения русского языка и литературы Института филологии КБГУ, Дина – на втором курсе колледжа дизайна нашего же университета. Дружная, сплочённая семья живёт напротив меня в таком же, как и наш, крупнопанельном девятиэтажном доме. Оставаться бы Сараби ещё многие годы во главе этой чудесной семьи, но нет. Как говорится в древнеримской пословице: «Хомо эст морталис» («Человек смертен»).

Двадцать второго октября 2007 года на 73-м году жизни скончался талантливый учёный, педагог и писатель, заслуженный деятель науки КБР, лауреат Государственной премии КБР в области науки и литературы, член Союза писателей РФ, доктор исторических наук, профессор Сараби Хажмастафович Мафедзов. Увидев со своего балкона массу людей, собравшихся с поникшими головами у подъезда Мафедзовых, я побежал туда. Состоялся траурный митинг, в котором участвовали многие сотни представителей научной общестственности, друзей и товарищей, соседей и родственников.

В некрологе, опубликованном республиканскими газетами, говорилось: «Ушёл из жизни человек высокой культуры и интеллекта, чьи научные труды и литературные произведения надолго переживут их автора.

Светлая память о С. Х. Мафедзове – замечательном человеке, талантливом учёном и писателе, отдавшем все свои силы и способности служению своему народу, – навсегда сохранится в наших сердцах».

Уверен, что так и будет, и желаю всем членам семьи своего ушедшего из жизни друга Сараби долголетия, несокрушимо крепкого здоровья и большого счастья!

Ануар Алиевич Кештов

Человек нелёгкого жизненного пути, Ануар Кештов, к которому в течение многих лет я питаю большое уважение, родился 15 августа 1917 года в старинном кабардинском горном селении Кармово, впоследствии переименованном в Каменномоетское. В 1925 году семья Кештова Али переселилась во вновь созданное небольшое село Залукодез Нагорного района, центр которого находился в городе Пятигорске. В то время Пятигорск был центром всего Северо-Кавказского края. Проучившись в сельской школе четыре года, тринадцатилетний Ануар поступил в Пятигорский кооперативный техникум и успешно окончил его в 1934 году. Тогда же началась трудовая деятельность энергичного смышлёного парня. Его охотно брали на работу, переводили с одного места на другое, с одной должности на другую, и везде он добросовестно исполнял свои обязанности.

Не так просто это сделать, но для наглядности я приведу его послужной список, возможно, без строгого соблюдения хронологии. Схематично он выглядит так: заведующий общим отделом Нагорного райкома комсомола (1934 год, по приглашению А. Н. Ахохова); инструктор Черкесского облисполкома (1935 год, по приглашению Х. М. Камбиева); старший экономист Северо-Кавказского крайвнутторга, а затем главный инспектор Госторгинспекции Северо-Кавказского края (1936); заместитель ответственного секретаря Нагорного райисполкома (1937–1939); заведующий земельным отделом Зольского райисполкома (1939 – май 1942); заместитель заведующего сельхозотделом обкома ВКП(б) (до освобождения территории КБАССР от немецко-фашистских захватчиков). Перед оккупацией республики он вместе с заместителем народного комиссара земледелия К. Т. Тлостановым и Энеевым занимались нелёгким делом эвакуации крупного рогатого скота и овец колхозов и совхозов с нагорных пастбищ и перегоном их на территорию селения Лечинкай Чегемского района.

В конце октября 1942 года, когда стал очевидным захват Нальчика немецкими войсками, по решению обкома партии, согласованному с ЦК ВКП (б), группа руководящих партийных работников Кабарди-

но-Балкарии в составе 16 человек была переправлена в Закавказье. В соответствии с указанием секретаря ЦК партии А. А. Андреева эта группа была сохранена как костяк аппарата Кабардино-Балкарского обкома партии при ЦК Компартии Грузии. В неё были включены секретарь обкома М. Бечелов, заведующий отделом В. Погребняк, А. Кештов и другие товарищи. В те тяжёлые, критические для страны и республики месяцы первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) замечательный сын кабардинского народа Зубер Докшукович находился неразлучно с 37-й армией, являясь членом её военного совета.

Четвертого января 1943 года Нальчик был освобождён от немецкой оккупации, а через неделю очищена от них вся территория республики. Наши товарищи вернулись из Грузии и, засучив рукава, принялись за восстановление народного хозяйства, подверженно-го страшному разрушению. Ануара Кештова с ходу направили на работу в Зольский район. Здесь он был избран вторым секретарём райкома партии. В 1944 году его отозвали в Нальчик, и до конца войны он работал сначала начальником организационно-колхозного отдела, а затем – заместителем народного комиссара земледелия республики.

После войны А. А. Кештов был назначен заведующим организационным отделом Совнаркома Кабардинской АССР. Работая в этой должности, он заочно окончил журналистский факультет и некоторое время работал заведующим отделом газеты «Ленин гъуэгу» («Ленинский путь»). В декабре 1954 года он попал в число тридцатитысячников и стал председателем колхоза «Трудовой горец», являвшегося одним из самых отсталых хозяйств Баксанского района. Под его руководством оно в короткий срок превратилось в одно из самых передовых коллективных хозяйств республики. Ануар Алиевич был награжден орденом Ленина, избран депутатом Верховного Совета республики и членом обкома ВКП(б).

В конце 1958 года А. Кештова избрали первым секретарём Зольского райкома партии, а через некоторое время перевели в Кабардино-Балкарский совнархоз, где он четыре года был заместителем начальника Управления пищевой промышленности. Затем он работал в Урванском районе директором совхоза «Комсомольский», директором консервного завода, председателем правления Урван-

ского райпо и осенью 1978 года ушёл на пенсию, но, сложа руки, не сидел. Два года трудился в городе Нальчике. С 1990 года Ануар Алиевич возглавляет Урванский районный совет ветеранов войны и труда, не жалуясь ни на трудности, ни на усталость. Так бы ещё долго-долго!

Хабас Талостанович Келеметов

Пятнадцатого августа 1939 года в семье колхозников селения Нартан Нальчикского района КБАССР Талостана Хажметовича и Фатимат Сагидовны Келеметовых родился светловолосый и голубоглазый мальчик, со временем ставший одним из высокоуважаемых сынов Кабардино-Балкарии. Назвали его весьма популярным в те годы именем Хабас. Окончив среднюю школу в родном селении, он в 1957 году поступил на исторический факультет Кабардино-Балкарского университета. В 1958 году в составе студенческого отряда четыре месяца работал на освоении целинных земель. Активному комсомольцу, успешно окончившему наш университет летом 1962 года, вместе с дипломом вручили направление на работу в гехинскую среднюю школу Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Здесь Хабас работал четыре года – сначала учителем, а затем заведующим учебной частью. Здесь же он был принят кандидатом в члены КПСС.

В июле 1966 года Келеметов вернулся в родную республику. Он с ходу был приглашён на работу в Аппарат Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ и семь с половиной лет работал с присущей ему энергией в должностях сначала инструктора, затем заведующего организационным отделом, являясь членом бюро обкома. Именно тогда, будучи избран делегатом очередной областной комсомольской конференции, я познакомился с Хабасом Келеметовым, безкоризненно обеспечивавшим работу мандатной и счётной комиссий конференции, соблюдение регламента её работы. С тех дней я поддерживал с ним дружеские связи.

С января 1974-го по апрель 1978 года Хабас Талостанович работал заведующим отделом Нальчикского горкома КПСС, будучи чле-

ном его бюро. В те годы я утвердился в своём мнении о нём, как человеке незаурядном, безупречном коммунисте, честно исполняющим свой долг перед народом. Я стал мечтать о том, чтобы он стал моим преемником на посту министра культуры Кабардино-Балкарской республики, официально и неоднократно ставя решение этого вопроса перед областным комитетом КПСС. Мечта моя осуществилась в конце апреля 1987 года: я был освобождён от обязанностей, а Хабас утверждён министром культуры республики.

Три года успешно трудился Хабас Талостанович в этой, далеко не лёгкой должности. Успел, однако, сделать немало, пользуясь поддержкой и уважением семитысячной армии работников культуры и искусства республики. В мае 1990 года его назначили заместителем председателя Совета министров КБАССР. Скажу откровенно: я был расстроен тем, что Министерство культуры осталось без замечательного руководителя, и вместе с тем обрадован, что моего друга подняли, вполне закономерно, на ступень выше в исполнительной власти Кабардино-Балкарии. В то время общественно-политическая обстановка в нашей республике, как и во всей стране, была далека от стабильности. В октябре 1991 года Хабаса переместили на должность начальника секретариата Верховного Совета КБАССР. В начале марта 1994 года убеждённый коммунист оставил наш Дом Советов.

С июля 1994 года по настоящее время Х. Т. Келеметов с увлечением трудится на посту директора Государственной национальной библиотеки КБР, которой недавно присвоено имя Тимборы Кубатиевича Мальбахова. Он вместе с большим коллективом, в основном состоящим из фанатично преданных книге симпатичных женщин проводит в этом храме культуры много интересных мероприятий, хотя и сталкивается при этом с серьёзными трудностями из-за неудовлетворительного финансирования.

Хабас Талостанович не отошёл от общественно-политической жизни республики. С 1994-го по 2003 год он был первым секретарём Кабардино-Балкарского республиканского комитета КПРФ и членом её ЦК, с декабря 2003 года является депутатом Парламента КБР. В разное время он был награждён Почётными грамотами обкома ВЛКСМ, Нальчикского горкома КПСС, Президиума Верховного Совета КБАССР и Парламента КБР.

У Хабаса и Люси Келеметовых две дочери – Мадина и Марина. Мадина подарила им внучку Алину, а Марина – внучку Эллину. Все они – очаровательные создания, внимательно относящиеся к людям. Обе внучки успешно окончили юридический факультет Ростовского университета. С какой бы стороны мы ни подошли к ним всем, перед нашими глазами предстаёт образ доброй и счастливой семьи. Пусть же она останется таковой многие десятилетия!

Ханафи Исхакович Хутуев

В своей жизни, до предела насыщенной интересными событиями, я встречался, общался, работал со многими людьми, которые по праву могли называться выдающимися. Одним из них был Ханафи Исхакович Хутуев, родившийся и выросший в большом балкарском селении Кёнделен, сыновья и дочери которого сыграли большую роль в истории своего народа, в революционном преобразовании жизни горцев Северного Кавказа, в развитии культуры и искусства Кабардино-Балкарии. Да, он был одним из них, но и отличался от них: он был богатырём во всём, целеустремлённым, умеющим доводить любое начатое дело до конца; он во всём оставался подлинным государственным деятелем, для которого интересы народа были превыше всего.

Ещё в годы моей молодости, когда, будучи заведующим сектором комсомольских организаций Казахстана и республик Средней Азии ЦК ВЛКСМ, мне приходилось часто выезжать в эти края и каждый раз навещать находившихся там на выселении братьев-балкарцев, я много хорошего слышал о Ханафи Исхаковиче Хутуеве.

– Он один из ваших земляков, – говорил мне секретарь ЦК Компартии Киргизии Курман Каракеев, – кто активно борется за возвращение балкарского народа на историческую родину.

Встретиться с Ханафи Исхаковичем в Киргизии мне не удалось. Познакомился же я с ним в 1958 году на железнодорожном вокзале Нальчика, встречая один из эшелонов с балкарцами, возвращавшимися из ссылки на родную землю. В тот период он был уже заместителем прокурора республики, а я работал вторым секретарём Нальчикского горкома КПСС.

Вскоре Ханафи Исхакович был избран секретарём, а я утверждён заведующим отделом пропаганды и агитации обкома КПСС. В течение года я работал под его руководством, имея с ним общую приёмную. Мы, конечно, встречались каждый день по несколько раз для обсуждения различных вопросов идеологической работы областной партийной организации. И никогда я не чувствовал в его лице начальника. Передо мной сидел старший товарищ по работе, ясно, без лишних слов излагавший свои мысли и пожелания спокойным голосом.

В 1961 году Х. И. Хутуев был утверждён заместителем председателя Совета министров КБАССР. Он перешёл из правого крыла Дома Советов в его левое крыло. В начале 1968 года я последовал за ним туда же, в Министерство культуры республики. Деятельность Ханафи Исхаковича в правительстве была многогранна, и он развернул во всю мощь свой талант большого организатора и неутомимого борца за расцвет науки, культуры и искусства народов Кабардино-Балкарии. Нелёгкие задачи стояли тогда и перед Министерством культуры республики. В решении их мы неизменно имели поддержку Х. И. Хутуева, нас воодушевляло его доверие.

Наибольшую трудность представляла для нас задача создания материально-технической, отвечающей требованиям времени и жизни, базы для учреждений культуры и искусства. И здесь Ханафи Исхакович оказал нам неоценимую помощь. Не являясь профессиональным строителем, он любил строительство и много сил приложил к сооружению таких крупных объектов, как Государственный музыкальный театр, в рекордный срок выросший в центре столицы нашей республики, и оригинальное здание лучшего на Юге России Национального музея. Его появление на этих и других объектах подтягивало строителей, на которых он оказывал магическое воздействие.

Работу на высоких постах в партийных и государственных органах республики Ханафи Исхакович сочетал с научно-исследовательской деятельностью. И это отнюдь не случайно: он мечтал о большой науке. Как учёного-историка его особо интересовали вопросы культурного строительства в родной республике. По его инициативе было издано несколько сборников, посвящённых истории наших

народов. В 1984 году он успешно защитил в Москве диссертацию на учёную степень доктора исторических наук. Скажу здесь мимоходом, что по просьбе автора я с удовольствием прочитал текст этой монографии о становлении и развитии социалистической культуры в Кабардино-Балкарии незадолго до её представления на защиту в столице СССР. Редкое по исключительной точности и полноте исследование самого процесса расцвета национальной культуры народов Кабардино-Балкарии, пронизанное глубоким осмыслением и основательным анализом, – эта работа имеет историковедческую ценность и никогда не устареет для учёных-историков будущего.

Двадцатого апреля 1998 года родственники, многочисленные друзья и товарищи по работе отмечали 80-летие со дня рождения Ханафи Исаковича Хутуева. Мне довелось быть на этом вечере, более того, потрудиться там в роли фактического тамады огромного застолья. Незабываемое было торжество. Никто из нас и подумать не мог тогда, что юбиляру-богатырю осталось жить недолго.

Двадцатого ноября 1999 года Ханафи Исаковича не стало. Не намного пережила его и замечательная спутница его жизни Лейля. Уверен я, что оба они жили бы значительно дольше, не случись в 1976 году непоправимой беды – гибели в автокатастрофе их единственного сына Валерика. Трагическая гибель двадцативосьмилетнего сына на целый ряд лет выбила из колеи не только родителей его, но и сестёр Клару и Светлану – очаровательных дочерей балкарского народа, старшая из которых пятнадцать лет работала заместителем министра промышленности КБР, а Светлана – известный на всю Россию аллерголог, доктор медицинских наук, профессор.

Невиданного долголетия и большого счастья им, их детям и внукам! К их чести, они часто выезжают в Кёнделен, чтобы возложить цветы на могилы отца и матери, дедушки и бабушки.

Кашиф Мелович Мамишев

К. М. Мамишев родился 24 декабря 1936 года в селении Вольный Аул Нальчикского района КБАССР. После окончания семилетней школы поступил в Нальчикское медицинское училище, где учился с 1951-го по 1955 год. Учился он успешно. Молодого медика с дип-

ломом фельдшера-акушера сразу же направили в Нарткалинскую больницу, где он работал четыре месяца в должности старшего фельдшера. В конце октября 1955 года Кашифа призвали в ряды Вооруженных сил СССР. До августа 1958 года он служил сначала в Литве, а затем в Азербайджане в частях противовоздушной обороны страны санинструктором и начальником медпункта батальона аэродромного обслуживания (БАО). Из армии вернулся в звании младшего лейтенанта медицинской службы. В 1958–1962 годах работал фельдшером на нальчикской станции «Скорой помощи» и параллельно – в областных советах добровольных спортивных обществ «Труд» и «Спартак» старшим инструктором альпинизма и туризма.

Любовь к родной земле, к нашим горам и спорту привела молодого, по натуре романтика, Кашифа Мамишева в сферу туризма и альпинизма, и он с фанатичной преданностью многие годы служил делу развития этой сферы в Кабардино-Балкарии. По-иному Кашиф не мог поступить, получив системное воспитание в Пионерской организации имени В. И. Ленина, в ряды которой вступил в 1946 году; в комсомоле – с 1953-го по 1964 год и в КПСС, членом которой является с 1965 года. Спортом он стал заниматься ещё в школьные годы, а более активно – в медицинском училище, где был избран руководителем коллектива физической культуры и спорта и даже членом президиума добровольного спортивного общества (ДСО) «Медик». Он увлекался тогда лёгкой и тяжёлой атлетикой, национальной борьбой, мечтая о горном туризме и альпинизме. Мечта его сбылась.

Кашиф Мелович не из робких людей, иначе, конечно, он не подался бы в сферу горного туризма и альпинизма, связанную с большим физическим напряжением и риском для жизни.

– Первыми моими учителями, тренерами и инструкторами, – говорит он благодарно, – были Люся Пшегусова, Хажпаго Тлупов, А. А. Пузенко, А. А. Ахновский, В. Г. Лачинов, И. Н. Ульянов, С. Т. Яхтанигов и многократная чемпионка КБАССР М. Ф. Зубенко. Где только не ступали его ноги в годы молодости! Побывал он и на Памире, в Тянь-Шаньских горах, на Камчатке, в Альпах, Болгарских Родопах и на Пирине, в горном массиве Татры. На вершинах Эльбруса и Казбека побывал 9 раз. Он руководил восхождением на безымянные

вершины, получившие названия: «пик Али Шогенцукова», «пик Кайсына Кулиева», «пик А.-Х. Т. Канкошева», «пик Кязима Мечиева», «пик 850 лет Москвы», «пик 50 лет ВЛКСМ», «пик Древнего Суздаля» и другие. В марте 1963 года им был приглашён в нашу республику легендарный первовосходитель на Эверест Тенгиз Норгей, который встретился тогда с альпинистами и молодёжью в Тырнаузе и Приэльбрусье. Кашиф Мелович вспоминает теперь, что, к сожалению, восхождение именитого гостя на высочайшую вершину Европы не состоялось из-за устойчиво плохой погоды.

К. М. Мамишев – человек, который учится и учит подрастающее поколение всю свою сознательную жизнь. Он заочно окончил Высшую школу профсоюзного движения (факультет работников санаторно-курортных и туристско-экскурсионных учреждений) и историко-филологический факультет КБГУ имени Х. М. Бербекова. Многие его ученики стали мастерами спорта, известными туристами и альпинистами.

В 1963–1967 годах он работал в областном совете по туризму и экскурсиям в должностях: председателя клуба туристов, заведующего отделом массового туризма и кадров, маршрутно-методическим отделом, начальника школы по подготовке инструкторов горного туризма. С 1968-го по 1982 год являлся последовательно начальником Всесоюзной учебно-спортивной альпинистской школы «Эльбрус» – 5 лет, первым заместителем председателя областного совета по туризму и экскурсиям – 4 года, начальником Всесоюзной учебно-спортивной базы «Уллу-Тау» в ущелье Адыр-Су – 5 лет. Места нелёгкой горной службы он менял по воле начальства: его переводили туда, где требовался руководитель и организатор спокойного характера и кипучей энергии. Таким был и остался наш Кашиф Мелович Мамишев.

В 1983 году наступила пора, когда стало необходимо спустить его с гор и загрузить делом, весьма хлопотливым и трудным, и его назначили начальником пионерского лагеря «Орлёнок», через пять лет преобразованного в ГУ «База отдыха – детский оздоровительный лагерь «Коммунальник» Министерства ЖКХ, топливно-энергетического комплекса и промышленности нашей республики. Кашиф Мелович стал его директором. Двадцать пять лет он трудился здесь неумоимо во имя укрепления здоровья детворы. Тысячи детей и

подростков приезжали в этот лагерь на отдых и лечение, ни в чём здесь не испытывая нужды. Питание их было организовано так, что никаких жалоб на этот счёт ни от кого не поступало. Ребята совершали экскурсионные походы по интересным окрестностям Нальчика, поездки к Голубым озёрам, в Приэльбрусье и к Чегемским водопадам в сопровождении замечательных сотрудниц и сотрудников лагеря.

В течение многих лет я навещал «Коммунальник» в летние месяцы каждую неделю, так как приглашал сюда на отдых большими группами детей наших соотечественников, проживающих в Иордании, Сирии и Турции. К ним Кашиф Мелович и его коллектив проявляли чуткое, нежное внимание. Их знакомили с жизнью сельского населения республики. Бывало даже, что мы находили им родственников, устраивали волнующие встречи с ними. Кашиф и я часто провожали этих детей (из зарубежья) до аэропорта Минеральные Воды и расставались с ними в слезах грусти.

За многолетнюю самоотверженную работу в детском оздоровительном лагере «Коммунальник» имя Кашифа Меловича было занесено в энциклопедию «Лучшие люди России». У мастера спорта СССР, заслуженного работника туризма и альпинизма КБР Кашифа Меловича Мамишева и его благоверной супруги – заслуженной учительницы КБАССР Маржан Исмеловны – большая дружная семья. Старший их сын Казбек, окончивший успешно юридический факультет Ростовского университета, работает судьёй Верховного суда КБР. Старшая сноха Майя, тоже окончившая юрфак того же университета, работает нотариусом в одной из нотариальных контор города Нальчика. Младший сын Вячеслав окончил КБГСХА имени В. М. Кокова по инженерной специальности и является инженером в ремонтно-строительной фирме. Его жена Ирина, выпускница КБГУ, преподаёт химию в средней школе № 7. Старший из пяти внуков, Ислам, студент Российской академии правосудия, а младшие – учащиеся школ города Нальчика.

Большого счастья и радостной жизни семье Кашифа и Маржан Мамишевых!

Жанакаит Жунусович Залиханов

Жанакаит Жунусович Залиханов родился 8 ноября 1917 года в балкарском селении Гунделен, расположенном по правую сторону от дороги, ведущей к подножию высочайшей вершины Европы – Эльбруса. В 1935 году он закончил Кабардино-Балкарский педагогический рабфак, находившийся тогда в городе Пятигорске, и Киргизский государственный педагогический институт в столице Киргизской ССР – городе Фрунзе.

Ровесник Октября, человек разностороннего дарования, Жанакаит Залиханов всю свою сознательную жизнь неизменно служил интересам народа, не жалея сил и времени, борясь за претворение в жизнь идей социалистической революции. Его талант нашел яркое проявление как в области литературного творчества, так и в партийной, советской и общественной работе.

Еще в 1936 году стихи юного Жанакаита стали печататься республиканскими газетами и включаться в сборники; в 1938 году вышел в свет его первый сборник стихов «Мой голос» на родном языке. Это был удачный старт большого пути на литературном поприще замечательного сына балкарского народа. За годы творческой деятельности им была создана целая серия художественных произведений, пользовавшихся большим спросом читателей. Так, один за другим в разные годы были изданы: сборник стихов и поэм «Любимая родина» (1957), поэма «Сюлемен» (на кабардинском языке, 1958), поэтические книги «Вершины чувств» (1960), «Мужской разговор» (1965), «Радуга лет» (1972), «Сомбреро» (для детей, 1975); романы «Горные орлы», «Горящие сердца», «Звезда Баксана». К 80-летию писателя были изданы его роман «Две встречи» и сборник рассказов, повестей и новелл (1997). Отдельные произведения Жанакаита Жунусовича изданы на русском, кабардинском, осетинском, украинском, узбекском и других языках.

Ж. Ж. Залиханов активно занимался также переводческой работой и созданием учебников. Так, например, он дал возможность балкарским читателям прочитать на родном языке произведения М. Ю. Лермонтова, Т. Г. Шевченко, Д. А. Фурманова и других класси-

ков и явился автором учебников балкарской литературы для учащихся 8–10-х классов средней школы.

Совсем коротко и схематично об общественной, партийно-политической и боевой деятельности Ж. Ж. Залиханова. Он никогда не оставался в стороне от важнейших событий в жизни родной республики, всей Страны Советов до начала, в ходе и после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Трудовую деятельность Жанакаит начал в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария». После окончания Центральных курсов редакторов-переводчиков при ЦК ВКП(б) в Москве он работал главным редактором Кабардино-Балкарского книжного издательства. В начале 1941 года его избрали одним из секретарей Нальчикского горкома и вскоре же – первым секретарём Черекского райкома ВКП(б). В период временной оккупации территории КБАССР немецко-фашистскими захватчиками Жанакаит Залиханов командовал одним из наших партизанских отрядов и храбро сражался с врагом.

Находясь в Киргизии вместе со своим незаконно сосланным туда народом, Жанакаит Жунусович работал инструктором Джалал-Абадского обкома Компартии Киргизии, заместителем директора Киргизского государственного издательства, директором типографии Совета министров Киргизской ССР, начальником Управления союзпечати Киргизии.

После возвращения балкарского народа на историческую родину Ж. Ж. Залиханов с полной отдачей своих сил трудился в должностях директора Кабардино-Балкарского книжного издательства, первого секретаря Советского райкома КПСС, заместителя председателя Государственного комитета КБАССР по телевидению и радиовещанию. После ухода на пенсию с 1981 года продолжал работать старшим научным сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Жанакаит Жунусович избирался членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, депутатом Верховного Совета КБАССР.

Трудовые заслуги Ж. Ж. Залиханова отмечены орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», боевые – орденами Отечественной войны I и II степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Как было отмечено мною ранее, с Жанакаитом Залихановым я встретился впервые и познакомился ещё в 1952 году в далёкой от нас Киргизии. Тогда он произвёл на меня весьма приятное впечатление. Позже здесь, на нашей земле, он стал другом нашей семьи.

Член Союза писателей СССР, Союза журналистов СССР, Народный писатель КБР и заслуженный работник культуры РСФСР Жанакаит Жунусович Залиханов скончался на 78-м году жизни 26 июня 1995 года, оставив о себе светлую память в сердцах своих многочисленных друзей и товарищей. Его супруга, опора всей его жизни, умная и скромная, во всем обаятельная горянка Фатимат Ачиевна живёт по-прежнему в доме № 10 на проспекте В. И. Ленина, в доме, на стене которого висит мемориальная доска в память и в честь замечательного сына Кабардино-Балкарии, живёт воспоминаниями о нём. Я с волнением разговаривал с ней на днях и желаю ей жить до тех пор, пока будет мила ей наша прекрасная земля.

Мухамед Жамболатович Канлоев

М. Ж. Канлоев родился в 1924 году в селении Хатуей (ныне Старый Урух) Лескенского района КБАО в крестьянской семье. Образование высшее: закончил двухгодичную партийную школу в городе Геленджик Краснодарского края в 1950 году; Высшую партийную школу при ЦК КПСС (заочно) – в 1954 году, КБГУ – в 1964 году. В 1967 году защитил диссертацию на учёную степень кандидата сельскохозяйственных наук.

С апреля 1940-го по июль 1946 года служил в Красной армии: сначала курсантом Батайской военно-авиационной школы пилотов имени Героя Советского Союза К. Серова, а затем лётчиком-инструктором в этой же школе. Туда он попал отнюдь не случайно: летать он научился, будучи студентом педагогического рабфака, без отрыва от учёбы посещая Нальчикский аэроклуб, многие выпускники которого впоследствии стали известными лётчиками и героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны. В июле 1946 года Мухамед уволился из армии, так как по состоянию здоровья он мог служить дальше в авиации только старшим авиамехаником.

По возвращении из армии Мухамед был избран первым секретарём Лескенского райкома комсомола, а через полтора года – секретарём Кабардинского обкома ВЛКСМ по кадрам. В декабре 1950 года его избрали первым секретарём Советского райкома ВКП(б), и четыре с половиной года он работал в этой должности, отдавая все свои силы делу восстановления и дальнейшего развития промышленного и сельскохозяйственного производства района. Когда началось знаменитое движение тридцатитысячников, Мухамед по рекомендации партийных органов был избран председателем колхоза имени И. В. Сталина селения Псыгансу Урванского района, а в феврале 1957 года – председателем колхоза «Шекер» Лескенского района. Заметные достижения в этих хозяйствах открыли ему путь на Выставку достижений народного хозяйства СССР в Москве, откуда он вернулся с наградой – медалью участника выставки. Это не единственная его награда. Позже, в разные годы его заслуги перед страной и республикой отмечены орденом «Знак Почёта», медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и почётными грамотами.

С марта 1960-го до января 1970 года Мухамед Жамболатович работал заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом обкома КПСС, с января 1970 года до мая 1975 года – главным государственным инспектором по закупкам и качеству сельхозпродуктов по КБАССР. В мае 1975 года он был назначен председателем Госплана республики. Шесть лет он возглавлял это довольно трудное ведомство, располагавшееся в Доме Советов, в непосредственной близости с Министерством культуры КБАССР, и конечно же почти каждый день мы встречались с ним и имели короткую беседу. В мае 1981 года его вновь направили на должность главного государственного инспектора по закупкам сельхозпродуктов по Кабардино-Балкарии.

Уйдя на пенсию, Мухамед Жамболатович не стал сидеть дома, сложа руки. С мая 1985 года он работал почти семь с половиной лет старшим научным сотрудником Северо-Кавказского научно-исследовательского института горного и предгорного садоводства, с декабря 1992-го по январь 1998 года – ведущим специалистом отдела социального страхования республиканского комитета профсоюза

работников агропромышленного комплекса, с января 1998 года по настоящее время работает старшим научным сотрудником Института экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научно-го центра Российской академии наук.

У Мухамеда Жамболатовича и его благоверной супруги Лидии Хатуевны, учительницы кабардинского языка и литературы, – сын и дочь. Сын Алим закончил КБГУ и аспирантуру, защитил диссертацию, кандидат физико-математических наук. (У него тоже сын и дочь.) Дочь Марина – врач высшей категории. Ряд лет она работает в Кардиологическом центре, пользуясь глубоким уважением своих коллег и больных. В центре внимания Мухамеда и Лидии внучка Элина и внук Надар.

Долголетия и счастья этой дружной семье!

Халимат Махмудовна Энеева

Х. М. Энеева родилась 28 ноября 1942 года в семье крестьянина-колхозника селения Гунделен Эльбрусского района Кабардино-Балкарской АССР. Небольшой род Энеевых, давший ранее выдающегося революционера, а за ним – столь же знаменитого учёного-физика, на сей раз подарил Кабардино-Балкарии неутомимого организатора культурно-просветительной работы. Организаторская жилка проявилась в ней ещё в школьные годы: в шестнадцатилетнем возрасте она была назначена старшей пионервожатой школы-интерната в родном селении. Её никогда не оставляла также ненасытная жажда к знаниям, и она добилась немалых успехов, закончив в разные годы Нальчикский сельскохозяйственный техникум по специальности агронома-полевода, КБГУ – как биолог, Высшую партийную школу в городе Ростове-на-Дону.

В 1968 году энергичного завуча и преподавателя химии сельской школы Халимат Энееву пригласили на работу в аппарат областного комитета ВЛКСМ в должности заведующей сектором культурно-массовой работы. Здесь она показала себя самым лучшим образом, что послужило основанием для назначения её заместителем министра культуры КБАССР в мае 1971 года. В аппарате Минкультуры, поль-

зуюсь моей поддержкой, она во всю ширь развернула активную деятельность по созданию многочисленных коллективов художественной самодеятельности, многие из которых со временем стали народными ансамблями песни и танца. По прошествии нескольких лет исполнительское мастерство их достигло такого уровня, что они приглашались на всероссийские и всесоюзные конкурсы, перед ними открылись дороги на международную арену, на гастроли в разных странах мира. Руководителем заграничных поездок часто посылалась Халимат Махмудовна.

Приведу здесь некоторые примеры: народный ансамбль Урванского районного дома культуры «Нартхаса» на Международном конкурсе в польском городе Закопане, в котором приняли участие художественные коллективы из 19 стран мира, занял первое место и привёз в республику главный приз – «Золотой топорик»; народный ансамбль «Чегемские водопады» Чегемского районного дома культуры, съездив в 1980 году в Японию на конкурс певчих и танцевальных коллективов, одержал победу и привёз оттуда приз – «Золотые часы»; убедительную победу одержали ансамбль «Куанч», детские коллективы «Алапат» и «Дети гор» на IX Вавилонском фестивале в Ираке, где каждый из их участников был удостоен золотой медали. Это далеко не полный перечень побед, одержанных нашими самодеятельными коллективами за рубежом при активном участии Х. М. Энеевой.

Тридцать лет трудилась с неограниченным рабочим днём Халимат Махмудовна на посту заместителя министра культуры республики. Конечно, для семьи это было связано со многими трудностями, и они были преодолены благодаря неоценимо большой поддержке степенного и обаятельного спутника её жизни Амаша Шамсудиновича Байсултанова (я всегда называю его Аликом), всю жизнь безупречно служившего в правоохранительных органах Кабардино-Балкарии и недавно ушедшего на пенсию в чине старшего советника юстиции (полковник). Он и Халимат дали жизнь и воспитали дочерей Анжелу и Лейлу, сына Марата и сейчас заняты заботами о внуках Неле и Камиле, которые учатся в Московском автомобильном институте.

Заслуги Халимат Махмудовны Энеевой-Байсултановой отмечены многочисленными грамотами и медалями. Указом Президиума

Верховного Совета СССР от 28 марта 1976 года она награждена орденом «Знак Почета», Указом Президента Российской Федерации ей присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Счастья и долголетия ей и всей её семье!

Адам Мухамедович Гутов

Адам Мухамедович Гутов родился 24 июля 1944 года в селении Аушигер Советского района Кабардинской АССР. Будучи ещё мальчишкой, он любил работать с лопатой и тяпкой в руках на приусадебном участке уважаемых всем селом родителей и колхозных полях в период летних каникул. После окончания аушигерской средней школы, считавшейся тогда и являющейся в настоящее время одной из лучших школ республики, Адам в 1963 году поступил на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета КБГУ и окончил его с отличием в 1969 году. В студенческие годы он некоторое время учебу в университете совмещал с преподавательской работой в средней школе № 1 селения Заюково Баксанского района.

После окончания университета Адам более двух лет работал в родном селении учителем русского языка и литературы, мечтая о продолжении учебы в столице Советского Союза – Москве. Мечта его сбылась: в декабре 1971 года он стал аспирантом Института мировой литературы Академии наук СССР. В этом всемирно известном институте он подготовил диссертацию на тему «Поэтика адыгского нартского эпоса», защитил её успешно и в 1976 году стал кандидатом филологических наук. С момента представления своей диссертации к защите до настоящего времени он работает в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте истории, филологии и экономики (ныне Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН). Начав с должности старшего лаборанта, он стал младшим научным сотрудником (апрель 1975-го) и старшим научным сотрудником (май 1977-го).

С марта 1987 года Адам Гутов трудился в институте 21 год, заведя сектором, отделом, снова сектором. С апреля 2008 года он

является главным научным сотрудником, руководителем группы по написанию коллективного труда «История кабардинской литературы в двух томах», оставаясь заведующим сектором адыгского фольклора.

Вышли в свет такие интересные научные труды Адама Мухамедовича, как «Поэтика и топология адыгского нартского эпоса» (М.: Наука, 1993), «Этюды о кавказском этикете» (Нальчик: Эльбрус, 1997), «Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса» (Нальчик: Эльбрус, 2000), «Слово и культура» (Нальчик, 2004). Им опубликовано 115 научных статей и рефератов. Он является автором-составителем, соавтором, научным редактором, исполнителем текстологической подготовки (в том числе перевода текстов с одной графической системы на другую), а также перевода с адыгских языков на русский. Среди них такие издания, как «Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX веков» (в двух книгах), «Из адыгского народного эпоса», «Сказания о Жабаги Казаноко» и другие.

Адам Мухамедович – научный редактор и автор вступительных статей к двенадцати монографиям и сборникам фольклорных материалов, член редколлегии и один из основных исполнителей первой в истории «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006), член рабочей группы фундаментальной серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов», автор вводной статьи к одному из её томов. Его отдельные статьи и тезисы опубликованы в Москве, Владикавказе, Грозном, Майкопе, Махачкале, Черкесске, Тбилиси, Риге, Кишиневе, Вене, Дамаске (Сирия), Скопье (Македония). Он участвовал в тридцати трёх региональных, всероссийских, всесоюзных и международных научных конференциях. На многих из них он был председателем пленарных заседаний, руководителем секций, членом оргкомитетов. Из-под его пера вышли и опубликованы около 150 научно-популярных, учебно-методических, публицистических статей по вопросам современного состояния национальных культур, преподавания литературы и фольклора, духовного воспитания молодёжи, урегулирования межнациональных отношений.

В 1993 году Адам Мухамедович защитил докторскую диссертацию на тему «Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса» в родном для него Институте мировой литературы и стал доктором филологических наук. Вскоре же ему было присвоено учёное

звание профессора. Обозревая его жизненный и творческий путь, я нередко задаю себе вопрос: «Как он успевает создавать столько научных трудов?». Ответа на него найти не могу. Может, и искать не надо? Ведь его отец – Мухамед (так звали пророка, основателя ислама), обожаемая спутница жизни – Хаишат (так звали одну из жён пророка), сам – Адам (согласно Библии и Корану – первочеловек и отец рода человеческого, созданный Богом), а дочка – лучезарная Ляна, плавающая, как и папа, в безбрежном океане фольклора, – мощная поддержка и светильник семьи.

Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, член Союза писателей Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, активный общественный деятель Адам Мухамедович Гутов ещё молод, полон сил, и я уверен, что он не раз порадует народ нашей республики своими новыми достижениями в области гуманитарных наук.

Хамид Гузерович Кармоков

Хамид Кармоков родился 14 марта 1937 года в селении Заюково Баксанского района КБАССР. Окончив среднюю школу в Нальчике, в 1955 году он поступил в Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт, в 1957 году преобразованный в университет (КБГУ). После успешного окончания историко-филологического факультета университета один учебный год работал учителем кабардинского языка и литературы семилетней школы в родном селении. В 1964 году окончил аспирантуру при кафедре кабардинского языка и литературы университета.

С 1965 года жизнь Хамида тесно связана с издательским делом, печатью, журналистикой и писательской деятельностью. Он работал литературным сотрудником газеты «Ленин гъуэгу» («Ленинский путь») (1965–1967), редактором отдела критики журнала «Юащхъэмахуэ» («Ошхамахо») (1967–1972), его главным редактором (1972–1977), директором книжного издательства «Эльбрус» (1977–1989), ведущим редактором и заведующим редакцией кабардинской литературы того же издательства (1989–2000). С 2000 года

Х. Г. Кармоков является литературным обозревателем республиканской газеты «Ленин гъуэгу».

В период работы в издательстве «Эльбрус» под редакцией Хамид Гузеровича вышли в свет более 30 собраний сочинений, избранных произведений и отдельных сборников кабардинских писателей.

Начало литературной деятельности Х. Г. Кармокова относится к 1956 году. Его первая книга «Сказки для детей» вышла в 1963 году. Многочисленные литературно-критические, литературоведческие, публицистические статьи, а также очерки, зарисовки и рассказы были опубликованы газетами «Ленин гъуэгу», «Адыгэ псалъэ», «Советская молодёжь» и журналом «Iуащхьэмахуэ». Он автор сборников рассказов «Обещание» (1965), новелл «Стальной шлем» (1968); из-под пера Х. Г. Кармокова вышли три сборника литературно-критических статей: «На подъёме» (1972), «Писатель и время» (1976) и «Приметы времени» (1989). Немало сделано им в изучении и пропаганде устного народного творчества: ему принадлежат такие основательные статьи, как «Особенности кабардинского эпоса», «Корни фольклора» и другие.

Значительную часть публикаций Кармокова составляют статьи, в которых поднимаются проблемы возрождения национальной культуры, обычаев и традиций, изучения и преподавания кабардинского языка. При всей многоплановости своих работ Хамид Гузерович неизменен в одном – он основателен, объективен, взыскателен к себе и к тому, о чём и о ком пишет. Его исследования, отличающиеся высоким профессионализмом, научной глубиной и хорошим стилем, играют заметную роль в осмыслении исторического прошлого и настоящего адыгов, их языка, литературы и, шире, культуры.

Переводческая деятельность Кармокова достойна самой высокой похвалы. Лично я в восторге от неё. Подумать только! Он мастерски перевёл на кабардинский язык следующие произведения: «Наезд Кунчука» Хан-Гирея, «Долина Ажигутай» Казы-Гирея, романы «Одинокий всадник», «Куко» и повесть «Дочь шапсугов» Т. Керашева, новеллы и рассказы «Гучипс» и «Испытание мужества» Ж. Ашинова, роман-трилогию «Кавказ» М. Кандура, роман «Последний из ушедших» Б. Шинкубы, «Сказки» братьев Гримм, рассказ «Старуха Изергиль» М. Горького, «Записки охотника» И. Тургенева,

произведения ряда турецких и арабских писателей адыгского происхождения, собранные в сборнике «Наследие» (издан в Нальчике в 2002 года). Хамид Гузерович перевёл на родной язык и ряд пьес: «Тринадцатый председатель» Абдулова, «Свободная тема» М. Чхейдзе и инсценировку по роману М. Шолохова «Поднятая целина». Все они были поставлены на сцене Кабардинского театра имени А. Шогенцукова и шли с успехом, привлекая массового зрителя, в течение многих лет.

Хамид Гузерович – активный общественник, который никогда не стоял в стороне от общественных событий, движений и начинаний. Он дважды (1957, 1958) награждён медалью «За освоение целинных и залежных земель». Это отнюдь не случайно: комсомолец Хамид был активным участником знаменитой эпопеи. За весомый вклад в издательское дело в 1987 году он награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР и знаком «Отличник печати». В 1965 году он принят в Союз журналистов СССР, а в 1986 году – в Союз писателей СССР. В 1997 году за заслуги в области культуры ему присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики». Он всегда интересовался судьбой наших соотечественников, проживающих за рубежом. С его помощью наше отделение общества «Родина» издавало и посылало им учебники кабардинского и балкарского языков, журналы «Ошхамахо» и «Минги-Тау», наиболее популярные книги наших писателей, детские журналы «Нур» и «Нюр».

В октябре 1987 года, выезжая в Иорданию, я взял его с собой в составе делегации общества «Родина». Скажу откровенно: там он продемонстрировал лучшие черты характера сынов нашего народа и покориł соплеменников и особенно – соплеменниц.

У Хамида Гузеровича и его супруги Розы Мустафаровны, класной мастерицы швейного производства и ветерана труда большая дружная семья, объединяющая сына и дочь, сноху и зятя, двух внуков и двух внучек.

Я желаю им долголетия, здоровья и счастливой жизни, а от своего друга жду новых творческих успехов и произведений, достойных восхищения. Не сомневаюсь в том, что он оправдает мои надежды. Вперёд, дорогой Хамид!

Борис Беспанович Мазихов

Б. Б. Мазихов родился 7 апреля 1940 года в семье колхозников селения Шалушка КБАССР. Успешно окончив местную школу, он год работал учётчиком колхоза имени С. М. Кирова и в 1959 году поступил в КБГУ. Старательный в учёбе студент за пять лет пребывания в университете основательно подковал себя знаниями в области литературы и стал специалистом, подающим серьёзные надежды для дальнейшей творческой деятельности. Надежды эти оправдались, о чём свидетельствует приводимый ниже послужной список Бориса Беспановича: сотрудник обллита КБАССР (1964–1967); корреспондент, заведующий отделом культуры, ответственный секретарь газеты «Ленин гъуэгу» («Ленинский путь») (1967–1979); заведующий сектором печати, радио и телевидения обкома КПСС (1979–1982); главный редактор газеты «Ленин гъуэгу» – «Адыгэ псалъэ» (1982–1997); председатель Союза журналистов КБР (с 1997 года по настоящее время).

В период своей работы в Министерстве культуры КБАССР и обществе «Родина» я имел немало деловых встреч с Борисом и, должен сказать, все они оставили у меня приятное впечатление: он немногословный, степенный, скромный человек, для которого интересы народа превыше всего. Его постоянно волнует судьба соотечественников, проживающих за рубежами нашей Родины. Отнюдь не случайно мы направили его в 1986 году в Сирию руководителем делегации Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина», и он оставил у проживающих в этой стране адыгов и балкарцев очень приятное о себе впечатление. Они помнят его, и мои сирийские друзья при каждом разговоре по телефону интересуются судьбой Бориса Беспановича. Позже он побывал в ряде других стран Евросоюза и Азии: в Бангладеш – руководителем делегации Союза журналистов СССР в 1989 году и в туристической поездке в Болгарию, Турции, Греции, Испании и на Мальте – в 1995 году; во Франции, Италии и второй раз в Турции и Греции – в 2005 году.

Борис Беспанович был и остался активным общественным деятелем, избирался депутатом Верховного Совета КБАССР одиннадцат

цатого и двенадцатого созывов, а также дважды членом обкома КПСС, был членом правления Союза журналистов СССР, с 1992 года является членом совета и секретарём Союза журналистов Российской Федерации. Ему присвоены почётные звания заслуженного журналиста Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики, почётное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Он награждён почётными грамотами Верховного Совета КБАССР, Союза журналистов СССР и Парламента КБР, лауреат премии Союза журналистов РФ, удостоен его почётного знака «Честь. Достоинство. Профессионализм». В 1986 году Мазихов окончил отделение журналистики Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Б. Б. Мазихов – автор девяти книг художественной прозы, изданной на кабардинском языке, и трёх – «Проблеск», «Пора листопада» и «У каждого своя улица» – на русском языке. Им переведены на кабардинский язык объёмистые романы: «Страшен путь на Ошхамархо» Эльберда Мальбахова и «Прощающие да простят» Владимира Ворокова.

И в заключение короткого рассказа несколько слов о семье моего друга. Борис и его супруга Тамара дали жизнь трём сыновьям: Анзору, Зауру и Али. У старшего из братьев, Анзора, растёт дочка Карина, которой уже девять лет. Жила дружная семья счастливой жизнью, балуя вниманием и лаской любознательную девочку. И вот случилось то, что не могло даже присниться никому из семьи Бориса Беспановича. Как гром среди ясного неба, на семью свалилось великое горе: в один из мартовских дней 2006 года внезапно, не болев ни одного дня, умерла Тамара – замечательная учительница, посвятившая свою жизнь обучению и воспитанию детей – своих и не своих.

Мне очень хочется, чтобы Борис сумел прийти в себя от этого горя и прожил бы много-много лет, не зная более ни горя, ни печали, ни тревог, радуясь удаче, везению и счастьем своих детей, внучки Карины и будущих внучат!

Хасан Миседович Тхазеплов

Пятого мая 1943 года семья коренных жителей селения Старый Черек Урванского района КБАССР Миседа и Чадихан Тхазепловых пополнилась двойней: в одночасье родились два мальчика, одного из которых назвали Хасаном, а другого – Хусейном. К несчастью всей многодетной семьи, через шесть лет Хусейн неожиданно ушёл из жизни. У Хасана же жизнь сложилась более чем интересно. Он с детства увлекался литературой, особенно поэзией, и не только ими. Его тянуло и к технике, к изобретательству в этой области, что было очень важно в тот период интенсивной механизации сельскохозяйственного производства нашей республики и всей страны. Тяга к технике и к поэзии шла и росла у Хасана, как говорится, рука об руку и из года в год.

Трудно, будь сказано без преувеличения, тяжело сложилась жизнь родителей Хасана. Глава многодетной семьи Мисед Камботович посвятил всю её сельскохозяйственному труду. Ещё до Великой Отечественной войны он неоднократно избирался председателем местного колхоза имени К. Е. Ворошилова, а Чадихан, несмотря на занятость детьми, работала бригадиром во вверенном ему хозяйстве. Во время фашистской оккупации территории республики Мисед Тхазеплов ушёл в партизаны, а после освобождения её от немецких захватчиков вновь возглавил его, что, конечно, потребовало невероятных усилий от руководителя хозяйства. Одним из первых в республике он внёс в Фонд строительства танковой колонны для наступавшей Красной армии 30 тысяч рублей. Ратный и трудовой подвиг Миседа Камботовича был отмечен высокими государственными наградами. И хотя дела в колхозе шли нормально, в 1951 году его арестовали, и он провёл в тюрьме несколько лет. Этот жестокий, ничем не обоснованный акт властей явился расправой над всей многодетной семьёй Миседа Тхазеплова, перенести которую было невероятно трудно. Чадихан и дети мужественно преодолели этот чёрный этап своей жизни, веря в светлое будущее страны и народа.

До четвёртого класса Хасан учился в Старом Череке. Потом его устроили в школе-интернате, находившемся в посёлке при Баксан-

гесе. Когда он заканчивал её, школы страны неожиданно перешли на одиннадцатилетнее обучение. Чтобы не потерять год, Хасан вернулся в родное село, окончил здесь вечернюю школу и поступил в КБГУ на факультет механизации сельского хозяйства. Проучившись только два месяца, отправился на службу в армию, хотя по закону мог получить отсрочку. Такое решение он объяснил желанием пройти срочную службу вместе со своими сверстниками. Именно в эти три года он пристрастился к поэтическому творчеству, которое стало для него своего рода отдушиной после нелёгких армейских будней. Писал же он стихи на кабардинском и русском языках. После возвращения из армии и восстановления в КБГУ он не только не перестал заниматься поэтическим творчеством, но и начал публиковать свои стихи в газете «Университетская жизнь». Они, по словам Х. Тхазеплова, «так и полились из него» и стали появляться на страницах республиканских газет.

Свой первый сборник «Третья смена» Хасан издал в 1971 году. Так он назвал его не случайно: стихи писались ночами. Книга сразу получила признание, и молодой поэт стал членом Союза писателей СССР. В 1972 году он окончил КБГУ, получив специальность инженера-механика. Учёбу в Литературном институте имени М. Горького завершил в 1974 году. Моё знакомство с Хасаном состоялось годом раньше. Находясь в столице в командировке, я решил обозреть Москву с самой верхней смотровой площадки знаменитой Останкинской телевизионной башни. У её подножия мы и представились друг другу. Было положено тогда доброе начало нашей дружбы, как я думаю, на всю жизнь. По возвращении из Москвы он был утверждён инструктором отдела пропаганды Урванского райкома КПСС. По настоятельной просьбе выдающихся писателей Кабардино-Балкарии Адама Шогенцукова, Кайсына Кулиева, Хачима Теунова и Аскерби Шортанова Хасан в 1978 году согласился взяться за возрождение некогда организованного и доведённого до развала Бюро пропаганды художественной литературы СП КБАССР. Упорным трудом он вернул к жизни это бюро и благотворно работал на посту его руководителя 14 лет, проводя интересные встречи наших писателей с читателями сёл и городов республики и другие мероприятия.

Х. М. Тхазеплов испытал свои силы и в других сферах деятельности. Так, например, им было организовано страховое акционерное

общество «Евразия», которое вскоре пришлось ему закрыть, так как его компаньоны оказались нечестными людьми и стали разворовывать собранные средства. Затем в течение пяти лет он выполнял функции арбитражного управляющего в КБР. В 1994 году он вернулся в лоно литературной деятельности, будучи избран председателем кабардинской организации Союза писателей республики. С 2000 года является главным редактором журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Как постоянный читатель этого периодического издания, я с радостью отмечаю здесь, что при Хасане Миседовиче журнал стал не только литературно-художественным, но и общественно-политическим. Значительно вырос его тираж. Он стал распространяться во всех населённых пунктах республики. В нём публикуются материалы самых разнообразных жанров и тематики. Заметно расширился и продолжает расти круг его авторов. Им уже опубликованы подборки произведений писателей Адыгеи, Абхазии, Северной Осетии – Алании, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Москвы, Санкт-Петербурга и даже Израиля и некоторых арабских стран.

«Литературная Кабардино-Балкария» своевременно и должным образом отзывается на важнейшие события в жизни нашей страны и республики, привлекая к этому делу опытных и молодых авторов, способных глубоко вникать в суть событий. И всё равно Хасан пока ещё не доволен достигнутым и стремится к «космическим высотам».

– Конечно, у нас пока нет произведений, в которых бы нашла отражение сегодняшняя эпоха, – продолжает наш разговор главный редактор «ЛКБ», – ведь это очень сложная задача для писателя – найти адекватное ей отражение в литературе, и она по плечу лишь будущим поколениям. Большое, как сказал поэт, видится на расстоянии, и пройдёт немало времени, пока литераторы сумеют осмыслить наше время и отразить его в своих творениях.

Хасан Миседович – активный общественный деятель. В 2004 году он избран действительным членом Адыгской международной академии наук (АМАН) и работает её ученым секретарём. Но, несомненно, самое важное дело его жизни – это литературное творчество. На его счету 24 изданных сборника стихов и поэм, вышедших в свет в республиканских издательствах. Стихи Хасана публиковались

на страницах толстых журналов («Дон», «Дальний Восток») и газеты «Литературная Россия». Не чужд он и прозе. В 2007 году вышел в свет сборник миниатюрных новелл «Мелодии любви». В нынешнем году увидел свет и сборник «Зёрна для сада», который вобрал в себя около 650 рубаи. В традиционной форме восточных четверостиший ему удалось выразить сложные философские мысли. Сейчас он работает над фантастическим романом, рассказывающим о землянах, отправившихся в далёкий космос. Было бы чудесно, если бы Хасан со своей семьёй положили начало семейным полётам в космос. Пусть случится это!

Мария и Виктор Котляровы

Мария и Виктор Котляровы, имена которых непременно будут вписаны в историю Кабардино-Балкарии заглавными буквами, известны, конечно, большинству жителей нашей республики. Трудно найти и назвать кого-то из литераторов и ученых, кто бы с такой возвышенной любовью описал неповторимую красоту нашего края и с завидной энергией продолжает прославлять Кабардино-Балкарию, её природу и людей, как это делают Мария и Виктор.

Я знал и глубоко уважал отца Виктора, замечательного журналиста Николая Васильевича Котлярова, ушедшего из жизни в мае 1997 года. С Виктором и Марией знаком с начала 80-х годов прошлого столетия, когда он являлся помощником Председателя Президиума Верховного Совета КБАССР, а она работала под моим руководством в Министерстве культуры республики. Скажу откровенно: я всегда был в восторге от их таланта и теперь не нарадуюсь их работоспособности, разносторонности, умению с любовью поведать о дорогом и близком.

Среди трудов Марии и Виктора исследования о знаковых личностях КБР: «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове (2001), «Ладони протяни к огню души моей... Книга о Мухадине Кишеве и Жаклин Мосс» (2002), «Адыги: сердца и судьбы» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003).

Только за последние четыре года увидели свет 11 путеводителей «Родной ландшафт»; восемь фотоальбомов «Кабардино-Балкария: природная жемчужина»; книги-путешествия «Живописная Кабардино-Балкария», «Неповторимый Нальчик»; энциклопедические издания «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа», два тома из серии «Таинственная кабардино-Балкария»: «Необъяснимое, непознанное, невероятное» и «Занимательное. Загадочное. Забытое»...

Сегодня в творческом багаже супружеского дуэта более пятидесяти книг, посвященных истории, этнологии, краеведению титульных народов КБР. Но чисто литературная деятельность Марии и Виктора Котляровых лишь часть их многогранной работы: не в меньшей степени они известны на Северном Кавказе и как издатели. Причем первые подготовленные ими книги были выпущены еще в мае 1992 года в созданном ими издательстве «Эль-Фа». За семь лет работы в Эль-Фа увидело свет около трехсот изданий, в том числе более тридцати книг в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО). Именно заслугой Котляровых является не только удачно подобранная аббревиатура серии, но и наполнение ее разножанровыми материалами, широко раскрывающими неизвестный широкой аудитории, да и многим специалистам, глубокий творческий пласт как исторического, так и собственно литературного наследия коренных народов республики. Именно при Марии и Викторе серия набрала необходимый вид и вес, став явлением не только полиграфического, но и историко-познавательного, духовного плана для всего Кавказа.

В 1999 году Котляровы зарегистрировали новое издательство, получившее вначале название «Полиграфсервис и Т», а в 2005 году то, которые ныне известно многим в регионе – «Издательство М. и В. Котляровых». Перед собой супруги поставили весьма непростую цель – способствовать созданию единого культурного пространства Северного Кавказа, издавая монографии, сборники исследовательских работ ученых региона. И в данном направлении весьма преуспели. Вот что по этому поводу говорит председатель Счетной палаты Российской Федерации, он же президент Российского книжного союза Сергей Степашин, опубликовавший в декабре 2009 года в газете «Парламентский вестник (орган Государственной думы РФ)» статью о деятельности Котляровых под названием «Пленённые Кав-

казом»: «Мария и Виктор Котляровы – журналисты, историки и издатели из Кабардино-Балкарии. Авторы многих монографий, исторических и этнографических исследований, генеалогических изысканий, составители архивных сборников, посвященных истории и этнологии титульных горских народов. Патриоты, чьё благородное научное подвижничество способствует взаимопроникновению северокавказских культур, сближению народов Северного Кавказа и России.

...Глубокое знакомство с чужими культурами, обычаями, традициями прорастает пониманием души иных народов, признанием родственности многих ценностей и обычаев. Крепкое многонациональное государство держится прежде всего на культурной и нравственной общности сопредельных национальностей, и только потом – на экономическом и политическом притяжении. Как тут не вспомнить простых русских учителей, принесших народам Кавказа просвещение, исподволь, ни на что не претендуя, формировавших их духовность. Из тех славных традиций русской культуры в наше непростое время многое утеряно. Многое, но не всё. За неполные 10 лет «Издательство М. и В. Котляровых» выпустило в свет более 700 книг.

Кто же они, Котляровы? Русские люди, успешные предприниматели, коренные жители Кабардино-Балкарии, с малых лет соприкасавшиеся с национальными культурами горских народов, впитавшие всё лучшее в них. Поставившие целью своей жизни всё это лучшее сделать достоянием России».

Удивительно многогранна творческая деятельность Марии и Виктора, их работоспособность поражает, буквально диву даёшься, как много успела эта славная супружеская чета. Листая их книги, альбомы и буклеты, я множество раз громко произносил: «Какие вы молодцы, Машенька и Витя!»

Не могу не отметить еще одну из удивительных черт творчества Котляровых: герои их произведений нередко становятся близкими им, как родные, людьми. Таким стал, например, Владимир Тлостанов, которому они посвятили книгу «Я тот, кто будет...». Мне известно, что они ежегодно ездят в селение Аушигер, чтобы возложить на могилу покойного ректора живые цветы и постоять перед ней несколько минут, склонив голову. Меня это очень трогает, я глубоко

признателен Марии и Виктору за такое внимание к памяти близкого мне по крови человека.

А вот строки из предисловия к книге М. и В. Котляровых «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа» Президента КБР А. Б. Канокова: «Котляровы – коренные жители Кабардино-Балкарии: здесь они родились, росли, получили образование, здесь и живут, влюблённые в республику свою, её жителей. И надо отдать должное их внимательности, такту, трепетной любви, с которой они пишут о представителях других коренных народов Кавказа. Подобное отношение и следовало бы считать единственно нормальным, поскольку без него, без стремления к взаимопониманию и согласию, не может быть сильной и единой России». Хорошо сказано!

Желая дружной семье Марии и Виктора Котляровых везения в жизни, удачи и большого человеческого счастья, я надеюсь, что Арсен Баширович Каноков по достоинству отметит их подвижнический труд, присвоив им обоим почётное звание «Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики».

Инна Иналовна Кашежева

Май 1967 года. В Колонном зале Дома союзов шёл второй день Всесоюзного съезда работников культуры, участниками которого были и многие выдающиеся представители творческой интеллигенции великой многонациональной страны. Меня пригласили на трибуну, и я произнёс десятиминутную речь. Вскоре объявили большой перерыв, рассчитанный на чаепитие. И вот тут подошла ко мне незнакомая скромная девушка и, улыбаясь, поздоровалась со мной. Я пожал протянутую ею руку.

– Представьтесь, пожалуйста, милая девушка, – попросил я её.

– Я кабардинка, дочь Инала Кашежева, зовут меня Инной, – ответила она мне.

– Очень рад знакомству с вами. А теперь, раз прозвучал звонок, зовущий в зал, пройдем туда, и мне будет приятно, если сядете рядом со мной, – сказал я ей, лёгким прикосновением взяв её под руку.

– С вами, только с вами, – произнесла она благодарно.

Мы сидели с ней рядом, тихо обмениваясь своими впечатлениями от происходящего на сцене как во время прений по докладу, так и во время последовавшего за ними большого концерта мастеров искусств Москвы.

Скажу откровенно: кареглазая стройная девушка, ещё с восьмого класса писавшая стихи на русском языке, произвела на меня в тот день и вечер очень приятное впечатление. В лице Инны я вообразил перед собой образ девушки-кабардинки, которая через некоторое время непременно станет одной из самых ярких звёзд на небосклоне русской поэзии. Я понял тогда, что она очень любит родину своего отца и весь Кавказ с его высочайшей в Европе вершиной – Эльбрусом, ущельями и каньонами, бурными реками, водопадами и озёрами. И не только любит их, но и намерена неустанно воспевать их во всю мощь своего таланта. И ещё: я убедился в том, что она без особого труда может стать в короткое время режиссёром и сценаристом массовых представлений и в состоянии помочь нам в некоторых ответственных случаях. Именно поэтому состоялся следующий короткий диалог перед нашим расставанием с ней в тот вечер.

– Инна, вы не учились в театральном институте на режиссёра? – спросил я.

– Нет, не училась, но чем вызван ваш вопрос? – ответила она.

– Вопрос мой вызван характером ваших замечаний в ходе заседания съезда и концерта, а теперь выслушайте, пожалуйста, меня внимательно и ответьте на мой новый вопрос.

– Слушаю вас самым внимательным образом, – сказала она, глядя на меня.

– Большинство мероприятий, проводимых нашим министерством, не обходятся, Инночка, без поэзии, без хорошо продуманного сценария. Нам часто приходится выезжать за пределы своей малой родины и проводить в других республиках, краях и областях декады и недели искусства и литературы Кабардино-Балкарии. Мне кажется, что вы могли бы оказать нам в ряде случаев квалифицированную помощь. Готовы ли вы отозваться согласием, если я стану периодически обращаться к вам с просьбой приехать к нам и поработать вместе с нами, чтобы хорошо подготовить и успешно провести эти ответственные мероприятия?

– Для меня высокая честь сделать что-нибудь полезное для вас и Кабардино-Балкарии. Обещаю, что через день после вашего звонка я буду в Нальчике. А за доверие большое спасибо, – ответила она, улыбаясь. Мы обменялись номерами своих телефонов и распрощались, сказав друг другу: «До скорого свидания!»

Месяца через три, за неделю до выезда в Северную Осетию для проведения там Декады искусства и литературы Кабардино-Балкарии, я позвонил Инне и сообщил о нашем намерении. Она обрадовалась и сразу же сказала:

– Завтра же буду у вас.

Слово своё Инна сдержала. Мы её встретили в аэропорту Минеральные Воды. На другой же день назначена была первая репетиция нашей программы, и она состоялась с участием Инны Кашежевой. На мою радость и удивление, она составила сценарий наших выступлений в братской Осетии, придраться к которому было невозможно. В самой Осетии нас приняли очень тепло. Все встречи и выступления нашей творческой делегации, состоявшей из 200 человек, проходили в праздничной обстановке. Мы конечно же радовались, а Инна была счастлива, на «седьмом небе». После возвращения из Осетии мы повезли её на родину отца – в Каменноостское, где она сутки побыла среди родственников, рысью прошла на гнедом коне вниз и вверх по селу и на другой день выехала в Москву, категорически отказавшись от скромного гонорара за свою работу.

Шли годы, визиты дружбы продолжались. Инна была с нами в Ростове-на-Дону, Виннице, Майкопе, Грозном, Липецке, Махачкале и Черкесске, не жалея своих сил, помогая нам в работе.

Наш народ вправе гордиться своей славной дочерью Инной Иналовной Кашежевой, подарившей ему и русским читателям нетленные произведения поэзии. Не найдёшь любителя литературы, которому не понравятся её стихотворения, посвящённые Кавказу, и многие-многие другие произведения поэтессы. Приведу ниже некоторые из них.

И я – Кавказ. И я оттуда,
Где пахнет ледником роса,
Где мне дарованы два чуда –

На мир взглянувшие глаза.
Где чуткий жеребёнок – детство,
Лишь свистнешь – и примчит тотчас,
Где так естественно соседство
Долин и гор... И я – Кавказ.
Я – продолжение той легенды,
Какой не может быть конца.
И я – Кавказ. Мне вписан в гены
Лик этот волею отца.
И я – Кавказ. И я оттуда,
В нём до конца растворена,
А он во мне... Мы два сосуда,
В которых кровь течёт одна.

1971

Голубые озёра

Опять Голубые озёра
привиделись мне на чужбине,
и стало свежо до озноба
от их нестареющей сини.
Опять Голубые озёра блеснули
блесною из детства,
плеснули весною озона,
и радостно дрогнуло сердце.
Опять Голубые озёра
зажгли вдохновенные блики:
и я, словно в щелку забора,
смотрю на любимые лики.
В нас лёгкие Родины дышат,
а здесь, на чужбине, особо.
Кричу восхищенно –
 пусть слышат! –
«Опять Голубые озёра!
Всегда – Голубые озёра!»

Кабарда

Ты весною исходишь садами,
Зацветает в горах алыча...
Со своими седыми снегами
Почему же ты так горяча?

И пастушьи тревожные трели
Долетают до облаков,
И в моём непроснувшемся теле
Просыпается горская кровь.

И себе я кажусь исполином,
И слова созревают во рту...
Я оставлю покой свой равнинам
И пойду штурмовать высоту.

Мои ноги быстрее, чем у лани.
Кабарда! Отдала мне ты
И мечту, и простор, и пыланье
В половине своей смуглоты.

1962–1963

Ещё в 1961 году семнадцатилетняя Инна написала стихотворение «Возьми меня в Балкарию!», которое, благодаря народному артисту КБАССР композитору-песеннику Билялу Каширгову, вскоре стало одной из самых популярных в Кабардино-Балкарии песен. Привожу ниже её текст:

Возьми меня в Балкарию!

Глаза твои не карие,
глаза твои светлы.
Возьми меня в Балкарию,
где горы и орлы.

Хочу увидеть заново
края своей мечты,
хочу дышать нарзановым
туманом высоты.

Чтоб снегом руки пахли,
звонкие, как медь.
Хочу вместо папахи
облако надеть!

Давай с тобой не ссориться
из-за моих причуд.
Дотронуться до солнца
рукой своей хочу.

Глаза твои не карие,
глаза твои светлы...
Возьми меня в Балкарию,
где горы и орлы!

1961

Двадцатого февраля 2009 года, выступая на торжественном вечере памяти, посвящённом 65-летию со дня рождения выдающейся поэтессы современности лауреата Государственной премии КБАССР Инны Кашежевой, известный литературовед, доктор философских наук, профессор КБГУ Салих Эфендиев сказал:

«Больно говорить о ней в прошедшем времени. Она наша рано погасшая звезда, безвременно потухший факел. Уникальная поэтесса, выдающийся творческий деятель, удивительная личность. Как могла девушка, родившаяся и выросшая в Москве, так тонко чувствовать культуру кабардинцев и балкарцев?! Поражаюсь диапазону её мышления и широчайшей культуре, философскому складу ума, таланту. Инна Кашежева – славная дочь кабардинского и балкарского народов. Ведь она в равной степени любила и кабардинский, и балкарский народ. Каждый раз, когда слышу песню Биляла Каширгова на стихи Инны «Возьми меня в Балкарию!», меня обуревают непередаваемые чувства. Для многих балкарцев эта песня – символ, гимн возвращения на родину».

* * *

На мой взгляд, весьма актуально звучат в наши дни слова следующего стихотворения Инны Кашежевой:

Не уходите в сытность, люди,
о сколько нас ушло уже!
Я не о чарке, не о блюде,
не о наряде – о душе.
Россия голодала много,
в ярме двужильности дыша,
но шире поля, выше Бога
была всегда её душа.
Я знаю, вы меня поймёте,
и пусть не будет мнений двух:
мы кровь от крови, плоть от плоти
того, что есть России дух.
К излишествам не привыкайте,
не заходите за черту.
Изголодаемся давайте
по человеку, по труду.
По песне, но не электронной:
ведь есть на свете соловьи...
По, чёрт возьми, неразделённой,
но всё же, боже, по любви!
Не будет музыки без лютни,
без муки в сердце мёртв поэт.
Не уходите в сытность, люди,
назад пути оттуда нет.

* * *

«Кавказ подо мною...» –
а тропы все вверх,
туда, где туманы сплошной пеленою.
Ах, Пушкин! В какую затею ты вверг
меня этой фразой: «Кавказ подо мною...»!
«Кавказ подо мною...»

А он – надо мной.
Скажи, что мне делать с твоею строкою?
Хотя высоко я – достану рукою
луну, словно шарик она надувной.
Хотя я смотрю на орлов свысока,
и где-то внизу облака проплывают,
и губы мои без конца повторяют:
«Кавказ подо мною...»

Ах, эта строка!

Сместила понятия, смутила меня...
Запуталась не по своей ли вине я?
Ведь я не могу утверждать, что в огне я,
когда я всего лишь стою у огня!
Но только судьбы не ищу я иной,
довольствуясь даром, какой мне отпущен.
Так мало поэзии дал он... А Пушкин
по праву владеет Кавказом и мной.
И все же не надо мне доли иной,
и все же идти мне дорогой одною.
«Кавказ подо мною...»
Кавказ подо мною...».
И вечно, как Пушкин,
Кавказ – надо мной!

Инна гордилась тем, что народы Кабардино-Балкарии дали миру таких выдающихся поэтов и писателей, как Али и Адам Шогенцук-вы, Алим Кешоков и Кайсын Кулиев, Танзиля Зумакулова и Фоусат Балкарова, Сафар Макитов и Борис Кагермазов, Анатолий Бицуев и Руслан Ацканов, Салих и Эльдар Гуртуевы, Хамид и Мухамед Кармоковы и другие. Многие сборники и произведения творцов кабардино-балкарской литературы она сделала достоянием всесоюзного читателя, мастерски переведя их на русский язык.

А как читала она стихи своих коллег по перу и классиков как русской, так и мировой литературы? Как живой свидетель её выступлений в Центральном доме литераторов, я отвечаю на этот вопрос очень коротко и ясно: с пленительным вдохновением и неудержимым пафосом! Всю страну изъездила она, выступая на вечерах поэзии перед молодёжью.

На стихи Инны создавали свои песни известные советские композиторы Оскар Фельцман, Ян Френкель, Александр Островский. Их часто исполняли Людмила Зыкина, Иосиф Кобзон, Заур Тутов, Муслим Магомаев, София Ротару, Мая Кристалинская, Алла Пугачёва, Лев Лещенко и другие замечательные певцы и певицы Советского Союза.

Инна находила время и для общественной работы. В молодые годы она избиралась членом Московского городского комитета ВЛКСМ. Длительное время была членом редакционных коллегий ряда литературно-художественных журналов.

Последние годы жизни Инны, рано похоронившей своих родителей, оказались тяжкими, граничившими с трагизмом. Её душу и сердце терзало одиночество. А как, в какой обстановке прошли её последние дни, никому неизвестно. Один Бог знает, раздавался ли в скромной квартире поэтессы стон от острой боли или царила в ней безмолвная тишь. Мне бесконечно жаль, что, не зная о кончине Инны, я не полетел в Москву и не принял участия в её похоронах. Помнить же её я буду всю отведённую мне жизнь. Помнить, надеясь, что вот-вот, совсем скоро президент республики Арсен Каноков присвоит Инне Кашежевой посмертно почётное звание народного поэта КБР.

Как самую дорогую реликвию храню я сборник стихотворений Инны «На розовом коне» с автографом:

«Дорогому Константину Касимовичу – прекрасному старшему, без которого в этой жизни было бы невозможно, с сердечной нежностью.

23 марта 1987 г. Москва

Ваша Инна Кашежева»

Билар Емазаевич Кабалоев

Седьмого октября 1917 года – день рождения человека, о котором пойдет речь в этом небольшом очерке.

Каждый слог и имени, и отчества, и фамилии его надо бы писать заглавными буквами, но отутюженные отнюдь не легкими десятилетиями привычки детства прочны, как гранит, и лучше, если придержимся правил, лишь один раз отступив от них.

Билар Емазаевич Кабалоев. С ходу скажу: мне очень дорог этот человек я знаю его с тех пор, когда ещё был подростком. С ним меня связывает много событий – и больших и небольших, и важных и не столь важных. Многие из них сохранились в моем сердце и памяти. Остановлюсь на некоторых из них.

Сентябрь 1939 года. Не без труда, правдами и неправдами (вступительные экзамены были сданы успешно, но жёсткий возрастной ценз стеной перекрыл путь к цели) мне, подростку из старинного

кабардинского селения Аушигер, удалось поступить на физико-математический факультет Кабардино-Балкарского государственного педагогического института. И вот в один из дивных осенних дней мы, будущие физики и математики, с занятий по дифференциальному исчислению гурьбой направились в большой актов зал на лекцию по казавшимся нам непостижимыми основам марксизма-ленинизма. Расселись по рядам, но не успокоились. Вдруг открылась боковая дверь небольшой сцены зала, и оттуда, словно порыв лёгкого ветра с гор Кавказа, к кафедре (трибуне) направился молодой человек атлетического сложения, одетый строго интеллигентно, взшёл на неё и слегка поклонился аудитории. Не прошло и пяти минут, как он полностью завладел её вниманием. А сидевшая со мной рядом голубоглазая красавица, которая с первых же дней совместной учёбы с издёвкой дёргала меня за кудри во время перерывов, не выдержала, наклонилась ко мне и тихо-тихо спросила:

– Ты не помнишь, как звали знаменитого римского оратора и трибуна?

– Как же, помню. Но почему ты так быстро забыла историю Древнего Рима? – спросил я её, назвав имя того самого оратора и трибуна – Марка Тулия Цицерона.

– Он ничуть не уступает ему, – шепнула мне соседка, обратив свой взор на Билара Кабалоева, вдохновенно читавшего свою лекцию, не заглядывая в её текст.

В ту далёкую пору молодые физики и математики не совсем учтиво относились к гуманитарным наукам. Однако своей увлечённостью избранным предметом, эрудицией, педагогическим мастерством и подкупающе добрым взглядом Билар Емазаевич сумел привить нам должное уважение к своему предмету и к себе самому. Он стал тогда моим любимым учителем и остался им навсегда.

Нашествие на нашу Родину немецко-фашистских захватчиков разлучило меня с Б. Е. Кабалоевым через две недели после начала войны. Выдержав невероятно тяжкие испытания, понеся колоссальные жертвы, многонациональный советский народ вышел из самой кровопролитной в истории войны победителем. Прошли три летних месяца 1945 года, в течение которых поездами всех существовавших тогда в стране классов и длинными-предлинными эшелонами из «телячих» вагонов развозились по городам и весям

огромной страны миллионы уцелевших на войне солдат и офицеров, мужественных защитников Отечества. Одни из них навсегда оставляли армию и флот, другие – передислоцировались.

В разгар этого великого перемещения людей в потрёпанной военной форме, в конце августа того же года, я и пятнадцать моих друзей-авиаторов получили предписание – перебраться из Московского военного округа в Северо-Кавказский для продолжения службы в Батайском авиационном истребительном училище имени Героя Советского Союза А. К. Серова. Возглавить нашу небольшую команду было поручено мне. Спустившись по Волге из Горького до Астрахани на теплоходе «Володарский», мы пересели на воинский поезд, шедший в Ростов-на-Дону через Кизляр, Моздок и Прохладный. Когда мы прибыли во второй город Кабардино-Балкарии, ребята настоятельно предложили мне сойти с поезда, повидать живших совсем недалеко родителей и прибыть в Батайск на другой день.

– Мы подождём тебя на вокзале и вместе явимся в училище, – заявили они мне. Я послушался их и, взяв с собой друга из Белоруссии Ивана Ляхова, выехал в Нальчик и оттуда – в родное село. И бывает же так: на обратном пути из села на улице Почтовой (ныне имени Ногмова) в Нальчике состоялась одна из самых трогательных встреч в моей жизни: я увидел шедшего навстречу своего учителя и с радостью кинулся к нему.

Билар Емазаевич вмиг окинул меня взглядом и удивлённо спросил:

– Ты...?

– Я, – ответил я и рассказал, откуда и куда мы следуем. Он тут же вынул из кармана записную книжечку и занёс туда мой новый адрес. Здесь я вновь расстался со своим учителем.

Служба моя шла своим ходом. Никаких перемен в своей жизни я не предвидел, разве только мечтал через пять-шесть лет попасть в Военно-воздушную академию. Но перемена произошла, перемена неожиданно быстрая, невероятно крутая. Двадцать пятого октября меня вызвал к себе начальник политотдела училища и сообщил:

– Кабардинский обком ВКП(б) просит уволить тебя из армии и направить в его распоряжение для использования на комсомольской работе. Командование училища не возразит, если ты сам согласен.

Я собрал своих друзей на совет. Пospорили они, поспорили и вынесли категорический «вердикт»: «Ты свободен, езжай домой. Войны больше не будет; как военные лётчики, мы уже не нужны». Двадцать девятого октября 1945 года я вернулся на родину и через несколько дней явился к секретарю обкома партии по кадрам М. И. Белову, чья подпись стояла в ходатайстве обкома об увольнении меня из Армии. Он принял меня и после короткой беседы направил к первому секретарю обкома ВЛКСМ Б. Е. Кабалоеву. Через десять дней, в течение которых я находился в родном доме в Аушигере, Билар Емазаевич собрал бюро обкома комсомола, на котором автор этих строк был утверждён заведующим отделом крестьянской молодёжи обкома ВЛКСМ. Так началась у меня новая жизнь – интересная, но беспокойная, напряжённая, но полная задора, словом, такая, какую бы хоть во сне сейчас увидеть!

В лице Билара Кабалоева комсомольцы и молодёжь республики имели настоящего вожака и наставника, без усталости работавшего, не знавшего остановки, не думавшего об отдыхе. Руководителям и сотрудникам аппарата комсомольских органов было и легко, и трудно работать с первым секретарём обкома ВЛКСМ. Легко потому, что он был воплощением ясности во всём, верно показывал путь, давал чёткие указания. Трудно же потому, что был требователен, как в своё время на экзаменах по основам марксизма-ленинизма. Он неустанно прививал нам чувство высокой ответственности перед старшим поколением, с одной стороны, и за судьбу, будущее республики и страны – с другой. Так или иначе, комсомольский актив трудился самоотверженно и целеустремлённо. Комсомол республики стал виден и слышен издали, он проявлял весьма смелые инициативы, неукротимую энергию и созидательную силу во всех сферах общественной жизни и производства. Комсомольцами и молодёжью всё делалось как надо и, что особенно было дорого и прекрасно, – бескорыстно. Иначе, видно, и не могло быть в совместной работе с Б. Е. Кабалоевым, являвшим собой пример верного служения народу.

Осенью 1946 года Билар Емазаевич направил меня на учёбу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. По окончании её, через два года, меня избрали первым секретарём Нальчикского горкома ВЛКСМ. Наступил новый, незабываемый этап совместной дружной работы с учителем. И скажу откровенно: с каждым днём,

месяцем и годом крепла моя привязанность к нему. Он не оставался в долгу, во всём поддерживал меня и горком комсомола. Незаметно, если робко скажу, мы стали друзьями. Основой нашей дружбы, с моей стороны, было глубокое уважение к нему лично, как человеку, у которого можно учиться всю жизнь, открывая всё новые и новые её страницы; с его же, я думаю, – вера в своего ученика, стремление вывести его в «большие люди», сформировать из него видную личность. Билар ввёл меня в свой дом, познакомил с родными, для которых я стал близким человеком.

Никогда в отведённой мне судьбой жизни я не забуду благородные образы родителей Билара – матери Хурират и отца Емазая, его очаровательной сестры Сони – активной участницы Великой Отечественной войны. Гостеприимство их не имело предела, а приветливость была достойна подражания. Не счастье, сколько знаменитых осетинских пирогов съели мы с Биларом в скромном домике Кабалоевых на Почтовой улице Нальчика. Подавая их горячими на стол и глядя на нас, уплетающих её вкусные, ароматные пироги, мама Хурират излучала необыкновенно нежную материнскую радость. Глава семьи Емазай всем своим поведением являл пример истинного горца, для которого верность слову, дело, забота о благополучии дома и его обитателей, близких людей было главным в жизни.

Ритмичной, полной забот и хлопот моей жизни суждено было подвергнуться резкому толчку со стороны, вернее сказать, сверху. Поздно вечером 11 мая 1949 года меня вызвали в обком партии. В. И. Бабиц, днём раньше избранный первым секретарем Кабардинского обкома ВКП(б), в присутствии инспектора ЦК Сурыгина приветливо встретил меня, усадил за приставной столик главного рабочего стола республики и, широко улыбаясь, спросил:

– Ну как, не надоело тебе работать с нальчикскими девушками?

– Нет, конечно, ведь красивей их не найти ни в одном городе страны, – ответил я, тоже шутя.

– Это хорошо. Однако придётся тебе расстаться с ними. Вот мы познакомимся тут с твоим личным делом и решили направить тебя на партийную работу в Баксанский район. Завтра к 10 часам утра явись в обком. Тебя на пленум райкома повезёт товарищ Казмахов Израил Мусович. Мы надеемся, что райком партии изберёт тебя

своим первым секретарём. А старшего брата твоего Жираслана повезут, тоже завтра, в Кубинский район с такой же целью. Два родных брата будете работать рядом, соревноваться. Посмотрим, кто из вас окажется впереди.

Я долго отбивался, говоря, что молод, неопытен, не справлюсь, что, как мне известно, дела с кадрами там обстоят неважно, что не справлюсь, подведу и обком, и себя, и район... Не убедил ни Бабича, ни Сурыгина. В общем, они уговорили меня, и я ушёл от них с опущенной головой. И тут открывается дверь из коридора и, как всегда стремительно, в приемную входит Б. Е. Кабалоев.

– Что случилось, как ты оказался здесь в полночь? – спрашивает он меня взволнованно.

– Я объяснил ему происшедшее в расстроенных чувствах.

– Что ты наделал? Ты же знаешь, куда я собираюсь. Я поломаю это, жди меня в буфете у Тамары, – сказал он торопливо и направился в кабинет первого секретаря. Минут через двадцать он вышел оттуда и объявил мне в буфете: – Всё, поломал, пойдём домой!

Медленно, делясь впечатлениями прошедшего дня и уходящей ночи, мы пошли домой уже незадолго до рассвета. Расставаясь на перекрёстке улиц Кабардинской и Почтовой, я сказал Билару Емазаевичу:

– В десять часов я всё-таки зайду к товарищу Бабичу. Ведь он не знает о нашей встрече после состоявшегося со мной разговора.

– Да, конечно, зайди и... вернись в комсомол, – ответил он с улыбкой.

Мы обнялись с ним и разошлись по домам, довольные исходом полуночной истории и тем, что еще какое-то время будем работать вместе. И, чуть забегаая вперёд, скажу: работали, не жалея ни сил, ни времени.

Утром В. И. Бабич принял меня без задержки и сказал мне:

– Товарищ Кабалоев был у нас ночью, после тебя. Он очень хочет поступить в Академию общественных наук, подготовить диссертацию и защитить её. В связи с этим у него свои планы относительно тебя. Так что извини нас, оставайся пока в комсомоле со своими... – не договорил он дальше и пожал мне руку на прощание.

Давно известно, что от судьбы не уйдёшь. Не ушёл от неё и Б. Е. Кабалоев. Мы продолжили совместную работу. Комсомольская организация Нальчика, как и всей республики, работала активно, с огоньком. Вся молодёжь города, засучив рукава, участвовала в его преобразовании и развитии, строительстве и благоустройстве, стараясь быть примером для молодёжи других городов, районов, сёл и станиц республики. Мы не искали ни покоя, ни лёгкой жизни, мы не тлели. Творческое горение помогало нам преодолевать трудности, не чувствовать усталости, не останавливаться в своём стремлении и движении к поставленным целям. Бикфордовы же шнуры для загорания находились в руках Билара Кабалоева. Сколько их он спалил – это только Бог знает!

В обстановке небывалого подъёма трудовой и общественно-политической активности молодёжи и всех трудящихся, массового энтузиазма во всех сферах проявления человеческой деятельности незаметно прошёл год. И вдруг, в начале июня 1950 года я получаю телеграмму первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова: *«Прошу срочно прибыть в Цекамол»*.

Доложив Б. Е. Кабалоеву и В. И. Бабичу (он был и первым секретарем Нальчикского горкома партии), я на другой же день выехал в Москву. Николай Александрович Михайлов тепло принял меня и, не теряя времени, сказал мне:

– Мы хотим, чтобы вы работали в центральном аппарате комсомола. Что скажете?

– Не спросив ни о чём, я ответил Н. А. Михайлову:

– Не знаю, Николай Александрович, мне надо подумать и непременно посоветоваться с товарищем Кабалоевым. Без его одобрения мне совесть не позволит принять ваше предложение.

– Хорошо. Вернитесь в Нальчик, посоветуйтесь, с кем считаете нужным, и через три дня сообщите своё решение. Если оно будет в пользу работы у нас в аппарате, дадим вам ещё дней десять, чтобы отчитаться перед комсомольским активом города и сразу же выехать в Москву.

Я вернулся в Нальчик – и к Б. Е. Кабалоеву. Он не обрадовался моему сообщению. Он, как и в первом случае, хотел для меня большего, но на месте, в родной республике. Билар Емазаевич и Василий Иванович сделали всё, чтобы организованно, я бы даже сказал

торжественно, прошла внеочередная городская комсомольская конференция, и, высказав на ней самые добрые пожелания и слова напутствия, отправили меня в Москву. Так я опять расстался с Биларом Емазаевичем Кабалоевым, но не терял с ним связи никогда: ни в годы работы в ЦК ВЛКСМ, занимая скромную должность заведующего сектором комсомольских организаций Казахстана и республик Средней Азии, ни в годы учёбы на журналистском факультете Высшей партийной школы при ЦК КПСС, ни после отъезда из Москвы нашим обкомом партии – в общем, десятилетия. Она сохранилась и до наших дней. Признаюсь, я всегда думаю о нём, нередко мысленно советуюсь с ним, как со своим наставником, самой природой наделённым светлым умом и добрым сердцем, как с человеком, взошедшим на Олимп эрудиции.

Билар Емазаевич Кабалоев никогда не рвался к власти, к высоким ступеням партийной и государственной служебной лестницы. Он долго, сколько вообще можно было, был настроен уйти в большую науку, но судьба распорядилась по-своему, мечта его осталась мечтой. Ещё до окончания войны комсомольцы Кабардино-Балкарии избрали его своим первым секретарём. Потом коммунисты республики доверили ему пост отраслевого секретаря обкома партии. Несколько позже братская Северная Осетия призвала его к себе, где он сначала работал секретарём обкома партии и затем закономерно и заслуженно стал первым секретарём Северо-Осетинского обкома КПСС. Что и говорить, на высоком посту оказался Б. Е. Кабалоев. Известно, что далеко не каждый человек, порой даже одарённый, выдерживает испытание властью на постоянство, такова уж диалектика жизни. Многие, к сожалению, меняются неузнаваемо, забывают своих искренних друзей, заносятся и окружают себя подхалимами, нравственными уродами и прочей бездарью. Билар Емазаевич не изменился, сохранил лучшие, самые ценные черты человеческого характера – такие, как скромность, верность дружбе, идейность, преданность народу. Словом, он сохранил себя, остался самим собой. Что может быть лучше этого?!

Многие годы я радовался трогательной дружбе двух выдающихся сынов нашей земли: Тимборы Кубатиевича Мальбахова, воспитанника старейшего вуза Северного Кавказа – Горского сельско-

хозяйственного института во Владикавказе – и Билара Емазаевича Кабалоева, родившегося в нашем Озреке в осетинской семье и получившего еще «на заре туманной юности» блестящее образование в Москве. Ими, их дружной гордились жители двух братских республик. Их знала вся страна.

Нас, скромных руководителей местных органов культуры, частенько собирали в Москве на всякого рода съезды, совещания и коллегии. И не раз бывало так, что ко мне, представителю Кабардино-Балкарии, и к моим друзьям С. Ужегову и Г. Черчесову, в разные годы работавшим министрами культуры СОАССР (в столице мы всегда держались вместе), подходили коллеги из других республик, краёв и областей и говорили:

– Счастливые вы министры – у вас такие первые секретари.

Мы, разумеется, испытывали в этих случаях радость и с гордостью поднимали свои головы выше.

Девятнадцатого сентября 1999 года Билар Емазаевич потерял своего друга. На мою долю выпала нелёгкая миссия – сообщить ему о кончине Тимборы Кубатиевича Мальбахова. Я позвонил во Владикавказ, но не смог сразу сказать ему о тяжёлой потере нашего народа и осторожно, не спеша, подвёл его к осознанию случившегося несчастья. Тысячи людей, собравшихся проводить в последний путь Т. К. Мальбахова, остались глубоко благодарны Билару Кабалоеву и президенту Республики Северная Осетия – Алания Александру Дзасохову, вместе приехавшим тогда в Нальчик и разделившим с нами наше горе. Мы долго будем помнить об этом.

Осетинский народ дал стране и миру немало выдающихся людей. Кому неизвестны, например, имена великого поэта К. Л. Хетагурова, храбрых полководцев – героев Великой Отечественной войны генералов армии И. А. Плиева и Г. И. Хетагурова, актёра звёздной величины В. В. Тхапсаева – лучшего исполнителя роли Отелло? Ими гордится осетинский народ, и не только он.

Билар Емазаевич Кабалоев – достойный сын двух братских республик – Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, трёх дружественных соседних народов: осетин, кабардинцев и балкарцев. Они любят своего сына и по праву гордятся им. Это должно придать ему крылья горного орла. Билар Емазаевич многолетним самоот-

верженным трудом, верным служением Родине вписал своё имя в историю. Это должно придать ему бодрость и силу, веру в будущее.

В заключение своего скромного очерка я всем сердцем, всей душой желаю Билару, его милой супруге Майе, их дочери Залине и сыну Зауру отменного здоровья, беспрецедентного долголетия и необъятно большого счастья.

И, наконец, ещё несколько слов. В начале октября 1997 года земляки устроили в Озреке торжественный вечер по случаю юбилея Б. Е. Кабалоева. Я имел счастье присутствовать на нём. В разгар праздничного застолья кабардинские друзья из Старого Лескена пригнали в Озрек трёх коней: белого, гнедого и вороного – на выбор юбиляра. Мы с ним вышли на улицу и выбрали первого. И пусть же Билар Кабалоев гордо восседает на этом белом коне многие годы!

* * *

У меня, признаться, не было намерения возвращаться к рассказу о Биларе Емазаевиче Кабалоеве – человеке огромной эрудиции, светлого ума и доброго сердца. И после его 80-летнего юбилея я постоянно поддерживал связь: дважды ежемесячно звонил ему во Владикавказ и узнавал состояние его здоровья. Трижды съездил и повидался с ним и Майей, их сыном Зауром и дочкой Залиной. Но вот утром 1 апреля 2009 года до нас дошла печальная весть о кончине верного сына народов Северной Осетии и Кабардино-Балкарии Билара Кабалоева. Руководство нашей республики для участия в его похоронах послало официальную делегацию в составе шести человек во главе с Борисом Мустафаевичем Зумакуловым, который, кстати сказать, всегда оказывался рядом с товарищами, которых постигает горе. Владикавказ и вся республика были в трауре. Не менее ста тысяч человек прошли через большой вестибюль главного театра города, прощаясь с покойным. На траурном митинге, по просьбе Бориса Мустафаевича, я выступил с краткой речью, с трудом сдерживая свои слёзы. Похороны усопшего состоялись на мемориальном кладбище Владикавказа – тоже с участием тысяч проникнутых печалью людей. Светлая память об учителе, коллеге и друге навсегда останется в моём сердце.

Наши славные женщины

Прошло уже шесть лет с того дня, когда обрадованный вестью о рождении правнука, я стремительно направился в свою палату в санатории «Голубые ели» и крупными буквами выписал заголовок этих мемуаров. Работал над ними без спешки, опираясь на свою память и иногда обращаясь за помощью к своим друзьям: директору Центра современной документации Архивного управления республики Раисе Ашхотовой, её сотрудницам и многолетней труженице Национальной библиотеки Азизе Махиевой. Они с ходу подбирали мне необходимые документы и статьи из газет и журналов, изданных десятилетия тому назад. Я безмерно благодарен этим очаровательным женщинам и их подругам за активную помощь и поддержку.

* * *

В последнее время меня стала преследовать мысль о том, что пора перейти к заключительной части мемуаров. Да, пожалуй, пора, но как это сделать, если я чувствую, что не уделил должного внимания большой группе замечательных женщин, которые, занимая ответственные посты в партийных и государственных органах, многие годы самоотверженно работали во имя процветания родной республики. Кто же они? Вот их имена: Евгения Музакировна Кимова, Фаина Тембулатовна Арсаева, Вера Шахимовна Шогенова, Нина Зуберовна Кумехова, Роза Ахматовна Батчаева, Раиса Ташевна Кештова, Роза Умаровна Сосранова, Татьяна Петровна Колесникова, Майя Мухамедовна Кармокова, Валентина Амурхановна Дадова, Раиса Мусовна Сахтуева, Фатима Аюбовна Гешева, Ильзита Мухтаровна Болова, Валентина Ивановна Мартынка, Любовь Андреевна Мороз. Все они были для их коллег-мужчин примером безграничной преданности народам Кабардино-Балкарии и аккуратности в работе. В наши дни многие жители Кабардино-Балкарии с гордостью слушают молодую Мадину Руслановну Дышекову, заместителя председателя правительства КБР, с содержательными речами свободно, без шпаргалок выступающую перед работниками социальных учреждений и организаций республики.

Женщины составляют у нас особое ядро творческих коллективов газет, журналов, радио и телевидения, их имена не придется искать долго. Назову несколько из них. Это Сусанна Мезова, Зинаида Мальбахова, Светлана Моттаева, Наталья Белых, Марина Жекамухова, Мадина Гурижева, Марина Ширдиева, Джамия Хагарова, Муза Тлостанова, Таиса Нибежева, Зарина Канукоева, Елена Накова, Майя Мизова, Ирина Санова, Татьяна Шидакова, Бэла Гурфова, Неля Битокова, Марьяна Теуважукова, Нина Богатырева, Ирина Юдина, Сафариат Ахматова, Лариса Маремкулова, Аминат Бадалова. Ярким талантом обладает Саимат Патовна Кумехова, пишущая драматические произведения, повести, рассказы и сочиняющая мелодии к трогательным песням. Будь я талантливым художником-живописцем, в течение одного года портреты всех названных здесь очаровательных женщин украсили бы стены одного из демонстрационных залов Национального музея Кабардино-Балкарской Республики.

Мне очень хотелось бы посвятить небольшой очерк своему давнему другу, врачу высшей категории Мухамеду Тировичу Барокову, скромнейшему из скромных человеку, но он воспротивился моему желанию. Поэтому ограничусь тем, что выскажу несколько слов.

Мой друг возглавлял республиканский онкологический диспансер около двадцати лет. Он и его коллега Людмила Питуевна Кишева, вместе с другими врачами, медсестрами и лаборантами мужественно борются со страшной болезнью, ни на минуту не забывая клятву Гиппократу. Не счесть, скольким страдальцам продлили они жизнь. Большое спасибо им и самые добрые пожелания!

О МОИХ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКАХ

Теперь я решил, не отвлекаясь ни на что, завершить работу над мемуарами, коротко рассказав о своих близких родственниках и, под конец, о моей жизни в наши дни.

Отмечу, прежде всего, что ни один из рода Эфендиевых не проявил трусости в тяжёлые годы Великой Отечественной войны, не предал Родину. Все, кто мог крепко держать в руках оружие, ушли в Красную армию и храбро сражались с фашистскими захватчиками на фронтах грандиозной кровопролитной войны.

Мой старший брат Жираслан, с сентября 1940 года служивший в учебно-артиллерийской батарее на западной границе нашей страны, вступил в бой в первые же минуты войны. Утром 3 июля был ранен осколком вражеского снаряда. Он с трудом дополз до шоссе и дороги и прилёг к её обочине, прикрывая рану ладонью левой руки, а правой голосуя, чтобы остановить одну из беспрерывно шедших на восток военных грузовых машин и добраться до ближайшего госпиталя. Машины проезжали, не останавливаясь, чтобы подобрать истекавшего кровью красноармейца. Наконец, в полдень, когда он стал терять надежду на спасение, резко затормозив, остановился один пустой грузовик. Водитель его не без труда втащил моего брата в свою кабину и сказал ему:

– Держись, парень, не падай духом. Я еду в тыл за снарядами и доставлю тебя в госпиталь, где навсегда закроют твою рану.

Он сдержал своё слово, довёз Жираслана до эвакуационного госпиталя, находившегося в городе Павлограде.

Принимая раненого, военный врач спросил:

– Как ваша фамилия, артиллерист?

– Эфендиев, зовут Жирасланом Касимовичем, по национальности кабардинец, – тихо ответил обессиленный от потери крови мой брат.

– Я тоже кабардинец, – взволнованно произнёс водитель военного грузовика, которым оказался Темиркан Табухов из Лескенского района КБАССР. Он нежно обнял моего брата и расстроенный по-

бежал к своей машине. Никто из них, конечно, и мысли не допускал в ту минуту, что они ещё встретятся в боевой обстановке, пройдут извилистыми дорогами всю войну до её победного конца, вернутся домой живыми и будут дружить всю свою жизнь. Однако всё это сбылось одно за другим. Осенью 1943 года, когда наши войска, перейдя в контрнаступление, дошли до Таманского полуострова и города Темрюка и вели бои за их освобождение, а батарея Жираслана залп за залпом посылала снаряды на головы фрицев, к огневой позиции её подъехал грузовик с боеприпасами. За рулём его сидел Темиркан Табухов. Случилось, таким образом, кажущееся невероятным. Нетрудно представить себе, какой волнительной была эта встреча двух земляков и каким тяжёлым было их расставание и на этот раз...

* * *

В начале августа 1941 года началась фронтовая жизнь двоюродного брата Султана Матовича Эфендиева, только что окончившего Симферопольское военно-пехотное училище и получившего звание старшего лейтенанта. Тридцатого декабря 1941 года он погиб в смертельной схватке с фашистскими вояками в районе Камыш-Буруна. Его старший брат Мухамед Матович был призван в Красную армию и зачислен в 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию, в составе которой участвовал в многочисленных боях. В 1944 году вернулся домой инвалидом, длительное время работал заведующим земельным отделом Советского райисполкома, пользуясь глубоким уважением всех работников сельского хозяйства района. За боевые заслуги был награждён орденом Отечественной войны II степени и медалями. Являясь наставником нашим, он ушёл из жизни, оставив нам замечательного сына Аркадия и дочь Римму. Командиром пулемётного взвода, а затем и роты отважно воевал младший из четырёх братьев – сыновей самого старшего нашего дяди Мата Закиреевича – Жамал.

Он трижды был ранен, закончил войну старшим лейтенантом в Чехословакии, вернулся в 1946 году с орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, несколькими медалями и, проработав более тридцати лет главным бухгалтером местного колхоза и совхоза, умер 11 июня 1985 года.

Активным участником ВОВ был и второй по возрасту их брат Мухтар Матович, вступивший в партию большевиков ещё в 1932 году. Он храбро сражался в боях за освобождение Орла, Варшавы и взятие Берлина. После демобилизации за армии Мухтар Матович работал секретарём парткома колхоза и на других участках хозяйственного фронта. Неукротимо принципиальный по натуре человек, он умер в феврале 1991 года, оставив за собой богатырского сложения сына Ахмета и двух дочерей.

Двоюродный брат Мухамед Мударович, до войны работавший заведующим почтовым отделением селения Аушигер, был призван в Красную армию в апреле 1942 года и рядовым бойцом 1181-го артиллерийского полка участвовал в боях до конца войны, награждён медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». Вернувшись из армии в 1946 году, работал в колхозе Аушигер, позже преобразованном в совхоз садоводческого направления. В 1972 году он скончался.

Трудный боевой путь прошёл и двоюродный брат Биберд Мусович Эфендиев. После окончания средней школы он работал вторым секретарём райкома комсомола. Вскоре после начала войны был призван в Красную армию и в составе 62-й армии генерала В. И Чуйкова участвовал в Сталинградской битве: в боях за Мамаев курган и в районе заводов «Тракторный» «Баррикада» и «Красный октябрь». Здесь 13 октября Биберд был ранен и отправлен в госпиталь за Волгу. После излечения он вернулся в боевой строй и участвовал в сражениях Красной Армии по освобождению Левобережной Украины и Белоруссии. В одном из боёв за Бобруйск был тяжело ранен. После излечения в госпитале участвовал в наступательных операциях наших войск до последних дней войны. 25 апреля 1945 года после нового тяжёлого ранения при штурме Берлина Биберд был демобилизован по инвалидности. За мужество и отвагу, проявленные в боях за Родину, он награждён орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды и многими медалями. В начале 1947 года его избрали первым секретарём Советского райкома комсомола, затем утвердили заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии. С этой должности он был переведён в Кубинский район и избран вторым секретарём райкома партии, в качестве которого ра-

ботал до ухода на пенсию. Умер Биберд Мусович в январе 1988 года. Недавно мы похоронили его жену и дочь в городе Баксане.

* * *

Приведу некоторые сведения о судьбе троюродных братьев Эфендиевых. Чилани Гогутлович (1904–1941) и его младший брат Жансет (1911–1941) были призваны в Красную армию в августе 1941 года. В боях под Полтавой в сентябре того же года оба пропали без вести. Тика Андулахович (1914–1942) был призван на военную службу в октябре 1941 года. Будучи командиром миномётного расчёта 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, он погиб в бою под Большой Мартыновкой Ростовской области 1 августа 1942 года и похоронен в деревне Зундово. Амин Бекмурзович (1912–1941), призванный в армию в начале 1941 года, пропал без вести в первые же недели ВОВ. Его младший брат – Султан Бекмурзович (1916–1944) был призван в армию в 1940 году, попал на фронт с самого начала войны, испытал всю горечь отступления наших войск под ударами гитлеровских войск, участвовал в контрнаступлении Красной армии под Москвой и далее – в наступательных операциях наших войск до их вступления в Польшу. Первого октября 1944 года смелый разведчик старший сержант Султан Бекмурзович Эфендиев погиб в бою у польского села Цесона, где он и похоронен.

* * *

Брат мой Бати, третий по возрасту из пяти, родился 9 мая 1927 года. В 1944 году окончил аушигерскую среднюю школу. Ещё в десятом классе вступил в комсомол. Некоторое время работал в колхозе учётчиком полеводческой и садово-огородной бригад. С 1945-го по 1947 год был заведующим организационным отделом Советского райкома ВЛКСМ. Дальше всю свою трудовую деятельность он посвятил развитию связи в республике, умело совмещая работу с учёбой. Так в 1960 году Бати окончил Ставропольский техникум электросвязи, а в 1972 году – Московский электротехнический институт связи по специальности инженера-экономиста широкого профиля. С 1947-го по 1965 год он работал последовательно начальником

Советского, Тырнаузского и Урванского узлов связи. С 1965 года до выхода на пенсию (28 лет) беспрерывно трудился на посту заместителя начальника Производственно-технического управления связи КБАССР. Должен отметить, что им сделано очень много для укрепления материально-технической базы связи республики.

Ещё в 1946 году мы женили девятнадцатилетнего брата на юной красавице из Старого Череха Лере Хаповой. Она вошла в нашу семью, как дочь для родителей и сестра для нас – его братьев. Лера родила трёх сыновей – Вячеслава, Феликса, Вадима – и дочь Татьяну. Все они имеют высшее образование. Сыновья служат в правоохранительных органах в чине полковников. В системе Министерства внутренних дел работают также внуки Ильяс и Айдемир с офицерскими званиями. Внук Касим в прошлом году успешно защитил диссертацию и стал кандидатом физико-математических наук. Я не сомневаюсь в том, что в ближайшие годы он будет доктором наук. У Бати и Леры, прямо скажем, завидная семья: три сына, дочь, девять внуков и внучек, два правнука. Ими потрачено, конечно, немало сил, чтобы вырастить и воспитать своих потомков достойными своего рода людьми. Им обоим уже за восемьдесят лет, но они по-прежнему крепко держат в своих руках руль управления всем семейством.

* * *

Наш средний брат Борис родился 20 декабря 1932 года. Детство его пришлось на годы войны и, разумеется, было связано со многими трудностями. В 1954 году он окончил химико-биологический факультет Кабардинского государственного педагогического института и два месяца работал учителем химии и естествознания аушигерской средней школы. С декабря того года по декабрь 1956 года служил в танковых частях Вооружённых сил СССР. Вернувшись из армии младшим лейтенантом, он три месяца работал в школе учителем химии в родном селении. Оттуда его перевели в районный центр, где он работал сначала инструктором райкома партии, а затем первым секретарём райкома комсомола. С сентября 1959 года в течение 26 лет Борис добросовестно, с ненормированным рабочим днем, трудился на новом, одном из крупнейших промышленных предприятий республики – комби-

нате искусственных кож. Пройдя трёхмесячные курсы в городе Калининне, он работал на «Искоже» мастером-технологом, заместителем начальника фабрики плащевых тканей, помощником директора и одиннадцать лет – заместителем директора комбината. В сентябре 1985 года Борис был назначен директором Нальчикской обувной фабрики. В этой должности он работал более двух лет, будучи членом бюро Октябрьского райкома КПСС. Оттуда он ушёл по собственному желанию и до ухода на пенсию работал генеральным директором объединения «Шаба».

В 1958 году Борис создал свою семью, женившись на Лидии Тимихевой, окончившей лечебный факультет Махачкалинского государственного медицинского института. Помню, как сейчас, день, когда под проливным дождём мы привезли её – внучку по материнской линии князя Эльджеруко Инарокова – из города Терека в Аушигер к нашим родителям. У Бориса и Лиды есть дочь Алла – врач ультразвуковой диагностики, закончившая ординатуру в Москве и работающая по специальности; сын Заур – юрист и экономист с высшим образованием, работающий в системе МЧС; внучка Лаура – экономист с высшим образованием; голубоглазая правнучка Ясмينا, часто уступающая в квартире велогонки на трёхколёсном велосипеде.

Лидия Мухабовна всю свою трудовую деятельность посвятила благородному делу охраны здоровья людей. Она работала рядовым врачом, заведующей терапевтическим отделением республиканской клинической больницы, была главным гастроэнтерологом Министерства здравоохранения КБР. За свои заслуги ей присвоено звание «Заслуженный врач Кабардино-Балкарской Республики». Огорчает нас одно обстоятельство: Лидия Мухабовна не сберегла своё здоровье и последние годы страдает тяжёлой болезнью.

* * *

Младший брат Леонид родился 14 апреля 1937 года. Обладая хорошим певческим голосом, он после окончания школы решил было поступить в хор Государственного ансамбля песни и пляски Кабардино-Балкарии и прошёл туда по конкурсу вместе с Мухамедином Жилоковым, который стал со временем знаменитым певцом, ведущим солистом нашего Музыкального театра. Однако отец наш не согласился с его намерением, и Лёне пришлось идти другим путём.

Он решил заняться тонким делом часовщика и, научившись этому ремеслу у одного мастера-дагестанца в Нарткале, открыл там свою мастерскую и стал работать день и ночь, пользуясь известностью на всю округу. Там же он женился на украиночке Любе, оказавшейся отличной хозяйкой. Вскоре они приобрели небольшой участок земли недалеко от железнодорожной станции, превратили его в отличный сад-огород, построили хороший дом, со всех сторон обвитый виноградной лозой. В марте 1965 года Люба и Лёня подарили нам смуглого мальчика – племянника, которого назвали Алексеем.

Последние годы своей жизни наша мать провела в семье Лёни, не зная ни в чём никакой нужды. Люба относилась к ней, как к родной матери – ласково и нежно. Мы ездили к ней часто, а когда с её здоровьем стало совсем плохо, Бати, Борис и я не оставляли Леонида одного возле мамы, приезжая к ним по очереди.

Алексею явно не повезло с первым браком и ему пришлось расторгнуть его. В 1996 году мы женили его на очаровательной девушке – Мадине из рода Кардановых, проживающих в селении Кызбурун III Баксанского района. В марте 1998 года она родила мальчика, которого назвали Азаматом, а в июле 1999 года – второго сына, наречённого Иналом. Оба они растут и учатся, радуя и родителей, и заботливую бабушку Любовь Ивановну. Сам Алексей, заимев машину, зарабатывает необходимые для семьи средства.

* * *

...Рассказ о боевом пути старшего брата Жираслана я прервал на его встрече с Темирканом Табуховым в дни боёв за освобождение Таманского полуострова. Война продолжалась с прежним размахом. Многонациональная армия Советского Союза наступала на врага, будучи уже уверена в своей победе над ним. До полного разгрома гитлеровской армии было ещё далеко и по времени, и по расстоянию, предстояло выиграть немало кровопролитных сражений. Жираслан участвовал во многих из них, проявляя присущие ему смелость и мужество. Он был одним из тех наших воинов, которые штурмом взяли Житомир и Львов, освободили Румынию и Венгрию и добивали остатки продолжавших сопротивляться немецких воинских частей в Австрии до 12 мая 1945 года. Точку в войне он поставил в тот день в австрийском городе Граце. Приведу

здесь один из эпизодов его боевого пути в период победоносно-го наступления наших войск, о котором написала армейская газета «За победу» следующие строки:

«В затаившихся с апреля по июль 1943 года ожесточённых боях артиллерийский взвод Жираслана Эфендиева уничтожил 11 фашистских танков, 2 артиллерийские и 3 миномётные батареи, 35 дотов, 6 автомашин с вражескими солдатами и вооружением, до двух батальонов противника».

Чем ни героями были и командир, и артиллеристы этого взвода?!

За боевые заслуги Жираслан был награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени и семью медалями.

После войны более года Жираслан служил в Прикарпатском военном округе. Вернувшись на родину, он посвятил себя мирному созидательному труду, работая последовательно инструктором, заведующим планово-финансовым и школьным отделами областного комитета партии, первым секретарём Кубинского и Урванского райкомов КПСС. С конца 60-х годов до ухода на пенсию был секретарём парткома совнархоза республики, секретарём парткома (с правами райкома) треста «Каббалкпромстрой».

Жираслан и его первая супруга Лариса Петровна оставили нам дочь Светлану, чудесную как человек, пианистку с высшим музыкальным образованием. Многие годы она живёт с мужем Николаем Косенковым и сыном Константином в подмосковном городке Дедовске, работая там и в Москве преподавателем по классу фортепиано. Светлана приезжает к нам ежегодно в период летних каникул, чему мы все очень рады. Наш старший брат и его вторая жена Таисия Петровна – участница Великой Отечественной войны, белоруска по национальности, на редкость гостеприимная и хлебосольная женщина – пополнили род Эфендиевых двумя сыновьями-красавцами: Михаилом и Александром.

Михаил сразу после окончания в 1979 году Одесского высшего инженерно-артиллерийского училища был направлен в Туркестанский военный округ. Через несколько месяцев, в ночь с 24-го на 25 декабря того года началась десятилетняя война в Афганистане. Наш Михаил в ту же ночь перешёл советско-афганскую границу и в течение двух с лишним лет участвовал в боевых действиях, исполняя

приказы своего командования. Там был ранен и контужен, оттуда он вернулся с орденом «За службу Родине в Вооружённых силах СССР» III степени. Дочь Михаила, Залина, окончила КБГУ и работает заведующей учебной частью средней школы № 5 города Нальчика; сын Кантемир не отстал от своей сестры: он окончил юридический и экономический факультеты того же университета и работает в аппарате Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства КБР.

Горькой, очень горькой оказалась судьба Александра, самого внимательного к своим дядям и их семьям нашего племянника. Будучи дипломированным инженером-строителем, он возглавлял одно из подразделений треста «Каббалкпромстрой». И вот в ночь с 1-го на 2 октября 1994 года нашего Сашу, находившегося в гостях у своего товарища, зверски убили молодые наркоманы. Это явилось великим горем для нас всех. Убийцы лишили в ту ночь троих детей Александра – Борю, Салеха и совсем ещё маленькую Дилару – отца, а их очаровательную маму – сноху нашу Фатиму – мужа. Мужественно перенесла Фатима постигшее семью горе. Она вырастила своих детей, воспитывая их в духе лучших традиций нашего народа. Борис, успешно окончив в Москве Государственный университет управления, защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. Салех тоже учится в Москве. Он уже студент третьего курса Государственной академии права. Диля в этом году заканчивает среднюю школу № 5 города Нальчика.

* * *

Никому не дано бессмертие. Это закон природы, который распространяется на всё живое на Земле без исключения. Первым в нашей семье ушел из жизни наш отец. Произошло это 18 января 1968 года. Девятого сентября 1990 года умер всеми нами любимый Калимет Тутович Тлостанов. Пятого января 1991 года скончалась моя незабвенная Ирина, прожив лишь 50 лет и 8 с половиной месяцев. Её уход из жизни был и остаётся для меня и наших детей страшным ударом, от которого мы никогда не сможем оправиться. Отмечу тут же, что Ирину помнят многие люди, с которыми она работала или училась в школе, техникуме и институте. Вместе с дочками Мариной и Ольгой мы отмечаем соответствующим образом и день рождения, и день смерти Ирины. Пятого мая 2001 года умер

наш замечательный юрист – двоюродный племянник Тимур Калашбиевич Эфендиев.

Тяжелейшим, скорбью насыщенным, явился для всей моей родни 1994 год: 5 апреля после продолжительной болезни умерла наша мама, прожившая 98 лет; 19 мая последовал за ней наш младший брат Леонид; 14 сентября скоропостижно скончался внучатый племянник нашей матери, а наш двоюродный племянник, Владимир Калиметович Тлостанов – выдающийся общественный деятель, философ, умелый организатор научной работы и учебного процесса в КБГУ, ректором которого он был более двадцати лет; в конце декабря того же года умерла мать братьев Тлостановых (Владимира, Георгия и Юрия) – чудесная, гостеприимная Дахаужа Казиевна из рода Бербековых.

Отнюдь не радостным оказался для нашей семьи и 2005 год: 22 июля того года после долгой мучительной болезни скончался старший брат, на долю которого выпало бесчисленное множество тяжких испытаний как в годы Великой Отечественной войны, так и в годы его мирной трудовой деятельности. Он был похоронен нами, как и все названные мной покойные родственники, на родовом кладбище в Аушигере. Во второй части некролога, посвященного его памяти и опубликованного всеми республиканскими газетами, говорилось: *«Жираслана Касимовича знали как умелого организатора, человека разностороннего, знающего проблемы народного хозяйства республики. Он пользовался огромным авторитетом среди труженников сельского хозяйства, промышленности и строительства. Отмечали его работоспособность, умение ладить с людьми.*

За трудовые заслуги Ж. К. Эфендиев был награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», четырьмя медалями. Он избирался членом областного, районного, Нальчикского городского комитетов КПСС, депутатом Верховного Совета КБАССР.

Мы потеряли мудрого наставника молодёжи, человека высоких жизненных принципов, светлой души, большой доброты.

Память о Жираслане Касимовиче Эфендиееве надолго сохранится в сердцах тех, кто его знал и работал с ним.

*Министерство строительства
и жилищно-коммунального хозяйства КБР»*

АЛЕКС ГАБРИЛЕС

В этом небольшом очерке речь пойдет, скажу без преувеличения, о личности экстраординарной. И социальное происхождение, и черты характера, и тернистый жизненный путь этого человека, его отношение к нашей стране, мне кажется, вызовут определенный интерес у всех, кто познакомится с моими мемуарами.

Алекс Габрилес – сын этнического грека Димитриуса Габрилеса, родившегося в 1886 году на острове Хиос, входившем тогда в Османскую империю, и каталонки Марии Коэн Наварро, которая родилась в 1898 году в крупном портовом городе Барселоне на северо-востоке Испании, являвшемся административным центром провинции и заодно автономной области Каталония. В этом всемирно известном городе Алекс и открыл впервые свои глаза 18 июля 1930 года, звонким голосом возвестив свое явление на свет. В жилах его, таким образом, с момента рождения до наших дней пульсирует живительный раствор, образованный естественным соединением трех кровей: греческой, испанской и каталонской. Это, скажем просто, генетическая особенность Алекса. Что же касается его религиозно-этических взглядов, то они формировались в семье православного отца-грека и матери-каталонки католического вероисповедания. Люди, наделенные судьбой такого рода особенностями и взглядами, как правило, становятся умными, добрыми и целеустремленными членами общества. Я не раз убеждался в этом в период своей многолетней трудовой деятельности. Пример Алекса Габрилеса – одно из убедительных свидетельств закономерности такого явления.

Семья Габрилесов не отличалась богатством.

– Мой отец, – говорит Алекс, – прошел через множество испытаний, познал нищету, вследствие чего идеи социализма оказали на него большое влияние... Работая на американских грузовых кораблях, он присоединился к профсоюзному движению и стал его активистом. Американское гражданство получил в 1923 году. Позже он познакомился с отцом моей матери, когда судно, на котором слу-

жил, зашло в порт Барселоны. Так началось общение моего отца с семьей моей матери. Отец был старше матери на двенадцать лет, а в тот период (начало XX столетия) она была еще ребенком. Поженились они много лет спустя. У меня два брата – Луис и Джордж. Мы продолжали жить в Барселоне, а отец, как и прежде, служил на корабле, который заходил в ее порт регулярно – один раз в два месяца.

И отец, и дяди, и братья Алекса были трудолюбивыми людьми и работали, не покладая рук и вовсе не жалуясь на судьбу, бороздя моря и океаны на кораблях различных компаний, бывая во многих странах мира. Иным не мог стать и сам Алекс. И что особенно было характерным для них, так это жажда познания мира, стремление всегда помочь людям, которые настроены прогрессивно, оказаться на стороне революционно-демократических сил и движений. Так было и в период гражданской войны в Испании (июль 1936 – март 1939), и в период Второй мировой войны (сентябрь 1939 – сентябрь 1945). Все они всегда с симпатией относились к советскому народу, к нашей многонациональной стране, радуясь нашим успехам, с болью и тревогой переживая, когда мы попадали в трудное положение в период войны с фашистской Германией и ее союзниками.

Касаясь событий периода гражданской войны в Испании, Алекс пишет в своей автобиографии: «Нацистская Германия, фашистские Италия и Португалия, поддерживавшие военный мятеж генерала Франко, оказали ему массивную помощь всеми видами военного снаряжения, самолетами, пилотами, войсками, и бомбардировки Барселоны стали ежедневными, вплоть до начала 1937 года. Итальянские военные корабли вели обстрел с моря, а немецкие самолеты бомбардировали с воздуха... Только Советский Союз поддерживал республику вооружениями, провизией и всем необходимым. Немало советских кораблей потоплено «неизвестными» подводными лодками – конечно, итальянскими.

Уже перед началом войны мой дядя повел меня на просмотр кинофильма «Чапаев», явившийся моим первым знакомством с чем-то советским. В конце 1936 года в Барселону прибыло первое советское грузовое судно, которое было встречено миллионом граждан, включая меня и мою семью. В течение всей своей жизни я буду помнить о помощи, которая была оказана моей Родине Советским Союзом...»

После окончания Второй мировой войны началась холодная война (фактически она началась после революции 1917 года, когда большая часть стран объявила карантин вокруг Советской России, а позднее СССР), и даже была организована военная интервенция недавними союзниками в Первой мировой войне, и все, кто хоть что-нибудь хорошее говорил о Советском Союзе, попадали под подозрение.

Когда в разговорах со знакомыми, включая моих одноклассников, звучала критика в адрес Советского Союза, я резко возражал. Когда же они говорили, что войну выиграла США и если бы не США, то Германия победила бы, я категорически выступал против. В конце концов, кто-то донес на меня в ФБР, и с этого начались мои неприятности».

Алекс рос, учился, работал, преодолевая немало трудностей, и со временем стал одним из влиятельных активистов клуба бизнесменов «Ротари-клуб» в городе Хьюстоне, являющемся крупнейшим нефтяным и зерновым портом США с населением (с пригородами) 3,7 миллиона жителей, где, кстати, находится центр пилотируемых космических полетов НАСА.

«В 1968 году, – отмечает Алекс в своей автобиографии, – я присоединился к ротарианцам.

В том же году я стал участником движения против войны во Вьетнаме, и мы провели тогда двадцатитысячную демонстрацию противников этой войны».

Будучи влюблен в Страну Советов, Алекс пристально следил за событиями, происходившими в ней, стараясь познакомиться со всеми гражданами СССР, приехавшими в Хьюстон – крупный центр науки и культуры США. В то же время, хоча отметить, в этот город стремились попасть на стажировку многие советские молодые научные работники. Алекс находил их, дружил с ними, как с близкими людьми, оказывая им в случае необходимости посильную для него помощь.

Быть может, у кого-то из читателей возникнет вопрос: а когда и как Алекс Габрилес стал другом нашей семьи? Отвечу коротко на первую его часть, после чего предоставлю слово самому Алексу.

Летом 1981 года 40-й президент США Рональд Уилсон Рейган (родился в 1911 году) и Леонид Ильич Брежнев подписали документ, согласно которому для прохождения стажировки в американских университетах в 1981/82 учебном году приглашалась группа моло-

дых советских ученых в составе 22 человек и одновременно такая же группа молодых ученых США направлялась в в нашу страну для стажировки в вузах СССР. Среди желающих попасть в нашу группу и поехать в Америку оказалось много научных работников и преподавателей советских университетов.

Успешно пройдя нелегкий конкурс в три тура, спутник жизни моей дочери Марины, Вячеслав Кумыков (Алекс зовет его Славой), еще в свои 24 года ставший кандидатом физико-математических наук, интеллигентный, дипломатического склада ума молодой ученый оказался в Хьюстонском университете и стал читать там курс общей физики на английском языке студентам этого весьма престижного американского вуза. Через некоторое время к нему на месяц прилетала и Марина.

Далее, как я обещал, слово даю Алексу. Он пишет в своей автобиографии: «В 1974 году я познакомился со швейцарским инженером, который сражался в Испании в составе интербригад, в батальоне имени Василия Чапаева, и мы стали друзьями. В том же году я встретил двух советских стажеров, закрепленных за университетом «Rise» в Хьюстоне. Один из них был татарин из Казани, другой – азербайджанцем из Баку. Нас познакомил грек, женатый на польке из России. Я пригласил их домой, и мы часто бывали вместе, посещая достопримечательности города, а также заседания «Ротари-клуба». Через них я познакомился с Галиной Бенковиц, чье девичье имя было Галина Артемовна Капустян. Это знакомство было одним из значимых в моей жизни, поскольку через нее я познакомился со Славой Кумыковым и его семьей.

В 1981 году мне позвонила Галина и попросила связаться со Славой Кумыковым из Хьюстонского университета и привезти его и его супругу к ней на новогодний вечер, который она устраивала у себя дома. Я позвонил Славе, но он сказал, что они уже приглашены другими друзьями. Жаль было, потому что я мог познакомиться с Мариной до ее отъезда в СССР. Имея телефон Славы, через некоторое время я пригласил его к себе домой. Позднее Слава, я и Линь Джинь из Китая стали близкими друзьями. И за то, что встретил Славу, я обязан и благодарен Галине. Он уехал из Хьюстона в июне 1982 года. Мы с Линь Джинем провожали его из нашего аэропорта, скажу откровенно, с грустью. Два года мы регулярно посылали друг другу письма

по почте. Мы, конечно, мечтали о новых встречах. Мне очень хотелось познакомиться с его родными и близкими, повидать Страну Советов, Кабардино-Балкарию, Татарию, Азербайджан, Грузию и другие республики. Очень сильно хотелось увидеть своими глазами и Сталинград, и Кавказский хребет во главе с Эльбрусом – высочайшей вершиной Европы.

В 1984 году я впервые посетил Советский Союз в составе туристической группы. Мы посетили Ленинград и Москву. Чтобы увидиться со мной, из Баку в Ленинград прилетел Торгул, с которым мы провели несколько дней, а затем ночным поездом выехали в Москву. В столицу из Нальчика приехал Слава, и он, Федя, Саша и я провели вместе два дня, после которых я улетел в Хьюстон.

В 1990 году Слава пригласил меня в Нальчик. Кроме того, я получил приглашение от Саши и Феде в Москву, от Торгула в Баку и от Мукатиса в Казань. Я вылетел в Москву, где провел несколько дней с Сашей и его супругой, затем выехал в Нальчик, где гостил у Славы, его родных и друзей. Я был тронут их добротой и гостеприимством. Затем Слава сказал, что получил приглашение от друзей из Батуми, и что нам можно съездить туда. Мы вылетели в этот приморский город, где нас очень радушно принимали друзья. Несмотря на то что у нас были авиабилеты на Нальчик, по их настоянию мы поехали другим путем. Загрузив машину едой и напитками, они повезли нас по Закавказью до города Гори, где стоял памятник Сталину. По настоянию грузинских друзей посетили этот музей, закрытый со времен Хрущева, и вернулись в Нальчик. Здесь я гостил еще несколько дней, после чего вылетел в Баку, где меня встречали Торгул и его друзья. Затем я выехал в Казань, погостил в семье Мукатиса и отправился в Москву, где меня по поручению Славы встречал Муаед Гукетлов. Здесь к нам присоединился и Саша Ефремов.

В 1993 году я вновь посетил Нальчик, и меня устроили в санаторий «Нальчик», где оказали мне прием на высшем уровне. В период моего пребывания в Нальчике я посетил больницы, в которых работали Марина и сестра Славы, Рита, и увидел, в каком бедственном положении они находятся. Особенно тяжело обстояло дело с лечением заболеваний почек, отсутствовало отделение гемодиализа. В больницах не хватало хирургического инструментария, резиновых перчаток, бинтов, многих крайне необходимых лекарств и т.д.

Я решил для себя, что по возвращении в Хьюстон организую кампанию по оказанию помощи больницам Нальчика. Я получил согласие «Ротари-клуба» на проведение соответствующей акции и установил контакты с больницами, врачами, компаниями для получения соответствующих пожертвований. Оборудование и материалы, которые я собирал по городу, складировалось у меня на работе, до тех пор пока их набралось достаточно, чтобы загрузить двадцатитонный морской контейнер, который нам также пожертвовали в морском порту. Контейнер удалось заполнить, и мы отправили его в Нальчик через Мариуполь (Украина). Груз доставили бесплатно благодаря капитану судна, бывшему жителю ГДР, ныне живущему в Хьюстоне. На следующий год мы послали очередной контейнер морем, а затем груз самолетом.

В 1995 году Слава прислал мне приглашение посетить Нальчик. В ходе моего пребывания в Нальчике мы посетили больницы, где я увидел, что посланные нами материалы и оборудование используются в интересах больных.

В том году праздновалась годовщина Победы над фашистской Германией, и мы со Славой решили посетить Волгоград (бывший Сталинград). Мы выехали в Волгоград на машине, куда прибыли к вечеру. Это было одно из наиболее запоминающихся путешествий, поскольку мне удалось увидеть места ожесточенных боев, посетить Мамаев курган, музей Славы и т. д. По возвращении я провел месяц в санатории «Нальчик», а затем одну неделю в санатории в Кисловодске.

В 1998 году по Славиной инициативе было организовано посещение хьюстонской полиции делегацией МВД КБР. Слава был организатором и переводчиком делегации. Остановилась делегация в доме Дика Куригера. Об этом времени я всегда вспоминаю с удовольствием. Кроме того, сестра Славы, Рита, была приглашена хьюстонским «Ротари-клубом» на месячную стажировку в медицинский центр. В Хьюстоне она познакомилась с Галиной и даже гостила у нее несколько дней.

В 2000 году я опять получил приглашение от Славы и провел в Нальчике месяц, живя в санатории «Нальчик». Каждый раз во время пребывания в Нальчике я виделся с друзьями и родными Славы, и наиболее запоминающимся для меня было знакомство с отцом Марины – Костей Эфендиевым, а также его братьями – Жирасланом,

Бати и Борисом. Жираслан и Костя – ветераны Великой Отечественной войны и необыкновенные люди. Костя показал мне свою родную деревню. Благодаря ему, мне посчастливилось также посетить незабываемый концерт ансамбля «Кабардинка».

Коллега Славы по университету, Миша Байсултанов, а также его двоюродный брат Али пригласили меня со Славой посетить их родственников в деревне Булунгу. Гостеприимство в Булунгу превзошло все мои ожидания. Кроме того, один из друзей Славы пригласил нас на охоту в горы. Мы провели ночь в горах, а на следующий день упражнялись в стрельбе из карабина. Затем вернулись в Нальчик.

Наш «Ротари-клуб» пригласил дочь Славы, Мадину, приехать в Хьюстон для обучения в Высшей школе Сент-Агнесс, где она получила годичный грант. Мадина была размещена в семье, чьи дети также обучались в этой школе. Мне было очень приятно, что Мадина получила этот грант. На всех, с кем она общалась, она произвела самое приятное впечатление своим умом, манерами и воспитанием. В 2003 году я опять был приглашен в Нальчик, где познакомился с мужем Мадины, Арсеном, приятным и благородным молодым человеком. Они определили меня в номер-люкс санатория «Нальчик». Отдыхающих в санатории кормили хорошо, ежедневно водили на экскурсии и концерты, включая посещение ансамбля «Кабардинка». Мадина и ее муж также уделяли мне внимание.

В 2005 году я был вновь приглашен Славой, и это было в годовщину Победы над фашистской Германией. Опять мне был оказан радужный прием со стороны его друзей и родственников. Муж Риты, Руслан, взял меня с собой в форелевое хозяйство, где мы ознакомились с технологией разведения рыбы и отведали прекрасные рыбные блюда, приготовленные на костре. Возвратившись в Москву, я остановился у Азамата и гостил у него до своего отъезда. Увиделся я и с Мудиной, Арсеном и маленьким Султаном. Кроме того, мы с Азаматом приняли участие в первомайской демонстрации, которая прошла через Театральную площадь. Было очень интересно.

В один из дней, когда Азамат должен был работать, а его друга Аслана не было дома, я отправился на Арбат, где увидел военный оркестр, который играл патриотическую музыку военных лет. Я видел много пожилых людей с военными наградами, которые явились на Театральную площадь. Как выяснилось, в театре давали специ-

альную программу для ветеранов войны. Попастъ туда можно было только по пригласительным билетам, а в продаже билетов не было. Я спросил у одной пожилой дамы, на чьей одежде были награды, как можно достать входной билет в театр, на что она ответила, что билеты доступны только ветеранам. Видя разочарование на моем лице, она сказала, что отдаст мне билет своего мужа, который заболел и не сможет присутствовать на мероприятии. Благодаря этой даме мне удалось посмотреть одну из лучших программ, которые я когда-либо видел. Молодые люди, дававшие концерт, были одеты в военную форму, они пели и танцевали, а всем посетителям театра, включая и меня, вручались живые цветы. По окончании программы на выходе из театра всем вручили по пакету с бутылкой вина и коробкой шоколадных конфет. Проведя несколько дней с Азаматом и Асланом Канукоевым, я вылетел в Хьюстон.

В 2006 году Азамат пригласил меня посетить вместе с ним Санкт-Петербург. Мы поехали и встретили там его коллег по кендо, а в клубе кендоистов посмотрели выступление Азамата и других бойцов. Азамат, который весил меньше своих соперников, завоевал чемпионский титул. Для меня это была приятная неожиданность. Затем мы были приглашены одним из друзей Азамата в японский ресторан. Я прекрасно провел с Азаматом время в Санкт-Петербурге и Москве, затем вернулся в Хьюстон.

Две мои дочери замужем, у каждой по одному ребенку. У моей старшей дочери Эллис – сын Джошуа, у младшей Дженнис – дочь Алексис. Джошуа сейчас 28 лет, Азамат во время своего пребывания в Хьюстоне в 1992 году гостил две недели у Эллис, и свой 12-й день рождения отмечал у них. Алексис исполнилось 19 лет в апреле (2009 года. – *Авт.*).

Три года назад муж Дженнис, Джон, получил работу в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, и они переехали туда всей семьей. Я несколько раз бывал у них в гостях. Затем полтора года назад Джона перевели в одно из отделений компании, в которой он служит, в Миннеаполис (штат Миннесота), где они находятся и в настоящее время.

Я забыл упомянуть, что в 2006 году наш китайский друг Линь Джинь пригласил меня в гости в Пекин. Я принял приглашение и 30 сентября вылетел в Пекин, где провел в гостях две недели. А третью неделю я провел с его друзьями в Шанхае.

В прошедшем году я был в составе делегации из 10 американцев и 10 других членов из разных стран для посещения Китая по приглашению Общества дружбы Китай – США, в которое я вступил несколько лет назад, когда Мерилин Уилхем была президентом этой ассоциации.

Это был десятидневный визит, но я приехал на 2 дня раньше, чтобы увидеться с Линь Джинем и его семьей. После окончания программы визита я остался в Шанхае на 5 дней, где в один из вечеров ужинал с Анитой Арнал, которая работает в Шанхае. По возвращении домой я поехал в Миннесоту навестить Дженнис и ее семью в День благодарения. В конце декабря меня посетил Азамат, с которым мы провели незабываемую неделю. Он был выступающим на заседании «Ротари-клуба», на которое я пригласил друзей. На встречу пришли и мисс Уилхелм с бывшими школьными учителями Азамата. Пришел и Дик Куригер. Мы интересно провели время, кроме того, поужинали с моей дочерью Эллис и ее мужем Грегом. Двадцать девятого декабря Мерилин Уилхем дала званый ужин в честь Азамата, на который были приглашены 30 человек, в числе которых были бывшие учителя и ученики школы, в которой учился Азамат, и даже один его одноклассник.

Слава, я вижу, что получилось длинновато. Ты сделай необходимую выжимку. Пожалуйста, передай большой привет Косте Эфендиеву, а также родственникам и друзьям».

Восемнадцатого июля 2009 года Алексу Габрилесу исполнилось 79 лет, но он по-прежнему бодр и подвижен. Недавно он обрадовал меня, прислав фотографию, на которой он в веселом настроении восседает вместе с живущими в настоящее время в Сан-Франциско моей внучкой Ляной и ее мужем Анзауром. Стало быть, он не поленился для встречи с ними преодолеть огромное расстояние, разделяющее Хьюстон с самым западным городом США, на воздушном лайнере. Скажу откровенно, что мне очень хочется встретиться с ним еще не раз. Мне легко общаться с ним, ведь он самостоятельно научился говорить на русском языке, а я не совсем забыл испанский.

До скорой встречи, дорогой Алекс!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой мой читатель! Обращаюсь к Вам с просьбой извинить меня, если я отнял у Вас много времени, без чувства меры затянув свои воспоминания. Объясняется это просто: судьба была щедра ко мне и радостями, и приятными событиями, и удачей в делах; вместе с тем она периодически подвергала меня весьма трудным испытаниям. Я выдержал их, так как жил для людей, трудился ради их блага, не жалея ни сил своих, ни времени. Теперь даю Вам слово: испытывать Ваше терпение больше не буду и завершу мемуары очень-очень коротким словом о своей сегодняшней жизни.

Скажу откровенно, что она сложилась у меня, как нельзя лучше. Мне некому завидовать. Повидал я, быть может, больше, чем кто-либо на свете. Ко мне внимательны все без исключения родственницы и родственники. Что же касается дочерей Марины и Ольги, их жизненных спутников Вячеслава Кумыкова и Тауби Бегретова, моего внука Азамата Кумыкова и его сестры Мадины с мужем Арсеном Гедгаговым, их сына – моего правнука Султанчика, внучек Ляны, Лалины и Ирины Бегретовых, то их внимание и ласка постоянно согревают моё сердце, поддерживая свойственное здоровому молодому человеку артериальное давление – 120/80.

Мне не дано знать, когда это произойдёт, но последними моими словами будут: «Люди, я жил для вас! Отечество, я служил тебе верой и правдой, словом и делом!»

Ноябрь 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Работа в обществе «Родина»	3
Первый Международный конгресс адыгов в Нальчике. 1991 год.....	18
Гимн Международной черкесской ассоциации.....	42
Лъэпкъым ухуэлажьэныр – хъуэпсэгъуэщ	45
Министерская «перестройка».....	52
Работа в «Адыгэ Хасэ»	53
Образ жизни	54
Оазис здоровья. <i>Слово о санатории «Голубые ели»</i>	56
Юбилей	63
Браво, «Кабардинка»! <i>Из истории Государственного академи- ческого ансамбля танца «Кабардинка»</i>	80
Гастроли «Кабардинки» в Северной Африке. 1968 год.....	82
«Кабардинка» в странах Латинской Америки. 1974 год	142
Гастроли в 1977 году	286
Турне «Кабардинки» по ГДР	291
Первые гастроли в Иордании. 1981 год	302
Снова в Южной Америке. 1983 год	302
Дни СССР в Иордании. 1985 год.....	303
В Иорданию по приглашению короля Хуссейна. 1996 год.....	306
О друзьях, товарищах, коллегах и родных	356
Исхак Ибрагимович Казаков.....	356
Бетал Хусейнович Тлапшоков.....	359
Михаил Шуевич Мамхегов	360
Альберт Владимирович Урусов.....	363
Муса Ильясович Докшоков	365
Иван Ильич Полищук.....	368
Али Лукович Сасиков	371
Абу Камботович Шогенов.....	372
Александр Дмитриевич Лавров	374
Асланби Нахович Ахохов.....	375
Жамал Жабирович Аттаев.....	380
Заурбек Умарович Шиков.....	382
Мустафа Камалович Абдулаев	384
Владимир Калиметович Тлостанов	386
Барасби Гумарович Тхамоков.....	392

Мухамед Хажретович Хачетлов.....	395
Алексей Озермесович Шомахов	397
Мухамед Мусабиевич Хафицэ	399
Аубекир Джунусович Чофанов	402
Мухамед Хуатович Шериев.....	404
Борис Хаджимурзович Акбашев	406
Лариса Павловна Зиборова.....	409
Зубер Докшукович Кумехов	411
Мухамед Хагуцирович Шекихачев.....	412
Сараби Хажмастафович Мафедзов	417
Ануар Алиевич Кештов.....	421
Хабас Талостанович Келеметов	423
Ханафи Исхакович Хутуев	425
Кашиф Мелович Мамишев.....	427
Жанаканит Жунусович Залиханов.....	431
Мухамед Жамболатович Канлоев.....	433
Халимат Махмудовна Энеева.....	435
Адам Мухамедович Гутов	437
Хамид Гузерович Кармоков.....	439
Борис Беспанович Мазихов	442
Хасан Миседович Тхазеплов.....	444
Мария и Виктор Котляровы.....	447
Инна Иналовна Кашежева.....	450
Билар Емазаевич Кабалоев.....	458
Наши славные женщины.....	468
О моих близких родственниках.....	470
Алекс Габрилес	480
Послесловие.....	489

Литературно-художественное издание

Эфендиев Константин Касимович

ГОДЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В двух томах
Том II

Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректор Н. В. Лысенко
Компьютерная верстка И. А. Зайчуковской

Лицензия № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 14.12.09. Подписано в печать 29.03.10.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Муриад.
Усл. печ. л. 25,83. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-93680-366-6

Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19

Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.ru